RUSSKII VIESTNIK
V. 38, 1862

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ

1862

МАРТЪ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. РУССКІЙ БОГАТЫРСКІЙ ЭПОСЪ. I—III. **О. И. Буслаева.**

II. ГЕОЛОГИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ КАВКАЗА. (Продолженіе). **Г. Е. Щуровскаго.**

III. КОРОННЫЙ МЕЧНИКЪ ЯБЛОНОВСКІЙ. Очеркъ изъ исторіи польскихъ сеймовъ XVII вѣка. **Д. И. Иловайскаго.**

IV. СТРАННИЦЫ. Трагическое изъ русской жизни. **Н. В. Успенскаго.**

V. ВОСПИТАННИЦА САРА. Приключенія, почерпнутыя изъ моря житейскаго. Романъ. Главы I—X. **А. О. Вельтмана.**

VI. СОБЫТІЯ МАРТА 1848 ГОДА ВЪ ПАРИЖѢ. Изъ записокъ. **П. В. Анненкова.**

VII. АНГЛІЙСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА. Статья первая. **Л. О. де-Роберти.**

VIII. ЗАПИСКИ О ВОЛЬНОНАЕМНОМЪ ТРУДѢ. I—IV. **А. А. Фета.**

IX. ПРОШЛОЕ ЛѢТО ВЪ ДЕРЕВНѢ. IV—VII. **С. Безыменнаго.**

X. СОВРЕМЕННАЯ ЗАДАЧА ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИХЪ НАУКЪ. Неизданная лекція парижскаго профессора **Ламе.**

XI. РУССКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА. *О рабочемъ классѣ.* Соч. Тернера. **М. М. Вольскаго.**

XII. НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ПО ПОВОДУ ОДНОГО ИРОНИЧЕСКАГО СЛОВА.

МОСКВА.

Въ типографіи Каткова и К°.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

Digitized by the Internet Archive
in 2024

https://archive.org/details/russkii-viestnik_1862_38

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ

издаваемый

М. Катковымъ.

ТОМЪ ТРИДЦАТЬ-ВОСЬМОЙ.

МОСКВА
Въ типографіи Каткова и К°.
1862.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва 5-го марта 1862 года.

Цензоръ *А. Петровъ*.

Цензоръ *Н. Гиляровъ-Платоновъ*.

РУССКІЙ

БОГАТЫРСКІЙ ЭПОСЪ

Пѣсни, собранныя П. Н. Рыбниковымъ. Часть 1. Народныя былины, старины и побывальщины. Москва, 1861 г., въ 8 д.

Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ. Изданы Обществомъ Любителей Россійской Словесности. Два выпуска. Москва, 1860—1861 г. въ 8 д.

Литература, служа выраженіемъ жизни народа, имѣетъ большее или меньшее значеніе по народу которому принадлежитъ, то-есть чѣмъ образованнѣе народъ, чѣмъ важнѣе его нравственное вліяніе на исторію человѣка, тѣмъ значительнѣе его литература. Потому литература классическихъ народовъ, Грековъ и Римлянъ, стала общимъ достояніемъ всего образованнаго міра. Въ такихъ литературахъ національные интересы до того тѣсно связаны съ общечеловѣческими, что составляютъ почти нераздѣльное цѣлое. Національныя идеи и образы, переданные Грекомъ въ Иліадѣ, были для всѣхъ европейскихъ странъ обязательнымъ предметомъ общечеловѣческаго образованія.

Счастливъ тотъ народъ, который въ національныхъ основахъ своей литературы, вмѣстѣ съ любовію къ родинѣ, можетъ воспитывать въ себѣ всѣ высшія, общечеловѣче-

скія стремленія; народъ, который, раскрывая свою національность, двигаетъ впередъ исторію человѣчества, и въ произведеніяхъ своихъ писателей съ гордостью указываетъ на высшую степень умственнаго и литературнаго развитія, какой только могъ достигнуть человѣческій разумъ въ ту или другую эпоху исторіи цивилизаціи. Послѣ классическихъ народовъ, эта счастливая доля доставалась, въ разныя времена, другимъ европейскимъ странамъ, поочередно, то нѣмецкимъ племенамъ, въ блистательномъ развитіи безыскуственнаго средневѣковаго эпоса, то Италіянцамъ и Испанцамъ въ художественномъ возсозданіи разныхъ средневѣковыхъ источниковъ письменной словесности, то Французамъ и Англичанамъ. И всякій разъ какъ заявляла та или другая нація свое умственное и литературное господство надъ прочими, ея писатели, ни сколько не теряя національнаго, мѣстнаго колорита, были для всей Европы представителями общечеловѣческаго образованія. Какъ въ первобытную эпоху броженія европейскихъ племенъ, скандинавскій и вообще нѣмецкій эпосъ служитъ для историка литературы мѣриломъ высшаго литературнаго развитія обновлявшейся тогда Европы, такъ потомъ искусственная поэзія трубадуровъ и труверовъ, возникшая на романской почвѣ, въ разныхъ странахъ, согласно мѣстнымъ условіямъ, достигала полнѣйшаго, по своему времени умственнаго и нравственнаго сознанія, то въ поэмѣ Данта, то во французскомъ романѣ *о Розѣ* то въ повѣстяхъ Чаусера. Латинскій языкъ, принятый повсюду въ западныхъ странахъ, обобщалъ между ними идеи и сближалъ другъ съ другомъ народности, уже и безъ того тѣсно связанныя между собою интересами политическими и церковными. Какъ скоро возникало что̀ замѣчательное въ одной изъ литературъ, тотчасъ же переводилось на другіе языки или передѣлывалось въ мастерскихъ подражаніяхъ. Такъ одинъ нѣмецкій священникъ переложилъ въ стихахъ французскую поэму объ Александрѣ Великомъ, Чаусеръ перевелъ французскій романъ *о Розѣ* и многія изъ своихъ повѣстей заимствовалъ у труверовъ [1], а во Франціи сначала подражали Итальянцамъ, напримѣръ,

[1] См. Sandras, *Etude sur G. Chaucer considéré comme imitateur des trouvères*. Paris. 1859.

въ *Сотнѣ Новыхъ Новеллъ*, въ *Гептамеронѣ*, потомъ Испанцамъ. Взаимность умственныхъ интересовъ вызывала на соревнованіе, и время отъ времени выдвигалась на первый планъ въ исторіи европейской цивилизаціи то одна, то другая литература. Такія произведенія, какъ романсы о Сидѣ, *Декамеронъ* Боккачіо, *Донъ-Кихотъ* Сервантеса, были не просто образцики разныхъ національностей, но послѣдовательныя ступени общечеловѣческаго развитія въ его литературномъ выраженіи; и чѣмъ сильнѣе отпечатлѣвались въ такихъ произведеніяхъ мѣстныя особенности, тѣмъ бо́льшія права заявляла національность на свое всемірное значеніе. Слѣдовательно, національность не только не противополагала себя общечеловѣческому, но съ нимъ совпадала, служа ему извѣстною степенью на пути прогресса.

Нельзя того же сказать о племенахъ славянскихъ, не исключая и нашего отечества. Тихо и скромно шествуя въ концѣ общеевропейскаго движенія, славянскія племена никогда не были на столько сильны въ своей политической и нравственной жизни, чтобы могли наложить печать своего умственнаго авторитета на прочія европейскія націи. Литература русская, какъ и прочихъ нарѣчій, принадлежитъ къ тѣмъ скромнымъ явленіямъ, въ которыхъ національное еще не дошло до общечеловѣческаго, не могло еще стать обязательною нравственною силою, передъ которою преклонились бы прочіе образованные народы.

Только та національность полагаетъ прочныя для литературы основы, которая совпадаетъ въ своемъ развитіи съ исторіей цивилизаціи. Нѣмецкій народный эпосъ еще въ времена до-историческія пустилъ глубокіе корни въ сказаніяхъ и преданіяхъ не только нѣмецкихъ племенъ, но и романскихъ, какъ это явствуетъ въ поэмахъ о Карлѣ Великомъ и въ повѣстяхъ труверовъ. Темныя, до-историческія преданія кельтскаго эпоса оставили по себѣ слѣды въ поэмахъ изъ цикла Артурова, въ безыскусственныхъ народныхъ разказахъ и искусственныхъ стихотворныхъ повѣстяхъ. На эпической основѣ родныхъ преданій нечувствительно стала возникать искусственность, въ связи съ просвѣщеніемъ, такъ рано начавшимъ распространяться изъ монастырскихъ стѣнъ по феодальнымъ замкамъ и городскимъ рынкамъ. Уже въ X вѣкѣ, въ то время какъ благочестивая монахиня Гротсвита сокращала свои келейные

досуги сочиненіемъ латинскихъ драмъ по образцу Теренція, какой-то санъ-галльскій монахъ переложилъ въ латинскіе стихи одинъ изъ эпизодовъ народнаго нѣмецкаго эпоса о Вальтерѣ Аквитанскомъ. Неизвѣстный испанскій авторъ XII вѣка уже на столько былъ искусенъ въ литературѣ, что умѣлъ передѣлать на испанскомъ языкѣ въ искусственные стихи народныя пѣсни о Сидѣ. Въ этой передѣлкѣ уже замѣчаются слѣды французскаго вліянія. [1] Пѣвцы, скоморохи и разкащики, упражнявшіе свое искусство передъ грубыми баронами, исторически, послѣдовательно переносили поэтическое творчество отъ его народныхъ, эпическихъ начатковъ въ высшую, болѣе просвѣщенную сферу. Какъ въ скандинавской литературѣ, уже въ XIII вѣкѣ, къ эпическому матеріялу миѳологическихъ преданій присоединилось руководство къ искусственной поэзіи въ такъ-называемой *Новой Эддѣ* Снорра Стурлесона; такъ и поэты романскихъ племенъ подчинили свое воображеніе риторикѣ и піитикѣ, въ руководствахъ извѣстныхъ подъ именемъ *Веселой Науки (Gay Saber)*, которая вполнѣ соотвѣтствуетъ скандинавской *Скальдѣ*, такому же піитическому руководству.

Искусственный стиль поэзіи не только не могъ заглушить національныхъ преданій, но даже способствовалъ ихъ сохраненію для будущихъ вѣковъ, перенося въ область литературы то что, оставаясь между безграмотными, могло бы навсегда погибнуть, не закрѣпленное искусственнымъ стихомъ и письменами, могло бы исказиться, будучи случайно передаваемо изъ устъ въ уста. Потому, не смотря на быстрые успѣхи въ развитіи искусственныхъ литературныхъ формъ, древнѣйшія преданія нѣмецкаго эпоса о Зигфридѣ, Этцелѣ, Дитрихѣ, тянутся въ нѣмецкой литературѣ безпрерывно до самаго XVI вѣка: [2] такъ что литература нѣмецкая проникнута была силой и свѣжестью національнаго эпоса даже въ ту эпоху, когда реформа Лютерова открывала новые пути въ исторіи цивилизаціи всей Европы.

---

[1] Damas Hinard, *Poëme du Cid*. Paris. 1858. Въ 4 д. Стр. XXXIV и слѣд.

[2] См. Вильг. Гримма *Die deutsche Heldensage* 1829 г., гдѣ собраны по этому предмету свидѣтельства и указаны источники на разстояніи цѣлаго тысячелѣтія отъ половины VI до XVI вѣка включительно.

До какой степени дороги были произведенія народнаго, безыскусственнаго слова для испанской литературы даже въ XV вѣкѣ, въ эпоху, когда стала она развивать въ себѣ элементы для самой цивилизованной, искусственной дѣятельности,—можно судить изъ того, что одинъ изъ знаменитыхъ писателей того вѣка, принадлежавшій къ высшей аристократіи, маркизъ Сантиллана, по желанію самого короля, донъ-Хуана II, собралъ народныя пословицы и составилъ изъ нихъ назидательную книгу, по примѣру притчей Соломоновыхъ, для чтенія наслѣднику престола, донъ-Энрику Кастильскому. Это собраніе пословицъ, по числу стиховъ, было названо *Сто Изреченій* (Centiloquio), и уже въ 1496 г. было напечатано. Въ слѣдующемъ, XVI столѣтіи, оно издавалось разъ девять или десять; такъ что созданіе простонароднаго мужицкаго типа, пошлаго, но изрекающаго мудрость въ пословицахъ, въ лицѣ Санчо-Пансы, не было внесеніемъ въ литературу забытыхъ, свѣжихъ элементовъ народности, а художественнымъ воспроизведеніемъ того что̀ уже пустило глубокіе корни въ искусственной, цивилизованной литературѣ.

Напротивъ того, на Руси искусственная литература и народный эпосъ уже съ древнѣйшихъ временъ рѣзко отдѣлились другъ отъ друга, вслѣдствіе бѣднаго и крайне односторонняго, клерикальнаго направленія нашей письменности. Въ XVI, и особенно въ XVII вѣкѣ, народный русскій эпосъ сталъ было заявлять нѣкоторыя права на вліяніе въ искусственной литературѣ, но не успѣлъ ее освѣжить; а внезапный разрывъ Петровской Руси съ національною стариною совсѣмъ уже отрѣзалъ новѣйшую нашу литературу отъ эпическихъ основъ русской національности.

Такимъ образомъ, на Руси совершалось то, чего не бывало ни въ одной изъ цивилизованныхъ европейскихъ странъ, явилась свѣтская литература, созданная изъ случайныхъ, кое-какъ и отовсюду нахватанныхъ, чуждыхъ намъ элементовъ. Русская народность стала не основою для этой колонизованной на Руси литературы, а мишенью, въ которую отъ времени до времени она направляла свои сатирическіе выстрѣлы, какъ въ дикое невѣжество, которое надобно искоренить въ концѣ. Было бы крайнею несправедливостью обвинять нашихъ писателей послѣднихъ ста лѣтъ въ ихъ анти-національномъ направленіи: они

сознательно и честно поддерживали его, будучи поставлены насильственною реформой въ ложное и одностороннее отношеніе къ своей народности. Итакъ, не смотря на видимое присутствіе цивилизованныхъ, европейскихъ элементовъ въ нашей новой литературѣ, она представляетъ собою явленіе чудовищное, въ цивилизованныхъ странахъ не бывалое, потому что состоитъ не въ симпатическихъ, а во враждебныхъ отношеніяхъ къ народности, какъ пришлый завоеватель, который силою покоряетъ себѣ туземныя массы, какъ эгоистическій плантаторъ, который, игнорируя нравы и убѣжденія своихъ невольниковъ, позолачиваетъ ихъ цѣпи лоскомъ европейскаго комфорта.

Но если русская цивилизованная современность, по своему происхожденію и составу, такъ чужда народности, то почему же она въ теоріи противорѣчитъ самой себѣ, и стремится къ національнымъ идеямъ, то въ уваженіи къ свободѣ человѣческаго духа въ простомъ мужикѣ, то въ сентиментальномъ поклоненіи мірской сходкѣ, то въ заявленіи претензій на ученую и поэтическую разработку русской народности и старины? Неужели это такая же мода на народность, занесенная къ намъ съ Запада, какъ заносилась мода на классицизмъ, сентиментальность, романтизмъ, гегелизмъ, и на другія направленія, сознательно и исторически возникавшія на Западѣ, и случайно, кое-какъ принимавшіяся у насъ на грубой, не приготовленной къ тому почвѣ?

И дѣйствительно, все что̀ ни бралось къ намъ съ Запада, было только временною модою, досужимъ препровожденіемъ времени, мало оставлявшимъ по себѣ существенной пользы. Все это скользило только по поверхности русской жизни, не спускаясь въ глубину ея историческаго и бытоваго броженья. Говорятъ, будто бы когда-то у насъ процвѣталъ классицизмъ. И точно, любили и на Руси отъ нечего-дѣлать помечтать о Грекахъ и Римлянахъ, даже писались классическія оды во вкусѣ Пиндара, Анакреона и Горація, представлялись на театрѣ тяжеловѣсныя трагедіи въ родѣ Еврипидовыхъ и Сенекиныхъ. Но вошло ли въ русскую цивилизацію классическое образованіе? Постигло ли русское цивилизованное общество потребность въ изученіи греческихъ и латинскихъ классиковъ? Принесла ли за собою у насъ мода на классицизмъ массу переводовъ съ

греческаго и латинскаго языковъ, переводовъ художественныхъ, въ стихахъ и прозѣ, которые распространили бы между грамотнымъ людомъ идеи классической древности? Правда, были кабинетные любители и знатоки, но они составляли исключеніе, и работали больше для себя чѣмъ для публики, какъ Гнѣдичъ, котораго Иліада никогда не пользовалась популярностію, хотя и признавалась за трудъ почтенный, но не соотвѣтствовала общей потребности, и уже самымъ языкомъ своимъ, отзывающимся выспреннею рѣчью Часослова, отталкивала отъ себя читателей. Одиссея Жуковскаго ни на волосъ не прибавитъ уваженія къ нашему классическому образованію, даже скорѣе представитъ намъ печальный результатъ понапрасну возникавшихъ въ нашемъ отечествѣ хлопотъ о классическомъ ученьѣ. Задумавъ дать русской публикѣ въ переводѣ одно изъ самыхъ благоуханныхъ произведеній греческой народной поэзіи, Жуковскій съ такимъ презрѣніемъ отнесся къ классическому обученію на Руси, что не вмѣнилъ себѣ въ обязанность выучиться по-гречески, и не призналъ необходимымъ изъ самаго подлинника почерпать свое вдохновеніе. Нѣкоторый ученый Нѣмецъ перевелъ ему греческій подлинникъ слово въ слово на нѣмецкій языкъ, и изъ этого надстрочнаго перевода, самаго безобразнаго и чудовищнаго, Жуковскій извлекалъ красоты первобытной, наивной поэзіи гомерической. Понятно, слѣдовательно, почему его Одиссея оказалась чужда античной жизни и вылилась въ изношенномъ слогѣ *Сѣверной Пчелы* временъ Булгарина и Греча.

Жалкому состоянію литературы, въ отношеніи къ классицизму, соотвѣтствовала и вялая, болѣзненная прививка классическаго ученья въ школахъ, которое до сихъ поръ даетъ одинъ только пустоцвѣтъ. Отношеніе классической древности къ народному просвѣщенію до того было наивно, что учившійся въ гимназіи греческому языку для вящаго поощренія награждался офицерскимъ чиномъ. Но даже чинолюбіе, вкоренявшееся въ русскомъ людѣ со временъ татарскихъ баскаковъ, не приводило къ желаннымъ результатамъ, и въ послѣднія пятнадцать лѣтъ наши школы представляли не бывалое въ образованномъ мірѣ, какое-то первобытное, хаотическое броженіе въ произвольной перестановкѣ учебныхъ предметовъ, клонившееся къ окончатель-

ному паденію на Руси только что еще начинавшагося классическаго образованія. Въ обществѣ, не видавшемъ плодовъ этого образованія, и слѣдовательно не успѣвшемъ и оцѣнить его, тѣмъ скорѣе могло совершиться это паденіе, что на латынь издавна смотрѣли у насъ какъ во времена князя Владиміра Святаго смотрѣли вообще на книжное ученіе, и отдавая своихъ дѣтей въ школу, плакали по нихъ, будто заживо хоронили. Впрочемъ, это застарѣлое отвращеніе отъ серіозныхъ занятій, объясняемое въ лѣтописяхъ языческимъ невѣжествомъ, современная филантропія извиняетъ практическимъ направленіемъ, для котораго классицизмъ и всякое теоретическое ученіе будетъ только ржавымъ тормазомъ.

Также безплодны были для литературы и для жизни и другія направленія, вывозимыя къ намъ съ Запада вмѣстѣ съ модами. Въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія была мода на философію, шедшая объ руку съ такъ-называемымъ романтизмомъ. Казалось бы, что въ странѣ мало населенной, бѣдной очертаніями природы и воспоминаніями старины, въ странѣ, въ которой никогда не процвѣтали ни живопись, ни скульптура, ни народная драма, въ странѣ, цинически относившейся къ красотамъ внѣшней формы, должна бы преобладать наклонность къ созерцательному препровожденію времени въ туманной области философскихъ отвлеченій, особенно преобладать въ умахъ смѣлыхъ реформаторовъ, которые, игнорируя русскую жизнь и народныя потребности, могли бы теоретически строить воздушныя утопіи и писать свои реформы на чистомъ листѣ народной жизни, будто бы, кромѣ не нужнаго хлама, ничего не вынесшей изъ своей исторіи. И точно, были на Руси послѣдователи Канта и Фихте, особенно славились гегелисты; но въ университетахъ философія не прививалась, и, будто какой призракъ, то являлась на каѳедрѣ, то исчезала, и наконецъ таинственно скрылась въ мерцаніи схоластики: такъ что, когда въ настоящее время вновь узаконили философію въ составѣ университетскаго образованія, университеты оказались вполнѣ несостоятельны въ философскихъ преданіяхъ, и пришли въ небывалое затрудненіе, откуда взять русскихъ философовъ на открывшіяся каѳедры.

То же самое должно сказать и о народности. Идея о ней

послѣдовательно, исторически развилась и образовалась на Западѣ, особенно въ Германіи, на основѣ такъ-называемаго романтизма, выдвинувшаго на общее вниманіе средневѣковую старину.

Направленіе это пришлось по сердцу славянскимъ племенамъ, особенно тѣмъ, которыя теряли свою національную самостоятельность подъ господствомъ нѣмецкимъ. Въ тридцатыхъ годахъ, особенно между Чехами, было возбуждено восторженное стремленіе къ изученію славянской народности. Во главѣ даровитыхъ и трудолюбивыхъ дѣятелей явился Шафарикъ, который далъ Славянамъ славянскую этнографію съ картою, побуждаемый политическою цѣлью показать всѣмъ родственнымъ племенамъ ихъ единство и сосѣдственное размѣщеніе, кое-гдѣ прерываемое черезполосными владѣніями Нѣмцевъ и другихъ чужаковъ. Сверхъ того, Шафарикъ далъ Славянамъ *Славянскія Древности*, въ которыхъ доказываетъ глубокую давность этихъ племенъ въ Европѣ и равныя съ Нѣмцами права ихъ на историческія судьбы Европы. Ученымъ изысканіямъ давали сильный толчокъ политическія идеи о возможной независимости Славянъ отъ чуждаго преобладанія. Многіе славянисты единственно только въ этихъ идеяхъ и почерпали себѣ вдохновеніе и силу для ученыхъ трудовъ. Теперь уже сама исторія доказала, что эти идеи не привели къ желаннымъ результатамъ, и славянскій энтузіазмъ въ разрабатываніи народности и старины не проявляется уже въ такой юношеской свѣжести и бодрости.

Западное ученіе о народности отразилось на Руси сначала въ такъ-называемомъ славянофильствѣ, которое, прилагая уже готовую чешскую программу къ чужеземной обстановкѣ русской жизни, съ ненавистію отнеслось ко всему нѣмецкому, предало Европу проклятію, открывая въ ней предсмертные симптомы конечнаго распаденія и тлѣнія, и съ юношескимъ увлеченіемъ облеклось въ мужицкій кафтанъ и мурмолку, предавъ себя разнымъ аскетическимъ подвигамъ по примѣру благочестивыхъ предковъ временъ Іоанна Грознаго.

Мы живемъ и дѣйствуемъ въ эпоху, когда уваженіе къ человѣческому достоинству вообще, независимо отъ сословныхъ и іерархическихъ преданій, даетъ новое направленіе и политикѣ, и философіи, и легкой литературѣ, на-

правленіе, опредѣляемое національными и вообще этнографическими условіями страны. Филантропическія, коммунистическія и всякія другія утопіи наконецъ потеряли для основательно-мыслящихъ умовъ всякое реальное значеніе, въ виду высокихъ, истинно человѣколюбивыхъ цѣлій, направленныхъ къ умственному и матеріяльному благоденствію народныхъ массъ. Для однихъ дѣятелей, это необъятное поприще теоретическихъ изслѣдованій по народности, въ самомъ обширномъ ея значеніи, начиная отъ миѳологіи и религіи до мельчайшихъ условій быта семейнаго и домашняго; для другихъ—такое же широкое поприще практическихъ начинаній на пользу всѣмъ и каждому. Какъ бы различны ни казались съ перваго взгляда эти стремленія теоретиковъ и практиковъ, но въ существѣ своемъ они идутъ по одному направленію и ведутъ къ одной и той же цѣли, къ подчиненію эгоистической личности насущнымъ интересамъ народа, не только матеріяльнымъ, но и особенно духовнымъ. Заботливое собираніе и теоретическое изученіе народныхъ преданій, пѣсенъ, пословицъ, легендъ, не есть явленіе изолированнее отъ разнообразныхъ идей политическихъ и вообще практическихъ нашего времени: это одинъ изъ моментовъ той же дружной дѣятельности, которая освобождаетъ рабовъ отъ крѣпостнаго ярма, отнимаетъ у монополіи права обогащаться на счетъ бѣдствующихъ массъ, ниспровергаетъ застарѣлыя касты, и, распространяя повсемѣстно грамотность, отбираетъ у нихъ вѣковыя привилегіи на исключительную образованность, ведущую свое начало чуть ли не отъ миѳическихъ жрецовъ, хранившихъ подъ спудомъ свою таинственную премудрость для острастки профановъ.

Вращаясь въ водоворотѣ современныхъ вопросовъ, опредѣляемыхъ народностью, развлекая свое вниманіе иногда обыденною мелочью, и такимъ образомъ теряя нить ведущую къ главной и единственной цѣли, едва ли кто можетъ указать, какіе результаты приноситъ и какіе можетъ современемъ принести у насъ на Руси это народное направленіе. Теперь можно, кажется, сказать только то, что, привыкши хватать западныя идеи наобумъ, и опрометчиво торопясь прикладывать ихъ какъ ни попало къ практикѣ, не переведши ихъ для себя въ сознательное, честное убѣжденіе, мы усвоиваемъ себѣ и это народное направленіе

такъ же легкомысленно и поверхностно, какъ усвоивали прежде классицизмъ, романтизмъ и разныя философскія ученія. Чтобы честно и искренно посвящать себя на служеніе народу, надобно искренно любить его, и для того нужно коротко его знать: а между нѣмецкою образованностью Петровской Руси и простымъ народомъ, въ теченіе послѣднихъ полутораста лѣтъ, раскрылась такая глубокая трещина, которую не замажешь въ какіе-нибудь десятки годовъ сентиментальнымъ піэтетомъ къ народности, теоретически перенятымъ у другихъ, и размѣненнымъ на мелочь ради минутныхъ эгоистическихъ цѣлей той же образованной монополіи, противъ которой должно бы бороться это новое направленіе. Потому надобно опасаться, чтобы наша нѣмецкая образованность, вооруженная чиномъ и другими привилегіями, не отнеслась къ народности какъ къ выгодной добычѣ, и чтобъ изъ вопроса о нравственномъ и матеріяльномъ благосостояніи народныхъ массъ не сдѣлала для себя ловкой спекуляціи. По крайней мѣрѣ въ дѣлѣ просвѣщенія народа грамотностію нельзя не заподозрить корыстныхъ цѣлей со стороны просвѣтителей. Просвѣщеніе есть великое благо для народа. Кто первый и кто лучше, или по крайней мѣрѣ скорѣе, обучитъ простонародье грамотности, тому будетъ оно обязано благодарностью, и съ тѣмъ войдетъ оно въ болѣе искреннія, симпатическія отношенія. Эту практику знаютъ отлично русскіе раскольники и сектанты, и до сихъ поръ успѣшнѣе православнаго духовенства ею пользовались. Теперь и духовенство взялось за умъ, и, желая усвоить себѣ ту же ревность пропаганды, думаетъ попробовать свои силы на невоздѣланной почвѣ простонароднаго невѣжества. Добыча готова, но кому она достанется въ жертву—вотъ вопросъ, который не рѣшится безъ борьбы эгоистическихъ побужденій. Духовенству или свѣтскимъ людямъ будетъ обязано простонародье своею грамотностію? Дворянство ли, лишившись нѣкоторыхъ правъ матеріяльнаго преобладанія надъ русскимъ невѣжествомъ, возьметъ теперь его подъ свою умственную и нравственную опеку, или безпомѣстные авантюристы, вмѣсто рудниковъ Калифорніи, будутъ пробовать свое счастіе, производя педагогическіе опыты надъ своею меньшею братіей, и, какъ новые посланники свыше,

будутъ своими грамотными мрежами уловлять добычу въ мутной водѣ невѣжества?

Впрочемъ, не отказывая инымъ просвѣтителямъ полуязыческаго простонародія въ совершенно безкорыстныхъ, честныхъ стремленіяхъ, все же для характеристики вопроса о народномъ направленіи образованныхъ умовъ на Руси не подлежитъ сомнѣнію, что они на первыхъ же порахъ относятся къ своей простонародной братіи вовсе не по-братски, а свысока, и не хотятъ къ ней снизойдти, и чѣмъ-нибудь отъ нея позаимствоваться, въ полной увѣренности, что всѣ народныя преданія и обычаи, вся застарѣлая народность — хламъ, который слѣдуетъ выбросить за окно. Но если просвѣтителямъ такъ противна русская народность, то могутъ ли они симпатично предлагать свои цивилизованныя услуги тѣмъ, кто въ теченіе вѣковъ и доселѣ свято хранитъ въ себѣ весь этотъ не нужный и противный хламъ, полагая въ немъ всю свою нравственную характеристику? Можно ли между такими учителями и такою школой допустить взаимное уваженіе, довѣріе и любовь, эти необходимыя условія всякаго правильнаго воспитанія?

Итакъ, кажется, съ достовѣрностью можно опредѣлить вопросъ о русской народности въ его современномъ состояніи такимъ образомъ: это не болѣе какъ распространеніе западныхъ идей и цивилизованныхъ удобствъ въ народныхъ массахъ. Русская народность, слѣдовательно, играетъ въ этомъ вопросѣ роль страдательную. Надобно избавить русскаго мужика отъ его убѣжденій, обычаевъ и привычекъ, надобно спасти его отъ темныхъ наваждений старины, и помощію грамотности отрѣшить его отъ всѣхъ основъ его національности, чтобы сдѣлать изъ него человѣка вообще, свѣжаго и чистаго отъ предразсудковъ космополита, и потомъ дать ему новую жизнь, умственную, нравственную, политическую, религіозную.

Самая главная и существенная причина, почему на Руси плохо прививаются и едва ли скоро привьются, какъ слѣдуетъ, идеи о народности, состоитъ въ самой жизни русской, въ историческихъ и этнографическихъ условіяхъ нашего отечества. Понятно и совершенно законно у цивилизованныхъ народовъ западной Европы разумное стремленіе къ

уясненію себѣ всѣхъ сокровищъ своей жизни, потому что ихъ отдѣльныя народности вели Европу по ступенямъ умственнаго и литературнаго развитія. Народность Француза или Англичанина обязательна не для Франціи или Англіи только, но и для всякаго образованнаго человѣка, къ какой бы націи онъ ни принадлежалъ. Напротивъ того, народы далеко отставшіе отъ другихъ въ цивилизаціи, но усердно за нею стремящіеся, до тѣхъ поръ будутъ отодвигать свою народность на задній планъ, пока не усвоятъ себѣ всего полезнаго и необходимаго что сдѣлано уже цивилизованными націями. Безсмысленно предполагать, чтобы Татаринъ или Мордвинъ до того возгордились удобствами своей жалкой народности, что отказались бы отъ очевидныхъ выгодъ какого-нибудь заморскаго изобрѣтенія, приносящаго имъ очевидный барышъ. Конечно, легко какому-нибудь чтителю Востока, сидя въ дружескомъ кружкѣ, мечтать о чистотѣ и глубинѣ русскаго духа, и о колоссальномъ величіи нравственныхъ силъ русскаго мужика; понятно также, почему и кабинетный ученый, изслѣдователь русской литературы и исторіи, можетъ усердно хлопотать о рѣшеніи разныхъ вопросовъ по русской народности и старинѣ; но въ самой жизни, на практикѣ, волею или неволею, западное направленіе беретъ перевѣсъ. И русскій промышленникъ, хотя бы вчера изъ мужиковъ, едва умѣя читать, хочетъ улучшить свои промыслы по западнымъ образцамъ; и русскій купецъ, иногда мало отходящій своимъ образованіемъ отъ мужика, мечтаетъ устроить свою торговлю на европейскій ладъ, если найдетъ въ томъ свои барыши; и русскій семинаристъ, готовя себя къ клерикальной карьерѣ, тихонько отъ наставниковъ спѣшитъ освѣжить свою забитую голову какою-нибудь новенькою книжицею съ западными соблазнами; и Русскій политикъ въ своихъ глубокомысленныхъ соображеніяхъ лелѣетъ смѣлые планы для преобразованія своего отечества на манеръ Англіи или Франціи; даже безусловный поклонникъ русской народности хвалится тѣмъ, что онъ любитъ свое родное такъ же искренно и сознательно, какъ Англичанинъ или Нѣмецъ.

Правда, что просвѣщенное вниманіе европейскихъ странъ къ своей народности отразилось и у насъ въ послѣднее

время усерднымъ собираніемъ и изданіемъ пѣсень, поговорокъ, сказокъ и другихъ памятниковъ русской жизни. Наша ученая литература осталась и здѣсь вѣрна своему призванію — слѣдовать за интересами возникающими въ образованной Европѣ. Но, говоря откровенно, возможно ли предполагать неподдѣльный, искренній восторгъ въ нашей такъ-называемой образованной публикѣ, при чтеніи какой нибудь изъ народныхъ пѣсень въ превосходномъ сборникѣ г. Рыбникова, означенномъ въ заглавіи этой статьи? Сталъ ли этотъ сборникъ настольною, любимою книгой всякаго образованнаго человѣка, или вошелъ въ скромную библіотеку ученаго спеціалиста и литератора по профессіи? Въ „замѣткѣ“, присовокупленной неизвѣстнымъ лицомъ въ концѣ этого сборника, между прочимъ сказано: „Во всякой литературѣ, сколько-нибудь сочувственной живому, не поддѣльному творчеству народа, появленіе сборниковъ, подобныхъ изданному нынѣ, составляетъ обыкновенно эпоху. Такъ было и у насъ послѣ отпечатанныхъ Калайдовичемъ *Древнихъ Россійскихъ Стихотвореній:* надѣемся и теперь на то же.“ Напрасныя надежды! И сборникъ Калайдовича не произвелъ на Руси эпохи, а только внесъ новое и богатое содержаніе въ исторію народной словесности, образцы которой критикою сороковыхъ годовъ были признаны за безобразныя и безсмысленныя порожденія русскаго доморощеннаго невѣжества. Сборникъ г. Рыбникова, дѣйствительно, составляетъ эпоху, — только не для общаго сознанія и интереса образованной публики, а для тѣхъ немногихъ спеціалистовъ, которые посвящаютъ себя изученію русской народности; потому что русская народность есть точно такая же на Руси спеціальность, какъ санскритскій языкъ или греческія древности. А между тѣмъ многія изъ пѣсень, изданныхъ г. Рыбниковымъ, такъ прекрасны, что самъ Пушкинъ преклонился бы передъ высоко-наивною и классическою граціей, которую въ нихъ вдохнула простонародная фантазія. А между тѣмъ эти прекрасныя пѣсни доселѣ оглашаютъ русскую землю по всѣмъ концамъ ея, воспѣвая миѳическихъ богатырей и историческихъ героевъ нашего отечества; и внимательному, просвѣщенному слуху могли бы эти вѣковыя пѣсни такъ много внушить, могли бы пробудить въ умѣ столько полезныхъ идей, а въ сердцѣ столько любви къ родной землѣ, и осо-

бенно въ такую эпоху, когда коренное преобразованіе быта народнаго на нашихъ глазахъ полагаетъ новыя основы для будущихъ успѣховъ русской цивилизаціи! Но для того чтобы свободно и разумно предаться наивнымъ интересамъ народнаго быта, и безъ пристрастія, но съ должнымъ уваженіемъ, внести ихъ въ кругъ своихъ просвѣщенныхъ интересовъ, публика должна быть столько тверда и увѣрена въ своемъ образованіи, чтобъ не бояться компрометировать свою барскую чопорность мужицкими словами и понятіями, какъ этого не боится публика финляндская, искренно благоговѣющая передъ національными пѣснями своей *Калевалы*, или публика нѣмецкая, покровительствующая распространенію въ школьномъ обученіи народнаго эпоса и даже миѳической старины нѣмецкихъ племенъ, не имѣя никакихъ поводовъ заподазривать въ отсталости тѣхъ спеціалистовъ, которые заявляютъ права нѣмецкой старины въ современной образованности [1].

Но на Руси такого безпристрастнаго и спокойнаго отношенія къ своей старинѣ и народности нельзя ожидать не только отъ образованной толпы, даже отъ литераторовъ и ученыхъ. Періодъ антинаціональнаго преобладанія, начавшійся монгольскимъ игомъ и скрѣпленный въ XV и XVI вѣкахъ московскою политикой, и доселѣ еще не завершилъ круга своей дѣятельности. Надобно отдать полную справедливость политическому такту тѣхъ историковъ, которые, выбрасывая изъ русской исторіи татарскій періодъ, находятъ его результаты въ Московскомъ княжествѣ XV вѣка. Дѣйствительно, оба эти явленія совпадаютъ, точно такъ же какъ и подчиненіе русской національности нравственнымъ матеріальнымъ силамъ Запада со временъ Петра Великаго въ сущности, для сознанія народныхъ массъ, есть не что иное какъ только перенесеніе Золотой Орды временъ татарщины куда-то за

[1] Приватъ-доцентъ Берлинскаго университета, Маннгардтъ, извѣстный спеціальными изслѣдованіями по нѣмецкой миѳологіи, въ своемъ популярномъ сочиненіи, изданномъ въ 1860 г., подъ названіемъ *Die Götterwelt der deutsch. u. nordisch. Völker*, указывая слѣды миѳологіи въ суевѣріяхъ, доселѣ господствующихъ въ быту нѣмецкаго народа, тѣмъ не менѣе, съ полнымъ уваженіемъ къ нѣмецкой старинѣ, вводитъ ее въ кругъ народнаго образованія, какъ существенный элементъ въ развитіи самопознанія и патріотизма.

море, откуда и доселѣ не перестаетъ русскій людъ чаять себѣ суда и порядка. Согласно этимъ вѣковымъ преданіямъ русской исторіи, и въ настоящее время образованный человѣкъ, литераторъ или ученый, относится къ русской народности какъ пришлый Варягъ къ Кривичамъ и Чуди, или какъ миссіонеръ къ толпѣ дикарей, которыхъ желаетъ обратить въ крещеную вѣру. Слѣдовательно, русская народность и старина съ этой точки зрѣнія представляются только жалкимъ собраніемъ темныхъ предразсудковъ и суевѣрій, которыя должно только обличать, а не изслѣдовать ученымъ порядкомъ. Но для кого же ихъ обличать и съ какою цѣлію, когда простой народъ, хранитель этихъ предразсудковъ и суевѣрій, вовсе не знаетъ и существованія тѣхъ журналовъ и книгъ, въ которыхъ помѣщаются обличенія его невѣжества или ученые о немъ трактаты? Не значитъ ли донкихотствовать—сражаться съ суевѣріями и предразсудками простаго народа передъ публикою, которая давнымъ-давно уже имъ не вѣритъ? И не смѣшно ли такъ много заботиться о простомъ народѣ на словахъ, когда онъ самъ идетъ своею дорогой, и вовсе не хочетъ знать ни нашихъ обличеній, ни защитъ? И неужели не можетъ идти рука объ руку просвѣщеніе народа съ грамотностію и полезными свѣдѣніями, — и спокойное, чуждое всякихъ практическихъ тенденцій изученіе его старины, которая, конечно не чужда суевѣрій, какъ и старина и народность всѣхъ западныхъ странъ? Неужели вся исторія русской литературы, чуть ли не до нашихъ временъ, должна состоять только въ обличеніи невѣжества, суевѣрій и предразсудковъ? И зачѣмъ такъ рьяно бросаться съ обличеніями на то, что̀ уже и само собою, будучи показано съ настоящей точки зрѣнія, краснорѣчиво говоритъ за себя? Исходъ, какой получаетъ на Руси народное направленіе, кажется, объясняется *обличительнымъ* характеромъ современной журналистики и легкой литературы. Обличать въ тысячу разъ легче нежели изучать. Какъ мы кончили съ византійскимъ направленіемъ нашей старины? Вмѣсто того чтобъ изслѣдовать всѣ нити, связывающія нашу древнюю литературу съ византійскимъ востокомъ и латинскимъ западомъ, мы рѣшили дѣло свысока, какъ во время оно татарскіе баскаки рѣшали тяжбы между русскими властями, и какъ потомъ рѣшали судъ и расправу московскіе воеводы. Сказано,

что вся византійщина — гниль и тлѣнъ, и это рѣшеніе сдано въ архивъ россійскаго просвѣщенія, прежде нежели на Руси выучились, какъ слѣдуетъ, греческой азбукѣ. Хотите ли вы серіозно изучать памятники русской архитектуры или иконописи, — тотчасъ возбуждаете подозрѣніе въ преступномъ поползновеніи рекомендовать въ назиданіе современнымъ живописцамъ какой-нибудь куріозный типъ съ собачьею или лошадиною головой. Отнесетесь ли вы серіозно, безъ балаганнаго гаерства, къ стариннымъ повѣріямъ и преданіямъ,—васъ ужь подозрѣваютъ, не вѣруете ли вы въ миѳическіе догматы, что земля основана на трехъ китахъ, и что громъ гремитъ отъ поѣздки по облакамъ Ильи Громовника.

Ясно, слѣдовательно, что обличители въ самой образованной публикѣ, даже въ литераторахъ и ученыхъ изслѣдователяхъ, предполагаютъ наклонность ко всѣмъ суевѣріямъ и предразсудкамъ, которыми богата всякая старина и народность. Отсюда само собою вытекаетъ, что заниматься изученіемъ старины и народности, не ограждая себя ежеминутно отъ суевѣрныхъ соблазновъ, вредно и безсмысленно, и что слѣдовательно опасно распространять въ публикѣ любовь къ родной національности, какъ къ предмету одуряющему. Нетерпѣливая рьяность обличителей даетъ разумѣть, что они еще не свыклись съ гуманными тенденціями, которыя они на себя взяли, и что еще живо чувствуютъ въ самихъ себѣ византійскую и татарскую основу, которая невольно проглядываетъ то въ деспотическихъ замашкахъ балаганнаго шутовства, то въ кочевомъ наѣздничествѣ противъ серіозныхъ занятій наукою, то въ ложномъ стыдѣ недоучившагося фата, чтобъ его не заподозрѣли въ доморощенныхъ грѣшкахъ русскаго суевѣрія.

Вотъ какъ скоро на Руси отживаетъ всякое направленіе, не оставляя по себѣ прочныхъ слѣдовъ въ общемъ сознаніи! Въ Германіи, во Франціи, только что еще принялись за неистощимо-богатую и плодотворную разработку національной старины, только что еще начинаютъ въ современной образованности вкореняться результаты ученыхъ изслѣдованій братьевъ Гриммовъ, Коммона, Шназе и сотни другихъ ученыхъ по народности и средне-вѣковой археологіи. А мы уже порѣшили всѣ вопросы по этимъ предме-

тамъ, съ милою наивностью Простаковой, которая для своего Митрофанушки не видитъ никакого прока въ географіи, потому что эта наука не барская. И точно барское ли дѣло интересоваться мужицкими пѣснями, лубочною иконописью, всѣми этими раскольничьими сборниками, цвѣтниками и другою ветошью? И какая во всемъ этомъ польза для насущной практики, съ жизненной точки зрѣнія, въ которой новѣйшіе обличители вполнѣ сходятся съ положительными убѣжденіями смѣтливой родительницы Недоросля?

Впрочемъ, какъ бы легкомысленно ни смотрѣли въ настоящее время у насъ на народное направленіе въ изученіи литературы и искусства, нельзя сомнѣваться, что этому направленію предстоитъ болѣе счастливая будущность. Уже самое собираніе и изданіе памятниковъ по русской народности краснорѣчивѣе всякой полемики ниспровергаетъ чиновничью спѣсь обличителей, покрывающихъ пустоту своихъ тенденцій филантропическими хлопотами о просвѣщеніи простонародья полезною практикой.

Въ настоящее время, кажется, не подлежитъ сомнѣнію, что лучшими сборниками народныхъ пѣсень и стиховъ литература обязана такъ-называемымъ славянофиламъ.

Можно не соглашаться съ этою партіей во мнѣніяхъ и убѣжденіяхъ, но относительно изданія памятниковъ народной поэзіи надобно отдать ей полную справедливость.

Полагая, что обнародованіе такихъ сборниковъ, какъ изданія Рыбникова и Кирѣевскаго, не должно пройдти безслѣдно въ русской литературѣ, мы рѣшились по этимъ сборникамъ предложить краткое *обозрѣніе русскаго миѳологическаго и богатырскаго эпоса*, конечно не въ тѣхъ мысляхъ, чтобы внести новые элементы въ сознаніе современной публики, но чтобы съ надлежащимъ вниманіемъ осмотрѣть факты, которые современемъ должны занять первыя страницы исторіи русской литературы.

I.

Уже давно изслѣдователями русской народности чувствовался древнѣйшій титаническій періодъ въ послѣдовательномъ развитіи русскихъ богатырскихъ типовъ. Собранныя и обнародованныя г. Рыбниковымъ русскія былины о

Святогорѣ, Сухманѣ и другихъ старшихъ богатыряхъ, предшествовавшихъ циклу Владиміра Красна-Солнышка, дали этому предположенію фактическую достовѣрность. Знаменитый славянофилъ, покойный К. С. Аксаковъ, просмотрѣвъ еще въ рукописи г. Рыбникова былину о Святогорѣ, первый изъ нашихъ ученыхъ опредѣлительно указалъ отличіе богатырей старшихъ, или титаническихъ, отъ младшихъ, человѣкоподобныхъ, къ которымъ относятся Илья Муромецъ, Добрыня Никитичъ, Алеша Поповичъ и другіе витязи, окружающіе князя Владиміра. Разказавъ о встрѣчѣ Ильи Муромца съ исполинскимъ силачомъ лежащимъ на горѣ, Аксаковъ присовокупляетъ: „Образъ этого громаднаго богатыря, котораго обременила, одолѣла собственная сила, такъ что онъ сталъ неподвиженъ—весьма замѣчателенъ. Очевидно, что онъ *внѣ ряда богатырей*, къ которымъ принадлежитъ Илья-Муромецъ. Это *богатырь-стихія*. Нельзя не замѣтить въ нашихъ пѣсняхъ слѣдовъ предшествующей эпохи, эпохи титанической или космогонической, гдѣ сила, получая очертаніе человѣческаго образа, еще остается силою міровою, гдѣ являются богатыри-стихіи... Не ихъ ли должно разумѣть подъ *старшими богатырями*, которые, неизвѣстно откуда, какъ бы съ облаковъ, смотрятъ на Илью, и взоръ которыхъ сопровождаетъ его во всю его поѣздку.“ [1] Вотъ это мѣсто:

Старши богатыри дивуются:
„Нѣтъ на поѣздку Ильи Муромца!
У него поѣздка молодецкая,
Вся поступочка богатырская.“
(*Кирѣевск.* I, 78—81.) [2]

Ясно, что нашъ народный эпосъ отличаетъ эпохи въ развитіи богатырскихъ типовъ, называя какія-то сверхестественныя личности богатырями *старшими*; ясно также, что эти старшіе богатыри отъ витязей цикла Владимірова отличаются громадною величиной и непомѣрною силой. Но всѣ ли они принадлежатъ къ существамъ стихійнымъ или нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ другое значеніе? Если это существа стихійныя, то въ какомъ отношеніи состоятъ они къ стихійнымъ божествамъ раннеміѳологической эпохи?

---

[1] См. Замѣтку Аксакова въ 1-мъ выпускѣ сборника Кирѣевскаго.

[2] Какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстахъ, для удобства читателей, въ цитатахъ изъ пѣсень областной выговоръ измѣняю на общепринятый.

Сами ли это боги? Тогда выраженіе русскихъ былинъ „старые богатыри“—не точное и не вѣрное, составившееся вслѣдствіе того что народъ утратилъ сознаніе о своихъ богахъ. Или же это дѣйствительно богатыри въ смыслѣ древнихъ великановъ, уже потомковъ какого-нибудь титаническаго, стихійнаго божества? Къ такимъ великанамъ стихійнымъ русскій эпосъ не присоединилъ ли другихъ, позднѣйшихъ, составившихся въ воображеніи народномъ вслѣдствіе историческихъ столкновеній съ вражескими народами? Наконецъ, кромѣ великановъ, къ этой породѣ титанической не принадлежатъ ли и многія другія лица, въ которыхъ характеръ миѳическаго существа нѣсколько замаскированъ позднѣйшею обстановкою богатырей младшей эпохи? Въ такомъ случаѣ, и Волхъ Всеславичъ, и Дунай, даже самъ Илья Муромецъ, въ своихъ богатырскихъ типахъ представятъ намъ много такого что̀ больше принадлежитъ къ эпохѣ титанической нежели къ позднѣйшей, богатырской; потому что эпосъ народный, живя въ устахъ поколѣній въ теченіе многихъ вѣковъ, доходитъ до насъ преисполненный самыми странными, другъ другу противорѣчащими анахронизмами и другими несообразностями. Иногда, въ одномъ и томъ же лицѣ, какъ напримѣръ въ Ильѣ Муромцѣ, что̀ будетъ показано ниже, народный эпосъ смѣшиваетъ разновременныя и разнохарактерныя черты и бога Перуна, и Ильи пророка, и титаническаго Святогора, и лица историческаго, въ извѣстной мѣстной обстановкѣ. Еще больше надобно ожидать этой смѣси въ характерахъ богатырей старшихъ, относящихся къ ранней миѳологической эпохѣ. Забывая свою миѳологію, народъ даетъ большій просторъ своей фантазіи, и чтобъ имѣть точку опоры, переводитъ миѳическія существа на историческую почву.

Чѣмъ древнѣе миѳическія преданія русскаго народа, тѣмъ необходимѣе объяснять ихъ въ связи съ преданіями прочихъ славянскихъ нарѣчій, какъ общее достояніе всего славянскаго міра, предшествующее размѣщенію племенъ по разнымъ мѣстностямъ. Только этимъ путемъ можно опредѣлить первоначальное значеніе титаническихъ существъ, называемыхъ въ нашихъ былинахъ старшими богатырями. Что же касается до перехода ихъ въ великановъ представителей враждебныхъ народовъ, то для объ-

ясненія этого должно прибѣгнуть къ лѣтописямъ и другимъ историческимъ свидѣтельствамъ.

Итакъ, въ послѣдовательномъ развитіи такъ-называемыхъ старшихъ богатырей надобно отличать нѣсколько эпохъ, соотвѣтствующихъ переходу отъ древнѣйшихъ миѳологическихъ представленій къ смѣшаннымъ, темнымъ въ народѣ преданіямъ объ его раннихъ историческихъ судьбахъ, и наконецъ къ установившимся національнымъ типамъ богатырскаго эпоса цикла Владимірова.

Въ преданіи о старшихъ богатыряхъ русскій народъ сохранилъ память о древнѣйшихъ божествахъ своей миѳологіи. Собственныя имена, данныя этимъ богатырямъ въ разное время и подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ, не всѣ въ одинаковой мѣрѣ соотвѣтствуютъ своему назначенію. Нѣкоторыя имена, можетъ-быть, имѣютъ смыслъ миѳологическій, каковы: *Сухманъ*, *Святогоръ*, *Волхъ* или *Вольга*, *Тугаринъ*, *Зміевичъ*, *Дунай*, *Донъ*, при женскомъ существѣ *Непра* или *Днѣпра*; другія составились подъ вліяніемъ книжнымъ, какъ напримѣръ *Самсонъ* богатырь. можетъ-быть и *Полканъ*, или вообще подъ вліяніемъ позднѣйшей, церковной обстановки, какъ напримѣръ, *Идолище Поганое*, *Старчище Пилигримище*; другія заимствованы отъ названій народовъ, какъ *Волотъ Волотовичъ*; иные подъ своею новѣйшею формаціей скрываютъ древнѣйшія преданія о первобытныхъ судьбахъ Славянъ, какъ *Микула Селяниновичъ*; наконецъ, цѣлый рядъ вѣрованій и миѳическихъ представленій, какъ древнѣйшій слой, вошелъ въ формацію героевъ даже младшей эпохи, такъ что въ самомъ Владимірѣ и Ильѣ Муромцѣ нельзя не замѣтить остатковъ древнѣйшей миѳической примѣси къ позднѣйшимъ чертамъ новаго богатырскаго типа.

Прежде нежели разберемъ въ подробности каждое изъ этихъ миѳическихъ существъ, должно упомянуть, что общее имъ названіе: *Старшіе богатыри*, дано только по отношенію къ позднѣйшей эпохѣ, то-есть, исходя отъ понятія о богатыряхъ цикла Владимірова. Народъ только хотѣлъ заявить, что эти существа предшествуютъ богатырямъ Владиміра Красна-Солнышка, но что̀ они такое сами по себѣ, независимо отъ богатырей младшихъ,—неизвѣстно. Какъ существа стараго порядка вещей, они должны быть вытѣснены своими потомками, которые заступаютъ ихъ мѣсто

или по наслѣдству, или вслѣдствіе побѣды надъ ними. Борьба съ дикими силами природы, со звѣрями и съ страшными вражескими народами, въ народномъ эпосѣ естественно перенесена была на борьбу съ миѳическими представителями стараго порядка вещей. Такимъ образомъ, первобытное божество, воплощаемое въ типѣ старшаго богатыря, нисходитъ до враждебнаго чудовища, или потому что божество стараго порядка вещей уже не годилось въ позднѣйшей обстановкѣ народнаго быта, или потому что стихійныя и титаническія существа древнѣйшей миѳологіи естественно казались въ послѣдствіи страшилами и чудовищами.

Этотъ переходъ отъ божества стихійнаго къ чудовищу въ титаническомъ типѣ старшаго богатыря съ наибольшею ясностію выражается въ сербскомъ миѳѣ о *дивахъ* и ихъ *дивскомъ старѣйшинѣ*, или начальникѣ [1]. Ихъ числомъ семьдесять, живутъ они на *Дивской* планинѣ (горѣ), въ пещерѣ, какъ циклопы, которыхъ нѣкогда посѣтилъ Одиссей. Нѣкто Іованъ, богатырь младшей породы, перебилъ всѣхъ семьдесять *дивовъ*, но *дивскій* старѣйшина, оставшись въ живыхъ, вошелъ въ любовь къ матери Іована, и чуть было не погубилъ ея; но Іованъ восторжествовалъ и надъ нимъ. Какъ существо сверхестественное, *дивъ* извѣстенъ и въ древне-русскомъ эпосѣ. Слово о Полку Игоревѣ знаетъ какого-то *дива*, который сидитъ на деревѣ, подобно Соловью-разбойнику, и велитъ послушать земли незнаемой, и который потомъ вергнулся на землю, когда наступила русскимъ воинамъ бѣда.

Въ сербскомъ миѳѣ о великанахъ *дивахъ* сохранилась память о первобытномъ поклоненіи индо-европейскихъ народовъ божеству неба и свѣта, потому что это слово непосредственно происходитъ отъ *див*, что̀ по-санскритски значитъ *свѣтить*, откуда названія бога свѣта и неба—у Грековъ Ζεὺς (род. пад. Διὸς), у Римлянъ *Deus*, у Германцевъ *Tivas*, у Литовцевъ *Dewas*, и наконецъ въ Санскритѣ *Дѣва* (божество небесное) [2].

---

[1] Вука Караджича, Сербск. пѣсни, кн. 2, № 8.

[2] Корень *див* переходитъ въ существит. *дѣва* по закону поднятія звука *і* въ долгое *е* или въ *ѣ*. Отъ этого же корня происходятъ лат. *divus*, *dives*, *dies*, наше *день* и т. д.

Представленіе о *дивахъ* соотвѣтствовало у Славянъ быту кочевому и пастушескому. Когда они осѣлись на постоянныхъ жилищахъ, тогда свой домашній бытъ стали противополагать кочевью по лѣсамъ и степямъ, и все противоположное своему родному жилищу, называли *дивьимъ*, то-есть не покрытымъ домашнею кровлею, находящимся подъ открытымъ небомъ (sub divo или sub jove), наконецъ полевымъ и лѣснымъ вообще. Отсюда у Чеховъ прилагат. *дивокъ*, въ смыслѣ не только дикаго, но и внѣшняго: *дивока страна*, въ противоположность внутренней, домашней [1].

Диво, дивовище, въ смыслѣ чудовища, указываетъ на переходъ титаническаго существа къ страшилищу, будетъ ли то въ звѣриномъ видѣ, или въ человѣкообразномъ. Дивъ *Слова о полку Игоревѣ* стоитъ на срединѣ между этими значеніями. Даже сербскіе *дивы* въ упомянутомъ миѳѣ, потерявъ свое первобытное значеніе, могли быть понимаемы уже въ смыслѣ тѣхъ дикихъ великановъ, кочевниковъ, съ которыми дерутся наши богатыри младшей эпохи [2].

Если въ замѣткѣ, приложенной къ сборнику г. Рыбникова, сказанное о богатырѣ *Сухань* или *Сухманъ* можетъ быть оправдано въ грамматическомъ отношеніи, то эта личность первоначально имѣла смыслъ существа стихійнаго, состоящаго въ ближайшей связи съ сербскими дивами. Это было божество солнца, или свѣта, огня (санскр. *сушман.* или *шушман*—огонь) [3]. Но, какъ увидимъ ниже, былина объ этомъ богатырѣ, записанная въ сборникѣ, г. Рыбникова, противорѣчитъ этому значенію.

Гораздо правдоподобнѣе видѣть слѣдъ преданія о первобытныхъ миѳическихъ существахъ свѣта, или о *дивахъ* въ свидѣтельствѣ *Слова о полку Игоревѣ*, которое русскихъ витязей вообще называетъ *внуками Дажь-богъ*, то-есть,

---

[1] Изъ формы *дивокій* сокращенно образовалось *дикій*.

[2] Слич. у Маннгардта: „Bei den Slaven lebt das alte *dêva* (Gott) in der Benennung *diw* für Riese fort.“ *Die Götterwelt.* Стр. 57.

[3] Слова замѣтки въ Сборникѣ г. Рыбникова: „*Сухань* или *Сухманъ* (санскр. *суш* или *шуш*, сохнуть, наше *суш-ить*, откуда причастная форма *суш-манъ*, сохнущій, изсушаемый и изсушающій, перешедшая въ названіе солнца и разныхъ стихій) носитъ на себѣ явныя слѣды происхожденія миѳическаго, до-историческаго.“ Стр. IX.

бога солнца и огня. А въ нашихъ лѣтописяхъ *Дажь-богъ* признается сыномъ *Сварога*, бога неба, то-есть, *Сварожичемъ*. По другимъ древне-русскимъ свидѣтельствамъ, подъ именемъ Сварожича наши предки чествовали огонь [1]. Итакъ отъ божества свѣта и огня русскій эпосъ ведетъ родъ нашихъ древнихъ витязей: они внуки святоносныхъ предковъ, память о которыхъ сохранилась въ миѳическихъ титанахъ—дивахъ. Другими словами: Старшіе богатыри—дивы, младшіе — ихъ потомки, внуки Дажь-бога или Сварожича.

Преданіе о стихійныхъ божествахъ на Руси жило еще во всей свѣжести въ эпоху *Слова о Полку Игоревѣ*, то-есть въ XII вѣкѣ. Какъ витязи назывались внуками солнца и огня такъ вѣтры—внуками бога вѣтра, *Стрибога*. [2] Ярославна, горюя объ отсутствующемъ мужѣ, въ своемъ причитаньѣ обращается, какъ къ существамъ одушевленнымъ, не только къ вѣтру и солнцу, но и къ водѣ, въ ближайшемъ, болѣе наглядномъ представленіи ея, въ образѣ *Днѣпра Словутича*, какъ бы сына какого-то *Словуты*.

Если въ изданныхъ доселѣ былинахъ мало оставили по себѣ слѣдовъ стихійныя существа огня и свѣта, за то миѳическія преданія о водѣ, и особенно о рѣкахъ, сохранились въ замѣчательной свѣжести. Русскій эпосъ еще помнитъ морскаго царя или бога водъ; онъ называется царь *Водяникъ*, а супруга его царица *Водяница*. Имъ приносятъ жертвы, опуская въ воду хлѣбъ съ солью, или же бросая живаго человѣка. Царь морской является въ очію и покровительствуетъ тѣмъ, кто его чествуетъ. Когда онъ расплящется, взволнуется море и рѣки.

Особенно замѣчательна въ этомъ отношеніи новгородская былина о *Садкѣ*, богатомъ куццѣ. [3] Прежде онъ былъ бѣденъ, и кромѣ гуслей ничего не имѣлъ, а промышлялъ своею гудьбою на пирахъ, куда его нанимали. Разбогатѣлъ же онъ слѣдующимъ образомъ. Случилось, что нѣсколько дней сряду никуда его не приглашали на пиръ играть въ гусли. Соскучился Садко и пошелъ къ Ильмень-озеру:

---

[1] См. въ моей христоматіи столб. 520, 586, 605 и 606.—*Дажь* въ словѣ Дажь-богъ, отъ корня *даг*, что по-санскр. значитъ горѣть; лит. *degu*—горю.

[2] Отъ глагола *стрити*, откуда *стрѣла*, *стрѣлъ*, *пострѣлъ*, *стрѣха*. Слич. *застрѣть*, *застрянуть*.

[3] Рыбн. стр. 370 и слѣд.

Садился на бѣлъ горючъ камень
И началъ играть въ гуселки яровчаты.
Какъ тутъ-то въ озерѣ вода всколыбалася,
Показался царь морской,
Вышелъ со Ильменя со озера—

И попривѣтствовавъ Садку за утѣхи, которыя онъ ему доставилъ гудьбою на гусляхъ, въ благодарность далъ ему изъ Ильмень-озера кладъ, три рыбы золотыя-перья, на которыя можно скупить всѣ несмѣтныя богатства новгородскія. Садко закинулъ въ озеро неводъ, и вытащилъ это безцѣнное сокровище. Въ нашемъ эпосѣ соотвѣтствуетъ оно кладу *Нибелунговъ*, который прежде хранился въ водопадѣ у карлика Андвари, жившаго въ водѣ въ образѣ щуки; соотвѣтствуетъ также и финскому *Сампо*, сокровищу быта охотниковъ, моряковъ и земледѣльцевъ. Итакъ эти три рыбы золотыя-перья, въ Ильмень-озерѣ не что̀ иное, какъ *Hort* или *Сампо* торговаго и промышленнаго Новагорода. До какой степени проникнутъ мѣстнымъ колоритомъ этотъ мотивъ въ былинѣ о Садкѣ, можно судить изъ того, что онъ не разъ встрѣчается, съ разными варіантами, въ мѣстныхъ легендахъ новгородскихъ. Такъ въ сказаніи объ Антоніи Римлянинѣ повѣствуется, какъ рыбаки вытащили сѣтьми изъ Волхова бочку съ драгоцѣнною церковною утварью, которую этотъ нѣмецкій выходецъ опустилъ въ море еще въ бытность свою въ Италіи, и которая сама собою, какъ чудесный кладъ, приплыла въ Новгородъ по Волхову.

Разбогатѣвши, Садко забылъ о благодѣяніи морскаго царя и пересталъ приносить ему жертву. За это надобно было его наказать. Потому однажды Садковъ корабль сталъ на морѣ и не трогался съ мѣста. Чтобъ ему двинуться и пойдти, надобно было бросить въ воду, въ жертву морскому царю, живаго человѣка. Жребій выпалъ Садкѣ. Какъ знаменитому гудцу, ему даютъ гусли и спускаютъ на воду на доскѣ, на которой онъ и поплылъ по морю. Этотъ мотивъ о чудесномъ плаваньѣ на доскѣ, на плоту или даже на камнѣ—тоже одинъ изъ самыхъ популярныхъ въ мѣстныхъ легендахъ новгородскихъ. Такъ тотъ же Антоній Римлянинъ будтобы на камнѣ приплылъ изъ Италіи подъ самый Новгородъ. Еще: когда Новгородцы, подозрѣвая архіепископа Іоанна въ развратной жизни, хотѣли его погубить, то посадили его на плотъ и пустили по Волхову; но плотъ чудо-

дѣйственно пошелъ вверхъ противъ теченія, и самъ собою остановился близь Юрьева монастыря.

Такъ и Садко, съ гуслями въ рукахъ, поплылъ по волнамъ на дубовой доскѣ, и очутился въ палатахъ самого морскаго царя Водяника и супруги его Водяницы. Въ то время царь съ царицею спорили о томъ, *что на Руси дѣется*:

Булатъ ли дороже красна золота,
Али красно золото дороже булатъ-желѣза?

То-есть, вопросъ состоялъ въ томъ, произошелъ ли историческій переворотъ въ переходѣ древняго суроваго періода старшихъ богатырей въ періодъ богатырей младшихъ. Какое-нибудь титаническое существо изъ породы дикихъ великановъ, вѣроятно, предпочло бы безполезному золоту желѣзо. Но Садко, герой новаго порядка вещей, уже знаетъ цѣнность золота; потому что золотой кладъ уже добытъ между людьми, а съ нимъ вмѣстѣ роскошь и преступленіе. Итакъ Садко даетъ предпочтеніе золоту передъ желѣзомъ:

Дороже у насъ на Руси красно золото,
А булатъ-желѣзо катается
У маленькихъ робятъ по зыбочкамъ.

Садко съ своими гуслями какъ разъ попалъ кстати къ царю Водянику. У него шелъ пиръ на радостяхъ. Онъ выдавалъ замужъ дочь свою любимую.

Во тыё во славно Окіянь-море.

Такъ поэтически, въ античной формѣ, народный эпосъ изображаетъ впаденіе рѣки въ море! Это царь Водяникъ выдаетъ замужъ куда-то за море, на чужую сторону, свою родную дочь.

Садко сталъ играть на гусляхъ. На пиру пошла пляска, и когда расплясался царь Водяникъ, синее море всколебалось, рѣки изъ береговъ выступили: топятъ корабли, губятъ православный людъ. Послѣ того, когда Садко охмѣлѣлъ и заснулъ, является ему во снѣ Никола Можайскій и велитъ изломать гусли звончатыя, чтобы не плясалъ морской царь и чтобы не гибли души народа православнаго. Сверхъ того, Никола даетъ Садкѣ совѣтъ, чтобъ онъ взялъ себѣ въ жены что ни худшую изъ тридцати дочерей морскаго царя, когда тотъ будетъ ему предлагать на выборъ одну изъ нихъ, и чтобы женившись на ней былъ остороженъ,

чтобъ и не дотрогивался до нея. Такъ Садко и сдѣлалъ, и женился на той изъ тридцати дочерей Водяника, которая была хуже всѣхъ. Легъ съ нею спать, а на утро ото сна пробуждался.

Онъ очутился подъ Новымъ Городомъ,
А лѣвая нога во Волхъ рѣкѣ.

Такимъ образомъ Садко, богатый гость, и женился на дочери Водяника, на Волховѣ рѣкѣ. Очень умѣстное для торговаго Новогорода миѳическое преданіе, соотвѣтствующее позднѣйшему обряду, по которому венеціянскіе дожи обручались съ Адріатикою, бросая въ ея воды обручальное кольцо!

Прежде нежели сказать о Волховѣ, надобно обратиться къ другимъ рѣкамъ, и предварительно коснуться значенія рѣкъ вообще въ древнемъ бытѣ и въ вѣрованіяхъ Славянъ.

Миѳическія представленія свѣта, солнца, огня, неба, вѣтровъ, могутъ быть объяснены независимо отъ мѣстной обстановки тѣхъ племенъ, гдѣ эти представленія живутъ и развиваются. Иное дѣло съ рѣками и горами. Здѣсь общее представленіе о водѣ или возвышенности непремѣнно пріурочивается къ извѣстной мѣстности, а уже вмѣстѣ съ тѣмъ и къ индивидуальнымъ особенностямъ народнаго быта, состоящаго въ тѣсной связи съ условіями мѣстными.

Народный эпосъ воспѣваетъ миѳическія и героическія личности Дуная, Дона, Днѣпра и Днѣпры, или Нѣпры, Волхова, Смородины, не потому только что въ эпоху образованія поэтическихъ миѳовъ у Славянъ господствовалъ культъ стихійныхъ божествъ вообще, но и въ частности потому что рѣки, и именно извѣстныя рѣки, давали особенное направленіе и характеръ древнѣйшему быту Славянъ. Дѣйствительно, въ раннюю эпоху своего миѳологическаго броженія, славянскія племена, разнося съ собою общія начала индоевропейской миѳологіи и еще во всей свѣжести возсоздавая миѳическія основы своего народнаго эпоса, разсѣялись по рѣкамъ. Рѣки были для нихъ не только путями переселенія и сообщенія, но и границами, гдѣ они основывали свои становища. Такимъ образомъ, въ непроходимыхъ лѣсахъ и дебряхъ, рѣки предлагали дорогу для кочевниковъ, а свои берега для осѣдлыхъ пастуховъ и земледѣльцевъ.

Соображаясь съ бытомъ и представленіемъ славянскихъ

племенъ, Несторъ описываетъ ихъ разселеніе по рѣкамъ. Сначала Славяне сѣли по Дунаю; оттуда пошли въ разныя стороны. Которые сѣли на Моравѣ, назвались Моравами; Ляхи сѣли на Вислѣ; Дреговичи между Припетью и Двиной; на Двинѣ, по рѣчкѣ Полотѣ, Полочане; Радимичи на Сожѣ; Вятичи по Окѣ; Дулебы по Бугу; Тиверцы по Днѣстру; Новгородскіе Славяне на озерѣ Ильменѣ, то-есть, по Волхову; наконецъ Поляне по Днѣпру. Согласно рѣчному и береговому быту Славянъ, званіе перевощика было почетнымъ. Этимъ объясняется преданіе о томъ, что Кій былъ перевощикомъ на Днѣпрѣ, и можетъ-быть основаніе и названіе города Кіева произошло отъ перевознаго пункта. По крайней мѣрѣ еще во времена Нестора было въ памяти древнее обычное выраженіе: *на перевозъ на Кіевъ*. Другое преданіе, тоже приводимое Несторомъ, о томъ что Кій былъ князь, замѣчательно по сближенію днѣпровскаго Кіева съ дунайскимъ городищемъ Кіевцемъ, основаннымъ будто тѣмъ же Кіемъ.

Древнѣйшее лѣтописное преданіе о значительности званія перевощика доселѣ сохраняется въ народныхъ преданіяхъ. Доселѣ живетъ въ Псковской области преданіе, что вѣщая княгиня Ольга, изъ крестьянскаго званія, была перевощицею на рѣкѣ Великой [1]. Соловей-разбойникъ и вся семья его, какъ будетъ показано, отличались миѳическимъ характеромъ ранней эпохи; и замѣчательно, что старшая дочь этого чудовища была перевощицею на Дунаѣ-рѣкѣ. [2]

Разселяясь и садясь по рѣкамъ, Славяне давали имъ названія древнѣйшія, можетъ-быть, вынесенныя изъ первобытной родины съ отдаленнаго Востока, и имѣвшія сначала нарицательное значеніе рѣки вообще, и потомъ уже получившія индивидуальный характеръ собственныхъ именъ. Такъ рѣки: *Сава*, *Драва*, *Одра*, или *Одеръ*, *Ра*, *Упа*, *Донъ*, *Дунай*, древнѣйшаго индо-европейскаго происхожденія, имѣютъ себѣ родственныя формы въ санскритѣ, въ смыслѣ воды или рѣки вообще; или же явственно происходятъ отъ древнѣйшихъ индо-европейскихъ корней, въ большей ясности сохранившихся въ санскритѣ. Племена, выселившіяся изъ общей Арійской родины въ Европу, вы-

[1] Якушкина *Путевыя письма изъ Новг. и Псковск. губерн.* стр. 155.
[2] Сборн. Кирѣевск. I, 81.

несли съ собою общее индо-европейское имя рѣки вообще *дуни* [1], и въ этомъ же нарицательномъ значеніи оставили его между горными племенами на Кавказѣ, гдѣ доселѣ у Осетинцевъ формы *дун* и *дон* означаютъ рѣку или воду вообще. Но потомъ у Славянъ *Донъ* получило смыслъ собственнаго имени, а форма *дун*, съ окончаніемъ *ав*, именно *Дунавъ*, и потомъ *Дунай*, имѣетъ значеніе и собственное извѣстной рѣки, и нарицательное, рѣки вообще, какъ напримѣръ, поется въ одной польской пѣснѣ: *за рѣками... за Дунаями* [2].

Согласно древнѣйшему быту славянскихъ племенъ, русскій эпосъ воспѣваетъ знаменитыя рѣки, олицетворяя ихъ въ видѣ богатырей старшей эпохи. По мѣрѣ того какъ нарицательныя имена *Донъ*, *Дунай*, *Днѣпръ*, означавшія рѣку вообще, стали болѣе и болѣе опредѣлять свой собственный, индивидуальный характеръ въ памяти и воображеніи славянскихъ племенъ, болѣе и болѣе оказывалась потребность оживить фантазіей эти отвлеченныя имена, придать имъ личную индивидуальность, то-есть, олицетворить въ опредѣленной формѣ человѣкообразнаго существа, съ отличительными признаками извѣстнаго героя или героини. Чтобы выдѣлить изъ общей массы безразличныхъ представленій опредѣленныя и точныя очертанія извѣстной рѣки, надобно было сблизить ее съ интересами личными, сблизить съ человѣческою личностію, и это сближеніе, условливаемое уже самымъ разселеніемъ славянскихъ племенъ, выразилось миѳами о происхожденіи Дуная, Дона и нѣкоторыхъ другихъ рѣкъ отъ человѣкообразныхъ существъ, въ которыхъ первоначально искало себѣ предмета для чествованія вѣрованіе въ стихійныя божества, и которыя потомъ перешли въ обыкновенныхъ героевъ народнаго эпоса. Сверхъ того, миѳъ о происхожденіи и зависимости рѣкъ отъ морскаго царя, или Водяника, постоянно придавалъ этому олицетворенію оттѣнокъ миѳическаго характера.

---

[1] Въ формѣ *дуни*, *д* придыхательное, и притомъ *у* употребляется и долгое и краткое. Долгое сохранилось въ словѣ *Дунай*; краткое *у* перешло въ *о*, въ словѣ *Донъ*.

[2] Значеніе и образованіе прочихъ, выше упомянутыхъ рѣкъ смотр. Pictet, *Les origines Indo Européennes*. 1859 г. ч. I стр. 135 и слѣд. Названіе *ра* я произвожу отъ корня *р* или *ар*, откуда Санскр. *Арна*—рѣка, вода, нѣм. *rinnan* и т. д.

Итакъ, по русскому эпосу [1], рѣки Донъ и Днѣпръ будто бы произошли отъ *богатыря Дона* и его вѣщей супруги *Нѣпры Королевичны*, то-есть, *Днѣпры* (вмѣсто муж. р. *Днѣпръ*), которая отличалась воинственнымъ характеромъ, какъ сѣверная Валькирія, и мѣтко стрѣляла стрѣлою, какъ стрѣляютъ сербскія вилы. Дону досадно стало, что жена его похваляется, будто искуснѣе его стрѣляетъ. Рѣшено было между ними состязаться въ стрѣльбѣ на пиру у князя Владиміра. Нѣпра удивила всѣхъ своею мастерскою стрѣльбою. Тогда Донъ съ досады стрѣлилъ въ свою жену, и убилъ ее. Распластавъ убитую Нѣпру, онъ нашелъ въ ея утробѣ чудеснаго сына, по своей необычайности достойнаго своихъ полумиѳическихъ родителей. У него:

По колѣнъ-то ноженьки въ серебрѣ,
По локоть-то рученьки въ золотѣ,
А по косицамъ будто звѣздушки,
А назади будто свѣтелъ мѣсяцъ,
А спереди будто солнышко.

Въ отчаяніи, что такое чудесное существо, не будучи выношено въ утробѣ матери, должно было погибнуть, Донъ убилъ и себя.

Тутъ-то отъ нихъ протекала Донъ рѣка,
Отъ тыя отъ крови христіянскія,
Отъ христіянскія крови отъ напрасныя.

Эта былина должна быть дополнена тою существенною своею частію, въ которой надобно бы упомянуть, что рѣка Днѣпръ потекла отъ крови Днѣпры Королевичны.

То же разказывается и о *Дунаѣ*, только вмѣсто Днѣпры, онъ женатъ на воинственной Настасьѣ Королевичнѣ, на сестрѣ Апраксѣевны, супруги князя Владиміра.

Гдѣ пала Дунаева головушка,
Протекала рѣчка Дунай рѣка:
А гдѣ пала Настасьина головушка,
Протекала рѣчка Настасья рѣка.

Иначе поется:

Исподъ эвтого сподъ мѣстечка
Протекали двѣ рѣченьки быстрыихъ,
И на двѣ струечки они расходилися,
И еще онѣ вмѣстѣ сходилися [2].

---

[1] Рыбник. стр. 194—7.
[2] Рыбник. стр. 186—194.

Каково бы ни было первоначальное значеніе *Сухмана* богатыря, но былина, въ сборникѣ г. Рыбникова, даетъ ему смыслъ совершенно противоположный тому, какой можно бы ему дать на основаніи словопроизводства. Такъ же какъ Донъ и Дунай, этотъ богатырь даетъ начало рѣкѣ. Отъ крови изъ его ранъ протекла *Сухманъ-рѣка*, какъ онъ самъ умирая причиталъ:

Потеки Сухманъ-рѣка
Отъ моя отъ крови отъ горючія,
Отъ горючія крови отъ напрасныя [1].

Происхожденіе рѣкъ отъ крови убитыхъ героевъ, или точнѣе великановъ, безъ сомнѣнія, основывается на древнѣйшихъ космогоническихъ преданіяхъ о происхожденіи воды вообще отъ крови. Всемірный потопъ, по скандинавскимъ сказаніямъ, разлился будто бы отъ крови убитаго титаническаго существа Имира, въ которой потонула вся древняя порода великановъ, кромѣ одного, спасшагося, подобно еврейскому Ною или индійскому Ману. Русскій стихъ о Егоріи Храбромъ, составленный изъ смѣси космогоническихъ преданій съ подробностями извѣстной церковной легенды, свидѣтельствуетъ намъ, что преданіе о кровавомъ потопѣ входило въ составъ нашего національнаго эпоса. Утверждая христіянскую вѣру, доѣзжалъ Егорій до дальняго царства Вавилонскаго, къ царищу Дектіанищу. Это было какое-то чудовище, въ родѣ змія, потому что

Зашипѣлъ онъ, злодѣй, по змѣиному,
Заревѣлъ по звѣриному.
Устрашился у Георгія богатырскій конь,
Палъ конь на сыру землю...
Вынималъ Георгій тугой лукъ,
Вкладывалъ калену стрѣлу,
Пускалъ злодѣю въ челюсти,
Отбивалъ легкое со печенью,
Проливалъ кровь...
Одолѣла кровь Георгія бусурманская, окаянная;
Стоялъ онъ въ крови не по-колѣнъ, не по-пояс[ъ],
А стоялъ онъ въ крови по бѣлы груди;
Вынимаетъ онъ копье долгомѣрное,
Ударилъ въ мать во сыру землю:

[1] Рыбник. стр. 32

„Разступись, мать сыра земля!
Пожри кровь бусурманскую и окаянную!“
По Георгіеву моленію,
По его святому терпѣнію,
Разступилася мать-сыра земля,
Пожрала кровь бусурманскую, окаянную [1].

Если происхожденіе *Дуная*, *Дона* и *Днѣпра* русскій эпосъ объясняетъ только олицетвореніемъ, на основѣ миѳическаго вѣрованія о потопѣ и разлитіи рѣкъ отъ крови убитыхъ чудовищъ и титановъ, то сказаніе о происхожденіи рѣки Волхова имѣетъ всѣ признаки древняго миѳа, въ которомъ языческое чествованіе какого-то божества, впрочемъ называемаго въ преданіи Перуномъ, низводится до позднѣйшей демонологіи, и воплощается въ богатырской личности *Волха Сеславича* или *Всеславича*. Какъ существо титанической, древней породы, онъ былъ сыномъ змія [2]. Однажды нѣкоторая княжна, Марѳа Всеславьевна, гуляла по саду, и невзначай скочила съ камня на лютаго змѣя.

Обвивается лютый змѣй около чебота зеленъ сафьянъ,
Около чулочика шелкова, хоботомъ бьетъ по бѣлу стегну.

Оттого княжна затяжелѣла и дитя родила. Это и былъ самъ Волхъ Всеславьевичъ. Какъ сынъ змія и существо необычайное, уже самымъ рожденьемъ своимъ на свѣтъ Божій, Волхъ производитъ великій переворотъ по всей землѣ:

Подрожала сыра земля,
Стряслося славно царство Индѣйское,
А и синее море сколебалося
Для ради рожденія богатырскаго
Молода Волха Всеславьевича:
Рыба пошла въ морскую глубину,
Птица полетѣла высоко въ небеса,
Туры да олени за горы пошли,
Зайцы, лисицы по чащицамъ,
А волки, медвѣди по ельникамъ,
Соболи, куницы по островамъ.

Своею сверхъестественною природой этотъ герой существенно отличался отъ богатырей младшихъ. Онъ былъ

[1] Варенцова, *Сборникъ Русск. духовн. стиховъ* стр. 108—9.
[2] Кирши Данилова *Древн. Рос. Стих.* стр. 45 и слѣд.

оборотень, существо вѣщее. Въ этомъ состояла его премудрость.

А и первой мудрости учился
Обертываться ясным соколомъ;
Ко другой-то мудрости учился онъ Волхъ
Обертываться сѣрымъ волкомъ;
Ко третей-то мудрости учился Волхъ
Обертываться гнѣдымъ туромъ золотые рога.

Сверхъ того, Волхъ обертывался горностаемъ, мурашкомъ, рыбою щукою, такъ что вся природа подчинялась его вѣщей силѣ; посредствомъ превращеній онъ былъ повсюду въ своей сферѣ, и въ лѣсу между звѣрями, и въ воздухѣ между птицами, и въ водѣ между рыбами.

Какъ отъ *Кія* образовалось прилагательное *Кіевъ*, такъ отъ *Волха*, названіе рѣки *Волховъ*; въ женскомъ родѣ *Волхова*, напримѣръ: „За тую за рѣченьку Волхову„ въ *Сборн. Рыбник.* стр. 24; въ Лѣтописи Новгородской: „чрезъ Волхову рѣку,“ и даже въ среднемъ родѣ: „черезъ Волхово“. Отсюда понятно, почему безъ нарушенія грамматическаго смысла Волховъ, въ женскомъ родѣ, то-есть, *рѣка Волхова*, могъ сдѣлаться невѣстою Садки богатаго гостя.

Мѣстное новгородское преданіе о Волхѣ было пріурочено къ мѣстечку *Перыня* или *Перунь*, а Волхъ сближенъ съ божествомъ Перуномъ. По сказанію въ старинныхъ хронографахъ [1], Волхъ называется старшимъ сыномъ Словена. Отъ Словена будто бы получили названіе Славяне, а отъ Волхова, рѣка Волховъ, прежде называвшаяся Мутною. Какъ Днѣпръ былъ *Словутичъ*, то-есть, сынъ Словуты, такъ и другая столь же знаменитая въ древней Руси рѣка Волховъ былъ *Словеничъ*, сынъ Словена. Вѣроятно, оба эти названія, *Словута* или *Словутъ* и *Словенъ*, не что иное, какъ видоизмѣненіе одного и того же имени миѳическаго героя, родоначальника славянскихъ племенъ, поселившихся на Руси.

Согласно приведенной выше былинѣ о Волхѣ оборотнѣ, и письменное сказаніе въ хронографѣ повѣствуетъ, что Волховъ былъ бѣсоугодный чародѣй, лютъ въ людяхъ; бѣсовскими ухищреніями и мечтами претворялся въ различные образы, и въ лютаго звѣря крокодила; и залегалъ въ

[1] Смотр. мои *Историч. Очерк.* II, 8.

той рѣкѣ Волховѣ водный путь тѣмъ, которые ему не покланялись: однихъ пожиралъ, другихъ потоплялъ. А невѣжественный народъ, будто бы, тогда почиталъ его за Бога и называлъ его *Громомъ* или *Перуномъ*. И постановилъ этотъ окаянный чародѣй, ночныхъ ради мечтаній и собранія бѣсовскаго, городокъ малый на нѣкоторомъ мѣстѣ, зовомомъ *Перыня*, гдѣ и кумиръ Перуна стоялъ. И баснословятъ о немъ невѣжды, говоря (вѣроятно въ какой-нибудь древней притчѣ): „въ боги сѣлъ“. И былъ этотъ окаянный чародѣй удавленъ отъ бѣсовъ въ рѣкѣ Волховѣ; и мечтаніями бѣсовскими несено было окаянное тѣло его вверхъ по той рѣкѣ и извержено на берегъ противъ *Волховнаго* его городка, что нынѣ зовется Перыня. И со многимъ плачемъ отъ невѣждъ тутъ онъ былъ погребенъ, съ великою тризною поганскою, и могилу ссыпали надъ нимъ высокую, по обычаю язычниковъ. И по трехъ дняхъ послѣ того тризница просыпалась земля, и пожрала мерзкое тѣло крокодилово, и могила просыпалась надъ нимъ на дно адское: „Иже и до нынѣ, яко же повѣдаютъ, знакъ ямы тоя стоитъ не наполняяся.“

Крокодилъ, очевидно, литературная замѣна эпическаго змія, залегающаго рѣки. Въ мѣстномъ преданіи, доселѣ живущемъ у Новгородцевъ, это миѳическое существо называется *звѣрь-зміяка*, *Перюнъ*, то-есть Перунъ [1]. Будто бы этотъ звѣрь-зміяка жилъ на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ скитъ *Перюньской*, то-есть Перынскій, или Перунскій. Каждую ночь звѣрь-зміяка ходилъ спать въ Ильмень къ *Волховской коровницѣ*. Перешелъ зміяка жить въ самый Новгородъ; но когда народъ крестился въ крещеную вѣру, зміяку Перюна бросили въ Волховъ. Зміяка поплылъ вверхъ по водѣ, и подплылъ къ старому своему жилью и взошелъ на берегъ. Князь Владиміръ опять велѣлъ его бросить въ рѣку, а на берегу на томъ мѣстѣ срубить церковь. Оттого церковь та назвалась Перюньскою, а потомъ и Скитъ Перюньскій.

Итакъ, очевидно, въ мѣстныхъ новгородскихъ преданіяхъ Перунъ смѣшивается съ стихійнымъ богатыремъ Вол-

---

[1] Якушкина *Путевыя письма изъ Новгородской и Псковской губерній*. стр. 118—119.

ховомъ, и оба представляются въ чудовищной формѣ змія или звѣря-зміяки.

Потопленіе низверженныхъ истукановъ языческихъ боговъ въ рѣкахъ поддерживало древнія преданія о миѳическихъ рѣчныхъ божествахъ, и давало новые матеріялы для мѣстныхъ миѳовъ. Какъ древнее чудовище живетъ въ рѣкѣ и ее залегаетъ, такъ и брошенный истуканъ, въ видѣ живаго существа, плыветъ по волнамъ, выбирая мѣсто гдѣ бы пристать къ берегу. Такимъ образомъ новгородскому преданію вполнѣ соотвѣтствуетъ мѣстное кіевское, записанное еще Несторомъ, о томъ какъ низверженный истуканъ Перуна былъ брошенъ въ Днѣпръ, проплылъ пороги, и потомъ былъ выброшенъ на *рѣнь:* „И оттолѣ, говоритъ Несторъ, прослыла *Перуняна рѣнь*, какъ и до сего дня словетъ.“ Лѣт. I, 50. Итакъ, кіевская Перуняна рѣнь соотвѣтствуетъ Перыни новгородскихъ преданій.

Такъ какъ олицетвореніе въ эпическомъ стилѣ служитъ проводникомъ отъ миѳа къ внѣшнему, поэтическому украшенію, и такимъ образомъ становится обычною эпическою формой; то во многихъ случаяхъ очень трудно рѣшить, миѳическое ли вѣрованіе дало начало иному олицетворенію и обращенію къ рѣкѣ какъ къ существу живому, или же эпическое настроеніе фантазіи, воспитанное чудеснымъ, независимо отъ древняго вѣрованія, въ своихъ причудливыхъ образахъ безсознательно сходится съ представленіями древнѣйшихъ миѳовъ, основанныхъ на чествованіи воды и рѣкъ. Племенамъ, разселявшимся по рѣкамъ, такъ естественно было обращаться съ вопросомъ или съ мольбою къ рѣкѣ, на берегахъ которой они нашли себѣ надежный пріютъ и родную осѣдлость. Имъ кажется, что родная рѣка своими всплесками и неумолкаемымъ шелестомъ своихъ струй, сочувствуетъ ихъ заботамъ и готова помочь имъ. „Ай, Влтава! Что мутишь ты воду сребропѣнну? Или тебя всколыхала буря, нагнавши тучи на широкомъ небѣ, омывши вершины горъ зеленыхъ, размывши златопещаную глину?“ Такъ начинаетъ Чехъ свою пѣсню о судѣ княжны Любуши надъ двумя братьями, которые вели тяжбу о наслѣдствѣ. Родная рѣка съ живѣйшимъ участіемъ отвѣчаетъ ему: „Какъ же бы я воды не мутила, когда ссорятся два родные брата о дѣдинѣ отчей, ссорятся круто между собою. Лютый Хрудошъ на рѣкѣ Отавѣ

кривой, златоносной, и Стяглавъ храбрый на рѣкѣ Радбужѣ холодной, оба братья, оба Кленовичи, рода стараго, Тетвы Попелова, который пришелъ съ полками чеховыми въ эти богатыя волости черезъ три рѣки?“ Слѣдуя національнымъ воззрѣніямъ, Влтава опредѣляетъ рѣками и переселеніе чешскихъ родовъ, и ихъ размѣщеніе. Родоначальникъ перешелъ съ своими полками черезъ три рѣки; враждующіе братья поселились по рѣкамъ. Русская княжна Ярославна [1], горюя о своемъ мужѣ, съ искреннею мольбой обращается къ Днѣпру Словутичу, чтобъ онъ прилелѣялъ къ ней ея мужа, чтобъ она не слала къ нему своихъ слезъ черезъ море. Когда ея супругъ, князь Игорь, спасается бѣгствомъ изъ плѣна отъ Половцевъ, рѣка Донецъ съ участіемъ говоритъ ему: „Княже Игорю! Не мало тебѣ величія, а Кончаку нелюбія, а Русской землѣ веселія!“ Игорь отвѣчаетъ рѣкѣ: „О Донецъ! Не мало тебѣ величія, что лелѣялъ ты князя на своихъ волнахъ, постилалъ ты ему зеленую траву на своихъ серебряныхъ берегахъ, одѣвалъ его теплою мглою подъ сѣнью зеленыхъ деревъ; стерегъ его гоголемъ на водѣ, чайками на струяхъ, чернядьми на вѣтрахъ!“ Какъ князь Игорь чувствуетъ свою судьбу связанною съ степными рѣками, во время своихъ воинскихъ набѣговъ; такъ и Садко Новгородскій гость съ благодарностію относится къ рѣкамъ, потому что онѣ на своихъ волнахъ лелѣятъ его торговыя суда [2]. Опуская въ Волгу, въ видѣ жертвы, хлѣбъ съ солью, Садко благодаритъ ее за то, что, разъѣзжая по ней, онъ ни разу не видалъ надъ собою никакой „притки“ и скорби. Волга отвѣчаетъ ему человѣческимъ голосомъ, и посылаетъ съ нимъ поклонъ къ своему брату Ильмень-озеру. Когда Садко исполнилъ ея порученіе, Ильмень является ему въ видѣ удалаго добраго молодца, и спрашиваетъ: „Какъ же ты знаешь мою сестру Волгу рѣку?“ — „А я гулялъ по Волгѣ двѣнадцать лѣтъ, отвѣчаетъ Садко: съ вершины знаю ее и до самаго устья, до Нижняго царства Астраханскаго.“ Какъ Садко чествуетъ Волгу и Ильмень-озеро, такъ Илья Муромецъ свою родную Оку. Отправляясь съ родины на богатырскіе подвиги, на прощаньи, опустилъ онъ корочку хлѣба по Окѣ рѣ-

[1] См. *Слово о полку Игоревѣ*.

[2] Кирши Данилова *Древн. Росс. Стих.* стр. 266.

кѣ, за то что поила и кормила его, и взялъ съ собою въ ладонку горсть родной земли [1].

Вотъ еще былина о какомъ-то безыменномъ героѣ.

Ѣдетъ добрый молодецъ на чужую, дальню сторону [2]. Ему путь пересѣкаетъ рѣка Смородина. „А и ты мать, быстра рѣка Смородина! говоритъ молодецъ: Ты скажи мнѣ, быстрая рѣка, про броды конные, про мосточки калиновы, про перевозы частые?“ Отвѣчаетъ ему рѣка человѣческимъ голосомъ, душой красной дѣвицей, будто какая миѳическая перевощица, какъ та старшая дочь Соловья Разбойника: „Съ броду коннаго я беру по добру коню, съ перевозу по сѣдлу черкасскому, съ мосточку по удалому молодцу, а тебя, безвременнаго молодца, я и такъ пропущу.“ Проѣхалъ добрый молодецъ, самъ сталъ похваляться: „Вотъ, сказали про быстру рѣку Смородину, что ни пѣшему, ни конному не пройдти, не проѣхать, а она хуже лужи дождевой!“ Заслышавъ то, рѣка Смородина кричитъ ему вслѣдъ душой красной дѣвицей: „Безвременный ты молодецъ! Забылъ ты за быстрой рѣкой свои два ножа булатные: вѣдь на чужой сторонѣ это оборона великая!“ Воротился молодецъ за рѣку, захватилъ свои ножи, и когда сталъ опять переѣзжать рѣку, не нашелъ ужь ни броду, ни перевозу, ни мостика. Такъ и поѣхалъ глубокими омутами. Ступилъ разъ, по черевъ конь утонулъ; ступилъ въ другорядь—по сѣделечко; ступилъ третью ступень—ужь и гривы не видать. Взмолился тогда добрый молодецъ рѣкѣ Смородинѣ; а она отвѣчала ему душой красной дѣвицей: „Не я тебя топлю, безвременный молодецъ, топитъ тебя твоя похвальба пагуба!“ Такъ и утонулъ добрый молодецъ въ Смородинѣ рѣкѣ, которую та же пѣсня величаетъ и *Москвою-Смородиной*.

II.

Каковы бы ни были побудительныя причины къ созданію этихъ образовъ и сценъ, миѳическія ли, основанныя на старой памяти, или уже чисто фантастическія, не

[1] См. *Замѣтку* г. Даля въ 1-мъ выпускѣ сборника Кирѣевскаго.

[2] Кирш. Данилова стр. 296—8.

подкрѣпляемыя никакимъ вѣрованіемъ, все же это не холодная, отвлеченная аллегорія, не случайная забава праздпаго воображенія, а необходимая, типическая форма, въ которой выражаются тѣ же условія быта, какъ и въ миѳахъ о богатыряхъ-рѣкахъ, и о родственной связи ихъ съ стихійными божествами и чудовищами. Въ странѣ, бѣдной очертаніями природы, въ степной и лѣсистой, гдѣ взоръ свободно распространяется вдаль къ склоняющимся на равнину краямъ горизонта, не останавливаясь ни на одномъ возвышеніи, сколько-нибудь поражающемъ воображеніе, въ странѣ умѣренной, не отличающейся ни поразительною силою зноя, ни быстрыми переходами отъ жару къ холодамъ, изъ всѣхъ миѳическихъ преданій о стихійныхъ божествахъ могли удержаться, и даже получить мѣстное развитіе, только преданія о рѣкахъ. Для великановъ горъ не нашлось на Руси приличной обстановки; вѣтры, Стрибоговы внуки, проносясь по степямъ и лѣсистымъ равнинамъ, глухо терялись въ однообразномъ пространствѣ, потому что негдѣ было имъ остановиться, чтобы сгруппироваться въ великанскіе образы; нѣтъ на Руси ни глубокихъ пещеръ, гдѣ бы они пріютились, ни высокихъ горъ, изъ-за которыхъ они вырывались бы наружу. Самое море въ нашихъ пѣсняхъ называется только *синимъ*; потому что племена, заселившія Русь, забыли уже его безпріютную, волнующуюся пустыню, и вынесли съ собою только пріятное воспоминаніе о зеркальной поверхности водъ, въ которой отражается синее, безоблачное небо. Нашъ эпосъ хотя и знаетъ морскаго царя, но чествуетъ его только по отношенію къ рѣкамъ, чтобъ въ этомъ божествѣ дать имъ отца, потому даже низводитъ его до божества водъ вообще, называя его Водяникомъ, и давая ему въ супруги какую-то царицу Водяницу.

Миѳологія финскихъ и сѣверныхъ нѣмецкихъ племенъ рисуетъ воображенію титаническіе типы стихійныхъ божествъ воздуха, мороза, горной природы и морскаго тумана. Высокія горы и приморскія скалы издали обманываютъ взоръ своими прихотливыми формами, и мерещатся испуганному воображенію страшными исполинами. Они насылаютъ на смертныхъ морозъ и снѣгъ, грозятъ своею массой подавить ихъ скромныя жилища, и, возвышаясь надъ туманною поверхностію моря, несокрушимо отража-

ютъ отъ себя удары вѣтровъ и морской бури. Понятно, слѣдовательно, почему сѣверный эпосъ наполненъ сказаніями о борьбѣ бога Тора съ великанами Турсами, стихійными существами горъ, мороза, инея и вѣтровъ. Самыя горы, по преданію сѣверной миѳологіи, не что иное, какъ колоссальныя кости нѣкогда убитаго Имира, величайшаго изъ великановъ. Его брови были употреблены на ограду, которою, какъ горными хребтами, жилища Асовъ и Вановъ, а также и простыхъ смертныхъ, отдѣляются отъ враждебной области суровыхъ великановъ. Чтобы понять какъ различны были условія окружающей природы, въ которыхъ воспитывалась эпическая фантазія русскихъ Славянъ и сосѣднихъ съ ними Финновъ занявшихъ горныя и приморскія страны, достаточно, напримѣръ, припомнить одинъ изъ космогоническихъ эпизодовъ финскаго эпоса *Калевалы*.

Въ началѣ временъ не было ни земли, ни солнца, ни луны, ни звѣздъ; были только воздухъ да вода. Въ пространныхъ жилищахъ воздуха обитала дѣвица *Ильматаръ* [1], прекрасная и цѣломудренная. Разъ спустилась она съ воздушныхъ высотъ на море: тогда вдругъ поднялась съ востока буря, море взволновалось, и дѣвица Ильматаръ понеслась надъ морскою равниной. И зачала она тогда въ своей утробѣ сына отъ вѣтра, и такъ съ дѣтищемъ въ утробѣ носилась она въ безпредѣльномъ пространствѣ 700 лѣтъ: все не могла разрѣшиться отъ бремени. Въ жестокихъ мукахъ, окоченѣвши отъ холода, горько она раскаивалась тогда, что не осталась *дѣвою на воздухѣ*, и что спустилась на море, какъ *мать воды*. Въ утробѣ ея сидѣлъ не кто иной, какъ самъ *Вейнемейненъ*, герой и творецъ міра. Надоѣло Вейнемейнену сидѣть въ темной утробѣ своей матери, и онъ самъ себѣ проложилъ путь на свѣтъ. Родился онъ на морѣ, долго скитался по его поверхности, потомъ начинаетъ творить міръ. „Несется онъ по морю, такъ поетъ руна [2], гдѣ подниметъ голову—тамъ острова творитъ, куда рукою махнетъ—тамъ мысы, гдѣ ногою зацѣпитъ морское дно—тамъ рыбамъ ямы роетъ. Гдѣ земля къ землѣ приближается, тамъ назначаетъ мѣста для неводовъ. Гдѣ онъ остановится—тамъ утесы и скалы, и мели надъ водою, гдѣ

---

[1] Въ переводѣ значитъ: *дочь воздуха*.

[2] *Руками* называются пѣсни и эпизоды Калевалы.

разбиваются корабли и гибнутъ купцы.“ Тогда изъ земли Турьи прилетѣлъ орелъ, и паритъ въ воздухѣ, высматриваетъ, гдѣ бы свить себѣ гнѣздо. Вейнемейненъ, будто великанъ-утесъ торчащій изъ моря, поднимаетъ свое колѣно въ видѣ „кочки покрытой густою травой“, и орелъ вьетъ на ней себѣ гнѣздо; потомъ снесъ онъ семь яицъ. Вейнемейненъ чувствуетъ, что колѣно его согрѣвается, онъ тряхнулъ имъ, и яйца падаютъ на дно моря и разбиваются. Изъ разбитыхъ яицъ Вейнемейненъ творитъ землю, солнце, луну и звѣзды, а самъ приговариваетъ вѣщія слова: „Будь, исподняя скорлупа, землею, а верхняя небомъ! Свѣтися, бѣлокъ, на небѣ солнцемъ, а ты, желтокъ, разгоняй ночную темноту луною! А что осталось отъ яицъ, пусть пойдетъ на звѣзды!“

Громадные размѣры далекаго моря съ гигантскими утесами, надъ которыми въ видѣ дочери воздуха носятся тучи, и отъ морскихъ вѣтровъ зараждаютъ въ своей утробѣ творца міровъ—эти необъятныя размѣры эпической фантазіи Финновъ, вызванные самою природой,—въ эпосѣ славянскомъ, тоже соотвѣтственно условіямъ природы и быта, сокращаются въ умѣренныя формы рѣкъ съ крутыми, красными берегами. Всемірный змій - Океанъ сѣверной миѳологіи, охватывающій всю землю, въ эпосѣ русскомъ сжимается въ мелкія черты змія рѣчнаго или звѣря-зміяки, который вступаетъ въ связь съ какою-то Волховскою коровницей. Морскіе утесы смѣняются красными берегами, и самое слово *Berg*, то-есть гора—грамматически переходитъ въ форму *брегъ* или *берегъ*.

Очевидно, въ зависимости отъ условій природы и быта и отъ воззрѣній воспитанныхъ миѳологіей и эпосомъ, надобно объяснять почему на Руси доселѣ во всей свѣжести живутъ въ народѣ преданія и сказанія о стихійныхъ существахъ живущихъ въ рѣкахъ, то-есть о *русалкахъ*, между тѣмъ какъ *вилы*, свѣтлые геніи воздуха, существа горныя, вполнѣ соотвѣтствующія сѣвернымъ валькиріямъ, господствуютъ въ эпосѣ сербскомъ, который, оставивъ за вилами воздушныя жилища и воинственность валькирій, смягчилъ однако суровость этихъ приспѣшницъ богини Фреи, придавъ имъ граціозныя очертанія античнаго стиля. Въ воображеніи Болгаръ доселѣ живутъ вмѣстѣ и вилы подъ именемъ *самовилъ* и русалки подъ именемъ *самодивъ*; и, вѣро-

ятно, послѣднее названіе имѣетъ много общаго съ упомянутыми выше великанами *дивами*, нѣкогда существами свѣтлыми и прекрасными.

Впрочемъ, несмотря на то, что въ эпосѣ русскомъ не могли господствовать представленія о великанахъ горъ, все же были и на Руси зачатки этихъ представленій, вынесенные изъ общей индо-европейскимъ народамъ арійской родины, а у другихъ Славянъ, при благопріятствовавшей обстановкѣ природы и быта, даже развились они, принявъ мѣстный, индивидуальный характеръ. Самыя названія нѣкоторыхъ горъ и скалъ свидѣтельствуютъ о древнемъ миѳическомъ ихъ значеніи у Славянъ. Такъ у Горенскаго мыса, близъ Руяны, есть скала, имя ей *Божій Камень (бужь-камъ, buskahm)*; близъ Будешина двѣ горы своими названіями напоминаютъ дуализмъ *Зендавесты*, именно: *Бѣлый богъ* и *Черный богъ* [1].

Преданіе о миѳическихъ представителяхъ горныхъ силъ русскій эпосъ сохраняетъ въ образѣ страшнаго колосса, *лежащаго* именно *на горѣ*. Объ этомъ повѣствуетъ одинъ изъ эпизодовъ эпоса объ Ильѣ Муромцѣ [2]. Однажды заслышалъ онъ, что есть на свѣтѣ богатырь силы непомѣрной, котораго и земля не держитъ, и который во всемъ мірѣ нашелъ только одну гору, могущую выдержать его силу и тяжесть. Ильѣ Муромцу захотѣлось съ нимъ помѣряться. Пошелъ искать его, приходитъ къ горѣ, а на ней лежитъ громадный богатырь, *самъ какъ гора*. Илья наноситъ ему ударъ. „Никакъ зацѣпилъ я за сучокъ,“ говоритъ великанъ. Илья напрягши всю свою силу, повторяетъ ударъ. „Вѣрно я за камешекъ задѣлъ,“ говоритъ великанъ. Потомъ, оборотясь, онъ увидѣлъ Илью Муромца и воскликнулъ: „А! это ты, Илья Муромецъ! Ты силенъ между людьми, и будь между ними силенъ, а со мною нечего тебѣ мѣрять силы. Видишь, какой я уродъ! Меня и земля не держитъ. Нашелъ себѣ гору и лежу на ней.“

Итакъ, этотъ великанъ будто сросся съ самою горой. Ему нѣтъ мѣста на всей землѣ, которая его не въ силахъ держать; а гора держитъ: ясно, что гора сильнѣе земли. Такія несообразности очень не рѣдки въ народныхъ пре-

---

[1] Слич. *О вліян. христіанства на слав. яз.* стр. 56.

[2] Замѣтка Аксакова, въ 1-мъ выпускѣ сборника Кирѣевскаго.

даніяхъ, но, что особенно любопытно, иногда отлично объясняются они воззрѣніями и вѣрованіями первобытной эпохи зарожденія миѳовъ и языка. По крайней мѣрѣ въ этомъ случаѣ блистательное подтвержденіе русскому миѳу находимъ въ одномъ изъ названій горы по-санскритски: *поддерживающая* или *держащая землю* [1], такъ что гора, по этому названію, представляется какъ бы пьедесталомъ для какого-нибудь миѳическаго существа, и именно для богини земли или матери-сырой земли. Согласно этому воззрѣнію, русскій великанъ дѣйствительно нашелъ, что гора сильнѣе земли, и если она поддерживаетъ землю, точно такъ какъ древній Атласъ поддерживалъ небо, то поддержитъ и его.

Уже въ древнѣйшую эпоху Чехи также представляли себѣ миѳическаго великана лежащимъ на горѣ, или носимымъ горою, какъ это видно изъ древняго названія Исполиновыхъ горъ: *Крѣко-ноша*, то-есть, несущая чешскаго героя *Крока*, отца княжны Любуши и ея двухъ миѳическихъ сестеръ,—или же несущая польскаго миѳическаго героя *Крака*, которому преданіе приписываетъ основаніе города Кракова.

Нѣкоторыя миѳическія существа ранней титанической породы, по русскому эпосу, происходятъ отъ горъ. Это явствуетъ изъ отечественнаго прозвища *Горынычъ*, *Горынчище*, *Горынинка*, то-есть рожденный или рожденная отъ *горы* или *Горыни*. Такъ миѳическій змій русскаго эпоса прозывается *Змій Горынычъ*; исполинская чародѣйка—*Баба-Горынянка*.

Арійскій прототипъ нашихъ *Горыничей* сохранился въ миѳическихъ герояхъ *Баргавасахъ*, дѣтяхъ *Бргу*, одного изъ первобытныхъ людей, созданныхъ Брамою *(праджапатис)*. А *бргу* собственно значитъ гора, и отъ него отечественная форма *баргавасъ*-горыничъ. [2]

Слѣдуя древне-арійскимъ преданіямъ, сѣверная миѳологія признаетъ Тора соотвѣтствующаго нашему Перуну, сыномъ Горы, то-есть Горыничемъ, потому что матерью

---

[1] *Бу-дара* (*б* и *д* придыхательные): сложено изъ *бу*—земля, *дара*—несущій или держащій.

[2] *Б* въ обоихъ словахъ придыхательное. Отъ санскритск. *бргу* происходятъ нѣм. *Berg* и наше *берегъ*, *берегъ*. Слич. Pictet, *Les Origines Indo-europ.* Стр. 125—127.

его была Fiörgyn (гора); также и Фрея была Горынянка, отъ отца Fiörgynn (гора). [1] Вообще сѣверные великаны горъ носятъ названія, происшедшія отъ слова *berg* (санскритски *бргу*, то-есть гора): то-есть они или самыя горы, или горыничи. [2]

Такъ какъ миѳы о титаническихъ существахъ состоятъ въ тѣснѣйшей связи съ космогоническимъ ученіемъ о происхожденіи міра, стихій, растеній, металловъ; и такъ какъ названія предметовъ въ языкѣ часто соотвѣтствуютъ воззрѣніямъ, воспитаннымъ миѳологіею и бытомъ народа: то, говоря о горыничахъ, нельзя не упомянуть о санскритскомъ названіи желѣза *гіріджа*, что̀ слово въ слово значитъ: *рожденный отъ горы*. [3]

Дѣйствительно, космогоническій эпосъ внесъ въ свои эпизоды, какъ одинъ изъ существенныхъ моментовъ, миѳъ о происхожденіи металловъ вообще, и въ особенности желѣза. Согласно національнымъ воззрѣніямъ и условіямъ мѣстнымъ, въ наибольшей свѣжести этотъ миѳъ сохранился въ Финской *Калевалѣ*.

„Воздухъ всему мать, такъ разказывалъ самъ Вейнемейненъ: вода старшая сестра [4], желѣзо—младшій братъ, а средній между ними огонь. Укко [5], творецъ всего, Богъ на небѣ, отдѣлилъ воду отъ воздуха, а отъ воды землю. Только не было желѣза. Тогда Укко, воздушный богъ, потеръ себѣ руки и приложилъ къ лѣвой коленкѣ: и родились оттого три прекрасныя дѣвицы, три матери металловъ [6]. Отъ желтаго молока первой родилось золото, отъ бѣ-

---

[1] Скандин. *Fiörgyn* женск. рода и *Fiörgynn* муж. рода, имѣютъ при себѣ въ готскомъ *fairguni*—гора, средн. рода.

[2] См. Вейнгольда *Die Riesen des Germanischen Mythus*, въ *Sitzungsberichte d. Philos.-historischen Classe d. Kais. Academie d. Wissenschaften*. 1858 г. Февраль.

[3] Сложено изъ *гірі*—гора и *джа*—рожденный. Ближе всѣхъ къ этому слову литовское *geležis*, съ обычнымъ переходомъ древнѣйшаго *р* въ позднѣйшее *л* и *і* въ *е*. Наше *желѣзо* есть смягченная форма литовской.

[4] Въ подлинникѣ, *братъ*.

[5] Укко верховное божество, собственно *дѣдъ*.

[6] Точно такъ и отъ колѣнъ Имира происходитъ первое на землѣ человѣкообразное существо, согласно индійскому миѳу о происхожденіи кастъ отъ головы, рукъ и ногъ Брамы. Слич. въ русскомъ стихѣ о *голубиной книгѣ*:

Завелось крестьянство православное,
Отъ того *колѣна* отъ Адамова. (Сборн. Варенцова стр. 22.)

лаго молока другой—серебро, а отъ чернаго молока третьей—желѣзо. Только что родилось на свѣтъ желѣзо, захотѣлось ему повидаться съ своимъ милымъ старшимъ братцемъ, съ огнемъ. Но огонь страшно ярится, забираетъ силы, хочетъ спалить несчастнаго, своего милаго братца желѣзо. Желѣзо бѣжитъ, спасается прыткимъ бѣгомъ отъ яростной силы (кулаковъ) огня, отъ злой пасти пламени. И спасается желѣзо въ зыбучихъ болотахъ, въ гремучихъ ручьяхъ, и на пологихъ скатахъ горъ, гдѣ несутъ яйца лебеди, гдѣ вьютъ себѣ гнѣзда гуси... Но по болотамъ рыщутъ волки, по степямъ ходятъ медвѣди: подъ ногами волка трясется болото, подъ лапами медвѣдя перегибается поле: желѣзо выходитъ наружу, гдѣ пробѣжитъ волкъ своими ногами, гдѣ ступитъ медвѣдь лапою. И родился Ильмариненъ (это вѣщій кузнецъ финскаго эпоса), родился и выросъ, на угольной горѣ родился, на угольномъ полѣ выросталъ, съ мѣднымъ молоткомъ въ рукѣ, съ клещами въ кулакѣ... Онъ собираетъ желѣзо, и, расковывая его на огнѣ, готовитъ оружіе и всякую утварь.“

Огненный, летучій змій Горыничъ, или Горынчище, по русскому эпосу, живетъ въ пещерахъ и хранитъ драгоцѣнные металлы, такъ же какъ скандинавскій змій Фафниръ хранитъ роковой кладъ Нифлунговъ. Еще будучи въ молодыхъ лѣтахъ богатырь Добрыня Никитичъ [1] пошелъ купаться на Изрой рѣку. Струя подхватила Добрыню и унесла въ пещеры бѣлокаменныя къ лютому змію. Поразивъ змія и дѣтей его, Добрыня

Нашелъ въ пещерахъ бѣлокаменныхъ
У лютаго змѣища Горынчища,
Нашелъ онъ много злата, серебра.

Остатокъ великановъ горной породы, во всей ясности, сохранилъ русскій эпосъ въ колоссальномъ типѣ *Святогора* [2]. Уже самое имя его указываетъ на связь съ *горою*. Живетъ онъ на *Святыхъ Горахъ*. Святыми называются онѣ, конечно, не въ христіянскомъ смыслѣ, такъ какъ и Русь полу-

---

Слич. юридич. значеніе *колѣна* въ устройствѣ нѣмецкой семьи. Ia. Grimm, *Deutsche Rechtsalth.* Стр. 468. Старшій въ родѣ по-русски называется *колѣно*, откуда *колѣно* и *поколѣніе* въ смыслѣ рода-племени.

[1] Кирш. Данил., стр. 345 и слѣд.

[2] Сборникъ Рыбник., стр. 35, 33.

чила свой эпитетъ *святая*, первоначально безъ всякаго отношенія къ *святости* православія, потому что безъ самыхъ пошлыхъ натяжекъ никоимъ образомъ нельзя объяснить этого эпитета съ исключительно-христіянской точки зрѣнія. Какъ упомянутаго выше исполина горы *земля не держитъ*, потому и лежитъ онъ на горѣ, такъ и о Святогорѣ говорятъ Ильѣ Муромцу калики перехожіе:

....Не выходи драться
Съ Святогоромъ богатыремъ:
Его и земля на себѣ черезъ силу носитъ.

По одному варіянту Святогоръ и погибаетъ, какъ существо стихійное, хаотическое. Онъ хотѣлъ поднять *тягу земную*, но и его силы на то не хватило. Съ натуги

По колѣна Святогоръ въ землю угрязъ,
А по бѣлу лицу не слезы, а кровь течетъ.
Гдѣ Святогоръ угрязъ, тутъ и встать не могъ.
Тутъ ему было и кончаніе.

То-есть, погрязшій по колѣна въ землю, Святогоръ на вѣки такъ и остался, и торчитъ изъ земли, будто скала.

Русскій миѳъ о превращеніи младшихъ богатырей въ камни или скалы, вѣроятно, первоначально относился къ великанамъ и богатырямъ породы старшей, или титанической. Въ послѣдствіи, когда и младшіе богатыри стали для народа стариною незапамятною, то и на нихъ онъ могъ перенести этотъ миѳъ, какъ на существа необычайныя. Слѣдственно, несмотря на то что русскій эпосъ смѣшиваетъ разныя эпохи, и, не затрудняясь никакими анахронизмами, заставляетъ своихъ до-историческихъ богатырей быть современниками и Татаръ, и московскихъ царей, и Ермака, все же въ народѣ довольно ясно сознаніе о томъ, что богатырей давно уже на землѣ нѣтъ, что они жили когда-то въ первобытныя времена, при обстоятельствахъ совершенно иныхъ; что это были существа особенныя, вознесенныя изъ среды обыкновенныхъ смертныхъ, и своими личными качествами, своею сверхъестественною природою, и тою средой, въ которой дѣйствовали.

Этотъ важный моментъ въ исторіи русскаго эпоса, основанный на миѳѣ о великанахъ горныхъ и перенесенный

на младшихъ богатырей, во всей ясности обозначился въ былинѣ о томъ, *отчего перевелись витязи на святой Руси* [1].

Однажды богатыри младшей эпохи и Владимірова цикла собрались на Сафатъ-рѣкѣ. Тутъ былъ Горденко Блудовичъ, Василій Казимировичъ, Василій Буслаевичъ, Иванъ Гостиный Сынъ, Алеша Поповичъ, Добрыня Никитичъ и наконецъ самъ Илья Муромецъ. На этой рѣкѣ произошла у нихъ битва съ Татарами (обыкновенный анахронизмъ). Богатыри одержали блистательную побѣду, и возгордились до того что въ своей похвальбѣ рѣшились вызывать на бой *силу нездѣшнюю, нвбесную*, то-есть, сверхъестественную, съ точки зрѣнія, конечно, миѳологической. Только что вызвалъ Алеша Поповичъ силу нездѣшнюю, какъ явилось двое воителей, существа другаго міра, и храбро идутъ въ бой съ богатырями. Налетаетъ на нихъ Алеша Поповичъ, и со всего плеча разрубаетъ ихъ пополамъ, и къ великому удивленію, двое воителей не пали мертвыми, а только умножились: ихъ стало четверо, и живы всѣ. Налетѣлъ Добрыня Никитичъ, перерубилъ ихъ пополамъ, и опять стало ихъ вдвое больше, и живы всѣ. Бросился на чудесныхъ враговъ самъ Илья Муромецъ, и еще разъ удвоилась сила нездѣшнихъ воиновъ. Тогда

Бросились на силу всѣ витязи,
Стали они силу колоть, рубить...
А сила все растетъ да растетъ,
Все на витязей съ боемъ идетъ...
Не столько витязи рубятъ,
Сколько добрые кони ихъ топчутъ...
А сила все растетъ да растетъ,
Все на витязей съ боемъ идетъ..
Бились витязи три дня, три часа, три минуточки,
Намахались ихъ плеча могутныя,
Уходилися кони ихъ добрые,
Притупились мечи ихъ булатные...
А сила все растетъ да растетъ,
Все на витязей съ боемъ идетъ...
Испугались могучіе витязи:
Побѣжали въ каменныя горы, въ темныя пещеры...
Какъ подбѣжитъ витязь къ горѣ, такъ и окаменѣетъ,
Какъ подбѣжитъ другой, такъ и окаменѣетъ,
Какъ подбѣжитъ третій, такъ и окаменѣетъ...
Съ тѣхъ-то поръ и перевелись витязи на святой Руси.

[1] Напечатана въ *Сынъ Отеч.* 1856 г. № 26. Слич. мои *Истории. Очерки* II, стр. 13—14. Слогъ этой былины, очевидно, подновленъ.

Если подъ *нездѣшними* воителями, основываясь на выраженіи *сила небесная*, разумѣть ангеловъ, въ позднѣйшемъ, то-есть въ христіянскомъ смыслѣ; то возстаніе богатырей противъ нихъ, какъ страшное святотатство, и наказывается страшною казнью. Но такое объясненіе противно смыслу и нравственному такту народнаго эпоса. Ничто въ характерѣ и дѣйствіяхъ нашихъ богатырей не заставляетъ предполагать въ нихъ святотатственнаго покушенія; потому что нигдѣ въ былинахъ они не выставляются врагами христіянскаго міра, и вообще русскій эпосъ избѣгаетъ всякаго враждебнаго столкновенія богатырей съ небесными силами, принимаемыми въ христіянскомъ смыслѣ. И зачѣмъ было христіянскимъ ангеламъ или святымъ вести бой на смерть и потомъ погубить всѣхъ этихъ богатырей, которыхъ такъ чествуетъ и лелѣетъ народная фантазія? Это не совмѣстно съ законами справедливости и возмездія, которыхъ народный эпосъ свято держится въ приложеніи къ судьбѣ своихъ любимыхъ героевъ. Сверхъ того, самъ Илья Муромецъ, по народнымъ вѣрованіямъ, причисленъ къ лику святыхъ: какъ же онъ будетъ виновникомъ святотатственнаго возстанія противъ небесныхъ силъ христіянскаго міра?

Народъ чувствовалъ эту неловкость, происходящую отъ обоюднаго смысла нездѣшней силы; потому въ варіянтѣ приведенной былины, изданномъ въ сборникѣ г. Рыбникова [1], удвояются подъ ударами богатырей, не воители небесные, а *Татара*. А между тѣмъ, передъ этимъ чуднымъ явленіемъ, Илья Муромецъ только что возгордился, подумавъ:

„Еслибы была вся сила небесная,
Прирубили бы и всю силу небесную.“
Разгорѣлись всѣ сердца богатырскія:
Разрубятъ Татарина единаго—
Сдѣлается два Татарина;
Разрубятъ два Татарина—
Сдѣлается четыре Татарина;
Умножилось *силы-войска поганаго*
Во эвтоемъ во полѣ во чистоемъ.
Рубилъ старый казакъ Илья Муромецъ
Этую силу поганую великую,
И пересѣлся старый козакъ Илья Муромецъ:
И *закаменѣвши конь* его богатырскій
На эвтоемъ полѣ на чистоемъ.

[1] Стр. 119.

Итакъ, Илья Муромецъ является даже главнымъ виновникомъ этой борьбы, и самый конь его каменѣетъ. Но только съ точки зрѣнія миѳологической можно объяснить эту странную метаморфозу нездѣшней, свѣтлой силы въ поганую. Ясно, что въ борьбѣ нашихъ богатырей съ нездѣшними силами, надобно видѣть одну изъ тѣхъ миѳическихъ катастрофъ, которыя выражаетъ народная фантазія у разныхъ народовъ, то въ возстаніи Титановъ противъ олимпійскихъ боговъ, то въ погибели Турсовъ и Іотовъ—сѣверныхъ великановъ—отъ молота бога Тора, то наконецъ въ конечномъ истребленіи свѣтлыхъ божествъ сѣверной миѳологіи въ борьбѣ съ полчищами Суртура и чудовищнымъ отродьемъ злобнаго Локи.

Во всякомъ случаѣ, надобно полагать, что въ катастрофѣ нашихъ богатырей смѣшиваются двѣ эпохи: 1) Первобытная—низверженіе великановъ древней хаотической эпохи подъ ударами богатырей и божествъ эпохи новой; и 2) позднѣйшая—гибель новыхъ божествъ и младшихъ богатырей, вытѣсняемыхъ изъ народнаго сознанія уже новѣйшими, историческими переворотами. Впрочемъ, первая эпоха сильнѣе наложила свою печать на судьбу нашихъ богатырей. Какъ сѣверные великаны, они превращаются въ камни, горы и утесы: а *превращеніе* на эпическомъ языкѣ часто имѣетъ смыслъ и уподобленія, ассимиляціи, тожества. Слѣдовательно, это просто великаны горъ, миѳическое олицетвореніе самыхъ горъ и утесовъ. Такое миѳическое превращеніе соотвѣтствуетъ космогоническому преданію о самомъ рожденіи людей изъ каменьевъ, которые, по греческому миѳу, Девкаліонъ и супруга его, соотвѣтствующіе семитическому Ною и индоевропейскому Ману,— бросали позадь себя, и изъ каждаго камня рождался человѣкъ.

Наконецъ миѳическое превращеніе въ послѣдствіи низводится до чародѣйскаго явленія, производимаго вѣщимъ словомъ. Такъ одна вѣщая женщина оборачиваетъ камнемъ Потока или Потыка Михайлу Ивановича, а сама приговариваетъ:

Гдѣ былъ душечка Михайла Потыкъ Ивановичъ,
Тутъ станъ бѣлъ горючъ камень,
А пройдетъ времечка три году,
И пройди сквозь матушку сыру землю [1].

[1] Рыбник. стр. 223.

То-есть, утесъ погрязъ въ землѣ, какъ Святогоръ въ приведенномъ выше эпизодѣ.

Титаническія, стихійныя существа въ исторіи народнаго эпоса заслоняютъ собою преданія о первобытныхъ хаотическихъ переворотахъ на землѣ, совершавшихся нѣкогда могуществомъ высшихъ, недовѣдомыхъ силъ. По этимъ преданіямъ, горы, лѣса, воды, въ хаотическомъ безпорядкѣ громоздились по землѣ, и какъ существа одушевленныя могли сдвигаться между собою и раздвигаться, по приказанію вѣщаго слова. Творецъ, устроитель земли Русской, Вейнемейненъ русскаго космогоническаго эпоса, подъ позднѣйшимъ именемъ Егорія Храбраго, ѣдетъ по Русской землѣ и—

Наѣзжалъ на лѣса на дремучіе:
Лѣса съ лѣсами совивалися,
Вѣтья по землѣ разстилалися;
Ни пройтить Егорью, ни проѣхати.
Святый Егорій глаголуетъ:
„Вы лѣсы, лѣсы дремучіе!
„Встаньте и разшатнитеся
„Разшатнитеся, раскачнитеся...“
Наѣзжалъ Егорій на рѣки быстрыя,
На быстрыя на текучія:
Нельзя Егорью проѣхати,
Нельзя Святому подумати.
„Ой вы еси, рѣки быстрыя!
„Рѣки быстрыя, текучія!
„Протеките вы, рѣки, по всей земли,
„По всей земли свято-Рускіей,
„По крутымъ горамъ по высокіимъ,
„По темнымъ лѣсамъ по дремучіимъ...“
Наѣзжалъ на горы на толкучія:
Гора съ горой столкнулася:
Ни пройтить Егорью, ни проѣхати.
Егорій Святой проглаголывалъ:
„Вы горы, горы толкучія!
„Станьте вы, горы, по старому...“ [1].

Этой миѳической эпохѣ размѣщенія и установленія порядка и гармоніи между землей и водой соотвѣтствуетъ превращеніе стихійныхъ великановъ въ горы и рѣки. Эти миѳическія существа, одаренныя буйною силой, безъ вся-

[1] Г. Безсонова *Калѣки Перехожіе*, стр 449 и слѣд.

кой урядицы блуждали, сталкивались между собою въ титанической борьбѣ и не давали простору обыкновеннымъ смертнымъ. Но рано или поздно, законы природы должны были положить конецъ этому хаосу и неурядицѣ. Слагатели миѳовъ и космогоническихъ эпизодовъ были глубоко убѣждены, въ этомъ благотворномъ переворотѣ, потому что, хотя они и не довѣряли недовѣдомымъ силамъ природы, хотя страшились и благоговѣли передъ могуществомъ стихій, но все же видѣли, что горы и лѣса стоятъ неподвижно на своихъ мѣстахъ, что рѣки, что бы онѣ ни говорили своими плещущими струями, все же по установленному порядку, неизмѣнно текутъ въ своихъ крутыхъ берегахъ. Куда же дѣвались эти страшные для человѣка исполины, которымъ такъ привольно было блуждать въ первобытномъ хаосѣ? — Они превратились въ рѣки и горы, повѣствуетъ народный эпосъ и успокоиваетъ запуганное воображеніе, наглядно убѣждая, что отъ страшныхъ, сверхъестественныхъ силъ ничего больше не осталось, какъ грубая масса, въ которой онѣ навсегда улеглись.

III.

Увѣрившись въ безвредности неодушевленной природы, оградивъ себя отъ ея произвола убѣжденіемъ, что уже разъ окаменѣвшіе богатыри не шевельнутся въ своихъ заматорѣвшихъ вѣками оковахъ, что Дунай Ивановичъ уже не соберетъ своей крови, превратившейся въ воду, и никогда не предстанетъ въ очію какъ существо человѣкообразное, все же воображеніе, воспитанное миѳическими страшилами, не скоро могло свыкнуться съ тою мыслію, что существа живыя, одаренныя произволомъ, для человѣка страшныя и непонятныя по своимъ дѣйствіямъ, что именно звѣри, птицы, и особенно змѣи, не одарены тою же разрушительною, сверхъестественною силой, отъ которой нѣкогда человѣкъ спасся въ эпоху гибели титановъ, и которая, по наслѣдству отъ этихъ чудовищъ, доселѣ еще пребываетъ въ животныхъ. Такимъ образомъ эпосъ о животныхъ (Thierfabel), въ своемъ древнѣйшемъ видѣ, составляетъ существенное дополненіе къ народной космогоніи.

Тотъ же русскій Вейнемейненъ, подъ видомъ Егорія [1], устроя изъ хаоса землю Русскую

Наѣзжалъ... на стадо звѣриное,
На сѣрыхъ волковъ на рыскучіихъ;
А пастятъ стадо три пастыря,
Три пастыря да три дѣвицы,
Егорьевы ро́дныя се́стрицы.
На нихъ тѣла яко еловая кора,
Власъ на нихъ, какъ ковылъ трава...
Пріѣзжалъ Егорій къ птицамъ клевучіимъ,
Къ птицамъ клевучіимъ нагайщинамъ:
„Вы послушайте, птицы клевучіи,
„Птицы клевучіи, нагайщины!
„Разлетайтесь, пропустите Егорья Храбраго...“
Наѣзжалъ на змѣи на огненны:
Изъ рото́въ пыла́ютъ огонь-по́ломя,
Изъ ушей дымъ столбомъ валитъ,
Ни пройтить Егорью, ни проѣхати.

По одному варіянту, Егорій велѣлъ имъ разсыпаться по сырой землѣ, „во мелкіе дробные череньица“; по другому—цѣлое стадо змѣиное замѣняетъ того змія исполина, въ крови котораго потонулъ было Егорій:

Вынималъ Егорій саблю острую,
Посѣкъ онъ, порубилъ стадо остроe,
Стадо острое змѣиное;
Сталъ же Егорій во крови по бѣлую грудь;
Втыкаетъ Егорій свое скипетро
Во матерь во землю:
„О, матушка, сырая земля, разступися,
„На всѣ четыре страны раздвинься,
„На четыре страны, на четыре четверти,
„Ты пожри кровь змѣиную, проклятую!“

Миѳическія преданія о чудовищныхъ зміяхъ и волкахъ и о превращеніи людей въ эти чудовища, у Славянъ восходятъ къ глубокой древности [2]. Народъ *Невры*, по свидѣтельству Геродота, жилъ въ странѣ лежащей на сѣверо-западъ отъ истоковъ Днѣстра, то-есть въ странѣ, которая до позднѣйшаго времени въ польской исторіи извѣстна подъ

---

[1] Безсонова, *Калѣки Перехожіе*. Стр. 451. 473. 438. 418.

[2] Шафарикъ, *Славянскія Древности*, въ переводѣ г. Бодянскаго. Т. I, кн. I. Стр. 322 и слѣд.

именемъ земли *Нурской*. Первобытныя ихъ жилища были, вѣроятно, гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ; но за сто лѣтъ до похода Дарiева противъ *Скиѳовъ*, какъ свидѣтельствуетъ тотъ же греческій историкъ, *они принуждены были змѣями, частiю расплодившимися въ ихъ краѣ, частiю же пришедшими къ нимъ изъ сѣверныхъ пустынь*, оставить свои прежнiя жилища и искать прiюта у сосѣдняго и родственнаго племени, у Будиновъ. „Нравы ихъ, говоритъ Геродотъ, нѣсколько похожи на скиѳскiе; людей этихъ почитаютъ чародѣями. И точно, Скиѳы и Греки, жившiе въ Скиѳiи, разказываютъ, что каждый изъ Невровъ разъ въ годъ оборачивается на нѣсколько дней въ волка, и потомъ опять принимаетъ свой прежнiй видъ.“ Скиѳы ли разумѣются подъ змѣями, которыя выгнали Невровъ, или что̀ другое соотвѣтствовавшее до-историческимъ переворотамъ и миѳологическимъ о нихъ представленiямъ,—во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнiю, что какiя-то племена оставили память о междоусобной борьбѣ, выразившейся преданiемъ о *Волкахъ-Неврахъ гонимыхъ змѣями*. Извѣстный срокъ пребыванiя Невровъ въ волчьей шкурѣ, безъ сомнѣнiя, назывался *Волчьимъ временемъ*, которое, судя по названiямъ мѣсяцевъ, у Славянъ, Литвы и Нѣмцевъ, простиралось отъ ноября до февраля включительно [1]; и, можетъ-быть, самое названiе зимняго времени, получившее свое начало отъ календарной системы, дало поводъ къ составленiю миѳа о превращенiи Невровъ въ волковъ. Этотъ миѳъ, перешедшiй въ вѣрованiе въ волколаковъ, или упировъ, вампировъ, и доселѣ самый популярный въ землѣ Нурской и въ сосѣднихъ краяхъ, особенно на Волыни и въ Бѣлорусiи. Вблизи къ этимъ странамъ нѣкогда обиталъ страшный и могущественный славянскiй народъ, который, соотвѣтственно сказанiю Геродота о превращенiи Невровъ въ волковъ назывался *Волками* или *Лютичами*, потомками *Люта* или *Лютаго* (то-есть, тоже волка, по эпитету, *лютый*). Самый край, гдѣ жилъ этотъ народъ, именовался *Волкомiръ*, то-есть *Волчiй мiръ*. Миѳъ о превращенiи въ волка еще во всей свѣжести процвѣталъ на юго-западѣ

---

[1] Февраль у Славянъ называется *Лютый* (по эпитету волка: *лютый звѣрь*), а у Басковъ *Волчiй мѣсяцъ*; у Латышей *Wilku mehnesis* (волчiй мѣсяцъ)—декабрь, такъ же какъ и у Славянъ, *Волчiй* или *Влченецъ*, между тѣмъ какъ у Нѣмцевъ въ старину Wolfmanêt—ноябрь.

Россіи во времена *Слова о Полку Игоревѣ*, гдѣ между прочимъ о князѣ Всеславѣ говорится, что онъ „людямъ судилъ, князьямъ грады рядилъ, а самъ въ ночь *волкомъ рыскалъ*, великому Хорсу (богу) *волкомъ* путь перерыскивалъ“.

Народы дикіе и воинственные, согласно вѣрованіямъ въ животныхъ, получали имена *Зміевъ*, *Волковъ*, *Лютыхъ Звѣрей* и особенно отъ своихъ сосѣдей, которымъ они были страшны. Миѳы о титанахъ давали этому вѣрованію большій просторъ; потому звѣрскіе враги представлялись испуганному воображенію великанами. Такъ тѣ же *Волки* или *Лютичи* иначе называются *Велетами* или *Волотами*; а слово *Волотъ* на бѣлорусскомъ языкѣ издавна употреблялось въ смыслѣ исполина. Какъ стихійные богатыри превращаются въ горы и скалы, такъ и память о Волотахъ сохранилась въ *волоткахъ*, какъ кое-гдѣ на Руси называются древніе курганы.

Змій-богатырь, соединяющій въ себѣ свойства змія и великана, въ нашемъ эпосѣ воспѣвается подъ именемъ *Тугарина Зміевича*, то-есть сынъ змія [1].

Въ вышину ли онъ Тугаринъ трехъ саженъ
Промежь плечей косая сажень,
Промежду глазъ калена стрѣла.

Какъ великаны сѣвернаго эпоса, онъ отличается страшною прожорливостью:

По цѣлой ковригѣ за щеку мечетъ...
По цѣлой чашѣ охлестываетъ,
Котора чаша въ полтретья ведра.

Тѣмъ же хвастается другое чудовище русскаго эпоса, *Идолъ* или *Идолище Поганое*:

Я вотъ по семи ведръ пива пью,
По семи пудъ хлѣба кушаю [2].

По сказкамъ, этотъ Идолище появился въ Кіевѣ къ великому бѣдствію князя и жителей. „Голова у него съ пивной котелъ, во плечахъ-то коса сажень, промежъ бровей-то борозда со три пяди, промежь ушей-то пройдетъ калена

[1] Кирш. Данил. стр. 183 и слѣд.
[2] Рыбн. стр. 87.

стрѣла; а ѣстъ-то онъ Идолище по цѣлу быку, а пьетъ-то онъ по пивному котлу“ [1].

Эпосъ, очевидно, сближаетъ этого исполина съ Тугариномъ; потому Илья Муромецъ тѣми же словами осмѣиваетъ обжорство Идолища, какими Алеша Поповичъ—Тугарина:

У моего, сударя, батюшки,
Ѳедора попа Ростовскаго,
Была коровища старая,
Насилу по двору таскалася,
Забилася на поварню къ поварамъ,
Выпила чанъ браги пѣсныя,
Отъ того она лопнула,—
Взялъ за хвостъ, подъ гору махнулъ;
Отъ меня Тугарину тоже будетъ.

Илья Муромецъ говоритъ Идолищу:

У нашего Ильи Муромца батюшка былъ крестьянинъ,
У ёго была корова ѣдучая:
Она много пила-ѣла лопнула

Илья разсѣкъ Идолища пополамъ. Мѣсто этого чудовища иногда замѣняетъ *Полканъ Полкановичъ*, который съѣдалъ заразъ цѣлаго быка, а брагу пилъ онъ изъ котла, подымая его за уши, какъ изъ стопочки. [2]

Тугаринъ отличается отъ Идолища и Полкана Полкановича только тѣмъ, что, будучи змѣиной породы, летаетъ онъ на крыльяхъ по поднебесью.

Мѣстная кіевская сказка повѣствуетъ о томъ, какъ нѣкоторый змій обложилъ Кіевъ податью, взимая съ жителей себѣ въ жертву дѣвицъ, и какъ нѣкоторый силачъ Кожемяка избавилъ городъ отъ бѣдствія, умертвивъ змія. Съ тѣхъ поръ будто бы и прозвалось урочище *Кожемяка*, по мѣсту жительства того силача [3]. Въ лѣтописи Нестора Змій замѣненъ соотвѣтственнымъ ему въ эпосѣ лицомъ, великаномъ, Печенѣжиномъ, котораго будто бы поражаетъ тоже Кожемяка. Сказаніе это пріурочиваетъ Несторъ ко времени

[1] Кирѣевск. I, стр. XV.
[2] Замѣтка Даля въ Сборн. Кирѣевск. I, стр. XXXIV.
[3] Кулиша *Записки о Южн. Росс.* II, стр. 27.

князя Владиміра и къ основанію города Переяславля (зане перея славу отрокъ-отъ).

Миѳъ о чудовищномъ змѣѣ въ разныхъ концахъ нашего отечества получилъ различныя мѣстныя видоизмѣненія. Кіевскому Змію, убитому Кожемякою, соотвѣтствуетъ Новгородскій Зміяка-Перунъ и крокодилъ Волховъ. Въ Муромѣ, на родинѣ Ильи Муромца, летучій Змій введенъ въ мѣстную легенду о Петрѣ и Февроніи. Змій летаетъ къ княгинѣ муромской и ведетъ съ нею любовную связь, принимая на себя видъ князя Павла, брата знаменитаго Петра. Петръ убиваетъ Змія, но отъ его крови весь покрывается струпьями. Крестьянская дѣвица Февронья его исцѣляетъ и выходитъ за него замужъ. Но особенно процвѣталъ миѳъ о чудовищномъ Зміи въ сосѣдней съ Муромомъ землѣ Рязанской, откуда былина ведетъ родъ Добрыни Никитича. Этотъ богатырь, какъ уже приведено выше, еще въ юности своей прославился искорененіемъ лютаго Змія Горынчища и всего его рода, освободивъ изъ его пещеры свою тетку, слѣдовательно сестру князя Владиміра.

Послѣ Змія, особеннаго вниманія въ нашемъ эпосѣ заслуживаетъ чудовище-великанъ *Соловей Разбойникъ*. Его натура какъ-то двоится: то онъ разбойникъ и залегаетъ дорогу, то онъ какъ чудовище, шипитъ по змѣиному и зрявкаетъ по звѣриному; то онъ, какъ птица, гнѣздится въ гнѣздѣ на семи дубахъ, а семья его живетъ въ палатахъ на широкомъ дворѣ. Какъ существо отличное отъ прочихъ смертныхъ, онъ съ своею семьей составляетъ особую породу. Всѣ его дѣти на одно лицо. На вопросъ Ильи Муромца о причинѣ этого, Соловей отвѣчаетъ:

Я сына-то выращу, за него дочь отдамъ;
Дочку ту выращу, отдамъ за сына,
Чтобы Соловейкинъ родъ не переводился.

Дочери у него были вѣщія. Старшая изъ нихъ даже по имени своему носитъ характеръ чудовищный: она звалась *Невея*, по имени одной изъ двѣнадцати сестеръ лихорадокъ, которыя ходятъ по свѣту и мучатъ родъ людской. По другому варіянту старшая дочь его была перевощицею, какъ бы олицетвореніемъ рѣки Смородины, какъ ужь это было показано. Девять сыновей Соловья или девять зятьевъ,

спасаясь отъ Ильи Муромца, обратились въ вороновъ, съ желѣзными клювами. Они какъ оборотни живутъ въ вороньихъ перьяхъ и понынѣ [1].

Русскій эпосъ приписываетъ Соловью разбойнику титаническую натуру, потому что разказываетъ о немъ то же самое, что сербскій о дивскомъ старѣйшинѣ, въ пѣснѣ, на которую было указано по поводу мнѣа о дивахъ. Какъ въ сербской пѣснѣ царица, прогнанная своимъ мужемъ, вмѣстѣ съ сыномъ Іованомъ попадаетъ къ дивамъ, и предаетъ своего сына дивскому старѣйшинѣ, съ которымъ вошла въ любовь; такъ и въ одной малорусской сказкѣ [2] царица съ своимъ сыномъ бѣжитъ отъ своего мужа и, тайно отъ сына, заводитъ любовь съ Соловьемъ Разбойникомъ. Какъ сербская царица, чтобъ извести своего сына, по совѣту дивскаго старѣйшины, притворяется больною и проситъ сына, чтобъ онъ для исцѣленія ея добылъ ей яблокъ съ дерева, которое стережетъ лютый змій; такъ и малорусская героиня, притворившаяся больною, тоже по наущенію Соловья Разбойника, проситъ сына добыть ей сначала вишни-черешни изъ саду Яги-Бабы, потомъ воды изъ источника, который стерегутъ двѣнадцать зміевъ. И сербскій и малорусскій богатырь успѣшно выполняютъ задачу. Тогда тотъ и другой подвергаются одинаковому бѣдствію по коварству своихъ матерей: оба лишаются зрѣнія. Въ другихъ народныхъ сказкахъ мѣсто Соловья Разбойника и дивскаго старѣйшины замѣняетъ Змій [3].

Сказанія о великанахъ-чудовищахъ въ русской лѣтописи трактуются только съ точки зрѣнія исторической. Это могущественные народы, съ которыми нѣкогда наши предки должны были вести борьбу. Какъ исполины русскаго эпоса перевелись на Святой Руси, превратившись въ камни и скалы, такъ и эти дикіе народы гибнутъ, не оставляя по себѣ ни племени, ни наслѣдія. Именно въ этомъ смыслѣ передается Несторомъ извѣстное сказаніе объ Обрахъ.

---

[1] Сборн. Кирѣевскаго. 1, стр. 28, 37, 43, 81, 57. Тамъ же Замѣтка Даля, стр. XXXIII.—Сборн. Рыбник. стр. 57.

[2] Сказка о Соловьѣ Разбойникѣ и Слѣпомъ Царевичѣ въ *Записк. о Южн. Рос.* Кулиша. II, стр. 48.

[3] Слич. въ 1-й части моихъ *Историч. Очерковъ*, въ главѣ о *Славянск. Сказкахъ*.

Есть, говоритъ онъ, притча въ Руси, и до сего дни: „Погибота аки Обре“—а *Обръ* у Славянъ [1] значитъ великанъ вообще. Согласно тому Несторъ свидѣтельствуетъ: „Быша бо Обре тѣломъ велици и умомъ горди.“ Мѣстная Дулѣбская сказка разказываетъ, что, покоривъ Дулѣбовъ, они ихъ мучили, запрягая ихъ женъ въ телѣгу, по три, по четыре и по пяти.

Другая сказка, полянскаго или кіевскаго происхожденія, хотя не говоритъ прямо о великанахъ, но, въ общемъ европейскомъ эпосѣ, составляетъ эпизодъ о борьбѣ европейскихъ племенъ съ Гунами. Извѣстно, что Готѳы отличали себя оружіемъ отъ Гуновъ. Въ латинскомъ переложеніи пѣсни о Вальтерѣ (Аквитанскомъ) Готѳы дерутся мечами обоюдуострыми, а Гуны—саблями. [2] Мѣстная полянская сказка повѣствуетъ, что Поляне платили Козарамъ дань—*отъ дыма мечь*. Козари, принесши мечи къ своему князю, говорили: „Вотъ нашли мы новую дань!“ А на это бывшіе тутъ старцы сказали: „Не къ добру эта дань, княже! Мы доискались Полянъ оружіемъ объ одной сторонѣ, то-есть, саблями, а вотъ ихъ оружіе обоюду остро, то-есть, мечъ. Они съ насъ будутъ брать дань, и съ иныхъ земель.“ Такъ и сбылось.

Печенѣги тоже саблями сражались. Когда Святославовъ воевода Претичъ заключилъ перемиріе съ печенѣжскимъ княземъ, то получилъ отъ него въ даръ коня, стрѣлы и *саблю*; а самъ ему подарилъ броню, щитъ и *мечь*. Миѳъ о великанахъ былъ примѣняемъ къ Печенѣгамъ, какъ уже это упомянуто по случаю борьбы кожевника съ печенѣжскимъ великаномъ, соотвѣтствующимъ змію мѣстнаго сказанія кіевскаго.

Особенно знаменита была у насъ въ древности сказка объ единоборствѣ Мстислава Тмутараканскаго съ Касожскимъ княземъ Редедею, котораго Несторъ характеризуетъ великаномъ: „бѣ бо великъ и силенъ Редедя.“ Этимъ единоборствомъ должна была рѣшиться участь войны. Если одолѣетъ Мстиславъ,—возьметъ у Редеди его жену, дѣтей и все имѣніе; а если одолѣетъ Редедя, все заберетъ у Мсти-

---

[1] Чешск. *Обръ*, древне-польск. *Оброжимъ*. потомъ *Ольбржимъ*.

[2] Jac. Grimm e. Schmeller, *Lateinische Gedichte des X. und XI. Jahrh.* Стр. 75.

слава. Противники сцѣпились другъ съ другомъ не оружіемъ, а въ рукопашную. Когда Мстиславъ сталъ изнемогать, обратился съ мольбою къ Богородицѣ, обѣщаясь ей соорудить церковь, если одолѣетъ. Богородица помогла, и Мстиславъ построилъ во имя ея храмъ въ Тмуторакани. Уже въ XI вѣкѣ это сказаніе воспѣвалось въ пѣсняхъ, какъ свидѣтельствуетъ *Слово о Полку Игоревѣ* о пѣвцѣ Боянѣ, который между прочимъ пѣлъ пѣсню храброму Мстиславу, „который зарѣзалъ Редедю передъ полками касожскими.“ Потому, можетъ-быть, позволительно видѣть больше нежели простую случайность въ сходствѣ одного эпизода изъ эпоса объ Ильѣ Муромцѣ съ этимъ древнимъ сказаніемъ, такъ рано усвоеннымъ въ народной поэзіи. Этотъ эпизодъ имѣетъ предметомъ единоборство муромскаго богатыря съ великаномъ Жидовиномъ [1].

Сходили молодцы рукопашкою;
Первой день водилися до вечера,
И темну ночь водились до бѣла свѣта;
Другой день водилися до вечера,
И темну ночку до бѣла свѣта;
Да и третей день водилися до вечера.
Тогда упалъ да на сѣру землю
Старой казакъ Илья Муромецъ
Только молится Спасу съ Богородицей:
„Не дай меня поганому на поруганіе!
„Буду я служить до свѣту до вѣку,
„За тѣ церкви за Божіи,
„За тую вѣру за крещеную!“

До позднѣйшихъ временъ страшные враги представлялись народной фантазіи въ видѣ чудовищныхъ великановъ. Въ сказкахъ Татары олицетворяются въ видѣ змія, который своимъ хоботомъ залегаетъ рѣки. Мѣстное смоленское сказаніе о витязѣ Меркуріи заставляетъ его бороться съ татарскимъ исполиномъ. Меркурія убиваетъ, по одной редакціи, сынъ этого исполина, по другой—какой-то прекрасный воинъ, существо свѣтлое [2]. Это кажущееся противорѣчіе объясняется переходомъ свѣтлыхъ существъ, *дивовъ*, въ враждебныхъ великановъ и чудовищъ.

---

[1] *Кирѣевск.* I, стр. 53—54.
[2] Мои *Историч. Очерки.* II, 195.

Въ одной пѣснѣ позднѣйшаго склада [1] какой-то русскій дворянинъ выходитъ въ бой съ великаномъ-чудовищемъ, которое называется *Чудо поганое:*

А Чудо поганое о трехъ рукахъ.

Дворянинъ прирубилъ у него *всѣ головы*. Но за Чудо вступаются *идолища* поганые и одолѣваютъ русскаго витязя.

Художественныя формы средневѣковаго стиля, византійскаго и романскаго, во многомъ объясняемыя миѳологіею и народнымъ эпосомъ, могли поддерживать въ творческой фантазіи наклонность къ чудовищнымъ и исполинскимъ образамъ. Какъ эпосъ воспѣвалъ необычайныхъ исполиновъ, будто бы предшествовавшихъ появленію обыкновенныхъ смертныхъ, такъ и живописныя и скульптурныя произведенія наивно отличали святыхъ отъ простыхъ людей исполинскимъ ростомъ. Эпосъ повѣствовалъ о борьбѣ богатырей съ зміями, лютыми звѣрьми и другими чудовищами: и суевѣрная фантазія находила подтвержденіе этимъ повѣствованіямъ въ чудовищныхъ сюжетахъ барельефовъ или прилѣповъ, которыми украшались храмы романскаго стиля. Изъ смѣси художественныхъ формъ этого чудовищнаго стиля съ преданіями народныхъ миѳовъ выходили новыя повѣрья и новые образы, въ которыхъ произведенія народной фантазіи оправдывались христіянскою легендой и средневѣковымъ ученіемъ о природѣ, распространявшимся въ сочиненіяхъ, извѣстныхъ подъ именемъ физіологій или бестіаріевъ. Потому, чуть ли не до эпохи Возрожденія и Реформаціи, народная миѳологія и эпосъ вносили свои элементы въ искусство и литературу, содѣйствуя живучести темныхъ суевѣрій и предразсудковъ. Оторванный отъ своей первобытной миѳической основы, эпосъ не переставалъ однако возраждать новыя формы, питаясь легендами, демонологіей и вообще мечтательнымъ настроеніемъ умовъ, символическимъ и мистическимъ.

Позднѣйшая сказка объ основаніи Москвы [2] состоитъ

---

[1] *Кирш. Данил.* стр. 379.

[2] По сборнику XVII в., принадлежащему мнѣ.

именно изъ этихъ смѣшенныхъ элементовъ. „Поѣхалъ князь великій Данило Ивановичъ изыскивать мѣста, гдѣ ему создать градъ престольный княженію своему. И взялъ съ собою Гречина, именемъ Василія, мудраго и вѣдающаго чему впередъ быть. И выѣхалъ съ нимъ въ островъ темный и непроходимый, а въ немъ болото великое и топкое. И посреди того болота увидѣлъ великій князь Данило Ивановичъ *звѣря превеликаго и пречуднаго, троеглаваго и краснаго.* И вопросилъ онъ Василія Гречина: что̀ есть видѣніе сего чуднаго звѣря? И сказалъ ему Василій Гречинъ: Великій княже! На семъ мѣстѣ созиждется градъ великъ и распространится царство треугольное, и въ немъ умножатся различныхъ ордъ люди: это прообразуетъ звѣрь сей троеглавый; различные же на немъ цвѣты—то есть отъ всѣхъ странъ учнутъ въ немъ жить люди“.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Ѳ. БУСЛАЕВЪ.

ГЕОЛОГИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ КАВКАЗА [1]

Изверженіе Арарата, описанное Вагнеромъ, не могло не возбудить въ Абихѣ желаніе изслѣдовать его на самомъ мѣстѣ, и сравнить съ тѣми изверженіями, которыя происходили въ другихъ вулканахъ. Абихъ отправился на Кавказъ въ 1844 году. Сначала онъ думалъ пробыть тамъ нѣсколько мѣсяцевъ; но, встрѣтившись лицомъ къ лицу съ тамошними гигантскими переворотами и съ тамошнею великолѣпною природою, онъ рѣшился оставить свои университетскія занятія и все время посвятить изслѣдованію Кавказа. Дѣйствительно, съ 1844 года онъ почти постоянно находился на Кавказѣ, и пользовался всѣми случаями для изученія этой дикой и непріязненной страны [2].

Переходя отъ путешествій Дюбуа и другихъ къ описанію Кавказа Абихомъ, мы невольно испытываемъ такое же чувство, какое испытываетъ всякій, когда онъ изъ какой-либо живописной страны вступаетъ въ сухую песчаную степь, только изрѣдка, кое-гдѣ оживленную небольшими оазисами. Это происходитъ, вопервыхъ, оттого что сочиненія Абиха чисто ученыя, академическія, исключительно относящіяся къ одному предмету, и слѣдовательно не представляющія того разнообразія,

[1] См. *Русскій Вѣстникъ* № 2.

[2] По ходатайству покойнаго министра Канкрина, Абихъ былъ причисленъ къ горному вѣдомству, которое съ того времени и доставляло ему всѣ необходимыя пособія для продолженія его занятій на Кавказѣ. Петербургская академія наукъ также приняла его въ число своихъ сочленовъ.

какое мы встрѣчаемъ у Дюбуа, Эйхвальда и другихъ; во-вторыхъ, отъ самаго способа изложенія: Абихъ не обладаетъ тою завидною способностію, которая умѣетъ живописать предметы, то-есть группировать ихъ такимъ образомъ, чтобы болѣе существенные изъ нихъ выдавались выпуклѣе другихъ менѣе существенныхъ, и чтобъ одни не были заслоняемы другими. По недостатку такого группированія, изложеніе Абиха не всегда имѣетъ ту ясность, какая необходима во всякомъ, и особенно ученомъ сочиненіи. Къ этому присоединяется у него еще одно неудобство: это весьма тяжелый языкъ. Абихъ, повидимому, боится унизить себя до обыкновенной рѣчи, и выражается иногда чрезвычайно вычурно. Впрочемъ, всѣ означенные недостатки щедро выкупаются у него богатствомъ содержанія.

Самое послѣднее и самое капитальное сочиненіе Абиха о Кавказѣ явилось въ 1859 году, а до того времени мы знали объ его изслѣдованіяхъ только по отдѣльнымъ статьямъ, которыя помѣщались имъ въ запискахъ Петербургской академіи наукъ и въ другихъ повременныхъ изданіяхъ. Эти статьи служили подготовкой къ вышеозначенному сочиненію, и потому необходимо должны быть разсмотрѣны нами предварительно.

Для краткости мы остановимся только на самыхъ замѣчательныхъ изъ этихъ статей, и разберемъ ихъ по времени появленія въ печати.

Въ этомъ отношеніи первое мѣсто занимаетъ *Восхожденіе Абиха на Араратъ*, послѣдовавшее 29 іюля 1845 года.[1]

Въ первый годъ своего пребыванія на Кавказѣ, Абихъ поставилъ для себя задачей изслѣдовать Араратъ съ его окрестностями, и тѣ измѣненія, которыя произведены въ немъ предыдущею катастрофой. Но собственно онъ успѣлъ осмотрѣть только окрестности Арарата, попытки же его изслѣдовать самый Араратъ (Большой) и взойдти на его вершину въ этомъ году оказались невозможными. Причиной этого было то, что Абихъ не успѣлъ ознакомиться съ тамошними климатическими особенностями. Для удачнаго восхожденія на Араратъ, необходима постоянно ясная и безвѣтреная погода, а такое состояніе атмосферы во всей Ар-

[1] См. *Горн. Журн.* 1846 г. Ч. II. стр. 109.

меніи устанавливается только въ извѣстное время года, именно въ началѣ августа. По прошествіи же этого времени, въ высшихъ слояхъ атмосферы тотчасъ начинается борьба метеорологическихъ экстремовъ, борьба, которая, по весьма естественной причинѣ, всего сильнѣе разыгрывается около вершинъ Арарата; она обыкновенно обнаруживается сильными и внезапными грозами, частымъ паденіемъ града и сильными вихрями, поставляющими путешественника въ большую опасность. Эта борьба, ежегодно повторяющаяся, оставила неизгладимые слѣды даже на самомъ Араратѣ: трахитовыя или андезитовыя скалы, образующія вершину Малаго Арарата, отъ частаго паденія молніи просверлены такимъ множествомъ отверстій, что онѣ сдѣлались совершенно ноздреватыми и ломкими, какъ дерево источенное червями. На вершинѣ Большаго Арарата Абихъ не могъ отыскать подобныхъ слѣдовъ, но видѣлъ ихъ на верхнихъ скалахъ Алагеза, хотя и не въ той степени, какъ на Маломъ Араратѣ.

Незнаніе этихъ особенностей тамошняго климата, повторяю, было причиною, почему три попытки Абиха въ 1844 году взойдти на вершину Большаго Арарата были неудачны. Онъ предпринималъ ихъ въ концѣ августа и въ началѣ сентября, въ такое время, когда погода бываетъ наиболѣе непостоянна. Въ слѣдующемъ году Абихъ избралъ для этого самое окончаніе іюля, и предпріятіе его увѣнчалось полнымъ успѣхомъ.

Намъ уже извѣстно изъ прежнихъ описаній, что Большой Араратъ съ сѣверо-восточной стороны имѣетъ огромный провалъ, называемый долиною Св. Іакова, и служащій естественнымъ разрѣзомъ для изслѣдованія внутренняго образованія горы. Это то же самое что̀ знаменитая долина Val del Bove, на Этнѣ, въ Сициліи. Но кромѣ этой главной разсѣлины, въ верхнихъ частяхъ Арарата есть много другихъ разсѣлинъ, также весьма значительныхъ. Скалистыя стѣны ихъ, состоящія изъ чернаго вулканическаго шлака, большею частію выходятъ изъ-подъ снѣга, и образуютъ непрерывныя гряды, направляющіяся отъ самой вершины до той линіи, гдѣ покатости становятся уже не такъ круты. Одна изъ таковыхъ разсѣлинъ, по описанію Абиха, должна была имѣть особенную важность во время изверженій Арарата. Она расположена вдоль

ската, обращеннаго къ Малому Арарату. Скалы, служащія для нея стѣнами или окраинами, чрезвычайно остры, и потому почти никогда не бываютъ покрыты снѣгомъ, даже зимою; съ наступленіемъ же теплаго времени, лучи полуденнаго солнца, усиленные чернымъ цвѣтомъ шлаковъ, растопляютъ на нихъ и послѣдніе снѣга, кое-гдѣ не свѣянные вѣтромъ. Этотъ-то скалистый гребень, совершенно голый, и представляющійся со стороны Нахичевани двойною черною гривой серебристой главы Арарата, и былъ избранъ Абихомъ какъ бы естественною лѣстницею для восхожденія на вершину. Дѣйствительно, онъ для этого чрезвычайно удобенъ, потому что наклоненіе его, и самаго ската, по которому проходитъ этотъ гребень, въ среднемъ числѣ, какъ показали измѣренія, не болѣе 32°.

Въ ожиданіи эпохи, почитающейся самою удобною для восхожденія на Араратъ, Абихъ въ концѣ іюля отправился для обозрѣнія той обширной и высокой долины, которая отдѣляетъ Большой Араратъ отъ Малаго, и покрыта роскошною растительностію. Высшая точка ея имѣетъ 8.273 п. фута абсолютной высоты. Въ предшествовавшемъ году изъ этой долины Абихъ 14 дней сряду производилъ свои изслѣдованія нижней части Арарата, и оттуда же два раза (14 и 24 августа) пытался взойдти на его вершину. Въ послѣдній разъ лагерь Абиха находился ближе къ Большому Арарату, именно на высотѣ 9.520 п. ф. надъ моремъ. Дорога, туда пролегающая, идетъ по длинному гребню скалъ, которыя образовались обильными потоками лавы, извергавшимися съ Большаго Арарата. Недалеко отсюда, по описанію Абиха, начинается область вулканическихъ конусовъ и кратеровъ, во всемъ похожая на ту, какую представляютъ Этна и Везувій, но въ болѣе колоссальныхъ размѣрахъ. Лавовыя скалы этой области начинаются отъ самой вершины Арарата, и, направляясь къ сторонѣ Маку, нисходятъ до горы Карніярахъ (Karnijarach). Названіе этой горы, означающее *лопнувшій желудокъ*, показываетъ, что она вулканическаго происхожденія. Дѣйствительно, это вулканъ, по величинѣ своей неуступающій Везувію; потоки лавы, излившіяся изъ этого погухшаго жерла, занимаютъ площадь болѣе квадратной мили, и составляютъ волнообразные холмы въ долинѣ Макучая.

Восхожденіе Абиха по скалистымъ краямъ вышеописанной

нами боковой разсѣлины началось 28 іюля. Его сопровождали тѣ же самые спутники, которые принимали участіе въ его прошлогднихъ попыткахъ [1]. Подымаясь въ прямомъ направленіи къ вершинѣ Арарата, путешественники въ 2 часа пополудни достигли подошвы вулканическаго конуса, который занимаетъ самое высокое мѣсто съ этой стороны горы, и состоитъ изъ выброшенныхъ шлаковъ. Абиху казалось, что вершина Малаго Арарата находилась подъ однимъ уровнемъ съ означеннымъ конусомъ; сдѣлавъ барометрическое наблюденіе, онъ нашелъ, что эта мѣстность лежитъ на высотѣ 12.248 п. ф. надъ моремъ. Отсюда наклоненіе скалистаго гребня стало увеличиваться. Около 3 часовъ пополудни путешественники достигли снѣговой линіи. Высота ея съ этой стороны горы, по измѣренію Абиха, оказалась равною 12.866 футовъ. За снѣговою линіей, скалы составляющія гребень боковой разсѣлины становятся выше и раздѣльнѣе прежняго, но при всемъ томъ мало затрудняютъ восхожденіе; снѣговая поверхность, имѣющая здѣсь отъ 33 до 34° наклоненія, по рыхлости своей, также не представляла путешественникамъ большаго затрудненія. Ледяныя массы, лѣпившіяся сталактитами по вершинамъ окрестныхъ скалъ и обложившія подошвы ихъ гигантскими стѣнами, а равно и обширная ослѣпительная поверхность рыхлаго снѣга, живо напоминали путешественникамъ, что они уже вступили въ область вѣчной зимы. Несмотря на это, на днѣ боковой разсѣлины и у подошвы скалъ, слышалось журчаніе воды, доказывавшее, что и тамошніе снѣга платятъ дань теплотѣ окружающаго воздуха. Утомленные продолжительною и трудною дорогою, путешественники должны были подумать о ночлегѣ, и пріискать для этого возможно-удобное мѣсто между скалами. Въ это время они находились на высотѣ 13.256 п. ф. надъ уровнемъ моря. На той же высотѣ въ предшествовавшемъ году Абихъ былъ застигнутъ сильною бурей. Теперь, напротивъ, царствовала совершенная тишина въ атмосферѣ; небо было чисто, и только надъ горами Карабаха носились кучевыя облака.

---

[1] Топографъ *Бичугинъ*, переводчикъ *Петросъ Широяпъ* изъ Тифлиса, Богемецъ *Карлъ Ценкъ*, два Армянина *Онапъ Мартиросовъ* и *Симонъ Саркисовъ*, и четыре казака.

На другой день путешественники отправились въ дальнѣйшій путь съ полною надеждой достигнуть вершины. „Надежда наша, пишетъ Абихъ, была тѣмъ сильнѣе, что серебристая глава Арарата, рѣзко обозначавшаяся на темно-голубомъ небѣ, какъ будто манила насъ своею близостію.“ Сначала дорога была совершенно одинакова съ прежнею, а потомъ, на протяженіи 500 футовъ, надо было взбираться на покатость въ 35° наклоненія, безснѣжную и усѣянную обломками горныхъ породъ; затѣмъ снова начинается скалистый гребень. Абсолютная высота этого мѣста, по барометрическому измѣренію, равна 14.522 ф. Подымаясь по направленію этого гребня все выше и выше, путешественники опять достигли такой покатости, которая была покрыта одними только обломками горныхъ породъ, и имѣла не болѣе 30° наклоненія. „Постоянно увеличивавшаяся усталость, пишетъ Абихъ, грозила намъ неуспѣхомъ, но синѣвшая передъ нами не въ дальнемъ разстояніи снѣговая поверхность, подпертая грядой скалъ, и видимо принадлежащая вершинѣ Арарата, придала намъ новыя силы, и мы, хотя тихо, но непрерывно подвигались впередъ.“ Поднявшись еще выше, они увидѣли наконецъ обширную и холмистую вершину Большаго Арарата, и быстро взобрались на него. „Разсѣявшійся туманъ, говоритъ Абихъ открылъ передъ нами обширнѣйшій горизонтъ, и вполнѣ убѣдилъ насъ, что мы находимся на одной изъ главныхъ вершинъ Большаго Арарата.“

Вершина эта, по описанію Абиха, имѣетъ видъ весьма мало выпуклаго холма, около 100 футовъ въ діаметрѣ, и оканчивается съ сѣвера и сѣверо-востока обрывистымъ скатомъ. Верхняя область Арарата, обозрѣваемая съ этого холма, представляется въ видѣ террасы, подымающейся въ направленіи отъ запада къ сѣверо-западу, и какъ бы огибающая большою дугою глубокую долину Св. Іакова. Другая изъ главныхъ вершинъ Арарата, на которую восходилъ Парротъ, видна отсюда въ недальнемъ разстояніи; по тригонометрическому измѣренію Ѳедорова, онѣ отстоятъ одна отъ другой не болѣе какъ на 1122 п. ф. Высоты обѣихъ вершинъ, по опредѣленію того же астронома, разнятся между собою только 7 футами; но Абихъ, согласно съ мнѣніемъ Паррота, находитъ эту раз-

ницу слишкомъ малою, и полагаетъ, что сѣверозападная вершина, на которой Парротъ производилъ наблюденія, по крайней мѣрѣ 7 туазами (44,7 анг. ф.) выше восточной; вышину сѣверо-западной вершины Парротъ отпредѣлилъ въ 16.251 п. ф., а высота восточной, по опредѣленію Абиха, равна 15.905 п. ф. Абиху казалось также, что долина, раздѣляющая эти двѣ вершины, во всю длину прорѣзана дугообразною трещиной. Ни Парротъ, ни Спасскій не упоминаютъ объ этой трещинѣ, и потому можно полагать, что она образовалась въ 1840 году во время описаннаго нами изверженія, когда съ вершины Арарата были низвергнуты огромныя массы снѣга въ верхнее кратерообразное углубленіе долины Св. Іакова. Туманъ, снова обложившій вершины Арарата, помѣшалъ Абиху изслѣдовать это обстоятельство съ большею подробностію. По той же причинѣ осталось неисполненнымъ многое изъ предположеннаго Абихомъ. Такъ одна изъ самыхъ главныхъ цѣлей восхожденія его на Араратъ состояла въ томъ, чтобы съ вершины этой горы взять нѣсколько угловъ, и связать эти измѣренія съ тѣми, которыя были сдѣланы имъ на вершинѣ Малаго Арарата въ предыдущемъ году. Также желательно было осмотрѣть съ возможною подробностію верхній ледниковый провалъ долины Св. Іакова, но рыхлость снѣга и этого не дозволила. Столь же тщетною оказалась попытка, при окружающемъ туманѣ, пройдти на другую вершину Арарата, и обозрѣть вмѣстѣ съ тѣмъ провалъ, начинающійся непосредственно подъ этою вершиной, и направляющійся къ сторонѣ Баязета; онъ соотвѣтствуетъ долинѣ Св. Іакова на противоположномъ скатѣ горы. Въ предыдущемъ году, обозрѣвая юго-западный склонъ Арарата, Абихъ поднялся до устья означеннаго провала, загроможденнаго снѣгомъ и льдомъ, и опредѣлилъ высоту его въ 11.211 п. ф. Въ то же время онъ убѣдился, что этотъ провалъ не есть простая боковая вымоина, но глубокая долина-разсѣлина (Thal-Spaltung), обнажившая андезитъ и трахитовый порфиръ, составляющіе внутреннее ядро горы. По мнѣнію Абиха, она должна быть продолженіемъ той обширной разсѣлины, которая въ видѣ поперечной долины раздѣляетъ двѣ главныя вершины Арарата, западную и восточную. Впрочемъ, окончательное рѣшеніе этого и многихъ другихъ вопросовъ Абихъ предоставилъ буду-

щимъ путешественникамъ на Араратъ. Такъ было бы весьма полезно, еслибы кому-нибудь изъ нихъ удалось пробыть на вершинѣ Арарата цѣлыя сутки: въ теченіе этого времени можно было бы произвести длинный рядъ барометрическихъ и психометрическихъ наблюденій, и наблюденій надъ теплотою солнца, и такимъ образомъ, при соотвѣтствующихъ наблюденіяхъ въ низшихъ станціяхъ, опредѣлить ходъ дневной температуры, давленіе воздуха и степень влажности въ этихъ возвышенныхъ слояхъ атмосферы. Такихъ наблюденій, по мнѣнію Абиха, было бы достаточно для обнаруженія законовъ, по коимъ совершаются въ тамошнихъ странахъ эти атмосферическія перемѣны, потому что въ первые дни августа вліяніе постороннихъ причинъ бываетъ тамъ весьма незначительно. Не менѣе любопытно было бы опредѣлить ежегодныя измѣненія въ тамошнихъ ледникахъ. Наконецъ весьма желательно, чтобы путешественникъ, воспользовавшись яснымъ утромъ, съ вершины Арарата опредѣлилъ засѣчками главные пункты тамошняго обширнаго горизонта, югъ и западъ коего почти вовсе еще не изслѣдованы. Все это Абихъ имѣлъ въ виду, отправляясь на Араратъ, но туманъ, охватившій вершину, и опасеніе подвергнуться такой же бурѣ, какую испыталъ онъ въ предшествовавшемъ году, заставили его отказаться отъ своихъ предположеній.

Оставляя вершину, путешественники водрузили на ней деревянную жердь въ 5 фут. 8 дюймовъ длиною, и къ верхнему концу ея мѣдною проволокою прикрѣпили хорошо закупоренную бутылку, съ бумагою, которая заключала въ себѣ латинскую надпись, свидѣтельствующую о счастливомъ окончаніи предпріятія, и о лицахъ, участвовавшихъ въ этомъ предпріятіи. Другую бутылку путешественники наполнили снѣгомъ, и какъ святыню взяли съ собою.

Къ описанію восхожденія своего на Араратъ Абихъ приложилъ двѣ таблицы, изъ которыхъ одна заключаетъ барометрическія и термометрическія наблюденія, произведенныя имъ во время восхожденія, а другая—абсолютныя высоты нѣкоторыхъ важнѣйшихъ пунктовъ Армянскаго плоскогорья.

Въ томъ же 1846 году въ запискахъ Академіи была помѣщена статья Абиха, *Геологическіе эскизы изъ Закавказья*,

или собственно описаніе нижняго Кавказа [1]. Подъ этимъ названіемъ Абихъ разумѣетъ всѣ горные хребты и плоскогорья, которыя занимаютъ пространство, замыкающееся съ одной стороны теченіемъ Аракса, а съ другой теченіемъ Куры.

Нижній Кавказъ въ своихъ главныхъ чертахъ слѣдуетъ одинаковому направленію съ верхнимъ или собственнымъ Кавказомъ. Въ томъ же направленіи онъ пересѣкается высокими плоскогорьями. Въ нижнемъ Кавказѣ есть вершины, подымающіяся до 12.000 фут. высоты и болѣе, но, несмотря на это, онѣ находятся внѣ области тѣхъ вліяній, которыя въ верхнемъ Кавказѣ вызываютъ постоянные снѣга уже на высотѣ 10.380 или даже 9950 п. фут. Самыя плоскогорья большею частію подымаются выше границы, на которой произрастаютъ еще деревья, и которую въ тамошнихъ странахъ можно принять въ 7.000—7.800 п. ф.

Нижній Кавказъ со всѣми своими вершинами и плоскогорьями поднятъ эруптивными или огневыми породами. Бо́льшая часть тамошнихъ высокихъ вершинъ, такъ много способствующихъ красотѣ Арменіи и другихъ закавказскихъ странъ, относятся къ трахитовымъ конусамъ, которые излили изъ себя огромные потоки лавы, и покрыли ими близь-лежащія плоскогорья. Съ такимъ особеннымъ образованіемъ странъ, лежащихъ между Араксомъ и Курою, соединяются два весьма важныя физическія явленія. Вопервыхъ, лавы, покрывающія плоскогорья, и легко разлагающіяся на воздухѣ, образуютъ весьма благопріятную почву для произрастанія злаковъ и хлѣбныхъ растеній, и тѣмъ самымъ обусловливаютъ каждый годъ тѣ неизмѣримые луга, безъ которыхъ не могли бы существовать тамошніе номады. Вовторыхъ, тѣ же трахитовыя лавы, вслѣдствіе своего скважистаго строенія, поглощаютъ почти всю воду, падающую на плоскогорья въ видѣ дождя, или происходящую отъ таянія снѣговъ, и подаютъ поводъ въ образованію безчисленныхъ источниковъ, которые называются тамъ *Карассу* или *Черными водами*. Вытекая изъ вулканическихъ почвъ, они повсюду разносятъ плодородіе; безъ

---

[1] *Geologische Skizzen aus Transkaukasien.* Die vulkanischen Plateau-Verhältnisse des unteren Kaukasus. Въ *Bull. de la classe physico-math. de l'Acad. d. Scien. de St. Pétersb.* 1847 Том. V. № 21, 22 стр. 321—343.

нихъ многія закавказскія страны должны были бы превратиться въ сухія и безплодныя степи.

Послѣ общаго взгляда на нижній Кавказъ, Абихъ переходитъ къ частному описанію главнѣйшихъ его вершинъ и плоскогорій. Мы не будемъ входить въ эти подробности, потому что о томъ же самомъ намъ придется говорить еще въ другомъ мѣстѣ, именно когда будетъ рѣчь о распредѣленіи закавказскихъ горъ по ихъ направленію. Но нельзя не остановиться на описаніи одной изъ самыхъ высокихъ тамошнихъ горъ, именно Алагеза (Alagez), о которомъ мы упоминали не разъ, и который по своему образованію можетъ отчасти служить образцомъ для другихъ вершинъ нижняго Кавказа.

Алагезъ или Аркадезъ есть колыбель исторіи армянскаго народа; по одному изъ древнѣйшихъ его преданій, внукъ Хайка, прародителя Армянъ, впервые поселился на равнинахъ Аракса, при южной подошвѣ горы, которую онъ назвалъ, по имени своего сына, Аркадезомъ. Съ того времени Алагезъ и сосѣдній съ нимъ Араратъ были центромъ постепенно возраставшаго и нѣкогда весьма могущественнаго Армянскаго царства. Объ его могуществѣ и богатствѣ еще до нынѣ напоминаютъ намъ развалины прежнихъ городовъ, находившихся при подошвѣ Алагеза; особенно же краснорѣчиво говорятъ объ этомъ развалины Ани, древней армянской столицы, эти дивные остатки средневѣковаго великолѣпія.

Алагезъ, представляющій такое великое значеніе въ исторіи обитавшихъ около него народовъ, имѣетъ такое же, или еще большее значеніе въ естественной исторіи тамошняго края. Онъ принадлежитъ къ Памбакской цѣпи, составляющей сѣверо-восточную вѣтвь Тавра, и самъ собою представляетъ величественную горную массу, имѣющую 170 верстъ въ окружности. Это столько же особенная, сколько и совершенно-естественная форма, вполнѣ выражающая собою законы такъ-называемаго *поднятаго* кратера (cratère de soulevement). Дѣйствительно, это кратеръ, образовавшійся по однимъ законамъ съ Соммой, Этной, Тенерифскимъ пикомъ, и особенно съ кратеромъ, который находится на островѣ Пальмѣ, одномъ изъ числа Канарійскихъ. Подобно ему, высокоподнятыя стѣны Алагеза разорваны лучеобразно многими трещинами, называемыми *барранко*, и одна

изъ такихъ трещинъ, наибольшая и простирающаяся сверху до самаго основанія кратера, при селеніи Казафаръ (Kasafar) составляетъ открытый входъ во внутреннюю его долину, которая, по аналогіи съ Пальмою, имѣетъ значеніе *кальдеры*. Изъ нея вырывается шумная рѣка, называемая Баличай или *бѣшеная*. Впрочемъ, подъ названіемъ кальдеры не надо разумѣть тутъ простую долину окруженную отвѣсными стѣнами; напротивъ, она представляетъ три обширныя долины, или три обширныя террасы, расположенныя амфитеатромъ, и находящіяся между собою въ слѣдующихъ отношеніяхъ: абсолютную высоту первой или самой нижней террасы, составляющей дно кальдеры, полагаютъ въ 8.234 ф.; вторая терраса, отдѣляющаяся отъ первой перпендикулярною стѣною, и низвергающая живописными каскадами рѣку Баличай, находится уже на высотѣ 8.806 ф., а третья и послѣдняя имѣетъ 9.644 ф. абсолютной высоты. Она лежитъ непосредственно подъ главнѣйшими вершинами Алагеза, которыя окружаютъ ее въ видѣ четырехъ пирамидъ, правильно расположенныхъ, и раздѣленныхъ между собою боковыми трещинами или барранко. Высочайшая изъ этихъ пирамидъ, по тригонометрическому измѣренію Ѳедорова, имѣетъ 12.886 п. ф., самая же малая, по барометрическимъ измѣреніямъ Абиха, на 866 ф. ниже предыдущей. Вслѣдствіе такого образованія ось кальдеры не совпадаетъ съ осью наибольшаго поднятія Алагеза, или съ осью высочайшихъ его вершинъ; онѣ находятся болѣе нежели на семь верстъ одна отъ другой. При этомъ невольно переносишься своимъ воображеніемъ въ эпоху поднятія Алагеза, и какъ бы видишь собственными глазами, какимъ образомъ эта могучая масса, выдвигаясь изъ земли въ видѣ огромнаго купола, была разорвана съ одной стороны до самаго основанія, и не могла уже подняться до той высоты, до какой достигли другія части Алагеза, неимѣвшія такихъ огромныхъ трещинъ для свободнаго выхода газовъ и водяныхъ паровъ, составлявшихъ главную поднимающую силу.

Въ системѣ нижняго Кавказа Алагезъ выше всѣхъ остальныхъ пиковъ. Наиболѣе подходящими по своей величинѣ къ Алагезу почитаются трахитовые конусы, окружающіе Агманганское плоскогорье и озеро Гокчай, именно Агман-

ганъ (11.168 п. ф.) Агдахъ (11.480 ф.), Босдахъ (10.278 ф.), Каранлидахъ (10.421 ф.) и нѣкоторые другіе.

Перейдемъ къ другимъ изслѣдованіямъ Абиха относительно Кавказа.

Въ 1847 году онъ сообщилъ академіи наукъ *Нѣсколько замѣчаній объ орографіи Дагестана* [1], и этихъ немногихъ замѣчаній было достаточно, для того чтобы составить себѣ ясное понятіе объ этой удивительной странѣ, не только относительно наружнаго образованія или рельефа, но и относительно внутренней связи ея съ Кавказомъ.

Дѣйствительно, орографическія отношенія Дагестана такъ тѣсно связаны съ Кавказомъ, что не могутъ быть разсматриваемы независимо отъ него.

Подъ названіемъ Кавказа собственно разумѣютъ тотъ огромный хребетъ, который, начавшись отъ полуострова Тамани или отъ Чернаго моря, и, постоянно направляясь къ юго-востоку, оканчивается Апшеронскимъ полуостровомъ, въ видѣ мыса, вдающагося въ Каспійское море. При подошвѣ этой исполинской грани съ одной стороны простираются обширныя равнины Европейской Россіи, а съ другой Закавказье,—страна высочайшихъ горъ и плоскогорій Грузіи, Арменіи, Малой Азіи и Сѣвернаго Ирана.

Въ своей сѣверо-западной половинѣ Кавказъ или собственно гребень его до меридіана Конгути-Гохъ, одной изъ высочайшихъ точекъ, находящейся между Эльбрусомъ и Казбекомъ, представляется простою водораздѣлительною линіей, но отсюда онъ дѣлится на два гребня, главный и боковой, продолжающіеся болѣе или менѣе параллельно до самаго Каспійскаго моря. Эти два гребня, на разныхъ разстояніяхъ, соединены между собою поперечными грядами, и чрезъ то образуютъ семь огромнѣйшихъ котловинъ, которыя тянутся одна за другою, и составляютъ замѣчательную орографическую особенность Кавказа. Относительно этого онъ имѣетъ наибольшее сходство съ юго-американскими Андами. Подымаясь отъ юга къ сѣверу, Андская цѣпь, начиная отъ горнаго узла Лоха (Locha), также

[1] *Einige Notizen über die Orographie von Dagestan*, въ *Bull. de la classe physicomath. de l'Acad. d. Science de S.-Pétersb.* 1843, tome VI № 15. Стр. 225—236.

раздѣляется на два параллельные гребня, между которыми, посредствомъ поперечныхъ цѣпей, образуется пять обширныхъ котлообразныхъ долинъ. Впрочемъ, этимъ только и ограничивается орографическое сравненіе Кавказа съ южными Андами. Во всемъ остальномъ они болѣе или менѣе различны между собою. Такъ на всемъ протяженіи котловинъ, главный гребень Кавказа нигдѣ не имѣетъ поперечныхъ долинъ или ущелій, и потому составляетъ непрерывную водораздѣлительную линію. Горныя воды на сѣверной сторонѣ гребня собираются обыкновенно въ котловины, и имѣютъ оттуда только по одному выходу, чрезъ ущелья, образовавшіяся въ боковомъ гребнѣ. Такъ выходятъ извѣстныя рѣки Наридонъ, Терекъ, Асса, Аргунъ и оба Койсу, Андійскій и Аварійскій. Каждая изъ нихъ беретъ свое начало въ одной изъ семи вышеозначенныхъ котловинъ. Напротивъ, съ южной стороны главнаго гребня всѣ рѣки стекаютъ непосредственно, то-есть не собираясь предварительно въ какія-либо котловины, такова, напримѣръ, Арагва и др. Въ Андскомъ хребтѣ нѣтъ того непрерывнаго гребня, какой свойственъ Кавказу, и потому рѣки, выходящія изъ тамошнихъ котловинъ, пересѣкаютъ то западный, то восточный гребень, и текутъ по двумъ противоположнымъ направленіямъ.

Есть еще разница между Кавказомъ и Андами. Самыя высокія вершины Кавказа находятся обыкновенно либо на сѣверномъ склонѣ главнаго гребня, каковъ Эльбрусъ, либо на боковомъ гребнѣ, каковъ Казбекъ, Цивераутъ, Штиргохъ, Казегохъ и др. Напротивъ, высочайшія вершины двураздѣльной Андской цѣпи распредѣлены по обоимъ гребнямъ; такъ Чимборазо и Пичинчи возвышаются на западной цѣпи, а Котопахи и Антизана на восточной.

Какая же страна на Кавказѣ называется Дагестаномъ? Есть ли это какое-либо продолженіе Кавказа, или совершенно особая горная система?

Дагестанъ лежитъ на сѣверной сторонѣ Кавказа, и ограничивается тремя главными цѣпями. Одну изъ этихъ цѣпей составляетъ самый Кавказъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ примыкаютъ къ нему три самыя обширныя и послѣднія котловины, именно Тушинская или Аласанская, Дидо и Анкратль. Это южная граница Дагестана. Со всѣхъ другихъ сторонъ его замыкаютъ двѣ горныя цѣпи, Андійская и Ануйская.

Та и другая, выходя изъ Кавказа почти подъ прямымъ угломъ, и направляясь къ сѣверо-востоку, болѣе и болѣе сходятся между собою, и обхватываютъ пространство, равняющееся 10.000 квадр. верстъ.

Что же значатъ эти боковыя цѣпи Дагестана? Какое отношеніе имѣютъ онѣ къ Кавказу?

Это не иное что какъ продолженіе поперечныхъ грядъ, соединяющихъ главный гребень съ боковымъ. Дѣйствительно, Андійскій хребетъ есть продолженіе поперечной гряды, раздѣляющей Аргунскую котловину отъ Тушинской или Алазанской; увѣнчанный снѣговыми вершинами, и простирающійся на 155 верстъ, онъ оканчивается при ущеліи Сулака горами Сала-тау. Ануйскія горы составляютъ продолженіе самой послѣдней изъ поперечныхъ грядъ, именно той, которая ограничиваетъ котловину Анкратль. Онѣ невысоки, и болѣе походятъ на раздѣлительную линію между водами Дагестана и истоками Самура. Выходя изъ главнаго Кавказскаго гребня, Ануйскія горы простираются со многими искривленіями на 148 верстъ; достигнувъ ущелія Сулака, онѣ оканчиваются вершиною Тусъ-тау, лежащею въ пяти верстахъ противъ Сала-тау, конечной возвышенности Андійскаго хребта. Поперечная гряда, раздѣляющая котлообразныя долины Дидо и Анкратль, также протягивается въ Дагестанъ, но образуетъ тамъ не горную цѣпь, а высокую эллиптическую выпуклость, простирающуюся по самой срединѣ страны. Продольная ось этой эллиптической возвышенности совпадаетъ съ ущельемъ Сулака, даже протягивается еще далѣе, къ ущелью рѣки Оссенъ, между Капчагэ и Кумтуръ-Калэ.

Дагестанская страна, очевидно, имѣетъ одинаковое образованіе съ котлообразными кавказскими долинами; это также котлообразная долина, но обширнѣйшая, и примыкающая къ цѣлому ряду меньшихъ котловинъ юго-восточнаго Кавказа. Дагестанъ представляетъ и другіе признаки, свойственные кавказскимъ котловинамъ: такъ всѣ рѣки, находящіяся внутри Дагестана, именно Андійскій и Аварійскій Койсу, съ его притоками Кара-Койсу и Казикумыкскій Койсу, собираются въ одну общую рѣку Сулакъ, которая выходитъ наружу чрезъ ущелье, образовавшееся въ боковомъ гребнѣ этой страны, между горами Сала-тау и Тусъ-тау. Эти горныя высоты представляются нѣкоторымъ

образомъ настоящими столпами огромныхъ воротъ для входа въ Дагестанъ. Но, дабы составить болѣе ясное понятіе о внутренности этой чудной страны, необходимо сказать нѣсколько словъ о той эллиптической выпуклости, которая по своему направленію совпадаетъ съ ущеліемъ Сулака, и которая, вѣроятно, была причиною его образованія. Выпуклость эта, дѣйствительно, имѣетъ видъ продолговатаго эллипсоида, ограниченнаго дугообразнымъ теченіемъ Андійскаго и Аварійскаго Койсу. Въ одномъ изъ его фокусовъ находится значительнѣйшая гора Дагестана, Богожская или Богозистави (Bogosistavi), которая съ своими снѣговыми вершинами поднимается надъ окружающею страною какъ исполинская крѣпость; другой фокусъ совпадаетъ съ вершиннымъ пунктомъ наибольшей выпуклости Аваріи. Всѣ ущелія и долины, глубоко прорѣзывающія Аварію, лежатъ близко одна къ другой параллельными дугами; вслѣдствіе этого образовалось тутъ множество плоскихъ возвышенностей, которыя не имѣютъ непосредственнаго соединенія съ цѣлымъ, и представляются какъ бы полуостровами или даже островами, большей или меньшей величины, удобными для земледѣлія. Общее направленіе ихъ согласно съ направленіемъ срединной выпуклости Аваріи, именно сѣверо-восточное.

Такимъ образомъ Дагестанская страна оказывается не боковыми отрогами Кавказа, а особенною горною системой, которая поднята въ сѣверо-восточномъ направленіи, и образовалась по образцу котлообразныхъ долинъ. Вмѣстѣ съ прилегающимъ къ ней Кавказомъ, она представляетъ два ряда котловинъ,—гигантскую естественную крѣпость. За этимъ двойнымъ бульверкомъ разсѣяно болѣе 600 населенныхъ мѣстечекъ народа фанатическаго и столь же суроваго, какъ окружающая ихъ природа.

Спустя четыре года послѣ описанія Дагестанской страны, въ Кавказскомъ календарѣ за 1853 годъ Абихъ помѣстилъ *Геологическій разрѣзъ сѣверной покатости Кавказа отъ Эльбруса до Бештау*, съ объясненіями, популярно изложенными и заключающими въ себѣ очень много любопытнаго.

Съ сѣверною покатостію Кавказа и съ Эльбрусомъ мы отчасти знакомы изъ путешествія Купфера, но знакомы почти единственно съ одной внѣшней или орографической

стороны. Напротивъ, у Абиха мы видимъ связь этой орографіи съ внутреннимъ образованіемъ Кавказа.

Эльбрусъ, составляющій самую южную и возвышеннѣйшую точку описываемаго разрѣза, лежитъ на сѣверной сторонѣ главнаго кавказскаго гребня. Эта огромная трахитовая масса подымается надъ обширнымъ основаніемъ, которое находится на высотѣ 11 тысячъ футовъ, и состоитъ изъ различныхъ кристаллическихъ породъ, особенно же гранита и сланцевъ. По тригонометрическому измѣренію Савича, Фуса и Саблера, абсолютная высота Эльбруса равняется 18.525 п. ф., а по измѣренію полковника Годзко 18.600 ф.

Эльбрусъ имѣетъ одинаковое происхожденіе съ Араратомъ, Казбекомъ и другими кавказскими вулканами. Это доказывается, вопервыхъ, его трахитовымъ образованіемъ, и вовторыхъ, обширными потоками лавы, которые нѣкогда выходили изъ его трещинъ, и разливались по долинамъ. Лава, покрывающая Эльбрусъ, по изслѣдованіямъ Абиха, отличается отъ трахита самой горы своимъ темнымъ цвѣтомъ, и особенно тѣмъ, что нигдѣ не переходитъ въ обсидіанъ и пемзу; напротивъ, она болѣе походитъ на пехштейнъ или смолистый камень. По наружному виду эту лаву иногда трудно бываетъ отличить отъ потоковъ Этны и Везувія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она заключаетъ въ себѣ небольшіе обломки кристаллическихъ породъ, которые вынесены ею изъ самой внутренности вулкана. То же самое замѣчается и въ другихъ кавказскихъ лавахъ, особенно же въ тѣхъ, которыя исторглись изъ вулкана Кели, въ Осетіи; тамошніе обломки бываютъ иногда отъ 4 до 6 фут. въ поперечникѣ. Напротивъ, въ Араратѣ они гораздо мельче, и встрѣчаются рѣдко.

Лавовые потоки Эльбруса видимо согласовались съ положеніемъ его долинъ, положеніемъ, которое мало отступало отъ нынѣшняго. Въ иныхъ мѣстахъ лава скопилась въ большомъ количествѣ и образовала широкія террасы, въ другихъ является настоящими потоками, наполнившими узкія и глубокія долины, простирающіяся на нѣсколько верстъ. Въ иныхъ мѣстахъ она текла по ровному мѣсту, въ другихъ низвергалась каскадами; въ извилистыхъ шероховатыхъ формахъ ея ясно видны слѣды бывшаго движенія этой огненной массы. Лавы нынѣшнихъ вулкановъ вездѣ принимаютъ призматичное или столбчатое строеніе тамъ,

гдѣ потоки ихъ достигаютъ извѣстной толщины, и потомъ медленно остываютъ. Точно такое же строеніе имѣетъ иногда и лава Эльбруса, что особенно видно въ Малкской долинѣ, близъ моста такъ-называемой Бабуковской переправы; въ этомъ мѣстѣ трахитовая порфирообразная лава раздѣлилась на вертикальныя призмы, имѣющія отъ 4 до 5 фут. въ поперечникѣ, и отъ 60 до 70 фут. высоты.

Само собою разумѣется, что лавовые потоки Эльбруса со времени изверженія своего подверглись большимъ измѣненіямъ отъ дѣйствія на нихъ наружныхъ вліяній, и особенно воды. Тамошнія рѣки въ верхнихъ долинахъ большею частію глубоко врѣзываются въ лаву, на сто футовъ и болѣе, нерѣдко до самаго основанія, именно до гранита и кристаллическихъ сланцевъ.

Трахитъ, изъ котораго состоитъ Эльбрусъ, по химическимъ изслѣдованіямъ, оказывается совершенно одинаковымъ съ трахитами Арарата и юго-американскихъ вулкановъ Чимборазо и Пичинчи. Замѣчательно однакожъ, что, несмотря на это сходство, вулканы Андскаго хребта почти вовсе не изливали лавы, между тѣмъ какъ Кавказъ и Закавказье такъ-сказать залиты лавою.

Эльбрусъ постоянно покрытъ снѣгомъ. Сверхъ того, онъ имѣетъ такое орографическое устройство, которое чрезвычайно благопріятно для образованія обширныхъ ледниковъ. Для этого, какъ извѣстно, кромѣ опредѣленной высоты, необходимы долины, которыя бы въ самыхъ верхнихъ своихъ частяхъ оканчивались циркомъ или котловинами, весьма удобными для скопленія снѣга. Въ этомъ отношеніи немногія горы въ состояніи сравниться съ Эльбрусомъ. Долины, состоящія изъ кристаллическихъ породъ и примыкающія въ его трахитовому конусу, заключаютъ неисчерпаемые запасы снѣга для питанія ледниковъ. Весьма замѣчательно, что эти ледники, спускаясь по склонамъ долинъ, слѣдуютъ тому же направленію, какому слѣдовали нѣкогда лавовые потоки, и составляютъ рѣзкую противоположность съ своимъ темноцвѣтнымъ фономъ. Таковы ледники въ верхнихъ долинахъ рѣкъ Малки, Кубани, Ріона, Ингура, и особенно Баксана. Этотъ послѣдній, по своей обширности, можетъ быть сравниваемъ съ ледниками Швейцаріи и Тироля.

Баксанскій ледникъ образуется изъ двухъ рукавовъ, еще въ верхнемъ концѣ долины соединяющихся въ одну общую массу. Спускаясь по наклону долины, и расширяясь вмѣстѣ съ нею, онъ болѣе и болѣе покрывается такъ-называемыми моренами, то-есть кусками лавы и другихъ породъ, которыя падаютъ на ледникъ, и движеніемъ его располагаются по обѣ стороны рядами. На высотѣ 7.700 ф. Баксанскій ледникъ вступаетъ въ область лѣсовъ, и достигаетъ весьма большаго развитія; ширина его въ этомъ мѣстѣ 1.400 фут., толщина отъ 60 до 80 ф. Многія деревья, загораживавшія дорогу леднику, свалены и лежатъ на его поверхности вмѣстѣ съ моренами, другія, напротивъ, глубоко вмерзли въ ледяную массу, и осѣняютъ ее своими зелеными вѣтвями. Не служитъ ли это убѣдительнымъ доказательствомъ поступательнаго движенія Баксанскаго ледника? Дѣйствительно, всякій ледникъ есть, такъ-сказать, замерзшая рѣка, продолжающая свое движеніе по наклонной плоскости, и останавливающаяся тамъ, гдѣ прекращаются всѣ условія, необходимыя для этого движенія, не только орографическія, но и климатическія. Поэтому въ однѣхъ и тѣхъ же горахъ ледники бываютъ не одинаковы относительно своего развитія; въ однихъ долинахъ они останавливаются на большей, въ другихъ на меньшей высотѣ, слѣдовательно одни изъ нихъ короче или менѣе развиты, а другіе длиннѣе или могучѣе. Впрочемъ, такое сравненіе можетъ быть безошибочно только тамъ, гдѣ снѣговая линія находится на одной и той же высотѣ; въ противномъ случаѣ, ледники, оканчивающіеся и на одинакой высотѣ, могутъ быть весьма различны относительно своего развитія, смотря потому, на какомъ разстояніи находятся они отъ предѣла снѣговой линіи. Такъ Баксанскій ледникъ остановился на высотѣ 7.350 ф., а Гандерейскій или Кубанскій, находящійся на томъ же сѣверномъ склонѣ Эльбруса, на высотѣ 8.291 ф., именно близъ Нахорскаго перевала. Высота снѣговой линіи на сѣверной покатости Кавказа принимается въ 11.200 ф., слѣдовательно, нижній предѣлъ Баксанскаго ледника находится на 3.850 ф. ниже снѣговой линіи, а нижній предѣлъ Гандерейскаго или Кубанскаго только на 2.909 ф., слѣдовательно онъ короче Баксанскаго. На южной сторонѣ Кавказа есть

также ледники, Ріонскій, Ингурскій и другіе; нижній предѣлъ Ріонскаго ледника опредѣленъ въ 7.096 ф. и съ перваго взгляда представляется болѣе длиннымъ или болѣе могучимъ, чѣмъ Баксанскій, но средняя высота снѣговой линіи той части Кавказа, которая примыкаетъ къ бассейну Чернаго моря, находится значительно ниже, чѣмъ на сѣверной покатости, по крайней мѣрѣ на 1000 ф., а въ Рачинскомъ уѣздѣ, гдѣ проходитъ Ріонскій ледникъ, опредѣленъ въ 9.527 ф.; значитъ, Ріонскій ледникъ спускается только на 2.431 ф. отъ снѣговаго предѣла, слѣдовательно онъ короче Баксанскаго на 1.419 ф. По сравненію съ величайшими швейцарскими ледниками, каковы Боссонъ, Алечь и другіе, ледники Эльбруса оказываются вообще почти на половину короче ихъ.

Основаніе Эльбруса, какъ объяснено выше, составляютъ кристаллическія породы. Подъ этимъ названіемъ разумѣются гнейсъ и различные сланцы, слюденый, тальковый, хлоритовый, роговообманковый и глинистый, поднятые гранитомъ, и образующіе самую живописную часть Кавказа. Въ направленіи описываемаго нами разрѣза кристаллическія породы продолжаются до горной цѣпи, называемой Ташли-Сыртъ, а далѣе къ сѣверу онѣ скрываются уже подъ осадочными формаціями, образовавшимися изъ прежнихъ морей. Ташли-Сыртъ тянется отъ запада къ востоку и вершинами своими (Чумгуръ-Агшатъ) касается снѣговой линіи. Онъ состоитъ изъ эруптивныхъ породъ, болѣе древняго происхожденія чѣмъ трахиты и лавы Эльбруса, и потому долженъ былъ образоваться прежде него. Это доказывается между прочимъ и тѣмъ, что лава, низвергавшаяся съ Эльбруса и встрѣтившая на пути Ташли-Сыртъ, измѣнила свое сѣверное направленіе и разлилась по Малкской долинѣ, направляющейся къ востоку и сѣверо-востоку. Отъ Ташли-Сырта начинается длинная и плоская возвышенность, которая, протягиваясь отъ юга къ сѣверу чрезъ Темнолѣскъ, Ставрополь и далѣе, болѣе нежели на 300 верстъ, составляетъ раздѣлъ между рѣками Каспія и Чернаго моря. Но объ этомъ рѣчь впереди. Для нашего разрѣза Ташли-Сыртъ замѣчателенъ въ другомъ отношеніи. Онъ составляетъ начало орографическихъ и геологическихъ отношеній совершенно особенныхъ отъ тѣхъ, какія мы видѣли въ юж-

ной половинѣ разрѣза, непосредственно примыкающей къ Эльбрусу. Отъ Ташли-Сырта до Бештау Кавказъ представляетъ уже не гребни и пики, отдѣльно и высоко подымающіеся, но обширныя террасы или уступы, чрезвычайно плоскія, и постепенно понижающіяся къ сѣверу. Терраса, ближайшая къ Ташли-Сырту и самому Эльбрусу, называется Бечесанскою; это обширнѣйшая плоскость, на протяженіи слишкомъ 76 верстъ не представляющая ни одного холма, имѣющаго болѣе 200 футовъ высоты. Несмотря на это, она сама находится на высотѣ 7.700 футовъ надъ уровнемъ моря. Внутреннее устройство Бечесанской террасы столько же правильно, какъ внѣшнее. Ее составляютъ пласты, которые принадлежатъ къ юрской формаціи, или которые образовались въ юрскомъ морѣ, нѣкогда омывавшемъ сѣверную подошву Кавказа. По всѣмъ признакамъ, эти пласты осаждались спокойно, потому что вездѣ, на всемъ протяженіи Бечесанской террасы, сохраняютъ правильное и горизонтальное положеніе, исключая двухъ мѣстъ, гдѣ они подверглись значительнымъ измѣненіямъ, именно на скатахъ Ташли-Сырта, и къ сѣверу отъ Бечесанскаго казачьяго поста. Это было слѣдствіемъ выдвинувшихся наружу эруптивныхъ породъ, афанита, долерита, амигдалита и другихъ. Событіе это, по соображенію Абиха, должно было послѣдовать въ самой срединѣ юрскаго періода.

Юрскіе пласты простираются до Бермамукской высоты. Съ нея открывается великолѣпнѣйшая панорама, тотъ достопримѣчательнѣйшій скатъ, который, понижаясь уступами, ясно выражаетъ зависимость свою отъ внутренняго геологическаго состава. Дѣйствительно, крутые края этихъ уступовъ совершенно совпадаютъ съ границами трехъ обширныхъ формацій, юрской, мѣловой и третичной. Мѣловой уступъ простирается до Эссентукской станицы, а далѣе къ Пятигорску слѣдуетъ уже третичный, прикрывающій мѣловую формацію. Въ двухъ послѣднихъ уступахъ замѣчается такое же правильное и параллельное расположеніе пластовъ, какое представляетъ юрскій уступъ. Очевидно, въ продолженіе мѣловаго и третичнаго періодовъ они не подвергались никакимъ плутоническимъ переворотамъ. Это тѣмъ болѣе удивительно, что при самомъ концѣ третичнаго уступа, тамъ, гдѣ сѣверная покатость Кавказа разсти-

лается уже въ необозримыя равнины, вы встрѣчаете цѣлую группу горъ, возвышающихся наподобіе скалистыхъ острововъ посреди моря. Мы разумѣемъ тутъ всѣмъ извѣстныя горы около Пятигорска, Бештау, Машука, Кумъ-гора, Лысая, Змѣевка, Верблюдъ и другія.

Съ перваго взгляда эти горы представляются какъ бы произведеніемъ одного переворота, но собственно, какъ показываютъ наблюденія Абиха, онѣ были слѣдствіемъ двухъ различныхъ поднятій, изъ которыхъ одно дѣйствовало по направленію сѣверо-западному, а другое сѣверо-восточному. Къ первому поднятію изъ этой группы относятся Бештау и Кумъ гора, между тѣмъ какъ Машука и всѣ остальныя принадлежатъ ко второму поднятію; онѣ расположены на той линіи, которая, будучи продолжена къ юго-западу, упирается въ Эльбрусъ. Эруптивная порода, бывшая причиной поднятія всѣхъ означенныхъ горъ, похожа отчасти на трахитовый порфиръ, но собственно относится къ кварценосному порфиру. Въ нѣкоторыхъ горахъ (Бештау, Кумъ-гора, Змѣевка, Верблюдъ, Желѣзная) она вышла наружу, въ другихъ же скрыта подъ мѣловыми и третичными пластами (Машука, Джутская, Лысая и т. д.). По мнѣнію Абиха, поднятія тѣхъ и другихъ горъ не должны раздѣляться между собою большимъ промежуткомъ времени; повидимому, то и другое послѣдовало къ концу мѣловаго періода. Вѣроятно, эти самыя поднятія, происходившія въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ между собою и образовали то множество трещинъ внутри земли, по которымъ въ настоящее время выходятъ минеральные ключи въ окрестностяхъ Пятигорска, Эссентуковъ и Кисловодска. Тѣ же поднятія, о которыхъ мы говоримъ, были причиной образованія и того знаменитаго большаго провала въ Пятигорскѣ, который заключаетъ въ себѣ цѣлое минеральное озеро, и въ недавнее время сдѣлался для всѣхъ доступнымъ посредствомъ тоннеля, устроеннаго благородными усиліями и пожертвованіями г. Лазарика. [1]

Осадочныя формаціи сѣверной покатости Кавказа, особенно же юрская и мѣловая, описаны Абихомъ довольно

---

[1] См. *Дополненіе* въ концѣ статьи 2-е.

подробно, сами по себѣ, и по сравненію ихъ съ такими же формаціями Европейской Россіи. Но этотъ предметъ еще лучше обработанъ имъ въ послѣднемъ изъ академическихъ его сочиненій, и поэтому описаніе его мы относимъ къ тому времени, когда будетъ рѣчь объ окончательномъ изслѣдованіи кавказскихъ формацій; тамъ же заключаются и болѣе подробныя свѣдѣнія о минеральныхъ источникахъ на Кавказѣ.

Теперь слѣдовало бы перейдти къ остальнымъ сочиненіямъ Абиха о Кавказѣ; но я почитаю необходимымъ для болѣе яснаго понятія объ Эльбрусѣ, и особенно объ его ледникахъ, сравнить его съ Казбекомъ, и для этого привести изслѣдованія доктора Коленати, еще въ 1844 году восходившаго на самую вершину этого гигантскаго конуса [1].

Казбекъ, какъ уже извѣстно изъ предыдущаго, находится на боковомъ гребнѣ Кавказа, отдѣляющемся отъ главнаго Терекскою долиною. Самая высокая изъ вершинъ Казбека, по барометрическому измѣренію Коленати, подымается на 2.077 туазовъ надъ Тифлисомъ и на 2.308 туаз. (16.156 ф.) надъ моремъ, слѣдовательно Казбекъ болѣе нежели на 260 туаз. ниже Эльбруса [2]. Но на простой взглядъ Казбекъ, особенно разсматриваемый съ сѣверной стороны, изъ Большой и Малой Кабарды, представляется выше чѣмъ Эльбрусъ. Этотъ оптическій обманъ, по мнѣнію Коленати, зависитъ отъ неодинаковаго орографическаго образованія того и другаго конуса. Эльбрусъ, по измѣренію Купфера, подымается съ абсолютной высоты въ 1.277 туаз. широкимъ основаніемъ и мало-по-малу; между тѣмъ какъ Казбекъ, по вычисленію Коленати, подымается надъ горизонтомъ Кавказа уже на высотѣ въ 909 туаз., притомъ же крутымъ и узкимъ основаніемъ. Теперь, если смотрѣть на оба конуса вмѣстѣ, и судить объ ихъ высотѣ по горизонту, съ котораго они подымаются, и по крутости самаго поднятія, то

---

[1] *Die Ersteigung des Kasbek im Jahre 1844* den 14 (26) August: von Dr. Colenati. Mit einer Zeichnung und einer Karte. Въ *Bull. de l'Acad. de St. Petersb.* Tom. IV. № 12. 13. 14. Стр. 177—224.

[2] По послѣднимъ тригонометрическимъ измѣреніямъ, высота Казбека 16.554 ф., а Эльбруса 18.523 ф., слѣд. Казбекъ ниже Эльбруса на 1969 ф. или на 281 туаз.

Казбекъ необходимо долженъ казаться выше Эльбруса. Послѣ этого неудивительно, замѣчаетъ Коленати, что уже Яфетиды, и между ними Прометей, обратились скорѣе къ Казбеку чѣмъ къ Эльбрусу для похищенія небеснаго огня, и навѣрно Казбекъ Кавказа (Kaus-Ase, гора Ассовъ, по Геродоту) есть та самая гора, къ которой древній миѳъ приковалъ отважнаго похитителя.

Вершины Казбека на извѣстное пространство покрыты вѣчнымъ снѣгомъ, и служатъ запасомъ для образованія ледниковъ [1]. Но ни одинъ изъ тамошнихъ ледниковъ не имѣетъ той величины, какую представляютъ ледники Эльбруса, и особенно Баксанскій. Безъ всякаго сомнѣнія, это зависитъ оттого, что вершины Казбека не такъ обширны, какъ Эльбруса, и самыя долины слишкомъ круты и обрывисты для ледниковъ. Отъ тѣхъ же причинъ тамъ часто бываютъ снѣговые и ледниковые обвалы.

Ледники Казбека Коленати дѣлитъ на постоянные и непостоянные, или періодическіе. Сосѣдство морей Чернаго и Каспійскаго имѣетъ большое вліяніе на измѣненіе годовой температуры въ окрестностяхъ Казбека; бываютъ годы, когда въ нѣкоторыхъ ущеліяхъ его появляются ледники, бываютъ и такіе, когда эти ледники исчезаютъ. Къ постояннымъ ледникамъ Коленати причисляетъ только три: Дездароки, Циклурги и Тизегари. Самымъ обширнымъ изъ нихъ оказывается Дездароки, онъ спускается до высоты 989 туазовъ, между тѣмъ какъ Циклурги и Тизегари останавливаются на высотѣ 1.490 и 1.460 туазовъ. Они всѣ примыкаютъ къ долинѣ Терека. Коленати описываетъ ихъ подробно; но мы остановимся только на ледникѣ Дездароки, какъ самомъ большомъ и чаще подвергающемся обваламъ.

Ледникъ Дездароки, иначе называемый Дагаурскимъ или ледникомъ Цахъ-Донъ, беретъ начало въ сѣверо-восточныхъ ущельяхъ Казбека изъ двухъ побочныхъ ледниковъ, раздѣленныхъ между собою узкою каменною грядой. На высотѣ 1.590 туазовъ (11.130 ф.), онъ представляетъ уже ледяную массу, образовавшуюся изъ фирна, лежащаго

---

[1] По той же самой причинѣ и Араратъ, который меньше Казбека, кажется выше его.

выше этого предѣла. Спускаясь по долинѣ Дездароки или Цахъ-Дона, постоянно направляющейся къ сѣверо-востоку, и впадающей нѣсколько выше Даріельскаго ущелія въ долину Терека, описываемый нами ледникъ покрывается множествомъ обломковъ, располагающихся въ морены, срединную и боковыя. Срединная морена составляется тутъ изъ двухъ боковыхъ моренъ, принадлежащихъ сходящимся ледникамъ; она украшена многими такъ-называемыми ледяными столами, и къ концу ледника расширяется.

Дездарокскій ледникъ особенно интересенъ по своимъ обваламъ, которые повторяются чрезъ много лѣтъ, и въ весьма неопредѣленные періоды. Вслѣдствіе такихъ обваловъ долина Терека, выше Даріельскаго ущелія, версты на двѣ бываетъ загромождена льдомъ и каменьями, на высоту отъ 300 до 500 футовъ. Цахъ-Донъ и Терекъ, остановленные обваломъ, затопляютъ долину, пока наконецъ прошибутъ обвалъ, и съ новою силой ринутся по своему прежнему пути. Обломки моренъ и горный щебень по долинѣ Терека уносятся далѣе, за Владикавказъ, въ равнины; въ самой долинѣ на долгое время дорога становится почти непроходимою, или по крайней мѣрѣ должна пролегать между двумя стѣнами льда и каменьевъ, ежеминутно угрожающихъ паденіемъ.

Обвалы Дездарокскаго ледника были въ слѣдующихъ годахъ: 1776, 1808, 1817 и 1833, и всякій разъ сопровождались такимъ грохотомъ, который былъ слышенъ въ горахъ на разстояніи 50 верстъ и болѣе. Само собою разумѣется, что подобныя катастрофы влекутъ за собой самыя печальныя послѣдствія, не только паденіемъ огромной массы льда и каменьевъ, но и происходящими при этомъ порывами сильнаго вѣтра. Кому неизвѣстно, какія ужасныя несчастія бываютъ отъ ледниковыхъ или снѣговыхъ обваловъ въ Швейцарскихъ и другихъ горахъ? Обширныя пространства заваливаются снѣгомъ и льдомъ; движенія вѣтра, при этомъ образующіяся, бываютъ такъ сильны, что цѣлыя лѣса вырываются съ корнемъ, или даже разносятся, какъ пухъ.

Причиною Дездарокскихъ обваловъ вообще надо полагать крутость террасообразно спускающейся долины. Коленати объясняетъ это еще исключительнымъ положеніемъ

главнаго ледника относительно побочныхъ, именно соединеніемъ ихъ подъ угломъ въ 15°, и тѣмъ еще, происходитъ ли это соединеніе зимой или лѣтомъ. Конечно, обстоятельство, на которое указываетъ Коленати, можетъ болѣе или менѣе содѣйствовать усиленному движенію ледника; но главною причиною все-таки должны быть крутость и уступообразное расположеніе долины.

Въ Швейцаріи и другихъ странахъ движеніе ледниковъ сопровождается такими явленіями, которыя доказываютъ чрезвычайное давленіе ледяной массы на прилежащія горныя породы. Это обнаруживается тѣмъ, что дно и бока долинъ, по которымъ спускаются ледники, бываютъ исчерчены и выполированы какъ стекло. Обломки породъ, подвергающіеся при этомъ тренію, также бываютъ отполированы и исчерчены. Для швейцарскихъ ледниковъ означенныя явленія такъ отличительны, что по нимъ можно заключать о пребываніи этихъ ледяныхъ массъ даже въ такихъ мѣстахъ, куда въ настоящее время онѣ и не досягаютъ, можно заключать о томъ, что прежде они были гораздо обширнѣе чѣмъ нынѣ. Но замѣчаются ли подобныя явленія въ ледникахъ Эльбруса и Казбека? Повидимому, они необходимо должны быть въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ледники проходятъ между твердыми породами, но ни Абихъ, ни Коленати не упоминаютъ объ этихъ явленіяхъ, потому ли что ихъ тамъ дѣйствительно нѣтъ, вслѣдствіе слишкомъ мягкихъ породъ, заключающихъ ледники, или потому что они не были замѣчены. Оба путешественника говорятъ только о признакахъ, которые оставлены обвалами въ долинѣ Терека. Стѣны этой долины дѣйствіемъ ледниковыхъ обваловъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сглажены или даже совершенно выполированы. Это особенно можно видѣть на гранитныхъ стѣнахъ правой стороны Терека, въ томъ мѣстѣ, которое лежитъ прямо противъ устья роковой долины лавинъ, и которое слѣдовательно выдерживаетъ весь напоръ низвергающагося обвала.

Наконецъ я обращаюсь къ тому сочиненію, которое было, такъ-сказать, послѣднимъ словомъ Абиха относительно геологіи Кавказскихъ странъ именно: *Vergleichende Grandzüge der Geologie des Kaukasus wie der Armenischen und nordpersischen Gebirge*. Оно помѣщено въ мемуарахъ Петербургской

академіи наукъ за 1859 годъ. Тамъ же помѣщены еще двѣ статьи Абиха о Кавказѣ [1]; но онѣ служатъ только для болѣе подробнаго поясненія нѣкоторыхъ частей главнаго мемуара, и потому могутъ быть разсматриваемы съ нимъ въ одно время.

Мемуаръ, о которомъ мы говоримъ, состоитъ изъ трехъ главныхъ частей: 1) изъ орографическаго описанія кавказскихъ странъ; 2) изъ описанія вулканизма, обусловившаго эту орографію, и донынѣ обнаруживающаго себя горячими источниками, грязными вулканами, отдѣленіемъ горючихъ газовъ и нефти; сюда же относится описаніе эруптивныхъ или огневыхъ породъ, участвовавшихъ въ поднятіи кавказскихъ странъ, и образованіи тамошнихъ рудныхъ мѣсторожденій; 3) третій отдѣлъ заключаетъ въ себѣ описаніе осадочныхъ формацій Кавказа и Закавказья, формацій, которыя свидѣтельствуютъ, что эти страны подвергались многимъ физическимъ переворотамъ, вслѣдствіе чего нѣсколько разъ должны были измѣняться и растенія и животныя тамъ находившіяся.

Каждый изъ означенныхъ отдѣловъ, по своей обширности и занимательности, требуетъ особеннаго разсмотрѣнія.

1. Орографія Кавказскихъ странъ.

Въ 1844 году, во время путешествія своего по Алтаю, я восходилъ на многія и весьма высокія горы, но ни одна изъ нихъ не оставила во мнѣ такого сильнаго впечатлѣнія, какъ Холзунъ, тотъ снѣговой хребетъ, который раздѣляетъ воды двухъ огромнѣйшихъ системъ, Оби и Иртыша. По мѣрѣ восхожденія на Холзунъ, пространство мною обозрѣваемое становилось все шире и шире; многія горы, которыхъ прежде нельзя было видѣть, постепенно выплывали передо мною, и вмѣстѣ съ другими тянулись длинными рядами. На самой вершинѣ Холзуна представилось мнѣ изумительное зрѣлище! Я былъ пораженъ необыкно-

---

[1] *Vergleichende chemische Untersuchungen des Wassers des kaspischen Meeres, Urmia — und Van-Sees.* (съ 2 табл.). *Ueber das Steinsalz und seine geologische Stellung im Russischen Armenien.* (съ 11 табл.) Въ *Mém. de l'Acad. des Scienc. de St. Petersb.* Tome VII et dernier. 1859.

веннымъ разнообразіемъ повсюду волнующихся горъ. Онѣ то располагаются стройными рядами, то сходятся или сталкиваются между собою, и какъ бы желая пересилить одна другую въ этой гигантской схваткѣ, поднимаются огромною массою. Все это до такой степени обворожительно, что вы наконецъ забываетесь, и вамъ кажется, что горы дѣйствительно движутся передъ вами, что тутъ происходитъ какая-то страшная битва между подземными великанами, которые громоздятъ горы на горы, и, подобно древнимъ титанамъ, силятся взобраться на небо.

Мнѣ кажется, что такое же или еще болѣе великолѣпное зрѣлище представилось бы намъ, еслибы мы, поднявшись на извѣстную высоту, вглянули на Кавказъ и вообще на то обширное пространство, которое лежитъ между Каспіемъ и Чернымъ моремъ. Оно все взволновано разнообразнѣйшими горами; точнѣе сказать, это цѣлый океанъ горъ, бурный, клокочущій, то вздымающійся до облаковъ, то упадающій въ бездны. Тутъ видимо происходила нѣкогда ужасная борьба между земною корой и внутренними плутоническими силами, стремившимися поднять и разорвать ее.

Горы Кавказскихъ странъ съ перваго взгляда дѣйствительно представляются настоящимъ хаосомъ; но, разбирая этотъ хаосъ по началамъ нынѣшней геологіи, Абихъ нашелъ, что онѣ составляютъ четыре главныя системы, выразившіяся, болѣе или менѣе ясно, четырьмя различными направленіями, и, по всему вѣроятію, образовавшіяся во столько же главныхъ пріемовъ.

Собственно говоря, подъ названіемъ системы Абихъ разумѣетъ тутъ соединеніе такихъ горныхъ цѣпей, въ которыхъ по наружному ихъ виду, распредѣленію и строенію можно признать болѣе или менѣе самостоятельное, по общему началу образованное цѣлое,—горы, которыя подняты въ одно время, или въ періоды весьма близкіе одинъ къ другому. Однѣ изъ этихъ горъ, по изслѣдованіямъ Абиха, были подняты въ направленіи отъ запада къ востоку, другія—отъ юго-востока къ сѣверо-западу, третьи отъ юго-запада къ сѣверо-востоку, и наконецъ четвертыя отъ сѣвера къ югу.

Господствующими горами въ кавказскихъ странахъ оказываются тѣ, которыя простираются отъ запада къ востоку.

Собственно въ Кавказскихъ горахъ западно-восточное направленіе выражается тѣми горными цѣпями, которыя примыкаютъ къ главному гребню Кавказа подъ острымъ угломъ; таковы въ особенности съ его южной стороны Сванетскія горы и Рача. Но самымъ яснымъ образомъ западно-восточное направленіе выразилось въ Грузинскихъ и Армянскихъ горахъ. Онѣ составляютъ нѣсколько параллельныхъ рядовъ, начиная отъ широкихъ долинъ Ріона и Куры до озеръ Вана и Урміа. Къ самому сѣверному ряду этихъ горныхъ цѣпей принадлежатъ Картали-Имеретинскія и Ахалцихъ-Имеретинскія, потомъ Тріалетскія и Сомхетскія цѣпи, далѣе горы пересѣкаемыя озеромъ Гокчай, именно Безобдалъ и Памбакъ съ одной стороны, Кендуръ-дахъ и Муравъ-дахъ съ другой. Наконецъ, въ южной части Арменіи то же направленіе является огромною массою горъ, которыя въ свою очередь не иное что какъ продолженіе той гигантской цѣпи, которою условливается орографическое образованіе Малой Азіи и сѣверной Персіи. Въ Малой Азіи эта западно-восточная цѣпь называется Таврскими горами; приближаясь къ Эрзеруму, она раздѣляется на двѣ вѣтви, протягивающіяся чрезъ всю Турецкую Армению и Адербейджанъ, и пересѣкающіяся тутъ многими другими горами; это тѣ самыя вѣтви, на протяженіи коихъ находятся высочайшіе вулканическіе конусы, Араратъ, Савеланъ, Сагендъ и другіе. Тавры, освободясь, такъ-сказать, отъ борьбы съ пересѣкающими ихъ горами, и выходя изъ Адербейджана, опять принимаютъ весьма явственное западно-восточное направленіе, и образуютъ Эльбурскій хребетъ, занимающій всю сѣверную часть Персіи, и наконецъ оканчивающійся горами Гиндуку (Индіискій Кавказъ, Парапамезусъ). Въ этомъ мѣстѣ онъ пересѣкается Болорскою цѣпью, направляющеюся отъ сѣвера къ югу. Какъ ни огромно протяженіе Тавро-Эльбурской цѣпи, отъ береговъ Эгейскаго моря до Индіи, но собственно она не ограничивается этими предѣлами; въ Азіи продолженіе ея составляютъ Куэнлунскія горы, а въ Европѣ средиземный поясъ вулкановъ до Азорскихъ острововъ. Вытянутая форма Европейско-Азійскаго континента по направленію отъ запада къ востоку, очевидно, зависитъ отъ этой самой цѣпи, или, точнѣе сказать, отъ того поднятія земной коры, которое образовало эту горную цѣпь. Древніе географы по-

читали ее среднею линіей между сѣверною и южною частями всего стараго свѣта (діафрагма, у Дикеарха и Эратосѳена).

Юго-восточное или сѣверо-западное направленіе Кавказскихъ, Грузинскихъ и Армянскихъ горъ, подобно предыдущему, находится въ связи съ поднятіями средней Азіи и Персіи. Внутри Азіи сѣверо-западное направленіе представляетъ высочайшій Гиммалайскій хребетъ; подъ 90° вост. долготы, встрѣтившись съ меридіональнымъ хребтомъ Болоромъ и съ восточнымъ продолженіемъ Эльбурса или съ Гиндуку и съ Куэнлуномъ, онъ образовалъ огромный горный узелъ. Точно такое же орографическое явленіе представляетъ намъ горная система Загросъ, отстоящая на 30 градусовъ къ западу отъ Гиммалая, и составляющая границу между Иранскимъ плоскогорьемъ и Курдистаномъ. Своею сѣверною оконечностію онъ соединяется съ восточными вѣтвями малоазійскаго Тавра, и вмѣстѣ съ ними обнимаетъ котловину озера Ванъ. Поднятіе Гиммалая было причиною образованія при его подошвѣ низменной страны, простирающейся по теченію Инда до береговъ Индійскаго моря. Такая же низменная страна идетъ при подошвѣ Загроса: это страна Евфрата и Тигра, Алджезиръ и Ираккараби. Такимъ образомъ сѣверо-западное направленіе для внутренней Азіи и Ирана есть Загро-Гиммалайское направленіе. Это направленіе, опредѣляемое орографически, стратиграфически и другими началами, болѣе или менѣе выказывается въ сѣверной части Эльбурскаго хребта, въ промежуткѣ между высочайшими его пиками, Демавендомъ и Ак-дахомъ. Но самыя несомнѣнныя доказательства загро-гиммалайскаго направленія, мы находимъ между горами Адербейджана, русской Арменіи, Грузіи и собственнаго Кавказа. Нельзя не замѣтить этого направленія въ горахъ Талышинскихъ и Гилянскихъ, составляющихъ западный берегъ Каспійскаго моря, потомъ въ Карабахскихъ, примыкающихъ къ озеру Гокчай, наконецъ въ отрогахъ, которые тянутся по теченію Аракса и Куры. Самыя русла рѣкъ Аракса и Куры, или точнѣе долины, по которымъ онѣ протекаютъ, на большей части своего протяженія также имѣютъ загро-гиммалайское направленіе, и представляются огромными трещинами, образовавшимися во время поднятія горъ. Сюда же надо отне-

сти и образованіе нагорной котловины, занимаемой озеромъ Гокчай, и представляющей одинаковое направленіе съ теченіемъ Аракса и Куры. Столь же или еще болѣе ясно загро-гиммалайское направленіе выражается въ направленіи главнаго Кавказскаго хребта. Продольныя оси Чермнаго, или Краснаго, моря, и Персидскаго залива имѣютъ одинаковое значеніе съ озеромъ Гокчай, и представляются такими же трещинами, какъ обширныя долины Аракса и Куры. Острова Эгейскаго моря, горы Греціи, Далмаціи, главная ось Адріатическаго моря имѣютъ такое же направленіе.

Поднятіе горъ въ юго-западномъ или въ сѣверо-восточномъ направленіи столь же обыкновенно на пространствѣ между Каспіемъ и Чернымъ моремъ, какъ и предыдущее. Посреди Кавказскихъ горъ означенное поднятіе имѣетъ несомнѣнное и чрезвычайно важное орографическое значеніе внутри Дагестана. Исходный пунктъ его, повидимому, составляютъ тутъ Богозскія горы (Bogozis-Mthawi), находящіяся въ юго-западной части Аваріи, и поднимающіяся до снѣговой области. Этими центральными массами Дагестана начинается продольная ось Аварійскаго плоскогорья. Будучи параллельна рѣчнымъ долинамъ Андійскаго и Аварійскаго Койсу и среднему направленію самаго Андійскаго хребта, эта ось въ своемъ сѣверномъ продолженіи встрѣчается прежде всего съ поперечною разсѣлиною, въ 3.000 фут. глубиною, которая составляетъ русло Сулака, прорывающаго тутъ горы Сала-тау и Тусъ-тау; далѣе на сѣверо-востокъ, означенная ось встрѣчаетъ новую разсѣлину или новое ущелье, то самое, въ которомъ протекаетъ рѣка Осенъ между горами Капчаге и Кумтуръ-кале. Кромѣ Аварійской оси, сѣверо-восточное поднятіе выразилось еще въ поперечныхъ цѣпяхъ самаго Кавказа, примыкающихъ къ Дагестанской странѣ, и въ другихъ, которыми соединяются гребни Кавказа, главный и боковой. Наконецъ, въ томъ же направленіи, какъ мы видѣли выше, подняты всѣ горы, находящіяся по сосѣдству съ Пятигорскомъ, исключая Бештау и Кумъ-горы, относящихся къ сѣверо-западному поднятію. Въ Грузіи и Арменіи дѣйствіе сѣверо-восточныхъ поднятій является еще опредѣлительнѣе и яснѣе чѣмъ въ самомъ Кавказѣ. Къ такимъ поднятіямъ безспорно принадле-

жатъ Мескинскія горы, разграничивающія Грузію отъ Имеретіи и Мингреліи. Впрочемъ, онѣ сами составляютъ продолженіе весьма длиннаго хребта, извѣстнаго обыкновенно подъ названіемъ Антитавра. Начало его въ Малой Азіи, или собственно въ Киликіи; поднимаясь къ сѣверо-востоку, онъ достигаетъ значительной высоты, и образуетъ водораздѣлъ между Евфратомъ и Джиганомъ; въ томъ же направленіи, къ сѣверу отъ Эрзерума, онъ принимаетъ названіе Антитавра, и почти непосредственно примыкаетъ къ Мескинскимъ горамъ. Въ самой Арменіи сѣверо-восточное поднятіе имѣетъ значеніе не столько орографическое, сколько гидрографическое и стратиграфическое. Такъ между верхнимъ теченіемъ Куры и Аракса оно составляетъ линію водораздѣла, которая весьма опредѣлительно проходитъ чрезъ трахитовые куполы Абула, Тцишъ-теппэ, Гёкъ-Дахъ, потомъ чрезъ кратерныя озера Чилдирской системы, и далѣе до меридіональнаго хребта Саганли. Въ другихъ мѣстахъ Арменіи, и вообще между Каспіемъ и Чернымъ моремъ, сѣверо-восточное поднятіе всего чаще обозначается стратиграфическими линіями, то-есть поднятіемъ пластовъ и образованіемъ трещинъ въ направленіи отъ юго-запада къ сѣверо-востоку. Этому вліянію, какъ мы увидимъ послѣ, преимущественно подверглись древнѣйшія или палеозоическія формаціи. Сѣверо-восточное поднятіе этихъ формацій протягивается діагонально чрезъ Арменію, и особенно замѣтно къ югу отъ Арарата. Подземныя силы, содѣйствовавшія поднятію означенныхъ пластовъ, были вмѣстѣ причиной и образованія многихъ замѣчательныхъ долинъ или разсѣлинъ, простирающихся въ сѣверо-восточномъ направленіи. Встрѣтившись съ горами, направленными къ сѣверо-западу, онѣ превращались какъ бы въ трещинообразные шлюзы, черезъ которые, вѣроятно, стекали существовавшія тогда нагорныя озера, а теперь протекаютъ чрезъ нихъ рѣки. Замѣчательнѣйшія изъ такихъ ущелій представляетъ намъ теченіе рѣкъ Куры, Сулака и Кизель-Узена или Зефидъ-Руда; первое находится въ Тріалетскихъ горахъ, между Атцкури и Бардžіомомъ, второе между Сала-тау и Тусъ-тау, въ Дагестанѣ, третье въ горахъ Рудбаръ, принадлежащихъ къ Эльбурскому хребту, въ сѣверной Персіи. Сѣверо-восточное поднятіе Кавказскаго перешейка замѣчательно для насъ

еще въ томъ отношеніи, что оно происходило въ одно время и по одному направленію съ осью большаго среднеазійскаго поднятія; мы разумѣемъ тутъ Тяньханскій хребетъ, простирающійся отъ Болорской цѣпи или отъ Персіи до Монгольской степи Гоби. Выраженіе того же поднятія мы находимъ еще въ Аравіи и особенно въ Персіи. Въ послѣдней наиболѣе пластично обнаружилось оно въ среднемъ направленіи береговой террасы Белуджистана, наиболѣе поднимающейся около Келата, также въ системѣ безчисленныхъ параллельныхъ цѣпей Авганистана. Въ томъ же направленіи, при подошвѣ означенныхъ горъ, располагается низменная соленая степь, ограниченная съ сѣвера и запада высокою страной Мешеда, Герата, Тегерана и Исфагани. Средину этой обширной соленой степи занимаетъ озеро Зарехъ, напоминающее собою гидрографическое положеніе Каспійскаго моря, и соленыхъ озеръ Урмія и Ванъ.

Съ тою же правильностію, какъ предыдущее направленіе, въ Кавказскихъ и Армянскихъ горахъ является цѣлая система орографическихъ и стратиграфическихъ поднятій, слѣдующихъ направленію меридіана. Впрочемъ, въ сравненіи съ другими поднятіями, особенно съ западно-восточнымъ, получившимъ такое сильное развитіе на всемъ пространствѣ между Каспіемъ и Чернымъ моремъ, меридіональное направленіе занимаетъ не слишкомъ широкую полосу. Эта весьма физіогномическая полоса начинается съ сѣверной покатости Кавказа, между верхнимъ теченіемъ Малки и Кубани, отъ самой подошвы гигантскаго Эльбруса. Ее составляетъ тутъ система плоскихъ, длинныхъ и широкихъ террасъ, постепенно понижающихся до Темнолѣска и Ставрополя (7.700—1.180 ф.). Самая верхняя изъ этихъ террасъ, непосредственно примыкающая къ подножію Эльбруса, называетъ Бечесанскою. Близь Бермамука она смѣняется другою, и потомъ третьею, болѣе и болѣе понижающимися террасами. Ось означенной полосы составляетъ водораздѣлъ между Каспіемъ и Чернымъ моремъ, простирающійся черезъ Манычь, быть-можетъ, до самаго города Царицына [1]. На южной покатости Кавказскаго хребта

[1] См. *Дополненіе* въ концѣ статьи 3.

меридіанное поднятіе выразилось не столько орографически, сколько образованіемъ трещинъ и стратиграфическихъ измѣненій, особенно въ горахъ Сванетіи и Рачи, примыкающихъ къ главному Кавказскому гребню. Какъ слѣдствіе двухъ различныхъ поднятій, сѣверо-восточнаго и сѣверо-западнаго, Кавказскій гребень и означенныя горы составляютъ между собою уголъ. Въ нихъ постоянно замѣчаются пласты, поднятые въ направленіи меридіана. Безъ сомнѣнія, это зависѣло отъ плутоническаго переворота, послѣдовавшаго за образованіемъ Сванетскаго хребта. Къ тому же плутоническому перевороту должны быть отнесены разсѣданія пластовъ, сбрасыванія и пещеровидные провалы какіе можно наблюдать въ горахъ Рачи, около Хотеви и Никола-Чмида, и въ горахъ, окружающихъ котлообразную долину Окриба. Линейная система разсѣлинъ и трещинъ, пересѣкающихъ означенныя горы въ ихъ направленіи, обусловливаетъ въ нихъ особенныя гидрографическія явленія, именно составляетъ причину мгновеннаго исчезанія нѣкоторыхъ рѣкъ въ тамошнемъ краѣ, и потомъ появленія ихъ снова въ болѣе глубокихъ мѣстахъ послѣ 2—4-верстнаго скрытаго теченія. Такое явленіе между прочимъ представляютъ рѣки Чхаруля и Ткварбулъ. Въ горахъ Грузіи и Арменіи меридіанальныя поднятія имѣютъ преимущественно орографическое значеніе. Онѣ являются тутъ плосковыпуклыми параллельными хребтами, направляющимися отъ сѣвера къ югу, и грядами вулканическихъ конусовъ расположенными въ томъ же направленіи и разграничивающими собою высокое плоскогорье Арменіи. Весьма замѣчательно, что эти меридіанныя поднятія служатъ водораздѣлительными линіями между Каспіемъ, Чернымъ моремъ и Персидскимъ заливомъ, и являются какъ бы повтореніемъ ставропольскаго плоскогорья, находящагося на сѣверной покатости Кавказа между черноморскими и каспійскими водами. Одинъ изъ водораздѣловъ, о которыхъ мы говорили выше, представляютъ намъ горныя массы, которыя составляютъ восточную границу плосковыпуклыхъ областей Ахалкалаки, Чилдиръ и Александраполя. Онъ начинается грядою вулкановъ Годореби и двойною системою горъ Абулъ. При южномъ концѣ этой гряды, водораздѣлъ отходитъ нѣсколько къ востоку и продолжается прямо къ югу до трахитовыхъ куполовъ Агри-

Карь и Тщишъ-Теппэ. Отсюда его образуютъ горы Абодъ, Агъ-Лагунъ и другія, составляющія восточную окраину Александрапольскаго плоскогорья. Далѣе къ югу, водораздѣлъ направляется чрезъ вулканическіе куполы Делагларъ, Гальгета, Алагезъ и Араратъ. Другую вулканическую гряду составляютъ трахитовые куполы Саганли-дахъ, лежащіе къ западу отъ Алагеза и Арарата; они образуютъ начальный водораздѣлъ между рѣчными областями Куры и Аракса съ одной стороны, и Чорока или Евфрата съ другой. Къ востоку отъ Алагеза и Арарата, меридіанное поднятіе является еще двумя параллельными грядами: одну изъ этихъ грядъ составляютъ плоскія возвышенности Агмангана, съ трахитовыми горами Босдахъ, Акдахъ, Каплигёль и Агманганъ; другая гряда соотвѣтствуетъ поясу трахитовыхъ поднятій Даридахъ, Аледжа, Каксдахъ и Гёкдахъ, пересѣкающихъ Нахичеванскій бассейнъ, столь извѣстный по своему богатству каменною солью. Но самый обширный водораздѣлъ, зависящій отъ меридіаннаго поднятія горъ, находится къ югу отъ Арарата, между Каспіемъ и Персидскимъ заливомъ. Онъ начинается высокимъ вулканическимъ плоскогорьемъ Турецко-Персидскихъ пограничныхъ владѣній, между нагорными озерами Ванъ и Урміа, и, спускаясь къ югу, доходитъ до горнаго узла Курдистанской страны. Имъ разграничиваются двѣ обширныя рѣчныя области, Зефидъ-Руда и Тигра. Очевидно, что вся система меридіанныхъ поднятій между морями Каспійскимъ и Чернымъ принадлежитъ къ одной полосѣ, ограничивающейся меридіанами Казбека и Эльбруса. Судя потому что въ этой полосѣ заключаются самые высокіе пики и наибольшее число трахитовыхъ или долеритовыхъ куполовъ, надо полагать, что тутъ происходили нѣкогда и самые могучіе вулканическіе перевороты. Дѣйствительно, меридіанное поднятіе на всемъ земномъ шарѣ было причиной образованія весьма высокихъ и длинныхъ хребтовъ, каковы американскіе Анды, Уралъ, Алатагъ, Болоръ, Соломанъ и др.

Взглянемъ еще разъ на орографію странъ, находящихся между Каспіемъ, Чернымъ моремъ и Персидскимъ заливомъ. Въ нихъ очевидно преобладаютъ два направленія, западно-восточное и юго-восточное или сѣверо-западное. Углы, подъ которыми эти два направленія пересѣкаются, различны.

Для Кавказскихъ горъ уголъ можно принять въ среднемъ числѣ 25°, для Армянскихъ 31° 30′, а для сѣверной Персіи 32° 30′. Небольшой уголъ, который составляютъ въ Кавказскихъ горахъ два означенныя направленія, и малое орографическое значеніе двухъ другихъ направленій, именно меридіаннаго и сѣверо-восточнаго, были главною причиной, что весь Кавказъ съ перваго взгляда представляется однимъ длиннымъ хребтомъ. Напротивъ, въ Арменіи, гдѣ уголъ между господствующими поднятіями больше, гдѣ въ то же время и другія поднятія имѣютъ явственное орографическое выраженіе, страна является совершенно особенною; это обширныя плоскогорья, ограниченныя взаимнымъ пересѣченіемъ всѣхъ главнѣйшихъ поднятій. Сталкиваясь между собою, они должны были подавать поводъ къ болѣе могучимъ образованіямъ. И дѣйствительно, всѣ высочайшіе пики Арменіи находятся въ точкахъ взаимнаго пересѣченія поднятій, каковъ въ особенности Алагезъ и Араратъ. Послѣдній занимаетъ среднее положеніе внутри Армянской области; въ то же время, по замѣчанію Риттера, онъ составляетъ точку пересѣченія двухъ огромнѣйшихъ континентальныхъ осей Стараго Свѣта. Сѣверная Персія вообще имѣетъ почти такое же орографическое образованіе, какъ Арменія, исключая того что меридіанное направленіе не представляетъ тамъ столь же явственнаго образованія. Среднія оси юго-западныхъ и юго-восточныхъ поднятій въ тамошнихъ странахъ пересѣкаются подъ угломъ 115°—116°. Такой же уголъ эти направленія составляютъ въ Кавказскихъ и Армянскихъ горахъ. Меридіанная линія поднятій въ Арменіи пересѣкаетъ среднюю ось западно-восточныхъ поднятій подъ угломъ въ 92°. Обѣ линіи встрѣчаются въ Араратѣ.

2. Вулканизмъ, плутонизмъ и рудоносность кавказскихъ странъ.

А. *Вулканизмъ.*

Вышеизложенная орографія Кавказа и Закавказья обусловливалась тѣми же силами, которыя были причиной общей орографіи земнаго шара, и извѣстны подъ названіемъ эруптивныхъ, либо вулканическихъ и плутоническихъ

силъ. Намъ уже извѣстно изъ предыдущаго, что эти силы въ описываемыхъ нами странахъ еще донынѣ не успокоились, и продолжаютъ обнаруживать себя горячими минеральными источниками, отдѣленіемъ различныхъ газовъ и грязными изверженіями. Прежнее дѣйствіе эруптивныхъ силъ въ тѣхъ же странахъ доказываютъ погасшіе вулканы и большія горныя разсѣлины, наполненныя разнообразными плутоническими породами и столь же разнообразными рудами. Но весьма замѣчательно, что всѣ эти эруптивныя проявленія, и прежнія и нынѣшнія, находятся въ самой тѣсной связи съ вышеописанными горными поднятіями и ихъ направленіемъ. Не доказываетъ ли это яснымъ образомъ, что тѣ и другія произошли отъ одинаковыхъ причинъ? Разсмотримъ въ общихъ чертахъ эту зависимость, слѣдуя указанію Абиха.

Самые горячіе, и въ то же время, самые обильные изъ кавказскихъ источниковъ, вытекаютъ изъ разсѣлинъ, направляющихся отъ запада къ востоку, вдоль сѣверной и южной окраинъ Малой Чечни, между Терекомъ и Сунжей. При сѣверной окраинѣ они щелочнаго свойства (natrothermae), а при южной и вдоль Сунжи—соленаго (halothermae). Температура ихъ отъ 29° до 77° по Р. Щелочные источники описываемой полосы въ настоящее время почти вовсе не заключаютъ въ себѣ землистыхъ частей, между тѣмъ какъ прежде они были ими весьма богаты, и образовали въ теченіе времени большіе осадки чистаго травертину. Въ тѣхъ же источникахъ Абихъ нашелъ значительное участіе того углеводороднаго газа, которымъ обусловливаются огненныя явленія Апшеронскаго полуострова. Согласно съ главнымъ направленіемъ Кавказскаго хребта, отъ юго-востока къ сѣверо-западу, лежатъ въ одной линіи сѣрные источники (theiothermae) на Апшеронскомъ полуостровѣ, щелочные въ Кунехкентѣ, квасцовые въ Акти, и другіе щелочные въ Генальдонской долинѣ, къ сѣверу отъ Казбека. Температура ихъ отъ 19°6 до 42°2 по Р. Тому же направленію слѣдуетъ полоса замѣчательнѣйшихъ сѣрныхъ источниковъ, находящихся въ промежуткѣ между Дербентомъ и Сулакомъ, около Чиръ-Юрта. Источники, находящіеся около Желѣзноводска, Пятигорска, Эссентуковъ, Кисловодска и вообще между Эльбрусомъ и Бештау, принадлежатъ къ особой системѣ нежели прочіе; они занимаютъ широкую

полосу, направляющуюся отъ юго-запада къ сѣверо-востоку, и видимо выходятъ изъ тѣхъ трещинъ, которыя были слѣдствіемъ пересѣченія двухъ поднятій, юго-восточнаго и юго-западнаго, происходившихъ тутъ въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ. Температура описываемыхъ источниковъ между 7° и 36° по Р. и не показываетъ никакой зависимости отъ абсолютной высоты, на которой они выходятъ. Рѣзкую противоположность съ горячими источниками, щелочными и сѣрными, вытекающими изъ глубокихъ долинъ или при подошвѣ хребта, составляютъ многочисленные холодные источники, содержащіе преимущественно углекислоту (кислыя воды, anthracocrenae), и являющіеся на гребнѣ Кавказа, особенно между Казбекомъ и Эльбрусомъ, въ тамошнихъ осетинскихъ котловинахъ, также и въ высокихъ Рачинскихъ долинахъ. Положеніе ихъ согласно съ направленіемъ главной оси Кавказскаго хребта, и почти повсюду ограничивается кристаллическими сланцами, особенно въ сосѣдствѣ съ трахитами. Во многихъ мѣстахъ этимъ источникамъ сопутствуютъ травертиновые осадки, преимущественно образовавшіеся изъ прежнихъ водъ; нынѣшнія же воды весьма бѣдны землистыми началами, не исключая углекислой извести.

Зависимость кавказскихъ минеральныхъ водъ отъ того или другаго изъ главныхъ направленій хребта, очевидно, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Такую же зависимость отъ горныхъ поднятій представляютъ и прочія проявленія вулканической силы на Кавказѣ, каковы отдѣленіе углеводороднаго газа, изліяніе нефти, періодическіе огни и грязныя изверженія. Всѣ исчисленныя явленія подчиняются тамъ двумъ направленіямъ, западновосточному и юговосточному. Подобно горячимъ источникамъ, они преимущественно обнаруживаются при подошвѣ Кавказа, и самыя могучія изъ нихъ сосредоточены при оконечностяхъ этого хребта, на Апшеронскомъ полуостровѣ и въ Тамани. Описывая путешествіе Дюбуа и Эйхвальда, мы довольно подробно говорили объ этомъ предметѣ. Въ сочиненіи Абиха онъ также изложенъ подробно; особенно же любопытно описанъ авторомъ самый замѣчательный изъ грязныхъ вулкановъ, именно находящійся около Темрюка на Тамани, и называющійся Гнилою горой. Собственно вулканическія явленія Кавказа, характеризующіяся лавовыми потоками

и туфами, находятся только посреди кристаллическихъ полосъ, занимающихъ самую верхнюю область хребта. Они группируются обыкновенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ главная ось западновосточныхъ поднятій пересѣкается подъ угломъ 27° 42′ другою линіей поднятія Кавказа, простирающеюся отъ юговостока къ сѣверозападу. Это положеніе получаетъ еще большее значеніе отъ встрѣчи съ меридіанными поднятіями, имѣющими въ тѣхъ мѣстахъ несомнѣнный вулканическій характеръ. Такъ на южной сторонѣ главнаго Кавказскаго гребня простирается высокая вулканическая страна Кели и Гудови, которая вмѣстѣ съ Красными горами около Кашаура, по замѣчанію Абиха, чрезвычайно походитъ на Малую Овернь во Франціи. Какъ это образованіе, такъ и отдѣльные трахитовые прорывы, встрѣчающіеся на той же южной сторонѣ хребта, въ верхней долинѣ Ріона, имѣютъ явное отношеніе къ общей трещинѣ, простирающейся отъ запада къ востоку. Но самое могучее проявленіе вулканизма находится на сѣверной сторонѣ гребня, именно: въ Казбекѣ, съ его лавовыми потоками, и въ другихъ окружающихъ его трахитовыхъ поднятіяхъ; потомъ въ великолѣпныхъ порфировыхъ горахъ Чегена, и соединенныхъ съ ними прорывахъ обсидіана, пехштейна, пемзовыхъ конгломератовъ и туфовъ, распространенныхъ на сѣверовостокъ отъ Нальчика; наконецъ въ Эльбрусѣ, съ его колоссальными лавовыми потоками и изверженными конусами, достигающими почти до кратерообразной вершины.

Въ грузино-армянскихъ горахъ зависимость распредѣленія горячихъ источниковъ отъ двухъ главныхъ направленій поднятія, западно-восточнаго и сѣверо-западнаго, выразилась не менѣе ясно чѣмъ на Кавказѣ. Съ первымъ изъ этихъ направленій имѣютъ согласное положеніе слѣдующіе горячіе источники: Тифлисскіе, находящіеся въ долинахъ Салалаки и Лиссъ, въ самыхъ сѣверныхъ отрогахъ Тріалетскихъ горъ; источники Абано, также принадлежащіе къ Тріалетскимъ горамъ; Боржомскіе, находящіеся въ глубокой соименной долинѣ, и Абасъ-Таманъ, при южной подошвѣ Ахалцыхъ-Имеретинскаго хребта. Въ томъ же направленіи располагаются весьма многіе источники, которые вытекаютъ изъ горъ, проходящихъ по Арменіи и составляющихъ продолженіе Тавра. Источники, расположенные по направленію сѣверо-западной вулканической о[illegible],

находятся въ большомъ количествѣ при сѣверной подошвѣ Сабалана, въ верхней долинѣ Арпачая, въ Даралагезѣ, и въ долинѣ Тертера, на юго-востокъ отъ Гокчинскаго озера.

Погасшіе вулканы, принадлежащіе Грузіи и Арменіи, были описаны нами выше; ихъ тамъ чрезвычайное множество; съ одной стороны они слѣдуютъ закону грядовыхъ, а съ другой закону центральныхъ вулкановъ, и это видимо зависитъ отъ того, что всѣ четыре вида поднятій являются тутъ въ видѣ весьма многихъ, то параллельныхъ, то пересѣкающихся цѣпей. Самые могучіе изъ тамошнихъ вулканическихъ центровъ, подобно кавказскимъ, находятся обыкновенно въ точкахъ пересѣченія осей; таково именно положеніе Арарата, Алагеза, Агмангана и другихъ извѣстныхъ вулкановъ.

В. *Плутонизмъ и рудоносность.*

Прорывы плутоническихъ породъ и соединенное съ ними появленіе рудъ, на Кавказѣ и въ Грузино-Армянскихъ горахъ, находятся въ такой же тѣсной зависимости отъ главныхъ направленій поднятія, въ какой вулканическія явленія, выше нами описанныя; точнѣе сказать, плутоническія породы сами были причиною поднятія Кавказскихъ и Грузино-Армянскихъ горъ и образованія тамошнихъ рудъ, являвшихся вмѣстѣ съ ними въ газообразномъ состояніи, либо въ видѣ металлическихъ растворовъ. Вслѣдствіе такой генетической связи между рудами и плутоническими породами, тѣ и другія находятся обыкновенно въ однѣхъ и тѣхъ же трещинахъ, имѣющихъ одинаковое направленіе съ главными горными осями.

Какія же изъ плутоническихъ породъ были причиною поднятія Кавказа и Грузино-Армянскихъ горъ, и какія изъ нихъ были по преимуществу рудоносными?

По изслѣдованіямъ Абиха, плутоническія породы Кавказа, Грузіи и Арменіи представляютъ три отдѣла, которые, по времени своего образованія, должны были слѣдовать одинъ за другимъ. Въ первомъ изъ этихъ отдѣловъ Абихъ помѣщаетъ *гранитовыя* породы, чистѣйшаго типа, богатыя кварцемъ, совершенно кристаллическія, переходящія иногда въ пегматитъ и протогинъ. Такіе граниты являются какъ *древнѣйшее* и основное образованіе въ Кавказскомъ хребтѣ,

между Эльбрусомъ и Казбекомъ, и въ Мескинскихъ горахъ, составляющихъ границу между Грузіей и Мингреліей. Граниты, подобные предыдущимъ, но, быть-можетъ, принадлежащіе болѣе *новому* періоду, образуютъ Крамскую долину въ Тріалетскихъ горахъ. Повидимому, еще новѣе граниты, которые входятъ въ составъ высокой Памбакской цѣпи и Карабахскихъ горъ между Ордубадомъ и Мигри. Древнѣйшіе граниты, сколько извѣстно, нигдѣ не сопровождаются рудами; напротивъ, болѣе новые граниты, именно встрѣчающіеся въ Памбакской цѣпи и около Мигри, оказываются рудоносными.

Граниты, бѣдные кварцемъ, непостояннаго характера, но всегда богатые полевымъ шпатомъ, вмѣстѣ съ сіенитами и діоритами, переходятъ во второй отдѣлъ, состоящій изъ *порфировыхъ* породъ. Этотъ отдѣлъ оказывается по преимуществу рудоноснымъ. Сюда принадлежатъ кварценосные полевошпатовые порфиры, тальковые протогины, сіениты, діоритовые порфиры, фельзиты и эвриты. Эти послѣдніе въ свою очередь примыкаютъ къ большому классу весьма разнообразныхъ *безкварцевыхъ* эруптивныхъ породъ, чрезъ многочисленныя измѣненія переходящихъ уже въ породы вулканическія. Абихъ разумѣетъ тутъ олигоклазовые и лабрадоровые порфиры, діоритовые гринштейны, діабазъ, шальштейнъ, амигдалиты, амфиболитъ, гиперстенитъ, офитъ и змѣевикъ. Вышеозначенныя породы во всѣхъ горныхъ цѣпяхъ носятъ на себѣ печать эруптивнаго происхожденія по трещинамъ, и часто бываютъ сопровождаемы такъ-называемыми *поясами соприкосновенія* или *зонами* (Contakt-Zone), которыя происходили отъ вліянія порфировъ на ближайшія къ нимъ осадочныя породы. Въ этихъ-то зонахъ, или измѣненныхъ породахъ, всего чаще и заключаются желѣзныя и другія руды, образовавшіяся тутъ во время поднятія порфировъ путемъ возгонки или путемъ горячихъ минеральныхъ источниковъ.

Наконецъ третій отдѣлъ составляютъ породы собственно *вулканическія*, которыя во многихъ случаяхъ такъ незамѣтно переходятъ въ порфиры, что трудно положить точныя границы между тѣми и другими.

Рудныя мѣсторожденія на Кавказѣ и въ Грузино-Армянскихъ горахъ, какъ замѣчено выше, большею частію находятся на линіи соприкосновенія порфировъ съ осадочными

породами, въ неправильныхъ зонахъ, либо штоками. Есть однако въ тамошнихъ странахъ и настоящія рудныя жилы или трещины, наполненныя рудами (Erzgänge, filons-fentes), и направляющіяся согласно съ горными осями и жилообразно выступившими порфирами.

Рудныя мѣсторожденія, принадлежащія Кавказу и стоящія разработки, сколько донынѣ извѣстно, ограничиваются только тою частію горъ, гдѣ гранитовыя и порфировыя породы являются въ соединеніи съ кристаллическими сланцами, именно сѣверозападною половиной Кавказа; юговосточная половина его, какъ увидимъ ниже, имѣетъ совсѣмъ другое образованіе. Съ сѣверной стороны Кавказскаго гребня въ означенныхъ предѣлахъ наибольшую надежду относительно рудоносности представляетъ пространство, лежащее между Казбекомъ и Эльбрусомъ. Въ настоящее время самымъ замѣчательнымъ изъ тамошнихъ мѣсторожденій почитается *Алагирское*, находящееся въ котлообразной осетинской долинѣ Наридона. Его составляютъ свинцово-серебряныя руды, вмѣстѣ съ блендою залегающія между олигоклазовымъ порфиромъ и кристаллическими сланцами. Тамошнія руды среднимъ числомъ содержатъ отъ 4 до 8 золотн. въ пудѣ. По изслѣдованіямъ Абиха, тамъ есть значительныя указанія и на сѣрнистыя мѣдныя руды. Полевошпатовыя и эвритовыя породы, являющіяся къ западу отъ Алагирскаго рудника въ высокихъ долинахъ Балкаріи, Халамъ, Чегемъ и Баксана, вплоть до гранитнаго основанія Эльбруса, повидимому, также должны быть сопутствуемы довольно богатыми свинцовосеребряными рудами. Тутъ есть слѣды древнихъ рудокопныхъ работъ. На южной покатости Кавказа, въ той же сѣверозападной половинѣ, руды и порфиры выступили по трещинамъ, направляющимся отъ запада къ востоку. Таково залеганіе желѣзныхъ и марганцовыхъ рудъ въ Карталиніи, Имеретіи и Мингреліи. Самымъ любопытнымъ изъ тамошнихъ мѣсторожденій по отношенію между эруптивными породами и желѣзными рудами, Абихъ почитаетъ разработки, находящіяся въ Имеретіи, въ верхней долинѣ Джеджора, на границѣ между Рача и Осетіей, по близости селенія Тседисъ, и принимаетъ его какъ бы за типъ для всѣхъ другихъ мѣсторожденій тамошняго края. Оно особенно замѣчательно тѣмъ, что залегаетъ въ трещинахъ мѣловаго известняка, образовавшагося

въ то время, когда подымались изъ земли пироксено-лабрадоровые порфиры.

Рудныя мѣсторожденія Грузіи и Арменіи, также какъ и на Кавказѣ, преимущественно подчинены двумъ направленіямъ, западновосточному и югозападному или сѣверовосточному, съ ясными указаніями, что и меридіанное поднятіе также нерѣдко этому содѣйствовало. Господствующими металлами въ тамошнихъ горахъ оказываются желѣзо и мѣдь, добываемыя тутъ уже съ давняго времени. Напротивъ, свинецъ, серебро и особенно золото, несмотря на многія изслѣдованія, нигдѣ не встрѣчались въ значительномъ количествѣ.

Желѣзными и мѣдными рудами преимущественно богаты горныя цѣпи Грузіи и Арменіи, направляющіяся отъ запада къ востоку, именно Ахалцыхъ-Имеретинскія, Тріалетскія, особенно же Ляльваръ, проходящія по Сомхетіи. Ляльваръ значитъ *рудная гора*. По описанію Абиха, эта цѣпь вполнѣ заслуживаетъ свое названіе; она то же самое для Грузіи, что Рудныя горы для Саксоніи. Главною причиной образованія рудъ въ горахъ Сомхетіи были такія же порфировыя породы, какія и на Кавказѣ. Поднимая тамошнія мѣловыя формаціи, онѣ сильно взломали ихъ, и въ то же время отложили между ними множество рудъ. Въ настоящее время эти рудныя мѣсторожденія въ особенности можно наблюдать въ долинахъ, глубоко пересѣкающихъ Ляльварскія и другія горы Сомхетіи. Въ самой Ляльварской цѣпи, въ долинѣ рѣки Дебеда, съ давняго времени разрабатываются знаменитые мѣдные рудники, называемые *Алавердскими*. Къ той же системѣ мѣсторожденій принадлежатъ *Ахтальскіе* рудники, лежащіе на сѣверовостокъ отъ Алавердскихъ, въ горной Мисханской цѣпи. Еще во время грузинскаго царя Ираклія II (1763) изъ нихъ было добываемо серебро и отчасти золото; но разработка остановилась по недостатку воды. Сомхетія, сверхъ того, весьма богата превосходными желѣзными рудами. Мѣсторожденія ихъ большею частію слѣдуютъ меридіанному направленію. Сѣверный конецъ этой рудоносной полосы начинается низменною цѣпью Дамиръ-Ташъ, на лѣвой сторонѣ долины Больнисъ, не далеко отъ нѣмецкой колоніи Катериненфельдъ. Но самые замѣчательные рудники этой полосы находятся на южномъ ея концѣ, именно при соединеніи рѣкъ Памбакъ

и Бортшала. Ихъ называютъ *Сизисъ-Мадани*, что значитъ *рудники безъ воды*. Это колоссальное мѣсторожденіе заключаетъ въ себѣ желѣзный блескъ и сѣрнистыя мѣдныя руды, залегающія тутъ жилами, штоками и зонами. Желѣзныя руды, одинаковыя съ предыдущими, и также сопровождающіяся мѣдными, являются еще въ томъ же меридіанномъ направленіи въ Памбакской цѣпи. Во всѣхъ означенныхъ мѣсторожденіяхъ находятся слѣды прежнихъ работъ, доказывающіе, что въ древней Иберіи горное производство было весьма значительно развито.

Восточное продолженіе Памбакской цѣпи, большею частію состоящее изъ гранитовыхъ и порфировыхъ породъ, образуетъ пограничныя горы Гокчинскаго озера, и представляетъ такія же рудныя горы для Арменіи, какія Сомхетія для Грузіи. Центральные пункты тамошнихъ мѣсторожденій находятся въ Шамшадилѣ и въ округѣ Аиржумъ, въ большихъ циркообразныхъ долинахъ Джегама и Шамхоръ Судя потому, что въ тамошнихъ горахъ чрезвычайно распространены змѣевиковыя, амфиболевыя и фельзитовыя породы, можно было бы надѣяться найдти тамъ золото; но всѣ изслѣдованія, предпринимавшіяся съ этою цѣлью, какъ замѣчено выше, не привели къ ожидаемымъ результатамъ. Напротивъ, обширныя развалины плавильныхъ заведеній, особенно въ округѣ Дашкезанъ и въ области рѣки Тертера, доказываютъ, что эти страны должны быть чрезвычайно богаты превосходными желѣзными и мѣдными рудами, издавна подававшими поводъ къ значительнымъ рудничнымъ и заводскимъ производствамъ. Дѣйствительно, красный желѣзнякъ отличной доброты образуетъ тутъ обширныя мѣсторожденія. Обработка этой руды и пользованіе ею для кузнечныхъ издѣлій уже нѣсколько столѣтій составляли предметъ промысла, производившагося исключительно жителями нѣкоторыхъ армянскихъ селеній. Тутъ же, повидимому, находятся неистощимые запасы магнитной руды около Дашкезана, называемаго иначе Гёк-Дахъ, и въ Сага-Дура или Эрикъ-Дзоръ.

По обѣ стороны центральнаго Карабахскаго плоскогорья, направляющагося отъ запада къ востоку, залегаютъ и желѣзныя, и свинцовыя, и мѣдныя руды, въ особенности же въ горахъ Гулистана, около Шуши. Но самыя замѣчательныя рудныя мѣсторожденія Карабаха находятся въ обшир-

ной горной странѣ, принадлежащей къ области Капанчая. Они заключаютъ въ себѣ магнитный желѣзнякъ, мѣдныя руды и молибденовый блескъ, по сосѣдству съ діоритовыми и фельзитовыми порфирами, жилообразно пересѣкающими тамошніе граниты и кристаллическіе сланцы. Въ глубокой долинѣ Мигри, спускающейся къ Араксу, также находятся превосходныя мѣдныя руды въ кварцевыхъ жилахъ. Далѣе же, внизъ по теченію Аракса, между Ордубадомъ и Мигри, въ этомъ величественномъ и грозномъ ущельи, сдерживающемъ бѣшеное стремленіе рѣки, и свидѣтельствующемъ о многихъ плутоническихъ переворотахъ, тутъ нѣкогда происходившихъ, рудныя мѣсторожденія представляютъ высшую степень научнаго интереса. Обозрѣвая главныя горныя цѣпи Карабаха, можно уже съ вѣроятностію заключать о недавнемъ появленіи безчисленныхъ и неистощимо разнообразныхъ гранитовыхъ породъ, бѣдныхъ кварцемъ и, напротивъ, весьма богатыхъ амфиболемъ и полевымъ шпатомъ. Въ долинѣ Мигри эта вѣроятность переходитъ въ такую же очевидность, какую представляетъ зависимость тамошнихъ рудъ отъ позднѣйшаго появленія эвритовыхъ или фельзитовыхъ порфировъ и сіенитовъ. Таковы именно мѣсторожденія, находящіяся въ ущеліяхъ Алагеза и Агарака, являющіяся то жилами, то зонами, и принадлежащія къ различнымъ эпохамъ. Особенно поучительно залеганіе тамошнихъ мѣдныхъ окисловъ, которые по своей добротѣ не уступаютъ ни Корнваллійскимъ въ Англіи, ни Богословскимъ на Уралѣ. Эти руды залегаютъ въ обширной брекчіи, которая образуетъ зону, и состоитъ изъ различныхъ полевошпатовыхъ обломковъ, по всей вѣроятности происшедшихъ отъ разрушенія сосѣдняго съ нею сіенита.

(Окончаніе въ слѣд. №.)

Г. ЩУРОВСКІЙ.

КОРОННЫЙ МЕЧНИКЪ

ЯБЛОНОВСКІЙ

ОЧЕРКЪ ИЗЪ ИСТОРІИ ПОЛЬСКИХЪ СЕЙМОВЪ XVII ВѢКА.

Предлагаемый очеркъ посвящается воспоминанію о человѣкѣ который не занималъ никакого виднаго поста между дѣятелями современной ему эпохи, и самое имя его едва ли извѣстно многимъ изъ нашихъ читателей. По своему общественному положенію, онъ принадлежалъ къ числу провинціяльныхъ, земскихъ чиновъ, которыми изобиловала Польша XVII и XVIII вѣковъ, и которые не имѣли особенно важнаго значенія для страны; таковы: подчашій, подстолій, чашникъ, конюшій, мечникъ и пр. А вся заслуга этого человѣка заключается въ нѣсколькихъ громко-сказанныхъ словахъ; но его слова поднимали самый жизненный вопросъ для Рѣчи Посполитой. Отсюда его неотъемлемое право на страницу въ исторіи.

Когда на Западѣ еще въ полной силѣ господствовалъ феодализмъ, Польша не оставалась позади другихъ европейскихъ государствъ, и даже была сильнѣе многихъ изъ нихъ. Но съ теченіемъ времени отношенія измѣнились. На,

Западѣ утвердилось монархическое начало, выработалось дипломатическое искусство, постоянные государственные доходы и постоянная армія. На югѣ выросла могущественная имперія Оттоманская, на востокѣ постепенно усиливалось Московское царство. А Польша оставалась все при тѣхъ же устарѣлыхъ порядкахъ, все болѣе и болѣе приближалась къ политическому безсилію. Напрасны были попытки нѣкоторыхъ дальновидныхъ государственныхъ людей произвести благодѣтельныя реформы въ политическомъ устройствѣ Рѣчи Посполитой. Попытки эти постоянно разбивались о безпорядочную организацію шляхетскаго сейма, забравшаго въ свои руки всю законодательную власть. Польскіе сеймы, несмотря на свое долгое существованіе, какъ извѣстно, не выработались въ опредѣленныя, строго-законченныя формы, образецъ которыхъ представляютъ намъ республиканскія учрежденія древняго Рима и англійскій парламентъ. На сеймовыхъ совѣщаніяхъ, подъ предлогомъ своихъ старинныхъ вольностей, меньшинство все смѣлѣе и смѣлѣе выказываетъ презрѣніе къ мнѣнію большинства. Около половины XVII вѣка общественное дѣло доходитъ наконецъ до той аномаліи, которая извѣстна въ исторіи подъ именемъ liberum veto. Оппозиція—а этою оппозиціей руководили обыкновенно личные интересы магнатовъ—уже не нуждалась и въ протестаціи меньшинства, для того чтобъ уничтожить сеймовое рѣшеніе; достаточно было голоса одного шляхтича *(nie pozwalam!)*, чтобы, по выраженію того времени, *сорвать сеймъ*. При такомъ условіи, свободное, прочное развитіе государственной жизни невозможно; возможна одна анархія. Дальнѣйшія судьбы даровитой, храброй польской націи представляютъ разительный примѣръ той массы зла, которую ведетъ за собой неуваженіе къ мнѣнію большинства, недостатокъ истинной свободы слова и слѣпая привязанность къ узкимъ, сословнымъ привилегіямъ.

Къ чести той же націи исторія показываетъ, что переходъ къ liberum veto совершился не безъ сопротивленія (впрочемъ, слабаго) со стороны нѣкоторыхъ благородныхъ личностей. Были патріоты, которые стремились придать сеймовымъ совѣщаніямъ болѣе правильныя и твердыя формы. Были и люди, сдѣлавшіеся въ этомъ отношеніи жертвою своихъ патріотическихъ стремленій. Примѣръ по-

добной жертвы представляетъ намъ коронный мечникъ Янъ Станиславъ Яблоновскій.

Коронный мечникъ былъ одинъ изъ зажиточныхъ обывателей юговосточныхъ или русскихъ провинцій; находился въ родствѣ съ нѣкоторыми знатными фамиліями и въ дружескихъ связяхъ съ образованнѣйшими изъ своихъ соотечественниковъ, каковы русскій воевода Яковъ Собѣсскій и коронный подчашій Николай Остророгъ. Онъ владѣлъ многими личными качествами, которыми пріобрѣталось тогда уваженіе въ шляхетскомъ кругу; отличался, между прочимъ, пылкимъ великодушнымъ характеромъ и постоянною готовностію жертвовать жизнію за собственную или чужую обиду. Такъ однажды Яблоновскій горячо вступился за своего родственника, обиженнаго княземъ Еремією Вишневецкимъ (извѣстнымъ героемъ казацкихъ войнъ); дѣло едва не дошло до сабель; къ счастію, пріятели поспѣшили помирить противниковъ. Пользуясь популярностію между товарищами и будучи въ душѣ истиннымъ республиканцемъ, мечникъ однако показывалъ всегда должное уваженіе королевскому трону; а соединеніе этихъ двухъ качествъ въ Польшѣ XVII вѣка было довольно рѣдкимъ явленіемъ. Доказательствомъ довѣрія со стороны шляхты можетъ служить избраніе мечника сеймовымъ маршаломъ или президентомъ посольской избы на сеймахъ 1637 и 1640 годовъ. Еще большимъ доказательствомъ этого довѣрія служитъ то обстоятельство, что подъ его руководствомъ оба сейма окончились благополучно—событіе въ тѣ времена очень рѣдкое. Такъ, напримѣръ, другой сеймъ 1637 года, руководимый Казиміромъ Сапѣгой, былъ сорванъ; а послѣдующіе сеймы, начиная съ 1642 года, ознаменованы чрезвычайными замѣшательствами. Мы войдемъ здѣсь въ нѣкоторыя подробности, чтобы показать, какого рода были эти замѣшательства [1].

[1] Не лишнимъ считаю, при этомъ, въ короткихъ словахъ указать на внѣшній процессъ сеймованія въ Польшѣ XVII вѣка Государственный или *вальный* сеймъ слагался изъ трехъ элементовъ: короля, сенаторовъ и пословъ (депутатовъ). *Сенаторская изба* соотвѣтствуетъ верхней палатѣ западно-европейскихъ представительныхъ собраній. Званіе сенатора было пожизненное; но оно не стояло отдѣльно, а связывалось съ должностями: епископа, воеводы, каштеляна и 10 главныхъ государственныхъ сановниковъ. (Пять отъ польской короны и равное число такихъ же сановниковъ отъ

Въ послѣдній день сейма 1642 года, около 5 часовъ пополудни члены посольской избы отправились въ сенатъ, чтобы, по обычаю, общимъ засѣданіемъ съ сенаторами закончить сеймъ. При открытіи этого засѣданія, краковскіе послы объявили, что они останутся только до того времени, пока подадутъ свѣчи. А пора была зимняя, конецъ января. Начали читать о земледѣльческихъ податяхъ; вскорѣ принесли и свѣчи. Краковяне встали и направились къ дверямъ; но сенаторы удержали ихъ, обѣщая не продолжать засѣданія долѣе полуночи. Послѣ земледѣльческихъ податей перешли къ вопросу объ уплатѣ жалованья войску; Краковяне тотчасъ протестовали и вышли изъ залы. Если-бы не удалось ихъ воротить, то рѣшенія сейма обратились бы въ ничто. Поэтому за ними поспѣшили нѣсколько сановниковъ, именно: краковскій каштелянъ, оба кан-

---

великаго княжества Литовскаго, именно: великій маршалъ, надворный маршалъ, великій канцлеръ, подканцлеръ и подскарбій; эти лица могутъ назваться государственными министрами.) Число всѣхъ сенаторовъ духовныхъ и свѣтскихъ въ XVII вѣкѣ простиралось до 142. Сенаторы, такъ же какъ *послы*, имѣли на сеймѣ право liberum veto; но они не пользовались этимъ правомъ, а обыкновенно подкупали для своихъ цѣлей кого-либо изъ членовъ посольской избы.

Посольская изба соотвѣтствуетъ нижней палатѣ; она составлялась изъ депутатовъ отъ каждой провинціи королевства и великаго княжества Литовскаго, числомъ до 175. Въ продолженіе трехъ лѣтъ король обязанъ былъ собирать одинъ сеймъ; два раза сряду онъ собирался въ Польшѣ (въ Варшавѣ) и одинъ разъ въ Литвѣ (въ Гродно). Кромѣ этихъ „ординарныхъ“, часты были сеймы чрезвычайные, созываемые по мѣрѣ надобности. За шесть недѣль король давалъ знать по провинціямъ о созваніи сейма, съ обозначеніемъ пунктовъ подлежащихъ обсужденію. Тогда въ извѣстныхъ городахъ каждой провинціи собирались дворяне на сеймики и выбирали пословъ, или депутатовъ для главнаго сейма. Выборы происходили подъ вліяніемъ мѣстныхъ магнатовъ и большею частію падали на зажиточныхъ шляхтичей, которые въ состояніи были тратить деньги на поѣздку. Сенаторъ не могъ быть посломъ. На сеймѣ депутаты раздѣлялись на три группы: Великополянъ, Малополянъ и Литвиновъ. Изъ этихъ группъ по очереди избирался президентъ посольской избы, называвшійся сеймовымъ маршаломъ. Знакомъ его достоинства служилъ маршальскій жезлъ, стукомъ котораго онъ напоминалъ о тишинѣ и порядкѣ. Вообще его назначеніемъ было руководить совѣщанія пословъ, и умный, краснорѣчивый президентъ могъ имѣть благодѣтельное вліяніе на исходъ сейма. Король засѣдалъ въ сенатѣ; послы же совѣщались всегда отдѣльно отъ сенаторовъ; но время отъ времени, съ согласія короля или по его приглашенію, сеймовой маршалъ отводилъ пословъ въ сенатъ, и тогда происходило общее засѣданіе.

ндера (коронный и литовскій) и староста сендомірскій. Сановники догнали протестантовъ, и, взявъ ихъ за руки, привели назадъ въ палату. Засѣданіе окончилось въ шестомъ часу утра.

Сеймъ 1643 года замѣчателенъ рѣшеніемъ вопроса объ уплатѣ королевскихъ долговъ. Долги эти Владиславъ IV сдѣлалъ преимущественно на военные расходы, и потому естественно правительство домогалось изъ частныхъ королевскихъ обратить ихъ въ государственные. Но вопросъ тянулся восемь лѣтъ, и по причинѣ сильной оппозиціи, постоянно откладывался до слѣдующаго сейма. Когда такая же участь постигла его въ посольской избѣ и на этотъ разъ, семь сенаторовъ въ общемъ засѣданіи вызвались заплатить долги изъ собственныхъ доходовъ. Ихъ вызовъ возбудилъ еще болѣе горячую оппозицію между послами; на томъ основаніи, что подобная уплата обязывала короля признательностію къ сенаторамъ, и слѣдовательно была опасна шляхетской вольности и шляхетскому равенству. Рѣшено было вотировать предложеніе о долгахъ каждому воеводству и повѣту особо. Когда дошла очередь до лидскихъ депутатовъ, одинъ изъ нихъ подалъ голосъ за предложеніе, другой противъ. Послѣдній немедленно съ протестаціей оставилъ палату. Къ счастію, товарищъ его обязался уговорить протестанта, и поспѣшилъ за нимъ вмѣстѣ съ однимъ литовскимъ паномъ, посланнымъ отъ короля. Ихъ общимъ просьбамъ дѣйствительно удалось воротить посла; но между тѣмъ ушло много времени, и потому согласились продолжить сеймъ еще на одинъ день. Тогда сенаторы рѣшились прибѣгнуть къ хитрости, чтобы выиграть дѣло о долгахъ.

Слѣдующій день пришелся въ Вербное воскресенье, и засѣданіе началось уже послѣ полудня. Послы съѣхались не въ полномъ числѣ; притомъ многіе изъ нихъ, прибывшіе прямо съ праздничнаго обѣда, находились подъ вліяніемъ винныхъ паровъ. Они немедленно завязали съ епископами споръ о томъ, можетъ ли въ праздничный день происходить сеймовое засѣданіе. Послы находили такое дѣло неблагочестивымъ; епископы отвѣчали, что свѣтскимъ людямъ въ этомъ случаѣ неприлично быть разборчивѣе духовныхъ, и что они хотятъ настоящій праздникъ ознаменовать разрѣшеніемъ вопросовъ общественнаго блага.

Разсерженные послы съ протестаціей направились къ дверямъ. Но сенаторы забѣжали впередъ и старались остановить ихъ просьбами. Маршалъ сейма кричалъ, чтобы заперли двери. Замѣшательство продолжалось цѣлый часъ. Наконецъ одинъ изъ сенаторовъ сталъ увѣрять, что они намѣрены въ тотъ день окончить только нѣкоторые вопросы, а остальные будутъ отложены до завтра; что хотя сеймъ продолженъ только на одинъ день, но по старому обычаю оканчивать его нельзя въ воскресенье, слѣдовательно необходимо продолжить еще на одинъ день. Ссылка на *старый обычай* произвела впечатлѣніе. Послы, правда никакъ не могли припомнить подобнаго обычая; однако, чувствуя себя въ нетрезвомъ состояніи, никто изъ нихъ не рѣшился открыто высказать сомнѣніе. Они остались. Сеймъ занялся незначительными вопросами, и, спустя немного времени, бо́льшая часть пословъ мало-по-малу оставила палату: одни чувствовали нужду проспаться, другіе были отозваны на банкеты. Сенаторы только того и желали. Такъ какъ послы уходили теперь безъ протестаціи, то отсутствіе ихъ не причиняло сейму никакого ущерба. Въ палатѣ остались только сенаторы, высшіе сановники и небольшое число пословъ, расположенныхъ къ правительству. Въ нѣсколько часовъ рѣшены были самые важные вопросы, и сеймъ законченъ. Король по болѣзни не присутствовалъ при этомъ засѣданіи, и на слѣдующій день рано утромъ сенаторы поздравили его съ счастливымъ окончаніемъ дѣла о долгахъ. Можно ли однако читать безъ сожалѣнія исторію сеймовъ, въ которыхъ требовалась подобная хитрость, чтобы добиться существенныхъ результатовъ? Къ тому же рѣшеніе сейма о долгахъ не помѣшало нѣкоторымъ панамъ, враждебнымъ правительству, при сборѣ денегъ въ провинціяхъ производить разнаго рода препятствія.

На одномъ, изъ послѣдующихъ сеймовъ, въ 1645 г., шляхта не упустила случая отомстить сенаторамъ за ихъ обманъ. Срокъ, назначенный для сейма, по обыкновенію истраченъ былъ на пренія о предметахъ незначительныхъ; а когда сдѣланъ былъ запросъ о продолженіи срока, послы отказали въ своемъ согласіи. Маршалъ отвелъ пословъ въ сенатъ, гдѣ они вмѣстѣ съ сенаторами заканчивали сеймъ и откланивались королю. Сенаторы обратились къ посламъ

съ просьбою о продолженіи сейма; тѣ не отвѣчали ни слова. Ни убѣдительная рѣчь русскаго воеводы Якова Собѣскаго, ни увѣщанія познанскаго епископа и гнѣзненскаго архіепископа не могли добиться отъ нихъ ни одного отвѣтнаго слова. На этотъ разъ сеймъ срывался не шумною протестаціей, а мертвымъ молчаніемъ цѣлаго посольскаго кола. Его молчаніе нарушено было только прощальною рѣчью маршала, въ которой онъ жаловался на бѣдствія отечества, и на „упрямыхъ дѣтей своеволія, утучненныхъ покоемъ и роскошью, и отвергающихъ всякое убѣжденіе старшихъ.“

Такое равнодушіе шляхты къ общественному благу возбуждало сильную скорбь въ душѣ нѣкоторыхъ патріотовъ. Особенно чувствительна была для государства небрежность сейма относительно обороны границъ и уплаты жалованья войску. Обыкновенно депутаты сѣверозападныхъ областей, съ давняго времени безопасныхъ отъ непріятельскаго нашествія, слишкомъ мало показывали участія въ судьбѣ областей юговосточныхъ, постоянно терпѣвшихъ раззоренiе отъ татарскихъ наѣздовъ, и отвергали всѣ денежныя требованія правительства на поддержку крѣпостей въ той сторонѣ и содержаніе гарнизоновъ. А между тѣмъ жолнеры, не получая жалованья, грабили собственныя провинціи. Русскіе дворяне горько жаловались на такое равнодушіе къ ихъ безопасности, и между ними болѣе всѣхъ скорбѣлъ о томъ коронный мечникъ Яблоновскій. На одномъ изъ слѣдующихъ сеймовъ, въ 1647 году, онъ далъ наконецъ полную волю своимъ чувствамъ.

Это былъ сеймъ экстраординарный, и имѣлъ сроку три недѣли, со 2 по 23 мая. Случившіеся въ то время праздники, публичныя церемоніи, торжественные въѣзды архіепископа и двухъ гетмановъ, отняли у сейма болѣе недѣли. Въ теченіе оставшихся тринадцати дней по сеймовой программѣ, составленной канцлеромъ, предстояло совѣщаться объ опасности, грозившей со стороны Турціи, о возобновленіи запущенныхъ пограничныхъ крѣпостей, объ уплатѣ войску жалованья, и наконецъ о внутреннемъ непріятелѣ, который по общему мнѣнію производилъ въ государствѣ опустошенія пуще татарскихъ загоновъ, то-есть о порчѣ монеты; къ ней прибѣгало правительство, чтобы облегчить для себя уплату жалованья войску, и неизбѣж-

нымъ слѣдствіемъ такой мѣры была сильная дороговизна. 9 мая, когда открылись совѣщанія, маршалъ посольской избы Сарбѣвскій предложилъ начать ихъ божьимъ дѣломъ, а именно дѣломъ о полевыхъ крестахъ, которые неизвѣстно кѣмъ были поломаны во владѣніяхъ польнаго литовскаго гетмана Януша Радзивилла, исповѣдывавшаго кальвинизмъ. Немедленно начались горячіе и долгіе споры о томъ, судить ли гетмана обыкновеннымъ процессомъ или назначить для него особую коммиссію; въ то же время разсуждали и вообще о правахъ диссидентовъ, нужно ли ихъ расширить или стѣснить. Въ посольскую избу приведенъ былъ наконецъ одинъ католическій священникъ, изъ литовскихъ имѣній князя Радзивилла, въ качествѣ свидѣтеля. Изъ его словъ оказалось, что гетманъ ласково обходится съ католическими священниками и часто приглашаетъ ихъ къ своему столу; что нѣкоторые изъ поломанныхъ крестовъ упали сами отъ ветхости и вѣтра, а иные служили просто пограничными знаками и вынуты по приказанію князя. Послѣ такого свидѣтельства раздраженіе пословъ противъ гетмана быстро исчезло, и вслѣдствіе общаго молчанія, дѣло о крестахъ отложено до слѣдующаго сейма. А между тѣмъ оно отняло уже цѣлую недѣлю.

Въ тотъ день, когда кончился вопросъ о крестахъ, явилось въ посольскую избу нѣсколько сенаторовъ, и отъ имени короля просили депутатовъ заняться жалованьемъ войску. Но этотъ вопросъ потребовалъ еще болѣе времени чѣмъ первый, потому что обсужденіе его часто прерывалось разговорами о предметахъ совершенно постороннихъ. Обыкновенно на каждомъ повѣтовомъ сеймикѣ, когда выбирались послы на генеральный сеймъ, составлялась для нихъ и особая инструкція, въ которой излагалось нѣсколько требованій совершенно мѣстныхъ. Всѣ эти требованія имѣли право на вниманіе сейма, и нерѣдко задерживали дѣла болѣе важныя. При такомъ устройствѣ совѣщаній и при возможности во всякое время поднимать вопросъ о самомъ пустомъ дѣлѣ, на обсужденіе важнѣйшихъ государственныхъ нуждъ конечно не доставало времени; отсюда постоянныя волненія подъ конецъ сейма. Благонамѣренные люди уже давно понимали настоятельную потребность реформы въ способѣ совѣщанія и необходимость ограничить безконечное многословіе ораторовъ, готовыхъ разсуждать о

чемъ и когда угодно. По опасеніе навлечь на себя гнѣвъ цѣлаго сословія останавливало порывы благонамѣренныхъ людей. На сеймѣ 1646 года, вопросъ о реформѣ поднятъ былъ коронным мечникомъ Яблоновскимъ. 18 мая онъ внесъ въ посольскую избу предложеніе, чтобы всѣ предметы, подлежащіе обсужденію сейма, заранѣе подавались маршалу въ формѣ готовыхъ проектовъ. Такимъ способомъ выигрывалось много времени и была бы возможность, безъ всякой остановки, переходить отъ одного предмета къ другому. Но шляхта ни за что не хотѣла разстаться съ своими необузданными вольностями, и объявила подобное условіе посягательствомъ на одну изъ самыхъ дорогихъ привилегій рыцарскаго сословія. Предложеніе коронаго мечника было отвергнуто съ негодованіемъ.

Нѣсколько слѣдующихъ дней протекло въ разсужденіяхъ, какимъ образомъ совѣщаться о вопросахъ предложенныхъ королемъ. Воротились и къ дѣлу о крестахъ, при чемъ мазовецкіе депутаты внесли предложеніе противъ свободнаго отправленія религіозныхъ обрядовъ въ Варшавѣ для сеймовыхъ пословъ не-католиковъ. Наступилъ предпослѣдній день сейма; пришли сенаторы, и опять именемъ короля просили депутатовъ заняться главными потребностями государства. Но и въ этотъ день ничего не рѣшили. Оставался еще только одинъ день.

По утру 23 мая, послы трактовали о нѣкоторыхъ сеймовыхъ формальностяхъ. Послѣ долгихъ преній, маршалъ обратился къ собранію съ просьбою употребить оставшееся короткое время на чтеніе правительственныхъ предложеній, въ особенности на вопросъ о защитѣ границъ и уплатѣ жалованья войску. Но чтенію этому болѣе всѣхъ воспротивились познанскіе послы, настроенные своимъ воеводою Опалинскимъ. Напрасно коронный мечникъ и нѣкоторые другіе патріоты усиливались обратить вниманіе посольской избы на королевскіе вопросы. Наконецъ пришли три сенатора съ извѣстіемъ, что король и сенатъ ждутъ прибытія пословъ на общее засѣданіе; они выразили при этомъ надежду, что присутствіе короля устранитъ несогласія и приведетъ сеймъ къ благополучному разрѣшенію. Но патріоты удержали пословъ просьбою попытаться на рѣшеніе вопросовъ еще въ посольской избѣ, и начать чтеніе королевскихъ предложеній. Въ эту минуту явился гетманъ поль-

ный Радзивиллъ, незадолго утвержденный жмудскимъ старостою, и отнялъ не мало времени своею прощальною рѣчью къ посламъ и отвѣтомъ съ ихъ стороны [1]. Послѣ его ухода оставалось времени только на вопросъ о продолженіи сейма. „Я посолъ отъ цѣлой Рѣчи Посполитой, сказалъ коронный мечникъ, — и, если мы разойдемся, ничего не сдѣлавъ, то въ присутствіи короля никто не заставитъ меня отказаться отъ протестаціи противъ тѣхъ, которые оставляютъ отечество безъ всякой защиты.“ Но ни угрозы, ни просьбы не могли сломить упорства оппозиціи. Рѣчью, исполненною грусти, президентъ избы простился съ послами, и посреди всеобщаго волненія проводилъ ихъ въ сенатъ. Здѣсь больной король принялъ ихъ уже не на тронѣ, а въ постелѣ. Печальнымъ голосомъ объявилъ ему маршалъ, что совѣщанія посольской избы окончились безъ всякихъ результатовъ. Единственнымъ средствомъ спасенія въ такомъ случаѣ была просьба о продолженіи сейма. Съ этою просьбой обратились къ посламъ архіепископъ гнѣзненскій и другіе сенаторы; обратился отъ имени короля и коронный канцлеръ. Но познанскіе послы, помѣшавшіе прежде чтенію королевскихъ предложеній, теперь рѣшительно воспротивились продолженію сейма.

Тогда возвысилъ свой голосъ мечникъ коронный Яблоновскій, и обратился къ королю съ торжественною протестаціей противъ пословъ срывающихъ сеймъ, и вообще противъ всего процесса сеймованія. Онъ не ограничился пустою жалобою; но прямо указалъ на вопіющую потребность положить конецъ срыванію сейма, и на способы какими можно было поправить зло. „Надобно, говорилъ онъ, вести болѣе тщательный выборъ пословъ, уничтожить возможность рвать сеймы голосомъ нѣсколькихъ протестующихъ депутатовъ, опредѣлить порядокъ совѣщанія“... Далѣе ораторъ не могъ продолжать свою рѣчь. Въ посольскомъ колѣ поднялось страшное волненіе. Несмотря на присутствіе больнаго короля, со всѣхъ сторонъ раздались грозныя восклицанія и звонъ сабель. Мечникъ умолкъ; но эта смѣлая протестація противъ давнихъ обычаевъ и предложеніе ненавистныхъ новостей навсегда сгубили его во

[1] Онъ былъ членомъ посольской избы; но, получивъ жмудское старостство, становился уже сенаторомъ.

мнѣніи шляхты. Напрасно умный пріятель его и родственникъ, коронный подчашій Остророгъ, старался потомъ искусною рѣчью оправдать мечника. Ничто не могло успокоить возбужденнаго имъ волненія. Тысячи бранныхъ словъ, ядовитыхъ упрековъ и обвиненій посыпались на смѣлаго патріота; еще недавно любимый и чтимый всѣми, онъ сдѣлался предметомъ общаго негодованія. Однако слова его не остались совершенно безъ послѣдствій, и повидимому произвели впечатлѣніе на цѣлое собраніе; по крайней мѣрѣ просьба о продолженіи сейма послѣ того не встрѣтила такой горячей оппозиціи, какъ прежде. Сеймъ былъ продолженъ сначала на одинъ день, потомъ на другой, на третій и на четвертый. Въ теченіе этого короткаго срока, совѣщанія производились съ такою ревностію и добросовѣстностію, что разсмотрѣно было нѣсколько важныхъ государственныхъ вопросовъ, между прочимъ рѣшена уплата жалованья войску и приняты нѣкоторыя мѣры для защиты границъ.

Съ окончаніемъ сейма не окончилось негодованіе шляхты противъ товарища, поднявшаго руку на одну изъ самыхъ дорогихъ привилегій шляхетства. Знакомые и земляки показывали ему явное презрѣніе и избѣгали его общества. Мечникъ вдругъ почувствовалъ себя совершенно одинокимъ въ своемъ отечествѣ. Передъ нимъ замкнулся шляхетскій кругъ, въ которомъ онъ выросъ, интересами котораго онъ жилъ и безъ котораго свѣтъ казался ему пустынею. Яблоновскій былъ подавленъ бременемъ своей непопулярности и совершенно упалъ духомъ. Тщетно нѣкоторые близкіе люди старались внушить ему бодрость и надежду на примиреніе съ товарищами. Чувствительная душа его не выдержала такого безотраднаго состоянія, и онъ прожилъ еще только три или четыре недѣли. До какой степени современники холодно отнеслись къ подвигу великодушнаго мечника, отчасти можетъ свидѣтельствовать тонъ, съ которымъ литовскій канцлеръ Альбрехтъ Радзивиллъ заноситъ извѣстіе о его смерти въ свой дневникъ. Подъ 13 іюня того же 1647 года Радзивиллъ упоминаетъ о самоубійствѣ молодаго пана Тарновскаго, и потомъ прибавляетъ: „Нѣсколько дней спустя, коронный мечникъ Яблоновскій умеръ безъ болѣзни, съ горя,

послѣ своей рѣчи на сеймѣ, о которой я говорилъ выше. Мечничковство отдано старостѣ Ланцкоронскому.“ [1]

Печальная судьба Яблоновскаго устрашила тѣхъ, которые сознавали справедливость его требованій. Она объясняетъ намъ, какъ крѣпка была внутренняя связь между членами шляхетскаго сословія, и до какой степени эта общественная среда поглащала отдѣльныя личности. Нужно было имѣть много нравственныхъ силъ и энергіи, чтобъ устоять противъ ея подавляющаго вліянія. Съ той поры не видно, чтобы кто-либо изъ пословъ рѣшился открыто потребовать сеймовой реформы, и польскіе сеймы пошли еще болѣе быстрымъ шагомъ, чѣмъ прежде, къ полной анархіи.

Не прошло еще году послѣ описанной нами сцены, какъ сошелъ въ могилу Владиславъ IV. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, происходило избраніе брата его Яна Казиміра. Когда избраніе кончилось и архіепископъ хотѣлъ провозгласить имя новаго короля, изъ толпы вдругъ выступилъ одинъ бельзскій шляхтичъ; онъ лишился своего помѣстья, отнятаго казаками, и потребовалъ теперь матеріяльнаго вознагражденія отъ Рѣчи Посполитой; а иначе не позволялъ оглашать новаго короля. Цѣлое собраніе, за часъ единогласно избравшее Казиміра, не осмѣлилось дать протестанту никакого рѣшительнаго отвѣта, и только постаралось успокоить его обѣщаніями.

Спустя три года послѣ того, произошло и знаменитое разорваніе сейма однимъ литовскимъ посломъ изъ Упиты. Въ запискахъ Альбрехта Радзивилла онъ просто названъ Сицинскимъ. По другимъ извѣстіямъ онъ былъ подкупленъ польнымъ литовскимъ гетманомъ Янушемъ Радзивилломъ [2]. Современники не придали почти никакого особеннаго значенія этому факту; и они уже были подготовлены къ нему. Единственная новая черта въ этомъ случаѣ была та, что посолъ тайкомъ оставилъ залу засѣданія, и потомъ прислалъ свою протестацію. На слѣдующее утро хотѣли скло-

[1] Pamiętniki Albrychta Radziwiłła. II. 274.

[2] Вотъ что говоритъ современный той эпохѣ польскій историкъ Рудовскій: „Въ то время Янъ Радзивиллъ, мстя публично за частную обиду, какъ это обыкновенно дѣлаютъ большіе паны, или по навѣту познанскаго воеводы, сорвалъ сеймъ при помощи одного Литвина.“ *Historya polska.* 183.

нить посла взять ее назадъ; на его уже не было въ столицѣ. До 1652 года каждый депутатъ, рвавшій сеймъ, по крайней мѣрѣ дѣлалъ протестацію лично и до конца оставался въ городѣ, слѣдовательно долженъ былъ имѣть нѣкоторый запасъ отваги. Упитскій посолъ уничтожилъ и эту послѣднюю формальность. Протестація вызвала только разсужденіе о томъ, можетъ ли одинъ голосъ рвать сеймъ. Нѣкоторые говорили въ пользу, другіе противъ. Многіе сенаторы горячо жаловались на поступокъ Сицинскаго; но послы разъѣхались ничего не рѣшивши. На этотъ разъ между ними не нашлось ни одного патріота, который бы послѣдовалъ благородному примѣру мечника Яблоновскаго. Впрочемъ не одни современники были къ нему несправедливы. Новѣйшіе польскіе историки относятся болѣе или менѣе холодно къ попыткѣ мечника, не признаютъ за ней никакой особенной заслуги, и на самое liberum veto смотрятъ иногда довольно снисходительно (напримѣръ Морачевскій и особенно Короновичъ). Только симпатическій талантъ Шайнохи посвятилъ Яблоновскому нѣсколько теплыхъ страницъ въ своихъ историческихъ очеркахъ, и оцѣнилъ всю важность затронутаго имъ вопроса.[1]

Д. ИЛОВАЙСКІЙ.

[1] *Szkice historyczne.* Томъ III. 1861 .

СТРАННИЦЫ.

ТРАГИЧЕСКОЕ ИЗЪ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

НАСТАСЬЯ, старуха 50 лѣтъ, бѣдная городская торговка.
ИВАНЪ } рабочіе на самоварной фабрикѣ, молодые, холостые люди—
ПЕТРЪ } дѣти Настасьи.
МАЛАНЬЯ, деревенская старуха, 48 лѣтъ.
СТЕПАНИДА, невѣстка Маланьи, молодая баба.
Квартальные, будочники, купецъ—содержатель самоварной фабрики, товарищи Ивана и Петра, сотскій, староста, прикащикъ, лакеи, мужики, бабы и пр.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

Зимнее время. Улица губернскаго города; напротивъ въ нижнемъ этажѣ дома питейный домъ съ разбитымъ фонаремъ и замасленною дверью; у двери виситъ на веревкѣ кирпичъ въ тряпкѣ; налѣво, ближе къ авансценѣ, на углу улицы сидитъ въ шубейкѣ Настасья съ булками, пряниками и пр. При поднятіи занавѣси двое пьяныхъ въ полушубкахъ молча идутъ въ кабакъ, причемъ блокъ съ веревкой пищитъ, въ кабакѣ слышатся хриплые голоса; дверь, изъ которой несется паръ, хлопаетъ. Вдали раздается благовѣстъ.

НАСТАСЬЯ *(крестится)*.

Къ вечерни! (*Вяжетъ чулокъ.*) Охъ, дѣтушки, дѣтушки! все-то вы жалки, да больны!.. (*Помолчавъ.*) Свѣту Божьяго

не видите, мои голубчики... сокрушила васъ эта самоварня! (*Слѣва появляются два чиновника.*)

ОДИНЪ ИЗЪ ЧИНОВНИКОВЪ *(нагнувъ голову и торопясь).*

Дабы уѣздное казначейство впредь до взысканія съ виновныхъ зачислило въ недоимку и о поступленіи въ казну имѣло съ своей стороны гдѣ слѣдуетъ настояніе, почему казенная палата и опредѣлила... (*Проходятъ.*)

НАСТАСЬЯ *(продолжая вязать).*

Пора бы женить ихъ... да вотъ достатки-то наши! (*Выдергиваетъ спицу и беретъ ее въ зубы.*) О-охъ! плохіе достатки!.. Петруша съ коихъ поръ свитёнки себѣ не обигоритъ... За работу получаютъ мало... О-охъ, Спаситель нашъ! (*Продолжаетъ задумчиво вязать. Справа идутъ въ новыхъ полушубкахъ остриженные рекруты, за ними плачущія бабы съ сумочками, раздается припѣвъ:* „Со-ко-о-оликъ ты мой, жела-а-нный ты мой!..“ *Отъ толпы отдѣляются нѣсколько человѣкъ и идутъ въ кабакъ; пищитъ блокъ. Рекруты проходятъ. Слѣва, близъ торговки, является Маланья въ зипунѣ.*)

МАЛАНЬЯ *(Настасьѣ уныло).*

Матушка, что, въ этой улицѣ лбы-то брятъ?

НАСТАСЬЯ.

Тебѣ вѣрно надо казенную палату? Въ этой, въ этой... А что?

МАЛАНЬЯ *(приложивъ руку къ щекѣ, съ дрожаніемъ въ голосѣ).*

Да сынка моего отдаютъ въ солдаты.

НАСТАСЬЯ *(съ участіемъ).*

Одинъ небось и есть у тебя?

МАЛАНЬЯ *(плачетъ).*

Одинъ, голубчикъ мой...

НАСТАСЬЯ.

Что дѣлать!.. видно доля такая!.. присядь тутъ себѣ, отдохни... (*Пододвигаетъ скамейку, Маланья садится.*) Совсѣмъ ужь взяли?

МАЛАНЬЯ.

Да вишь еще повели... не знаю... Невѣстка съ нимъ пошла... *(Закрываетъ глаза тряпицей.)*

НАСТАСЬЯ.

Подожди; все по этой улицѣ водятъ некрутовъ-то... *(Къ Настасьѣ подходитъ пьяный мужикъ съ бабой, у которой раздуто отъ слезъ лицо.)*

МУЖИКЪ *(роясь въ карманѣ, Настасьѣ).*

Давай закуску какую ни есть; *(съ удареніемъ)* надо половчѣе выпить!

БАБА *(печально).*

Съ чего пить-то, Егоръ Андронычъ! *(Печально качаетъ головой.)*

МУЖИКЪ *(съ гнѣвомъ).*

Пей покелева пьется! *(Громко:)* Пей, ничего! *(Подумавъ:)* Сына проводили? Ну, и шабашъ!! Чего жь еще надоть?.. *(Съ другой стороны идутъ еще мужики; они становятся въ кучу близъ Настасьи.)*

ПЕРВЫЙ МУЖИКЪ.

Пойдемъ!

ВТОРОЙ МУЖИКЪ.

Кумъ! такъ или нѣтъ? что я-то говорю?

ТРЕТІЙ МУЖИКЪ.

Андрей Митричъ! неужели... *(Является будочникъ.)*

БУДОЧНИКЪ *(мужикамъ).*

Прочь! прочь пошли! *(Алебардой загоняетъ всѣхъ въ кабакъ; самъ уходитъ.)*

НАСТАСЬЯ *(подавая булку Маланьѣ).*

Закуси-ко, сердечная... Чай у тебя и ѣда-то изъ ума вышла?

МАЛАНЬЯ.

На что это ты! Пошли тебѣ Господи за твою добродѣтель. *(Прячетъ булку за пазуху.)* Такъ-то, матушка моя, подумаю, подумаю: съ кѣмъ останусь? *(Утираетъ слезы.)* Ста-

рикъ померъ, силы мои плохія... Сыночекъ вездѣ, какъ соколъ, бывало леталъ... а теперь и глазушекъ некому закрыть...

НАСТАСЬЯ.

О-охъ! живучи на вѣку всего-то натерпишься!.. У меня милая моя, свои дѣти; знаю, каково они достаются! Вотъ тоже, на старости лѣтъ, мерзнешь на морозѣ не изъ прихоти! Какъ родилась—все бѣдность, да бѣдность... Что̀ жила вѣкъ?

МАЛАНЬЯ.

Знамо, сударынькамоя,—нужда всему виной; вотъ запрежде ко мнѣ хаживала золовка. Ну и пособляла это... да спожинками померла... А ужь, какая, другъ, женщина была! Замѣсто дочери служила! Теперь никого не будетъ! (*Повѣсила голову.*)

НАСТАСЬЯ.

Вотъ тоже пить, ѣсть хочешь... А гдѣ взять? Сыновья съ утра до ночи томятся надъ работой; свѣтлаго дня не видятъ; а все ходятъ обтерханые, да измученые...

МАЛАНЬЯ (*про себя*).

Заступница усердная!

НАСТАСЬЯ (*опять вынимая спицу*).

А тамъ, говорятъ, какъ бы младшаго сына не поставили въ солдаты... будто жеребевой онъ... видно, какъ умрешь, тогда только забудешь все! (*Послѣ нѣкотораго молчанія, подавая Маланьѣ половину пряника.*) Спрячь... внучкамъ своимъ.

МАЛАНЬЯ.

Что̀ это ты, касатка! вѣдь внучковъ у меня нѣту-ти...

НАСТАСЬЯ (*заставляя взять пряникъ*).

Кому-нибудь... сынку своему.

МАЛАНЬЯ (*беретъ и прячетъ*).

Дай Богъ тебѣ здоровья! Мнѣ никакихъ даровъ, моя желанная, не надыть; мнѣ вотъ дороже всего твои ласковыя рѣчи (*встаетъ и кланяется*). Сошли тебѣ Господи своей благодати (*садится*).

НАСТАСЬЯ.

Какъ бы, матушка, мало-мальски полегче была наша

судьба-то! А то и толковать не о чемъ кромѣ горестей... *(Въ это время по улицѣ быстро пробѣгаетъ разутый мужикъ, крѣпко держа передъ собою лапти.)* О-о-о-о! видно затылокъ забрили... себя не помнитъ...

МАЛАНЬЯ *(поднявъ глаза вверхъ тихо шепчетъ).*

Святители, угодники Божіи! *(У ней навертываются слезы, и она тихо начинаетъ рыдать. Является нѣсколько мѣщанъ.)*

ДВА МѢЩАНИНА *(въ одинъ голосъ).*

Вотъ онъ! *(Смотрятъ въ слѣдъ мужику.)*

ТРЕТІЙ МѢЩАНИНЪ.

Кто это?

ДВА МѢЩАНИНА.

Гляди: затылокъ мужику забрили! съ радости ишь гуляетъ!.. Посторонись! вольникъ! *(Отступаютъ въ сторону. Входитъ вольникъ въ плисовой шапкѣ съ красною гармоникой въ рукахъ.)*

ВОЛЬНИКЪ *(подыгрываетъ, поетъ).*

Эхъ, лапти мои,
Лапти частенькіе,
Головастенькіе... *(Въ сопровожденіи толпы идетъ въ кабакъ.)*

МАЛАНЬЯ *(приподнявшись и смотря въ даль).*

Не онъ ли это?

НАСТАСЬЯ *(Маланьѣ).*

Сынокъ-то твой?

МАЛАНЬЯ *(печально).*

Да, кормилица... Вонъ народъ идетъ... словно невѣстка съ нимъ... плачетъ...

НАСТАСЬЯ *(съ участіемъ).*

Да, можетъ, не онъ...

МАЛАНЬЯ *(дрожащимъ голосомъ).*

Родная! словно онъ... *(Отчаянно качаетъ головой.)*

НАСТАСЬЯ.

Да, что ты сокрушаешься?.. а, можетъ, затылокъ ему...

МАЛАНЬЯ *(дрожитъ).*

Соколъ мой! *(Всматривается. Настасья вздыхаетъ. Вдали раздается заунывный, однообразный маршъ. Являются будочники.)*

БУДОЧНИКИ *(сдерживая входящій народъ)*

Назадъ, назадъ!

(Невдалекѣ слышится плачъ, кто-то причитаетъ: „дружочекъ ты мой! голу-у-убчикъ ты мой...“ Плачъ слышится ближе и ближе.)

МАЛАНЬЯ *(всплеснувъ руками).*

Антипушка!!. *(Порывается впередъ; вскорѣ скрывается. При звукѣ марша и барабаннаго бою проходятъ солдаты. За ними идетъ толпа рекрутовъ, окруженная плачущими бабами, старухами и мужиками; у кого мѣшокъ на спинѣ, у кого лапти. Сбоку толпы, ближе къ зрителямъ, идетъ плачущая Маланья, поддерживаемая подъ руки плачущею бабой.)*

НАСТАСЬЯ *(съ грустію смотря на Маланью).*

Взяли у сердечной! *(Тихо качаетъ головой. Народъ проходитъ. Нѣсколько пьяныхъ входятъ въ кабакъ.)*

Занавѣсъ опускается.

КАРТИНА ВТОРАЯ.

Бѣдная мѣщанская комната. На лѣвой сторонѣ отъ зрителей, надъ двумя низенькими окнами висятъ клѣтки съ чижами; между окнами виситъ чуйка, на ней балалайка. На правой сторонѣ лежанка; на ней стоитъ маленькій самоваръ, нѣсколько чашекъ, порожній полштофъ; близъ лежанки, къ авансцену, стоитъ сундукъ. Въ глубинѣ сцены дверь, налѣво отъ ней кровать съ полинялыми ситцевыми занавѣсками, направо другая дверь, ведущая въ кухню. На авансценѣ, за дубовымъ столомъ, передъ ночникомъ, сидитъ Иванъ и его пріятель,—оба съ почернѣвшими отъ мѣди лицами, въ рубашкахъ и черныхъ штанахъ, опущенныхъ въ сапоги; у обоихъ засучены рукава.

ПРІЯТЕЛЬ

Да, Ваня! только выпьешь забудешься!

ИВАНЪ.

Не ты одинъ такой.

ПРІЯТЕЛЬ *(стучитъ по столу пальцами).*

Я не про то, къ примѣру, а что̀ вонъ какъ! однова̀ дыхнуть! *(Подумавъ.)* Былъ нонѣ вокругъ пріема, у казенной палаты?

ИВАНЪ.

Нѣтъ, не былъ...

ПРІЯТЕЛЬ.

Большой былъ пріемъ... *(Подумавъ.)* Бабы это обо что̀ ни попало колушматятся головами... *(Встряхиваетъ волосами.)* А то жена моя говоритъ, зачѣмъ пьешь! Нѣтъ, вотъ какъ: лечь прямо подъ бочку да и глашить... скорѣй зальешь! *(Указываетъ на сердце.)* Ты не повѣришь? думаешь, думаешь: зачѣмъ только живешь? Тутъ не пить? Да какъ тутъ не пить? Нѣтъ! одно слово, изо всей мочи надо жрать... *(Послѣ нѣкотораго молчанія:)* Много въ эту недѣлю заработалъ?

ИВАНЪ.

Обаполъ рубля... да все разчетъ затягиваютъ.

ПРІЯТЕЛЬ *(съ злобой).*

Это вашъ пузанъ-то орудуетъ; онъ всѣхъ рабочихъ, словно мухъ, затомилъ, а у самого тысячи ломятся. *(Иванъ махаетъ рукой.)* Эхъ, Ваня! Повѣрь мнѣ: ей-же-ей все правду говорю!

ИВАНЪ.

Чудакъ ты! Можетъ лучше твоего знаю, какова это правда-то!...

(Входитъ Петръ, парень лѣтъ 19. За нимъ нѣсколько товарищей въ полушубкахъ и чуйкахъ, одинъ изъ нихъ съ гармоникой; всѣ съ черными лицами; иные сбрасываютъ съ себя одежду.)

ВСѢ *(подходя, одинъ за другимъ, къ Ивану и его пріятелю и пожимая руки).*

Здорово!

ПРІЯТЕЛЬ.

Здорово! гдѣ были?

ПЕРВЫЙ МѢЩАНИНЪ.

Ходили Андрюху Горшкова провожать; залобанили дружка. Мы съ Алехой и такъ вокругъ пріема поталались.

ВТОРОЙ МѢЩАНИНЪ.

Народу что было!

ИВАНЪ *(подходя, на авансценѣ, къ Петру, тихо, взволнованнымъ голосомъ).*

Спряталъ?

ПЕТРЪ *(озираясь).*

Спряталъ. Завтра приберу въ другое мѣсто.

ПРІЯТЕЛЬ ИВАНА *(первому мѣщанину, у котораго въ рукахъ гармоника).*

Тришка! сыграй, братъ, „барыня съ перехватомъ, попиралася ухватомъ...“

ПЕРВЫЙ МѢЩАНИНЪ *(второму мѣщанину).*

Алеха! А вѣдь пестрофостаго Егоркина гулубя-то ястребъ зашибъ!..

НѢСКОЛЬКО ГОЛОСОВЪ.

Что ты? когда?

ПЕРВЫЙ МѢЩАНИНЪ.

Третеводни... тутъ смѣху!

ВТОРОЙ МѢЩАНИНЪ *(третьему).*

Нонѣ мы съ Микиткой были у Миколы въ обѣдни... некрутовъ къ присягѣ пригоняли.

ТРЕТІЙ МѢЩАНИНЪ.

Важно, чай, пѣли?

ВТОРОЙ МѢЩАНИНЪ.

Братецъ мой, басъ-то у Преображенскаго! Что жь это за сила! Почесь всѣ рядскіе пришли слушать; пѣли двухъхорный; какъ нешто дерябали! Петропавловскій бацнетъ, бацнетъ! *(Входитъ Настасья.)*

НАСТАСЬЯ *(сбрасывая съ себя шубейку).*

Здравствуйте, родимые.

ВСѢ МѢЩАНЕ.

Здравствуйте, Настасья Еремеевна... какъ себѣ поживаешь?

НАСТАСЬЯ *(потираетъ руки).*

Замерзла совсѣмъ!... Присядьте себѣ... Спасибо, что не забываете моихъ ребятъ...

НѢСКОЛЬКО ГОЛОСОВЪ.

По пути зашли.

НАСТАСЬЯ *(подходя къ авансценѣ).*

Охъ, сколько нонѣ некрутовъ провели! Что плачу было!

ПЕРВЫЙ МѢЩАНИНЪ.

Пріемъ былъ здоровый.

НАСТАСЬЯ.

Ужь какъ мнѣ было жалко одну старушку: сына у сердечной взяли!

ИВАНЪ *(подходя къ Настасьѣ не громко).*

Матушка! небось надо самоварецъ поставить?

НАСТАСЬЯ.

Что жь за бѣда? А я вотъ забѣжала къ Сидоровнѣ, заняла у ней рублишко *(Иванъ чешетъ затылокъ.)* Ничего, голубчикъ! какъ-нибудь отдадимъ... вотъ буду чулки вязать, сахарными стручьями торговать... кручиной горю не пособишь, родной! *(Расходятся: Настасья идетъ въ кухню.)*

ТРИ МѢЩАНИНА *(подходя къ Ивану и держа руки въ карманахъ штановъ).*

Ваня, мы хотимъ разгрызть полштофчикъ... какъ бы посудинки?

ИВАНЪ.

Ну тамъ! авось своего поищемъ.

ТРИ МѢЩАНИНА.

Нѣтъ, и не думай. Али мы?.. Ну-ко, посылай.

ИВАНЪ.

Мнѣ, право, совѣстно, братцы.

ОДИНЪ МѢЩАНИНЪ.

Ваня! неужели мы не можемъ понимать?

ДРУГОЙ.

Ты только не сердись, что мы зашли къ тебѣ...

ИВАНЪ.

Вотъ что̀ вздумалъ! завсегда просимъ покорно...

ТРЕТІЙ МѢЩАНИНЪ.

По-товарищецки, Ваня, зашли...

ПЕРВЫЙ.

Посылай! *(Считаютъ деньги и одного снаряжаютъ за водкой. Нѣкоторые изъ гостей садятся къ лежанкѣ и начинаютъ играть въ карты, при свѣтѣ ночника.)*

ПЕРВЫЙ.

Кому угодно?

ВТОРОЙ *(сдавая)*.

Фалька—крестовая осьмерка.

ТРЕТІЙ.

Пошла копѣйка.

ПЕРВЫЙ.

Замирилъ! Хлюстъ! *(Третій почесываетъ затылокъ, окружающіе игроковъ смѣются. Какая-то женщина отворяетъ дверь и просовываетъ голову.)*

ЖЕНЩИНА.

А что, моего Васьки тутъ нѣту? *(Всѣ оглядываются.)*

ВАСИЛІЙ *(съ картами въ рукахъ прячется за спины товарищей. Шепотомъ)*.

Нѣту, нѣту...

ТОЛПА *(загораживая Василья)*.

Нѣту, Акулина Дементьевна...

ОДИНЪ МѢЩАНИНЪ.

Онъ давеча, должно, пошелъ къ хозяину. *(Молчаніе.)*

ЖЕНЩИНА.

А Костюшка здѣсь? (*Константинъ прячется*).

ТОЛПА.

Нѣту, Акулина Дементьевна...

ОДИНЪ.

Говорятъ, онъ съ самаго обѣда пошелъ къ Алехѣ Сахарову, провожать Горшкова... оттуда они хотѣли къ Николѣ за рѣку, смотрѣть, какъ къ присягѣ пригоняютъ...

ЖЕНЩИНА (*скрываясь; съ отчаяніемъ*).

Ахъ, сокрушители!

ПЕРВЫЙ:

Ушла! сдавай!

ВТОРОЙ (*сдавая*).

Копѣйка темныхъ...

ТРЕТІЙ.

Словно отъ солдатчины попрятались...

ПЕРВЫЙ (*товарищу*).

Нѣтъ ли у тебя гривенничка; масть, братъ, какая привалила! (*Входитъ Настасья съ чашками*).

НАСТАСЬЯ.

Просимъ покорно...

ОДИНЪ.

Напрасно, Еремеевна...

ДРУГОЙ.

Мы давеча попили у Софроныча. (*Беретъ чай.*)

НАСТАСЬЯ.

Не взыщите, родимые; лишняго-то ничего нѣтъ...

(*Нѣкоторые изъ гостей садятся на сундукъ, вынимаютъ карты, гремятъ бабками, и собираются тоже играть.*)

ОДИНЪ.

Слышь, пошла ладыжка!..

ДРУГОЙ.

Еще двѣ...

(*Во все время Иванъ и Петръ хозяйничаютъ, носятъ тарелки, рюмки, хлѣбъ и пр. Является квартальный, два будочника и купецъ.*)

КВАРТАЛЬНЫЙ.

Кто тутъ братья Горбачевы?

ИВАНЪ и ПЕТРЪ *(сдержанно)*.

Здѣсь...

КВАРТАЛЬНЫЙ.

Гдѣ они? *(Подходитъ къ нимъ)*. Вотъ Яковъ Селеверстычъ подозрѣваетъ васъ въ покражѣ мѣди на тридцать пять рублей серебромъ. *(Настасья стоитъ неподвижно, держа чашки.)*

КУПЕЦЪ.

Прикажите ихъ обыскать. *(Квартальный дѣлаетъ знакъ будочникамъ; будочники уходятъ. Пьмая сцена; всѣ стоятъ не шевелясь.)*

КВАРТАЛЬНЫЙ *(купцу)*.

Садитесь, Яковъ Селеверстычъ.

КУПЕЦЪ.

Ничего, постоимъ. *(Молчаніе.)*

КВАРТАЛЬНЫЙ.

Сколько по вашимъ?

КУПЕЦЪ *(вынимая часы)*.

Восьмой...

КВАРТАЛЬНЫЙ.

Merci! *(Съ почтеніемъ:)* Были у его превосходительства-то?

КУПЕЦЪ.

Да... попили чайку...

КВАРТАЛЬНЫЙ.

Его супруга благородная женщина.

КУПЕЦЪ.

Благородная дама.

КВАРТАЛЬНЫЙ.

Благородная дама.

(Всѣ молчатъ; нѣкоторые покашливаютъ. Квартальный закуриваетъ сигару; входятъ будочники, таща мѣшокъ.)

ОБА БУДОЧНИКА.

Вотъ мѣшокъ съ чѣмъ—то..

КУПЕЦЪ, КВАРТАЛЬНЫЙ, БУДОЧНИКИ *(осматривая мѣшокъ въ одинъ голосъ).*

Мѣдь!!

КВАРТАЛЬНЫЙ *Ивану и Петру.*

Чья это мѣдь? *(Всѣ смотрятъ на двухъ братьевъ. Мать съ навернувшимися слезами пристально глядитъ на сыновей.)*

КВАРТАЛЬНЫЙ.

Что же вы молчите?

КУПЕЦЪ *(квартальному).*

Я навѣрно знаю, что они обработали это дѣло... Прикажите ихъ связать.

КВАРТАЛЬНЫЙ *(будочникамъ).*

Ну-ко! (*Будочники вяжутъ. Купцу:*) Тутъ главное дѣло взломъ замка...

НАСТАСЬЯ *(квартальному).*

Батюшка! они ни въ чемъ не повинны... ваше благородіе...

КУПЕЦЪ *(Ивану).*

Не ожидалъ, Иванъ, я отъ тебя такихъ пассажей! Отплатилъ, братъ, за всѣ добродѣтели!..

ПЕТРЪ *(связанный будочниками, дрожащимъ голосомъ).*

За какія добродѣтели-то?

КУПЕЦЪ *(не обращая на него вниманія).*

Не ждалъ, право, не ждалъ, Иванъ.

ПЕТРЪ.

На тебѣ креста нѣтути... ты нашу кровь всю выпилъ!..

ИВАНЪ *(взволнованнымъ голосомъ).*

Эхъ, Яковъ Селеверстычъ! Только бѣдность-то моя!

НАСТАСЬЯ *(будочникамъ).*

Батюшки!...

ОДИНЪ МѢЩАНИНЪ *(Настасьѣ тихо).*

Ты, Еремеевна, одѣлась бы проводить ихъ... *(Настасья ищетъ шубейку.)*

ПЕТРЪ *(со связанными руками, плачущимъ голосомъ, товарищамъ).*

Я напишу въ Питеръ просьбу; пусть насъ разберутъ! *(Товарищи грустно смотрятъ на него.)*

КВАРТАЛЬНЫЙ.

Совсѣмъ?

БУДОЧНИКИ.

Совсѣмъ.

КВАРТАЛЬНЫЙ *(даетъ знакъ).*

Ведите! *(Впереди идутъ преступники, за ними купецъ, квартальный, будочники, Настасья, мѣщане.)*

ОДИНЪ МѢЩАНИНЪ *(другому).*

А пожалуй, пойдутъ въ Сибирь...

ДРУГОЙ *(подумавъ).*

Пожалуй, что пойдутъ...

(На сценѣ безпорядокъ; спустя нѣкоторое время занавѣсъ опускается.)

КАРТИНА ТРЕТЬЯ.

(Спустя годъ послѣ первой и второй картины.)

Раннее весеннее утро: Бѣдная крестьянская изба, направо отъ зрителей разбитыя окна, заткнутыя зипунами и тряпицами; ближе къ авансценѣ дубовый, длинный столъ, на которомъ тускло горитъ ночникъ; у стола стоитъ скамейка, налѣво нары и полати. Въ глубинѣ сцены противъ зрителей дверь съ горшечнымъ умывальникомъ и русская печка; на полу въ разныхъ мѣстахъ кадушка, старыя лапти и проч. Завываетъ вѣтеръ и свищетъ сквозь худыя стекла. Входитъ Маланья сильно похудѣвшая, въ дырявомъ зипунѣ; голова повязана грязною тряпицей. Она медленно приближается къ столу, отъ кашля закрывая ротъ. Буря выбиваетъ зипунъ на средину избы; Маланья поднимаетъ его и затыкаетъ окно, потомъ садится у стола. Послѣ нѣкотораго молчанія она облакачивается на столъ, закрываетъ глаза концомъ занавѣски. Гудетъ буря. Входятъ два мужика.

ПЕРВЫЙ *(второму).*

Сердечная! *(помолчавъ Маланьѣ:)* Здорово живешь, Гордѣевна!

МАЛАНЬЯ *(поднимаясь сквозь слезы).*

Здравствуйте, родимые. *(Кланяется.)*

ПЕРВЫЙ.

Что̀, матушка, увели лошадку?

МАЛАНЬЯ *(стоитъ поодаль отъ мужиковъ).*

Увели, касатики.

ПЕРВЫЙ.

Доканали нехристи! На лошади все хозяйство стояло! *(Маланья закрываетъ лицо, мужики молча на нее смотрятъ.)* Я думаю, это Андрюшка коростель... *(Ласково Маланьѣ:)* Давно увели-то, Гордѣвна?

МАЛАНЬЯ.

Послѣ вторыхъ кочатовъ хватились...

ПЕРВЫЙ *(съ участіемъ).*

Извѣстно: дѣло одинокое, ишь у нихъ ни одного мужика нѣтути въ дому. Съ тѣхъ съ самыхъ поръ, какъ сына ея отдали въ солдаты, все почало... почало... такъ промежь рукъ пошло! *(Маланьѣ.)* Какъ же ты думаешь, Гордѣвна?

МАЛАНЬЯ *(печально).*

Чай, искать надо.

ОБА *(въ одинъ голосъ).*

Искать, Гордѣвна!

ПЕРВЫЙ.

Ты сама ступай... невѣсткѣ гдѣ? баба молодая... Ты перва иди прямо на Логачовку, тамъ зайди къ кузнецу Чаплѣ, Оттелева держи на Мочовку, оттелева тебѣ укажутъ дорогу на Калугу... Какъ выберешься на большую дорогу, иди да поспрашивай: дескать не видали ли гнядой лошади съ бѣлою ногой? *(Маланья рыдаетъ. Мужикъ помолчавъ.)* Что ты все убиваешься, Гордѣвна?

МАЛАНЬЯ *(сквозь слезы).*

Эхъ, касатики!..

ПЕРВЫЙ *(тронувшись).*

Знамо: что̀ говорить!

ВТОРОЙ *(первому).*

Съ Логачовки-то ей бы понавѣдаться въ Ершевкѣ, спросить Елизара Затѣева. *(Молчаніе.)*

ПЕРВЫЙ.

Намъ пора въ кузню-то! Ну, Гордѣвна прощавай! Желаемъ тебѣ счастливо разыскивать... Спроси Чаплю-то!.. *(Идутъ къ двери.)* А гдѣ жь твоя Степанида!

МАЛАНЬЯ *(провожая гостей).*

Я послала ее къ старостѣ заявить; неравно допросы пойдутъ.

ОБА,

Прощавай. *(Надѣваютъ шапки и уходятъ.)*

МАЛАНЬЯ *(опять садится за столъ и припадаетъ къ нему головой причитая).*

Сыночекъ мой! Гдѣ ты мой ненаглядный Анти-и-ипушка. *(Рыдаетъ, буря вторитъ.)* На кого ты меня покинулъ беззащитную? Соколикъ мой! Чуетъ ли твое серде-е-ечушко? *(Снова рыданія. Слышится тихій стукъ въ окно; завываетъ буря; черезъ нѣсколько времени стукъ усиливается.)*

МАЛАНЬЯ *(оборачиваясь къ окну протяжно).*

Кто тамъ?

ГОЛОСЪ СЪ УЛИЦЫ *(тихо.)*

Пустите странницу Христа-ради...

(Маланья идетъ къ двери. Входитъ въ ветхомъ капотѣ Настасья съ палкой, повязанная черною шалью; ея глаза съ тусклымъ свинцовымъ блескомъ; острый подбородокъ выдвинулся впередъ.)

НАСТАСЬЯ *(разбитымъ голосомъ).*

Здравствуйте...

МАЛАНЬЯ.

Здравствуй, родная. *(Настасья медленно подходитъ къ лавкѣ. Маланья подпираетъ подбородокъ рукой.)* На богомолье куда идешь?

НАСТАСЬЯ *(садится).*

Нѣтъ... куда глаза глядятъ. *(Молчаніе.)*

МАЛАНЬЯ *(поодаль садится).*

Видно, у тебя ни роду, ни племени нѣту?

НАСТАСЬЯ.

Никого нѣту... *(вздыхаетъ)* Были сыновья, да въ Сибирь сослали...

МАЛАНЬЯ *(задумчиво глядя въ сторону).*

У меня тожь у самой взяли сынка въ солдаты... *(Помолчавъ.)* Загубилъ мой вѣкъ, дорогой сыночекъ!.. *(Утираетъ занавѣской глаза.)*

НАСТАСЬЯ *(опершись на палку, глубоко вздыхаетъ).*

Скоро, скоро, мои дѣтушки, позабуду я васъ! Сокроетъ мои кости мать сыра земля... *(Облакачивается на столъ; обѣ сидятъ молча; гудетъ буря...)* Отлетѣли мои ненаглядные!..

МАЛАНЬЯ *(какъ бы про себя вздыхаетъ).*

Видно, много насъ такихъ! *(Молчаніе. Настасьѣ:)* Не хочешь ли ты чего-нибудь закусить?

НАСТАСЬЯ.

Благодарствуй; мнѣ ничего не надо...

МАЛАНЬЯ *(немного придвигаясь).*

Что жь, ты чай про своихъ сыновей-то у ворожеи какой гадала? ась?

НАСТАСЬЯ.

Одинъ дьячокъ по книгамъ справлялся: какъ они должны по писанію...

МАЛАНЬЯ *(придвигаясь еще).*

Стало, по закону-то тамъ... *(Подумавъ:)* Небось, что сказано! Тебѣ бы къ ворожеѣ... У насъ конѣ лошадку увели— небось, тоже надоть и мнѣ къ ворожеѣ... *(Вздыхаетъ. Буря выбиваетъ зипунъ; Маланья поднимаетъ его и заслоняетъ окно. Настасья начинаетъ шептать про себя, развязывая узелки и глядя на нихъ:* Ванюшка... Петенька... *Долгое молчаніе. Маланья пристально смотритъ на Настасью.)*

МАЛАНЬЯ *(садится)*.

Ты чья, касатка?

НАСТАСЬЯ.

Изъ здѣшней губерніи... торговка.

МАЛАНЬЯ *(медленно)*.

Торговка... Не ты ли однова со мною сидѣла въ городѣ? когда была некрутчина?

НАСТАСЬЯ *(поднявъ голову)*.

Тогда твоего сынка отдавали въ солдаты?

МАЛАНЬЯ *(встаетъ)*.

Ахъ, ягодка! А я слушаю: голосъ знакомый, а глазами-то никакъ не разсмотрю...

НАСТАСЬЯ *(вставая)*.

Я сама, родимая, кабы ты мнѣ встрѣтилась гдѣ, ни за что бы не угадала.

МАЛАНЬЯ *(подступая къ Настасьѣ)*.

Давай, повидаемся... *(Начинаютъ цѣловаться крестъ-накрестъ и раскланиваются.)* Ну, здравствуй... все-ли ты себѣ жива? *(Садятся.)*

НАСТАСЬЯ.

Плохо...

МАЛАНЬЯ.

Плохо и я... Все горе по горю...

НАСТАСЬЯ.

Сокрушило это горе!..

МАЛАНЬЯ.

Я ужь никакъ съ годъ ни одной ноченьки не сплю покойно; сынокъ, желанная, съ ума нейдетъ...

НАСТАСЬЯ.

Охъ, дѣтушки! всю-то вы душеньку вымотали...

МАЛАНЬЯ.

Совсѣмъ изсушили... О-охъ!.. *(Помолчавъ:)* Куда теперь идешь-то, моя желанная?

НАСТАСЬЯ.

Къ Сергію Преподобному ходила, оттуда въ Оптину пустынь, а ужь теперь и не знаю куда идти... въ Кіевъ хотѣла, да чай на дорогѣ помру...

МАЛАНЬЯ.

Сердечная! *(Вздыхаетъ:)* Небось, ты покушать хочешь? Дай я тебѣ чего-нибудь принесу?... *(Суетится.)*

НАСТАСЬЯ.

Нѣтъ, не хлопочи...

МАЛАНЬЯ.

Съ чего же?.. покушай себѣ? Ты меня тогды какъ подчивала!

НАСТАСЬЯ.

Кабы хотѣла, я бъ тебѣ сказала.

МАЛАНЬЯ.

Что бишь я?.. Да! Пойдемъ мы съ тобой, матушка, къ ворожеѣ-то вмѣстѣ: отъ насъ тутъ не далече есть ворожея; ты погадаешь про сынковъ, а я про лошадку-то... Что дѣлать! мукой измучила меня эта лошадь... я и про Антипушку своего погадаю...

НАСТАСЬЯ.

Съ чего же? пойдемъ.

МАЛАНЬЯ.

Пра пойдемъ! Ежели ворожея скажетъ искать, то я пойду, дѣлать нечего, искать; а ежели нѣтъ, то мы съ тобой воротимся сюда... ты у меня отдохнешь себѣ... поживешь, сколько завгодно.

НАСТАСЬЯ.

Охъ!.. Мнѣ куда не идти—все равно!

МАЛАНЬЯ.

Такъ-то, моя сердечная... *(Входитъ Степанида.)*

СТЕПАНИДА.

Староста, матушка, велѣлъ искать по горячимъ слѣдамъ.

МАЛАНЬЯ.

О-о-о! Стало надо сбираться?

СТЕПАНИДА *(смотря на Настасью Маланьи).*

Чья такая?

МАЛАНЬЯ.

Это мнѣ знакомая странница... вотъ мы съ ней къ ворожеѣ хотимъ пройдти.

СТЕПАНИДА.

Такъ ты, матушка, одѣвайся.

(Маланья ищетъ шубу. Настасья въ это время шепчетъ про себя, продолжая разсматривать узелки.)

СТЕПАНИДА *(вынимая изъ печурки тряпицу и разнимая ее зубами).*

Матушка! неровно долго проходишь... у меня есть гривна... возьми ты ее себѣ на дорогу... хлѣбца гдѣ, бываетъ, купить... *(Подаетъ гривну и помогаетъ Маланьи подпоясываться).*

МАЛАНЬЯ *(Степанидѣ).*

Что, аль не будетъ допросовъ-то на счетъ лошади?

СТЕПАНИДА.

Не знаю... староста сказалъ послѣ...

МАЛАНЬЯ *(Настасьи).*

Ну, такъ пойдемъ же, моя касатка... *(Усаживаются, потомъ встаютъ и молятся образамъ.)*

МАЛАНЬЯ *(Степанидѣ).*

Прощай, Степанидушка.

СТЕПАНИДА *(цѣлуется съ Настасьей).*

Счастливо... вы не долго ходите-то! Вотъ палочку-то возьми, матушка... *(Всѣ идутъ къ двери.)*

МАЛАНЬЯ *(отворяя дверь, набожно).*

Господи Іисусе Христе!.. *(Позади старухъ идетъ Степанида.)*

Занавѣсъ опускается.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Направо отъ зрителей часть сельскаго кладбища; двѣ могилы съ покосившимися крестами и однимъ деревцомъ; посреди нихъ мужикъ въ рубахѣ роетъ свѣжую могилу; вокругъ могилъ дорожки къ церкви; направо часть церковной ограды. Проходятъ сельскія дѣвушки съ длинными косами; онѣ говорятъ между собою шепотомъ и скрываются за церковною рѣшеткой. Входитъ нѣсколько мужиковъ и мальчиковъ.

ПЕРВЫЙ МУЖИКЪ.

Еще не благовѣстили...

(Всѣ становятся подлѣ новой могилы и смотрятъ въ нее.)

ВТОРОЙ МУЖИКЪ *(могильщику).*

Кому это? Разстепякѣ?

МОГИЛЬЩИКЪ.

Ему... *(Выбрасываетъ землю.)*

ВСѢ *(снимаютъ шляпы, съ разстановкой).*

Царство небесное...

ТРЕТІЙ МУЖИКЪ *(задумчиво).*

Знатный былъ человѣкъ! *(Начинаютъ надѣвать шапки.)* Такъ то придетъ время, всѣ помремъ...

ПЕРВЫЙ.

Должно не минуемъ... *(Послѣ небольшаго молчанія.)* Вотъ ужь гдѣ будетъ свобода-то! Никакихъ заботъ! лежи себѣ ровно баринъ...

ВТОРОЙ *(съ ироніей).*

На что покойнѣй мѣста!..

(Молчаніе. Появляется прикащикъ съ тростью; за нимъ староста безъ шапки тоже съ тростью; всѣ мужики снимаютъ шапки; прикащикъ не кланяется и проходитъ къ церкви. Входитъ баба со старухой; онѣ дѣлаютъ по три поклона могилкамъ, старуха падаетъ на могилу... Подходитъ еще баба; она тоже кланяется три раза, и падаетъ на другую могилу.)

БАБА *(припѣваетъ).*

Суда-а-арикъ ты мой!.. *(Заключаетъ тихимъ, пѣвучимъ рыданіемъ, похожимъ нѣсколько на хохотъ.)*

СТАРУХА.

Возьми и мои къ себѣ старыя ко-о-осточки... *(Рыданія смѣшиваются. Идетъ земскій съ лакеемъ. Всѣ мужики кланяются.)*

ЛАКЕЙ *(Земскому).*

Станете на клиросѣ?

ЗЕМСКІЙ.

Подумаю... *(Проходятъ. Идутъ бабы въ бѣлыхъ занавѣскахъ и красныхъ платкахъ, разсматривая другъ у друга наряды. Нѣкоторыя изъ нихъ останавливаются у новой могилы. Входятъ Маланья и Настасья очень измѣнившіяся; съ ними рядомъ идетъ сельская старуха.)*

МАЛАНЬЯ *(печально, старухѣ).*

Недѣль пять бродимъ!
(Старуха качаетъ головой. Настасья, держа въ рукахъ какія-то тряпицы, шепчетъ про себя. Къ нимъ подходятъ мужики и бабы.)

ОДИНЪ МУЖИКЪ *(сельской старухѣ).*

Чьи такія?

СТАРУХА.

Не знаю! лошадь пошли искать, да потеряли дорогу въ свою деревню...
(Бабы съ любопытствомъ смотрятъ на Настасью.)

ОДНА БАБА *(тихо.)*

Что-то бормочетъ...

ВТОРОЙ МУЖИКЪ *(Маланьѣ.)*

Чья такая съ тобой?

МАЛАНЬЯ.

Да, родимый, помѣшанная... *(Настасья переходитъ на другую сторону и садится у могилы.)* Дорогой тронулась... дѣтокъ своихъ лишилась...

ВТОРОЙ МУЖИКЪ.

Какъ вы дорогу-то потеряли?..

МАЛАНЬЯ.

Охъ! помню я только свою деревню... *(Входитъ прикащикъ сопровождаемый старостой.)*

ПРИКАЩИКЪ.

Что такое?

НѢСКОЛЬКО ЧЕЛОВѢКЪ.

Странницы лошадь искали, да заблудились

ПРИКАЩИКЪ *(Маланьѣ).*

Какого вы уѣзда?

МАЛАНЬЯ.

Не знаю, ваше благородіе...

ПРИКАЩИКЪ.

А паспорты есть?

МАЛАНЬЯ.

Нѣту-ти...

ПРИКАЩИКЪ *(подходя къ Настасьѣ, которая сидитъ понуря голову).*

Ты чья? *(Настасья вздыхаетъ. Бабы качаютъ головами).*

НѢСКОЛЬКО ГОЛОСОВЪ *(тихо).*

Она помѣшаная...

ПРИКАЩИКЪ *(старостѣ).*

Надо ихъ отправить къ становому... можетъ онѣ бѣглыя...

СТАРОСТА.

Главное, на княжеской землѣ.. *(Является лакей.)*

ЛАКЕЙ *(прикащику не громко).*

Васъ просятъ на спѣвку подтянуть...

(Прикащикъ, озирая старухъ, уходитъ по направленію къ рѣшеткѣ; за нимъ идетъ староста безъ шапки, и съ тросточкой.)

МАЛАНЬЯ *(мужикамъ сквозь слезы).*

Батюшки! что̀ намъ дѣлать?

ОДИНЪ МУЖИКЪ *(другому).*

Въ самомъ дѣлѣ, что̀ тутъ станешь дѣлать?

ДРУГОЙ *(озираясь).*

Пожалуй прикащикъ заправду ихъ отвезетъ къ становому... Это отъ него случится. Да вотъ еще главная причина: отъ становаго-то какъ бы они не попали въ острогъ...

НѢСКОЛЬКО ГОЛОСОВЪ *(съ размышленіемъ).*

Чего добраго, малый...

ДРУГОЙ.

Разя становому нужно что онѣ забыли свой уѣздъ?.. Ему кого ни-на-есть жамкнуть въ острогъ и шабашъ! *(Вполголоса:)* Надысь Захаръ Воробьевъ поѣхалъ въ городъ овесъ продавать, и то въ части насидѣлся...

ТРЕТІЙ *(Маланьѣ).*

А вы, старушка, вотъ что̀: лучше бѣгите-ко отсюда скорѣе, а то прикащикъ васъ отвезетъ къ становому, а ужь тотъ не помилуетъ... его должность извѣстная!..

МАЛАНЬЯ *(начинаетъ рыдать).*

Батюшки мои! помогите намъ!

ПЕРВЫЙ.

Что̀ тутъ дѣлать!.. Ничего не сообразишь... Право, куда-нибудь скройтесь!

(Нѣсколько бабъ съ сожалѣніемъ качаютъ головами. Слышенъ благовѣстъ колокола. Народъ идетъ къ церкви. Сцена пустѣетъ. Могильщикъ, держа подъ мышкой лопату и заступъ и откусывая отъ краюхи хлѣба, идетъ за могилы и скрывается.)

МАЛАНЬЯ *(Настасьѣ).*

Матушка, пойдемъ, пойдемъ отсюда!..

(Настасья, услыхавъ знакомый голосъ, поднимаетъ голову.)

МАЛАНЬЯ *(беретъ ее за рукавъ).*

Насъ въ острогъ хотятъ!

НАСТАСЬЯ *(удивляясь)*

Въ острогъ?

МАЛАНЬЯ.

Да! пойдемъ скорѣе, ягодка!

НАСТАСЬЯ *(вздыхая).*

Да!.. они далеко уѣхали... вотъ Ванюшкинъ платочекъ (*Показываетъ тряпку.*)

МАЛАНЬЯ *(плача).*

Несчастная... ничего не понимаетъ...

НАСТАСЬЯ *(взглянувъ на Маланью).*

Вѣдь они скоро воротятся, не тужи... мнѣ въ палатѣ сказывали... Я имъ образочекъ дала... по платочку... красенькому... Знаешь, матушка? Секретарь вѣдь за нихъ... они по бѣдности... да... (*задумывается*)... кандалы надѣли... (*Смотритъ упорно въ землю.*)

МАЛАНЬЯ *(дергая ее за рукавъ).*

Пойдемъ же...

НАСТАСЬЯ *(встаетъ).*

Къ обѣдни?

МАЛАНЬЯ.

Нѣтъ!.. Богъ съ ней, обѣдня...

НАСТАСЬЯ *(про себя тихо).*

Ванюшка... Петенька...

МАЛАНЬЯ *(заливается слезами и уходитъ съ сумашедшею. Благовѣстъ продолжается).*

Занавѣсъ опускается.

КАРТИНА ПЯТАЯ.

Густой темный лѣсъ; сильный вѣтеръ; шумъ лѣса заглушаетъ отдаленный голосъ кукушки; гдѣ-то въ сторонѣ, едва слышно, тянется пѣсня мужика:

Ужь вы ночи темныя,
Вечера осенніе,
Надоѣли, надоскучили...

Вѣтеръ часто относитъ и заглушаетъ пѣсню, наконецъ она совсѣмъ пропадаетъ. Посреди лѣса подъ деревомъ лежитъ Настасья. Шумъ лѣса продолжается полминуты... въ глубинѣ лѣса показываются бабы и дѣвочки съ лукошками для грибовъ; онѣ замѣчаютъ лежащую и боязливо начинаютъ приближаться къ ней.

Одна, отдѣлившись отъ толпы, заглядываетъ Настасьѣ въ лицо и отскакиваетъ прочь.

ДѢВОЧКА *(шепотомъ).*

Мертвая!

ДВѢ БАБЫ *(шепотомъ).*

Пойдемъ отсюда... прицѣпятъ насъ...

(Всѣ испуганно убѣгаютъ. Шумитъ лѣсъ; вдалекѣ слышенъ голосъ кукушки... Съ вязанкой сухихъ вѣтокъ является мужикъ; онъ хочетъ посмотрѣть лежащую, дѣлаетъ два шага къ ней, но, какъ будто одумавшись', бѣжитъ назадъ и скрывается... Шумъ лѣса... сцена пуста около минуты... Изъ глубины лѣса съ лѣвой стороны показываются сотскій, староста, три мужика и среди нихъ Маланья; она молча приближаются къ Настасьѣ... Всѣ стоятъ и молчатъ. Маланья смотритъ безсознательно въ землю.)

СТАРОСТА *(тихо).*

Давно померла-то?

МАЛАНЬЯ.

Недавишь...

СОТСКІЙ *(монотонно Маланьѣ).*

Тебя надо въ острогъ, потому ты все съ ней была...

МАЛАНЬЯ *(закрываетъ глаза концами головной тряпки).*

СОТСКІЙ *(послѣ нѣкотораго молчанія и не переставая глядѣть на мертвую).*

Что жь, берите ее... *(Кивая на Маланью.)* Эту вяжите!... *(Мужики вяжутъ Маланьѣ руки... Поднимаютъ мертвую и несутъ. Маланья идетъ съ боку процессіи. Всѣ медленно скрываются... шумитъ лѣсъ... едва слышится прежняя пѣсня...)*

Занавѣсъ опускается.

1862 г.

Н. УСПЕНСКІЙ.

ВОСПИТАННИЦА САРА

ПРИКЛЮЧЕНІЯ.

ПОЧЕРПНУТЫЯ ИЗЪ МОРЯ ЖИТЕЙСКАГО.

I.

Было уже темно. Въ одномъ изъ довольно-длинныхъ переулковъ обширной, бѣлокаменной столицы, обрѣтались также фонари, но вѣроятно только для дневнаго украшенія: иной цѣли они не имѣли, потому что никогда не зажигались. И къ чему въ самомъ дѣлѣ было зажигать ихъ и напрасно терять, по латинской пословицѣ, трудъ и масло,—oleum et operam perdere,—если весь переулокъ состоялъ изъ заборовъ, и только одна запертая калитка вела къ дому, находившемуся на обширномъ пустынномъ пространствѣ двора. Переулокъ однакоже былъ не тупикъ, и сверхъ того, надъ калиткой, по одному любимому выраженію, *виднѣлась*, а по другому *красовалась* небольшая вывѣска съ надписью: „Привилегированная, повивальная бабка Викторина. Также принимаетъ дѣтей на попеченіе.“

Было уже темно, какъ мы сказали выше, въ переулкѣ, хоть глазъ выколи. Слышно, что дребезжатъ дрожки; раздался чей-то голосъ: стой!.. Къ счастію, проходящій будочникъ съ лѣстницей и съ фонаремъ, озарилъ мгновенно

противоположный заборъ. Къ калиткѣ подъѣхалъ, на ванькѣ, сѣдокъ въ длиннополомъ сюртукѣ, съ корзиной въ рукахъ.

— Насилу добрелъ! сказалъ онъ, соскочивъ съ дрожекъ и дергая за веревку.

— Добрелъ! отозвался извощикъ,—чай на мнѣ пріѣхалъ, а не на своихъ добрелъ!.. Деньги-то давай.

— Чортъ знаетъ, тутъ не дозвонишься!

— Да ты напередъ деньги-то давай; а тамъ звони себѣ хоть до свѣта! повторилъ извощикъ.

— Тебя какъ я нанималъ? сюда и назадъ; такъ и жди; я сейчасъ же ворочусь.

— Сюда и назадъ? на пустырь-то? врешь, уйдешь, такъ поди ищи хвосты-то твои!..

— Дурачина! думаетъ, что его обманутъ!

— Дурачина намъ не по чину, величай себя, отвѣчалъ извощикъ.

Сѣдокъ дернулъ еще разъ за веревку, и вынулъ изъ кармана какую-то монету.

— На!

— Это что жь такое?

— Полтинникъ.

— Полтинникъ? ой ли? проговорилъ извощикъ, ощупывая монету:—врешь, береги гроши-то про себя! давай бумажку, я сдачи сдамъ.

— Ахъ, проклятые! крикнулъ съ досады сѣдокъ, дернувъ снова за веревку.

— Кто тамъ? раздался женскій голосъ за заборомъ.

— Отопри, голубушка.

— Да ты кто таковъ, сударикъ? кого тебѣ надо?

— Тутъ живетъ госпожа Викторина Ивановна.

— Какая тутъ госпожа? никакой госпожи нѣтъ; а переѣхала къ намъ недавно частная бабушка, кажись, что Катерина Ивановна.

— Она и должна быть.

— Такъ бы и сказалъ; а то барыня; ну, годи, я скажу.

— Да ты отопри, моя милая!

— Нѣтъ, милая-то не отопретъ, не ея дѣло! Богъ васъ знаетъ, кто вы тамъ по ночи-то пришли.

— Ахъ, вы проклятые!

— Ишь ты, всѣ у него проклятые... Да ты плати прежде

за провозъ-то... Вѣдь и отопрутъ, я не пущу; слышишь, караулъ закричу! сказалъ извощикъ, ухватясь за корзину.

— Не тронь! крикнулъ сѣдокъ: — на! вотъ тебѣ рубль серебромъ.

Извощикъ ощупалъ бумажку, и удовольствовался.

— Сдачи, что ль, аль поѣдешь назадъ?

Въ это время калитка отворилась.

— Кого вамъ? Викторину Ивановну?

— Викторину Ивановну. Посылка къ ней.

— Пожалуйте, сказала женщина, провожая неизвѣстнаго чрезъ дворъ къ дому и потомъ по темной лѣстницѣ.

Между тѣмъ, въ окнахъ верхняго этажа украшенныхъ ситцевыми занавѣсками, показался свѣтъ. Въ комнатѣ убранной мебелью подъ орѣхъ, надъ однимъ столикомъ висѣло зеркало, надъ другимъ портретъ вывѣсочной живописи, изображавшій улыбающуюся даму въ чепцѣ и локонахъ. Оригиналъ портрета ходилъ взадъ и впередъ въ томъ же чепцѣ и локонахъ, въ томъ же накинутомъ на плеча платкѣ съ набивными турецкими цвѣтами посреди арабскихъ вавилоновъ и англійскихъ узоровъ; съ тѣмъ же носовымъ платкомъ въ сложенныхъ рукахъ. Не доставало только прежней улыбки, румяныхъ лапитъ на лицѣ, и присоединенной живописцемъ великолѣпной вазы въ комнатѣ. Это была женщина среднихъ лѣтъ, но пріятной и доброй наружности. Съ нетерпѣніемъ посматривала она въ переднюю, подходила къ зеркалу, и въ ожиданіи поправляла съ улыбкой локоны, какъ будто желая снова походить на свой потретъ.

Наконецъ дверь отворилась и вошелъ въ комнату довольно уже пожилой человѣкъ, въ длинномъ сюртукѣ, что-то въ родѣ старинаго управляющаго домомъ и довѣреннаго человѣка. Въ рукахъ его была кордонка въ родѣ корзины съ крышей.

— Вы сударыня, Викторина Ивановна? спросилъ онъ.

— Я, мой милый.

— Такъ вотъ приказано вамъ отдать.

— Ахъ, это дѣтское приданое!

— Не знаю сударыня съ чѣмъ; въ магазинѣ сказали, что тутъ есть реестръ всему.

— Ну да, да, да, я и сказала, что въ магазинѣ дѣтскаго бѣлья есть все готовое.

— Да вотъ вотъ пакетецъ со вложеніемъ; извольте пересчитать.

— Хорошо, мой милый, проговорила Викторина, взявъ пакетъ.

— Это, сударыня, по условію за полгода: не угодно ли пересчитать, да выдать мнѣ записочку, что изволили получить.

Викторина подошла къ свѣчѣ и стала считать бумажки; но качество, или количество ихъ ее взволновало; глаза, непривычные къ значительнымъ суммамъ денегъ, какъ будто заволокло куриною слѣпотой, а руки дрожали.

— Точно такъ, сказала она наконецъ, совершенно сбившись съ толку и положивъ пакетъ въ столъ.—Сейчасъ напишу росписку... Какъ же мнѣ писать? пожалуста говорите мнѣ... Сего числа... получила... отъ кого?

— Просто извольте написать: получено мною тысяча рублей ассигнаціями.

Руки Викторины тряслись; но кое-какъ она написала эти слова, и подписалась. Когда человѣкъ вышелъ, она принялась снова пересчитывать деньги. На первый разъ она не досчиталась цѣлыхъ трехъ сотъ рублей. Холодный потъ выступилъ на лицѣ.

— Ахъ, Боже мой, онъ обсчиталъ меня! вскричала Викторина, принимаясь снова считать. На второй разъ недостало только ста рублей; а наконецъ вся тысяча оказалась сполна.

Лицо ея пылало, какъ на портретѣ. Успокоясь отъ волненія, она вошла въ свою спальню, тихонько отперла комодъ и положила пакетъ въ ларчикъ; потомъ прислушалась у пріотворенныхъ дверей въ другую комнатку.

— Спитъ спокойно, милочка! прибавила Викторина, и воротясь къ комоду, на которомъ стояло зеркальце, она скинула парадный чепчикъ, потомъ зачесала волосы подъ гребенку и надѣла ночной чепецъ. Вдругъ раздался какой-то дикій звукъ съ продолжительнымъ свистомъ.

— Она испугаетъ ребенка! проговорила Викторина, всплеснувъ руками, и бросилась въ боковую отъ спальни комнатку, гдѣ подлѣ приставленныхъ другъ къ другу креселъ, накрытыхъ кисейною занавѣской, лежала раскинувшись на разостланномъ войлокѣ, на полу, тучная деревенская баба.

— Кормилица!.. Господи, буря какая! Что ты, матушка, храпишь и сопишь! ты испугаешь дитя!

Кормилица очнулась, вскочила и начала поправлять съ просонковъ платокъ на головѣ и почесывать виски.

Прошептавъ ей строгій выговоръ, Викторина возвратилась въ спальню, сѣла въ мягкія кресла, опустила голову на спинку, протянула ноги, сложила руки, и смотря въ потолокъ, проговорила: „теперь я, слава Богу, обезпечена надолго; а если это дитя останется на моемъ попеченіи нѣсколько лѣтъ“... она не договорила, сердце ея забилось передъ фресками роскошной будущности, которая представлялась ей на безпредѣльномъ пространствѣ потолка. Пріятныя мечты стали однакоже клонить ее ко сну. Она встала и позвала тихонько свою Матрену, у которой, какъ у *Ямантаги* было безчисленное множество рукъ и ногъ, на безукоризненное исполненіе обязанностей горничной, кухарки, прачки, посыльной и временной няньки дѣтей, которыхъ Викторина брала на попеченіе, и даже погребальницы. Матрена раздѣла ее, уложила въ постель, и сложивъ руки, ожидала приказаній.

— Что жь ты стоишь, ступай себѣ.

— А про кушанье-то забыли?

— Ахъ, да! въ самомъ дѣлѣ забыла!.. Завтра ты, Матрена, встань пораньше, да достань сѣнной трухи... на обѣдъ купи фунта три парной говядины перваго сорта на супъ, да хорошую филейную часть на жаркое...

— Эва! филею! Филей-то меньше пяти фунтовъ не отрѣжутъ.

— Ну что жь такое!.. Кореньевъ побольше... не забудь взять пырею... я пырей люблю... Да купи теста на пирожки; мѣрку картофелю, только хорошаго. Ахъ, да! пары три сосисокъ...

— Чай къ Нѣмцу бѣжать?

— Конечно... Масла купи фунта три, дополнила Викторина въ заключеніе, вынувъ изъ комода деньги.

— Господи, да куда жь это три фунта! Чтобъ прогоркло?

— Я сама буду дѣлать марципаны... Ахъ, и забыла: зайди въ кондитерскую да купи фунтъ шеколаду.

— Господи, да что у васъ завтра праздникъ, что ли, какой нѣмецкой? Именинъ своихъ не празднуете; а тутъ

вдругъ, ни съ того, ни съ сего, словно сорóка; гостей сзывать!.. Чу, звонитъ кто-то опять.

— Нѣтъ ужь я никуда, ни за что; я такъ утомилась эти дни.

— Волей-неволей, а пойдешь, какъ родильница въ части. Служба—кабала.

— Я служить больше не намѣрена! Скажи, что я больна.

Звонокъ снова звякнулъ. Матрена выбѣжала.

— Служить я больше не намѣрена, повторила Викторина,— завтра же буду просить увольненія.

— Одѣвайтесь-ко, сказала, возвратясь, Матрена.

— И не думаю; никуда и ни къ кому! Кто бы тамъ ни былъ, скажи что не могу.

— Что тутъ не могу! Къ мадамъ Бертѣ-то не можете? къ закадычному другу? Вѣрно съ дочкой-то ея что-нибудь приключилось.

— Неужели? отъ Берты?

— Стало-быть дочка-то, Диночка, повѣнчалась съ тѣмъ иностраннымъ банкерскимъ прикащикомъ? Ну, счастлива!..

— Мнѣ же на руки... нѣтъ, благодарна, проговорила Викторина.

— Что жь, одѣваться, чтоль? извощика прислали.

— Не поѣду; скажи, что изъ части прислали за мной; въ части работа, никакъ не могу; пусть за другой пошлютъ.

Матрена покачала головой и вышла.

— Нѣтъ, благодарна! пусть извинитъ Берта! продолжала Викторина разговаривать сама съ собой.—Она ужь намекала, и приговаривалась къ тому, чтобъ отдать ребенка на мое попеченіе... Большая прибыль! Знаю я этихъ... тароватыхъ господъ!.. Наобѣщаютъ горы!.. Да и мѣста у меня нѣтъ, гдѣ жь я помѣщу двухъ? да еще и другую кормилицу держи. Ни за что!

Съ этими рѣшительными мыслями Викторина стала засыпать. Но снова раздался звонокъ, и вскорѣ вслѣдъ за Матреной, вошедшей со свѣчой, вошла женщина пожилыхъ лѣтъ, въ родѣ муттерхенъ ходящей на рынокъ, въ мантильѣ и въ шляпкѣ съ неизмѣримыми полями. Вбѣжавъ въ спальню съ аханьемъ, она бросилась на лежавшую въ постелѣ Викторину, облобызала ее и заговорила въ полголоса по-нѣмецки.

Матрена, не понимая ничего, поняла однакоже, что просьбы

на нѣмецкомъ языкѣ гораздо убѣдительнѣе. Викторина, хотя не охотно, но стала одѣваться, и вскорѣ исчезла съ Бертой.

II.

Несмотря на рѣшимость Викторины удовольствоваться материнскимъ попеченіемъ только объ одномъ младенцѣ, котораго, какъ она выражалась, послалъ ей самъ Богъ, на другой же день, въ маленькой комнаткѣ между спальней и кухней, стояла еще пара сдвинутыхъ креселъ, полузакрытыхъ старымъ саржевымъ платкомъ. Дебелая и тучная кормилица не затруднилась, взяла на свое продовольствіе двухъ питомицъ. То лелѣяла и кормила Бѣляночку; то кормила и убаюкивала Чернаву. Бѣляночкой называла она первую дѣвочку, которая поступила на ея кормы. Это была Вѣрочка, крохотное слабенькое существо; капельки двѣ молока удовлетворяли ее, и она тотчасъ же засыпала у груди.

— Ужь какой это жилецъ! говорила кормилица, качая головою.

— Полно каркать ворона, типунъ тебѣ на языкъ! сердито вскрикивала на нее Викторина, заботливо и боязливо ухаживая за Вѣрочкой.

Другая дѣвочка, навязанная ей внучка Берты, проявляла внутреннія силы. Еще молочные, но уже зоркіе глазенки, таращились на всѣ окружающіе предметы, ручонки цѣплялись за все, и она молчала, когда жажда ея была удовлетворена; но едва кормилица, занятая другимъ ребенкомъ, промедлила и тотчасъ же, по деревенскому ея выраженію, не заткнула глотки, тѣ же глазенки грозно хмурились и ротикъ, съ невыносимымъ крикомъ, ухвативъ грудь, долго тормошилъ ее, прежде чѣмъ, впившись въ нее, начиналъ сосать съ гнѣвнымъ ропотомъ и захлебываясь.

— Экая прорва, прости Господи! ворчала часто кормилица:—добро бы впрокъ!

Викторина также не жаловала внучку Берты. Безпокойный ребенокъ надоѣдалъ ей крикомъ своимъ, а Матрена допросами, какъ звать его.

— Что она безыменная, что ли, некрещеная, повторяла Матрена,—или ужь такъ и останется Чернавой, какъ прозвала ее кормилица?

Не прежде какъ чрезъ мѣсяцъ Викторина получила записку отъ Берты, съ извѣщеніемъ, что имя младенца Sarah. Это имя встревожило ее. Она сама побѣжала къ пріятельницѣ своей и объявила ей, что она не можетъ держать у себя дѣвочки, которая носитъ имя Сара.

— А почему же это? проговорила въ свою очередь встревоженная Берта.

— Вопервыхъ потому, что я служу, и меня спросятъ, что у меня за дѣвочка на воспитаніи съ некрещенымъ именемъ; а вовторыхъ это лишитъ меня практики: скажутъ что я принимаю на глѣбовскомъ подворьѣ.

— Помилуйте, Викторина, какое же некрещеное имя? это американское имя; зять изъ Америки родомъ... Онъ теперь поѣхалъ въ Америку, а по возвращеніи его, Дина возьметъ дочь къ себѣ.

— Да, это другое дѣло, сказала успокоенная Викторина.— И я очень буду рада! прибавила она, возвратясь домой.— Мнѣ надоѣла эта рёва!.. Ты поминутно кормишь ее, кормилица, а Вѣрочка голодная.

— А кто жъ ей виноватъ, дитя не проситъ, мать не разумѣетъ; вотъ эта, заорётъ, такъ и вѣдомо, что ѣсть хочетъ.

— Не давай часто.

— Да для чявожь не давать-то? то и телятко, что двѣ матки сосеть; а эта что? ненадежная.

— Ахъ ты бурая корова! что мычитъ!

Викторинѣ и безъ напоминаній поминутно приходила страшная мысль въ голову, что того и гляди, слабенькая Вѣрочка умретъ, и она лишится дохода, который можетъ обезпечить всю ея будущность.

— Господи, пошли ей хоть три годка жизни! повторяла она мысленно, смотря на Вѣрочку.

Но кормилица, какъ будто сглазила бѣдную дѣвочку; она вдругъ заболѣла. Викторина перепугалась. Во всякомъ другомъ случаѣ она употребила бы въ дѣло собственныя свои познанія въ медицинѣ; напоила бы ромашкой, дала бы магнезіи, намазала бы животикъ маслицемъ, употребила бы даже промывальное; но Вѣрочка пуще роднаго дитя, надъ которымъ не пробуютъ домашней аптеки и универсальныхъ средствъ. Надо ѣхать за докторомъ; но вправо ѣхать или влѣво? За аллопатомъ или гомеопатомъ? На *малыя толики*

она однакоже не понадѣялась, и какъ будто убѣжденная, что на русскую натуру не подѣйствуетъ и нѣмецкая молитва, она заѣхала къ Иверской. Докторъ, котораго Викторина привезла съ собою, любилъ свое призваніе, любилъ науку, но не вѣрилъ въ нее какъ въ Бога. Помогать ея дѣло, а воскрешать не ея дѣло, говорилъ онъ.

— Помогите! повторяла и Викторина, подводя его къ больной Вѣрочкѣ.

— А вотъ, увидимъ, чему помогать... Ну-у, есть чему! сказалъ онъ, садясь подлѣ колыбелки, и приложивъ руку къ пылающей головкѣ ребенка.—Это откуда ты взяла такую хорошенькую дѣвочку?

— Это дочь моего друга.

— Твоего друга?.. стало быть собственная.

— Ахъ, полноте!.. скажите, что?

— Ничего.

— Какъ ничего?

— Ты чѣмъ ее кормишь?

— Вотъ кормилица.

— Ого! покажись-ко сюда, голубушка... Покажи вымя-то... Да, изрядное. Ступай!

— Молоко у нея очень хорошее.

— Сливки?.. Ахъ ты повитушка! а еще Викторина! нешто можно кормить такую мозглявенькую дѣвочку коровьимъ молокомъ?.. Наваракай животикъ чѣмъ-нибудь, да дашь порошечки...

Докторъ написалъ рецептъ, всталъ и пошелъ. Викторина бросилась къ нему съ благодарностію за визитъ.

— Что еще?.. Кормилицу-то перемѣни! сказалъ онъ, отталкнувъ ея руку.

Пославъ рецептъ въ аптеку, она сѣла подлѣ Вѣрочки, успокоенная надеждой на ея выздоровленіе; но горевала, что надо взять другую кормилицу. Медлить нельзя было. На другой же день явилась другая, и Вѣрочкѣ стало лучше.

Дебелая кормилица предоставлена была въ полное распоряженіе Сары.

Викторина надѣялась, что отъ этой обузы скоро ее избавятъ; но прошло нѣсколько недѣль, никто и не думалъ брать ребенка. Прошелъ еще мѣсяцъ; Викторина хотѣла уже напомнить Бертѣ; но, легкая на поминѣ, Берта яви-

лась сама, и только что вошла въ комнату, сѣла и залилась горькими слезами.

Матрена подслушивала по обычаю разговоръ; но опять ничего не поняла, кромѣ того, что мадамъ Берта о чемъ-то просила, молила, убѣждала, уговаривала Викторину и въ заключеніе начала лобызать.

Дѣло состояло въ томъ, что зять ея Американецъ, вмѣсто Москвы, внезапно уѣхалъ по какимъ-то дѣламъ въ Индію, что на кораблѣ сдѣлался пожаръ и неизвѣстно спасся онъ, или погибъ.

— Что жь мнѣ дѣлать съ вашимъ ребенкомъ? вскричала Викторина:—я не могу его на свой счетъ содержать.

— Для чего же на свой счетъ: Дина, до возвращенія мужа поступила въ гувернантки, и будетъ присылать на содержаніе ребенка.

— Дина поступила въ гувернантки? сказала съ усмѣшкой Викторина:—до возвращенія мужа?

— Я увѣрена, что онъ живъ; потому что въ конторѣ извѣстій объ его смерти нѣтъ.

— Ужь хоть бы говорила просто, Берта, и что-нибудь одно; то поѣхалъ въ Америку, то въ Индію, то погибъ, то живъ! Право, я этимъ Американцамъ не вѣрю!.. На свадьбѣ вашей Дины, я могла бы быть не лишнимъ гостемъ.

— Ужь конечно, вы Викторина заняли бы первое почетное мѣсто, еслибы можно было объявить свадьбу; но до смерти отца онъ не можетъ этого сдѣлать, онъ женился безъ согласія его... отецъ проклянетъ и лишитъ всего наслѣдства...

— Слышала я; кто жь не знаетъ, что онъ къ вамъ ѣздилъ, устроилъ васъ... У Дины платье не платье, шляпка не шляпка, кружевныя мантильи; куда жь все это дѣлось?

— Да! въ какомъ довольствіи жили мы! какая квартира была! уборка какая!.. кофей, шеколадъ, шампанское пили!.. а теперь?.. проговорила, залившись слезами, Берта.—Дина неблагодарная дочь, уѣхала; деньги, вещи все съ собою забрала; да еще ребенка бросила мнѣ на руки... вздумала меня же попрекать!..

— Давно бы такъ, сказала Берта.

Хотя Викторина наслушалась отъ одного знакомаго ей гезеля, что сердце есть не что иное какъ сосудъ, изъ котораго, при сильномъ давленіи внутреннихъ мѣховъ, исте-

каетъ морскаго свойства вода, называемая слезами, но она не утратила сочувствія къ этой водѣ; а потому и согласилась оставить Сару на нѣкоторое время на своемъ попеченіи.

Это время тянулось годъ, два и три, въ продолженіи которыхъ не только не было извѣстія объ отцѣ Сары; но, по сознанію Берты, и о матери не было ни слуху, ни духу. Берта надоѣдала Викторинѣ слезами и о себѣ бѣдной и о бѣдной внучкѣ, особенно когда смотрѣла на Вѣрочку, которую обкладывали игрушками и защищали отъ насилій Сары.

— Бѣдная Сара, говорила она заунывно,—о тебѣ некому позаботиться.

— Какъ некому, возражала Викторина,—а вы, а мать ея?

Берта покачала головой.

— Вольно же... впрочемъ она такой ребенокъ, который самъ о себѣ прекрасно заботится: все что угодно выкричитъ! посмотрите, какъ загробастала у Вѣрочки всѣ игрушки; а та добрушка и голосу не подаетъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, такая худашка, смотрѣть жалко!

— Ну, восхищайтесь вашею Сарой; а эту оставьте въ покоѣ!

— Вы, Викторина, все обижаетесь моими словами, а я вѣдь такъ говорю; нельзя же мнѣ не горевать. что такая прекрасная дѣвочка должна будетъ вести несчастную жизнь!.. Что я въ состояніи для нее теперь сдѣлать? не могу куклы купить для нее; а выростетъ—придется можетъ-быть вмѣстѣ съ ней добывать кусокъ хлѣба на улицѣ.

— Можно честнымъ трудомъ добывать себѣ кусокъ хлѣба, сказала сурово Викторина.

Эти слова затронули Берту.

— На бѣдность всегда бѣда валится, проговорила она сквозь слезы,—я знаю, что Сара тяготитъ васъ; но когда она еще немного подростетъ, я буду хлопотать, чтобъ ее взяли въ какое-нибудь достаточное семейство на воспитаніе.

— Да, конечно, объ этомъ не худо позаботиться; это было бы лучше всего.

III.

Вѣрочкѣ минуло четыре года. Это было такое милое, чудное дитя, что ни одно женское сердце не отказалось бы отъ такой дочери. Молитвы Викторины были услышаны. Она успѣла уже скопить изрядный капиталъ, и отъ денегъ получаемыхъ на содержаніе ребенка и отъ частыхъ подарковъ, присылаемыхъ ей, то съ бѣльемъ для дитяти, то съ куклами и конфетами. Но все еще чего-то не доставало, для круглаго счета; при томъ же она пристрастилась къ Вѣрочкѣ, какъ родная мать. Но предѣлъ благостыни вѣрно наступилъ. Вѣрочка вдругъ опасно заболѣла. Докторъ велѣлъ отдѣлить ее отъ другаго ребенка. Чрезъ нѣсколько дней болѣзнь развилась, и почти уже не было надежды на ея жизнь.

Викторина впала въ страшное отчаяніе. Ей казалось, что все кончено. Она не могла отдать себѣ отчета, чего ей было жаль: питомицы ли своей, или блаженныхъ грезъ, навѣваемыхъ обѣщаннымъ значительнымъ вознагражденіемъ за ея воспитаніе.

Сара, какъ нарочно истязала ее своимъ неугомоннымъ крикомъ. Въ ней родилась вдругъ новая причуда: не смѣй никто называть ее Сарой.

— Я хочу быть также Вѣрочкой! вопила она, топая ногами и швыряя все что̀ ни попало въ руки.

Это очень забавляло Матрену; но неумолкаемый крикъ наконецъ вывелъ Викторину изъ терпѣнія. Она написала къ Бертѣ, чтобъ пришла и взяла ее къ себѣ, по крайней мѣрѣ на время болѣзни Вѣрочки.

Въ это самое время явился къ ней тотъ же самый повѣренный съ кардонкой и запиской.

— Хорошо, мой милый, проговорила она ему дрожа всѣмъ тѣломъ, принимая записку и кардонку. Онъ ушелъ. Но когда Викторина пробѣжала глазами записку, ее бросило въ жаръ; ломая себѣ руки, она, какъ безумная пробѣжала по комнатѣ; но изнемогла и сѣла.

— Что̀ я буду дѣлать?.. что̀ мнѣ дѣлать? повторила она, развернувъ записку и снова пробѣгая слова: „завтра, не-

редъ вечеромъ, пріѣдетъ за вами карета. Одѣньте дитя въ посылаемое платьице и поѣзжайте въ Кремлевскій садъ."

— Что мнѣ дѣлать!.. Она не доживетъ до завтра!.. Одѣть въ новое платьеце, уложить въ гробикъ и везти въ присланной каретѣ на кладбище?..

Эта мысль такъ ужаснула Викторину, что она вскочила съ мѣста; но ноги ея подкосились, и она упала на колѣни.

— Бѣдная мать! она надѣялась взглянуть въ первый разъ на дитя свое; а я привезу ее, чтобы насмотрѣлась въ послѣдній разъ!..

Смотря неподвижными глазами на затворенныя двери комнатки, гдѣ лежала больная Вѣрочка, она привстала, хотѣла идти къ ней; но раздался снова звонокъ. Викторина съ боязнью прислушалась.

Это была Берта.

— Викторина! сказала она умоляющимъ голосомъ:—какъ же я возьму Сару къ себѣ, если мнѣ самой изъ милости даютъ уголокъ?

— Что жь мнѣ дѣлать, Берта: Вѣрочка при смерти, а отъ крика и капризовъ Сары нѣтъ никому покою.

— А я то, какъ же я, ни съ того ни съ сего, вдругъ принесу крикливаго ребенка въ чужую семью? Меня съ нимъ выгонятъ изъ дому!

— Опять крикъ! Ну послушай, Берта, что жь это такое!

И Викторина бросилась унимать Сару.

— Не смѣй называть меня Сарой! кричала, топая, раздраженная дѣвочка:—я не хочу быть Сарой, я хочу быть Вѣрочкой!..

— Это что такое?.. Тсс., молчи!

— Вишь не называй ее по имени! сказала Матрена:—какъ же называть-то тебя? Сарушка, такъ Сарушка и есть.

— Не хочу! крикнула снова Сара:—я хочу быть Вѣрочкой! И мнѣ шляпку пришлютъ, и платьице новое!.. И куклу пришлютъ!..

— Подикось! сказала няня:—увидала новую шляпку, что̀ прислали Вѣрочкѣ; подай и ей!

— Не дразните ее! проговорила тихо Викторина, выходя за перегородку, гдѣ метался въ жару больной ребенокъ; а потомъ въ залу, гдѣ сидѣла Берта, закрывъ рукой глаза.

Викторина сѣла и молчала, также убитая грустною думой.

— Еслибъ я могла куда-нибудь отдать ее къ добрымъ людямъ... да къ кому я пойду... и кто возьметъ?..

— Берта, сказала вдругъ Викторина,—можетъ-быть я найду случай.

— Ахъ, какъ бы я была рада!

— Завтра я ее возьму съ собой... Если понравится... можно будетъ ее пристроить надежнымъ образомъ... но, тутъ условія...

— Какія условія? Я на все согласна.

— Одни бездѣтные, мужъ съ женой... желаютъ взять хорошенькую дѣвочку къ себѣ въ домъ, и воспитать какъ свою родную дочь. Черезъ доктора просили меня, не найду ли я полной сиротки...

— Такъ что же? вотъ бы и прекрасно? Какія же условія?

— Тѣ и условія, что надо навсегда отказаться отъ Сары.

— Ахъ Боже мой, да что жь такое, если только Сара будетъ счастлива! Вѣдь отдаютъ же дѣтей въ воспитательный домъ. Я ужь и объ этомъ думала.

— А если Дина вдругъ вздумаетъ ее взять?

— И не подумаетъ! Въ этомъ я увѣрена! Да я ей скажу, что малютка умерла; вотъ и все.

— Если такъ, сказала не спокойно Викторина,—то, можетъ-быть завтра же я повезу ее на показъ.

— Сдѣлай одолженіе, Викторина. Да этому нельзя не радоваться. Это благодѣяніе. Вѣдь мы родимъ дѣтей не на то чтобы смотрѣть на нихъ. И Богъ съ ней! это уже ея счастіе!.. А кто такіе эти родители?

— Какіе же родители, когда у нихъ нѣтъ дѣтей, и они хотятъ взять дѣвочку на воспитаніе. Я слышала только, что они очень богаты.

— Это такое счастіе будетъ для Сары, обезпечитъ ея будущность. Нѣтъ сомнѣнія, что позаботятся и выдать ее замужъ за какого-нибудь значительнаго человѣка; потому что хорошее приданое—большая приманка; да притомъ же вѣдь она будетъ красавица.

Разговоръ былъ прерванъ снова вскрикиваніями Сары.

— Ахъ, этотъ ребенокъ! сказала Викторина вставая:—поминутно унимай его!

Но Сара предупредила ее, выбѣжавъ въ залу и бросясь къ Викторинѣ.

— Ахъ, ты неугомонная! прикрикнула на нее Берта:—зачѣмъ ты кричишь?

— Матрена и няня меня дразнятъ! проговорила сердито Сара.

— Чѣмъ тебя дразнятъ?

— Говорятъ, что я не Вѣрочка, такъ мнѣ ничего не дадутъ...

— Что жь, это правда; разумѣется, что ты не Вѣрочка, сказала Берта.

— Неправда! вскричала Сара, топнувъ ногой и замахнувшись сжатымъ кулачкомъ.

— Ахъ ты глупая, глупая Сара!

— Неправда! повторила Сара, сердито косясь на Берту.

— Господи, она какъ будто предчувствуетъ!.. Ужь это вѣрно Божья воля! произнесла взволнованная Викторина, взявъ Сару за руку.

— Если ты будешь умна, сказала она ей на ухо, то и ты будешь Вѣрочкой, и тебѣ подарятъ куколъ. Сошьютъ новое платьице, слышишь?

— Когда буду Вѣрочкой, и я, какъ Вѣрочка, не буду плакать и кричать, отвѣчала Сара,—буду смирно лежать, какъ Вѣрочка.

— Ну, молчи же.

— Я хочу также розовую шляпку, продолжала Сара отдувъ губки и прилегая на колѣни Викторины,—только Вѣрочка отдаетъ конфеты нянѣ и Матренѣ, а я не отдамъ, я спрячу въ ящичекъ.

— А бабушкѣ своей дашь?

— Нѣтъ, не дамъ.

— Ахъ, ты скупая! сказала Берта, взявъ Сару за руку и притягивая къ себѣ.

— Подите вы прочь!... Я васъ не люблю.

— Ну и я тебя не люблю!

— У васъ подолъ зашлюпанъ.

— Молчи! сказала Викторина, уводя Сару въ спальню.

— Мерзкая какая дѣвчонка! проговорила съ сердцемъ Берта:—вотъ ужь подлинно, что яблоко отъ дерева не далеко падаетъ. Признаюсь, я радехонька буду, хоть куданибудь сбыть съ рукъ это нещечко.

Викторина вышла въ залу. Ей тягостно было присутствіе Берты, и она молчала, взявъ въ руки работу.

— Я предоставляю ее въ полную твою волю, сказала Берта, вставая съ мѣста и прощаясь.—Богъ съ ней!..

Викторина осталась одна, въ страшномъ раздумьѣ. Ночь провела она какъ въ бреду, и нѣсколько разъ вскакивала посмотрѣть на больную Вѣрочку, которая лежала въ забытьи.

Къ утру бродящія мысли ея успокоились.

— Ну, чему быть, тому не миновать!.. произнесла она, качая головой:—и что жь это за родители, которые бросаютъ дѣтей на чужія руки!.. Какая-нибудь собаченка дороже собственной крови, ближе къ сердцу, обласкана и убаюкана лежитъ на колѣняхъ... а свой-то младенецъ?.. У собаки есть чувство къ щенятамъ, у курицы забота о птенцахъ... весело взглянуть, какъ она охраняетъ ихъ подъ крыломъ, какъ учитъ искать зерно... а эти, тайные родители! наролятъ дѣтей и не рады... бросятъ въ грязь и чуждаются, чтобы не замарали ихъ имени... Какой любви ожидать Вѣрочкѣ, и она отчужденная!.. Посмотрятъ на нее издали, дадутъ какое-нибудь награжденіе, вотъ и все... Нѣтъ, я не отдамъ имъ Вѣрочки, если она будетъ жива... я не мать ей, а буду любить ее какъ родную дочь... пусть лучше тѣшатся надъ чужою...

Сара, какъ легкая на поминѣ, подала голосъ пронзительнымъ визгомъ. Викторина невольно содрогнулась; но нерѣшительность въ ней уже исчезла.

— Поди сюда, сказала она Сарѣ,—ты опять кричишь?..

— Это не я кричала, это кричала Сара, отвѣчала дѣвочка, нахмуривъ брови.

— Оборотень какой!.. я тебѣ говорила, что если будешь умна, у тебя все будетъ новое, и я возьму тебя съ собой, гулять.

— У Сары прескверная была шляпка; я ее бросила въ лохань, а Матрена разсердилась.

Викторина вынула изъ шкапа кардонку, а изъ нея розовую шляпку съ перомъ, новенькое кисейное платьице и весь дѣтскій нарядъ.

— Вотъ видишь что̀ у тебя будетъ?

Сара не проявила ни малѣйшей дѣтской радости. Молча стала она разсматривать шляпку, платьице обшитое кружевомъ, панталончики... и вдругъ вскочивъ на диванъ то-

ропливо сбросила старыя свои башмаки, и стала обуваться въ новенькія шелковыя ботиночки.

— Погоди, погоди, еще рано! Когда ѣхать, тогда я сама наряжу тебя.

— Нѣтъ не рано, отвѣчала Сара, нетерпѣливо срывая съ себя замаранную кофточку изъ пике.

— Ну, хорошо, мы теперь примѣряемъ; но прежде надо причесать голову.

И Викторина принялась расчесывать головку Сары, завила локоны, и потомъ начала одѣвать.

Сара сидѣла спокойно и молча, какъ взрослая дѣвушка передъ трюмо когда ее причесываетъ парикмахеръ, а горничныя облачаютъ въ бальное платье.

— Это удивительно, повторяла Викторина, — все, какъ будто по мѣркѣ на нее шито!...

Когда Сара была совершенно одѣта, и хорошенькая шляпка, въ родѣ берета, накрыла ей голову, первымъ заботливымъ ея движеніемъ было осмотрѣть себя. Она выбрала мѣсто посреди залы, откуда бы былъ виденъ, въ наклоненное надъ столикомъ зеркало, весь нарядъ. Прищурила глазки, посмотрѣла прямо, повернулась бокомъ, какъ обыкновенно дѣлала это ея воспитательница, и въ дополненіе выставила очень граціозно ножку и сложила ручки.

Викторина невольно изумилась смотря на нее; въ ней нельзя уже было узнать Сары. Всѣ порывистыя движенія ребенка она какъ будто сбросила съ старымъ своимъ платьемъ. Прошлась нѣсколько разъ по комнатѣ, и потомъ сѣла на кресла, какъ маленькая гостья. Румянецъ игралъ во всю щеку; рѣзкій, быстрый взглядъ, успокоился, остылъ, и не двигался иначе, какъ съ движеніемъ всей головы.

— Ну, налюбовалась довольно, теперь скинемъ.

Сара отрицательно покачала головой.

— Когда поѣдемъ гулять, послѣ обѣда, тогда опять одѣнемся.

Сара молча повторила то же движеніе; но глаза заблистали, и взоръ устремленный на Викторину испугалъ ее. Уговорить было невозможно. Викторина боялась не одного уже крику, но боялась раздражить ребенка.

Она теперь скорѣе изорветъ на себѣ все, чѣмъ снимете, думала Викторина, и предупредила нянькину Вѣрочки

и Матрену, чтобы не дразнили и не сердили ребенка. Онѣ дивились на Сару только изъ-за двери.

— Смотри пожалуй, сорока-то въ чужихъ перьяхъ! барышня да и только!

Не обращая вниманія на изумленіе ихъ и слова, Сара молча отклонила отъ нихъ взоръ; она сурово смотрѣла въ сторону и не шла въ свою комнату.

Викторину опять взволновало раздумье. Боязливо считала она часы, и каждый часъ казался ей то цѣлымъ вѣкомъ, то однимъ мгновеніемъ. Чтобы разсѣять себя, она спозаранку принялась одѣваться. Сара, сложивъ ручки, ходила вокругъ нее и пристально осматривала со всѣхъ сторонъ.

Одѣвшись совершенно, она было сѣла, задумалась и вдругъ вскочила, бросилась къ Вѣрочкѣ; долго смотрѣла на нее, сердце начало колотить, на глазахъ выступили слезы. Нянька стояла подлѣ нее и вздыхала.

— Ангелъ-то какой!... Голубушка ты моя! ужь вѣрно ты не жилецъ!... И платьице-то твое, словно послѣ покойницы, другимъ отдали!... Что ужь смотрѣть-то на нее? Ступайте барыня, гуляйте...

— Какая гульба! Мнѣ надо ѣхать, необходимо ѣхать!

— Ступайте, ужь ступайте, продолжала нянька,—а я ужь шагу не отойду... приму душку на руки...

Викторина бросилась въ кресла и залилась слезами.

— Это что такое? неужели плохо дѣло? спросилъ вошедшій докторъ, взглянувъ на отчаяніе Викторины и на няньку, стоявшую безмолвно у кроватки, уставя глаза на дитя.

Онъ подошелъ къ Вѣрочкѣ, взглянулъ на нее, подержалъ руку надъ головой, пощупалъ пульсъ.

— О чемъ расплакались? а? живую отпѣвасте? Бабы, бабы, да еще и глупыя!

— Ахъ, еслибъ она ожила! проговорила сквозь слезы Викторина.

— Да ты, матушка, куда разрядилась? на крестины, что ли? такъ ступай!

— А вы даете надежду?

— Надежду Богъ даетъ, а не я. Да это въ самомъ дѣлѣ что, явто ли?

— Моя, не моя, а я ее родной матери не отдамъ!... Родная мать не въ состояніи такъ любить ее, какъ я люблю!

— Не отдавай, не отдавай; а вотъ ту, другую-то, отдай!

Викторинѣ какъ будто легче стало послѣ этого приказанія доктора. Она нетерпѣливо уже ждала кареты. Наконецъ карета пріѣхала. Набросивъ на Сару хорошенькій бурнусикъ, Викторина взяла ее за руку и отправилась по назначенію.

Викторина увѣрена была, что въ саду будетъ первое свиданіе матери съ дочерью. Ей живо представилось материнское трепетное чувство ожиданія, первая радостная слеза.

„Боже мой, кого жь я везу къ ней? чужое дитя! Обманываю можетъ-быть несчастное, любящее сердце!.. Вмѣсто ангела, она обниметъ эту дикую дѣвчонку!... Нѣтъ, это невозможно, это страшно!“

Раскаяніе стѣснило духъ Викторины, она готова была уже остановить карету, ѣхать назадъ, но вопросъ Сары перевернулъ ей душу, и рука, взявшаяся за тесьму, опала.

— Мы въ рай ѣдемъ? спросила вдругъ Сара:—няня сказала, что въ немъ и Вѣрочка будетъ жить; тамъ, говорила она, много дѣточекъ ангельчиковъ... правда это?

У Викторины облилось сердце кровію.

Карета подъѣхала къ саду; знакомый уже Викторинѣ человѣкъ, стоялъ у воротъ. Онъ подошелъ, отворилъ дверцы, высадилъ ее и Сару. Безсознательно, вся взволнованная, Викторина взяла ребенка за руку и пошла по боковой аллеѣ. Противъ грота, на лужайкѣ, было обычное сборище дѣтей разныхъ возрастовъ, съ няньками, кормилицами и гувернантками. Дѣти катали кольца, играли въ мячики, въ воланы, въ горѣлки.

Для Сары все это было новостью. Глаза ея блистали, лицо горѣло. Викторина сѣла на скамью, Сара прислонилась къ ея колѣнамъ и безмолвно смотрѣла на роившихся дѣтей.

Между тѣмъ Викторина была на сторожѣ; она пристально всматривалась въ проходившихъ дамъ: не обратитъ ли которая-нибудь вниманія на Сару, не узнаетъ ли ея наряда, не подойдетъ ли къ ней?

Но не встрѣчала ни ищущихъ кого-то взоровъ, ни особеннаго вниманія, и никто не подходилъ къ Сарѣ. Только одна довольно объемистая барыня, сопровождаемая издали ливрейнымъ лакеемъ, сѣла на скамью подлѣ Викторины, осмотрѣла съ ногъ до головы и ее и Сару, посидѣла немного, и поднялась на продолженіе прогулки.

На любопытныя глаза мущинъ, Викторина не обращала

никакого вниманія, изъ скромности ли въ отношеніи къ себѣ, или изъ увѣренности, что отцы таинственныхъ дѣтей предоставляютъ всегда заботу о нихъ самимъ матерямъ. Но и мущины на этотъ разъ, какъ нарочно, не интересовались ни ея томною наружностію, ни оживленнымъ личикомъ Сары. Только въ сторонѣ, подлѣ грота, сидѣлъ какой-то господинъ въ англійскомъ длинномъ сюртукѣ, въ круглой съ большими полями шляпѣ. Синіе очки съ зонтикомъ скрывали его наружность. Держа обѣими руками трость, онъ склонилъ на нее подбородокъ, и избралъ Сару какъ будто точкой опоры на рисовавшейся предъ нимъ перспективѣ, или исходною точкой всѣхъ своихъ мыслей.

Стало уже смеркаться; гуляющіе расходились, разъѣзжались; дѣтей увели или унесли на рукахъ.

— Пора и намъ, сказала Викторина Сарѣ.

— Для чего жь это, всѣ эти дѣточки и ангельчики, бѣгаютъ, ахаютъ, кричатъ? спросила она, вспомнивъ что Викторина наставляла ее не ахать, не указывать пальцемъ, не разѣвать рта, не тянуться, быть скромною, говорить тихо, а не вскрикивать.

Викторина не обратила вниманія на вопросъ Сары.

— Тутъ нѣтъ такой Матрены, какъ у насъ, продолжала Сара,—она бы ихъ прибила.

Стоявшій у воротъ, тотъ же человѣкъ, подалъ знакъ, и карета подъѣхала.

— Неужели это ея мать? спросила сама себя Викторина, когда дверцы захлопнулись и колеса застучали по мостовой.—Плюхнула подлѣ меня, почтила насъ взглядомъ искоса, и кончено: видѣла, нарадовалась на свое дитя!.. нѣтъ, я ни за что̀ не отдамъ ее такой матери!

IV.

Домъ Лиговскихъ пользовался особеннымъ почетомъ въ высшемъ кругу столицы. Не по знаменитому роду хозяина, Ивана Артемьевича, не по заслугамъ его, не по званію, не по красному мундиру, не по преклоннымъ лѣтамъ, и даже не по богатству; но по особенной любезности хозяйки, Маріи Ивановны. Нѣжная по сердцу, игривая по уму, очаровательная во всѣхъ движеніяхъ чувствъ, она

долго забавлялась пристальнымъ искательствомъ всѣхъ раскидывавшихъ львиныя космы по плечамъ, и всѣхъ готовившихся въ министры; но этотъ grand-choix изысканныхъ пріемовъ и отборныхъ фразъ надоѣлъ, подражательная сценическая ловкость и однообразные *шики* наскучили. Она надѣялась на одно какое-то особенное счастье; но счастье измѣнило, и la ravissante Marie, волей-неволей, вышла замужъ за степеннаго и почтеннаго Ивана Артемьевича Лиговскаго. По природѣ своей онъ былъ добрая душа. Отецъ его хотя былъ простой кошель съ деньгами; но какъ нельзя лучше способствовалъ сыну къ заслугамъ, и отличіямъ, и даже ко всеобщей любви въ полку. Послѣ смерти отца, получивъ огромное наслѣдіе, Иванъ Артемьевичъ получилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и полкъ. Нашли, что онъ въ состояніи поставить какой угодно полкъ на отличную ногу. И дѣйствительно въ полку его была роскошь, въ штабной квартирѣ офицерамъ житье, провіянтская и коммиссаріатская часть въ совершенствѣ. Иванъ Артемьевичъ вѣкъ бы жилъ въ своей веселой полковой семьѣ, безъ заботъ, безъ хлопотъ: есть кому дѣло дѣлать и содержать всѣ порядки, знай себѣ подписывай только рапорты, отношенія да приказы. А между тѣмъ пиры, балы, катанья, карты и шампанское дюжинами, раздолье и разливанное море. И вдругъ несчастіе: производятъ Ивана Артемьевича въ генералъ-майоры, съ отчисленіемъ по арміи. Представьте сего почтеннаго, разлѣнившагося богача, окруженнаго огромнымъ семействомъ, которому и дѣти и дѣти дѣтей, и всѣ степени и званія родства, смотрятъ въ глаза, умиленно тѣшатъ слухъ нѣжною покорностію; у котораго все въ домѣ двигается само-собой, исполняется безпрекословно цѣлымъ штатомъ управляющихъ и управителей... Это Иванъ Артемьевичъ съ своимъ штабомъ и полковымъ семействомъ. И вдругъ приказъ, и всего семейства не стало. Угодливый адъютантъ не является за приказомъ. привычные деньщики: любимый камердинеръ, отличный поваръ, славный кучеръ—пришли, стали во фрунтъ, грянули въ одинъ голосъ: „счастливо оставаться вашему превосходительству!“ повернули налѣво кругомъ, и исчезли.

Внезапное одиночество подѣйствовало на Ивана Артемьевича, какъ сильный и продолжительный недугъ. Въ нѣсколько дней онъ похудѣлъ и какъ будто состарѣлся. Пол-

ковой докторъ занялся старымъ своимъ командиромъ, но наконецъ посовѣтовалъ ему ѣхать въ Москву на Остоженскія воды.

— Потомъ не худо бы, ваше превосходительство, завестись собственнымъ семействомъ. Жена, а наконецъ дѣти и дѣти дѣтей, замѣнятъ вамъ не только полкъ, но и цѣлую армію.

Иванъ Артемьевичъ послушался совѣта и отправился въ Москву. Доктора не вникли въ его болѣзнь, и прописали Маріенбадскія воды, потомъ попробовали Эмскія, потомъ Егерскія; хотѣли уже испытывать всѣ прочія, холодныя и горячія, съ прибавленіемъ молока и пр. Но паціентки Остоженскихъ водъ, тотчасъ же поняли, что онъ страждетъ одиночествомъ, исхитили его изъ рукъ докторовъ и передали на руки Марьи Ивановны. Не имѣя уже надежды взлелѣять собственное счастіе, она рѣшилась замѣнить его заботой о домѣ, о хозяйствѣ, обо всемъ состояніи мужа и о немъ самомъ. Этого только и нужно было для него; онъ снова началъ благоденствовать. Полная безпечность, безъ боязни отвѣтственности и безъ малѣйшаго утомленія, навела было на него новую болѣзнь—безсонницу; но къ новому счастію, его облекли въ почесть присутствующаго. Записки о дѣлахъ дѣйствовали на него благодѣтельно и въ постелѣ и за великолѣпнымъ письменнымъ столомъ, котораго сафьянная поверхность уставлена была, кромѣ образцовыхъ письменныхъ принадлежностей, драгоцѣнными бездѣлками, и миніатюрными портретами Марьи Ивановны и двухъ маленькихъ дочерей.

Какъ присутствіе, такъ равно и отсутствіе Ивана Артемьевича, и въ залѣ собранія, и въ залѣ гдѣ предсѣдательствовала Марья Ивановна, не имѣли никакого вліянія на ходъ дѣлъ. Между тѣмъ какъ онъ въ маленькой гостиной раскидывалъ въ лѣвой рукѣ павлиньимъ хвостомъ карты, и выщипывалъ изъ него по перу, въ большой гостиной всѣ тщательно исполняли свою обязанность быть милыми и любезными по типу современной моды. Это было время, когда рыцарская порода кавалеровъ, гордясь своими побѣдами надъ великимъ полководцемъ, внесла свой побѣдоносный тонъ и въ гостиныя. Самолюбіе прекраснаго пола было затронуто глубоко. На сценѣ появились амазонки, торжественно вызывавшія на поединокъ, по очереди, всѣхъ

героевъ бала; но существа болѣе нѣжныя и мирныя, не облекаясь во всеоружіе, вызвали благосклонными взглядами на помощь себѣ породу цивильную, ведущую свое знаменитое происхожденіе отъ древнихъ дьяковъ борзописцевъ. Облизанный фракъ, даже министерскій, составлялъ страшное однакоже препятствіе для честолюбиваго самолюбія. Новая порода кавалеровъ, съ перваго же вступленія въ свѣтъ, возгордилась отданнымъ ей предпочтеніемъ, и костюмируясь, безъ сомнѣнія въ угоду прекрасному полу, по *Journal des Dames*, въ которомъ сообщались и мужскія моды, типировалась въ то же время по гравированнымъ наружностямъ и выражала собою какое-то безмолвное самодовольствіе. И вотъ, на балахъ и на вечерахъ, ни одного пріятнаго сердцу звука, ни одной цекотящей фразы, ни одного остраго какъ сабля слова, ни одного милаго сравненія съ пери, съ граціей, или съ чѣмъ-нибудь подобнымъ. И любезности, и фразы, и остроты были тупы, какъ исписанное перо. Новое горе. Надо было избавить себя, если не отъ кавалеровъ, безъ которыхъ балъ обратился бы въ амазонскую пляску, то по крайней мѣрѣ отъ любви. На томъ дѣло и остановилось. Любовь стала исключеніемъ изъ общаго правила. Вдругъ нельзя было рѣшить къ чему это поведетъ; но можно было предвидѣть, что безъ матрикулъ состоянія какъ женіховъ, такъ и невѣстъ, дѣло не обойдется. Такимъ образомъ и Иванъ Артемьевичъ, предъявивъ матрикулу, женился на Марьѣ Коринской. Но онъ былъ добрѣйшій человѣкъ, и мужа, безъ любви къ мужу, нельзя было лучше избрать. Марьѣ Ивановнѣ досадно было только смотрѣть на неловкость подражанія его вельможамъ. Желаніе проявить себя знатокомъ и покровителемъ художествъ, породило въ немъ страсть къ коллекціямъ. Началось съ коллекціи табакерокъ съ музыкой и пѣніемъ колибри.

— Ты измучилъ всѣхъ этимъ пѣніемъ колибри, сказала ему Марья Ивановна,—вѣдь ужь это обратилось въ пошлость!

Отбитая охота къ табакеркамъ, перешла въ страсть къ тростямъ и палкамъ съ замѣчательными набалдашниками.

— Помилуй Иванъ Артемьевичъ, замѣтила ему Авдотья Петровна, тетушка Марьи Ивановны,—у тебя въ кабинетѣ точно палочный караулъ!

Иванъ Артемьевичъ пристрастился къ собиранію диковинныхъ часовъ, съ курантами, съ восхожденіемъ солнца и съ движеніемъ планетъ, съ пляшущими пастухами и пастушками, съ мальчикомъ наигрывающимъ на колокольчикахъ, съ боемъ какъ на Спасской башнѣ.

— Помилосердуй, Иванъ Артемьевичъ, сказала Марья Ивановна,— тебѣ остается только сдѣлать вывѣску часоваго мастера.

Пришлось обратиться къ художественнымъ произведеніямъ, не производящимъ ни малѣйшаго шума. Счастливый во всѣхъ страстяхъ своихъ, онъ тотчасъ же пріобрѣлъ по выраженію любителей художествъ *почти за ничто, рѣдкостную вещь*. Всю римскую исторію въ числѣ пятидесяти картинъ величиной и извѣстные московскія Рафаэлевы картоны. Продавецъ Итальянецъ за тайну передалъ ему, что эти картины найдены были въ Помпеѣ, хранились въ Ватиканѣ, вывезены изъ Рима Наполеономъ, украшали Тюльерійскій дворецъ; изъ Тюльерійскаго дворца выкрадены во время революціи, и привезены въ Россію. Волчица кормящая Ромула и Рема, гуси спасающіе Римъ, Марій возсѣдающій на развалинахъ Карѳагена, все тутъ было, даже своего рода Послѣдній день Помпеи.

— Иванъ Артемьичъ! куда жь мы поставимъ эти декораціи? спросила съ ужасомъ Марья Ивановна.

— Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ Иванъ Артемьевичъ, съ сожалѣніемъ покачивая головой. — Сложить покуда въ сарай. А какъ дешево достались!

Страсть къ живописи не удалась; а безъ страсти жить нельзя. Иванъ Артемьевичъ задумался и не зналъ что̀ предпочесть: этрусскія ли урны, или заняться коллекціей мраморныхъ статуй и бюстовъ?

Въ одно утро, въ раздумьѣ, отправился онъ въ засѣданіе; а изъ засѣданія намѣренъ былъ съѣздить въ магазинъ древностей и тамъ рѣшить дѣло. Марья Ивановна сидѣла въ маленькомъ своемъ кабинетѣ. На этотъ день не было никакихъ предположеній; а подобная неизвѣстность наводитъ скуку, нерѣшительность, задумчивость. Вдругъ дверь въ ея пріемную передъ маленькимъ кабинетомъ комнату пріотворилась, и постоянный дежурный, карликъ Митя, заглянувъ осторожно за драпировку, вошелъ къ ней и подалъ записку, запечатанную сургучо́мъ.

— Отъ кого это?.. проговорила она по обычной привычкѣ.

— Нашъ Наумычъ привезъ; вызвалъ меня и велѣлъ отдать вамъ въ руки, отвѣчалъ карликъ тихо, какъ будто объявляя это за тайну.

— Какой Наумычъ? спросила опять Марья Ивановна спокойно, и не торопясь распечатывая и разсертывая записку.

— Управляющій подмосковной его сіятельства.. началъ карликъ Митя, не сводя глазъ съ Марьи Ивановны.

Но лицо ея мгновенно вспыхнуло, какъ отъ испуга и потомъ вдругъ покрылось блѣдностью.

— Боже мой, онъ здѣсь! произнесла она, и руки ея опустились на колѣни.

— Матушка, Марья Ивановна, проговорилъ карликъ дрожащимъ голосомъ, бросясь къ ней въ ноги,—простите моей дерзости!

— Что тебѣ, Митя? чего ты хочешь отъ меня? спросила смущенная Марья Ивановна.

— Скажите, сударыня, матушка, не отъ князя ли это?

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, Митя; это не отъ него, это не отъ князя.., Поди, ступай, мнѣ надо отвѣчать...

Бросивъ пытательный и жалобный взглядъ на Марью Ивановну, карликъ, казалось, не вѣрилъ словамъ ея; но немедленно исполнилъ приказаніе.

— Боже милосердый! чего онъ хочетъ отъ меня теперь? зачѣмъ это свиданіе?.. оно можетъ нарушить всю мою жизнь, погубитъ меня!.. Нѣтъ! я не могу, не должна видѣть его!..

И Марья Ивановна разорвала записку, смяла и бросила на полъ. Но долго-блуждавшій взоръ ея, отяжелѣвъ, опустился, и мысли приковали его къ лежавшимъ врозь двумъ половинкамъ записки.

— Графиня Анна Петровна! проговорилъ въ дверяхъ докладчикъ басомъ.

Марья Ивановна вздрогнула и очнулась отъ забывчивости.

— Скажи, что я не принимаю, не могу принять, я не здорова!... И никого не принимать.

Она торопливо встала, подняла смятыя половинки записки, вышла въ спальню и заперлась.

Передъ самымъ обѣдомъ, Иванъ Артемьевичъ возвратился домой и направилъ стопы прямо къ интимной пріем-

ной жены. Человѣкъ несъ за нимъ два искусственныхъ деревца, усаженныхъ полною коллекціей райскихъ птичекъ. Издали можно было принять ихъ за два чудовищныхъ букета.

Въ комнатѣ никого не было. Иванъ Артемьевичъ былъ очень доволенъ отсутствіемъ Марьи Ивановны.

— Тсс! тише! проговорилъ онъ, остановивъ человѣка въ дверяхъ, и собственными руками перенесъ одно и другое деревцо, и поставилъ на окна. Полюбовался на нихъ, перевернулъ на другую сторону, и наконецъ потеръ руки, вышелъ, улыбаясь отъ мысли, какою пріятною неожиданностію будетъ поражена Марья Ивановна, принявъ не виданные летающіе цвѣты за цвѣты простые.

Всѣ часы, которыми украшены были комнаты, пробили три. Англійскіе куранты въ кабинетѣ Ивана Артемьевича проиграли *God save the king*, двое, трое, изъ обычныхъ прихожанъ къ обѣду были уже тутъ, на столъ подали.

— А Марья Ивановна?

— Не будутъ кушать, не здоровы.

Иванъ Артемьевичъ побѣжалъ въ ея комнаты, но дверь заперта.

Послѣ обѣда онъ занялся съ своими подставными игроками въ вистъ, по маленькой.

Когда смерклось, горничная выбѣжала сказать, чтобы запрягали барынѣ маленькую карету.

— А куда барыня ѣдетъ? спросилъ Митя.

— А много будешь знать, малъ выростешь! отвѣчала горничная и ушла.

— Вѣдь еще рано, куда теперь въ гости? сказалъ Митя про себя.

Походивъ по залѣ, какъ озабоченный, онъ взялъ свой картузикъ, вышелъ за ворота, сѣлъ на прилавочку. Только что карету подали, онъ сталъ за тумбой и не видать его.

Только что карета, выѣхавъ изъ воротъ, стала поворачивать вправо по улицѣ, Митя вскочилъ какъ кошка на заднюю ось, уцѣпился за ресору, и повисъ. Карета остановилась на Кузнецкомъ мосту, подлѣ кондитерской. Марья Ивановна вышла, пріостановилась на крыльцѣ, нерѣшительно поднялась на нѣсколько ступеней. Снова пріостановилась, но дверь уже была отворена человѣкомъ. Въ магазинѣ никого не было, кромѣ Француженки съ античною

наружностію, которая обратилась къ ней съ почтительнымъ вопросомъ, что она прикажетъ?

— Приготовьте мнѣ двѣ хорошенькія бонбоньерки съ конфетами, для подарка дѣтямъ...

Медленными шагами прошла она въ другую комнату. Сидѣвшій на диванѣ, высокій статный среднихъ лѣтъ мущина, въ синихъ очкахъ, всталъ съ мѣста, подошелъ къ ней и сказалъ тихо:

— Я васъ узналъ по голосу... узнаете ли вы меня?

Онъ снялъ очки. Пріятное блѣдное лицо его оживилось, устремленныя на Марью Ивановну глаза горѣли.

Марья Ивановна вздрогнула, подала ему дрожащую руку, и едва слышно произнесла:

— Это вы, князь?

— Не князь, а просто Лукцій... но не мѣсто и не время разказывать вамъ что со мной случилось... Судьба разлучила насъ...

— Ахъ, не напоминайте, ради Бога! произнесла Марья Ивановна, тихимъ, умоляющимъ голосомъ...

— Да! зачѣмъ напоминать!.. Не для того я и просилъ свиданія съ вами... Но у меня есть просьба до васъ...

— Просьба?

— У меня есть малютка дочь...

При этомъ словѣ изъ стѣсненной груди Марьи Ивановны вылетѣлъ свободный вздохъ, пугливое чувство исчезло, чувство горькаго воспоминанія мгновенно разсѣялось.

— Скажите, чѣмъ же я могу быть полезною для вашей дочери? произнесла она съ непринужденнымъ, дружескимъ участіемъ.

— Дочери моей пятый годъ... я не могу никому ввѣрить ее, никому кромѣ васъ!.. Возьмите ее къ себѣ на воспитаніе, какъ сироту, у которой нѣтъ матери... Я хочу, чтобъ она была образована... покуда обстоятельства мои не перемѣнятся, я не могу ни признать ее за дочь, ни быть ей полезнымъ... Ничего лучше не въ состояніи я сдѣлать для нея теперь, какъ просить васъ замѣнить ей мать... а если меня не будетъ, распорядитесь ея судьбой... Теперь... Вѣрочка дитя безъ имени, но, рано или поздно, она получитъ по крайней мѣрѣ свою долю наслѣдія.

— Боже мой, я готова все для васъ сдѣлать! произнесла съ чувствомъ и совершенно забывшись Марья Ивановна.

Луцкій взглянулъ страстно на появившіяся въ глазахъ ея слезы, и схватилъ ея руку.

— Вы воротили хоть на мигъ счастливое мое время!..

Болѣзненное чувство воспоминанія снова коснулось до сердца Лиговской; но она подавила его.

— Какимъ же образомъ вы мнѣ ее передадите?.. сказала она:—впрочемъ, это кажется не трудно... Гдѣ она?.. Я сегодня же скажу мужу, что беру сиротку въ подружки къ моимъ дочерямъ...

— О, благодаренъ вамъ тѣми чувствами, которымъ вы нѣкогда вѣрили!..

Въ это время въ первой комнатѣ послышался тумный говоръ нѣсколькихъ голосовъ.

Марья Ивановна тревожно взглянула на Луцкаго; онъ надѣлъ свои синіе очки.

— Благодарю васъ! проговорилъ онъ грустно:—не знаю когда увидимся... я далеко отсюда, живу у своихъ престарѣлыхъ отца и матери...

— Положитесь на мое сердце! сказала Марья Ивановна, подавая ему руку:—прощайте!

И она вышла.

Вслѣдъ за нею вышелъ и Луцкій. На крыльцѣ, при выходѣ, что-то закопошилось у его ногъ, и раздался голосъ: „ваше сіятельство!“

Онъ остановился съ изумленіемъ.

Карликъ Митя обнималъ его колѣна.

— Митя! произнесъ онъ съ чувствомъ, и взявъ карлика на руки, поцѣловалъ его, какъ ласковое дитя.

Митя обвилъ ручонками его шею. Луцкій почувствовалъ на щекахъ своихъ горячія его слезы.

Экипажъ стоялъ уже у подъѣзда. Онъ вскочилъ въ коляску, посадилъ Митю подлѣ себя и крикнулъ кучеру: „домой!“

V.

На другой день поутру, Иванъ Артемьевичъ, въ полномъ убѣжденіи, что доставилъ Марьѣ Ивановнѣ необычайное удовольствіе неожиданнымъ появленіемъ въ ея кабинетѣ коллекціи райскихъ птицъ, долго мучалъ ее восклицаніями, указывая пальцемъ то на ту, то на другую:—Посмотри

душа моя, вотъ на эту; какой переливъ цвѣтовъ въ перьяхъ... удивительно!.. Посмотри, вотъ отсюда... золотисто голубой; а вотъ съ этой стороны оранжевый... совершенное волшебство!.. живыя, только что не поютъ. Постой, я принесу свои табакерки съ поющими колибри и заведу ихъ...

И Иванъ Артемьевичъ побѣжалъ за табакерками, принесъ, завелъ, и поставилъ за деревца. Искусственныя птички подняли ужасный свистъ, трескъ, щебетъ, перекрикивая одна другую и поворачиваясь на поршнѣ.

— А? повторялъ Иванъ Артемьичъ, уставивъ указательные пальцы и прислушиваясь.

— Безподобно! Благодарна за сюрпризъ. И я въ свою очередь сдѣлаю тебѣ сюрпризъ.

— А! это пріятно. Какой же? можно отгадать?

— Не отгадаешь.

— Неужели? что жь это такое? постой... какую-нибудь механическую штучку?

— Нѣтъ, живое существо.

— Живое?

— Да, не какую-нибудь чучелу, а маленькое живое существо.

— Маленькое живое существо?.. ха, ха, ха, я отгадалъ! Да неужели, душа моя... ты не шутишь?

Марья Ивановна невольно захохотала отъ нелѣпой догадки мужа.

— Неужели въ самомъ дѣлѣ?

— Все-таки не отгадалъ.

— Ну, никакъ не могу понять!.. пора однакоже мнѣ.

Поцѣловавъ у жены ручку, Иванъ Артемьевичъ отправился въ засѣданіе, а вскорѣ и Марья Ивановна къ своей теткѣ, безъ вѣдома которой она ничего не дѣлала.

Авдотья Петровна была московская старая барыня и особа въ родѣ пиѳіи и колдуньи большаго свѣта. Она завѣдывали судьбами всѣхъ своихъ родныхъ, знакомыхъ и незнакомыхъ. Знала, что̀ гдѣ дѣлается и что̀ гдѣ думается. Она женила, выдавала замужъ, разводила, сводила снова, и рѣшала чему быть и чему не быть. Она держала всѣхъ въ рукахъ, всѣ ея боялись, всѣ съ ней совѣтовались, и кого Авдотья Петровна называла дуракомъ, тотъ и слылъ дуракомъ. А потому имя Авдотьи Петровны было важнѣе сіятельныхъ и превосходительныхъ титуловъ, даже у по̀съ-

ѣздовъ: когда крикнутъ карету Авдотьи Петровны—всѣ прочія отъѣзжай.

Она любила племянницу свою Марью Ивановну, сочувствовала ея страсти къ князю Луцкому, горевала, что по какимъ-то особымъ несчастнымъ обстоятельствамъ, свадьба не состоялась; но назвала ее умницей только съ того дня, когда она пожертвовала памятью о первой своей любви и согласилась выдти замужъ за Ивана Артемьевича. Съ этого времени Марья Ивановна пріобрѣла самостоятельность въ своихъ распоряженіяхъ; но все-таки ея намѣренія подвергались ревизіи тетушки.

Давъ слово взять къ себѣ сироту, Марья Ивановна вспомнила, что объ этомъ необходимо хоть предувѣдомить ее.

Пріѣхавъ къ ней, она сперва разказала о сюрпризѣ, который сдѣлалъ ей мужъ, заставила ее похохотать и войдти въ доброе расположеніе духа; потомъ заговорила о добрыхъ дѣлахъ, и наконецъ сказала, что она беретъ къ себѣ въ домъ бѣдную сиротку, сверстницу ея дочерямъ.

Авдотья Петровна молчала.

— Вы, тетушка, не сердитесь на меня, что я растроганная судьбой несчастнаго ребенка, дала слово взять дѣвочку на воспитаніе.

— Да что, матушка, это за дѣвочка, кто она такая? Дала слово, надо исполнять; но вѣдь все-таки прежде надо подумать, кого ты берешь воспитывать съ своими дочерьми.

— У васъ, тетушка, также есть воспитанницы.

— Какія, матушка? Ѳеклуша и Даша? онѣ воспитывались у меня на полу, съ чулкомъ въ рукахъ.

— Эта дѣвочка хорошихъ родителей. Вчера вдругъ получаю я записку отъ какой-то женщины, которая пишетъ, что она знала моихъ родителей и меня; что маленькое ея имѣнье было въ тяжбѣ, а наконецъ, что ее выгнали изъ имѣнья съ малюткой дочерью... что она въ чужомъ дому лежитъ при смерти... и молитъ меня сжалиться надъ сироткой... я поѣхала, застала эту бѣдную женщину при концѣ... и дала ей слово. Дѣвочка мнѣ очень понравилась... я велѣла ее привезти къ себѣ.

— Что жь ты такъ конфузно разказываешь, моя милая? Я вѣдь слѣдствія наводить не буду. Кого взяла на воспитаніе, того и воспитывай.

— Нельзя же, чтобъ это нѣсколько не тревожило... Въ отношеніи чужаго ребенка, болѣе отвѣтственности...

— Э! и за своими теперь не смотрятъ. За границей есть много нищихъ; отчего жь имъ нейдти на святую Русь въ приставы къ дѣтямъ, благо даютъ тальныя деньги. Пользы отъ нихъ мало, какъ и отъ твоей миссъ Лови, которая дѣлать ничего не дѣлаетъ, а только хрюкаетъ себѣ подъ носъ. Ну, да вѣдь объ этомъ не имъ же и разсуждать. Онѣ знаютъ свои пользы; а мы своихъ не знаемъ. Въ наше время, бывало выѣдешь въ свѣтъ, все-таки увидишь Русскихъ, и пріемы... то-есть манеры-то все-таки, какія ни есть, да свои; а теперь, матушка, посмотришь, все чужеземцы да иностранцы; тотъ корчитъ Француза, тотъ Англичанина, тотъ нѣмецкаго фона-философа; а старичье туда же бонтонничаетъ. О русскихъ барыняхъ и барышняхъ и говорить нечего: ихъ ужь нѣтъ; а что съ ними сталось, про то одинъ Богъ вѣдаетъ. Куда ни повернись, вездѣ Парижанки; та madame, другая demoiselle; и что за внутренній жаръ во всѣхъ—удивительное дѣло: морозъ не беретъ.

Марья Ивановна знала, что ей придется выслушать рацею о прошломъ въ сравненіи съ настоящимъ; но она рада была, что тетушка не изъявила гнѣва за сиротку; иначе была бы бѣда ей съ сироткой.

Было уже около часу. Авдотья Петровна вышла въ гостиную, и присутствіе открылось. Ломберный столъ уже былъ готовъ, карты и марки на мѣстѣ, члены прибыли, Авдотья Петровна съ дивана перемѣстилась въ предсѣдательскія креслы; а Марья Ивановна, поцѣловавъ ее, поѣхала домой.

Послѣ обѣда, когда Иванъ Артемьевичъ пошелъ въ свой кабинетъ заняться дѣлами и по обычаю заснулъ, карликъ Митя вбѣжалъ въ кабинетъ Марьи Ивановны, и какъ обрадованный чѣмъ-то, крикнулъ своимъ тоненькимъ голоскомъ:

— Пріѣхали, сударыня!

— Кто пріѣхалъ?..

— Привезли, сударыня!

— Что такое привезли?

— Какую-то маленькую барышню...

— Кто привезъ?

— Какая-то барыня.

— Какая барыня? проси!.. Это вѣрно привезли Вѣрочку;

Какая же барыня? подумала Марья Ивановна.—Я не спросила у кого она воспитывалась до сихъ поръ...

Митя отворилъ двери. Викторина, замѣтно смущенная, вошла, держа за руку Сару, которой смѣлый взоръ останавливался то на томъ, то на другомъ предметѣ, а чаще всего на карликѣ.

— Мнѣ поручено, ваше превосходительство, передать вамъ это дитя, проговорила Викторина, присѣдая.

Марья Ивановна окинула ее глазами, и не рѣшалась ни посадить, ни допрашивать ее. Она обратилась прямо къ Сарѣ.

— Какое миленькое дитя; поди ко мнѣ, душенька, поцѣлуй меня. Но Сара успѣла уже разсмотрѣть райскихъ птичекъ.

— Сколько пестренькихъ чижиковъ! вскрикнула она, не обращая вниманія на слова Марьи Ивановны, и подбѣжала къ окну:—пшъ!.. что жь они не летаютъ?..

— Поцѣлуй меня, Вѣрочка, повторила Марья Ивановна, вставъ съ мѣста и обнимая Сару, — я тебѣ подарю этихъ птичекъ... Митя, позови миссъ Лови съ Лиденькой и Соней.

Но двѣ дѣвочки, одна милѣе другой, прибѣжали сами къ матери.

— Вотъ вамъ подружка, Вѣрочка. Ведите ее къ себѣ въ комнату, подарите ей по куклѣ и играйте вмѣстѣ. Миссъ Лови, это дитя поступаетъ также на ваши руки.

Высокая, худощавая миссъ Лови посмотрѣла на Сару и кивнула головой.

Лиденька и Сонечка устремили на гостью веселые глазки. Сара съ своей стороны осматривала то ту, то другую.

— Пойдемте къ намъ, сказала Лиденька, взявъ ее за руку.

— Пойдемте къ намъ, повторила и Сонечка, взявъ ее за другую руку.

— Постойте, я возьму птичекъ, сказала Сара, вырываясь отъ нихъ.

— Это папеньнины птички; крикнула Лидія.

— Нѣтъ, это мои птички! сказала Сара, съ утвердительнымъ наклоненіемъ головы.

— Это ея птички; Митя, отнеси ихъ въ дѣтскую.

И снова Лидія и Сонечка взяли Сару за руки и повели въ дѣтскую. Она оглядывалась на райскихъ птичекъ, которыхъ несъ Митя.

— Я могу ѣхать? спросила Викторина.

— Благодарна вамъ, прощайте, милая, отвѣчала Марья Ивановна.

Викторина присѣла и вышла.

Марья Ивановна преслѣдовала глазами дѣтей, и потомъ пошла вслѣдъ за ними въ дѣтскую.

„Она нисколько на него не похожа, продолжала она про себя,—не дурна собою... но какія-то рѣзкія, выразительныя черты, какіе глаза... мать ея должно-быть Черкешенка...

На этотъ вечеръ общій пріемъ былъ отказанъ. Но Иванъ Артемьевичъ распорядился своею обычною партіей виста. Изъ дѣтской Марья Ивановна прошла въ гостиную, гдѣ происходила уже битва, и гдѣ тучный баринъ съ звѣздой на фракѣ упрекалъ Ивана Артемьевича, что онъ убилъ даму.

— Марья Ивановна, возгласилъ тучный баринъ, обратясь къ ней,—сдѣлайте одолженіе защитите моихъ дамъ, отъ преслѣдованія вашего мужа.

— Жена вамъ кланяется, Марья Ивановна, проговорилъ протяжно другой господинъ.

— Марья Ивановна! рекъ и третій басомъ:—мои поѣхали въ театръ.

Въ заключеніе Иванъ Артемьевичъ поцѣловалъ у Марьи Ивановны руку, не сводя однакоже глазъ съ картъ своихъ, и произнося: — въ сюрахъ!

— Я тебѣ обѣщала сюрпризъ, сказала она.

— Ахъ да, да, да! сейчасъ, позволь...

Покуда Иванъ Артемьевичъ думалъ съ чего ходить, брался то за ту, то за другую карту, то морщилъ лобъ, то щурилъ глаза, Марья Ивановна велѣла позвать дѣтей.

Лидія и Сонечка прилетѣли какъ на крыльяхъ; но Сара шла тихо подлѣ миссъ Лови, и только глаза ея перебѣгали по новымъ предметамъ, которые представились ей въ гостиной.

— Смотри на мой сюрпризъ.

— Сейчасъ, матушка... что, новыя шляпки дѣтямъ?

Сара взяла миссъ Лови за руку, прижалась къ ней и смотрѣла то на толстаго господина съ отвислымъ подбородкомъ, то на долгаго и худощаваго, который сходивъ съ козыря, положилъ карты, поднялъ на лобъ очки и взялся за свою богатую табакерку, не обращая ни на что внима-

нія; то на баса, и наконецъ на Ивана Артемьевича, къ которому Марья Ивановна подвела Сару.

— Какое прекрасное дитя, проговорилъ сосѣдъ басъ, взглянувъ на ребенка,—ну что жь Петръ Андреевичъ задумались?.. Чья это, матушка, Марья Ивановна?..

— Это сиротка, которую я взяла на воспитаніе.

Иванъ Артемьевичъ вытаращилъ глаза на Сару и занятый своимъ дѣломъ, произнесъ только:—сиротка?

Отъ дальнѣйшихъ вопросовъ и отвѣтовъ на счетъ сиротки, избавилъ всѣхъ комикъ большаго свѣта, антрепренеръ всѣхъ домашнихъ театровъ и повсемѣстный домашній человѣкъ Потапъ Савичъ, говорящій протяжно и съ сознаніемъ своего достоинства.

Пріостановясь въ дверяхъ, онъ снялъ очки, протеръ ихъ платкомъ, надѣлъ снова, обвелъ глазами по комнатѣ, и зашаркалъ какъ на лыжахъ прямо къ Марьѣ Ивановнѣ.

— Ваше превосходительство! проговорилъ онъ, остановясь передъ ней и вскинувъ руки съ растопыренными пальцами,—васъ ли я вижу? послѣ столь долговременнаго отсутствія, по прошествіи почти цѣлыхъ сутокъ, ровно сутокъ... позвольте...

И Потапъ Савичъ вынулъ изъ жилета огромные часы и поднесъ ихъ къ самому глазу.—Ровно двадцати четырехъ часовъ!.. Благодаря Бога въ томъ же благоденственномъ состояніи, на томъ же диванѣ, подлѣ счастливаго супруга, съ тою же привѣтливою, ласковою, внимательною улыбкой... позвольте поцѣловать ручку... еще разъ...

— Довольно съ васъ, Потапъ Савичъ.

— Не возможно!.. послѣ столь продолжительнаго отсутствія, прибывъ съ Таганки, и встрѣчая все въ томъ же утѣшительномъ, неизмѣнномъ положеніи, на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, какъ вчера, и его превосходительство Ивана Артемьевича, и его превосходительство Петра Андреевича... ба! новая черезъ плечо! позвольте принести мое искреннѣйшее поздравленіе:

Награды юношу питаютъ,
Отраду въ старости даютъ!

Продолжая игру, прохохоталъ его превосходительство, прохохотали и прочіе.

— Да-съ! дѣйствительно, ваше сіятельство, и ваше пре-

восходительство: вотъ, когда и такъ и такъ, и тутъ и здѣсь, грудь украшена отличіями, истинное спасеніе отъ недуговъ. Напримѣръ, безъ сомнѣнія вамъ извѣстно, какъ Григорій Ивановичъ страдалъ болью въ поясницѣ? въ три дуги свело; но только что прицѣпили ключъ, все прошло, выпрямился, выровнялся, ожилъ, пошелъ заново... какъ угодно, а тутъ дѣйствуетъ галванизмъ, явный галванизмъ!..

Потапъ Савичъ однакоже отвлекалъ партнеровъ Ивана Артемьевича отъ игры.

— Садись-ко, садись, или ступай къ женѣ, Потапъ Савичъ, сказалъ онъ ему.

— Не безпокойтесь, почтеннѣйшій Иванъ Артемьевичъ, все сидѣлъ, и дома сидѣлъ, и ѣхалъ сидя,—совершенно засидѣлся. Сидячая жизнь вредна, говорятъ всѣ преданія, Иппократъ и всѣ лѣчебники. Въ языческія уже времена...

— Пойдемте ко мнѣ пить чай, сказала Марья Ивановна, желая отвлечь отъ стола нарушителя глубокихъ соображеній своего мужа и всѣхъ вистующихъ.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ, я китайскіе обычаи уважаю!.. ah! mademoiselle, виноватъ... Миссъ Лови, I have the honour... I have the honour... и такъ далѣе.

Миссъ Лови, не улыбнувшись, кивнула головой; Сара отворотилась отъ гостя и прижалась къ ней.

— Лидія Ивановна, Софья Ивановна... а это? это новорожденная?

— Пойдемте, пойдемте въ мой уголъ, сказала Марья Ивановна.

— Честь имѣю поздравить! я право не зналъ...—Потапъ Савичъ почтительно подалъ ей руку и повелъ къ чайному столу, приготовленному на другомъ концѣ огромной гостиной.

— Гдѣ жь вы были сегодня, разкажите? спросила Марья Ивановна, усадивъ Потапа Савича подлѣ себя въ креслахъ.

— Сегодня? дай Богъ память... кажется, вопервыхъ, я былъ въ Москвѣ... потомъ... не помню еще гдѣ-то... а надо сказать, что удивительный городъ, замѣчательный городъ во всѣхъ отношеніяхъ...

— Какой городъ? спросила Марья Ивановна, разсѣянно.

— Москва. Вопервыхъ, на семи холмахъ...

— На какихъ же холмахъ?

— Вопервыхъ Кремль, нешто не на холмѣ? цѣлая гора;

потомъ Красный холмъ, потомъ Вшивая горка, потомъ громовой колодезь на Трехъ горахъ; потомъ Кузнецкій мостъ— развѣ не гора? съ Лубянки къ Варварскимъ воротамъ, развѣ не подъ гору? Москвичи, а не знаютъ Москвы!.. Вы бывали когда-нибудь на Толкучемъ рынкѣ?

— Никогда.

— А въ Ветошномъ ряду?

— Никогда.

— Напрасно. Вельможный городъ! городъ тузовъ, напримѣръ, его превосходительство Петръ Андреевичъ, — тузъ самъ-пятъ.

— Къ чему ты тамъ приплелъ мое имя? отозвался Петръ Андреевичъ.

— Любопытство не ведетъ къ добру: скоро состарѣетесь, ваше превосходительство.

Прибѣжали Лидія и Сонечка и потащили Марью Ивановну въ дѣтскую на балъ къ куклам.

Потапъ Савичъ остался одинъ. Онъ подошелъ было къ карточному столу; но Петръ Андреевичъ, положивъ карты, разказывалъ какое-то казусное дѣло, поступившее въ сенатъ, и спрашивалъ мнѣнія у засѣдавшихъ, какъ надлежитъ рѣшать его, по совѣсти, или по закону. Возгорѣвшійся споръ былъ не по части Потапа Савича. Онъ взялъ шляпу и ретировался.

VI.

Нельзя было бы сомнѣваться, что маленькой Сарѣ, такъ внезапно переселенной на роскошное новоселье, хотя на первое время будетъ казаться, что она въ гостяхъ, и утомясь угощеніями, захочется наконецъ забрать въ охапку всѣ подаренныя куклы и проситься домой. Ничего не бывало: съ перваго же дня она была уже какъ дома, и не подала ни малѣйшаго знака чувства разлуки, ни съ привычною обстановкой, ни съ воспитательницей своею Викторином, ни съ няней, ни съ Матреной.

Лиденька и Сонечка подѣлились съ ней игрушками, показали все кукольное хозяйство, гардеробъ и буфетъ, разказали какъ каждую куклу зовутъ по имени, и тотчасъ же начали наряжать куколъ на балъ. Карликъ Митя былъ тутъ

же и принималъ участіе въ игрѣ. Онъ устроилъ въ углу танцовальную залу, уставилъ мебелью; потомъ, когда куклы были готовы и надѣли салопы, онъ подалъ экипажи, и онѣ отправились изо всѣхъ прочихъ угловъ на балъ. Такъ какъ для бала необходима была музыка, то Митя принесъ свою балалайку, заигралъ „барыню“ и танцы начались. Сара все молчала и смотрѣла; иногда только поправляла куколъ, когда онѣ криво сидѣли или совсѣмъ сваливались со стульевъ. Наконецъ зѣвота миссъ Лови заразила, и ее, какъ новую личность не привыкшую еще къ климату края. Англичанка напомнила Лидіи и Сонечкѣ, что куклямъ пора спать. И вотъ начался разъѣздъ по угламъ, торопливое разоблаченье, укладыванье въ постели, и въ заключеніе храпота, въ доказательство, что куклы спятъ уже крѣпкимъ сномъ, какъ миссъ Лови. Между тѣмъ Сара взобралась на кроватку Лидіи и заснула.

Трудно описывать дѣтскую жизнь; она покажется по наружности слишкомъ однообразною. Въ чемъ проходитъ время? Дѣти встанутъ, ихъ умоютъ, одѣнутъ, накормятъ, и они начинаютъ играть. Снова накормятъ, снова игра, до тѣхъ поръ пока не слипнутся глаза.

Но сколько въ этой игрѣ и шалостяхъ, въ крикѣ, слезахъ, хохотѣ и надутомъ молчаніи, проявленій ихъ будущности! Каждое дѣтское движеніе, каждое слово, носятъ въ себѣ не развившійся еще и не разгаданный смыслъ самобытности или подражанія, зачатокъ ума или глупости, очеркъ доброй или нарушенной природы. Чтобъ изучить тайну младенческой жизни, надо вести дневникъ малютокъ-личностей, и наблюденія надъ ними можетъ-быть будутъ и любопытнѣе, и полезнѣе наблюденій въ мірѣ микроскопическомъ. Но это трудъ не нянекъ, не мамокъ, не выписныхъ и наемныхъ сторожей и наставниковъ дѣтства; не посторонникъ людей на чьи руки сложена тягота воспитанія, по повѣрью, что чужіе люди лучше научутъ и проучатъ. Какія наблюденія въ толпѣ? Кто ихъ знастъ какой величины звѣзды въ группахъ млечнаго пути?

Кромѣ русской няни и дѣвушекъ, при Лидіи и Сонѣ была, какъ уже мы упомянули, миссъ Лови. Надо же было имѣть при нихъ довѣренную и приличную женщину; свѣтская жизнь не даетъ ни минуты матери самой наблюдать за дѣтьми и руководить ими. Русь не хочетъ быть Русью.

а хочетъ быть или Француженкой, или Англичанкой или Германкой, или даже смѣшеніемъ западныхъ языковъ; но только не Русью. Слово Русскій, по какому-то особенному случаю, или можетъ-быть также по подражанію, обратилось въ большомъ свѣтѣ въ синонимъ другаго слова: слѣдовательно дама высшаго круга, за обязанность считала приставить въ правительницы къ дѣтямъ, если счастіе не пошлетъ Француженку, то хоть Англичанку, а за неимѣніемъ таковой, хоть Нѣмку. Тутъ прививаются къ русскому вспитающему корню, провинціяльные нравы и обычаи Франціи; здѣсь—custom и холодное courtesy Англіи, тамъ протяжное Liebenswürdigkeit Германіи.

Если вопросить прошедшее, то миссъ Лови была собственно не miss, а mistress, довольно простой и грубой складки. За сварливость, мужъ не взлюбилъ ее, и она, разставшись съ нимъ, прибыла въ Петербургъ, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ, ежегодно прибывающихъ моремъ и сухимъ путемъ иностранокъ, исчезающихъ въ магазинахъ, рестораціяхъ, въ степяхъ, болотахъ и дебряхъ неизмѣримой Россіи. Марья Ивановна выписала ее, чрезъ одно депо нянекъ и гувернантокъ, и была очень довольна ей на первый случай, покуда дѣти малы; потому что она умѣла превосходно заставлять дѣтей сидѣть смирно, не ссориться, ѣсть кровавый бифстексъ, до котораго сама была охотница, и котораго онѣ терпѣть не могли. Еслибы Марья Ивановна знала дѣтей своихъ, то безъ сомнѣнія не учредила бы надъ ними систематически строгой и черезчуръ взыскательной полиціи миссъ Лови. Къ счастію, ихъ охраняла, отъ постоянной грозы и отъ нашествія костлявой руки, няня Василиса. Она съ перваго же времени окрысилась на нее за дѣтей по-русски, и надавала ей сгоряча множество именъ: и Бабы-яги, и чухонки, и обглоданной кости, et cetera.

— Попробуй только дотронуться до дѣтей, на судѣ Божіемъ буду отвѣчать, а ужъ сдеру съ тебя парикъ-то!

Такимъ образомъ дѣти росли подъ защитой няни; при ней миссъ Лови не смѣла шикнуть на нихъ. Лидія была нѣжный ребенокъ, и по русскому выраженію вполнѣ *добрушка*, у которой при строгомъ взглядѣ, тотчасъ же выступали слезы. Сонечка, напротивъ, была беззаботная, милая хохотушка. Миссъ Лови не довольствовалась характе-

ромъ ни той, ни другой, и безъ няни привела бы ихъ къ одному, собственному знаменателю. Сара ей вполнѣ понравилась. „Это хорошій ребенокъ, говорила она по своему, смотря на нее,—эту дѣвочку не стыдно было бы имѣть даже въ англійскомъ семействѣ.“ Няня, напротивъ, не взлюбила Сару, называла про себя *неулыбой*, и смотрѣла на нее искоса.

— Скажи пожалуста, Митя, спросила она карлика,—чутье-то у тебя хорошее: изъ какой норы добыла этого звѣрка барыня?

— Не знаю, Василиса Ивановна, отвѣчалъ хитрый Митя, которому не нравилось, что не только няня, но и вся дворня, косилась на его барышню.—А ужь я вижу, что это не простая сиротка, а какого-нибудь знатнаго рода, богатая наслѣдница. Ты присмотрись-ко къ ней хорошенько.

— Ужь что говорить, мала-мала, а взглядъ-то у нея какой старый! Что наши противъ нее—простота, дѣти какъ дѣти. Не даромъ же и у барыни такая забота объ ней. Я правду сказать и подивилась: откуда Богъ послалъ такое нещечько?

— Я думаю такъ, что у этой сироты будетъ милліонъ приданаго, сказалъ Митя, кивнувъ головой, — а какъ объявится, такъ всей прислугѣ будетъ большая награда да пенсія.

— Ой ли?

— Да какъ же! ужь неиначе. Вотъ, примѣромъ, какъ я былъ у старыхъ господъ своихъ, выдали не то что дочь, а сиротку племянницу, и тутъ нянькамъ волю дали, дома построили, снарядили всѣмъ, да по тысячѣ награды.

Няня покачала головой отъ удивленія.

— Мнѣ ужь куда съ волей; а вотъ за всю семью-то свою я бы поклонилась въ ножки.

— Будь надежна, Василиса Ивановна, по всѣмъ примѣтамъ будетъ такъ.

— Ой ли? правду сказать, ты всю подноготную знаешь. Малъ золотникъ да дорогъ. Не даромъ вся дворня къ тебѣ да къ тебѣ: какъ молъ ты думаешь, Дмитрій Аѳанасьичъ. Что скажешь, на дѣлѣ правдой оказывается.

Эта бесѣда няни съ Митей имѣла вліяніе не только на нее, но и на всю домашнюю прислугу. Горничныя, лакеи, выѣздные, стали смотрѣть на Сару, какъ на дѣйствитель-

ную наслѣдницу милліона и ухаживать за ней въ надеждѣ будущихъ благъ.

Настало время ученія. Какъ интродукція явилась гувернантка изъ самаго центра Парижа. Вслѣдъ за ней профессоръ французскаго языка, учительница музыки, и корифей балетовъ Московскаго императорскаго театра, для преподаванія танцевъ.

У Сары память была необыкновенная. Она легко переняла всю тонкость механизма французскаго языка. Прекрасно писала, и современныя свѣтскія фразы легко ложились у нея подъ перо. Въ танцахъ изъ всѣхъ сверстницъ не было ей равной. Вся форменность античныхъ грацій какъ будто возродилась въ ней, и зала Марьи Ивановны, по вторникамъ и субботамъ, обращалась въ партеръ зрителей, передъ маленькою сценой, посреди которой рисовалась Сара, поражая всѣхъ, то нѣгой прищуренныхъ глазокъ, то химическимъ блескомъ открытыхъ и плавающихъ взоровъ. Она подавляла собой Лидію и Сонечку, на долю которыхъ оставалась только милая, безхитростная простота и естественность движеній. Онѣ не понимали чувства зависти; напротивъ, радовались успѣхамъ Сары, и обнимали ее послѣ рукоплесканій, когда она, разгорѣвшаяся, выходила въ другую комнату. Изъ всѣхъ посѣтителей танцовальнаго класса неизмѣнно-постояннымъ былъ князь Иванъ Юрьевичъ, старый бездѣтный вдовецъ, но вѣчноюный и страстный любитель балетовъ. Онъ былъ богатый и щедрый меценатъ всѣхъ живописно-порхающихъ по сценѣ созданій; онѣ постоянно роились въ его мысляхъ, и иногда, забывшись, онъ становился въ позу летящаго, и напѣвая арію изъ *Сильфиды*, приподнималъ ногу и раскидывалъ руки какъ крылья.

Сара плѣнила его; глаза ея, гибкій станъ и ножка очаровали. Смотря на нее, онъ злился на очки свои, которыя заволокало паромъ отъ горячаго его дыханія. Онъ забылъ и древнихъ русалокъ, сильфидъ и ундинъ, и новыхъ пери, одалискъ и баядерокъ, и желалъ смотрѣть только на Сару, и наблюдать какъ въ ней развивается и созрѣваетъ великолѣпіе дѣвственной красоты. Изъ всѣхъ восхищавшихся глазами и ловкостью Сары, она была внимательна только къ Владимиру Петровичу Ранѣеву, строгому критику и цѣнителю талантовъ, всегда важному, всегда скупому на

восторги, не проронающему даромъ слова. Онъ былъ нѣсколько сродни Марьѣ Ивановнѣ, изрѣдка навѣщалъ домъ, и пользуясь правомъ цѣловать изящныя головки Лидіи и Сонечки, любилъ цѣловать и головку Сары, и называлъ ее своею харитой, своею Аглаей.

— А что жь вы не возьмете меня къ себѣ, если я ваша?— спрашивала его Сара, будучи еще ребенкомъ.

— Ты моя, да не совсѣмъ моя, отвѣчалъ онъ ей.

— Ну, сдѣлайте такъ, чтобъ я была совсѣмъ ваша.

— Прежде вырости, а потомъ посмотримъ.

Торжество Сары были танцы; въ музыкѣ, напротивъ, первенство склонялось на сторону Лидіи и Сонечки. Сонечка проявляла очаровательный голосокъ; но Лидіи предсказывали необыкновенный талантъ къ игрѣ на фортепіяно. Но въ этихъ успѣхахъ не было ничего сценическаго. Маленькіе домашніе концерты не производили такого фурора, какъ глазки и ножки Сары. Зрѣніе всегда на первомъ планѣ,и его легче удовлетворить нежели слухъ. Для плохаго зрѣнія есть очки и лупы, а для плохаго слуха нѣтъ помощи.

Въ чемъ же заключалось дальнѣйшее образованіе? Въ занятіи чтеніемъ дозволенныхъ книгъ, въ числѣ которыхъ находились и нравственные романы англійскихъ и французскихъ писательницъ. Гувернантка, Mlle Аделаида, любила читать полунравственные романы. По ея понятіямъ, дѣвушка должна была все знать, изучить всю теорію жизни, и выступить изъ семьи на поприще свѣта вооруженною противъ всякаго обаянія мущинъ. Изъ magasin de lecture, она получала всѣ новости современной литературы, и не прятала отъ подвѣдомственныхъ ей юныхъ существъ. Лидія любила читать, но не любила читать страшныхъ и анатомическихъ романовъ; Сонечка любила только забавное, и читала мало; но Сара читала все, кромѣ чувствительнаго.

Послѣ чтенія началось наглядное образованіе по manières d'être и manières de parler окружающаго общества. Все это заключалось строгимъ изученіемъ условныхъ свѣтскихъ приличій и законовъ моды. Тутъ уже занялась дѣтьми, при руководствѣ изящнаго вкуса Mlle Аделаиды, и сама Марья Ивановна. И это образованіе приходило къ концу; оставалось ждать того возраста, когда дѣвушку дозволяется

уже вывозить въ свѣтъ, на усердную ретивую работу посреди вечеровъ и баловъ; когда и собственно ей дозволяется уже приступать къ началу карьеры, трудиться въ неистощимыхъ матеріяльныхъ заботахъ о нарядѣ, о прическѣ, о визитахъ, о выборѣ кавалеровъ, и въ то же время развивать въ самой себѣ нравственную сторону: соревнованіе, самолюбіе, честолюбіе, жажду апоѳеоза и потребность въ поклонникахъ и жертвахъ.

Но вотъ насталъ этотъ переходный возрастъ. Дѣтскость и всѣ безотчетныя чувства мгновенно исчезли съ перваго же намека матери о необходимости шить для дѣтей бальныя платья. Слово *дѣти* отозвалось въ первый разъ непріятно, невыносимо для слуха. Оно затронуло самолюбіе Сары, у Лидіи опало сердце отъ какой-то боязни; только Сонечка захлопала отъ радости своими ручками-пышками.

Въ одинъ вечеръ, когда были все *свои*, Марья Ивановна усадила всѣхъ около себя, и повела рѣчь о томъ, что наступило время вывозить дѣтей въ свѣтъ.

— Какихъ дѣтей, мать моя? спросила тетушка Авдотья Петровна.—Давно ли Сонечкѣ минуло пятнадцать лѣтъ, не ужь-то ты и ее повезешь на балы? Помилуй, Маша!

— Слава Богу, пятнадцать лѣтъ! возразила Марья Ивановна,—несмотря на то, что Соня почти двумя годами моложе Лидіи, она гораздо болѣе развита, и всякій принимаетъ ее за старшую мою дочь.

— Кто жь это принимаетъ? умницы, которыя судятъ обо всемъ по одной наружности?

— Я сужу не по одной наружности, тетушка. Кто жь виноватъ, что она созрѣла прежде сестры.

— Положимъ, что это яблочко скороспѣлка, что его можно уже съѣсть; да вѣдь прежде Спаса не будешь ѣсть.

— Какія странныя сравненія, тетушка, проговорила съ затронутымъ чувствомъ Марья Ивановна.

— Какъ же судить и рядить, моя милая, безъ сравненія? Родись Соня въ крестьянскомъ быту, дѣло другое; я бы можетъ-быть ни слова тебѣ не сказала; тамъ пожалуй и дѣвушка въ двѣнадцать лѣтъ невѣста, когда понадобится лишнее тягло. Впрочемъ, какъ знаешь, такъ и дѣлай; мое слово сказано.

— Для чего жь сердиться, тетушка?

— Съ чего ты взяла, Маша, что я сержусь? На чужія глупости сердиться, на свои сердца не достанетъ.

— Лидія будетъ выѣзжать, а Соня сидѣть дома, одна; странно, когда до сихъ поръ я ихъ равно вела.

— Отчего жъ одна? возразила снова Автотья Петровна,— а твоя воспитанница, Вѣра?

— Она ровесница Лидіи, и кажется даже старше ее.

— Такъ что̀ жь?

— Я ее также буду вывозить.

— Это съ какой же стати?

— Я дала слово вести ее наравнѣ съ своими дочерьми.

— А! это дѣло другое. Стало-быть ты намѣрена обезпечить и будущность ея для большаго свѣта, къ которому она привыкнетъ на балахъ окончательно.

На этотъ неожиданный вопросъ Марья Ивановна не была готова.

— Стало быть ты подумаешь и о приданомъ ей, продолжала безпощадная Авдотья Петровна, — подѣлишь свой ящикъ съ брилліянтами на три части, а потомъ и наслѣдство на столько же частей?

— Нѣтъ, ужь это покорно благодарю, Авдотья Петровна! сказалъ кланяясь Иванъ Артемьевичъ:—всѣхъ бѣдныхъ сиротокъ я не въ состояніи озолотить.

— Я на свои прихоти и не подумала бы просить твоего золота, сказала вспыльчиво Марья Ивановна, — но кто же сказалъ тебѣ, что Вѣрочка бѣдная сиротка?

— Отъ кого же мнѣ знать, Марья Ивановна, кромѣ какъ отъ тебя? ты же мнѣ сказала, что берешь бѣдную сиротку.

— То же ты говорила и мнѣ, прибавила тетушка.

— Да... въ то время дѣйствительно у нея не было никакихъ надеждъ; но теперь, сколько мнѣ извѣстно, она будетъ имѣть состояніе.

— Да еще какое! проговорилъ карликъ Митя, стоявшій за креслами старой тетушки, какъ пажъ. Она слышала слова его и приняла ихъ за насмѣшку надъ словами Марьи Ивановны. Хоть это сомнѣніе было ей и по нутру, но она взглянула гнѣвно на Митю, что онъ осмѣливается вмѣшиваться въ разговоры.

— Это иное дѣло, Маша, сказала она, — и новое подтвержденіе что дѣти тайны и таинственные сироты, въ

концѣ романа, всегда пріобрѣтаютъ неожиданное богатство. Я вычитала это изъ Дюкре дю-Мениля.

Марья Ивановна закусила губы.

— Во всякомъ случаѣ, Иванъ Артемьевичъ, сказала она чтобъ скрыть свое неудовольствіе,—необходимо подумать о томъ, что намъ слѣдуетъ передъ вывозомъ дѣтей въ свѣтъ дать парадный балъ.

— Балъ, да еще и парадный! Для чего же это, матушка?

— Для того, что не представлять же мнѣ дѣтей всей Москвѣ въ чужомъ домѣ.

— Прежде однакоже, я думаю, надо сдѣлать съ ними визиты ко всѣмъ, сказала Авдотья Петровна.

— Конечно, нѣкоторые до бала, другіе послѣ бала.

— Ваше превосходительство! раздался голосъ вошедшаго Потапа Савича.—Авдотья Петровна!

— Испугалъ, батюшка! сказала Авдотья Петровна,

— Почтеннѣйшую ручку вашу!

— На, батюшка!

— Кажется, я попалъ въ собраніе семейнаго парламента? Рѣшается какой-нибудь важный вопросъ?

— Да, батюшка.

— Не знаю, какую сторону поддерживать: правую, лѣвую, или середину?

— Да вотъ, рѣши, Потапъ Савичъ, какой слѣдуетъ давать балъ предъ вывозомъ дѣтей въ свѣтъ: парадный ли, на весь міръ, или обыкновенный, безъ большихъ претензій?

— Если почтеннѣйшіе члены парламента предоставляютъ и на мое сужденіе этотъ жизненный вопросъ, касающійся не только до ихъ превосходительствъ, но и до всего блистательнаго общества первопрестольной столицы; то я, прося снисходительнаго вниманія, считаю долгомъ изложить мое мнѣніе предварительно въ экономическомъ значеніи баловъ... Балы познаются, вопервыхъ, по количеству сожигаемаго на нихъ воску, и потребляемыхъ конфетъ, плодовъ и тому подобныхъ вещей, неизбѣжно необходимыхъ. Парадный балъ, или такъ сказать торжественный, соображая мѣстность, требуетъ безъ сомнѣнія двадцать пудъ свѣчъ и по крайней мѣрѣ десять пудъ конфетъ, не говоря о десяти фунтахъ чаю, на который впрочемъ киваютъ только головой, не говоря о плодахъ и прохладительныхъ, не говоря даже объ ужинѣ въ пять сотъ кувер-

товъ. Обыкновенный балъ требуетъ на половину, или даже на треть, всего этого матерьяла пожираемаго огнемъ и лакомыми устами. Я конечно не говорю здѣсь о тѣхъ балахъ, на которые не требуется издержекъ, на которые гости съѣзжаются съ собственнымъ свѣтомъ въ глазахъ, и сыты и довольны тѣмъ, что, мочи нѣтъ какъ устали... Сердечно радуюсь, что высоко оцѣняя собственное достоинство, ихъ превосходительство изволили похохотать... Теперь скажемъ слово о экономіи, въ отношеніи посѣтителей народнаго бала. Дамы неизбѣжно *декольте*, кавалеры во всей *тенюе*. Для обыкновенныхъ баловъ расходъ на обнаженіе рукъ и плечъ, до крайнихъ предѣловъ возможности, не такъ великъ. На парадныхъ балахъ кавалеры обращаютъ особенное вниманіе на нарядъ дамъ; въ глазахъ ихъ проявляется какая-то пожирающая жадность. Это ужасно вредитъ мужскому зрѣнію, отчего мы и видимъ теперь такое множество очей вооружающихся очками и лорнетами, безъ которыхъ они не въ состояніи отличить *новъ* отъ почвы воздѣланной и удобренной румянами и бѣлилами. Я не буду, милостивые государи и государыни, говорить о благотворномъ нашемъ климатѣ, по истинѣ бальномъ. Не буду говорить о пріятномъ вѣяніи зефировъ въ жаркую зиму, на раскаленныя головки, шейки et cetera, нашего прекраснаго пола. Я только скажу, что балъ есть верхъ очарованія и высшая цѣль жизни человѣчества. Благодѣтельное просвѣщеніе и стремится къ распространенію и совершенствованію баловъ. Теперь мы пользуемся не болѣе какъ двадцатью балами въ продолженіи года... Только двадцать счастливыхъ дней изъ трехъ сотъ шестидесяти пяти! только восьмнадцать процентовъ, не болѣе, со всего капитала! Но настанетъ время, когда все человѣчество обратится въ дамъ и кавалеровъ, вся жизнь сольется въ одинъ парадный балъ, всѣ танцы, не исключая и французской кадрили, сосредоточатся въ безконечномъ котильйонѣ, и каждая пара будетъ шептать другъ другу безъ предварительныхъ комплиментовъ: я вѣчно твой! твоя на вѣки!

Кончивъ рѣчь, Потапъ Савичъ почтительно поклонился собранію.

Все захлопало. Карликъ Митя, сочувствовавшій больше всѣхъ Потапу Савичу, забывшись, также захлопалъ.

Послѣ убѣдительной рѣчи, рѣшено было дать парадный

балъ. Собраніе заключилось чаемъ, послѣ котораго Потапъ Савичъ сдѣлалъ репетицію будущему балу, распредѣлилъ какъ всему быть, представилъ всѣхъ замѣчательныхъ особъ, настроилъ всѣ инструменты оркестра, прошелся съ Иваномъ Артемьевичемъ, который долженъ былъ открыть балъ польскимъ съ одною изъ бывшихъ фрейлинъ императрицы Екатерины, и, въ заключеніе, протанцовалъ французскую кадриль въ четыре пары.

Слухъ о конференціи на счетъ бала и состоявшагося рѣшенія дошелъ до дѣтской, частію отъ Мити, частію отъ горничныхъ. Лидія вспыхнула, Сонечка затанцовала; а Сара не подала и виду, что балъ касается сколько-нибудь и до нея.

VII.

Насталъ и день бала. По настоятельному совѣту тетушки Авдотьи Петровны, и въ угоду ей, только Лидію снарядили въ полное облаченіе дѣвушки вступающей въ свѣтъ. Сонечка была одѣта проще. Она понимала причину, любовалась не на свой нарядъ, а на нарядъ сестры, и радовалась смотря на нее. Нарядъ Сары былъ очень милъ; но только, какъ говорится, приличенъ. Въ сергахъ ея не свѣтились бриллианты, въ уборѣ волосъ не было нитокъ жемчугу. Но она какъ будто была равнодушна къ этому; иногда только, при взглядѣ на Лидію, проявлялось въ глазахъ ея то же выраженіе, какое было въ нихъ въ то время, когда она, еще пятилѣтній ребенокъ, топала ногой и кричала: „я не хочу быть Сарой, я хочу быть Вѣрочкой!“

Нѣтъ необходимости описывать какой бы то ни было балъ. Балы всѣ однообразны, начиная хоть съ бала даннаго царемъ Сиракузъ, на которомъ, говорятъ, Платонъ, какъ ученый, былъ очень не ловокъ въ танцахъ. Въ современныхъ парадныхъ балахъ, на всемъ пространствѣ отъ Западнаго океана, до восточныхъ предѣловъ Россіи, разницы нѣтъ даже и въ костюмахъ. Всѣ лица,—въ неестественномъ своемъ выраженіи, выглядывающія изъ кратера пышныхъ нарядовъ, какъ будто одни и тѣ же. Несчастные волоса, со временъ древнихъ Римлянъ, перенявшихъ ези-

петскія прически на балахъ Митридата, обращаются въ парики.

Если французскій водевиль, передѣланный на русскіе нравы, имѣетъ смыслъ, то балъ и подавно. Балъ еще ближе къ своему оригиналу. Въ передѣланномъ водевилѣ измѣняетъ языкъ; здѣсь нѣтъ перевода. Парижскія ходячія фразы и любезности, цѣликомъ, слово въ слово, звучатъ во всѣхъ устахъ, до полученія новаго, безпошлиннаго „великаго выбора“, grand-choix. Чисто русская—только зима на дворѣ.

Вотъ домъ освѣщенъ такъ что надъ нимъ стоитъ зарево, и будочникъ на каланчѣ съ просонокъ выкинулъ было пожарные шары. Пріѣздъ начался съ девяти часовъ; но это только *свои*, и то торопыги. До вожделѣннаго открытія было еще далеко; съ причесанною головой съ утра можно еще изныть и измаяться отъ нетерпѣнія, предать проклятію не уставъ моды, а виноватое во всемъ время.

Наконецъ экипажъ поданъ; счастливицы, съ вѣнчикомъ изъ искусственныхъ цвѣтовъ на головкахъ, съ едва наброшенными на плеча несносными шубами, которыя могутъ измять платья и гирлянды, торопливо выбѣгаютъ, садятся, двери захлопнулись—пошелъ! Заскрипѣли колесы по морозу, утопаютъ въ сугробахъ нанесенныхъ вьюгой и мятелью. На кучерахъ и лакеяхъ заскорузла одежда—цѣлая станція пути по улицамъ и переулкамъ. Фонари заиндевѣли, обвѣшены клочьями снѣга. Но объ этихъ невзгодьяхъ некогда уже думать: впереди чудный климатъ великолѣпныхъ залъ, роскошная аллея померанцевыхъ деревьевъ, движущійся цвѣтникъ .. и вдругъ карета останавливается.—Слава Богу пріѣхали! — ждутъ отворятся дверцы. Дверцы не отворяются.—что такое?

— Да ну, двигайся!—кричатъ лакеи и кучера.

— Что такое?

Впереди безконечный рядъ экипажей.

— Боже мой, да это никогда не доѣдешь!

Между тѣмъ пріѣздъ давно уже начался; окоченѣлые лакеи успѣли нанести уже въ сѣни снѣгу. Для воздушныхъ существъ, выпархивающихъ изъ каретъ и возковъ, какъ изъ клѣтокъ, предстоитъ опасная переправа. Ножки ихъ чувствуютъ мокроту. Онѣ ахаютъ, хватаются за бѣдныя платья и идутъ какъ въ бродъ чрезъ рѣку.

За упомянутою померанцевою аллеей по легкому склону,

Иванъ Артемьевичъ, въ парадномъ мундирѣ, встрѣчаетъ гостей. Далѣе, вереница ихъ тянется по другой, густой и тѣсной аллеѣ стоячихъ кавалеровъ, какъ военныхъ, *такъ равно* и статскихъ. Далѣе, въ дверяхъ, непроходимая тѣснина пробивающихся туда и сюда. За толпой, Марья Ивановна съ дочерьми принимаетъ гостей. Тутъ, новая движущаяся, кишащая толпа, окаймленная сидячими кавалерами, кавалерами различныхъ орденовъ, удрученными лѣтами и тяжкими окладами мундировъ испитыхъ золотомъ и серебромъ. Всѣ они нетерпѣливо ждутъ, когда кончится свѣтопредставленіе и можно будетъ сѣсть за работу въ боковой залѣ, уставленной ломберными столами.

Сара уклонилась отъ свиты Марьи Ивановны, то привѣтливо кланяющейся, то пожимающей руки входящимъ. Она отошла отъ потока въ сторону и допрашивала Потапа Савича о замѣчательныхъ лицахъ, являющихся въ дверяхъ.

— А вотъ, отвѣчалъ онъ, руководствуясь вновь вышедшимъ каталогомъ, — вотъ это толстое in folio, въ бархатномъ переплетѣ съ золотою каймой, есть дневникъ событій исхода прошедшаго столѣтія...

— Вы мнѣ не отвѣчаете на мой вопросъ, перервала его Сара,—я спрашиваю васъ, кто эта дама?

— Хмъ! это счастливая мать семейства, живущая въ себя; а слѣдующая за ней, худенькая дама, несчастная мать семейства, живущая въ дѣтей...

— Какъ это скучно, вы все шутите!

— Опять не попалъ въ тонъ!... Вѣра Михайловна, вы право немножко разстроены!

— Я и не думаю настраивать себя, отвѣчала Сара отвернувшись отъ Потапа Савича, и бросивъ взглядъ на толпу астрономовъ, созерцавшихъ ее какъ новое, появившееся на горизонтѣ бала свѣтило. Отъ ея электрическаго взора они встрепенулись и опустили вооруженныя стеклами руки.

— Моя харита, моя Аглая, какъ радъ, какъ радъ, я видѣть васъ! проговорилъ Ранѣевъ на распѣвъ обычный свой привѣтъ Сарѣ, приклонясь къ ея головкѣ.

— Ахъ это вы, Владиміръ Петровичъ?

— Непремѣнно я.

— А вы будете танцовать съ своею Аглаей?

— Это какъ же? Вы задаете мнѣ роль интродуктора къ счастію другихъ?

— Хоть польское; балъ начнется непремѣнно польскимъ; такъ желаетъ Авдотья Петровна.

— Извольте. Я васъ найду здѣсь? сказалъ Ранѣевъ, кивая головой одному знакомому, пожавъ мимоходомъ руку другаго, и продолжая пробиваться въ слѣдующую комнату, гдѣ столпились дамы.

Только что раздались первые аккорды польскаго, толпа кавалеровъ бросилась къ Сарѣ. Прищурясь смотрѣла она на нихъ, не подавая никому руки, какъ будто уже выбравъ изъ приближавшихся не столь порывисто. Подошелъ красавецъ лейбъ-гусаръ, нѣсколько съ самонадѣянною улыбкой; но также получилъ отказъ.

Напомнимъ, что мы описываемъ событія прошедшихъ лѣтъ, преданья старины глубокой: время до изобрѣтенія кринолиновъ. Въ ту пору ментики и доломаны обѣднѣли, роскошнаго узорчатаго шитья золотомъ и серебромъ, отъ пояса до колѣнъ, какъ будто не существовало никогда; гусарскихъ зеркальныхъ сапожковъ, со шпорами, съ выпуклою икрой и съ золотыми кистями, не осталось даже для образца, въ воспоминаніе живописныхъ мазурокъ, безъ которыхъ балъ не въ балъ, танцы не въ танцы. Впрочемъ лейбъ-гусаръ Лонскій если не блестѣлъ великолѣпіемъ прошедшихъ временъ, то имѣлъ всю возможность не только обшить, но и оковать себя золотомъ. Онъ былъ статенъ, хорошъ собою, съ усиками, которые можно было бы принять за образецъ форменныхъ усовъ во всѣхъ европейскихъ арміяхъ. Зато его уже и успѣли избаловать въ Москвѣ, и истинно материнскими ласками, и истинно влюбленными глазками. Чувствуя свое достоинство и первенство между московскими кавалерами, онъ ловко предупреждалъ взорами избранную имъ на предстоявшую кадриль, и она, въ свою очередь, ловко отказывала предупреждавшимъ его приближеніе кавалерамъ.

Точно также предупредилъ онъ и Сару. Замѣтила ли она въ немъ эту высокую оцѣнку собственнаго достоинства, или нѣтъ; но досадное „engagée!“ повторилось и на приглашеніе на кадриль. Она подала руку усамъ въ отставкѣ, которые ей случалось видѣть на вечерахъ у Авдотьи Петровны и гдѣ-то на живыхъ картинахъ. Затрону-

тое самолюбіе лейбъ-гусара напомнило ему рыцарскую обязанность покорять непокорныхъ.

Но гордая сила, преслѣдуя увертливую слабость, принуждена часто употреблять кошачьи уловки. Послѣ трехъ неудачныхъ предложеній, Лонскій вспыхнулъ, и скрывая досаду, произнесъ голосомъ страстнаго желанія:

— Могу ли я надѣяться по крайней мѣрѣ, что вы не откажете мнѣ на слѣдующую кадриль?

Сара изъявила согласіе.

Получивъ согласіе, Лонскій собирался по-гусарски наговорить страстей Сарѣ и рѣзнуть ея сердце.

— Наконецъ, я танцую! сказалъ Лонскій, взявъ руку Сары и становясь на мѣсто.

— Вы стало-быть не танцовали двухъ первыхъ кадрилей? Это должно-быть непріятно для того кто страстно любитъ танцовать?

Лонскій не предвидѣлъ, что его восклицаніе даетъ промахъ, и ему придется защищаться отъ двухъ колкихъ вопросовъ.

— Я ни сколько не страстный охотникъ до танцевъ... началъ онъ.

— Такъ о чемъ же и жалѣть? прервала его Сара.

— Я хотѣлъ сказать, что первыя двѣ кадрили я танцовалъ безъ желанія танцовать... или лучше сказать онѣ были для меня скучны, не по сердцу!

— Я этого не понимаю; какая же неволя принуждать себя?

— О, большая! Приглашенный на балъ, я невольникъ, я обязанъ плясать. Хозяйка можетъ спросить меня очень мило: что жь вы не танцуете? — а это значитъ: танцуйте, васъ пригласили не въ зрители. Всѣ знакомыя маменьки назовутъ меня невѣжей, если я по крайней мѣрѣ не провальсирую съ каждой изъ дюжины ихъ дочекъ.

Лонскій былъ очень доволенъ своимъ монологомъ.

— Какая страшная обязанность! сказала Сара;—я бы на вашемъ мѣстѣ отказалась отъ приглашеній на балъ.

— Я бы и отказался, еслибы не былъ увѣренъ, что эта постоянная тоска не выкупится наконецъ неожиданною встрѣчей со счастіемъ...

Лейбъ-гусаръ успѣлъ уже смириться передъ Сарой, и ангажировалъ ее на мазурку. Она знала, что Лонскій

первый мазуристъ. Сонечка также много наслышалась о немъ, и передъ баломъ, любуясь красотой и нарядомъ Лидіи, тысячу разъ повторяла, что хорошенькій лейбъ-гусаръ непремѣнно ангажируетъ ее на мазурку.

— Ахъ, перестань, Сонечка, что ты это говоришь!

— Божусь тебѣ! восклицала Сонечка, танцуя передъ туалетомъ сестры.

Вѣроятно Сара вспомнила объ этомъ несбывшемся предсказаніи. Тонкая усмѣшка на постоянно-спокойномъ лицѣ нѣсколько измѣнила ей, когда она приняла приглашеніе.

Кончивъ кадриль, Лонскій вышелъ изъ сферы танцующихъ въ другую комнату, обмахивая свое горячее дыханіе платкомъ. Начался продолжительный вальсъ; онъ не возвращался въ залу, предоставляя этотъ нѣмецкій танецъ бальной черни и сберегая себя для болѣе благородныхъ танцевъ, въ которыхъ не приходится взвѣшивать на рукѣ тяжесть дамы и измѣривать объемъ ея стана.

Бродя въ толпѣ, онъ подговорилъ бывшихъ на балѣ товарищей, гусаръ армейскихъ, чтобъ составить вполнѣ гусарскую мазурку, и не портить національности танца и эффекта вмѣшательствомъ фрака.

Между тѣмъ Сара сѣла подлѣ Лидіи, и обѣ отказались отъ новой кадрили.

— Ахъ, какъ надоѣли эти кадрили! сказала Лидія.

— Да, подтвердила Сара.

— Я думаю, что послѣ этой начнутъ мазурку?

— Не знаю.

— Мнѣ хочется видѣть, какъ танцуетъ мазурку Лонскій.

— Какой Лонскій?

— А вотъ что танцовалъ съ тобой кадриль?

— Но вѣдь я не спрашиваю фамиліи у тѣхъ, съ которыми танцую.

— Ахъ, Боже мой, лейбъ-гусаръ!.. О чемъ онъ съ тобой разговаривалъ?

— Кто?

— Ахъ, Вѣрочка, какая ты разсѣянная! все тотъ же лейбъ-гусаръ?

— Какой же разговоръ посреди этого шума и грома музыки.

— Но вѣдь я видѣла, что вы о чемъ-то разговаривали.

— Право я ужь забыла эти пріятные разговоры. Кото-

рый-то изъ моихъ кавалеровъ говорилъ мнѣ, какъ термометръ, что на дворѣ тридцать градусовъ холода, а здѣсь тридцать градусовъ тепла. Я отвѣчала, что вѣрю. Кто-то изъ нихъ спросилъ: давно ли я въ Москвѣ, нравится ли мнѣ Москва, и объявилъ, что Москва деревня.

— Ай, ай, ай! ты что жь сказала на это?

— Я сказала, что я въ деревнѣ родилась; городовъ съ роду не видывала, но что деревенская жизнь мнѣ нравится.

— А онъ что жь?

— А онъ спросилъ: гдѣ ваша деревня? а я отвѣчала: Московской губерніи, на Москвѣ рѣкѣ, въ 600 верстахъ отъ Петербурга.

— Ахъ, какой дуракъ попался тебѣ! Но ужь это вѣрно фрачникъ, а не лейбъ-гусаръ, который танцовалъ съ тобою послѣднюю кадриль.

— Да, этотъ говорилъ, что ему танцовать тоска, что онъ танцуетъ потому только, что его приглашаютъ и чтобъ его не спрашивали, почему онъ не танцуетъ.

— Что жь онъ хотѣлъ этимъ сказать тебѣ?

— Не понимаю.

— Ахъ, какой онъ!.. Я бы этимъ обидѣлась.

Слова Лидіи прервались прыжками рѣзкихъ аккордовъ любимой ея мазурки. Молодежь засуетилась въ залѣ, натянула перчатки, глаза забѣгали туда и сюда, сабли брякнули по угламъ около оконъ. Тюль-иллюзьйонъ, какъ пѣна на волнахъ, заколебался на груди Лидіи, взоры пугливо смотрѣли на проходящихъ мимо. Сара сидѣла спокойно, опустивъ глаза.

Вдругъ, съ той и другой стороны, подлетѣли мазуристы во фракахъ. Та и другая отказали форменнымъ словомъ. Другіе, запоздавшіе, замѣтивъ этотъ отказъ, поняли, что и имъ будетъ тотъ же отвѣтъ, и бросились въ сторону.

— Вѣрочка, я обманула этого кавалера, сказала Лидія,— мнѣ не хочется танцовать мазурку съ этими жуками... а ты?..

Лидія не договорила; лейбъ-гусаръ уже былъ близко, и шелъ по направленію къ ней. Она смутилась, вспыхнула, головка ея уже готова была наклониться въ знакъ согласія; но Лонскій, поднявъ платокъ упавшій изъ рукъ ея, отдалъ ей и подошелъ къ Сарѣ.

На глазахъ Лидіи, какъ у ребенка, который не смѣетъ

заплакать, заблистали алмазныя слезки; но никто не замѣтилъ бы ихъ посреди переливавшагося свѣта крупныхъ брилліантовъ на діадимѣ, на серьгахъ и на шейкѣ.

Желая скрыть взволнованныя чувства, она, склонивъ глаза, пробѣжала мимо толпы любопытныхъ зрителей, образовавшейся уже вокругъ гусарской мазурки, и исчезла изъ залы. Никто и не замѣтилъ ея удаленія; только Сонечка не забывала сестры и слѣдила за ней. Но она танцовала мазурку въ другой комнатѣ. Мазурка фраковъ продолжалась недолго, и только что кончилась, Сонечка ходила уже вокругъ густой толпы окружавшей гусаръ. Нѣтъ доступу; ни малѣйшей возможности взглянуть на танцующихъ.

— Да! молодецъ! говорилъ въ восторгѣ какой-то высокій, пожилой усачъ, сосѣду своему, привставшему на цыпочки и вытянувшему шею. Вылитая Еврейка!.. помнишь, въ Шкловѣ, мы откалывали мазурку въ корчмѣ у Эстерки? а?

— Лидіи здѣсь нѣтъ! проговорила Сонечка, всмотрѣвшись сквозь случайный разрывъ толпы. Съ нимъ танцуетъ Вѣрочка!

И она торопливо бросилась отъ мазурки въ другую залу потомъ въ гостиную, во всѣ прочія комнаты. Лидіи нѣтъ! Пробѣжала уборную, внутреннія комнаты.

— Лидія! вскрикнула она наконецъ, откинувъ занавѣсъ въ спальнѣ матери,—что съ тобой?

— Ничего, Сонечка, такъ!

— Тебѣ дурно? ты вся взволнована!..

— Ахъ, я не знаю...

— Когда жь тебѣ сдѣлалось дурно?.. Я видѣла, какъ къ тебѣ подходилъ Лонскій ангажировать на мазурку... какимъ же образомъ танцуетъ съ нимъ Вѣра?.. Стало-быть ты отказалась?..

— Ахъ нѣтъ, я не отказывалась... онъ подошелъ ко мнѣ... смотрю... Вѣрочка подаетъ ему руку... а я осталась на мѣстѣ, какъ дура!..

Лидія залилась слезами и припала на грудь Сонечки.

— Боже мой, что жь это такое? какимъ же это образомъ?.. Да нѣтъ, не можетъ быть, онъ тебя вѣрно не понялъ...

— Я не знаю, какъ понимаютъ... когда ожидаешь предложенія и молчишь..

— Ну, вотъ, прекрасно молчать; ни да ,ни нѣтъ; да кто жь

пойметъ? Ты пожалуй скажешь, что молчаніе есть знакъ согласія.

— Я этихъ знаковъ не учила!.. Я не умѣю кивать головой какъ миссъ Лови, въ значеніи *да*, и не мотала головой вмѣсто *нѣтъ!..*

— Ну да стóитъ ли объ этомъ говорить. Пойдемъ, Лидія, насъ хватятся... это не ловко...

— Нѣтъ, я не могу выйдти, я ни за что не пойду!

И Лидія вскочила и побѣжала въ свою комнатку. Сонечка за ней. Но всѣ уговоры ея были напрасны.

Между тѣмъ гусарская мазурка продолжалась. Лонскій съ Сарой танцовалъ въ первой парѣ и выдумывалъ фигуру за фигурой. Собравшіеся вокругъ мазурки зрители долго восхищались ловкими, порывистыми движеніями гусара, и то плавающей, то вспархивающей, то падающей на руки его Сары. Но все наконецъ утомляетъ. Толпа понемногу разошлась, и зрительницами остались сидящія вокругъ стѣнъ старушки и матери ревнующія за своихъ дочерей, которыя отъ нечего дѣлать, давно уже разошлись парами по другимъ комнатамъ и въ уборную. На всѣхъ окружающихъ лицахъ выражалось уже явное негодованіе.

Авдотья Петровна первая отозвалась громко:

— Помилуй, Маша, сказала она, вызвавъ Марью Ивановну, которая съ нѣсколькими дамами и messieurs, не принимавшими участія въ танцахъ, сидѣла преспокойно и предовольно въ гостиной.—Ты насъ созвала сюда смотрѣть на плясуновъ, что ли, да восхищаться твоею милою воспитанницей?.. Я увѣрена, что всѣ поднимутся по домамъ, да я первая.

— Что̀ такое, тетушка? спросила удивленная Марья Ивановна.

— Посмотри, моя милая, какъ тамъ работаютъ четыре пары, а всѣ прочія часа ужь съ два сидятъ да зѣваютъ.

— Я думала, что̀ Лидія танцуетъ мазурку, сказала Марья Ивановна, выходя въ залу.—Гдѣ жь Лидія и Сонечка?.. ихъ здѣсь нѣтъ!

Пройдя всѣ комнаты, она вошла въ уборную, гдѣ встрѣтила Сонечку, окруженную подругами.

— Сонечка, душа̀ моя, поди сюда... поди шепни Вѣрѣ, что пора кончить мазурку, что всѣмъ непріятно ждать и смотрѣть на ея восторги! Гдѣ Лидія?

— У ней разболѣлась голова.

Марья Ивановна пошла къ Лидіи, а Сонечка между тѣмъ успѣла передать Сарѣ слова матери, въ сокращеніи.

— Я устала, я не могу болѣе танцовать; пожалуста кончите, сказала Сара своему кавалеру.

Когда кончилась мазурка, Сонечка взяла Сару подъ руку.

— Скажи, Вѣрочка, что сдѣлалось съ Лидіей, когда Лонскій подошелъ къ ней?

— Что такое съ ней сдѣлалось, когда подошелъ къ ней Лонскій? спросила и Сара.

— Но ты была подлѣ нея, и при тебѣ все это было.

— Что такое было при мнѣ?

— Она ужасно разстроена, ушла въ свою комнату... говоритъ, что Лонскій подошелъ къ ней, и не дождавшись отвѣта, ангажировалъ тебя.

— Неужели? Это въ самомъ дѣлѣ было бы очень непріятно; и она имѣла бы полное право претендовать и на него, и на меня. Но это случилось проще. Онъ ангажировалъ меня во время кадрили.

— Какъ же это Лидіи показалось?..

— Этого ужь я не знаю; но знаю только, что для избѣжанія недоразумѣній, я съ нимъ болѣе не танцую.

— Странная рѣшимость, Вѣрочка! Разумѣется, что я этихъ словъ твоихъ не передамъ Лидіи. Они слишкомъ будутъ непріятны для нея... она не воображаетъ и не воображала, что этотъ лейбъ-гусаръ созданъ быть только ея кавалеромъ!

— Вѣра Михайловна! сказалъ, подходя къ Сарѣ, князь Иванъ Юрьичъ:—какъ вы танцовали мазурку! какъ вы танцовали—просто чудеса!..

— Безподобно, невообразимо, поразительно, неописанному диву подобно! живопись, истинная живопись! раздался и голосъ Потапа Савича съ другой стороны.

Сонечка оставила Сару между этихъ двухъ кавалеровъ.

— Мнѣ досадно на себя, если вы замѣтили, что я рисуюсь; впередъ я буду осторожнѣе, сказала она на похвалы.

— Ахъ, нѣтъ, это природа! проговорилъ князь:—неподражаемая природа!

Сара ловко увернулась и пошла. Но Лидіи нѣтъ, Сонечку увлекли подруги. Всѣ знакомыя сверстницы, всегда предупредительныя и привѣтливыя, проходили мимо; встрѣ-

чаясь, не замѣчали ее. Сара почувствовала это одиночество, и, казалось, затруднялась куда ей идти, и гдѣ остановиться. Въ уборной передъ трюмо, цѣлая толпа дѣвушекъ; говоръ, шепотъ, хохотъ, поцѣлуи. Сара вошла, сѣла на диванчикъ въ углубленіи комнаты. Все смолкло, всѣ исчезли одна за другой. Сара и здѣсь одна. Но она не задумалась на диванѣ, вскочила и вышла вслѣдъ за всѣми. Рядъ кавалеровъ стоялъ уже какъ будто на сторожѣ, и, слѣдуя послѣдней, она первая понеслась въ вальсъ; но ловко отклонила всѣ новыя предложенія Лонскаго.

VIII.

Послѣ этого перваго дебюта въ свѣтѣ, положеніе Сары въ семействѣ Марьи Ивановны видимо измѣнилось. Она сама предупредила всѣхъ холодностью отношеній, и оградила себя отъ всѣхъ движеній и порывовъ сердца, отъ всѣхъ нѣжныхъ ласкъ, угрюмыхъ взглядовъ, надутыхъ губокъ и невниманія.

Эту перемѣну тотчасъ же замѣтилъ карликъ Митя, и не могъ понять что такое сдѣлала, въ чемъ провинилась его барышня, какъ онъ называлъ про себя Сару. Послѣ бала все пошло не такъ, а причины, кажется, нѣтъ никакой.

— Нѣтъ, есть причина! сказалъ Митя, послѣ долгихъ соображеній.—Старая корга, тетушка Марьи Ивановны, терпѣть ее не можетъ; а все изъ зависти, что Вѣра Михайловна получше да и поумнѣе ея внучекъ; ведетъ себя гордо и пристойно, точно какъ будто чувствуетъ, что познатнѣе ихъ всѣхъ... а на балу-то--королева!.. вотъ и надулись всѣ, обидно стало; какъ дескать какой-нибудь пріемышъ затеръ всѣхъ... Ахъ ты Господи!.. Да за что жь это слыветъ она, голубушка моя барышня, какимъ-то пріемышемъ, круглою сиротой?.. За что отецъ-то откачнулся отъ нея, затаилъ отъ всѣхъ, что она дочь его родная? живетъ себѣ въ имѣньи у батюшки, стараго князя, какъ въ могилѣ, и голосу не подаетъ?.. Что это съ нимъ дѣлается, только Господу Богу извѣстно; а добрѣйшая душа какая!

Долго ворчалъ такимъ образомъ карликъ, сидя на кроваткѣ, въ маленькой своей коморкѣ на антресоляхъ; наконецъ, вдругъ

соскочилъ на полъ, побѣжалъ къ Марьѣ Ивановнѣ и отпросился сходить въ городъ. Бѣгомъ пустился онъ по бульвару, прямо къ биржѣ. Здѣсь былъ у него знакомый извощикъ; влѣзая въ сани, Митя велѣлъ ему ѣхать скорѣе за заставу, въ подмосковную.

— Что жь это, Дмитрій Аѳанасьичъ, ты ничего не ростешь? спросилъ извощикъ, подсаживая своего сѣдока, и закидывая санную полость.

— Выросъ до Дмитрія Аѳанасьича, куда жь больше расти, отвѣчалъ Митя,—ступай, ступай скорѣй!

Послѣ ухабистаго пути по городу, сани плавно покатились по гладкой загородной дорогѣ. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ заставы, за посѣдѣвшею рощей, потянулась рѣшетка сада, котораго огромныя деревья, покрыты были клочками снѣга и гнѣздами воронъ, улетѣвшихъ на покормку. За садомъ, на дворѣ, открылся деревянный одноэтажный домъ, съ запертыми ставнями. По всѣмъ признакамъ онъ давнымъ-давно уже опустѣлъ, хотя управляющій, жившій во флигелѣ, по привычному ожиданію внезапнаго пріѣзда хозяина, постоянно заботился поддерживать его и предохранять отъ разрушенія.

Прослышавъ лай жучки, заметавшейся на цѣпи, онъ вышелъ на крыльцо, и съ удивленіемъ встрѣтилъ карлика.

— Къ тебѣ, Наумычъ, сказалъ Митя,—поговорить надо.

— Милости просимъ, Дмитрій Аѳанасьичъ, если по дѣлу такъ пойдемъ ко мнѣ въ контору; а тамъ и самоварчикъ кипитъ.

— Нѣтъ не могу.

— Что жь такъ? не захлебнешься нашею чашкой чаю.

— Не время; а вотъ что, Наумычъ: нѣтъ ли отъ барина какой вѣсти?

— Есть.

— Ой ли?

— Княгиня, матушка его умерла, дай Господи ей царство небесное; между нами сказать, и старый-то князь совсѣмъ уже плохъ; а его сіятельство Михайло Васильичъ прислалъ мнѣ довѣренность, взять изъ опекунскаго совѣта подъ залогъ этого имѣнья деньги, уплатить долги, да все здѣсь исправить.

— Стало-быть онъ самъ пріѣдетъ? Слава тебѣ Господи! воскликнулъ Митя, перекрестясь.

— Стало-быть. Это имѣнье покойница княгиня передала ему.

— Ойли? да скоро ли пріѣдетъ самъ-то?

— Поправлять велѣлъ, а когда пріѣдетъ Богъ вѣдаетъ.

— Что это съ нимъ дѣлается, Наумычъ, только Господу Богу извѣстно. Да во всю жизнь, съ самаго того времени, какъ посватался на Марьѣ Ивановнѣ. Сегодня быть сговору, а въ ночь отдалъ мнѣ письмо, доставить ей, поѣхалъ куда-то да и пропалъ. Ни слуху, ни духу. Одни говорили, что умеръ, а другіе вишь сосланъ на Кавказъ. Потомъ появился было на бѣлый свѣтъ, какъ покойникъ изъ могилы, привезъ дочку, отдалъ на руки Марьѣ Ивановнѣ, какъ круглую сироту безъ имени... Помнишь, Наумычъ, какой изможденный явился-то онъ... какъ крѣпко поцѣловалъ-то меня, какъ увидалъ! словно роднаго!..

Митя прослезился.

— Смотри, говоритъ, Митя,—у Марьи Ивановны будетъ воспитываться моя малютка Вѣрочка, послужи ей, оберегай ее, забавляй; но до пріѣзда моего никому ни слова, чтобы никто не зналъ то, что я тебѣ повѣряю... Поѣхалъ, да опять какъ въ могилу. Барышня-то ужь невѣста, а все на счету сироты. Сначала, нигдѣ бы ей лучше не было, какъ у Марьи Ивановны: вела ее наравнѣ съ своими дѣтьми...

— А теперь отчего же хуже? спросилъ Наумычъ.

— Притѣснять стали. Зависть, что она получше, да и поумнѣе всѣхъ; да теперь же не то ужь что маленькая барышня: тоже расхода требуетъ на наряды, на выѣзды; то шляпка нужна, то платье бальное. Одѣвать-то одѣваютъ, а съ своими ровнять перестали, и куда! такъ-себѣ, опрятно, и видно что сирота въ дому... а ей-то, чай, тоже обидно... Вотъ, отцу-то и грѣхъ! отдалъ на чужія руки, да и знать не хочетъ. По крайней мѣрѣ присылалъ бы что-нибудь, или жалованье положилъ...

— Изъ чего, откуда? возразилъ Наумычъ, ужь онъ бы не далъ, еслибы могъ! Еще хорошо что у меня были деньги, да призанялъ.

— Господи! при такомъ богатствѣ!

— А гдѣ жь оно, это богатство? у стараго князя въ сундукахъ? Сыну-то не воровать стать. А вздумай я порадѣть князю Михайлѣ Васильичу, покривить душой противъ

стараго барина, такъ ты думаешь онъ сказалъ бы мнѣ спасибо?

— Обидно, Наумычъ, что нашу барышню такъ обижаютъ. Я бы отдалъ ей свою тысчнягу; да какъ? Отъ себя ей отдать? посмотрѣлъ бы ты, какая гордая, у насъ и въ роду такой не было. Дѣло другое, еслибъ она знала, что князь ей отецъ, такъ отдалъ бы отъ его имени. Ума не приберу, для чего и отъ родной дочери-то онъ себя скрываетъ?

— Причина стало-быть есть.

— А ты, Наумычъ, знаешь?

— А мнѣ какъ знать? Будетъ, небось, разказывать мнѣ князь, что̀ за душой схоронено?

— Шила въ мѣшкѣ не утаишь. Чай, женился безъ воли родительской, вотъ и горюй вѣкъ.

— А можетъ-статься и такъ, сказалъ Наумычъ,—а гдѣ и какъ женился, не вѣдомо; жены живой не довезъ, да и младенца-то привезъ еле-еле живъ.

— Знатная барышня вышла, а ужь не знать, въ чей родъ И Господи какая недоступная! А ужь я такъ думаю, Наумычъ, что надо писать тебѣ къ князю, что вотъ такъ и такъ, обидныя дѣла дѣлаются съ Вѣрой Михайловной. Такъ какъ прикажетъ: можетъ-статься, положитъ ей жалованье. Теперь деньги будутъ.

— Нѣтъ, Дмитрій Аѳанасьичъ, писать къ князю не буду. Писать къ себѣ онъ крѣпко-накрѣпко запретилъ.

— Вотъ ужь подлинно, что куда ни кинь, вездѣ клинъ!

— Сказалъ, Богъ дастъ самъ буду, ну и будемъ ждать. А если какая крайняя будетъ необходимость Вѣрѣ Михайловнѣ, такъ я ужь на свой страхъ возьму, а сколько ей потребно будетъ, выдамъ.

— Ну, ладно. Я бы Марьѣ Ивановнѣ сказалъ, что не прикажетъ ли, молъ, что на расходы для барышни, да и на мнѣ вѣдь запретъ лежитъ. А самой-то ей какъ отдашь?

— Не приходится. Чего добраго, по мысли-то вдоль, а на дѣлѣ-то выйдетъ—поперекъ. Самъ лучше знаетъ, что̀ дѣлаетъ.

— И то правда; такъ прощай, Наумычъ. А ужь мнѣ горькая обида, какъ всѣ тучами смотрятъ: того и гляди гроза.

— А чайку, Дмитрій Аѳанасьичъ? самоваръ готовъ.

— Не могу, Наумычъ, во мнѣ теперь словно свой самоваръ кипитъ; да и запоздаю.

Митя сѣлъ на извощика и велѣлъ погонять въ обратный путь.

Возвратясь въ домъ, онъ засталъ уже сборы въ театръ, а изъ театра прямо на вечеръ къ Кириковымъ.

Митя, по обычаю, шлялся по комнатамъ, въ ожиданіи какихъ-нибудь приказаній, которыя обыкновенно передавались черезъ него и въ дѣвичью, и въ переднюю. То постоитъ у однѣхъ дверей, то у другихъ, то взлѣзетъ въ залѣ на стулъ и посидитъ, если тутъ нѣтъ господъ.

Сара, одѣтая, вышла прежде всѣхъ, и стала ходить по пустымъ комнатамъ; въ выраженіи лица ея однакоже проявлялось не торопливое желаніе скорѣе ѣхать, но напротивъ, угрюмое нежеланіе ѣхать.

Митя наблюдалъ за ней.

„Платьице-то простенькое, голову-то сама вѣрно причесывала; и украшеній-то никакихъ, кромѣ бѣлаго вѣночка... поневолѣ грустно,“ ворчалъ онъ про себя.

Когда Марья Ивановна показалась въ дверяхъ, Сара подошла къ ней.

— Мнѣ бы не хотѣлось ѣхать на балъ; позвольте мнѣ воротиться изъ театра домой, сказала она ей.

— Это неловко, моя милая, отвѣчала Марья Ивановна.— Тобой такъ интересуются, а ты будешь сидѣть дома; подумаютъ, что я не намѣрена тебя вывозить въ свѣтъ.

— Что жь такое что подумаютъ.

— Для тебя можетъ-быть ничего, а для меня очень много.

— Я не могу этого понять.

— Ты еще не опытна, не знаешь свѣта; отъ того и не понимаешь; а я очень понимаю, что могутъ подумать, что я боюсь тебя вывозить...

Сара пожала плечами.

— А это было бы непріятно и для меня, и для моихъ дочерей.

— Теперь я понимаю; но я и сама сознаю, что не могу равняться съ ними; а потому и прошу васъ...

Марья Ивановна почувствовала неосторожность свою.

— Ты все-таки не поняла меня, Вѣрочка, сказала она нѣжно и мягко,—я хотѣла сказать, что мнѣ бы непріятно было, чтобы на тебя смотрѣли, какъ на несчастную, призрѣнную какую-нибудь сиротку, тогда какъ я дала отцу твоему слово замѣнить тебѣ родную мать.

— Моему отцу? Гдѣ жъ мой отецъ? спросила вдругъ Сара.

Присѣвшій въ залѣ около дверей Митя встрепенулся и соскочилъ со стула.

— До сихъ поръ, продолжала Сара,—я слышала только о бѣдной моей матери, которая, умирая, просила васъ взять меня.

Марья Ивановна проговорилась и елва могла скрыть свое смущеніе.

— Я хотѣлъ сказать: матери твоей, Вѣрочка, и оииблась, произнесла она довольно твердымъ и спокойнымъ голосомъ.—Однакожь, что жъ это Лидія и Сонечка? пора ѣхать... осьмой часъ.

Сара посмотрѣла на нее недовѣрчивымъ, пытающимъ взглядомъ и снова пожала плечами.

Изъ всего тихаго разговора, который вели между собою Марья Ивановна и Сара, рѣзкій вопросъ: моему отцу? долетѣлъ ясно до слуха Мити.

— Къ отцу?.. Господи, стало-быть...

Не досказавъ своей мысли, онъ подкрался ближе къ дверямъ. Но разговоръ кончился, Марья Ивановна вышла торопливо, и, какъ показалось Митѣ, вышла въ сердцахъ. А Сара осталась неподвижною подлѣ стола, на который оперлась рукою, и смотрѣла, задумавшись, въ землю.

— Къ отцу! повторилъ Митя.—Вотъ оно! рѣшено дѣло и объявлено! Слава тебѣ Господи! прибавилъ онъ крестясь.

— Подали карету? спросила Марья Ивановна, выходя съ дочерьми.

Митя побѣжалъ справиться.

Проводивъ господъ до сѣней, онъ воротился въ залу, заложивъ руки назадъ, и началъ ходить взадъ и впередъ въ раздумьѣ.

— Да я тутъ ни за что не останусь! Я буду просить барышню, чтобы взяла меня съ собою!..

— Ступай-ко, Дмитрій Аѳанасьичъ въ дѣвичью, тамъ ждутъ тебя играть въ карты, сказалъ лакей, вошедшій тушить лампы.—Ступай!

— Небось, не останусь, отвѣчалъ карликъ, выходя въ корридоръ.

Между тѣмъ морозъ былъ въ надлежащемъ градусѣ. Противъ театра, на площади, въ круглой, обитой желѣзомъ загородкѣ, разложенъ былъ огонь, для кучеровъ и выѣздныхъ

лакеевъ, желающихъ шутя погрѣть изъ-за загородки руки, и посмотрѣть, какъ посреди этого цирка тлѣетъ гнилое полѣно. Нѣтъ сомнѣнія, что эту воздушную топку, посреди площади, въ предохраненіе *людей* отъ мороза, каковъ бы онъ ни былъ, хоть ртуть замерзай, изобрѣлъ иноземный геній. Пляски кучеровъ въ одиночку около экипажей, размахиванье руками, хлопанье рукавицами, натиранье отмороженныхъ ушей, носа и щекъ снѣгомъ, а если черезчуръ жутко, такъ кулачный бой,—все это глупо. Вотъ вамъ каминъ, нѣсколько полѣнъ дровъ, подкладывайте, грѣйтесь, дурачье! и этого-то по сю пору не выдумали!

И что жь? странная вещь! Воздушный каминъ тлѣетъ себѣ посреди площади, нѣтъ около него ни одной души. Около экипажей тѣ же пляски въ одиночку, то же хлопанье рукавицами; а ужь если можно оставить лошадей и экипажъ на надежныя руки своей братьи, или незябкихъ мальчишекъ-форейторовъ, такъ компанія идетъ куда-нибудь по сосѣдству, гдѣ и чай горячій, и горячіе напитки, и всякая *провизія*, и пріятное препровожденіе времени, и даже *машина*.

— Вчерась, гдѣ былъ, Сеня?

— А здѣсь же, а потомъ на балъ, до самой заутрени.

— А сегодня, изъ театра поѣдете куда?

— А какъ же, вотъ здѣсь выпьемъ, а закусимъ у Сухаревой.

— А что фалеторъ надежный, лошади смирно стоятъ?

— У меня ничего старье, дремлютъ себѣ, да пофыркиваютъ, какъ ноздри-то законопатитъ морозомъ. А вотъ у Семена такъ ужь такія, что хоть въ ноги кланяйся, а отпуску нѣтъ.

Между тѣмъ въ большомъ театрѣ идетъ „волшебное представленіе, съ хорами, куплетами, превращеніями и танцами“. Бѣдныя волшебныя существа, въ своихъ невещественныхъ одеждахъ, носятся улыбаясь по сценѣ, въ потокѣ воздуха, нагрѣваемаго дыханіемъ тысячи зрителей, который стремится съ шумомъ къ намалеваннымъ небесамъ живописной природы. Но конецъ дѣйствія гонитъ ихъ въ ущелья закулиснаго міра; и въ этомъ хаосѣ, обданныя холодомъ и пожираемыя шубами, онѣ разбѣгаются по логовищамъ.

Занавѣсъ опускается и скрываетъ отъ взоровъ эту страшную картину. Начинается разъѣздъ. Отъ театра вся пло-

щадь и Охотный рядъ оглашаются повторяемыми фамиліями московской знати. Крикнули наконецъ и карету Лиговскихъ. Чрезъ нѣсколько минутъ, Марья Ивановна, ея дочери и Сара, являются посреди великолѣпной залы, гдѣ музыка гремѣла уже новый парижскій танецъ, для котораго, на первыхъ порахъ, весь танцующій міръ, отъ мала до велика, бросился къ танцовщицамъ и къ фигуранткамъ, за хитрою наукой полькованья.

Только что Сара показалась, Лонскій былъ уже на сторожѣ, двинулся къ ней; но она уклонилась въ сторону за столпившихся дамъ, и проходя мимо упомянутыхъ уже нами усовъ въ отставкѣ, сказала: вы со мной танцуете.

Этотъ незавидный кавалеръ, которымъ она распоряжалась безъ церемоній, былъ молодой человѣкъ пожилой наружности, по усамъ и пріемамъ, военный въ отставкѣ. Онъ какъ-то врютился въ большой свѣтъ, въ родѣ прикомандированнаго для особыхъ порученій. Онъ употреблялся барынями на посылки, барышнями при недостаткѣ кавалеровъ, старушками при недостаткѣ четвертаго игрока по копѣйкѣ призъ; употреблялся на заднемъ планѣ въ живыхъ картинахъ, и какъ подставной актеръ на домашнихъ театрахъ.

Не дожидаясь отвѣта и не обращая вниманія доволенъ ли кавалеръ ея приглашеніемъ, Сара подала ему руку.

Но онъ былъ не только доволенъ, но въ высшей степени счастливъ. Онъ видѣлъ, какъ она отказывала Лонскому, первенствующему изъ кавалеровъ, для того чтобы танцовать съ нимъ, и наконецъ сама вызываетъ его танцовать съ ней. Это уже не просто предпочтеніе; это что-то въ родѣ невольно высказывающейся страсти.

Отецъ его Иванъ Ильичъ Четкинъ слылъ за честнаго и дѣловаго человѣка; дослужась до шитья VII-го рязряда, онъ продолжалъ ходить по дѣламъ московской знати. Въ отношеніи къ единственному сыну отеческая воля его не исполнялась. Онъ думалъ вести его по тому же пути, по которому самъ шелъ, и на этомъ основаніи отдалъ его въ гимназію; но едва прочкнулась собственная воля юнаго Четкина, воздѣлываемая ненаглядною любовію родительницы, юный Четкинъ пожелалъ оставить гимназію и вступить на поприще военной службы. Повоенничалъ нѣсколько лѣтъ, посидѣлъ нѣсколько разъ подъ арестомъ, вышелъ въ отставку и возвратился подъ кровъ родительскаго дома, на

новыя заботы отцу и попеченія матери. Иванъ Ильичъ, вхожій во многіе дома по дѣламъ, и заботился о немъ; попрашивалъ и тамъ и сямъ мѣстечка сыну, представлялъ его лично вниманію покровительствующихъ особъ, и ни какъ не предвидѣлъ, что въ сынѣ его есть таланты годные и для большаго свѣта. Мать радовалась, какъ говорится, несказанно, что Павлушу приглашаютъ и на балы, и на музыкальные вечера, и участвовать въ живыхъ картинахъ и на сценѣ домашнихъ театровъ. Она была увѣрена, что въ него, если еще не влюблена, то непремѣнно влюбится, какая-нибудь богатая и знатная невѣста.

Иванъ Ильичъ, напротивъ, горевалъ, что его не пристроишь куда-нибудь на службу, хоть даже управляющимъ какимъ-нибудь имѣніемъ. Но противъ *какихъ-нибудь* службъ и управленій его супруга возставала горой.

— Не безпокойся, онъ въ свѣтѣ сдѣлаетъ свою карьеру!

— Да гдѣ жь, сударыня моя, брать мнѣ денегъ на эту карьеру, на экипировку, да на разъѣзды по баламъ и маскарадамъ, да въ дополненіе, то на китайскіе, то на испанскіе костюмы?.. О дочеряхъ-то надо также подумать!

— Хорошая невѣста все окупитъ.

— Скажи пожалуста! именно такъ, въ самомъ дѣлѣ! чего добраго, того и гляди, что къ красной горкѣ придется шить новую пару платья. Какъ такому малому, съ такими усами, не сдѣлать фортуны въ большомъ свѣтѣ!

— Не тебѣ бы говорить, не мнѣ бы слушать! Отвѣчала супруга Ивана Ильича, на подобныя его сужденія о сынѣ.

А сынъ между тѣмъ танцуетъ не одну уже кадриль или польку съ Сарой; хотя она пріобрѣла себѣ не одного только его въ подставные кавалеры на случай отказа Лонскому.

— Это штуки, кокетство! сказалъ Лонскій, отходя отъ Сары не въ первый уже разъ, и замѣчая, что она отвертывается при его приближеніи.

Въ этотъ вечеръ Лидія была очаровательна, и обратила на себя общее вниманіе. Нарядъ ея былъ проще, во взорахъ особенная томность. Провинившійся противъ нея Лонскій, не зная самъ того, казалось старался загладить вину свою. Онъ уже польскировалъ съ Лидіей и снова танцуетъ, игриво и мило бесѣдуетъ съ ней, не отводитъ глазъ отъ своей дамы на сторону, никого не ищетъ взорами кромѣ ея.

Марья Ивановна рада торжеству дочери; старая тетушка

Автотья Петровна,—торжеству внучки; Сонечка въ восторгѣ отъ сестры. Подруги, хоть и не восторгаются, но смотрятъ на нее безъ зависти. Даже нѣкоторыя почтенныя старушки, которымъ до всего дѣло, и у которыхъ глаза, несмотря на слѣпоту, зорки,—шепчутъ другъ другу:

— Тутъ надо чего-нибудь ожидать. Я, право, не противъ. Дѣвочка добрая, съ хорошимъ состояніемъ; но этимъ все и кончается. Да чего жъ ему больше и желать; про всѣхъ ума не наберешся. Да и онъ, что жъ, гвардейскій офицеръ, богатъ, а то же, чай, съ придурью, какъ вся теперешняя молодежь.

— Съ придурью? помилуй, Анна Петровна! Вотъ въ наше время молодежь была съ придурью: сама за невѣстами по всѣмъ угламъ не рыскала. Ищейныхъ-то жениховъ тогда не водилось... Смотри, пожалуй, какъ присватываются... Сегодня за ней ходитъ а завтра за носъ водитъ; потомъ женится, да и врозь. Нѣтъ, матушка, не наши времена, не наши! Насъ не только что женихи, да и мужья за носъ не водили.

— Варвара Сергѣевна, что жъ это не видать воспитанницы-то Марьи Ивановны? Вывозитъ она ее?

— Здѣсь; только что-то не на виду. Вѣрно, что-нибудь вышло за мазурку.

— Что такое за мазурку?

— У Лиговскихъ. Гусаръ расплясался съ ней до того, что всѣ думали, тутъ же и сговоръ будетъ. Безъ всякаго сомнѣнія, Марьѣ Ивановнѣ было это непріятно. Дочери сидятъ сложа ручки, а воспитанницу прокричали царицей бала.

— Однакоже Марья Ивановна ведетъ ее, какъ родную дочь.

— А кто жъ про то знаетъ, чего не знаешь.

— Ну, я дурныхъ предположеній дѣлать не люблю.

— Да и я шучу; а признаюсь такихъ воспитанницъ съ роду не видала. Это, если не настоящая, такъ театральная принцесса. Князь Иванъ Юрьичъ не даромъ съ ума сходитъ отъ нея. Тутъ что-нибудь да кроется.

— Это, признаться сказать, и мнѣ приходило въ голову: и легко быть-можетъ; по родственнымъ фамильнымъ отношеніямъ.

— Въ самомъ дѣлѣ! да это такъ! тутъ и сомнѣнія нѣтъ!.. Съ чего жь бы иначе стала Лиговская воспитывать какую-нибудь сироту, какъ богатую наслѣдницу?.. Она же и намекала при мнѣ, что у этой сироты *что-то* будетъ... Посмотрите, если онъ не переведетъ на ея имя свои капиталы, да имѣніе; кто жь ему помѣшаетъ!..

— Ты, однакоже, Варвара Сергѣевна, помолчи объ этомъ; я не хочу чтобъ отъ меня что-нибудь выходило.

— Да съ чего же отъ васъ? Кажется я первая поняла въ чемъ дѣло?

— Отъ куда жь, матушка, первая? не намекни я тебѣ, ты бы и не знала.

— Скажите, пожалуста, я бы не знала! это безподобно! Я бы не знала!

— И не знала бы и никогда бы не знала, и въ голову тебѣ не пришло бы.

— Хоть тупая голова, да вотъ знаю.

— Ничего не знаешь! изволь сказать, кто мать ея?.. ну, изволь сказать, Варвара Сергѣевна?

Озадаченной Варварѣ Сергѣевнѣ пришлось хоть молчать на этотъ неожиданный вопросъ; но она поправилась.

— Знакомство съ какой-нибудь танцовщицей, предоставляю вамъ; на родинахъ и на крестинахъ я не была!

И она встала и пошла прочь. Оставшаяся на мѣстѣ древняя барыня, готова была вскочить вслѣдъ за ней; но не доставало силъ. Обиженная и встревоженная, она едва дышала отъ стѣсненія духа.

Соперничество и ссора, возникшая за первенство, или, говоря не по-русски, за инициативу новой догадки о происхожденіи Сары, были побудительной причиной къ немедленному же сообщенію тайны пользующимся довѣренностію той и другой стороны.

Взоры нѣкоторыхъ стали уже искать Сару, чтобы взглянуть на нее, въ открытомъ за тайну, новомъ ея значеніи. Она, между тѣмъ, въ самомъ дѣлѣ умѣла такъ притаиться отъ общаго вниманія, что начали шепотомъ спрашивать, гдѣ она? Устраняясь отъ главной арены на форумѣ бала, она уводила кавалера въ боковую залу, и, кончивъ танецъ, уходила въ уборную, гдѣ всегда находила для бесѣды, вольныхъ и невольныхъ отшельницъ, терпѣливо выслушивая иносказанія ихъ досады или ревности.

Затронутое самолюбіе Лонскаго, какъ слѣдуетъ, платило ей за невниманіе тою же монетой и даже съ возвышеннымъ курсомъ. Но вопреки самолюбію, иное какое-то безотчетное еще чувство отзывалось въ душѣ съ такою болью, что вся принужденная любезность исчезала, и Лонскій невольно слѣдилъ взорами за Сарой, и наблюдалъ за всѣми ея движеніями. Между кавалерами, съ которыми танцовала Сара, онъ искалъ избраннаго, и не находилъ: со всѣми она была одинаково суха, и даже одинаково ко всѣмъ невнимательна.

— Почти не танцуетъ, скрывается изъ залы, избѣгаетъ встрѣчи со мною... Что это значитъ? злое кокетство?

И Лонскій снова одушевляется, ведетъ контръ-мины. Сара тутъ, онъ съ какимъ-то ожесточеніемъ апоѳеозируетъ Лидію, всѣми очарованіями ловкаго и вполнѣ занятаго своимъ новымъ божествомъ прозелита. Сара скрылась, и притворный отступникъ начинаетъ оскорблять новое божество своею разсѣянностью.

Но это бѣдное божество не понимаетъ еще, что безсознательно и безпощадно приносятъ его въ жертву другому божеству.

И это уже длится не одинъ балъ, не одинъ вечеръ. Все принимающее участіе въ Лидіи или въ Лонскомъ, приходитъ видимо и невидимо въ какое-то броженіе. Только одна Сара видимо спокойна. Ея наружность приняла какое-то особенное достоинство. Марья Ивановна довольна ею, Сонечка сознательно благодарна. Она всѣмъ расхваливаетъ ея нравъ, ея умъ и способность къ самоотверженію.

Но Лидія припоминаетъ мазурку, торжество Сары, и собственныя чувства, и ей стало жалко Сары. Ей кажется, что Сара глубоко затаила въ себѣ грустное чувство, и она причиной этого. Ей какъ будто совѣстно быть счастливой на счетъ чужаго горя. Но какъ же подѣлиться этимъ счастіемъ? невозможно. Лидіи грустно иногда смотрѣть на Сару; радушно, нѣжно, она ласкается къ ней; но Сара холодно принимаетъ эти ласки, а это еще грустнѣе.

IX.

Послѣ подслушанныхъ нѣсколькихъ словъ изъ разговора Марьи Ивановны съ Сарой, карликъ Митя ходилъ насупясь и все что-то обдумывалъ.

— Дѣло рѣшеное, бормоталъ онъ про себя, — барышня знаетъ теперь, кто она... Вѣрно ждетъ теперь батюшку, князя... совсѣмъ перемѣнилась... дѣвушки говорятъ, какъ ѣхать въ театръ или на балъ, такъ и нахмурится... Изъ лебединаго яйца индюшки не высидишь: изъ чужаго стада тянетъ въ свое... А ужь я безъ нея истоскуюсь здѣсь... буду проситься!

И Митя высматриваетъ удобный случай. Пройдетъ Сара одна, онъ бросится за ней слѣдомъ; но покуда онъ собирается разинуть ротъ—ушла!... Сядетъ Сара съ книгой, или съ работой въ китайской любимой ея комнатѣ,—Митя станетъ подлѣ за фарфоровую башню или за Конфуція, заложитъ руки назадъ, перебирая пальцами, и то двинется впередъ, то отступитъ; хочетъ что-то сказать, а слово прилипнетъ къ языку, и онъ только оближется.

Но наконецъ натужился, собрался съ духомъ, и кладя на столикъ подлѣ нея театральную афишку, проговорилъ:

— Барышня, сударыня Вѣра Михайловна!..

— Что?

— Словечко нужно мнѣ сказать вамъ...

— Что такое, говори, спросила Сара громко; а между тѣмъ послышались чьи-то шаги.

Митя оторопѣлъ.

— Что жь ты хотѣлъ говорить?

— Дивертисементъ, барышня...

— Какой дивертисементъ?

— На афишкѣ написано... извольте посмотрѣть...

— Что жь такое?

— Ничего, барышня, проговорилъ Митя, моргая глазами.

Сара посмотрѣла на него.

— Ты не то хотѣлъ сказать.

— Вотъ-съ, афишка, повторилъ Митя твердымъ сиповатымъ голосомъ, увидя входящую Марью Ивановну.

— Пора одѣваться, Вѣра, сказала она, по-французски.

— Я не могу ѣхать, у меня что-то голова заболѣла, отвѣчала Сара.

— Но сегодня балетъ; ты любишь балеты.

— Ахъ напротивъ, они для меня тоска!

— Странно; впрочемъ какъ хочешь.

Митя, махнувъ съ досады рукой, ушелъ между тѣмъ въ дѣвичью. Ему чудилось, что его барышня, что-то очень разстроена; что Марья Ивановна постоянно въ сердцахъ на нее. Дѣвичья была любимымъ пріютомъ Мити въ минуты требующія разсѣянія отъ скуки, а иногда и отъ горя. Въ маленькомъ его тѣлѣ негдѣ было расходиться взволнованному духу, и онъ тѣснилъ, давилъ всю внутренность его, и мутилъ мысли.

Забравшись въ уголъ на сундукъ, Митя задумался, забылся и заснулъ. Страшный сонъ еще болѣе растревожилъ его. Ему снилось, что барышню его гонятъ изъ дому, а его тащутъ къ рѣкѣ, топить.

— Матушки, голубушки, помогите! кричалъ онъ, задыхающимся голосомъ, вскочивъ съ ужасомъ.

— Что ты это съ ума сошелъ, Дмитрій Аѳанасьичъ! сказала ему Даша, горничная Сары: — ступай къ Вѣрѣ Михайловнѣ.

— Да за что жь это, за что? проговорилъ Митя, еще не пришедшій въ себя.

— Вишь, дурной, заспался какъ!...

— Ухъ! а я думалъ Богъ знаетъ что...

И Митя потянулся.

— Ступай, Вѣра Михайловна зоветъ тебя.

— Вѣра Михайловна?.. гдѣ жь она, голубушка Даша?

— Въ своей комнатѣ. Барыня съ барышнями уѣхала въ театръ, а она осталась дома. Скучно вѣрно; такъ велѣла позвать тебя, хочетъ послушать твоихъ сказокъ.

— За что жь это не взяли ея въ театръ? спросилъ Митя:—вѣрно барыня разсердилась на нее?

— Сказала, что не поѣдетъ, и не поѣхала. Барыня можетъ-статься и разсердилась.

— Такъ пойду, сказалъ Митя.

— Постой, постой; смотри какая встрепаная голова! давай я тебя причешу.

— Причеши, голубушка, Даша.

Даша взяла гребенку, сѣла на стулъ, и поворачивая Митю какъ ребенка, начала расчесывать густыя и длинныя его космы.

— Ну, готовъ дитятко!

Митя побѣжалъ въ комнату Сары; пріотворивъ тихонько двери, вошелъ. Сара сидѣла подлѣ столика и читала книгу.

— Вы изволили приказать барышня...

— Митя, ты что хотѣлъ сказать мнѣ, давеча? спросила она, положивъ книгу.

Митя оторопѣлъ; руки и пальцы на рученкахъ его растопырились, глаза неподвижно уставились на Сару.

— Говори, чего ты боишься?

Митя поклонился въ ноги.

— Что съ тобой? Это что значитъ?

— Барышня, сударыня, Вѣра Михайловна...

— Что тебѣ нужно отъ меня?

— Вотъ что, барышня...

— Ну? что такое?

— Вотъ что, барышня, сударыня, Вѣра Михайловна... такъ какъ ужь извѣстное дѣло... статься можетъ, вы изволите скоро ѣхать... такъ не оставьте, возьмите меня съ собой!

— Я? ѣду? тебя взять съ собой? повторила изумленная Сара.

— Не оставьте, барышня... самъ батюшка вашъ изволилъ сказать, что возьметъ меня къ себѣ... не оставитъ...

Сара посмотрѣла на Митю.

— Ты зналъ моего отца?

— Да какъ же, сударыня, въ домѣ его сіятельства Василья Григорьевича выросъ... Матушка Марьи Ивановны выпросила меня себѣ. Поэтому случаю мнѣ дали волю. Я и поступилъ сюда въ домъ.

Сара продолжала пристально смотрѣть на карлика; ей казалось, что онъ въ бреду.

— Не оставьте, барышня, возьмите съ собой къ батюшкѣ! проговорилъ Митя, снова поклонясь до земли.

— Куда жь? на тотъ свѣтъ къ моему батюшкѣ? спросила Сара.

— Господи! вскрикнулъ Митя дикимъ голосомъ:—да нешто батюшка вашъ, его сіятельство, изволили кончить жизнь?.. И Митя, закрывъ лицо руками, зарыдалъ и заметался по комнатѣ.

Сара содрогнулась.

— Что это значитъ?.. спросила она сама себя,—что отъ меня скрываютъ?.. что я такое?.. кто мой отецъ? кто моя мать?.. Что говоритъ этотъ безумный?..

Блуждающій взоръ ея снова остановился на Митѣ, который, упавъ на колѣни и склонивъ голову въ землю, обливался горькими слезами.

— Митя! поди сюда! сказала Сара.—Поди сюда, Митя! повторила она.

Митя послушно приподнялся, отирая рукавомъ слезы.

— Что прикажете, барышня? произнесъ онъ всхлипывая.

— Ты помнишь моего отца?

— Князя-то Михайла Васильича?.. добрѣйшую душуто?.. его-то не помнить?

Митя залился снова слезами.

— Не плачь! сказала Сара.

— Барышня... какъ же мнѣ не плакать-то? спросилъ Митя:—вы ужь можетъ статься наплакались... а я-то впервые...

— Ты помнишь мою мать?

— Никакъ нѣтъ, барышня.

— Кто она такая?..

— Не могу знать, барышня... князь, батюшка вашъ, пріѣхалъ одинъ, повидался съ Марьей Ивановной, васъ и привезли сюда малюточку, вотъ такую.

Митя показалъ ростъ выше своей головы.

У Сары занималось уже дыханіе, глаза блистали. Она, казалось, соображала все памятное ей прошедшее.

— Стало-быть меня тайно привезли... никто не зналъ?..

— Привезли за сиротку... горько, барышня, было мнѣ...

— А ты почему зналъ меня?

— Да какъ же... князь Михайло Васильевичъ, сами мнѣ изволили сказать: смотри, говоритъ, Митя... послужи моей дочкѣ... извините, барышня... дочкѣ Вѣрочкѣ, сказалъ батюшка вашъ...

— Довольно, ступай!

— Барышня... Дозвольте только спросить, когда скончался его сіятельство?..

— Ступай! повторила Сара повелительнымъ голосомъ:— ты кажется бредишь!

Митя оторопѣлъ. Глаза его заходили отъ недоумѣнія, съ трудомъ перевелъ онъ дыханіе, и взглянувъ на Сару, какъ испуганный выбрался изъ комнаты.

— Наконецъ... и у меня есть тайна... и я тайна! сказала Сара съ презрительною усмѣшкой.—Въ жилахъ моихъ течетъ княжеская кровь... Я могу теперь съ восторгомъ наслаждаться этою мыслью про себя... но я должна, скрывая ее отъ всѣхъ, скрыть и отъ самой себя, чтобы не нарушить роли бѣдной сироты!.. Но у этой княжеской крови есть свои требованія... есть свои капризы... для нея можетъ быть также нужна пышная обстановка, золото и всѣ земныя драгоцѣнности...

Сара остановилась. Передъ глазами ея какъ будто открылись двѣ пучины: прошедшее и будущее, и она не знала, въ которую изъ нихъ броситься.

— Чѣмъ же мнѣ быть, хоть для самой себя? тѣмъ ли чѣмъ была до сихъ поръ, или чѣмъ должна быть? облагодѣтельствованною сиротой, или княжескою дочерью, которая не нуждается ни въ чьихъ благодѣяніяхъ?.. Для чего отецъ бросилъ меня въ этотъ домъ? Что, я родная Марьѣ Ивановнѣ, что она обязалась воспитывать меня наравнѣ съ своими дочерьми, взялась замѣнить мнѣ мать?.. Кто жь эта мать, которую знаетъ только она одна... и скрываетъ отъ меня отца?.. О, да это страшная мысль!.. я, не я, а какое-то привидѣніе: есть и нѣтъ! какое-то страшилище, которое также народилось отъ отца и матери, и котораго они боятся, не знаютъ что̀ съ нимъ дѣлать, и отталкиваютъ другъ къ другу!.. Ни тамъ, ни здѣсь мнѣ нѣтъ доступу къ правамъ дочери!

Сара закрыла лицо руками и долго оставалась въ этомъ положеніи.

— О, да это правда! произнесла она почти въ слухъ,— мой отецъ... это онъ, князь Луцкій!.. онъ былъ ея женихомъ... это ужь не тайна въ домѣ... и вдругъ я являюсь здѣсь дочерью какой-то бѣдной матери!.. Да! правда!.. бѣдная мать, которая не смѣетъ назвать дочери своею до-

черью!.. А я, непризнанная... я, какое имѣю право ласкаться къ ней?.. Въ этомъ родительскомъ домѣ, мнѣ все чужое, этого угла я не могу назвать своимъ...

Сара вскочила съ мѣста; но взволнованныя чувства метали ее во всѣ стороны. Она вышла изъ своей комнаты и пробѣгая корридоръ, залу, гостиныя, казалось искала посреди темноты, какого-нибудь для себя пріюта. Въ то же время все въ домѣ засуетилось. Офиціянты вбѣжали зажигать канделябры; и въ залѣ послышался голосъ старой тетушки.

— Не пріѣхали еще? А гдѣ же Вѣрочка?

Скрыться отъ Авдотьи Петровны было некуда. Сара вышла на встрѣчу ей.

— Что это ты, милая, осталась дома? Балетъ прекрасный, хоть я признаться не охотница до теперешнихъ балетовъ.

— Я также не люблю балетовъ, отвѣчала сухо Сара.

— И умно; за это хвалю тебя. Въ наше время бывали балеты; но эти феи и корифеи не показывались во всей натуральной своей красотѣ. Есть всему мѣра... тутъ я никакого изящества не вижу...

— А Авдотья Петровна уже здѣсь? послышался голосъ Потапа Савича.—Авдотья Петровна!

— Что, батюшка?.. И ты смотрѣлъ на голую миѳологію?

— Смотрѣлъ, Авдотья Петровна, что жь дѣлать! что показываютъ, на то и смотришь.

— Такъ, такъ, батюшка; тебѣ хоть что покажи, ты на все будешь смотрѣть. А князь-то Иванъ туда же глаза пялитъ, да аплодируетъ. Ужь по мнѣ хоть бы женился да остепенился.

— Въ семьдесятъ-то съ годочкомъ? помилуйте Авдотья Петровна, что еще онъ за женихъ! Время не ушло; а между тѣмъ, нельзя же, молодость, вѣтреность: какъ не увлекаться?

— Да, я знаю, что онъ увлекается, и, несмотря на скупость, очень щедръ въ своихъ увлеченіяхъ.

— Князь Иванъ Юрьичъ, человѣкъ вкуса, цѣнитель всего изящнаго въ природѣ. Онъ сейчасъ будетъ здѣсь.

— Неужели?

— Непремѣнно. Онъ узналъ, что Вѣра Михайловна не

была въ театрѣ, и потому пріѣдетъ навѣдаться объ ея здоровьѣ.

— Слышишь, Вѣра, какая тебѣ честь? сказала Авдотья Петровна, садясь на диванъ.

Сара, не обращая вниманія на ея слова, также сѣла въ нѣкоторомъ отдаленіи.

— Ты конечно будешь довольна этимъ?

— Чѣмъ, Авдотья Петровна? спросила Сара.

— Ахъ, мать моя, я вѣдь не арію пѣла, что ты мнѣ кричишь фора. Митя!

Мити не было, онъ лежалъ въ своей комнатѣ, какъ въ иреду.

— Митя! повторила Авдотья Петровна.

— Что прикажете, Авдотья Петровна? спросилъ Потапъ Савичъ.

— Ахъ, мой батюшка, ты не Митя... ну, да ужь если вызвался, такъ вели подать стаканъ воды... гдѣ жь мой пажъ, Митя?

Сара ничего не отвѣчала.

Автотья Петровна посмотрѣла на нее.

— Насилу пріѣхали! сказала она входящей Марьѣ Ивановнѣ съ дочерьми.

Вслѣдъ за ней явился и Иванъ Артемьичъ и его партнеры; потомъ нѣсколько дамъ почтенныхъ лѣтъ, привыкшихъ оканчивать день счетами за игру; а наконецъ явился и князь Иванъ Юрьичъ. Онъ обратился прямо къ Сарѣ.

— Вы нездоровы, Вѣра Михайловна?.. Я тотчасъ же замѣтилъ, что васъ нѣтъ въ театрѣ...

— Да, я чувствую, по временамъ, что-то въ родѣ тика.

Князь излился въ сожалѣніяхъ.

— Ужасный климатъ, ужасный климатъ! и нѣтъ возможности принять предосторожностей; напримѣръ, во время разъѣздовъ изъ театра, съ баловъ...

— Извините, князь, я удалюсь отъ шуму... каждое рѣзкое слово отдается въ голову...

— Я также не охотникъ до этого говору, изъ котораго ничего не вынесешь кромѣ гриппа.

Князю предложили карточку, но онъ отказался и продолжалъ бесѣду съ Сарой.

— Лонскій былъ у тебя, Маша, въ ложѣ? спросила Ав-

дотья Петровна, отводя Марью Ивановну въ сторону и садясь съ ней.

— Былъ, тетушка.

— Что ты его не приглашаешь на вечера? Хоть онъ и молодъ, а все-таки чай играетъ въ карты. Теперь не то, что въ бывалыя времена. Въ антрактахъ Лидія сыграла бы что-нибудь одна или съ сестрой. Таланты дочерей надо выставлять, моя милая; а иначе для чего было и учить чему-нибудь... Бывало отцы и матери рѣшатъ дѣло и кончено...

— Я намѣрена была пригласить его, прервала торопливо Марья Ивановна,—во избѣжаніе исторіи прошедшихъ временъ; но онъ вошелъ, сказалъ нѣсколько словъ о балетѣ, обратился къ Лидіи... Я стала смотрѣть въ лупу, оглянулась—его ужь нѣтъ, и совсѣмъ исчезъ; даже не возвращался въ партеръ на свое мѣсто.

— Какая глупая и неучтивая теперь молодежь!.. Пришелъ, такъ слѣдовало бы просидѣть по крайней мѣрѣ весь антрактъ, если не пригласятъ остаться въ ложѣ. Придти, поклониться и уйдти! Кто жь нуждался въ его поклонѣ!.. Однакоже, онъ замѣтно отличаетъ Лидію. Да и ей, кажется, нравится, если не онъ, такъ его мундиръ. Какъ ты думаешь?

— Мнѣ бы эта партія была по душѣ. Хорошей фамиліи, съ хорошимъ состояніемъ, хорошъ собою...

— На хорошей дорогѣ, и все было бы хорошо, прервала Авдотья Петровна;—онъ пожалуй и влюбится въ Лидію, да она-то, простушка, будетъ вздыхать про себя, да посматривать украдкой; тѣмъ и кончится. Это не то что вонъ эта... эта хоть въ комъ раздуетъ искру въ пожаръ. Смотри пожалуй какъ распоряжается князь Иваномъ: того и гляди что женитъ на себѣ.

— Что жь, я бы очень была рада.

— Ну, тебѣ простительно такъ думать: лишь бы пристроить; а я не люблю такихъ несообразностей. Потапъ Савичъ очень умно замѣтилъ про князя, что ему еще рано жениться; а я скажу про нее, что она еще не доросла до того, чтобы быть княгиней. У меня есть на примѣтѣ женихъ по ней.

— Кто такой, тетушка?

— Послѣ скажу. А теперь надо подумать о Лидіи, да

пособить ей. На дняхъ, я устрою музыкальный вечеръ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и попляшутъ. Скажи-ко Лидіи, чтобы поприготовилась сыграть что-нибудь... Говорю тебѣ, что таланты надо выставлять наружу; иногда и грошевыми много выигрываютъ; а у ней очень замѣчательный.

— Она превосходно играетъ новую піесу *Marche triomphale*, и варіаціи *Товарищи гусары*, превосходно! Я велю ей хорошенько посидѣть надъ этими піесами.

— Въ самомъ дѣлѣ? Умно! Со стороны ея очень откровенно, а со стороны твоей самый деликатный намекъ, что дескать изволите видѣть, какъ мы вами занимаемся, какъ намъ по сердцу гусары. И въ моемъ-то домѣ будетъ такое торжественное объявленіе! Нѣтъ, мать моя, я въ число большесвѣтскихъ дуръ не намѣрена записываться!.. И для самого-то его хорошъ выборъ! Человѣку и свои-то полковые марши надоѣли, а тутъ его угощаютъ маршами, да товарищами гусарами. Поневолѣ покраснѣешь, да уйдешь!

— Такихъ тонкостей, тетушка, и въ голову никому не придетъ!

— Что и говорить; у васъ теперь вообще ничего въ голову не идетъ. Глаза, уши, языкъ, да и всѣ пять чувствъ превосходныя, а вотъ тутъ—пусто.

Марья Ивановна молчала; но снова въ предупрежденіе сравнительнаго трактата о прошедшемъ и настоящемъ, она обратилась за помощью къ Потапу Савичу, который проходилъ мимо.

— Вы, кажется, были и вчерась въ театрѣ?

— Какъ же, былъ-былъ-былъ, отвѣчалъ Потапъ Савичъ.

— Что̀ играли?

— Что̀ играли?.. Да! вѣдь я пріѣхалъ къ дивертисману: выходъ Французовъ изъ Москвы, или какъ гостей встрѣчаютъ и провожаютъ. И что̀ же! весь choeur de ballet, наряженный въ сарафаны и въ красныя рубахи, съ кочергами, ухватами и вилами въ рукахъ, танцуетъ французскую кадриль!.. Я ахнулъ отъ такой несообразности; но тутъ мнѣ замѣтили, что нельзя же танцовать на сценѣ трепака подъ балалайку, да и фигурантки не захотятъ унизиться до этой степени. Вотъ вамъ и дивертисементъ; а главнаго-то, вступленія Наполеона въ Москву и встрѣчи его, нѣтъ! Главнаго-то и нѣтъ, начала-то, вступленія-то й въ дивертисманѣ и въ Москву—и нѣтъ!

— Да какъ же ты представишь это? сказалъ Петръ Андреевичъ, играя въ карты и вслушавшись въ разсказъ Потапа Савича.

— Какъ? какъ представить такую великую эпоху?

— Ну, представь представь, мы послушаемъ послушаемъ... вотъ только сосчитаться...

— И мы послушаемъ, сказала одна изъ почтенныхъ дамъ, вставая изъ-за игорнаго стола,—мы также кончили партію.

И все начало окружать Потапа Савича.

— Еслибы самъ Наполеонъ, сказалъ Потапъ Савичъ, — былъ окруженъ такими почтенными особами обоего пола, то безъ сомнѣнія и онъ бы положилъ оружіе предъ вратами Москвы. Но этой чести онъ не удостоился, и обстоятельства приняли слѣдующій оборотъ:

Предетавьте себѣ, милостивые государи и государыни, Наполеона на Поклонной горѣ. Положимъ, это Поклонная гора, я Наполеонъ, вы его свита, Анна Петровна напримѣръ маршалъ Даву, ея сіятельство Катерина Ѳедоровна—Дюкъ-де-Тревизо, ея превосходительство Варвара Сергѣевна—Лессепсъ, и такъ далѣе. Вся прочая почтеннѣйшая публика—великая армія, la grande armée. Вдали Москва. Неполеонъ смотритъ въ трубу... смотритъ долго, изумляется и говоритъ: „Bâtie, comme Rome, sur sept collines, Moscou, avec ses nombreux minarets, offre un aspect des plus pittoresques!“

Анна Петровна, Варвара Сергѣевна, извольте повторять: des plus pittoresques, Votre Majesté!“... Смотритъ еще, смотритъ часъ, смотритъ другой; Сухарева башня выросла уже въ глазахъ его, выше Вавилонской, а между тѣмъ надлежащія побѣдителю — слава и почести не являются, ключей отъ города не несутъ, Московская буржуазія, съ хлѣбомъ и солью, на встрѣчу не выходитъ...

„Скиѳы! въ двадцать четыре столѣтія не измѣнились! по сію пору здѣсь продолжается древняя исторія! какъ Дарій за VI вѣковъ до христіянской эры, я пришелъ въ необозримыя пустыни, населенныя номадами!“

Такъ восклицаетъ великій полководецъ, и тутъ раждается въ головѣ его великая мысль устроить для Скиѳовъ *отеческое правленіе*—municipalité paternelle..

— Однако же пора выѣзжать изъ Москвы, сказалъ старый Князь Ѳедоръ Ѳедоровичъ, взявшись за шляпу.

— Пора, пора, князь; а то Наполеонъ заберетъ насъ въ плѣнъ и продержитъ до завтра... Прощай, Маша...

Въ слѣдъ за тетушкой Марьи Ивановны и всѣ поднялись.

— Вотъ, извольте у насъ дѣлать толковыя представленія! сказалъ Потапъ Савичъ, взявшись также за шляпу и раскланиваясь.

X.

Домъ Авдотьи Петровны былъ открытъ для всего московскаго міра, ежедневно, съ часу пополудни до часу и даже до двухъ пополуночи. Утро свое проводила она въ комнатѣ подлѣ спальни. Это былъ ея кабинетъ и образная, гдѣ цѣлая стѣна занята была иконостасомъ божьяго милосердія, драгоцѣнными старинными иконами, въ золотыхъ и шитыхъ золотомъ и шелками ризахъ, украшенныхъ жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Возставъ отъ сна, она отправлялась въ приходскую церковь къ заутрени, къ ранней обѣднѣ, или садилась читать Евангеліе, псалтырь и славимое въ тотъ день житіе святаго въ прологѣ и Четьи-Минеи. Потомъ кушала чай, дѣлала свои распоряженія и въ заключеніе раскладывала гран-пасьянсъ. Напротивъ нея, подлѣ стола, почти постоянно сидѣли двѣ отцвѣтающія дѣвы, Ѳеклуша и Даша, и вязали или штопали чулки, держа ихъ передъ самымъ носомъ. Это были тѣ самыя двѣ дѣвы, о которыхъ упоминала она Марьѣ Ивановнѣ, и которыя воспитывались у нея на полу съ чулкомъ въ рукахъ. За успѣхи въ возрастѣ и вязаньѣ, онѣ перешли сперва на стулья въ углу комнаты, а наконецъ достигли почета сидѣть у стола напротивъ Авдотьи Петровны.

Въ теченіи двадцати пяти лѣтъ науки, онѣ много связали чулковъ съ узорами для Авдотьи Петровны, и простыхъ для себя, много надвязали, перештопали; но отъ трудовъ ихъ не оставалось и слѣда, и по собственной ихъ пословицѣ: „вѣкъ живи, вѣкъ вяжи“, онѣ продолжали вязать, но вязали уже, не упустивъ петли, наизусть, сидя, ходя, разговаривая и даже дремля. При разговорѣ о нитяхъ прежнихъ временъ и новыхъ временъ, онѣ со вздохомъ упоминали, что паголенки прежнихъ временъ выносили болѣе трехъ надвязокъ, а въ настоящее время, слава тебѣ Господи, если и одинъ разъ удастся надвязать.

Надо однакоже замѣтить, что Авдотья Петровна приспособила ихъ и къ нѣкоторымъ вѣдомствамъ въ домѣ.

Ѳеклуша завѣдывала содержаніемъ картъ и сборомъ денегъ за карты, во время игры, которая происходила ежедневно, съ указнаго часа по указный, столахъ на пяти, шести и болѣе. Касса расходовалась, вопервыхъ, на карты, марки и мѣлки; а вовторыхъ на освѣщеніе, и частію на ливреи оффиціантамъ.

— Изъ собственныхъ доходовъ я не намѣрена потѣшать публику, говорила Авдотья Петровна.—Не намѣрена и дарить карточныя деньги людямъ: сопьются съ ума, собьются съ пути.

Даша завѣдывала чаемъ, кофеемъ и вообще питейною и лакомою частью.

При Авдотьѣ Петровнѣ, онѣ сидѣли молча, въ ожиданіи ея вопроса или приказа; въ отсутствіи же ея, неугомонно ворчали другъ на друга, ворчали до слезъ, до кашля и до насморка, но ворчали только между собой, не довѣряя никому взаимно наносимыхъ огорченій. Когда возвращалась Авдотья Петровна, или кто-нибудь входилъ въ комнату, онѣ жаловались единственно на простуду.

Причиной всѣхъ огорченій были вопервыхъ споры возникавшіе изъ пересказовъ другъ другу всего того что̀ удавалось имъ слышать или подслушать въ гостиной, вовторыхъ—ревность, возгорѣвшаяся изъ соревнованія угощать усатаго Павла Ивановича Четкина, который былъ нерѣдко ихъ собесѣдникомъ.

Онѣ не называли другъ друга по имени, но просто *вы*; потому что называть другъ друга Ѳеклушей или Дашей слишкомъ было бы просто и обидно; а Ѳеклой Трифоновной и Дарьей Парѳентьевной слишкомъ почтительно.

Формула разговора ихъ была ни дать ни взять неизмѣнно слѣдующая:

— Ну что̀ вы говорите? точно какъ будто у меня у самой ушей не было!

— Что жь, по вашему, я лгу?

— Лгать не лжете, а обслышались.

— Обслышалась! вы вѣрно считаете меня за глухую!

— Съ чего вы это взяли?

— Съ чего! странно̀е дѣло! прямо въ глаза непріятности

говорятъ, да потомъ словно дуру увѣряютъ! Я своихъ выдумокъ не выдаю за правду!

— Такъ по вашему я говорю выдумки? Такъ я и вчера выдумала, что княгиня Анна Григорьевна не доплатила двадцати копѣекъ за карты?

— Извините! я не говорила этого на счетъ вашъ, а только поусумнилась: возможное ли дѣло, чтобы княгиня Анна Григорьевна не доплатила двадцати копѣекъ!

— Стало-быть вы увѣрены были, что я положила ихъ себѣ въ карманъ!

— Не привязывайтесь, пожалуста! Мнѣ что за дѣло до вашихъ кармановъ!

— Это все равно, что назвать меня воровкой, очернить въ глазахъ Адотьи Петровны, чтобъ она лишала меня своей довѣренности, чтобы выгнала изъ дому!

— Напрасно! и не думала! не извольте клеветать на меня можете клеветать на кого угодно, хоть на Павла Ивановича, что онъ набиваетъ конфетами карманы! .

— Зачѣмъ же ему трудиться? Вы и сами завернете ему въ бумажку...

— Извините, я ему дала только бумажку, а конфеты не я давала, а можетъ-быть вы!.. У васъ есть чѣмъ подчивать его, и чаемъ, и шеколадомъ, и конфетами... Вѣдь это у васъ все на рукахъ; а мнѣ нечѣмъ его подчивать.

— Видите, какія штуки! я дескать прикармливаю его!... А карточки-то? онѣ еще подороже чашки чаю.

— Какія это карточки? играныя-то?

— Играныя-то; небось, скажете, я его снабжаю. Да не безпокойтесь, не женится на васъ.

— Вѣрно на васъ женится! Не даромъ Авдотья Петровна говорила Ивану Ильичу, что за службу его дастъ сыну управительское мѣсто, невѣсту да и все приданое. Кому жь ей давать приданое, какъ не вамъ!

Эти слова и затронули Оеклушу, и навели на нее сомнѣніе.

— Передъ вами! сказала она прослезясь:—тутъ трудись какъ хочешь... завѣдывай покупками... хоть разъекономь... а спасибо не скажутъ, только слышишь упреки... то дорого купила, то переплатила!.. А какъ придутъ съ доходами за карты столовъ съ десяти, такъ и „на-ко тебѣ на пряники къ свадьбѣ“...

Слезами спорныя бесѣды и кончались, наставало молчаніе, или воркотня про себя.

Дни за два до музыкальнаго вечера у Авдотьи Петровны, началась въ домѣ суматоха, и Феклуша, и Даша заходили шестерней. Подобныя исключенія изъ общаго хода дѣлъ по части препровожденія времени дѣлались только тогда, когда Авдотья Петровна замышляла какое-нибудь особенное дѣло. Внучки выросли, надо ихъ пристраивать. Не говоря уже объ Иванѣ Артемьевичѣ который думалъ только о своемъ вистѣ да о коллекціяхъ рѣдкостей, Авдотья Петровна не полагалась и на Марью Ивановну. А дѣвочки,—что жь дѣвочки? еще глупы, да и Богъ вѣсть наберутся ли ума въ нынѣшнемъ обществѣ; вѣдь это не то что бывало. На этомъ основаніи Авдотья Петровна рѣшилась сама заняться судьбой внучекъ, и на первый разъ позаботиться, чтобы не упустить изъ рукъ выгодную партію для Лидіи.

Распорядясь всѣмъ что нужно было въ домѣ, что заготовить, что изготовить, она, въ утро, наканунѣ музыкальнаго вечера, раскладывая пасьянсъ, обдумывала, какъ всему быть. Ей доложили, что пріѣхалъ Иванъ Ильичъ Четкинъ.

— И кстати; зови его.

Надо сказать, что Иванъ Ильичъ ходилъ и по ея тяжебнымъ дѣламъ, и ходилъ съ успѣхомъ. Вмѣсто всѣхъ вознагражденій, онъ просилъ ее о мѣстечкѣ сыну. Казалось бы, что это за вознагражденіе, что за важность—мѣстечко сыну. Но Ивану Ильичу очень важно было сократить свой расходъ на тысячу рублей въ годъ. Авдотья Петровна, какъ основательный человѣкъ, велѣла ему привезти сына къ себѣ на показъ.—Человѣкъ не лошадь, батюшка, говорила она ему, а все-таки не мѣшаетъ въ зубы посмотрѣть. Иной съ поровомъ, иной съ лѣнью, а иного хоть на живодерню.

Иванъ Ильичъ и представилъ ей сына.

— Бравый молодецъ. Военный?

— Въ отставкѣ поручикомъ-съ.

— Садись-ко, садись; да позволь узнать имя?

— Павелъ Иванычъ.

— Что Иванычъ-то, я бы сама догадалась. Ну, экзаменовать мнѣ тебя не въ чемъ; а спрошу: въ карты играешь?

— По маленькой-съ, иногда играю.

— Эту науку онъ прошелъ хорошо, да и дома частенько повторяетъ, прибавилъ Иванъ Ильичъ.

— Что жъ, и это наука. Умно играть, можно жить. Конечно, молодому человѣку можно и подѣльнѣе чѣмъ заняться. Да вотъ, посмотримъ. А между тѣмъ ты пожалуй ко мнѣ.

До открытія вакансіи какого-нибудь мѣстечка, Авдотья Петровна прикомандировала сына Ивана Ильича къ себѣ на вечера. Ей необходимъ былъ подставной по маленькой, въ случаѣ недостатка въ партнерѣ, для игры съ старушками или съ барынями, которыхъ также необходимо было иногда занять работой.

Эти случаи были часты и довольно выгодны для Четкина; потому что, при проигрышѣ, Авдотья Петровна не допускала его расплачиваться: „Позволь, батюшка, позволь; вѣдь я тебя за себя посадила.“ Какъ дежурный, въ ожиданіи порученія, онъ могъ прогуливаться по комнатамъ, играть съ фиделькой и мимишкой, садиться подлѣ какого угодно стола зрителемъ, и ахать вмѣстѣ съ играющими на какую-нибудь чрезвычайную игру или неожиданную взятку. Вскорѣ однакоже Четкинъ попривыкъ въ домѣ, ознакомился съ дѣвицами Ѳеклой Трифоновной и Дарьей Парфентьевной, и съ этого времени проводилъ свободные отъ занятій часы въ пріятной бесѣдѣ съ ними. Онѣ угощали его и лишнею чашечкой чайку, съ сухариками, и оставшимися фруктами, и вареньицемъ и мороженымъ, и разною водицей, и всегда спрашивали не хочетъ ли онъ до ужина выпить сладенькой и закусить пирожкомъ, оставшимся отъ обѣда. Это подчиванье съ двухъ сторонъ, на перебой, разстроило бы непремѣнно желудокъ Павла Ивановича, еслибы соревнованіе Ѳеклуши и Даши, какъ уже было упомянуто, не обратилось въ ревность. Все дѣло вышло изъ-за чашки чаю. Выпивъ за себя четыре чашки, по просьбѣ Ѳеклуши онъ выпилъ за нее насильно пятую; но никакъ уже не могъ пить шестой, которую ему предложила Даша. Обида!

— Что жь это вы насильно подчуете его! сказала Ѳеклуша.

— А съ какой же стати вы-то его подчуете? Вы, что ли, угощаете чаемъ? Да и всѣ угощенья—моя, а не ваша забота.

— А вы-то съ чего угощаете чужимъ добромъ!

Далѣе и далѣе, и разгорѣлось.

Когда Марья Ивановна давала парадный балъ, передъ вывозомъ дочерей въ свѣтъ, Авдотья Петровна предложила ей пригласить Четкина на случай необходимости въ парт-

нерѣ или въ кавалерѣ. Этимъ кавалеромъ и воспользовалась, какъ мы уже видѣли, Сара, и продолжала пользоваться, нисколько не воображая, что у Четкина, при огромныхъ усахъ, было и самолюбіе сверхъ таксы.

Сперва онъ сталъ охарашиваться въ зеркало, про себя; потомъ, покручивая усы, намекать матери, что передъ нимъ преклоняются сердца перваго сорта. Она тотчасъ же потянула его къ допросу, и довела до сознанія.

— Воспитанница? Ну, это еще не важное дѣло; я думала что-нибудь получше.

— А что жь вы думаете, мама, объ этой воспитанницѣ? сказалъ затронутый Павелъ Ивановичъ.—Вы думаете, что я такъ и польщусь на какую-нибудь? Да вы посмотрѣли бы, что за красавица, да какъ передъ ней все ползаетъ. Первая красавица по всей Москвѣ. А вы думали, что это такъ себѣ, бѣдная сиротка?

— Кто жь она такая? а?.. да ну, говори, Паша!

— Не могу-съ; это покуда тайна-съ.

— Да говори, Паша! что ты скрываешь отъ матери!

— Не могу-съ!

— Даю тебѣ слово, побожусь, что никому не скажу!

Павелъ Ивановичъ погладилъ усы, расчесалъ хохлы пятью пальцами, и сказалъ за тайну, что воспитанница Луговскихъ, дочь князя Ивана Юрьевича, наслѣдница его; а скрываютъ это потому, что родныя заведутъ тяжбу.

— Аа! вотъ теперь понимаю. Ай Паша! пай-дитя!

И мама поцѣловала сына въ голову и погладила.

— Только я думаю, прибавила она,—что надо этимъ дѣломъ торопить; того и гляди узнаютъ да отобьютъ.

— Насчетъ ее я не боюсь; а думаю, какъ бы приступить къ дѣлу.

— Ахъ ты фалелей! Отца на ноги, да и просить Авдотью Петровну. Не худо и самому тебѣ объяснить ей, что вотъ такъ и такъ, дѣвушка не равнодушна...

— Нѣтъ, пусть батюшка поговоритъ. Мнѣ какъ-то совѣстно самому.

Итакъ дѣло было рѣшено, тайна открыта отцу. Онъ хотѣлъ было пожать плечами; но не успѣлъ. На него натянули фракъ, дали въ руки шляпу, и отправили къ Авдотьѣ Петровнѣ.

Вотъ онъ и прибылъ къ Авдотьѣ Петровнѣ, и какъ уже мы сказали, она велѣла его звать.

— Садись-ко, Иванъ Ильичъ.

Иванъ Ильичъ поцѣловалъ ея ручку и присѣлъ.

— Кстати ты пріѣхалъ. Вотъ что, батюшка: у меня есть невѣста для твоего сына. Дѣвушка воспитанная, очень умная. Я принимаю въ ней участіе, стало-быть жениться на ней хоть и не твоему сыну. Но за твои мнѣ услуги, я бы хотѣла, чтобъ это состоялось. Приданое можетъ-быть есть, а можетъ-быть нѣтъ; но во всякомъ случаѣ она не совсѣмъ будетъ безприданница. Какъ только введутъ меня въ имѣнье, о которомъ ты хлопоталъ, такъ я даю ей изъ него деревню Кулиши, сорокъ душъ, а сынъ твой поступаетъ въ управляющіе всѣмъ имѣніемъ съ окладомъ въ тысячу рублей и на всемъ моемъ содержаніи. Хорошо ли это?

Иванъ Ильичъ всталъ и низко поклонился.

— Авдотья Петровна, сказалъ онъ,—это истинно было бы благодѣяніе и для меня и для сына... Да вѣдь дуракъ-то мой, того и гляди въ лѣсъ уйдетъ...

— Что такое, батюшка?

— Я пріѣхалъ посовѣтоваться съ вами... Не спросясь броду, онъ полѣзъ въ воду. Влюбился, да говоритъ, что и со стороны дѣвушки видитъ къ себѣ особенное вниманіе... А я, право не знаю, какъ и вѣрить тому, да и возможное ли это дѣло...

— Да говори, договаривай, Иванъ Ильичъ: въ воду онъ полѣзъ, или не въ свои хоромы?

— То-то и кажется мнѣ...

— Ну?

— Вамъ извѣстно, что у ея превосходительства Марьи Ивановны дочка есть...

— Двѣ, батюшка; ну, что еще?

— Такъ вотъ его желаніе.

— Желаніе жениться на моей внучкѣ? перекрестись, батюшка!

— Помилуйте, Авдотья Петровна, смѣлъ ли бы я съ такимъ предложеніемъ явиться къ вамъ!

— Да съ какимъ же ты пришелъ предложеніемъ? Вѣдь ты, отецъ мой, говоришь про дочь моей племянницы.

— Никакъ нѣтъ, Авдотья Петровна, я имѣлъ въ предметѣ воспитанницу Марьи Ивановны...

— Это другое дѣло; такъ бы и говорилъ; ха, ха, ха, ха!

ну, сошлись съ разныхъ сторонъ сваты, да съ одной и той же пѣснію. Смѣшное дѣло!

— Я зналъ, Авдотья Петровна, что это будетъ смѣшное дѣло.

— Ничего, я не въ претензіи, что сынъ твой самъ присватался; тѣмъ еще лучше. Что я сказала, то исполню. Скажи ему, что я его и сваха, и буду посаженою матерью, а завтра пусть пріѣзжаетъ ко мнѣ на вечеръ. Предметъ любви его будетъ здѣсь. Медлить незачѣмъ, пусть объявитъ ей свое желаніе, а за согласіемъ моей племянницы дѣло не станетъ; завтра же, пожалуй, и объявимъ жениха и невѣсту.

— Авдотья Петровна! проговорилъ неожиданно обрадованный Иванъ Ильичъ, цѣлуя ея руку.

— А презабавный случай! сказала про себя Авдотья Петровна, когда вышелъ Иванъ Ильичъ. — Скажите пожалуста! да она умница! точно какъ отгадала мою мысль и успѣла уже накинуть арканъ на усатаго молодца!.. право умница! Не таращится и не карабкается куда не слѣдуетъ. А я было согрѣшила, подумала... Князь Ивана долго ли опутать... пожалуй и Маша помогла бы... А правду говоря, глупъ и не по ней этотъ усатый Четкинъ!.. Что мазнула ему хвостомъ по губамъ, это можетъ быть; а чтобы добровольно протянула къ нему мордочку... нѣтъ! этотъ звѣрокъ не такъ глядитъ! развѣ только одно: воли скорѣй захотѣла.

Продолжая раскладывать пасьянсъ, Авдотья Петровна позвонила и крикнула:—Дѣвушка! кто тутъ есть?.. Поди, матушка, скажи Ѳедькѣ, чтобы сѣлъ верхомъ, да ѣхалъ къ Марьѣ Ивановнѣ и просилъ ее заѣхать сегодня ко мнѣ.

Только что вышла дѣвушка, вошелъ человѣкъ съ докладомъ, что пріѣхала Варвара Сергѣевна.

— Ну, не время, да проси; пусть покуда что-нибудь поболтаетъ. Проси сюда, я въ гостиную не выйду.

Варвара Сергѣевна была пожилыхъ лѣтъ дама, важной осанки; но очень худощавая собой, и видимо питавшаяся только новостями и пересудами.

— Заѣхала на минутку навѣдаться, сказала она входя и садясь.—Что, какъ вы, Авдотья Петровна?

— Да вотъ, какъ видишь.

— На дворѣ кажется не холодно, а ужасно какой холодный вѣтеръ.

— Спасибо ему, что занесъ тебя ко мнѣ. Что́ скажешь?

— Пріѣхалъ говорятъ Листъ, будетъ концерты давать; какъ это интересно!

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Да. У васъ новый рояль въ залѣ. Не намѣрены ли вы пригласить его на вечеръ?

— Нѣтъ, это для внучекъ.

Послѣ долгихъ прелюдій, Варвара Сергѣевна подъѣхала наконецъ къ музыкальному вечеру.

— Да, будетъ покуда пробный. Нельзя же приглашать слушать Лидію, не испытавши въ состояніи ли она угощать своею игрой.

— Помилуйте, да она виртуозъ, кто жь не послушаетъ ея съ удовольствіемъ!

— На первый разъ я никого не приглашаю, кромѣ участвующихъ въ игрѣ. Завтра можно сказать будутъ сыгрываться; а потомъ мы посмотримъ.

— Ахъ, да репетиція по мнѣ любопытнѣе; на репетиціи нѣтъ конфуза!

— Ужь въ такомъ случаѣ, матушка, лучше приглашать всѣхъ на репетицію.

Варвара Сергѣевна промолчала, скрывая досаду. Начала было собираться, встала; но какъ будто вспомнивъ что-то, снова присѣла.

— Да! Дошли до васъ, Авдотья Петровна, нелѣпые-то слухи на счетъ воспитанницы Марьи Ивановны?

— Какіе еще, мать моя?

— Представьте себѣ....

Варвара Сергѣевна подошла къ Авдотьѣ Петровнѣ и что-то прошептала ей на ухо.

— Что́-жь, и прекрасно придумано, сказала Авдотья Петровна;—это богатые слухи: скорѣе выйдетъ замужъ... Мало ли дураковъ, которые принимаютъ и слухи за чистыя деньги.

— Но такой вещи ужь конечно никто не повѣритъ.

— Полно, мать моя, вѣрятъ да еще какъ; въ газетахъ напечатаютъ, радехоньки, что есть что́ разнести по городу, да покачать головою.

— Я этого терпѣть не могу.

— Про тебя кто и говоритъ. Спасибо хоть мнѣ сказала.

— Прощайте, Авдотья Петровна.

— Прощай, Варвара Сергѣевна!

Авдотья Петровна снова начала раскладывать пасьянсъ и разсуждать сама съ собою.

— Пожаловала князь Ивана въ отцы Вѣрушкѣ!... А въ самомъ дѣлѣ, съ тѣхъ поръ, какъ Вѣра въ домѣ у Маши, князь Иванъ какъ на дежурствѣ. Восхищается ею, глазъ съ нея не сводитъ... Еслибъ я не знала Маши, чего добраго, тоже готова была бы повѣрить. Поди, дѣлай благодѣянія; а потомъ и тягайся за свое добро... Чу, кажется Маша, пріѣхала... Ея голосъ... Сыграю же я съ ней комедію.

— Здравствуйте, тетушка! вы хотѣли меня видѣть?

Авдотья Петровна продолжала молча раскладывать пасьянсъ.

— Здравствуйте, тетушка, повторила Марья Ивановна, подходя къ ней.—Что это значитъ? вы сердитесь на меня?

— Я? на тебя? ты съ чего жь взяла это, милая?..

— Мнѣ по крайней мѣрѣ такъ показалось.

— Когда я вижу, что ко мнѣ нѣтъ довѣренности; если я слышу со стороны то, что должна бы знать прежде всѣхъ,—разумѣется для меня подобныя новости непріятны; а чтобы сердиться? не стóитъ!

— Что такое, тетушка? какія новости? спросила Марья Ивановна съ изумленіемъ и пожавъ плечами.

— Тебѣ я думаю лучше извѣстно что ты отъ меня скрывала и скрываешь.

— Я, скрывала и скрываю?

— Да.

— Скажите, тетушка... я не понимаю.

— Я говорю, моя милая, насчетъ княжны Вѣры Михайловны.

Эти неожиданныя слова поразили Марью Ивановну, она смутилась и поблѣднѣла.

Авдотья Петровна, взглянувъ на нее, столь же неожиданно поражена была ея смущеніемъ, и разыгрываемая комедія обратилась въ драму.

— Да, Маша... я не думала... я не ожидала этого отъ тебя!.. дѣлать безъ совѣта моего; потомъ выдумывать сказки, дурачить меня!.. Нѣтъ, это ужь слишкомъ, и для моихъ лѣтъ и для моей любви къ тебѣ!

— Тетушка! проговорила Марья Ивановна дрожащимъ голосомъ.

— Что тебѣ угодно, моя милая? Садись, ты упадешь.

— Тетушка, не вините меня... я не могла поступить иначе... Вы знаете, что я шагу не дѣлала безъ вашего согласія... и совѣта...

— Вижу, вижу, моя милая, вижу!

— Повторяю вамъ, что я не могла, не имѣла права объявить вамъ этой тайны насчетъ Вѣры...

— Не могла, моя милая! Не могла, ну и кончено!

— Луцкій умолялъ меня именемъ Бога, не говорить никому, потому что...

— Что-о? князь Луцкій? онъ умолялъ тебя? произнесла съ новымъ изумленіемъ Авдотья Петровна, положивъ колоду картъ на столъ.

— Да, тетушка, отвѣчала вся взволнованная Марья Ивановна.—Поймите же меня, что я не могла...

— Понимаю, понимаю, теперь понимаю!.. Подобныя вещи, кто жь не таитъ! Такъ вотъ какія сношенія были у тебя съ Луцкимъ? поздравляю!

— Что вы хотите этимъ сказать, тетушка? произнесла съ достоинствомъ Марья Ивановна: — на меня не могутъ падать никакія подозрѣнія!.. Я никогда не преступала своихъ обязанностей... Тайна Луцкаго не моя тайна!.. Исполняя просьбу его, я думала что дѣлаю добро, и не предвидѣла тѣхъ неудовольствій, которыхъ причиной стала дочь его.

Авдотья Петровна поняла искренность чувствъ и словъ племянницы.

— Маша, душая моя, разкажи же мнѣ скорѣй какъ все было, успокой меня!... Ты знаешь какъ я тебя люблю!..

— Тетушка, сказала Марья Ивановна, обнимая ее,—я вамъ разкажу все. Неожиданно и непредвидимо упала на меня эта бѣда... Но, согласитесь, что сохраняя несчастную память о Луцкомъ, могла ли я отказать ему въ просьбѣ взять на воспитаніе дочь его.

— Да откуда жь онъ взялся, Маша, откуда у него дочь?

— Ничего не знаю, отвѣчала Марья Ивановна, разказавъ неожиданное свиданіе съ Луцкимъ.—Онъ просилъ меня замѣнить Вѣрѣ умершую ея мать, и утаить отъ всѣхъ, что она его дочь, покуда ему возможно будетъ признать ее дочерью. Вотъ все что онъ мнѣ довѣрилъ.

— Откуда же онъ пріѣзжалъ сюда?

— Онъ сказалъ, что ѣдетъ въ имѣніе къ отцу и матери. И съ того времени я не имѣла никакихъ ни отъ него, ни о немъ извѣстій.

— Странное дѣло! Князь Василій Григорьичъ съ княгиней живутъ гдѣ-то въ дальнемъ имѣніи, съ тѣхъ самыхъ поръ какъ князя Михайду то увезли. Это ихъ совершенно убило... Такъ онъ стало-быть воротился къ нимъ, голубчикъ мой,—слава Богу! говорятъ, бѣдный, самъ себя какъ-то запуталъ; а душой невиненъ. Что жь будешь дѣлать-то! молодость!... Помню я, и ты за него настрадалась... Обойми меня, Маша, да успокойся.

Послѣ долгаго задумчиваго молчанія, Марья Ивановна, какъ будто очнувшись, спросила тетку съ недоумѣніемъ, откуда жь она узнала объ этой тайнѣ?

— Это также стоитъ поясненій, сказала Авдотья Петровна.—Вотъ, моя милая, примѣръ тебѣ, какъ открываются тайны. У меня и въ помышленіи не былъ князь Луцкій.

Авдотья Петровна разсказала сообщенные ей слухи Варварой Сергѣевной, и какъ она начала съ шутки, а попала на дѣло.

— Слава Богу, тетушка, что это остается между нами! сказала Марья Ивановна, всплеснувъ руками.

— Еще бы; но Вѣрушка въ глазахъ моихъ ужь не то, что была прежде. Вѣдь она княжна, имѣетъ отца; а не какая-нибудь круглая сирота, для которой я и жениха пріискала.

— Вы что-то мнѣ намекали объ этомъ, тетушка?

— Да; усатаго-то Четкина. Представь себѣ, онъ ужь и отца подослалъ ко мнѣ, свататъ его на Вѣрушкѣ. Говоритъ, дурачина, что она сама подала ему надежду на взаимность и согласіе. Какъ ты думаешь!

— Признаюсь вамъ, я бы рада была, чтобъ она вышла замужъ. Въ послѣднее время въ ней какая-то непонятная перемѣна; такъ дико на всѣхъ смотритъ, такъ рѣзко отвѣчаетъ... Какая-то гордость и презрѣніе ко всему...

— Кровь, матушка, только не съ отцовской стороны, а вѣрно въ мать. Наружность ея какъ будто азіятская. Помнится мнѣ, говорили, что будто онъ на Кавказѣ былъ.

— Князь отдалъ ее въ полное мое распоряженіе, и даже просилъ устроить ея будущность. А потому, лишь бы только былъ хорошій человѣкъ, и сама она была согласна выйдти за него...

— Хорошій человѣкъ! возразила Авдотья Петровна.— Каковъ и хорошій человѣкъ: или ужь будь онъ умный, честный, дѣльный, или блаженный; а дуракъ съ фанаберіей, матушка, можетъ ли быть хорошимъ человѣкомъ? Вообразилъ, что она его любитъ!

— А можетъ быть это и правда?

— Ну, какъ знаешь. Впрочемъ, я тебѣ вотъ что скажу; я бы скорѣе дала ей въ мужья стараго князя Ивана. Человѣкъ хорошій и по уму и по сердцу; одинъ только порокъ: старъ для нея; а смотри, женится, помолодѣетъ. Да покуда довольно объ этомъ. Завтра у меня будетъ тетка Лонскаго.

— Неужели?

— Мы были когда-то знакомы съ ней, въ молодости еще; а теперь я сошлась съ ней снова. Она полудурья, да сидитъ въ золотѣ по горло. Вѣдь Лонскій по ней богатъ, а не по отцу и матери. Отецъ прокуферилъ свое, да и материнское заложено и перезаложено. Это ужь я знаю: Вотъ, теперь племянничекъ-то и ластится около нея. Для этого и живетъ здѣсь при разстроенной здоровьемъ тетушкѣ. Скоро и мать его сюда пожалуетъ. Такъ вотъ что: у этой тетки они въ полномъ распоряженіи; что она захочетъ, то и будетъ. Я тебя, Маша, познакомлю съ ней, а ты представь своихъ дочерей, да полюбезничай. Молодые люди пусть себѣ любовь учреждаютъ, а мы учредимъ совѣтъ; такъ оно и хорошо будетъ. А ужь далѣе, что Богу угодно.

Марья Ивановна задумалась.

— Кто-то пріѣхалъ, я слышу. Ну, ты къ своимъ дѣламъ, а я къ своимъ. Мнѣ пора пріодѣться.

Марья Ивановна простилась съ теткой, а Авдотья Петровна пошла въ уборную.

(До слѣд. №.)

Л. ВЕЛЬТМАНЪ.

СОБЫТІЯ

МАРТА 1848 ГОДА

ВЪ ПАРИЖѢ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ.

.... Мы начинаемъ съ той минуты, какъ парижская февральская революція избрала себѣ начальниковъ [1]. Первою мыслью временнаго правительства, ею созданнаго, какъ только сдѣлалось немного посвободнѣе въ Ратушѣ, была мысль о самомъ себѣ и объ утвержденіи своей власти, возникшей на баррикадахъ. Едва переступивъ порогъ общиннаго дворца, и еще въ самую ночь слѣдовавшую за изгнаніемъ короля, взятіемъ Тюльери и палаты депутатовъ, оно предписываетъ формированіе 24 батальйоновъ „подвижной національной гвардіи“, ряды которой должны состоять изъ отчаянной молодежи, такъ страшно бушевавшей на улицѣ

---

[1] Окончательный составъ „временнаго правительства“ оказался слѣдующій: 1) президентъ совѣта—престарѣлый Дюпонъ (de l'Eure), 2) министръ иностранныхъ дѣлъ—Ламартинъ, 3) внутреннихъ дѣлъ—Ледрю-Ролленъ, 4) юстиціи—Кремьё, 5) финансовъ—банкиръ Гудшо, 6) морской—Араго, 7) публичныхъ работъ—Мари, 8) просвѣщенія—Карно, 9) коммерціи—Бетмонъ, 10) военный—Бедо и потомъ Сюберви: секретари правительства: 11) Арманъ Марастъ, 12) Флоконъ 13) Луи Бланъ и 14) Альберъ (раб.); 15) меръ города Парижа—Гарнье-Пажесъ; 16) начальникъ Алжиріи—Каваньякъ, 17) начальникъ національной гвардіи—Курте.

не далѣе какъ вчера. Этимъ знаменитымъ декретомъ оно ослабляетъ внезапно баррикады, которыя должны еще нѣсколько времени оставаться на улицахъ, и вмѣстѣ льститъ воинственному духу французскаго юношества, за что̀ черезъ два мѣсяца, именно въ іюнѣ, молодежь отблагодарила его побѣдой надъ огромнымъ бонапартисто-соціалистскимъ возстаніемъ. Отыскавъ выходъ для одного изъ революціонныхъ элементовъ, временное правительство, черезъ нѣсколько дней, находитъ уютное и спокойное помѣщеніе для другаго и самаго могущественнаго революціоннаго двигателя, именно парижскихъ работниковъ. Послѣ работничьей манифестаціи, наскоро составленной членомъ правительства, Луи Блановъ, оно декретируетъ (28 февраля) образованіе „работничьей коммиссіи“, Commission pour les travailleurs, и помѣщаетъ ее въ Люксамбургѣ, подъ предсѣдательствомъ самого Луи Блана, вскорѣ туда и переѣхавшаго. Вмѣстѣ съ нимъ переходитъ во дворецъ и Дюпонъ (de l'Eure), занявшій комнаты бывшаго канцлера, и республиканецъ Барбесъ, такъ близко видѣвшій эшафотъ и назначенный теперь въ д лжность коменданта дворца. *Пикантность*, если смѣю такъ выразиться, этого распоряженія составляла только малую часть его достоинства. Покуда „Работничья коммиссія“, вскорѣ прозванная просто „Люксамбургскою“, засѣдала съ представителями отъ всѣхъ цеховъ въ креслахъ бывшихъ перовъ Франціи, разсуждая о способахъ низвести промышленную гармонію въ міръ конкурренціи и капитала, ходъ событій былъ уже очищенъ отъ страшной массы народа, мѣшавшей его теченію, чѣмъ въ послѣдствіи Ламартинъ и похвастался передъ національнымъ собраніемъ. Кромѣ этихъ распоряженій, были еще приняты одновременно съ ними и другія мѣры для успокоенія силъ наиболѣе опасныхъ или наиболѣе докучныхъ правительству. Съ тѣмъ же *пикантнымъ* эффектомъ, который на первыхъ порахъ былъ преобладающею чертою въ характерѣ временнаго правленія, оно назначаетъ въ пособіе работникамъ милліонъ франковъ, слѣдовавшій королю Луи-Филиппу за мартъ мѣсяцъ, и устами Луи Блана даетъ торжественное обѣщаніе снабжать работой людей, нуждающихся въ ней, слѣдствіемъ чего было обнародованіе 6-го марта декрета о „національныхъ мастерскихъ“. Декретомъ этимъ Луи-Бланъ и Флоконъ, такъ сказать, отблагодарили работниковъ

за то что они водворили ихъ въ правительствѣ вечеромъ 25 февраля. Что сдѣлалось съ декретомъ, и какъ онъ обратился противъ партіи, его задумавшей и не умѣвшей съ нимъ справиться,—увидимъ въ послѣдствіи. Освободясь отъ перваго гнета революціонныхъ страстей, правительство приступило къ общимъ мѣрамъ вспомоществованія. Одинъ за другимъ появились декреты о возвращеніи владѣльцамъ изъ ломбарда (Mont de piété) безплатно всѣхъ закладовъ, не превышающихъ десяти франковъ, объ отсрочкѣ платежей по всѣмъ частнымъ обязательствамъ на пятнадцать дней,—срокъ, который въ послѣдствіи былъ опять продолженъ на пятнадцать дней и пр. Самая популярная мѣра изъ числа этихъ милостивыхъ манифестовъ была, однакоже, принята нѣсколько позднѣе, именно 8-го марта, и состояла въ уничтоженіи ненавистной Французамъ долговой тюрьмы. Впрочемъ, самыя щедрыя награды достались не публикѣ, конечно, а отдѣльнымъ лицамъ. Съ марта мѣсяца началась у правительства громадная раздача вакантныхъ мѣстъ *благомыслящимъ* людямъ эпохи, нахлынувшимъ для этого въ переднюю Ратуши со всѣхъ концовъ Франціи. Въ числѣ новыхъ замѣщеній были, однакоже, и такія, которыя служили вознагражденіемъ за несправедливости прежняго управленія, и которыя повсюду были встрѣчены единодушнымъ одобреніемъ. Къ числу такихъ принадлежало распоряженіе о возвращеніи каѳедръ въ Collège de France отставленнымъ профессорамъ, Мишеле и Кине, и созданіе каѳедры тамъ же для гонимаго и презираемаго старо-офиціяльными людьми философа Конта [1]. Въ ряду милостивыхъ декретовъ особенно высились два,—именно одинъ объ уничтоженіи смертной казни за политическія преступленія, который былъ объявленъ въ субботу 25-го февраля Ламартиномъ, съ крыльца Ратуши, при кликахъ восторженнаго народа, и другой—о расширеніи кадровъ національной гвардіи, сословная замкнутость которой была теперь разорвана допущеніемъ въ ряды ея всѣхъ безъ исключенія [2]. Она

[1] Въ замѣнъ и какъ будто для возстановленія равновѣсія, отрѣшены были отъ мѣстъ при университетѣ и библіотекѣ: Низаръ, Орфила, Шампольйонъ-Фижакъ и Рауль-Рошетъ, какъ отъявленные приверженцы Орлеанской фамиліи.

[2] Множество другихъ распоряженій, менѣе значительныхъ, выбрасывало временное правительство изъ кѣдръ своихъ поминутно, что вмѣстѣ съ

тотчасъ же и явилась въ новомъ своемъ составѣ на смотръ, разночинецъ въ блузѣ и сюртукѣ объ руку съ мундиромъ, и всѣ подъ предводительствомъ эксъ-депутата, Гарнье-Пажеса, ставшаго меромъ Парижа; онъ строилъ ихъ въ ряды, разъѣзжая верхомъ, въ сюртукѣ, съ шарфомъ черезъ плечо и въ круглой шляпѣ, будто какой-нибудь американскій генералъ. Впрочемъ, новая мѣра нисколько не измѣнила общаго охранительнаго характера національной гвардіи на первыхъ порахъ. Въ послѣдствіи, оппозиціонныя части этого гражданскаго войска отдѣлились отъ него, чтобы высвободиться и дѣйствовать самостоятельно съ оружіемъ въ рукахъ за свои собственные частные интересы; но теперь національная гвардія, увеличенная всѣмъ количествомъ мастеровыхъ пролетаріевъ и слугъ, нисколько не приняла особеннаго характера. Въ новомъ своемъ составѣ она тотчасъ же обратилась къ старой своей работѣ, защитѣ существующаго порядка вещей, охраненію собственности и подавленію буйствъ, на сколько возможно. Такова сила учрежденія вообще.

И надо сказать, въ содѣйствіи ея настояла уже крайняя необходимость. Временное правительство выдавало всѣ эти декреты не только передъ лицомъ волнующагося парижскаго народа, который легко воспламеняется, но и легко управляется льстивою фразой и знаками довѣрія къ его мудрости, но также и при заревѣ пожаровъ, составлявшихъ послѣднюю попытку темныхъ слоевъ народонаселенія, поднятыхъ со дна общества. Ужасъ овладѣлъ зажиточнымъ Парижемъ, когда онъ услыхалъ, что королевскій дворецъ Нельи обращенъ въ пепелъ, что дача Ротшильда въ Сюренѣ предана огню, въ то самое время какъ хозяинъ ея жертвовалъ 50.000 фр. на раненыхъ, что разрушеніе угрожаетъ и желѣзнымъ дорогамъ. Получено было извѣстіе о погибели

частными декретами по министерствамъ составило въ нѣсколько дней весьма обширную литературу. Въ этой массѣ предписаній можно отмѣтить декретъ объ освобожденіи изъ тюремъ всѣхъ политическихъ преступниковъ и нарушителей законовъ о печати, потомъ уничтоженіе присяги на всякія формы правительства, какъ обманчиваго установленія, несостоятельность котораго дознана во Франціи опытомъ, и наконецъ, распоряженіе молиться въ церквахъ за республику (Боже, спаси республику), ловко и осторожно измѣнено парижскимъ архіепископомъ въ „Боже спаси Францію!“

великолѣпнаго Аньерскаго моста на Сенъ-Жерменской линіи, о сожженіи многихъ станцій, о мостѣ въ Руанѣ, подвергшемся той же участи, и наконецъ о томъ, что по „Сѣверной“ желѣзной дорогѣ пожаръ идетъ уже сплошною массой, начиная отъ Сенъ-Дени до Аміена. Тогда-то новая національная гвардія вмѣстѣ съ волонтерами и, по преимуществу, студентами Политехнической Школы, бросилась на угрожаемые пункты, въ разныя стороны, и съ помощью мѣстныхъ національныхъ гвардій, поднятыхъ ею на ноги, вездѣ потушила огонь и уняла грабежъ.

Новый префектъ полиціи, эксъ-заговорщикъ Косидьеръ, самъ захватившій свое мѣсто, какъ нѣкоторые его товарищи мѣста въ правительствѣ, успѣлъ даже образовать мгновенно легіонъ охранителей порядка,—изъ работниковъ. Онъ назвалъ новыхъ своихъ полицейскихъ агентовъ, перешедшихъ въ эту должность прямо съ баррикадъ, *монтаньярами*, далъ имъ костюмъ солдатъ 1793, и этого было достаточно, чтобъ они могли, съ спокойною совѣстію, ходить патрулями по городу и предупреждать попытки къ грабежу и самовольной расправѣ. Парижъ почти одновременно увидалъ и переформированную національную гвардію, гдѣ подъ ружьемъ стояли, какъ мы уже сказали, рядомъ съ щеголеватыми господами, люди въ фуражкахъ, лохмотьяхъ и блузахъ, и охранительное войско Косидьера съ пыльными, мрачными лицами въ трехугольныхъ шляпахъ, съ краснымъ перомъ откинутымъ назадъ. Монтаньяры очень привольно размѣстились въ казармахъ, около префектуры, и не скупились на льстивыя увѣренія, что честь республики находится въ ихъ рукахъ, и что они призваны оберегать ее „передъ глазами Европы“, отъ позора и излишествъ. Очень забавно было подмѣчать благодарные и вмѣстѣ подозрительные взгляды, какими парижское мѣщанство провожало эти войска.

Между тѣмъ вся Франція, узнавъ въ субботу 25 февраля, что у нея, благодаря Бога, есть правительство, испустила, скажемъ безъ всякаго преувеличенія и риторической фразы, крикъ восторга. Еще баррикады лежали на улицахъ, немножко сдвинутыя въ сторону для возстановленія сообщеній, еще день-деньской раздавались выстрѣлы на воздухъ, пѣлись неистовыя пѣсни и тянулись оригинальныя процессіи къ Ратушѣ, какъ уже временное правительство

получало изъявленія согласія признать его и новую республику, отъ всѣхъ властей, гражданскихъ и военныхъ, со всѣхъ концовъ страны не исключая Алжиріи, изъ которой губернаторъ ея, герцогъ Омальскій, очень спокойно выѣхалъ, оставивъ только манифестъ, гдѣ благословлялъ свое отечество и на новомъ его пути. Всѣ потекли къ временному правительству съ судорожною, невообразимою поспѣшностію. Неожиданныя изъявленія покорности накоплялись въ рукахъ правительства массами, и тутъ встрѣчались между собой люди самыхъ противоположныхъ ученій: и приверженцы стараго правленія (Одилонъ Барро, Тьеръ, Дюфоръ, Бильйо); и бывшая королевская магистратура (генералъ-прокуроръ Дюпенъ первый предлагаетъ свершать судъ отъ имени народа [1]); и духовенство (архіепископъ, благодаря народъ за уваженіе къ святынѣ, предписываетъ отправлять публичныя панихиды за убіенныхъ), и легитимисты (Ларошъ-Жакленъ, Беррье отказываются покамѣстъ торжественно отъ своихъ бывшихъ политическихъ идеаловъ, а сынъ Полиньяка записывается въ ряды національной гвардіи), и пр. и пр. Становится очевидно, что надежды каждой партіи берутъ своею исходною точкой республику и временное правительство. Съ другой стороны закаленные соціалисты всѣхъ цвѣтовъ — Кабе съ цѣлою икаріей, Бюше съ католическимъ республиканизмомъ (онъ сдѣланъ потомъ помощникомъ парижскаго мера), Распайль „Ami du peuple“, и наконецъ аббатъ Шатель съ новою французскою церковью, имъ изобрѣтенною,—всѣ простираютъ руки къ правительству, призывая его открыть новую эру для человѣчества, каждый сообразно съ своими представленіями объ этомъ предметѣ. Мы уже не говоримъ объ адресахъ разноплеменныхъ выходцевъ и воззваніяхъ мистиковъ, визіонеровъ и пророковъ. Успѣхъ временнаго правительства ужасаетъ его самого, потому что отвѣтъ на всѣ требованія и ожиданія дѣлается невозможнымъ. Можетъ-быть не менѣе (если неболѣе) приходятъ въ ужасъ и главные бойцы республики: они останавливаются на мы-

[1] Дюпенъ, занимавшій мѣсто генералъ-прокурора, вскорѣ былъ замѣненъ Порталисомъ, который тотчасъ же открылъ судъ на зажигателей, и началъ слѣдствіе надъ министрами Луи-Филиппа, уже покинувшаго Францію. Слѣдствіе это не имѣло никакихъ результатовъ.

сли образовать оплотъ этому неожиданному бурному потоку патріотизма и преданности, грозящему снести настоящихъ устроителей движенія съ ихъ мѣстъ и отстранить ихъ отъ прямаго участія въ дѣлахъ государства.

Въ этомъ царствѣ всеобщаго единодушія, пожалуй, могла затѣряться и основная демократическая идея переворота. Вотъ почему Ламене и Дюпре основываютъ журналъ *le Peuple constituant*; Распайль принимаетъ роль присяжнаго доносчика и обличителя лицемѣрныхъ друзей республики; Кабе совѣтуетъ своимъ икарійцамъ еще не покидать оружія, а старые экс-заговорщики Бланки и Барбесъ создаютъ первый чисто-политическій клубъ, подъ именемъ: Commission des défenseurs de la république, съ цѣлью наблюдать за выборами въ должностныя лица, предостерегать временное правительство отъ враговъ республики, и отъ ошибокъ, и направлять его предпочтенія и политическія стремленія въ хорошую сторону [1]. Была однакожь еще тайная, невысказываемая причина для сомнѣній и безпокойствъ, скрываемая всѣми за офиціяльнымъ поводомъ къ нимъ. Въ самомъ правительствѣ оказались, съ первыхъ же дней, признаки какого-то колебанія, словно въ нѣдрахъ его заключались двѣ противоположныя политическія струи, мѣшавшія другъ другу выйдти на свѣтъ вполнѣ. Республиканскіе національные декреты, выданные имъ единодушно, ничего не доказывали: они были вынуждены неуклоннымъ требованіемъ обстоятельствъ и гнетущею силой побѣдителя. Но зловѣщіе признаки неполной ясности и неполнаго соглашенія въ цѣляхъ оказывались въ частностяхъ. Такъ еще вечеромъ 24-го февраля объявлено было, изъ Ратуши, что установленіе самой формы правительства предоставляется будущему общему собранію народа: вопль негодованія, раздавшійся изъ рядовъ сражавшихся противъ іюльской монархіи, заставилъ отмѣнить распоряженіе и тотчасъ же объявить Францію республикой. Затѣмъ подъ мелодраматическимъ навѣсомъ изъ пикъ, сабель и

---

[1] Клубъ этотъ въ послѣдствіи распался на составныя свои части: клубъ Бланки и клубъ Барбеса. За этими двумя послѣдовало множество другихъ, число которыхъ дошло, въ концѣ мѣсяца, до 80 на одинъ Парижъ; такъ велика была реакція противъ старыхъ законовъ, воспрещавшихъ ассоціаціи.

пистолетовъ, смахивавшимъ чрезвычайно на обычную обстановку республиканскихъ піесъ въ „Cirque Olympique“, Ламартинъ отвергнулъ красное знамя, которое толпа народа предлагала ему сдѣлать символомъ республики, и утвердилъ эту честь за старымъ трехцвѣтнымъ знаменемъ. Многіе весьма одобряли какъ эту рѣшимость, такъ и знаменитую фразу, сказанную тогда ораторомъ: „Красное знамя обошло только Марсово поле [1], а трехцвѣтное весь свѣтъ“; но послѣ паденія конституціоннаго порядка это знамя уже ничего не выражало, кромѣ имперіи. Не успѣвъ отдать на судъ будущему общему собранію форму правленія, временное правительство декретомъ 1-го марта предоставило ему измѣненіе налоговъ [2], а покамѣстъ удержало въ полной силѣ всѣ существующіе, равно какъ и всѣ контракты и обязательства. Мало того, оно порывалось даже удержать до рѣшенія того же собранія самый штемпель на журналы, сообщая преднамѣренно этому чисто-политическому налогу характеръ финансоваго, но принуждено было опять измѣнить свое рѣшеніе передъ опасностію новаго смятенія. Оно даже и отступило не откровенно, тихо и робко, — отмѣнило пошлину сперва только на время выборовъ въ будущее собраніе, для лучшаго обсужденія кандидатуръ, и уже потомъ, при содѣйствіи, какъ было слышно, болѣе рѣшительныхъ членовъ правительства уничтожило ее совсѣмъ. Совершенно то же происходило съ ненавистными для демократовъ и республиканцевъ законами противъ ассоціацій, сборищъ, обществъ. Въ виду повсемѣстно зараждавшихся клубовъ, ходили слухи о боязливыхъ преніяхъ въ Ратушѣ касательно ихъ правъ на существованіе и результатовъ ихъ дѣятельности; но видно радикальная часть правительства опять одержала верхъ, потому что не только были отмѣнены сентябрскіе законы, воспрещавшіе составленіе обществъ, но и вся старая процедура относительно преслѣдованія проступковъ печати. Присяжные

---

[1] При подавленіи въ Парижѣ возмущенія, на Марсовомъ полѣ, въ первую французскую революцію.

[2] Распоряженіе, подобно многимъ другимъ, также отмѣненное силой обстоятельствъ, которыя заставили правительство увеличить, не дожидаясь собранія, всѣ прямые налоги, о чемъ будемъ говорить въ послѣдствіи.

должны были утверждать приговоръ свой не на простомъ большинствѣ голосовъ, какъ прежде, а единогласно, или по крайней мѣрѣ большинствомъ 8 голосовъ изъ 10. Какъ ни лестны были всѣ эти распоряженія для господствующей партіи и для народа, который все еще не покидалъ улицы, но они приходили всегда часомъ позднѣе чѣмъ слѣдовало, а предшествовавшее имъ колебаніе отнимало добрую половину ихъ цѣнности. Ропотъ на медленность и нерѣшительность дѣйствій временнаго правительства уже начинался, когда пять документовъ, вышедшихъ одинъ за другимъ изъ Ратуши, окончательно обнаружили внутреннія распри диктаторовъ, скрытыя подъ офиціяльною маской единодушія, поставили нѣсколько жизненныхъ вопросовъ для Франціи и, возбудивъ всѣ умы, снова наполнили улицу жизнью и движеніемъ. Мы намѣрены разказать исторію появленія этихъ пяти правительственныхъ актовъ, изъ которыхъ третій—циркуляръ Ледрю-Роллена, касавшійся устройства выборовъ для будущаго собранія, чуть не породилъ новой революціи. Не входя въ позднѣйшія объясненія, толкованія и оцѣнки, сдѣланныя на досугѣ самими авторами документовъ, превратившимися въ историковъ и адвокатовъ собственнаго дѣла, мы ограничимся однимъ изложеніемъ того, какъ понимаемы были массами народа новыя распоряженія въ самую минуту опубликованія ихъ, что онѣ видѣли въ нихъ и за ними, какъ относились къ нимъ и какую дали имъ обстановку своимъ участіемъ и вмѣшательствомъ. Можно надѣяться, что подобная передача дѣлъ, мыслей и ощущеній одного историческаго мгновенія будетъ нѣсколько поучительною для другихъ странъ и эпохъ, и можетъ представить нѣсколько полезныхъ выводовъ для людей достигшихъ той степени развитія, при которомъ требуется разумное убѣжденіе и сознательный взглядъ на предметы политическаго свойства. Изъ всѣхъ пяти актовъ временнаго правительства наименѣе возбудившій разнорѣчія, наименѣе оспариваемый партіями, былъ циркуляръ министра иностранныхъ дѣлъ Ламартина, отъ 2-го марта, къ дипломатическимъ агентамъ правительства, заключавшій въ себѣ программу, которой должна была слѣдовать Франція въ своихъ международныхъ сношеніяхъ.

Съ него и начинаемъ.

I.

Въ знаменитомъ циркулярѣ своемъ, отъ 2 марта, Ламартинъ объявляетъ, что республика не нуждается въ признаніи европейскихъ державъ, что она точно также не имѣетъ нужды въ войнѣ и въ кровавой пропагандѣ, что она требуетъ мира, но почтетъ себя счастливой, если будетъ принуждена взяться за оружіе и насильно покрыть себя славой. Вмѣстѣ съ тѣмъ министръ не признаетъ трактатовъ 1815 года, но для дипломатическихъ сношеній признаетъ государства, ими основанныя. Въ этомъ кругѣ Франція, желающая спокойствія для собственнаго развитія, будетъ держаться до тѣхъ поръ, пока которая-нибудь изъ угнетенныхъ европейскихъ національностей не простретъ къ ней умоляющія руки, (это былъ намекъ на Италію), и сама Франція не увидитъ, что часъ для исполненія рѣшеній Провидѣнія пробилъ... Итакъ пусть народы не боятся Франціи, и сами въ нѣдрахъ своихъ свершаютъ нужныя имъ преобразованія. Ламартинъ заключаетъ манифестъ словами: „Si la France a la conscience de sa part de mission libérale et civilisatrice dans le siècle, il n'y a pas un de ces mots (то-есть девизъ республики: liberté, égalité, fraternité), qui signifie guerre. Si l'Europe est prudente et juste, il n'y a pas un de ces mots qui ne signifie paix. (Если Франція пришла къ сознанію своего освобождающаго и цивилизующаго призванія въ мірѣ, то ни одно изъ этихъ словъ (свобода, равенство, братство) не означаетъ войны. Если Европа захочетъ быть благоразумною и справедливою, то каждое изъ этихъ словъ означаетъ для нея миръ.)

Манифестъ этотъ конечно нѣсколько двусмысленъ, но какъ поддѣлка новыхъ требованій подъ старое европейское право не лишенъ своего рода ловкости. Радикальныя партіи всѣхъ цвѣтовъ поняли необходимость сдѣланной Ламартиномъ уступки, и единогласно положили считать его прокламацію образцовымъ произведеніемъ республикан-

ской дипломатіи. *Journal des Débats*, упоминая о немъ, прибавилъ только: „въ этомъ документѣ г. Ламартинъ высказалъ, какъ и всегда, свои два основныя качества: grandeur et confusion (величіе пополамъ съ путаницей).“ Вслѣдъ за манифестомъ произошла общая смѣна посланниковъ и секретарей посольствъ. Лаконическимъ декретомъ, начинающимся словами: „ont été revoqués de leurs fonctions“, всѣ посланники и множество секретарей были уволены отъ службы, а замѣщеніе ихъ отложено до будущаго декрета.

Вторымъ документомъ, отъ 5-го марта, вышедшимъ изъ министерства внутреннихъ дѣлъ, объявлены общіе поголовные выборы въ національное собраніе. Основаніемъ ихъ принято только народонаселеніе Франціи. Каждая масса въ 40 тысячъ даетъ депутата, и всякій человѣкъ, достигшій 21 года, есть избиратель. Что касается до избираемаго, то отъ него требуется только возрастъ, не менѣе 25-ти лѣтъ, небытіе подъ судомъ или подъ гнетомъ позорнаго (infamant) приговора. Всѣ условія имущества и состоянія устраняются: государство принимаетъ на себя обязанность давать по 25-ти франковъ въ день каждому депутату на все время засѣданій будущаго собранія. Въ крайнемъ случаѣ, отъ депутата не требуется даже и грамотности, на простомъ основаніи: человѣкъ съ здравымъ смысломъ, найдетъ что сказать въ новой палатѣ, которая будетъ состоять изъ 900 членовъ. Войско также участвуетъ въ этихъ обширныхъ политическихъ правахъ. Каждый солдатъ составляетъ свой бюллетень депутатовъ изъ земляковъ, и билетъ его посылается въ тотъ департаментъ, которому онъ принадлежитъ по рожденію. Надо замѣтить, что избиратель обязывался вписать въ свой бюллетень полное количество депутатовъ, положенныхъ для всей его мѣстности. Такъ напримѣръ, Парижу съ окрестностями предоставлено было посылать тридцать четыре депутата въ собраніе, и всѣ тридцать четыре имени должны были находиться на каждомъ избирательномъ листкѣ, обстоятельство довольно затруднительное для людей, такъ мало развитыхъ политически, каковы были крестьяне во Франціи. Вотъ почему инструкціей отъ 8 марта, которая сопровождала декретъ о выборахъ, Ледрю Ролленъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, назначилъ для крестьянъ мѣстомъ складки ихъ биле-

товъ не деревенскія конторы (меріи), а главный городъ округа, или департамента, куда они должны были приходить и гдѣ ожидали ихъ политическія партіи съ своею проповѣдью, борьбой и домогательствами въ пользу своихъ почетныхъ кандидатовъ. Право на депутатство давалось, разумѣется, большинствомъ голосовъ, но кандидату надобно было собрать ихъ по крайней мѣрѣ до 2.000 на своемъ имени. Къ удивленію радикальной партіи, время открытія выборовъ и созванія будущей палаты назначено самое близкое: 9-го апрѣля должны были состояться выборы, а 20-го того же мѣсяца должно было явиться на политическую сцену и національное собраніе. Такъ родилось знаменитое поголовное избирательное право, suffrage universel, возвѣщенное Франціи какъ начало новой эры народнаго благополучія, и принятое ею именно въ такомъ смыслѣ.

Не успѣлъ декретъ о выборахъ обойдти Францію, какъ республиканцы Парижа, видя что время назначенное для составленія списковъ на носу, а деревенское населеніе департаментовъ совсѣмъ не приготовлено къ созданію республиканскаго собранія, подняли шумъ: изъ поголовнаго права выборовъ могла родиться снова монархія. Не теряя времени, партія извѣстнаго редактора *National*, Мараста, бросилась составлять „избирательный комитетъ“, который долженъ былъ разсылать совсѣмъ готовые списки депутатовъ въ свои провинціяльныя конторы по департаментамъ, откуда они, въ тысячахъ экземплярахъ, пошли бы по округамъ, мѣстечкамъ и деревнямъ. Разумѣется, всѣ другія партіи поспѣшили послѣдовать примѣру республиканцевъ *National*. Парижъ, во мгновеніе ока, покрылся „избирательными комитетами“ всѣхъ цвѣтовъ до конституціонно-либеральнаго включительно. Старый Вьенне изъ прежней парламентской оппозиціи, открылъ при содѣйствіи банкировъ, купцовъ, адвокатовъ и вообще образованнаго и богатаго мѣщанства, клубъ „свободныхъ выборовъ“ (club républicain pour la liberté des élections), въ которомъ уже заговорили о деспотизмѣ Ледрю Роллена, самовольно назначившаго складочнымъ мѣстомъ для крестьянскихъ бюллетеней главные города, гдѣ голоса этихъ избирателей необходимо должны подпасть вліянію революціоннаго меньшин-

ства. Крайняя радикальная партія, видя что ей не поспѣть за усиліями соперничествующихъ партій, поставила вопросъ иначе въ своемъ клубѣ „société centrale républicaine," который только что возникъ изъ отдѣлившейся части Барбесовскаго клуба и пріобрѣлъ такую знаменитость въ послѣдствіи. Клубъ этотъ, въ лицѣ своего предсѣдателя, стараго заговорщика Бланки, рѣшилъ требовать у правительства отсрочки выборовъ. Съ этою цѣлью онъ направилъ къ нему депутаціи отъ цеховъ и ремеслъ. Правительство, которое черезъ недѣлю послѣ того принуждено было уступить и согласиться на всѣ ихъ требованія, еще колебалось и показывало видъ, что крѣпко стоитъ на своемъ рѣшеніи: оно только отложило выборы въ національную гвардію до 25-го марта, вмѣсто 18-го, какъ было прежде назначено.

Покамѣстъ все общество волновалось вопросомъ о выборахъ, явился новый циркуляръ того же Ледрю Роллена къ агентамъ правительства въ провинціяхъ, отъ 12-го марта. Это былъ ударъ грома, раздавшійся по всей Франціи. Мы уже сказали, что циркуляръ этотъ составилъ главное событіе марта мѣсяца и чуть-чуть не породилъ новой революціи, спустя три недѣли послѣ февральской. Она не удалась только отъ того, что въ виду прямыхъ послѣдствій, истекающихъ изъ циркуляра, самъ составитель его, Ледрю Ролленъ, испугался и отступилъ передъ послѣднимъ заключительнымъ словомъ собственной своей мысли.

Извѣстно, что правительство въ первыя минуты своего существованія послало въ департаменты молодыхъ людей съ порученіемъ повѣстить народу о новорожденной республикѣ и способствовать ея укорененію. Ледрю Ролленъ давалъ имъ теперь еще новую обязанность. Въ виду выборовъ и изъ опасенія, чтобы голоса не приняли консервативнаго оттѣнка, онъ облекалъ коммиссаровъ правительства безграничнымъ полномочіемъ и предоставлялъ имъ въ провинціяхъ власть, какой тѣ давно уже не видали. Объявивъ, что главнѣйшею заботой каждаго такого агента должна быть теперь забота о составленіи республиканскихъ выборовъ, Ледрю Ролленъ давалъ имъ съ этою цѣлью право уничтожать муниципалитеты (провинціяльные совѣты), если они окажутся сомнительнаго характера, употреблять военную силу и смѣнять самихъ начальниковъ ея, смѣнять всѣхъ

префектовъ и подпрефектовъ, и наконецъ даже удалять отъ должностей (suspendre) лица безсмѣнной магистратуры, то-есть поколебать всю юстицію Франціи. Диктаторскій тонъ циркуляра былъ, можетъ-быть, еще страшнѣе для общества чѣмъ даже содержаніе его. Тутъ не было ни тѣни осторожности или колебанія передъ поставленною цѣлью, а съ другой стороны нельзя было видѣть въ документѣ одну изъ новыхъ вспышекъ революціоннаго фейерверка. Отъ него пахнуло 93-мъ годомъ и временами терроризма. Что произошло въ Парижѣ трудно и разказать. Поднялся общій вопль между достаточными классами населенія, нѣсколько похожій на „sauve qui peut“ проиграннаго сраженія. Уже и прежде капиталы стали скрываться по-маленьку изъ обращенія, а теперь началось явное бѣгство ихъ, при зловѣщемъ кликѣ, что свобода выборовъ уже не существуетъ, что наступили времена проконсуловъ и кровавой анархіи. Въ три дня, слѣдовавшіе за циркуляромъ, всѣ цѣнности на биржѣ упали неимовѣрно, пятипроцентные билеты на 74 фр. 50 сант. и 72 фр., акціи банка понизились на 300 фр. вдругъ (съ 1700 на 1400), акціи желѣзныхъ дорогъ тоже; золото поднялось до 50 фр. лажа на тысячу [1]. Не лучше было и съ серебромъ, составлявшимъ главный мѣновой знакъ Франціи. Въ среду 15-го марта, французскій банкъ былъ буквально атакованъ. Всѣ остальныя коммерческія дѣла, основанныя на кредитѣ, мгновенно пріостановились, и обществу на минуту открылось въ перспективѣ банкротство правительства, раззореніе фабрикантовъ и грозная масса людей труда, предоставленныхъ самимъ себѣ. Чтобы судить о состояніи умовъ и паническомъ страхѣ, овладѣвшемъ всѣми, стóитъ только прочесть рапортъ директора банка, г. Даргу. Онъ извѣщалъ правительство, что съ 26 февраля по 14-е марта уплачено банкомъ 70 милліоновъ монетой, изъ наличной суммы во 140 мил., состоявшей въ его распоряженіи. Къ 14-му марта въ кассѣ оставалось только 70 миліоновъ „Нынѣшнимъ утромъ, продолжаетъ онъ, обнаружилось движеніе паническаго страха въ публикѣ.

---

[1] Одинъ журналъ, кажется *La Presse*, сосчиталъ, что Франція однимъ упадкомъ всѣхъ бумажныхъ цѣнностей и пониженіемъ производства вообще потеряла въ одинъ этотъ мѣсяцъ до $3^1/_2$ милліардовъ.

Предъявители банковыхъ билетовъ явились къ дверямъ его цѣлыми массами; открыты были новыя конторы размѣна; болѣе 10 мил. выдано звонкою монетой; сегодня къ вечеру (15-го марта), въ Парижѣ останется только 59 мил. монеты."

Какъ водится, биржевой и коммерческій кризисъ отразился на улицѣ. Первая мысль, на которой, разумѣется, остановился народъ, была та, что это результатъ обширнаго заговора мѣщанъ, старавшихся привести республику на край погибели финансовымъ путемъ. Съ 14-го числа начали составляться на улицахъ группы, въ которыхъ говорили о способахъ остановить эмиграцію изъ Парижа и заставить богатыхъ издерживать деньги, скрываемыя ими на пагубу коммерціи и рабочниковъ. Множество проектовъ для достиженія этой цѣли, имѣвшей по обыкновенію совершенно обратное дѣйствіе, прибито было на стѣнахъ домовъ [1]. Правительство приняло нѣкоторыя мѣры съ своей стороны: оно дало обязательный ходъ банковымъ билетамъ, наравнѣ съ монетой, а для легчайшаго обращенія ихъ въ публикѣ предписало банку выпустить стофранковыя бумаги наравнѣ съ пятисотенными и высшихъ цѣнностей, которыми банкъ доселѣ ограничивался. Затѣмъ выдачу капиталовъ изъ казначейства по его облигаціямъ, изъ сберегательныхъ кассъ по ихъ книжкамъ, и изъ банка, указало производить только по прошествіи шести мѣсяцевъ со дня предъявленія требованія. Все это нѣсколько остановило приливъ народа къ кредитнымъ учрежденіямъ; но всего болѣе способствовала этому и вообще къ успокоенію владѣльческихъ классовъ общества рѣчь Ламартина, которою онъ отвѣчалъ на депутацію отъ клуба „свободныхъ выборовъ" (pour la liberté des élections). При первомъ волненіи на улицѣ, клубъ этотъ поспѣшилъ къ нему, какъ къ

---

[1] Одинъ изъ нихъ, вышедшій изъ клуба Бланки, совѣтовалъ правительству подвергнуть пятифранковыя монеты особенному штемпелю, который давалъ бы имъ право на обращеніе. „Это заставитъ, говорилъ проектъ, утайщиковъ денегъ явиться на монетный дворъ, съ своими капиталами за помѣткой и обнаружитъ передъ правительствомъ какъ самихъ сберегателей, такъ и количество сберегаемой ими звонкой монеты." Составитель проекта и не предполагаетъ, что звонкая монета можетъ найдти себѣ сбытъ и безъ штемпеля.

старому своему собрату по конституціонной оппозиціи, и Ламартинъ осудилъ передъ нимъ циркуляръ товарища своего Ледрю Роллена, въ выраженіяхъ, не оставлявшихъ никакого сомнѣнія: „Le Gouvernement provisoire n'a chargé personne, сказалъ онъ, de parler en son nom à la nation et surtout de parler un langage supérieur aux lois.“ (Временное правительство никому не давало права говорить отъ его имени съ народомъ, а главное—не давало права говорить такимъ, который бы выше закона.) Мало того, утверждая, что самъ Ледрю Ролленъ не имѣлъ намѣренія замѣстить господство народа своимъ собственнымъ господствомъ, и свободные выборы подкупомъ страха, Ламартинъ прибавилъ, не обращая вниманія на противорѣчіе въ своихъ словахъ: „Nous voulons fonder une république qui soit le modèle des gouvernements modernes et non l'imitation des fautes et des malheurs d'un autre temps! Nous en adoptons la gloire, nous en répudions les anarchies et les torts. (Мы хотимъ основать республику, которая была бы образцомъ для современныхъ правительствъ, а не подражаніемъ ошибокъ и несчастій прошлаго времени. Мы усвояемъ себѣ его славу и отвергаемъ его безначаліе и проступки.) Въ тотъ же вечеръ (среда 15) вѣсть о много-значительныхъ словахъ Ламартина разнеслась по Парижу, и часу въ 11-мъ я самъ видѣлъ одного энтузіаста въ пассажѣ de L'Opéra, читавшаго рѣчь оратора, при многочисленномъ стеченіи народа, со слезами на глазахъ дрожащимъ отъ внутренняго волненія голосомъ. На другой день (въ четвергъ) появилась и послѣдняя рѣшительная мѣра противъ неожиданно приключившейся бѣды. Правительство издало манифестъ, подписанный всѣми членами его, въ которомъ за первое основаніе всѣхъ своихъ дѣйствій принимало уваженіе къ собственности, къ общественному мнѣнію, къ свободѣ выборовъ, удерживая за собой только право устранять отъ послѣднихъ все что̀ можетъ повредить существованію республики, признанной всѣми безъ исключенія. Министръ юстиціи Кремьё объявлялъ, что въ его министерствѣ никто не будетъ и не можетъ быть смѣненъ безъ его вѣдома. Такъ общество и правительство совокупно отбивались отъ призрака 93 года, неожиданно возставшаго передъ ними!

Развитіе этой драмы, однакоже, еще далеко не кончи-

лось. Съ этой минуты ясно сдѣлалось для всѣхъ, что правительство раздѣлено на двѣ партіи: Ламартиновскую и Ледрю-Ролленовскую. Къ первой принадлежала вся та часть республиканской партіи, которая имѣла представителями Мараста и его журналъ *Le National*, да отчасти и тотъ оттѣнокъ соціализма, во главѣ котораго стоялъ Луи Бланъ; ко второй принадлежала часть крайнихъ демократовъ, которой органомъ былъ журналъ *La Réforme* и представителями монтаньяры префекта Коссидьера. Парижъ долженъ былъ стать на ту или на другую сторону.

Дѣло начала національная гвардія, или лучше, остатки прежней національной гвардіи, состоявшіе въ этомъ гражданскомъ войскѣ. Сильно возбужденные противъ Ледрю Роллена за циркуляръ его, они объявили себя на сторонѣ Ламартина, между тѣмъ какъ республиканскіе клубы и молодая подвижная гвардія вступились за Ледрю Роллена, дѣйствія котораго казались имъ откровеннѣе въ смыслѣ революціонномъ. Въ понедѣльникъ 13 марта, во вторникъ 14 и въ среду 15, первая партія, заключавшая въ себѣ вообще людей прежняго порядка, писала протестаціи, оклеивала ими стѣны города, дѣлала манифестаціи (старый либеральный Кератри, напримѣръ, подалъ въ отставку изъ членовъ государственнаго совѣта, не желая быть, какъ говорилъ въ письмѣ, слугою никакой тираніи; клубъ „Свободныхъ выборовъ“, какъ мы видѣли, ходилъ самъ къ Ламартину in corpore, для объясненія и проч.). Вмѣстѣ съ тѣмъ, что уже было гораздо хуже, она положила выйдти на улицу, въ четвергъ, 16 марта, и заявить свое неудовольствіе Ледрю Роллену полнымъ политическимъ актомъ. Органомъ движенія сдѣлался журналъ *La Presse*, и фраза объ устраненіи изъ правительства враждебныхъ направленій принята за выраженіе мыслей и цѣлей новой манифестаціи.

Національная гвардія сдѣлала при этомъ непостижимую политическую ошибку. Начать съ того, что она выходила на площадь безъ призыва, въ числѣ тысячъ десяти, которое журналъ *La Presse* смѣло возвелъ до 25 тысячъ. Простѣе, а главное, законнѣе было бы послать отъ себя депутацію къ правительству, съ выраженіемъ своихъ опасеній. Тогда не нужно было бы принимать и мѣръ противъ собственнаго увлеченія—приказывать чинамъ національной гвардіи являться въ ихъ

штабы, въ мундирахъ, но безъ оружія. Несмотря на эту предосторожность, движеніе все-таки имѣло видъ бунта, и противорѣчило собственнымъ любимымъ ученіямъ этой партіи о порядкѣ. (Національная гвардія, скажемъ мимоходомъ, устроила свой собственный клубъ на Boulevard Monmartre, и положила основаніе новому органу своихъ интересовъ въ печати, журналу *L' Ordre*, жившему однако очень не долго). Затѣмъ она имѣла неосторожность примѣшать къ политической манифестаціи еще и домашнее свое дѣло. Декретомъ отъ 14 марта, Ледрю Ролленъ уничтожилъ образцовыя роты національной гвардіи (compagnies d'élite), именно, гренадеровъ, съ ихъ мѣховыми шапками, волтижеровъ съ уланскими касками и съ богатымъ костюмомъ, отличавшимъ тѣхъ и другихъ отъ прочаго войска. Министръ указалъ размѣстить ихъ по разнымъ батальйонамъ, гдѣ они обязывались, вмѣстѣ со всѣми, участвовать въ выборѣ офицеровъ и начальниковъ. Оскорбленныя роты избранниковъ подбили своихъ товарищей просить заодно у правительства и возстановленія прежнихъ кадровъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что прежніе гренадеры и волтижеры не могутъ теперь съ толкомъ участвовать въ выборахъ, такъ какъ въ батальйонахъ, куда ихъ запрятали, все было имъ незнакомо. Такимъ образомъ, вопросъ о свободѣ выборовъ сплелся съ мелочнымъ и личнымъ дѣломъ, которымъ въ добавокъ оскорблялось самое живое народное чувство въ эту минуту—чувство равенства. Народъ не замедлилъ окрестить всю протестацію шуточнымъ прозвищемъ „протестаціи мѣховыхъ шапокъ“, мало обращая вниманія на печатное объявленіе гренадеръ и волтижеровъ, въ которомъ они торжественно отказывались отъ всѣхъ наружныхъ знаковъ отличія. Шутовское прозвище, данное этому движенію, осталось за нимъ и въ исторіи: *Protestation des bonnets de poil.*

Народъ не ограничился, однако, одною шуткой. Въ четвергъ, 16-го марта, въ 12 часовъ пополудни, я встрѣтилъ на бульварѣ Madeleine часть легіоновъ національной гвардіи, направлявшихся черезъ площадь къ Ратушѣ въ полномъ военномъ порядкѣ, что̀ доказывало, между прочимъ, участіе штабовъ (мерій) въ организаціи заговора. Они шли рука къ рукѣ, въ мундирахъ, безъ оружія, молчаливо и важно. На набережной Сены, почти

передъ самою площадью *Hôtel de Ville*, ихъ встрѣтилъ новый ихъ начальникъ, республиканскій генералъ Курте, прося и приказывая разойдтись и объявляя ихъ демонстрацію бунтомъ. Произошла скандалезная сцена; первые легіоны не послушались и продолжали шествіе, но на самой площади народъ встрѣтилъ ихъ свистомъ и каменьями, не допуская къ Ратушѣ. Между тѣмъ на набережной, послѣ безполезныхъ увѣщаній того же Курте, народъ принялъ дѣло на себя, загородилъ дорогу остальнымъ подходившимъ легіонамъ и сталъ дѣлать баррикады подъ носомъ бунтовщиковъ въ мундирахъ, какъ онъ называлъ гвардейцевъ: группа народа состояла, говорятъ, только изъ 100 или 150 человѣкъ. Легіоны, въ числѣ которыхъ было множество людей получившихъ приказаніе на сборъ изъ штабовъ и повиновавшихся ему, не зная хорошенько въ чемъ дѣло, разошлись со всѣми заготовленными депутаціями. Они не ожидали сопротивленія, а начинать попытку новой революціи совсѣмъ не было у нихъ въ виду. То же сдѣлали легіоны уже добравшіеся до площади и встрѣченные тамъ народомъ. Кой-какимъ депутаціямъ (отъ каждаго легіона было заготовлено по одной) удалось разрозненно и безъ всякой связи представиться правительству и выслушать довольно строгій выговоръ Марраста, онѣ чѣмъ и должны были удовольствоваться.

Однако одушевленіе Парижа въ наступившій вечеръ было неимовѣрное. Такъ какъ по всѣмъ разчетамъ слѣдовало ожидать, что республиканская партія захочетъ отвѣтить на вызовъ консерваторовъ своею собственною манифестаціей, то я и направился въ клубъ Бланки, который помѣщался въ зданіи знаменитой музыкальной консерваторіи Парижа. Сцена консерваторіи, освѣщенная пятью или шестью свѣчами, походила на темное подземелье и весьма мало напоминала блестящую залу европейскихъ концертовъ. Въ большой люстрѣ горѣло нѣсколько лампъ, ложи были запяты людьми въ блузахъ и женщинами изъ народа. Въ партеръ пускали, или по билетамъ, или за плату одного франка при входѣ. Я помѣстился въ партерѣ. Бланки еще не было, предсѣдательствовалъ какой-то старичокъ. Одинъ господинъ, съ блѣднымъ лицомъ и черноволосый, стоялъ впереди и говорилъ съ невообразимымъ жаромъ: „Консерваторы, роялисты, мѣщане сдѣлали демонстра-

цію... надобно спасти ихъ. Sauvons les messieurs, sauvons les! Сдѣлаемъ сильную народную демонстрацію, чтобъ отбить у нихъ всякую охоту мѣшаться не въ свое дѣло на будущее время. Sauvons les (и онъ страшно махалъ при этомъ руками) для ихъ почтенныхъ женъ, умирающихъ отъ страха.“ Раздались яростныя рукоплесканія и хохотъ. Едва они затихли, какъ неожиданно послышались въ разныхъ мѣстахъ залы свистки. Кто-то свиститъ на самой сценѣ. Президентъ встаетъ и говоритъ: „Разрѣшаю публикѣ самой произвести судъ и расправу надъ свисткомъ. Близь-стоящіе люди имѣютъ право изгнать свистуна.“ Голосъ: „Подлѣ васъ свистятъ...“ Голоса на сценѣ: „Вотъ кто свиститъ.“ Президентъ, обращаясь къ группѣ народа и къ свистуну: „Если вы имѣете что возразить на мнѣніе оратора, я вамъ даю слово.“ Голоса: à la tribune, à la tribune! Свистокъ внезапно скрывается. Шумъ. Президентъ стучитъ что есть мочи молоткомъ по столу. Выходитъ другой черный человѣкъ (мнѣ сказали—г. Ипполитъ Боннелье, бывшій актеръ въ Одеонѣ), и съ страшною быстротой произноситъ: „Citoyens! La conduite de M. Lamartine dans l'affaire de la circulaire est déplorable. (Граждане, поведеніе г. Ламартина въ дѣлѣ циркуляра самое плачевное.) Голоса: „oh, oh!“ „oui, oui!“ „non, non!“ Возлѣ меня одинъ разкраснѣвшійся слушатель, въ какомъ-то состояніи упоенія зрѣлищемъ, сперва кричитъ *oui*, а потомъ, переговоривъ съ сосѣдомъ, кричитъ *non*. Президентъ стучитъ, ораторъ послѣ оговорки въ пользу Ламартина продолжаетъ: „но намъ надобно утѣшить *добродѣтельнаго* Ледрю Роллена, во всѣхъ огорченіяхъ, которыя онъ *вѣроятно* испыталъ на безкорыстной службѣ республикѣ.“ При этомъ подражаніи фразеологіи клубовъ 93 года, раздается *браво* со всѣхъ сторонъ. Затѣмъ выходитъ другой господинъ и говоритъ: „какой бы пріемъ ни сдѣлала мнѣ публика, но честь заставляетъ меня сказать, что я не одобряю циркуляра г. Роллена.“ Ужасный шумъ; крики: „à bas,“ смѣняющіеся криками: „parlez“. Ораторъ становится подъ покровительство президента. Мой сосѣдъ кричитъ страшнымъ образомъ à bas, но когда президентъ удерживаетъ слово за ораторомъ, также страшно кричитъ: parlez, бросая вокругъ себя дикіе взгляды. Между тѣмъ ораторъ уже успѣлъ сконфузиться: „я истинный республиканецъ и въ нѣкоторой степени совер-

шепно понимаю циркуляръ.“ (*Хомяк.*) Наконецъ является Бланки, человѣкъ небольшаго роста, съ сѣдыми, коротко остриженными волосами, широкимъ и костистымъ лицомъ, похожимъ на адамову голову. Свѣтъ шандаловъ придаетъ ему синеватый оттѣнокъ. Хриплымъ и отчасти визгливымъ голосомъ Бланки сообщаетъ собранію, что на другой день назначена къ правительству депутація отъ всѣхъ ремеслъ и отъ всѣхъ клубовъ, для заявленія ему готовности народа защищать его отъ всѣхъ попытокъ возмущенія, составляемыхъ враждебными партіями. Онъ присовокупляетъ къ этому, что вмѣстѣ съ заявленіемъ вѣрности положено просить правительство: 1) Не впускать военныхъ силъ въ Парижъ; 2) отложить выборы національной гвардіи до 5 мая; 3) отложить выборы въ національное собраніе до 31 мая. Раздается сильный голосъ сверху, при послѣднемъ параграфѣ: „Vous voulez la perte du pays.“ (Вы хотите погибели отечества.) Всѣ расходятся въ неописанномъ волненіи...

Дѣло въ томъ, что во все время республики клубы не имѣли никакого значенія сами по себѣ. Они дали только средства предводителямъ партіи завести строгую дисциплину въ рядахъ толпы, и направлять ее по своему усмотрѣнію. Примѣръ этой военной организаціи клубовъ представила манифестація 17 марта. Клубы Барбеса и Бланки, переговоривъ съ клубомъ журнала *La Réforme* и съ префектомъ Коссидьеромъ, выставили въ этотъ день совершенно организованную армію работниковъ въ 50 тысячъ человѣкъ. Какъ только клубы принимались за публичное обсужденіе дѣлъ и нуждъ, выходила страшная и вмѣстѣ страстная чепуха. Малая привычка общества къ политической жизни обнаруживалась тотчасъ же. Засѣданія клубовъ пробавлялись повтореніемъ журнальныхъ статей, нелѣпымъ подражаніемъ клубамъ 93 года, а иногда и дракой, какъ это случилось однажды въ самомъ клубѣ Бланки. Только общество икарійца Кабе отличалось приличіемъ и порядкомъ своихъ засѣданій, но это потому, что въ немъ почти всегда только одинъ человѣкъ и говорилъ,—самъ Кабе. Иностранные клубы соперничали съ туземными въ неурядицѣ и анархіи. Кстати разсказать, въ видѣ *pendant* къ сценѣ только что описанной нами, засѣданіе нѣмецкаго „демократическаго общества“, на которомъ мнѣ случилось присутство-

вать. Общество это, подъ предсѣдательствомъ поэта Гервега, собралось для прочтенія и одобренія поздравительнаго адреса отъ нѣмецкаго народа къ французскому, составленнаго особенною коммиссіей изъ членовъ клуба. Засѣданіе началось вопервыхъ предлиннымъ кантомъ пѣсенниковъ, помѣщенныхъ на хорахъ, что съ перваго раза придало ему какъ бы характеръ мессы. Потомъ едва Гервегъ усѣлся въ кресла и разинулъ ротъ, какъ извѣстный Венедей, въ послѣдствіи депутатъ во франкфуртскомъ парламентѣ, заготовившій свой собственный адресъ, сталъ свистѣть... шумъ поднялся страшный: „Да дайте же прочесть сперва адресъ коммиссіи.“ Адресъ прочли, восторженное браво. Венедей прочелъ свой адресъ, опять восторженное браво [1]. Одинъ господинъ кричитъ президенту: „я убью тебя.“ У Гервега колокольчикъ ломается въ рукахъ: онъ начинаетъ бѣситься и старается побѣдить умъ. Не тутъто было. Встаетъ высокій господинъ и начинаетъ бранить собственную націю. „Мы, говоритъ, нѣмецкіе медвѣди, еще смѣемъ толковать о свободѣ отечества, когда не умѣемъ вести себя прилично въ собраніи и притомъ еще на чужой сторонѣ.“ Снова восторженное браво. Выборъ адреса однакоже ни сколько не подвигался. Гервегъ прибѣгаетъ къ простому способу добиться рѣшенія общества: онъ проситъ приверженцевъ адреса коммиссіи поднять руки,—огромное количество рукъ поднимается; проситъ сдѣлать то же самое сторонниковъ Венедея,—и почти одинаковое количество рукъ поднимается за Венедея. Наконецъ Гервегъ останавливается на послѣдней, рѣшительной мѣрѣ: онъ приказываетъ именно людямъ одного адреса пойдти въ лѣвую сторону, а людямъ другаго въ правую. Такъ какъ человѣку нельзя раздвоиться физически, то можно было ожидать какого-нибудь результата: толпа поколебалась и почему-то шарахнулась на правую сторону. Адресъ коммиссіи восторжествовалъ. Послѣ этого чартистъ Джонсъ, нарочно пріѣхавшій изъ Англіи для

---

[1] Разница между двумя адресами состояла въ томъ, что Гервегъ, уже замышлявшій вооруженную экспедицію въ Германію, призывалъ содѣйствіе Франціи *для возрожденія* своего отечества, а Венедей, приверженецъ единства великой Германіи, гнушался иноземною помощью и говорилъ съ французскимъ правительствомъ тономъ представителя могущественной націи.

этого засѣданія, произнесъ по-нѣмецки рѣчь со смысломъ и чувствомъ, въ которой между прочимъ говорилъ: „Теперь я вижу, какъ далеки еще вы, дѣти Германіи, до единодушія, которое одно въ состояніи упрочить вамъ свободу. Всякій разъ какъ увидятъ иностранныя посольства разногласіе между вами, они будутъ писать въ свои земли: не бойтесь здѣшнихъ Нѣмцевъ, они не страшны, они еще не соединились. Мы чартисты тѣмъ и сильны, что мыслимъ и дѣйствуемъ какъ одинъ человѣкъ, и насъ до трехъ милліоновъ...“ Этотъ сухой, рыжій великанъ, съ иностраннымъ произношеніемъ, но совершенно развязный на трибунѣ, какъ и слѣдуетъ истому Англичанину, произвелъ на Нѣмцевъ сильное впечатлѣніе. Впрочемъ замѣтимъ, что единодушіе чартистовъ и почтенная цифра ихъ, выставленная Джонсомъ, не помѣшала Лондону разсѣять всю эту партію въ одинъ день, какъ только она показалась на улицѣ. Путаница сопровождала и всѣ послѣдующія засѣданія „демократическаго клуба“. Гервегъ, самъ смѣявшійся надъ малымъ политическимъ образованіемъ своихъ соотечественниковъ, разказывалъ, что на одномъ изъ этихъ собраній, какой-то маленькій, приземистый работникъ, изъ коммунистовъ, въ порывѣ восторга отпустилъ слѣдующую фразу: „Wir wollen alles vernichten, was nicht auf der Erde ist. (Мы хотимъ все уничтожить *чего только нѣтъ на землѣ.*) Но нелѣпость нелѣпостью, а изъ нѣмецкаго демократическаго общества, такимъ образомъ составленнаго, вышло вторженіе французскихъ Нѣмцевъ въ Баденъ съ оружіемъ въ рукахъ, а изъ безалаберныхъ засѣданій, подобныхъ видѣнному нами въ музыкальной консерваторіи, родилось огромное народное движеніе, къ которому теперь и обращаемся.

На другой день, рано утромъ, Парижъ узналъ программу предстоявшаго ему зрѣлища. Такъ какъ демонстрація національной гвардіи, была направлена въ пользу Ламартина и противъ Ледрю Роллена, то новая демонстрація работниковъ и народныхъ классовъ общества должна была принять обратный характеръ, то-есть выразить осужденіе Ламартина и одобреніе Ледрю Роллена. Въ добавокъ, первая демонстрація старалась отличиться важностью, спокойствіемъ и порядкомъ; опредѣлено было придать то же качество и новой. Первая шла въ рядахъ, положено было тоже идти въ рядахъ, первая была безъ оружія, положено выйдти безъ оружія;

только вмѣсто десяти или двѣнадцати тысячъ человѣкъ первой, рѣшено было собрать тысячъ сто для второй. Начальники распустили нарочно слухъ, что на улицахъ Парижа появится двѣсти тысячъ, между тѣмъ какъ и стотысячное число—преувеличеніе; судя на глазъ, врядъ ли была и наполовину этого на площади. Мы думаемъ, что и эта цифра все еще достаточна для удовлетворенія клубнаго или народнаго самолюбія. Начальники обществъ и выборные отъ ремеслъ приготовлялись къ этой демонстраціи уже давно, съ первыхъ минутъ волненія, произведеннаго Ледрю-Ролленовскимъ циркуляромъ. Участію Коссидьера и егомногоч исленныхъ, хорошо выправленныхъ агентовъ, обязано все это огромное шествіе тѣмъ строгимъ военнымъ порядкомъ, который въ немъ царствовалъ...

И вотъ, 17-го марта мѣсяца, въ полдень, Парижъ увидалъ истинно необыкновенное зрѣлище. Около двѣнадцати часовъ массы народа, въ блузахъ и сюртукахъ, съ знаменами цеховъ, корпорацій и обществъ, потянулись правильными рядами, изъ Елисейскихъ полей, гдѣ былъ сборъ, къ Ратушѣ. Мнѣ посчастливилось видѣть одну отдѣльную группу изъ этой процессіи на площади Пале-Рояля, крайне любопытную, отъ которой въ послѣдствіи многіе изъ вождей отказывались, называя разказы о ней пустою выдумкой. Толпа эта, разбитая на отряды, несла заступы, колья, ломы, лопаты, всѣ инструменты для сооруженія баррикадъ, а посреди ея, тоже въ отрядахъ, нѣсколько стариковъ толкали передъ собой пустыя телѣжки, употребляемыя обыкновенно для перевозки камней и земли на насыпи; словомъ, то были олицетворенныя баррикады, являвшіяся къ правительству на смотръ! Цѣльная, сплошная масса тянулась, однакоже, въ это время по набережнымъ Сены, къ Ратушѣ, отворяя на пути всѣ лавки, которыя запирались при ея приближеніи, усовѣщивая хозяевъ и даже растолковывая имъ, что дѣло идетъ не о грабежѣ. Изъ рядовъ неслись крики; „vive les boutiques ouvertes!“ Устроители движенія имѣли предосторожность предписать участникамъ взаимную полицію другъ надъ другомъ. Въ часъ пополудни, площадь передъ ратушей была загромождена народомъ, стройно стоявшимъ вокругъ нея, съ своими знаменами и значками, въ числѣ которыхъ находилось знамя при депутаціи ирландскихъ семинаристовъ, здѣсь воспитывающихся. Остальные

стояли по набережной. Крики: „Vive Ledru Rollin, vive la circulaire revolutionnaire“, не умолкали. Множество эпизодовъ въ этой массѣ дѣлали ее какимъ-то живымъ, дѣйствующимъ лицомъ, несмотря на ея неподвижность. Я видѣлъ, напримѣръ, женщину появившуюся съ ребенкомъ, въ одномъ окнѣ Ратуши: восторгъ былъ неописанный, и всякій разъ какъ ребенокъ, смотря на эту грозную толпу, билъ ручонками и начиналъ прыгать — шапки летѣли кверху и тысячи людей трепетали отъ удовольствія. Въ два часа впустили депутацію къ правительству, и тутъ-то Жераръ и Кабе предъявили извѣстныя требованія отъ имени народа, о которыхъ мы уже упоминали. Луи Бланъ взялся отвѣчать. Несмотря на двусмысленное его положеніе, какъ друга работниковъ и въ то же время друга Ламартина, онъ отвѣчалъ хорошо. „Не заставляйте насъ, сказалъ онъ, писать декреты подъ угрозой народа. Величіе правительства, величіе самого народа, котораго мы представители, можетъ быть этимъ унижено: мы готовы умереть, и не за себя — что̀ мы безъ народа? — но именно за васъ, для спасенія вашего достоинства. Вспомните, что въ эту минуту глаза всей Франціи, всей Европы, устремлены на одну комнату въ ратушѣ.“ Ледрю Ролленъ, который въ эту минуту могъ сдѣлаться диктаторомъ Франціи, отступилъ передъ страшною отвѣтственностью рѣшительнаго поступка и возвратился въ лоно своихъ товарищей. Несмотря на приманку этого колоссальнаго тріумфа, устроеннаго въ честь его, онъ твердо объявилъ, что отложить выборы въ національное собраніе правительство не можетъ, не узнавъ прежде мнѣнія всей Франціи. Кабе дѣйствовалъ чрезвычайно умѣренно: высказавъ свои требованія, онъ предложилъ спутникамъ своимъ тотчасъ же удалиться, для предоставленія полной свободы дѣйствій правительству. Раздались крики: „oui, oui“, „non, non“. Собріе, одинъ изъ республиканскихъ публицистовъ, пріобрѣтшій въ послѣдствіи большую извѣстность, потребовалъ объясненій: обладаетъ ли правительство единодушіемъ необходимымъ для успѣха дѣлъ? и назвалъ Ламартина. Вызовъ этотъ далъ возможность Ламартину произнести одну изъ торжественнѣйшихъ рѣчей своихъ, которая получила особенное значеніе отъ обстановки и отъ грозной минуты, какую не-

реживалъ самъ ораторъ. Еще наканунѣ друзья предостерегали его отъ опасностей его положенія, и Ламартинъ отвѣчалъ на намеки увѣреніемъ, что онъ готовъ сложить голову. Конечно, вопросъ тутъ шелъ не о чьей-либо головѣ, а о предотвращеніи ужасовъ междуусобной войны во Франціи съ пожертвованіями, какихъ потребуетъ задача. „Господа," сказалъ онъ, „имя мое было упомянуто и я прошу позволенія отвѣчать на вызовъ"... Потомъ, возобновляя вопросъ о свободѣ совѣщаній правительства, онъ выразился такъ: „Что можемъ мы противопоставить вамъ? Ничего, кромѣ вашего собственнаго смысла, кромѣ могущества общественнаго разума, который дѣйствуетъ въ эту минуту между вами невидимо и принуждаетъ васъ остановиться передъ нами! Какъ велика эта нравственная сила, это доказывается тѣмъ, что мы, благодаря ей, остаемся спокойны и независимы въ виду огромной массы народа, окружающаго дворецъ, защищаемый однимъ только понятіемъ о его неприкосновенности." И потомъ, возражая депутаціи на три главныя требованія и переходя къ послѣднему (отсрочкѣ общихъ выборовъ), онъ сказалъ: „Еслибы вы вздумали заставить меня, подъ угрозой насилія, лишить голоса всю остальную націю, объявить ей, что она лишена права на представительство и на основаніе конституціоннаго порядка въ теченіи трехъ, шести, а можетъ, почемъ знать? и болѣе мѣсяцевъ, я вамъ скажу то, что говорилъ нѣсколько дней тому назадъ иному правительству: приговоръ этотъ вы можете вырвать у меня только съ моимъ сердцемъ!" Многіе депутаты, растроганные рѣчью, кинулись къ нему обнимать его, а ораторъ, ободренный успѣхомъ, прибавилъ: „Берегитесь подобныхъ собраній народа, и не шутите съ ними. 18-е брюмера народа можетъ повести за собой 18-е брюмера деспотизма." Рѣчь Ламартина порѣшила дѣло. Необходимость сохранить цѣлость и независимость правительства чувствовалась невольно, какъ мы видѣли, самими депутаціями отъ народа; послѣ рѣчи Ламартина не могло быть болѣе и помина о раздробленіи властей. Ледрю Ролленъ такъ вошелъ въ роль самоотреченія, что въ одинъ голосъ со всѣми товарищами не соглашался, покамѣсть, ни на одно изъ требованій клубовъ. Мало того: вечеромъ того же дня, когда одна отдѣльная группа рѣшилась еще попы-

тать счастія и пришла къ нему, прямо въ министерство, съ предложеніемъ согласиться, по крайней мѣрѣ, на оставленіе войска за городомъ, онъ отвѣчалъ рѣшительно: „Нѣтъ, граждане, подобныя чувства несправедливости и недовѣрія не могутъ жить въ сердцахъ вашихъ. Мы всѣ благодаримъ васъ за ваше участіе къ намъ; мы благодаримъ всю національную гвардію за удивительную ея дѣятельность, которая упрочила порядокъ въ нашемъ городѣ; но мы не хотимъ злоупотреблять долѣе вашимъ усердіемъ и призовемъ на помощь вамъ братій вашихъ по арміи.“

Депутаціи клубовъ рѣшились наконецъ удалиться, но народъ, не вполнѣ довольный малымъ успѣхомъ требованій, предъявленныхъ отъ его имени, вызывалъ къ себѣ самое правительство. Массамъ хотѣлось, по крайней мѣрѣ, лично заявить, что онѣ берутъ Ледрю Роллена подъ свое покровительство и противопоставляютъ его любимцу мѣщанъ и лавочниковъ Ламартину. При кликахъ народа, на крыльцѣ и эстрадѣ Ратуши, показалось временное правительство въ полномъ своемъ составѣ. Понятно, что никто не могъ говорить съ толпой теперь, кромѣ Луи Блана, посредника между двумя министрами, раздѣлявшими симпатіи парижскаго населенія. Нѣсколько словъ, сказанныхъ имъ, были покрыты рукоплесканіями, но всѣ глаза, всѣ руки и всѣ клики направлены были къ Ледрю Роллену. „Vive Ledru Rollin“ носилось въ воздухѣ оглушительно. Онъ молчалъ, и на полномъ, открытомъ, сангвиническомъ лицѣ его ничего не выражалось, кромѣ твердой рѣшимости выйдти изъ Ратуши, вмѣстѣ со всѣми товарищами. Политическій день кончился.

Давъ этотъ косвенный выговоръ Ламартину, вся масса тронулась, и тѣми же правильными рядами направилась къ Бастильской площади. Тамъ, въ глубокомъ молчаніи и съ открытыми головами, она прошла кругомъ іюльской колонны, свершая поминки по убитымъ 1830 года, а потомъ двинулась въ богатые и аристократическіе кварталы города, съ явною цѣлью распространить спасительный ужасъ на заговорщиковъ и недовольныхъ. Я опять встрѣтилъ голову этой чудовищной, нескончаемой колонны: она пѣла хоромъ „La marsellaise“, „chant du départ“ и другія республиканскія пѣсни. Никто не отдѣлялся отъ рядовъ; только

пѣсни, по временамъ, прерывались криками, впрочемъ не нарушавшими ихъ мѣрнаго такта, которые требовали, чтобы встрѣчные пѣшеходы, зрители въ окнахъ и хозяева у лавокъ кричали: „Vive la république“ и снимали шляпы передъ царствующимъ народомъ. Масса эта остановилась на минуту у биржи и провозгласила: „à bas les agioteurs“, а затѣмъ, одна часть ея отдѣлилась и перешла въ Сенъ-Жерменскій кварталъ. Тамъ, проходя мимо всѣхъ этихъ дворцовъ, по обыкновенію, съ глухо-на-глухо запертыми воротами, они пѣли, „ça ira“. Никто при этомъ, однакожь, не былъ оскорбленъ ни въ личности, ни въ имуществѣ. Страсти видимо сдерживались цѣлью, которую задала себѣ толпа, именно уничтожить попытки какого-либо сопротивленія новому порядку дѣлъ одною грозой своего появленія. Если принять въ соображеніе, что подъ всѣми этими знаменами легко было различить самому бѣглому взгляду множество лицъ, на которыхъ гнѣвъ и ярость ожесточенной бѣдности оставили свои несомнѣнные признаки, и множество глазъ, горѣвшихъ свирѣпымъ огнемъ, то поймемъ, что скромность толпы стоила ей значительныхъ усилій. Вечеромъ разрѣдѣвшія обломки ея ходили группами по городу, заставляя иллюминовать дома и покрикивая иронически: „des lampions ou des pierres.“ По первому такому приказанію городъ зажегся разноцвѣтными огнями съ верху до низу. Въ часъ ночи все было пусто на улицахъ, но дома продолжали горѣть, заливая улицы рѣками свѣта и образуя фантастическую декорацію. На другой день все вошло въ обычный порядокъ; буря промчалась, люди вздохнули свободнѣе, но во всѣхъ углахъ Парижа слышался одинъ и тотъ же вопросъ изумленія: неужели все это могло пройдти такъ, городъ остался цѣлъ и никто не поплатился за спектакль? *Journal des Débats*, разказывая вкратцѣ событія дня, буквально повторилъ этотъ вопросъ.

Въ сущности онъ даромъ и не прошелъ. Вопервыхъ, правительство, несмотря на ту маску независимости, которую позволили ему сохранить до времени, не устояло подъ давленіемъ такого страшнаго гнета. Оно отложило выборы національной гвардіи до 5 апрѣля, а выборы въ національное собраніе до 23 того же мѣсяца, забывъ превосходные резоны, на основаніи которыхъ сопротивлялось

этой мѣрѣ. Вовторыхъ, сами устроители и начальники движенія поняли тотчасъ же, что играли съ огнемъ: въ клубахъ оказалось разногласіе на другой же день манифестаціи. Одни изъ нихъ заговорили, что она ни къ чему не повела, кромѣ безполезнаго раздраженія владѣющихъ классовъ, а можетъ-быть и всей земли; другіе, напротивъ, что она зашла далеко,—но все это было уже поздно. Какъ трепетали сами республиканцы за себя и за участіе Франціи, при этой выставкѣ матеріяльныхъ силъ, заключающихся въ пролетаріатѣ, доказали оба правительственные журнала: демократическая *La Réforme* и чисто республиканскій *Le National*. Въ самый день торжественнаго шествія пролетаріата по Парижу, оба они единогласно умоляли оскорбленныхъ гражданъ національной гвардіи не заводить, изъ пустаго тщеславія, драки съ народомъ, и не дѣлать такимъ образомъ столицы Франціи позорищемъ братоубійственной войны. Этого не случилось, но національная гвардія, а съ нею и все земледѣльческое населеніе Франціи затаили на время обиду и ждали перваго случая отомстить за нее. Случай не замедлилъ представиться: 16-го слѣдующаго апрѣля, они вдвоемъ отвѣчали клубамъ и работникамъ точно такою же колоссальною манифестаціей, но уже при кликахъ: „долой коммунистовъ“. Мартовская драма имѣла злое потомство; она вызвала апрѣльскую драму, которая съ своей стороны разрѣшилась майскою, а эта наконецъ произвела іюльскую рѣзню — послѣдній актъ всей эфемерной французской республики...

Въ шумѣ, произведенномъ циркуляромъ Ледрю Роллена, пропалъ другой циркуляръ министра просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, Карно, отъ 6 марта. Впрочемъ надо замѣтить, что Ледрю Ролленъ своимъ циркуляромъ 12 марта затмилъ собственныя свои распоряженія, рѣшительныя не менѣе его знаменитаго послѣдняго наставленія коммиссарамъ правительства. Еще 8 марта онъ предписывалъ имъ обратить особенное вниманіе на положеніе работниковъ каждаго департамента, и прибавлялъ такую вызывающую фразу: „Республика *ими* основана и *для нихъ* существуетъ“ (c'est par eux et pour eux que s'est fondé la République). Карно взялъ на свое попеченіе крестьянъ. Слѣдуя основной мысли Ледрю Роллена, онъ предписывалъ рек-

торамъ учебныхъ округовъ стараться прежде всего привлечь крестьянъ къ выборамъ, употребляя для этого вліяніе школьныхъ учителей, которые между ними живутъ и ими уважаются. Изъяснивъ далѣе, что Франція нуждается не столько въ ученыхъ и ораторахъ, сколько въ новыхъ людяхъ и въ ясномъ выраженіи нуждъ народныхъ, Карно восклицалъ: „Пусть 36 тысячъ нашихъ школьныхъ учителей возстанутъ по моему призыву и сдѣлаются глашатаями новыхъ основаній народнаго образованія передъ сельскимъ населеніемъ нашимъ. Франція жаждетъ новыхъ людей.“ И потомъ, какъ бы поправляя самого себя, Карно продолжалъ: „Да отчего бы школьнымъ учителямъ ограничиться одною этою проповѣдью, а не занять и самимъ мѣста въ средѣ ожидаемыхъ новыхъ людей? Пусть придутъ они къ намъ во имя тѣхъ сельскихъ классовъ, въ нѣдрахъ которыхъ они родились и страданія которыхъ они раздѣляли вполнѣ. Таковъ, господинъ ректоръ, новый видъ общественной службы, которой я ожидаю отъ гг. школьныхъ учителей въ это революціонное время.“ Документъ этотъ, какъ мы сказали, былъ заслоненъ циркуляромъ Роллена, но въ замѣнъ того онъ возбудилъ жаркую полемику по ту сторону Канала, въ Англіи, на родинѣ представительнаго правительства, и удостоился тамъ подробнаго изслѣдованія. Особенно задѣло англійскую журналистику вступленіе, гдѣ Карно излагаетъ свой взглядъ на значеніе представительной системы вообще. По его мнѣнію, хорошая республиканская палата есть не что иное какъ собраніе присяжныхъ, гдѣ большинство рѣшаетъ черезъ *да* или *нѣтъ* предложенія выработанныя спеціяльными, избранными людьми. Малообразованный и даже безграмотный человѣкъ, но съ здравымъ смысломъ, любовію къ народу и знаніемъ его нуждъ, какъ нельзя лучше помѣститъ при этомъ свое *да* или свое *нѣтъ*. Афоризмы Карно, возбудившіе интересъ въ Англіи, едва были выслушаны въ своемъ отечествѣ тѣмъ сельскимъ населеніемъ, къ которому обращались, да и благія послѣдствія, какихъ могло еще ожидать республиканское правительство отъ распространенія ихъ въ народѣ, оно же само и постаралось уничтожить въ зародышѣ. Десять дней спустя послѣ появленія циркуляра Карно, товарищъ его, министръ финансовъ,

Гарнье-Пажесъ опубликовалъ декретъ о прибавочномъ налогѣ въ 45 сантимовъ на каждый франкъ, падавшемъ преимущественно на крестьянъ-землевладѣльцевъ, чѣмъ возбудилъ между ними сильное подозрѣніе, что всѣ заискивающія слова, къ нимъ обращенныя, только маска, принятая съ цѣлью ловчѣе развязать ихъ кошельки и приличнѣе обременить собственность. Этотъ послѣдній, важный документъ временнаго правительства, имѣлъ тоже свою исторію, которую мы и разкажемъ.

Банкиръ Гудшо, первый по времени министръ финансовъ новой республики, въ короткій срокъ своего управленія, сдѣлалъ однакоже такую крупную ошибку, что пріобрѣлъ тѣмъ имя себѣ. Изъ пустаго желанія показать, что ничего не перемѣнилось во Франціи съ 24 февраля, кромѣ формы правленія, онъ бросилъ 50 милл. на уплату владѣльцамъ 5%-й ренты еще до срока. Разумѣется, настоящее положеніе дѣлъ скоро обнаружилось, а казначейство утратило 50 милл. фр. въ самую трудную для себя минуту.

Иначе поступилъ Гарнье-Пажесъ, назначенный вскорѣ министромъ финансовъ, и уступившій мѣсто мера города Парижа Арману Маррасту, предварительно отказавшемуся отъ управленія короннными имѣніями, которое ему было предложено. Гарнье Пажесъ представилъ 9 марта временному правительству свой знаменитый пространный докладъ, гдѣ изображалъ Францію на краю финансовой гибели. По его соображеніямъ, администрація Лудовика Филиппа сдѣлала въ теченіи семи лѣтъ (то-есть въ министерство Гизо, съ которымъ Гарнье велъ непримиримую парламентскую войну) болѣе 912½ милл. долга, а въ послѣдніе дни своего существованія (то-есть въ 268 дней) издерживало каждый день по одному слишкомъ милліону сверхъ положеннаго. Суммы эти она покрывала самымъ опаснымъ для государства способомъ, именно захватывая деньги сберегательныхъ кассъ, которыя всегда могли быть потребованы вкладчиками, и занимая у казначейства въ счетъ будущихъ доходовъ. Такимъ образомъ возникъ, наканунѣ революціи, долгъ сберегательнымъ кассамъ въ 350 милл. и долгъ казначейства, выпускавшаго на себя облигаціи (bons de trésor), въ 325 милл. Для покрытія перваго долга, въ февралѣ 1848 года, состояло наличной суммы въ кассѣ

только 65½ милл., а для покрытія втораго не было ничего, такъ какъ суммы, опредѣленныя на это изъ коммиссіи погашенія (amortissement), были предварительно растрачены на постройки желѣзныхъ дорогъ и публичныя работы, которыми такъ хвасталось правленіе Лудовика Филиппа. Гарнье Пажесъ еще не удовольствовался этою мрачною картиной: онъ объявлялъ, что къ концу 1848 года наступило бы для Франціи неизбѣжное банкротство, ибо расходы государства должны были, несмотря на всѣ сдѣланные имъ долги, превысить бюджетъ 73½ милліонами. Министръ заключалъ свой докладъ восклицаніемъ: „Да, граждане, провозгласимъ съ радостію и гордостію ту истину, что ко множеству правъ, которыя имѣетъ республика на любовь народа и на уваженіе свѣта, должно присоединиться еще новое: республика спасла Францію отъ банкротства!“ Это было сильно сказано, но уже и тогда люди, знавшіе въ какомъ цвѣтущемъ состояніи находится во Франціи наука группировать цифры, сомнѣвались въ непогрѣшительности всѣхъ выводовъ г. Пажеса. Дѣйствительно вскорѣ объяснилось, что министръ забылъ упомянуть о свойствѣ тѣхъ вкладовъ сберегательной кассы, которые помѣщены туда общинами и ассоціаціями, живущими на проценты и никогда не трогающими своихъ капиталовъ; это мертвые капиталы, и они-то составляютъ едва ли не половину всего имущества кассъ; что же касается до второй подвижной половины ихъ суммъ, то касса пріобрѣла 5%-ю ренту, дающую имъ 8 милл. процентовъ, и представляющую капиталъ то же около 200 милл. Если съ этой стороны опасность кризиса была преувеличена министромъ, то съ другой состояніе коммиссіи погашенія оцѣнено имъ не совсѣмъ вѣрно. Она не была совершенно пуста, какъ утверждалъ г. Пажесъ, а напротивъ числила у себя 80 милл, и притомъ, съ цѣлію покрыть эту статью, окончательно заключенъ былъ при Лудовикѣ Филиппѣ заемъ въ 200 милл., на очень выгодныхъ условіяхъ, и очень хорошо поступавшій въ казну. Какъ бы то ни было, но впечатлѣніе произведенное докладомъ Гарнье Пажеса въ публикѣ нисколько не было ослаблено возражателями, потому что и сами они признавали тяжесть общаго долга, лежащаго на Франціи, массу долговъ казначейства, ничѣмъ не прикрытыхъ, по

случаю прерваннаго займа и важнаго дефицита, который грозилъ республиканскому бюджету въ концѣ года [1].

Вслѣдъ за докладомъ своимъ, министръ объявлялъ пять декретовъ временнаго правительства, имѣвшихъ цѣлію поправленіе печальнаго положенія дѣлъ. Первымъ изъ нихъ, оно затрудняло обратное полученіе вкладовъ изъ сберегательныхъ кассъ, предписывая удовлетворять сполна монетой только владѣльцевъ единственнаго капитала во сто и менѣе франковъ: прочіе вкладчики получали, слѣдуя опредѣленной лѣстницѣ, десятый процентъ монетой, а остальное 5%-ю рентой на государство и облигаціями казначейства (bons de trésor) тоже въ 5%; вторымъ назначались въ продажу коронные брилліянты, а все серебро дворцовъ присуждалось къ переливкѣ въ монету: третьимъ опредѣлено продать ту часть коронныхъ имѣній (les biens de l'ancienne liste civile), которую укажетъ министръ, съ такими облегченіями для покупщиковъ, что они обязываются къ немедленному взносу только $^1/_4$ всей продажной суммы, а на остальныя $^3/_4$ даютъ обязательства на себя. Документы эти, помѣченные штемпелемъ государства, могутъ быть пускаемы въ обращеніе, какъ монета, увеличивая собою количество мѣновыхъ знаковъ. Четвертымъ дозволялось продать нѣкоторую часть государственныхъ лѣсовъ, и наконецъ пятымъ заключить національный заемъ, примѣрно во 100 милл., подписки котораго получатъ пяти-процентную ренту на государство.

Все это было легче написать чѣмъ привести въ исполненіе. Декретамъ Гарнье Пажеса не доставало нужнаго авторитета, сообщаемаго обыкновенно подобнымъ мѣрамъ законодательною палатой, и контроль ихъ ожидавшій былъ контроль клубовъ, а не учрежденій. Въ жизни обществъ случаются политическіе и финансовые кризисы, когда управлять невозможно. Финансовые декреты правительства

---

[1] Сумма дефицита оказывалась изъ слѣдующаго расписанія бюджета на 1848 годъ:

Доходовъ.	.	1.370.978.010
Расходовъ.	.	1.420.978.607
Недочетъ.	.	49.264.597 фр.

Присовокупляя къ этому 23.379.000 ф. отъ излишне-высокой оцѣнки рентъ, которыми владѣетъ государство, видимъ, что дефицитъ достигалъ предположенной цифры 73.643.597 фр.

явились на свѣтъ мертворожденными. Едва показались они въ *Монитерѣ*, какъ ихъ встрѣтило единодушное осужденіе съ двухъ противоположныхъ сторонъ: отъ консерваторовъ, за то что они воскрешали, посредствомъ обязательствъ на покупщика и, вѣроятно, фиктивной продажи имѣній, старыя ассигнаціи, уже надѣлавшія столько бѣдъ первой республикѣ; отъ республиканской и соціалистской партіи, за то что продажа лѣсовъ и коронныхъ земель въ частныя руки, раздробляя государственное достояніе, способствовала бы распространенію мелкой собственности, между тѣмъ какъ спасеніе Франціи зависѣло именно отъ уменьшенія этой собственности и сбереженія большихъ земельныхъ участковъ, для обработки ихъ ассоціаціями, подъ надзоромъ правительства. По обыкновенію, клубы и журналы выслали депутатовъ въ Ратушу съ своими протестаціями, и вліянія ихъ было достаточно чтобы весь финансовый планъ г. Пажеса разлетѣлся въ прахъ. Вмѣсто продажи коронныхъ земель и лѣсовъ, они просто отданы были, 29 марта, въ управленіе государственными имуществами, на общихъ основаніяхъ. Объ отчужденіи брилліантовъ, дворцоваго серебра и проч., почти не было и помина на другой день декрета. Черезъ недѣлю стало всѣмъ очевидно, что и предположенный заемъ также не можетъ состояться, по отсутствію кредита и укрывательству капиталовъ. Вмѣсто него учреждена была коммиссія патріотическихъ приношеній (des dons patriotiques). Ее помѣстили въ Елисейскомъ дворцѣ, Elysée Bourbon, нѣкогда собственности перваго Наполеона, и снабдили, въ видѣ предсѣдателей, популярными именами Беранже и Ламене. Дѣйствительно, къ ней тотчасъ же и потянулись эффектныя процессіи работниковъ, съ ихъ *экономіями*, которыя обыкновенно неслись на носилкахъ, въ ящикахъ, украшенныхъ лентами и вѣнками, и сопровождались толпами доброхотныхъ зрителей; но въ теченіи трехъ мѣсяцевъ коммиссія не собрала и 500 тыс. франковъ приношеній, да и добрая часть самой этой цифры составилась изъ взносовъ банкировъ и вообще достаточныхъ людей, имѣвшихъ свои виды на республику.

Надо было отыскать другія мѣры для покрытія дефицита. Г. Пажесъ имѣлъ несчастіе остановиться на одной, которая нанесла сильный ударъ дѣлу республики

во Франціи. 16 марта, по его предложенію, 4 прямые налога поражены были добавочнымъ платежомъ въ 45 сант. Декретъ имѣлъ временное значеніе, и добавка эта требовалась на одинъ только 1848 годъ; но это именно и способствовало тому, чтобы въ крестьянахъ, естественныхъ плательщикахъ прямыхъ налоговъ, 1848 годъ считался годомъ бѣдствія, а республика, имъ порожденная, событіемъ ненавистнымъ. Клубы опять ходили къ правительству, правительство опять смягчило декретъ, объявивъ, что оно не намѣрено строго взыскивать налогъ и постарается освободить отъ него дѣйствительно неимущихъ людей. Это значило сохранить только непріятную сторону распоряженія и отказаться отъ выгодной... но все было напрасно... Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, когда декретъ сталъ приводиться въ исполненіе, многочисленныя, иногда кровавыя схватки крестьянъ со сборщиками податей показали какъ думаетъ о немъ сельское населеніе и какъ мало надежды водворить любовь въ его сердцахъ къ республиканской формѣ правленія.

Но мелкіе собственники Франціи раздражены были не однимъ этимъ обстоятельствомъ. Они сошлись со всѣми владѣющими классами государства въ мнѣніи насчетъ одного отвлеченнаго экономическаго принципа — права на работу, droit au travail, твердо введеннаго Луи-Бланомъ, какъ извѣстно, въ программу правительства. Принципъ этотъ, на первыхъ порахъ, явился въ довольно-неблаговидномъ образѣ работниковъ прокармливаемыхъ государствомъ, безъ всякихъ результатовъ для него, кромѣ развѣ временной и еще весьма сомнительной поддержки общественнаго спокойствія. Мы уже знаемъ, что 6 марта, имѣя въ виду работниковъ лишенныхъ средствъ труда, по сокращеніи всей производительности Франціи вообще, правительство декретировало устройство „національныхъ мастерскихъ“. Послѣ событій 16 марта, министръ публичныхъ работъ, Мари, уже объявлялъ, что и пристроенные работники бѣгутъ отъ своихъ мѣстъ, и умолялъ народъ возвратиться къ занятіямъ и труду, первымъ основаніямъ благосостоянія государствъ. Но обычныя условія труда казались уже невыносимыми тѣмъ людямъ, которые могутъ повелѣвать Парижу и сами *дѣлать исторію*, по выраженію. *National* Новыя мастерскія, однакоже, не такъ

легко было устроить и направить, какъ уличную процессію: требовалось время, выборъ работы, обдуманный уставъ. Но неволѣ приходилось или давать по одному франку въ день даромъ, или платить по два франка въ день за воображаемую расчистку Марсовыхъ полей и ничтожныя земляныя работы вокругъ города. [1] Можно сказать съ достовѣрностію, что истинно трудовые люди изъ простаго класса смотрѣли на этихъ работниковъ, обыкновенно спавшихъ на своихъ телѣжкахъ, или собиравшихся въ праздныя кучки, съ такимъ же точно негодованіемъ и съ такою же затаенною злобой, какъ могли бы они смотрѣть на любаго мѣщанина-собственника, плотно пообѣдавшаго и обезпеченнаго въ своемъ существованіи. Такимъ образомъ мартъ мѣсяцъ накоплялъ все болѣе и болѣе горючихъ матеріяловъ. Замѣчательно, что никто и не сомнѣвался въ близости пожара. Нѣкоторая часть правительства еще возлагала надежды, въ дѣлѣ спасенія республики, на люксамбургскую коммиссію. Члены этой правительственной партіи ждали оттуда провозглашенія какихъ-либо новыхъ основаній общественнаго порядка, которыя можно было бы признать офиціяльною программой правительства въ его отношеніяхъ къ внутреннимъ силамъ, труду и хозяйству государства. Всякій разъ, какъ одолѣвали его требованія и вопли хозяевъ и работниковъ, по разнымъ частямъ бѣдствующаго мануфактурнаго и земледѣльческаго производства, правительство указывало имъ на люксамбургскую коммиссію, какъ на мѣсто гдѣ вырабатываются для всѣхъ основанія лучшей будущности: нѣкоторое время оно успѣвало отводить этимъ способомъ глаза первыхъ и обманывать голодъ вторыхъ. Однакоже, при дальнѣйшемъ развитіи трудовъ коммиссіи, надежды все болѣе и болѣе ослабѣвали съ обѣихъ сторонъ. Мы не намѣрены излагать здѣсь исторію работъ въ люксамбургской коммиссіи, такъ

---

[1] Бѣдныя работницы Парижа, классъ дѣйствительно безпомощный не въ одномъ Парижѣ и не въ одно революціонное время, получили свою долю вспомоществованія. Изъ нихъ составлено было собраніе, подъ предсѣдательствомъ мера и подъ руководствомъ гражданокъ Ламартинъ и Малле, которое вело списки работницамъ безъ мѣстъ и безъ заказовъ, получавшимъ за тѣмъ по 50 сантимовъ въ день. Мнѣ ни разу не случилось услыхать или прочесть упрекъ временному правительству отъ кого-либо за употребленіе этихъ денегъ.

какъ она составляла совершенно отдѣльный эпизодъ въ ходѣ революціи и поэтому требуетъ отдѣльной статьи. Скажемъ только, что положенія, выставленныя ею, послѣ нѣсколькихъ бурныхъ засѣданій, какъ аксіомы производительной жизни государства, или были вовсе не приложимы, или требовали многотрудныхъ, терпѣливыхъ усилій для приложенія къ дѣлу, или не подавали надежды на успѣхъ въ предстоявшей борьбѣ съ національнымъ собраніемъ, которое неизбѣжно стало бы охранять историческія преданія труда и производства. Впрочемъ, цеховой и ремесленный народъ и не думалъ дожидаться подробнаго изъясненія новой теоріи, а еще менѣе смотрѣть терпѣливо на упорную битву ея съ условіями экономическаго быта, на медленный переходъ въ убѣжденія, привычки и жизнь страны. Народъ бросался къ оружію всякій разъ какъ только представлялся случай, провозглашая неизмѣнно одни и тѣ же отвлеченныя понятія о равенствѣ, братствѣ, общемъ трудѣ, общемъ довольствѣ и пр., къ которымъ пріучили его вожаки, бывшіе двигателями всѣхъ прежнихъ революцій въ государствѣ и въ которыхъ, по его мнѣнію, заключалась сила измѣнить мгновенно существующій порядокъ вещей, какъ бы по волшебному слову. Очутись побѣда на его сторонѣ, онъ остался бы опять съ одними отвлеченными понятіями, и снова тяжело и неохотно принялся бы за разработку ихъ, конца которой, вѣроятно, опять бы не дождался.

II. Физіономія Парижа въ мартѣ мѣсяцѣ.

Можно было подивиться, съ какою скоростію добропорядочный и чопорный Парижъ короля Луи-Филиппа превратился въ демократическій станъ бѣднаго городскаго населенія, гдѣ забота о чистотѣ и соблюденіи вообще уставовъ городскаго благочинія, конечно, не считалась особенно важнымъ дѣломъ. Казалось, революція была сдѣлана для того чтобы показать сколько таилось въ Парижѣ нищеты, физическаго безобразія, позорныхъ промысловъ и болѣзней; все это вышло изъ темныхъ закоулковъ, гдѣ все это крѣпко держала дотолѣ полиція бывшаго министра внут-

реннихъ дѣлъ, Дюшателя, и сѣло публично на улицахъ и тротуарахъ самыхъ многолюдныхъ и богатыхъ частей города. Извѣстно, что по мѣрѣ паденія серіозныхъ промысловъ, всегда возникаютъ мелкіе и нищенскіе, на манеръ италіянскихъ, которые въ другихъ странахъ обыкновенно дожидаются ярмарокъ. Теперь именно настала ихъ очередь. Тротуары бульваровъ, по всему своему протяженію, были загромождены показывателями обезьянъ, мальчиками страшно коверкавшимися на разостланныхъ коврикахъ, шарлатанами всѣхъ возможныхъ родовъ, и даже азартными игроками, которые выставили рулетки и фараоны, выманивая копѣйку у взрослыхъ и малолѣтныхъ дѣтей на приманку выиграть пряникъ или каррикатуру на Людовика Филиппа, изображающую его бѣгство въ Англію. Все это кричало и вопило, окруженное, по большей части, любопытною, но бѣдною и не очень великодушною толпой. Каждая такая группа еще издали возвѣщала о себѣ трехъцвѣтнымъ знаменемъ, которое осѣняло дѣйствовавшаго въ ней фокусника и служило ему вывѣской, прикрывая точно также и всѣхъ какъ истинныхъ, какъ и фальшивыхъ нищихъ, поселившихся на улицѣ. Между этимъ народомъ вращались, въ добавокъ, разносчики газетъ, умѣвшіе перекричать самыхъ рьяныхъ ораторовъ мостовой. Рѣзкіе возгласы ихъ: *„voyez la Presse! voyez le National!“* а иногда и краткое изложеніе главной новости журнала проносилось подъ ухомъ внезапно и непріятно. По мѣрѣ того, однакожь, какъ полнѣли тротуары, захватывая окраины улицы, сама улица тоже измѣнялась: на ней рѣдѣли экипажи и затихало движеніе имущихъ классовъ общества. Неизмѣнные дилижансы-омнибусы, свершающіе подобно планетамъ свой ежедневный круговой объѣздъ Парижа, разумѣется, разъѣзжали попрежнему, но уменьшеніе частныхъ экипажей сдѣлалось замѣтно тотчасъ же. Достаточные люди или выѣзжали изъ Парижа, или отпускали лошадей, съ цѣлью затеряться на время въ торжествующей, революціонной толпѣ.

Мы уже отчасти знаемъ физіономію парижскихъ клубовъ и какъ тамъ шли дѣла. Многочисленность и разрозненность клубовъ были спасеніемъ временнаго правительства: благодаря этому обстоятельству, ни одинъ изъ нихъ не овладѣлъ исключительно общественною мыслію, не пріі-

обрѣлъ сокрушительной силы, которая при господствѣ воспоминаній 93 года въ этихъ собраніяхъ, незрѣлости ихъ убѣжденій и распущенности политической фантазіи, могли бы сдѣлаться источникомъ немаловажныхъ событій. Бѣда эта была отчасти замѣчена самими дѣятелями революціи и понудила ихъ составить центральный клубъ изъ представителей всѣхъ другихъ, болѣе или менѣе серіозно утвердившихся въ Парижѣ. Онъ назвался club de la Révolution, выбралъ себѣ президентомъ Барбеса, помѣстился въ Палероялѣ, и завелъ свой органъ въ печати: *La commune de Paris*. Это новое собраніе, по идеямъ, въ немъ господствовавшимъ, нисколько не возвышалось надъ прочею братіей своею, взятою въ разбивку; но оно сосредоточило матеріяльную силу, въ нихъ находившуюся, и сдѣлало возможнымъ пятидневную битву рабочаго населенія съ войскомъ и со всѣми силами правительства въ іюнѣ мѣсяцѣ. До тѣхъ поръ плачевное состояніе раздраженной, но безплодной и хилой мысли, сказывалось и тутъ, какъ и вездѣ, анархіей засѣданій и чудовищностію вносимыхъ на разсужденіе проектовъ. Въ одномъ изъ обществъ (institution oratoire), напримѣръ, толковали о составленіи двухъ правительственныхъ палатъ — одной нижней, которая будетъ называться „камерой талантовъ“, и заключать въ себѣ знаніе и способности, соотвѣтствуя прежней палатѣ депутатовъ, и одной верхней, имѣющей называться „камерой добродѣтели“, исполнять назначеніе бывшей палаты перовъ, и состоять изъ лицъ, получившихъ Монтіоновскую премію за подвиги и примѣрный образъ жизни.

Особенно посчастливилось идеѣ *выкупа* всѣхъ возможныхъ имуществъ и цѣнностей для обращенія въ собственность народа или его природнаго опекуна, правительства. Грубая простота идеи приходилась рѣшительно по всѣмъ головамъ и занимала ихъ безъ устали, доставляя вмѣстѣ съ тѣмъ каждой наслажденіе чувствовать себя на высотѣ современныхъ требованій. Выкупъ не сходилъ съ языка у ораторовъ, и освобождалъ отъ труда мыслить что-либо другое. Отовсюду неслись голоса—выкупить желѣзныя дороги и отдать правительству, выкупить акціи банка и отдать правительству, выкупить фабрики и мастерскія у раззоряющихся хозяевъ и отдать правительству. Въ перемежку съ этою панаціей противъ всѣхъ общественныхъ

золъ, и отчасти выдерживая съ ней соперничество, провозглашались рѣшительныя мѣры для отвращенія скудости въ деньгахъ и наполненія государственной кассы. Мѣры эти были свободныя варіаціи на темы соціализма, исполняемыя каждымъ по мѣрѣ силъ и способностей. Такъ нескончаемо тянулись предложенія въ клубахъ о наложеніи особенной пошлины на жильцовъ первыхъ этажей, о вычетахъ изъ жалованья *платимаго народомъ* должностнымъ лицамъ, объ отобраніи у домовладѣльцевъ той платы за квартиры, которую получаютъ они впередъ и съ которой пользуются, слѣдовательно, незаконными процентами и проч.[1] Нѣкоторыя изъ этихъ рѣшительныхъ мѣръ приведены были даже въ исполненіе. Такъ префектъ Ліона, Эмануэль Араго, издалъ декретъ, по которому никто не имѣлъ права вывезти изъ города болѣе 500 франковъ, и завелъ для этого осмотръ и обыскъ путешественниковъ на таможнѣ. Мѣра эта возбудила всеобщее негодованіе и дала случай возвыситься до героизма журналу *La Presse*, назвавшему распоряженіе это *крайнею тираніей* и призывавшему всѣхъ гражданъ къ сопротивленію ей *до смерти*. Никто не былъ изъятъ изъ общей болѣзни произведенной броженіемъ разныхъ инстинктовъ, которымъ хотѣлось попасть въ политическія и общественныя идеи. Степенный клубъ Барбеса, состоявшій изъ всѣхъ журнальныхъ и другихъ знаменитостей партій: Собріе, Коссидьера и проч., не уступалъ соперникамъ своимъ въ странности этихъ проявленій потемненнаго или блуждающаго сознанія. Онъ принялъ какой-то мистическій оттѣнокъ, заставившій его, между прочимъ, сопротивляться

[1] Иногда первую инстанцію, по которой шелъ проектъ къ своему осуществленію или, лучше, къ своему уничтоженію, составляли стѣны Парижа, то-есть плакардъ, на нихъ вывѣшенный. Со стѣны проектъ являлся въ клубъ, изъ клуба несся въ ратушу, а въ ратушѣ, смотря по вліянію лицъ и сущности дѣла, или превращался въ бездѣйственный декретъ, или клался подъ сукно. Такимъ путемъ шелъ, между прочимъ, плакардъ: „Un million des émigrés“ (милліонъ эмигрантовъ), предлагавшій взыскать обратно съ роялистскихъ фамилій милліардъ, выданный имъ, съ согласія представителей, Людовикомъ XVIII за потерю имуществъ въ первую революцію; другой подъ заглавіемъ: „La France riche dans 8 jours“ (Франція, обогащенная въ одну недѣлю), предлагавшій, кромѣ пошлинъ и поборовъ, еще понудить владѣльцевъ монеты вымѣнивать ее на облигаціи казначейства, которыя должны составлять единственную монету государства, и множество другихъ подобныхъ.

кандидатурѣ на депутатство бывшаго пера Франціи и радикала, д'Альтона Ше, за то что убѣжденія соискателя, относительно предметовъ мистики, были сомнительнаго свойства. Когда въ люксамбургской коммиссіи поднятъ былъ вопросъ о равномѣрной платѣ всѣмъ работникамъ, несмотря на ихъ способности и производительность, Барбесъ явился горячимъ защитникомъ ея мысли. Этотъ высокій и статный человѣкъ, съ воинскою осанкой, длинными, полусѣдыми усами, твердымъ, честнымъ и рыцарскимъ выраженіемъ въ лицѣ, защищалъ мысль коммиссіи на слѣдующихъ основаніяхъ, покрывавшихся громкими рукоплесканіями: „Если я, говорилъ онъ, по силамъ и средствамъ моимъ, могу поднять тяжесть въ четыре пуда, должно ли я получать болѣе задѣльной платы чѣмъ мой слабый товарищъ, который не можетъ справиться и съ двумя пудами? Очевидно, что задѣльная плата не должна имѣть мѣрой своею способность или производительность человѣка, да это противно и христіянскому ученію.“ Мы уже не упоминаемъ о клубахъ, гдѣ и уравненіе труда въ одной общей платѣ было устранено, а толковалось объ уравненіи образа жизни, всѣхъ вкусовъ и наклонностей разными *понудительными мѣрами*. Были и такіе, которые занимались воспитаніемъ народа по тѣмъ же бойкимъ, ничѣмъ не ограничивающимъ себя программамъ. Такъ въ клубѣ „Юной Горы“ (De la jeune Montagne) положено было требовать замѣненія статуй прежнихъ королей, еще находящихся кое-гдѣ въ Парижѣ, статуями мучениковъ 9-го термидора и проч.

Пренія всѣхъ этихъ собраній не замирали въ стѣнахъ гдѣ они помѣщались; напротивъ, на другой же день, сущность ихъ излагалась въ особыхъ афишахъ (часто офиціяльнымъ языкомъ, въ видѣ совсѣмъ изготовленнаго правительственнаго декрета), и украшала домы и заборы Парижа. Городъ былъ покрытъ разноцвѣтными публикаціями, какъ отъ клубовъ, такъ и отъ философовъ, экономистовъ, реформаторовъ и пророковъ, не нашедшими себѣ мѣста въ журналахъ и газетахъ. Правительство избрало для своихъ собственныхъ объявленій преимущественно бѣлый цвѣтъ бумаги, предоставляя всѣ остальные цвѣта преобразователямъ и законодателямъ изъ толпы. Каждое утро манифесты, теоріи, совѣты правительству, увѣщанія собственникамъ,

иногда весьма пространныя, на желтой, синей, огненной бумагѣ, смѣнялись новыми, не прерываясь и не изсякая. Тутъ-то можно было ознакомиться съ засѣданіями самыхъ малоизвѣстныхъ кружковъ, съ сущностію журналовъ, обращавшихся только между ними, съ проблесками мысли, вышедшей на свѣтъ изъ темныхъ угловъ Парижа, гдѣ долгое время она питалась ненавистью, наконецъ, ставшею для нея источникомъ всей политической мудрости. Впрочемъ, надо прибавить, къ чести времени и успѣховъ совершенныхъ гражданственностью въ послѣднее столѣтіе, разныя яростныя декламаціи уже не возвращались къ позорному языку прошлой революціи, а напротивъ старались пріобрѣсти видъ наружнаго достоинства, который далъ бы имъ серіозное выраженіе и дѣльную физіономію.

Чтобы дать понятіе объ этихъ изворотахъ необузданныхъ страстей, старающихся идти приличнымъ шагомъ современнаго образованія и невольно подчиняющихся новымъ, болѣе смягченнымъ нравамъ, стóитъ только представить одну выписку. Клубъ „монтаньяровъ“ или „Сорбонны“, куда попала бóльшая часть плохихъ писателей, осужденныхъ за разныя выходки при Лудовикѣ Филиппѣ, аббатъ Константенъ, Легалуа, Эскиръ, издавалъ еще очень бѣдный листокъ, подъ заглавіемъ: *Le tribun du peuple*. Въ одномъ изъ его нумеровъ, красовавшемся на стѣнахъ Парижа, можно было прочитать слѣдующую тираду: „Мы думаемъ, что одинъ человѣкъ, умирающій съ голода, обвиняетъ тѣмъ самымъ все общество. Вотъ почему, еслибы для устраненія подобнаго несчастія нужно было уничтожить все общество цѣликомъ, мы бы попросили только для себя самихъ перваго удара, но согласились бы на эту страшную и всеобъемлющую казнь.“ Нелѣпость мысли исцѣлять общество его уничтоженіемъ споритъ здѣсь съ искусственною и приторною формой, въ которой она выражена. Другой примѣръ — какой-то г. Бушело, который говорилъ отъ имени малоизвѣстнаго клуба *des Jacobins*. Разчитывая на воспоминаніе читателей о собраніи, носившемъ нѣкогда это зловѣщее имя, г. Бушело обѣщаетъ выкинуть за окно всю жиронду (партію Ламартина), все будущее собраніе, обѣщаетъ буквально травить (je les parquerai) собственниковъ, аристо-

кратовъ, умѣренныхъ, въ палатѣ, на площади, на улицѣ, но, прибавляетъ онъ великодушно: „я не стану требовать ихъ головъ.“ Дѣло дошло до того, что чѣмъ рѣзче выступало названіе прокламаціи, клуба, журнала (журналы, кромѣ прославленныхъ фирмъ прошлаго времени, назывались еще *le Pilori*, *la Guilotine*, и т. п.), тѣмъ вѣрнѣе можно было сказать, что они не намѣрены слѣдовать духу своего названія и всѣми силами постараются обнаружить свою измѣну ему. Даже и такіе вліятельные и значительно распространенные журналы, какъ *Ami du peuple* Распайля, сдѣлавшійся представителемъ клуба Сенъ-Марсо, принуждены были вести счеты съ духомъ времени; журналъ Распайля, не взирая на постоянную угрозу народной расправы для всѣхъ и каждаго, рѣшительно не имѣлъ въ себѣ ничего, что не могло бы заключаться въ любомъ, демократическомъ листкѣ съ обыкновеннымъ, типическимъ, такъ сказать, направленіемъ эпохи. Вслѣдъ за *Ami du peuple*, явился и *Père Duchesne*,—воскресшая память грязнаго листка Гебера и его пріемовъ; но тутъ пріемы были обманчивы. Новый листокъ принадлежалъ къ числу умѣренныхъ республиканскихъ журналовъ и отличался литературною отдѣлкой своихъ статей; но кокетливо и красиво выточенныя фразы его пересыпались крупными ругательствами и поговорками простонародья. Признаюсь, въ этомъ видѣ онъ казался мнѣ еще возмутительнѣе своего первообраза. Разъ, на одной изъ частыхъ манифестацій, показали мнѣ и самаго редактора. Это былъ очень приличный человѣкъ среднихъ лѣтъ, одѣтый изысканно и съ прекрасною бородой, расчесанною также тщательно какъ и его бѣлокурыя волосы. Судя по его наружности и пріемамъ, никакъ нельзя было допустить, чтобъ онъ былъ расположенъ отъ природы говорить или слушать тѣ ругательные эпитеты, которыми онъ пересыпалъ свои статьи.

Стѣны Парижа не оставили безъ отвѣта и очень популярнаго вопроса о *женщинѣ и ея призваніи*. На первыхъ порахъ, за него взялась нѣкая госпожа Нибойе (Niboyet), объявившая отъ имени всего своего семейства изданіе журнала *La voix des femmes*. Къ сожалѣнію, листокъ ея отличался такимъ сентиментальнымъ и туманно-фантастическимъ оттѣнкомъ, что этотъ обычный покровъ незрѣлости идей и скудости мыслящихъ силъ, поразилъ даже

людей февральской революціи, когда нѣкотораго рода сентиментальность сдѣлалась правительственнымъ элементомъ и участвовала въ изданіи декретовъ. Г-жа Нибойе упрекала Ледрю-Ролленовскій декретъ о выборахъ въ томъ, что онъ забылъ о женщинахъ и ни однимъ словомъ не упомянулъ о правахъ ихъ на голосъ въ общемъ дѣлѣ Франціи. Поправляя ошибку или презрѣніе декрета, она совѣтывала женщинамъ принять участіе въ выборахъ косвенно, направляя голоса близкихъ имъ людей — мужей, братьевъ, отцовъ. При этомъ она умоляла женщинъ покинуть старые пріемы успѣха, какъ-то заискивающія слова, подкупающія ласки, а говорить твердо и дѣйствовать рѣшительно. „Eclairez vous assez, учила она, pour fixer leur choix, et l'inspiration vous guidera bien. Point de tièdes accents, de complaisantes paroles, le moment est solennel: les indépendants du ciel regardent les indépendants de la terre, ils nous voient a travers les étoiles qui ne s'éteignent ni ne palissent jamais etc.“ Впрочемъ, вопросъ о женщинѣ сдѣлался уже политическимъ вопросомъ, благодаря тѣмъ многочисленнымъ труженицамъ, которыя раздѣляли участь рабочихъ людей и не имѣли развлеченій. Правительство отвѣчало на него, по обыкновенію, издалека. Оно воздвигло въ Collège de France новую каѳедру, о-бокъ съ каѳедрой замѣчательнаго мыслителя Франціи, Конта, для профессора Легуве и его курса *Моральной исторіи женщинъ (Cours d'histoire morale des femmes.)* Ревнители идеи имѣли удовольствіе слышать какъ съ высоты новой каѳедры профессоръ разсматривалъ тѣ прогрессивные и образующіе элементы, которые у всѣхъ народовъ, въ различныя эпохи ихъ жизни, вносила женщина. Дѣло этимъ и кончилось, если не считать временныхъ пособій, о которыхъ мы уже говорили. Совершенную противоположность съ публикаціями г-жи Нибойе представлялъ другой плакардъ, красовавшійся на стѣнахъ Парижа чуть-чуть не рядомъ съ ними. Многіе считали его за пасквиль и злую насмѣшку партій враждебныхъ республикѣ, но доказательства этому искали въ странности его содержанія, что̀ вовсе не было доказательствомъ. Плакардъ коротко, лаконически, возвѣщалъ формированіе легіона изъ независимыхъ женщинъ, отъ пятнадцати до тридцати лѣтъ. Онъ говорилъ просто: имѣетъ быть составленъ (il se formera) батальйонъ женщинъ, подъ названіемъ: „la legion Vé-

suvienne", не упоминая ни о цѣли, ни объ уставѣ новаго учрежденія, которое въ шумѣ общаго негодованія, имъ возбужденнаго, кажется, и не явилось вовсе на свѣтъ, хотя были очевидцы, утверждавшіе что „легіонъ Везувіянокъ" дѣйствительно существовалъ и даже ходилъ, обычнымъ манеромъ, въ Ратушу для заявленія своего существованія.

Но не одни журналы, клубы и составители прокламацій совѣщались между собой; совѣщались также всѣ виды сословій, всѣ подраздѣленія ремеслъ, всѣ мельчайшія отрасли парижской промышленности, толкуя о радикальномъ измѣненіи своего положенія. Въ этихъ засѣданіяхъ слуги перемѣнили свое названіе „les domistiques" на другое: „gens de maisons"; сидѣльцы въ магазинахъ положили добиваться права оставлять свои магазины въ 8 часовъ, для того чтобы имѣть время, наравнѣ съ прочими гражданами, предаваться удовольствію публичныхъ баловъ, спектаклей и завѣтнаго биллiарда; прислужники въ кофейныхъ возмущались противъ обыкновенія платить хозяевамъ за разбитыя рюмки; рѣщики на стали говорили о возстановленіи гербовъ, необходимо нужныхъ для процвѣтанія ихъ ремесла. Всѣхъ лучше поступили кучера, потребовавъ у хозяевъ прибавки жалованья въ одинъ франкъ. Они покинули свои мѣста, и однажды цѣлый день въ Парижѣ не было ни одного дилижанса и ни одной почтовой кареты; они получили требуемое. Менѣе счастливы были мостовщики улицъ. Зная какъ попорчены парижскія мостовыя баррикадами и какъ нужно правительству скорѣйшее возстановленіе сообщеній, они запросили 8 франковъ поденной платы, вмѣсто 4-хъ, которыми прежде довольствовались: претензія,показавшаяся мало патріотическою всѣмъ партіямъ. Одинаковый съ ними отказъ испытали и тюремные пристава (huissiers), занимавшіеся препровожденіемъ должниковъ въ Клиши: они ходили въ Ратушу съ требованіемъ вознагражденія за ихъ упраздненныя должности. Но всѣхъ счастливѣе были такъ-называемые „защитники Тюльери." Послѣ взятія дворца нѣсколько сотъ работниковъ расположились, какъ извѣстно, въ его просторныхъ комнатахъ и постеляхъ и двѣнадцать дней жили тамъ насчетъ казны, называя себя охранителями дворца противъ нечаянныхъ нападеній роялистскихъ партій. Подконецъ въ Тюльери осталась немногочисленная толпа, которой особенно полюбилась пріятная монастырская

жизнь его, и когда правительство рѣшилось принять на себя заботу *охраненія* дворца, толпа эта уже не хотѣла покинуть теплое мѣстечко. Отрядъ національной гвардіи, посланный для занятія Тюльери, встрѣтилъ съ ея стороны сопротивленіе, и могъ исполнить свое порученіе только заключивъ съ нею формальную капитуляцію, по которой правительство обязалось не шарить въ карманахъ у старыхъ защитниковъ дворца при выходѣ изъ него, и объявить имъ благодарность за добрую службу республикѣ. Были и совершенно безкорыстныя депутаціи въ Ратушу: отъ рыночныхъ торговокъ, трубочистовъ, савояровъ, бродячихъ торговцевъ, сносившихъ туда свои поздравленія и пожеланія благополучій. Процессіи эти не ограничивались дневнымъ свѣтомъ, онѣ возобновлялись ночью, при сіяніи факеловъ и превращались въ шумныя прогулки по городу, устрашавшія обывателей. Въ Ратушѣ безсмѣнно сидѣлъ или какой-нибудь членъ правительства, или меръ Парижа Арманъ Маррастъ, съ своими помощниками, Бюше и Адамомъ; эти дежурные члены правительства принимали толпы, говорили имъ рѣчи и отпускали ихъ: въ городѣ ихъ называли отвѣтными машинами, machines à réponse. Всего шумливѣе обнаруживалась страсть къ сажанію такъ-называемыхъ *деревьевъ свободы*, овладѣвшая нѣкоторою частью работниковъ и украсившая почти всѣ площади и углы города молодыми голыми тополями, признанными за эмблемму народа, по созвучію словъ peuple, peuplier. Дѣло это производилось съ нѣкоторою церемоніей. Обыкновенно толпа добывала себѣ священника и заставляла его благословлять дерево, потомъ выпускала заранѣе приготовленнаго оратора изъ членовъ правительства или клубныхъ знаменитостей, который произносилъ рѣчь, а затѣмъ, при наступленіи вечера, приказывала иллюминовать всѣ окружные дома. Остальную часть праздника принимали на себя уличные мальчишки: они начинали стрѣлять изъ ружей и пускать петарды, иногда въ окна домовъ и въ ноги пѣшеходовъ. Журналъ *La Presse*, отличавшійся безпощадною войной съ правительствомъ, упрекалъ его за допущеніе подобныхъ безпорядковъ, но получилъ въ отвѣтъ отъ полуофиціяльнаго его органа *Le National*, замѣчаніе, которое чрезвычайно хорошо рисуетъ положеніе тогдашняго общества. „Да,“ говорилъ *National*, „власть правительства безсильна, но при этомъ потруди-

тесь еще разобрать, какъ и передъ кѣмъ она безсильна? Правительство, дѣйствительно, лишено средствъ остановить всякую притѣснительную выходку перваго встрѣчнаго, которому вздумается освѣтить тотъ или другой кварталъ Парижа; но въ замѣнъ правительство такъ могущественно, что передъ нимъ не смѣетъ шевельнуться вся консервативная партія цѣликомъ, еще недавно управлявшая государствомъ и обладающая доброю частью всего богатства націи."

Усилія правительства подчинить и собственную свою республиканскую партію какому-либо порядку привели его къ необходимости подумать о томъ, чтобы выкинуть изъ Парижа его многочисленное иностранное населеніе изъ рабочихъ и выходцевъ, которое участвовало въ революціи наравнѣ съ туземными патріотами. Ко всѣмъ безчисленнымъ депутаціямъ, осаждавшимъ Ратушу, присоединились еще депутаціи отъ разныхъ народностей, Ирландцевъ, Нѣмцевъ, Итальянцевъ, Поляковъ. Онѣ приходили къ Ратушѣ при трескѣ барабановъ, съ развернутыми знаменами, домогаясь каждая по своему помощи для освобожденія своего отечества. За нихъ крѣпко стояли клубы и все демократическое общество, на томъ основаніи что революція въ Парижѣ можетъ быть упрочена только братскими революціями во всѣхъ другихъ странахъ, что каждая попытка возстанія въ Европѣ есть побѣда для Франціи, которую она одерживаетъ не трогаясь съ мѣста. Надежды воинственной пропаганды, этой любимой мечты французской демократіи, разрастались по мѣрѣ извѣстій о волненіяхъ, произведенныхъ у близкихъ и дальнихъ ея сосѣдей февральскими событіями. Въ рѣдкомъ домѣ Парижа не говорилось о коренномъ измѣненіи всей карты Европы, и при этомъ не было такого страннаго, несбыточнаго предположенія, которое бы не казалось очень простымъ и легко осуществимымъ, даже для лицъ извѣстныхъ своею осмотрительностію во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Безграничная вѣра въ себя и въ будущее носилась въ воздухѣ и царствовала въ головахъ до такой степени, что самыя невообразимыя политическія комбинаціи, обращавшія въ ничто произведенія цѣлыхъ столѣтій, считались уже дѣломъ рѣшеннымъ, и о нихъ говорилось какъ объ историческихъ явленіяхъ вошедшихъ въ общее европейское право. Я слышалъ однажды мнѣніе очень образованнаго человѣка,

космологически пояснявшаго и оправдывавшаго свое и общее слѣпое довѣріе къ политическимъ чудесамъ. „Нѣтъ сомнѣнія, говорилъ онъ, что солнечная система наша вступила въ такія пространства неба, которыя должны измѣнить своимъ вліяніемъ всѣ физическія и нравственныя основы человѣческаго существованія на планетѣ, какъ это уже и начинается. Вотъ почему величайшее благоразуміе состоитъ теперь въ томъ, чтобъ ожидать самыхъ несбыточныхъ явленій и безгранично вѣрить въ возможность ихъ.“ Правительство, однакожь, еще не думало этого. Оно принимало довольно холодно и уклончиво депутаціи отъ народовъ, особенно польскую партію, оправдываясь передъ общественнымъ мнѣніемъ необходимостію сберечь дипломатическія сношенія съ дружественными государствами и повременить рѣшеніемъ до полнаго развитія всѣхъ силъ республики. Втайнѣ оно раздавало оружіе Нѣмцамъ и волонтерамъ, собиравшимся въ Бельгію, на Рейнъ и въ Польшу, и поддерживало ихъ политическую экзальтацію денежными и другими пособіями. Оно имѣло двойную цѣль, гналось за двумя зайцами. Очищая Парижъ отъ иностранцевъ, оно сбывало съ рукъ одинъ изъ анархическихъ элементовъ и задавало сосѣдямъ не маловажную работу дома, которая должна была отвратить ихъ вниманіе отъ дѣлъ Франціи. Благодаря этому, чердаки домовъ занимавшіеся иностраннымъ пролетаріатомъ Парижа, огласились воинственными криками, которымъ вторила и улица. Въ квартирахъ вождей образовались склады огнестрѣльнаго и холоднаго оружія; теоретики, публицисты, стихотворцы, превратились мгновенно въ полководцевъ. По цѣлымъ ночамъ совѣщались они о маршахъ, эволюціяхъ и планахъ сраженій, а днемъ раздавали штуцера и револьверы толпамъ соотечественниковъ, приходившихъ записываться въ ряды будущаго войска. Письменные столы ихъ кабинетовъ были завалены, вмѣстѣ съ книгами и журналами, военною аммуниціей; въ спальняхъ продавались ружья и штыки; дамы шили, не разгибаясь, знамена, значки и трофеи. Въ успѣхѣ задуманныхъ предпріятій никто не сомнѣвался. Такъ выкинуты были всѣ нѣмецкіе рабочіе въ Баденъ-Баденъ, гдѣ послѣ первыхъ выстрѣловъ эта вооруженная революція, шедшая на завоеваніе Германіи, разбѣжалась и была потоплена въ крови; такъ еще

наиболѣе воинственная часть французскаго и польскаго пролетаріата была привезена по желѣзной дорогѣ, на границу Бельгіи, въ Кіевренъ, и тутъ предательская машина высадила весь отрядъ въ дебакардерѣ, наполненномъ бельгійскими войсками, которые и арестовали его цѣликомъ; другой отрядъ былъ встрѣченъ ими около Лилля и разсѣянъ. Наиболѣе безпокойныя, неугомонныя личности, имѣвшія осторожность не записаться въ волонтеры и продолжавшія ловко возбуждать народныя страсти Франціи и особенно духъ завоеванія и покровительства, ей свойственный, были возведены правительствомъ въ званіе тайныхъ агентовъ республики, снабжены деньгами и инструкціями, и высланы за границу. Такимъ образомъ отчасти обезсиленъ былъ и этотъ элементъ народнаго броженія въ Парижѣ.

Покуда, однакожь, шумѣлъ въ городѣ тотъ неумолкаемый демократическій праздникъ, который старались мы характеризовать, тамъ и сямъ уже показывались зловѣщіе признаки близкаго его окончанія. Одно за другимъ получались изъ провинціи не совсѣмъ благопріятныя извѣстія, и многія изъ нихъ уже носили характеръ общественнаго разложенія. Въ Руанѣ, послѣ довольно-безчеловѣчнаго изгнанія англійскихъ работниковъ съ фабрикъ, ремесленники ходили по окрестнымъ долинамъ, уничтожая на сколько могли большія фабричныя заведенія и не показывая особеннаго уваженія къ собственности вообще. Это было предтечей апрѣльскаго возстанія въ самомъ Руанѣ, такъ безпощадно-энергически подавленнаго генераломъ Орденеромъ. Въ Ліонѣ каждый день порядокъ и имущество гражданъ становились предметомъ спора между рабочимъ населеніемъ его и коммиссаромъ правительства, Эммануэлемъ Араго, боровшимся съ нимъ, безъ особеннаго впрочемъ успѣха. Въ Бордо новый агентъ правительства былъ просто выгнанъ, и городъ удержалъ стараго, менѣе революціоннаго, и такая же сортировка коммиссаровъ Ледрю-Роллена произошла въ Труа, Безансонѣ, Аміенѣ, Валансѣ. Зараза самовольныхъ расправъ сообщилась и войску: нѣкоторые полки выпроводили своихъ офицеровъ, освободили арестантовъ и разбѣжались изъ казармъ, послѣ первой жалобы не тотчасъ же удовлетворенной. Ненависть къ Парижу и диктаторскому тону его населенія, для котораго сберегаются всѣ ласки и милости правительства, уже начинала подавать голосъ съ раз-

ныхъ пунктовъ страны, воскрешая старое историческое явленіе на западѣ—вражду поля, деревни, крестьянина къ городу и его притязаніямъ, которую очень хорошо поддерживали и разрабатывали легитимистскія газеты (*l'Union*, *Gazette de France*) съ одной стороны, а съ другой—органъ орлеанистовъ, пріобрѣтшій вскорѣ большую извѣстность: *Assemblée Nationale*. Въ самомъ Парижѣ случилось происшествіе, обнаружившее какъ мало всѣ произведенныя въ немъ очищенія могутъ еще служить ему порукой, что онъ не проснется когда-нибудь утромъ съ новою, невѣдомою революціей на рукахъ. Злымъ геніемъ города явился опять старый Бланки, этотъ, какъ его называли, Паганини заговоровъ, составлявшій ихъ по влеченію природы и ради удовольствія. Оскорбленный въ чувствѣ своего артистическаго самолюбія малою удачей попытки 16-го марта, Бланки приготовилъ втихомолку новое возстаніе рабочихъ, въ видѣ возмездія за недавно-проигранное сраженіе. Цѣль заговора осталась неизвѣстною; да кромѣ обычныхъ революціонныхъ отвлеченностей, заговоръ и не могъ имѣть никакого лозунга, потому что составлялъ не болѣе какъ отвѣтную игру (partie de revanche) въ политическихъ шахматахъ; но послѣдствія его могли быть неисчислимы. Вѣроятно, тайной полиціи министра внутреннихъ дѣлъ никогда бы не посчастливилось открыть заговоръ, еслибы въ Ратушѣ не составилась вторая тайная полиція, которую устроилъ меръ города Арманъ Маррастъ, собственно про себя и съ намѣреніемъ слѣдить за дѣйствіями самого министра. Ею именно и усмотрѣнъ былъ заговоръ, и найдено чрезвычайно оригинальное средство отвратить бѣду. Прежній депутатъ оппозиціи въ палатѣ, г. Ташеро, предпринялъ изданіе болѣе или менѣе позорныхъ документовъ, обнаруживавшихъ способъ управленія Франціей въ министерство Гизо, мелкія, продажническія уловки и тайныя пружины администраціи вообще. Главными источниками скандалезнаго обозрѣнія Ташеро сдѣлались архивы, открытые редактору съ этою цѣлью временнымъ правительствомъ. Разумѣется, это *обозрѣніе провѣряющее зады* (*Revue retrospective*) читалось съ жадностію. Почти на канунѣ осуществленія новаго предпріятія Бланки, въ *Обозрѣніи* появился офиціяльный документъ, касавшійся заговора и событій 12-го мая 1839 года, за которые Бланки, бывшій

главнымъ руководителемъ ихъ, содержался тогда въ тюрьмѣ и готовился снести голову на эшафотъ. Ко всеобщему ужасу и негодованію, содержаніе документа заключавшаго въ себѣ подлинныя записки Бланки, обнаружило, что этотъ новый Катилина выдалъ тогда всѣхъ своихъ товарищей, подробно разказалъ о пружинахъ и вѣтвяхъ заговора, замѣшивая въ дѣло, съ откровенностію и чистосердечіемъ, какихъ въ немъ никогда не предполагали, много лицъ, оставшихся еще неизвѣстными правительству Лудовика-Филиппа. Въ добавокъ, тонъ показаній Бланки отличался еще какою-то кокетливостію, словно онъ хвастался передъ своими судьями умѣніемъ создавать тайныя общества и управлять людьми, словно добивался чести породить высокое мнѣніе о своихъ политическихъ способностяхъ въ правительствѣ. Иронія и глубокое презрѣніе къ нравственнымъ правиламъ всѣхъ своихъ сподвижниковъ, не исключая и Барбеса, довершали впечатлѣніе, которое производилъ этотъ документъ .. Ударъ былъ вѣрно разчитанъ. Новый заговоръ Бланки разлетѣлся въ прахъ отъ одной этой публикаціи *Обозрѣнія* г. Ташеро, и самый клубъ Бланки, гдѣ онъ царствовалъ безгранично, былъ на минуту потрясенъ въ основаніи. Великій агитаторъ, пораженный на нѣкоторое время совершеннымъ бездѣйствіемъ, принужденъ былъ всѣ усилія своего изворотливаго ума, хорошо знавшаго почву и людей, съ которыми имѣлъ сношенія, употребить на то чтобы снова собрать вокругъ себя и укрѣпить за собою потрясенную партію, въ чемъ и успѣлъ.

Мы уже часто упоминали о журналахъ, но обязаны прибавить, что революція породила мало замѣчательныхъ органовъ журналистики. Журналъ Прудона, *le Représentant du peuple*, отличавшійся оригинальностью взглядовъ и энергіей рѣчи, весь былъ обращенъ на безпощадное осужденіе людей, принциповъ и самаго хода революціи. Новая *Presse* Жирардена, возвысившая число своихъ подписчиковъ, съ первыхъ же дней переворота, до огромной цифры, преслѣдовала временное правительство съ либеральной точки зрѣнія, требуя отъ него въ одно время крѣпкой устойчивости и безграничной смѣлости, притворяясь революціоннѣе самой революціи и защищая дисциплину не хуже любаго алжирскаго генерала. Репутація геніальнаго спекулянта, какою уже пользовался

Жирарденъ, еще возрасла, особенно отъ того что никто не могъ разобрать въ чемъ состоитъ его настоящая игра. Позднѣе оказалось, что онъ игралъ въ пользу бонапартизма. Его дерзкая, обличительная рѣчь и постоянная диффамація правительства и его партіи, все это имѣло видъ гражданскаго мужества, все это служило какъ бы упрекомъ собратьямъ по журналистикѣ, робко соглашавшимся (*Journal des Dèbats*) предоставить устройство республики, если только оно возможно, самимъ республиканцамъ; но въ сущности и этотъ видъ мужества былъ не что иное, какъ дальновидный биржевой разчетъ. Когда разъ газета позволила себѣ сдѣлать сравненіе Ламартина съ Гизо и Ледрю-Роллена съ Дюшателемъ, не находя большой разницы между ними, то одна фанатическая толпа, выведенная изъ терпѣнія или направленная коноводами, бросилась въ улицу Монмартръ разбивать типографскіе станки газеты, при кликахъ: „à mort Girardin“. Редакторъ показалъ себя и въ эту минуту игрокомъ не ниже обстоятельствъ. Онъ велѣлъ отворить ворота типографскаго дома, вытребовалъ къ себѣ депутацію изъ толпы и тотчасъ завелъ съ ней жаркую полемику, но въ это время уже прибылъ отрядъ національной гвардіи, а за нимъ поспѣшили явиться на мѣсто происшествія начальникъ ея, генералъ Курте, и самъ оскорбленный Ледрю Ролленъ. Ламартинъ готовъ былъ броситься туда же. На другой день всѣ журналы, безъ исключенія, осуждали выходку толпы: такъ важно казалось всѣмъ сохранить полную свободу книгопечатанія. Жирарденъ на это и разчитывалъ, однако послѣ этого случая тонъ журнала, на нѣкоторое время, значительно смягчился. Съ *Прессой* соперничествовала только, какъ своими 27 тысячами подписчиковъ, такъ и ожесточенными нападками на временное правительство, газета *l'Assemblée Nationale*, органъ клуба „свободныхъ выборовъ“, хотя поводы къ враждѣ были тутъ совершенно иные. Она считала правительство просто-напросто похитителемъ власти, относилась къ нему какъ къ самозванцу и слѣдила за каждымъ его движеніемъ какъ за новымъ преступленіемъ противъ законности, представляемой въ ея глазахъ только будущимъ „національнымъ собраніемъ“ Франціи. Всякое распоряженіе администраціи она оспаривала во всѣхъ отношеніяхъ. Разоблаченіе тайныхъ пружинъ клубовъ и партій, ихъ скандалезная хроника,

составляли также часть ея программы. Затѣмъ оставалось только или яростное ничтожество, или ничтожество резонирующее. Къ первому отдѣлу, кромѣ уже названныхъ нами прежде изданій и множества другихъ, не заслуживающихъ названія, принадлежалъ и журналъ: *La Garde Nationale*, Капо-де-Фельида, отличавшагося способностію къ безцеремонному ругательству съ противниками еще въ 30-хъ годахъ. Ко второму отдѣлу, вмѣстѣ съ *Commune de Paris*, Барбеса и Собріе, вмѣстѣ съ *Réforme* Флокона и его партіи, вмѣстѣ съ *La vraie République*—органомъ Люксамбургской коммиссіи, принадлежалъ еще и *Le peuple constituant*, Ламене, уже едва-едва сохранявшій свой ультра-радикальный оттѣнокъ. Журналъ этотъ постоянно отзывался чѣмъ-то въ родѣ укорительной проповѣди; онъ сильно негодовалъ на соціализмъ, которымъ закрашивались его товарищи по радикальной пропагандѣ, неумолкаемо гремѣлъ противъ заносчивости и безумства новыхъ теорій, влекущихъ Францію на край погибели, когда передъ ней лежитъ одинъ вѣрный путь — именно путь обработки политическихъ *догматовъ* и затѣмъ безусловной покорности имъ. Гораздо яснѣе видѣлъ свое призваніе и неуклоннѣе слѣдовалъ ему, несмотря на всю мечтательность заданной цѣли, настоящій соціалистскій журналъ *La Démocratie pacifique*. Почти все время революціи онъ находился въ состояніи какого-то вдохновенія, отвѣчая на каждый частный вопросъ новою теоріей. Онъ хлопоталъ о водвореніи на землѣ блаженнаго царства кредитныхъ бумагъ, освобождающихъ частныя лица и государства отъ гнета долговъ, денегъ и всяческихъ затрудненій. Рѣшеніе всѣхъ задачъ (было ли то накопленіе мертвыхъ векселей въ банкѣ, была ли то продажа общественныхъ земельныхъ участковъ, или покупка желѣзныхъ дорогъ правительствомъ) вызывало у редакторовъ особаго рода творчество, ту дѣятельность богатаго воображенія, которою они постоянно отличались въ изложеніи своихъ плановъ общей мобилизаціи, универсальнаго превращенія всѣхъ достояній въ бумажныя цѣнности отвѣчающія сами за себя. Когда ультра-радикальные журналы принимали серіозную мину экономистовъ, они или рабски слѣдовали фантазіямъ Луи Блана, или безсовѣстно обкрадывали *Démocratie pacifique*, поочередно съ журналомъ Прудона. Былъ однако еще одинъ радикальный журналъ, замѣча-

тельный по діалектическому искусству рѣчи и блестящей литературной формѣ, который издавался въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Это были знаменитые „бюллетени“ Ледрю-Роллена, которые выходили изъ-подъ пера Жоржъ-Санда, и вывѣшенные на стѣнахъ домовъ и по угламъ переулковъ Парижа, подымали столько противуположныхъ страстей въ его народонаселеніи. Мы помнимъ эти художественные радикальные бюллетени, гдѣ знаменитый романистъ Франціи, добровольно превратившійся въ тайнаго секретаря министра, говорилъ съ народомъ великолѣпнымъ языкомъ страсти. Особенно два бюллетеня сдѣлались всѣмъ памятны по своему лирическому одушевленію. Въ первомъ Жоржъ-Сандъ призывала работниковъ разказать міру свои неслыханныя страданія, а во второмъ умоляла оскорбленныхъ и униженныхъ женщинъ не удерживать своихъ стоновъ, не подавлять въ себѣ чувства обиды изъ великодушія и смиренія, а напротивъ рыдать громко, упрекать людей во всеуслышаніе, для того чтобъ отвѣчать равнодушному обществу еще разъ услугой—указаніемъ на тайную язву его,—хотя услуги этого рода уже накопились въ значительномъ количествѣ, не принося особенной пользы. Пламенная рѣчь министерскихъ диѳирамбовъ разносилась по Парижу наравнѣ съ декретами и важными политическими извѣстіями. Знаменитый бюллетень Жоржъ-Санда о выборахъ, появившійся 16 марта, на канунѣ манифестаціи работниковъ, былъ уже настоящимъ политическимъ событіемъ. Онъ пророчески возвѣщалъ Франціи, что если выборы въ національное собраніе не будутъ соотвѣтствовать ожиданіямъ народа, то народъ возьмется опять за оружіе и уничтожитъ ихъ. Бюллетень старался заблаговременно утвердить право на этотъ поступокъ за народомъ. Ужасъ, произведенный бюллетенемъ въ умахъ тѣхъ которые только съ появленіемъ національнаго собранія ожидали правительственнаго порядка, общественнаго спокойствія, разразился яростною полемикой; но никто не замѣтилъ тогда, что грозный бюллетень, явившійся наканунѣ дня, который могъ сдѣлаться роковымъ для Франціи, ослаблялъ приготовленное движеніе, способствовалъ къ отнятію доброй части энергіи у напора анархическихъ силъ, отчасти успокоенныхъ лестною перспективой, какую открывалъ имъ министръ въ будущемъ. Люди, слушавшіе наканунѣ торжественное признаніе ихъ всемо-

гущества, держали слабѣе оружіе въ рукахъ и менѣе были расположены употребить его въ дѣло. „Тогда не останется (говорилъ бюллетень, подразумѣвая неудачные выборы), другаго спасенія народу, строителю баррикадъ, кромѣ того чтобы еще разъ возвысить свой голосъ и устранить рѣшеніе ложнаго народнаго представительства... Парижъ—по праву смотритъ на себя, какъ на довѣренное лицо отъ народонаселенія всей французской земли. Парижъ авангардъ той арміи, которая сражается за республиканскую идею... Если анархія, издали подводящая свои мины, если общественныя вліянія успѣютъ ввести въ заблужденіе, или обмануть ожиданія разрозненныхъ и удаленныхъ другъ отъ друга массъ народа, то народъ Парижа объявляетъ себя отвѣтчикомъ за всѣхъ, оберегателемъ интересовъ всей націи.“ Такъ въ смутныя эпохи государственной жизни, партіи иногда служатъ въ одно и то же время двумъ, совершенно противоположнымъ цѣлямъ, которыя глазъ современниковъ не всегда различаетъ.

Что касается до соціалистическихъ ученій разныхъ другихъ толковъ, дробившихся до безконечности, то бо́льшая часть ихъ пристроилась къ Люксамбургской коммиссіи, какъ бы обрадовавшись твердой почвѣ, которую, благодаря ей, почувствовали они внезапно подъ собою. Сама *Démocratie* потеряла одного изъ сотрудниковъ своихъ, Туссенеля, покинувшаго *фурьеризмъ* за слишкомъ почетное мѣсто, которое назначено капиталу въ его системѣ, а Видаль, авторъ книги: *О распредѣленіи богатствъ*, уже засѣдалъ въ Люксамбургѣ, рядомъ съ Альберомъ. За Люксамбурскую коммиссію схоронились также и работничьи журналы, слывшіе коммунистическими при Лудовикѣ-Филиппѣ. Основатель католическо-демократическаго журнала *L'Atelier*, Бюше, и одинъ изъ главныхъ его редакторовъ, рѣщикъ по дереву, работникъ Корбонъ, уже засѣдали въ парижской меріи въ качествѣ секретарей, и прославляли въ своемъ журналѣ благодѣянія порядка и достоинства правильнаго труда. Другой журналъ, издаваемый работниками *la Fraternité* съ умѣреннымъ соціалистическимъ оттѣнкомъ, пріобрѣлъ покровительство мера. Армана Марраста, и нѣкоторые изъ его редакторовъ попали въ списокъ кандидатовъ на депутатство, составленный партіей *National*. Такъ, въ виду всѣхъ, ужь образовалась рабочая аристократія, отдѣляясь отъ своихъ собратьевъ во

имя правъ личности, высшаго развитія и благопріятныхъ условій. Самъ меръ города, Арманъ Маррастъ, глава умѣренныхъ республиканцевъ и владѣлецъ журнала *le National*, считаетъ соціализмъ бѣдствіемъ Франціи, а Люксамбургскую коммиссію полезнымъ зломъ, рожденнымъ для того чтобъ уничтожить всѣ прочія вмѣстѣ съ собою, и не скрываетъ своего мнѣнія. При всеобщемъ молчаніи изящной и ученой литературы, которую застала врасплохъ февральская революція и которая во все ея теченіе такъ и не выходила изъ своего изумленія, — политическая печать царствовала безгранично. Беллетристика давала знать о своемъ существованіи только продолженіемъ романа: *Paturôt à la recherche d'une position sociale*—этимъ вялымъ возобновленіемъ Жилблаза въ современной формѣ, съ злымъ намѣреніемъ, но безъ силы и одушевленія въ исполненіи; натянутыми и немного искусственными шуточками огорченнаго *Шаривари*, который напрасно слылъ республиканскимъ шутникомъ при Лудовикѣ-Филиппѣ; да еще адресами къ избирателямъ отъ знаменитыхъ литераторовъ Франціи: Дюма, Сю, Виктора Гюго и проч. Адресы эти заключали въ себѣ политическую исповѣдь авторовъ, объясняли ихъ отношенія къ прежнему правительству, которымъ многіе изъ нихъ были облагодѣтельствованы, и несмотря на разницу стиля, достигавшаго у иныхъ комическаго и вмѣстѣ чудовищнаго выраженія, приходили всѣ къ одному общему смыслу: они всю жизнь свою призывали въ *душѣ* царство народа, предчувствовали февральскую катастрофу и способствовали ея появленію, по мѣрѣ силъ своихъ и способностей.

Молчалъ и театръ. Театръ былъ теперь не на сценѣ, а на улицѣ. Разумѣется, прежде всего дирекціи театровъ бросились на постановку піесъ запрещенныхъ цензурою Дюшателя. На афишахъ тотчасъ же появились объявленія о похороненыхъ и воскреснувшихъ драмахъ и водевиляхъ: *Les filles cloitrées* въ Одеонѣ, *Le pacte de Famine* въ Амбигю и проч., и всѣ эти жертвы административной тиранiи, какъ ихъ называли, дѣйствительно обнаружили безполезность приговора, ихъ поразившаго. Нелѣпость и безсмыслица ихъ были такъ велики, что рѣшительно уничтожали дѣйствіе чудовищныхъ и скандалезныхъ подробностей, которыми эти піесы изобиловали. Пошлость играла

тутъ роль спасительницы нравственнаго и человѣческаго достоинства. Изъ этихъ *запрещенныхъ* піесъ, еще довольно забавна была, при крайней пустотѣ своей, піеса Пале-Рояля: *Le camarade de lit*, представлявшая солдата первой революціи, который пошелъ отыскивать по свѣту стараго своего друга и товарища по казармѣ, Бернадота. Допущенный къ нему, онъ мало-по-малу разговорился съ нимъ, за бутылкой вина, о прежнемъ житьѣ-бытьѣ, о богатырскихъ походахъ, о томъ какъ начинали они карьеру, и довелъ своего растроганнаго друга до того, что тотъ начинаетъ припоминать пѣсенки своей молодости, и наконецъ уходитъ спать крича на весь народъ: „vive la république, une et indivisible!“ Несмотря, однакоже, на всѣ эти забавныя и незабавныя нелѣпости, партеры театровъ постоянно были пусты, и ни одно произведеніе, мало-мальски замѣчательное, не явилось, въ теченіи всей революціи, побороться съ общимъ безденежьемъ и общимъ равнодушіемъ къ театру, и поддержать раззорявшіяся дирекціи, которыя тщетно взывали къ правительству о помощи. Одна Рашель спасала еще общниковъ классическаго *французскаго* театра, Théâtre Français. Она придумала декламировать на сценѣ *la Marseillaise*, и для того явилась передъ публикой въ образѣ древней статуи, съ бѣлою туникой, но съ трех-цвѣтнымъ знаменемъ въ рукѣ, олицетворяя собой такимъ образомъ Францію. Пѣвучимъ речитативомъ и вполголоса, при мертвой тишинѣ партера, произносила она стихи знаменитой пѣсни, сообщая каждой строфѣ особенную интонацію, переходя отъ глубокаго чувства грусти по родинѣ къ сосредоточенному негодованію на враговъ и наконецъ къ отчаянной рѣшимости сопротивленія. За всѣми этими оттѣнками пѣсни слѣдило и выраженіе необычайно-подвижнаго лица актрисы, а когда, въ минуту призыва къ оружію, она падала на колѣна, страстно прижимая къ груди трехцвѣтное знамя, глаза ея горѣли лихорадкой энтузіазма. Благодаря этой декламаціи, продолжавшейся не много болѣе одной четверти часа, зала Французскаго Театра наполнялась народомъ сверху до низу и оглушалась неистовыми рукоплесканіями. Легко было понять, что люди различныхъ партій и направленій, видѣли во Франціи, олицетворяемой актрисой, каждый свою собственную Фран-

цію, по своему вкусу и понятію, а въ знамени, къ которому она прибикала, различали множество такихъ девизовъ, какихъ на немъ вовсе не было нашито.

Посреди этой общей несостоятельности и ничтожества театровъ, выдавался въ это время Фредерикъ Леметръ, извѣстный актеръ театра Porte St. Martin. Онъ также возобновилъ двѣ запрещенныя піесы: *L'Auberge des Ardets* и *Robert Macaire*, которыя не уступали ни одной изъ своихъ подругъ въ отсутствіи человѣческаго смысла. Спектакль, составленный изъ этихъ драмъ, продолжался, напоминая римскія времена или ближайшую эпоху мистерій, два дня, то-есть два вечера сряду. О содержаніи піесъ распространяться нечего: авторъ ихъ, имя котораго я позабылъ, очень добродушно воображалъ, что создаетъ страшную мелодраму; но актеръ, Фредерикъ Леметръ, понялъ дѣло иначе и превратилъ мелодраму въ площадной фарсъ, для потѣхи публики, создавъ при этомъ изъ главнаго дѣйствующаго лица чудовищнаго героя Робера Макера, поразительный типъ современной испорченности. Первая піеса: *L'Auberge*, вся наполнена страшнымъ преступленіемъ, которое свершаетъ Роберъ (кажется, убійствомъ своего благодѣтеля); вторая дальнѣйшими успѣхами Робера на пути возмутительныхъ измѣнъ, злодѣйствъ и обмановъ всякаго рода. Чего только тутъ не было?.. Но вотъ что замѣчательно. Роберъ казался страшенъ не столько подвигами своими, превосходившими мѣру возможнаго нравственнаго безобразія, сколько самъ собою, психическою задачей, которую представлялъ изъ себя. Этотъ человѣкъ ни на минуту не лишается веселаго расположенія духа; онъ обладаетъ неистощимымъ юморомъ и прикрываетъ крайнее развращеніе мысли и сердца лоскомъ блестящаго остроумія, располагающаго въ его пользу людей, которые всюду ищутъ потѣхи для себя. Притомъ же Роберъ, созданный актеромъ Фредерикомъ Леметромъ, не только сочинившимъ всю свою роль, но еще и дополнявшимъ ее блестящею импровизаціей въминуту исполненія, является и вполнѣ свободнымъ человѣкомъ. Онъ свободнѣе всего своего вѣка. Нѣтъ ни одного, такъ-называемаго, предразсудка, которому бы онъ вѣрилъ; нѣтъ ни одного чувства, ни одного правила, ни одного общественнаго или нравственнаго догмата, которые бы онъ признавалъ. Онъ подсмѣивается надъ всѣми условіями че-

ловѣческой жизни, даже такими, которыя принадлежатъ всему животному царству, какъ напримѣръ влеченіе матери къ своему дѣтищу, и окидываетъ презрительнымъ взглядомъ міръ, который лежитъ передъ нимъ опутанный сѣтями разныхъ моральныхъ чувствованій и предразсудковъ. Поддѣлываясь подъ ладъ этого бѣднаго человѣчества, надъ которымъ еще тяготѣетъ такая ноша обязанностей и добродѣтелей, уже сброшенная имъ самимъ, Роберъ постоянно говоритъ о святости долга, о будущемъ торжествѣ правды на землѣ, о величіи самопожертвованія на пользу общую и проч., и становится особенно краснорѣчивъ именно въ тѣ минуты, когда онъ предаетъ друга, обкрадываетъ сына, наноситъ побои отцу и позорно клевещетъ на жену. Какъ искусный артистъ, хвастающій своимъ умѣньемъ владѣть знакомымъ инструментомъ, Роберъ любитъ перебирать лѣстницу ощущеній и помысловъ людскихъ, для того чтобы каждая нота издала подъ его рукой рѣзкій, нестерпимо-фальшивый звукъ, который можно было бы покрыть хохотомъ, сарказмомъ и злою ироніей. Прибавьте къ этому, что Роберъ—даровитый человѣкъ, чувствующій себѣ цѣну и способный занять какое угодно мѣсто въ обществѣ. Несмотря на свои преступленія, онъ является постоянно нищимъ и въ лохмотьяхъ; онъ *поэтъ порока*, и потому всегда переступаетъ мѣру необходимую для выгодныхъ преступленій; но съ сумой за плечами и протягивая руку за подаяніемъ, онъ держитъ себя какъ англійскій лордъ и говоритъ гордо какъ вельможа. Измѣнившееся положеніе тоже не имѣетъ вліянія на Робера. Сдѣлавшись главой огромнаго мошенническаго общества на акціяхъ, ворочая милліонами и щеголяя въ изящномъ фракѣ, Роберъ нисколько не возбраняетъ себѣ удовольствія отрѣзать у посѣтителя цѣпочку на часахъ. Нищенство и богатство стали для Робера такими же малообязывающими понятіями какъ совѣсть или честь; все это уже ниже его, хотя, разумѣется, онъ предпочитаетъ богатство бѣдности, по матеріальнымъ результатамъ, для которыхъ не щадитъ не себя, ни ближняго. Замѣчательно, что Фредерикъ Леметръ, исполняя свою роль, нѣсколько разъ превращался самъ, не подозрѣвая того, въ дѣйствительнаго Роберъ Макера. Оно и понятно: нельзя такъ близко породниться съ типомъ, не имѣя въ себѣ самомъ какихъ-

нибудь отдаленныхъ на него намековъ. Такъ рѣчь, которую Роберъ, въ качествѣ главы торговаго общества, держитъ къ акціонерамъ, Фредерикъ Леметръ началъ тѣми обычными словами, какія влагались въ уста экс-короля его министрами при открытіи парламентовъ: c'est toujours avec un nouveau plaisir и проч., и пересыпалъ ее намеками на прошлое, мало приличными и еще менѣе великодушными. Еще хуже было, когда слѣдуя роли, Фредерикъ Леметръ вышелъ на большую дорогу грабить проѣзжающихъ въ костюмѣ имѣвшемъ разительное сходство съ одеждой важнаго лица, только что покинувшаго Францію: въ партерѣ пронесся какой-то смутный, почти болѣзненный вопль, безъ всякихъ рукоплесканій. Признаюсь, этотъ вопль, неожиданно раздавшійся, посреди постояннаго, непрерывнаго хохота, имѣлъ для меня огромный смыслъ. Онъ свидѣтельствовалъ, что какъ бы ни ослаблена была общественная совѣсть софизмами и потворствами всякаго рода, была же все-таки посягательства, которыя возмущали ее. Со всѣмъ тѣмъ роль Робера, повторяемъ, была художественнымъ произведеніемъ Фредерика Леметра; и если типъ, имъ созданный, не присоединился къ знаменитымъ типамъ театральной лѣтописи: Донъ-Жуанамъ, Фальстафамъ, и проч., то единственною помѣхой этому было то обстоятельство, что онъ не отлился въ незыблемую форму письменнаго памятника. Рожденный на мгновеніе сценическою импровизаціей одного очень даровитаго человѣка, онъ вмѣстѣ съ нимъ и пропалъ, оставивъ по себѣ воспоминаніе только въ бывшихъ зрителяхъ своихъ, все болѣе и болѣе рѣдѣющихъ. Теперь уже много потерялъ въ своемъ значеніи и серіозный вопросъ, имъ возбужденный, о нравственномъ состояніи того общества, которое дало матеріялы для созданія подобнаго типа и которое встрѣчало его, судя по общему хохоту и одобренію, какъ очень знакомое лицо. Толпа не можетъ рукоплескать чистой клеветѣ, въ какой бы формѣ она ни являлась: всякій фарсъ, всякое преувеличеніе, ради комическихъ и художественныхъ цѣлей, должны сохранять связь съ жизнью, по крайней мѣрѣ для того чтобы возбуждать смѣхъ. Самый смѣхъ есть тутъ не что иное какъ результатъ сличенія комической гиперболы съ дѣйствительностію, сличенія, которое каждый зритель дѣлаетъ про себя. Что типъ Робера не былъ произвольнымъ

созданіемъ одной фантазіи Фредерика Леметра, это доказывалось между прочимъ и страстями, которыя волновали партеръ во время представленія. Множество лицъ выражало непритворное благоговѣніе къ того рода величію, которое сообщилъ знаменитый актеръ своему дѣтищу, и множество глазъ устремлены были на него съ выраженіемъ чего-то въ родѣ почтительной зависти, испытываемой обыкновенно учениками передъ великимъ образцомъ. То и другое сказывалось еще въ разныхъ восклицаніяхъ, раздававшихся неожиданно изъ партера, посреди представленія, и въ уединенныхъ рукоплесканіяхъ какого-нибудь пораженнаго зрителя. Партеръ видимо находился подъ обаяніемъ идеи олицетворяемой типомъ. Когда, въ послѣднемъ актѣ, Роберъ Макеръ, преслѣдуемый полиціей, садится въ лодочку воздушнаго шара пускаемаго какимъ-то антрпренеромъ, и подобно Фаусту, уносится съ нимъ въ небо, или Богъ вѣсть куда, избавившись такимъ образомъ отвѣтственности за всѣ свои продѣлки на землѣ,—оглушительный восторгъ партера показывалъ довольно ясно, въ какомъ состояніи умственной анархіи находятся всѣ эти головы, и служилъ хорошимъ коментаріемъ для многаго что дѣлалось на улицахъ Парижа, что говорилось въ клубахъ, и что думалось большинствомъ толпы про себя.

П. АННЕНКОВЪ.

АНГЛІЙСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ

Нѣсколько вступительныхъ словъ о свободѣ англійской печати.—Начало періодическихъ изданій въ Европѣ.—Первый англійскій журналъ.—Цензура.—Постановленія о печати въ царствованіе Генриха VIII, Елисаветы и Карла I.—Безплодность стѣснительныхъ мѣръ; развитіе печатнаго дѣла.—Время Кромвеля.—Мильтонъ и его *Ареопагитика*.—Возстановленіе Стюартовъ; журнальныя притѣсненія.—Переворотъ 1688 года.—Уничтоженіе цензуры.—Результаты этого по Маколею.—Возвышеніе журналистики, улучшеніе состава ея дѣятелей, нравственность и тактъ періодическихъ изданій.—Первые французскіе журналы.—Характеристическія явленія эпохи Лудовика XIV; проекты объ „офиціяльныхъ анти-острякахъ“ и „шпіонахъ достоинства.“—Англійская періодическая литература начала XVIII столѣтія.—Первыя фискальныя стѣсненія: пошлины съ клейма и объявленій.—Журналъ *Болингброка*, *Письма Юніюса*, дѣло *Вилькса*.—Право публикаціи парламентскихъ преній.—Время Георговъ III и IV.—Безсиліе несвоевременныхъ мѣръ; притѣсненія и развитіе журналистики.—Французская журналистика XVIII столѣтія; отношеніе предварительнаго одобренія сочиненій къ скорбнымъ крайностямъ французской революціи.—Періодическая литература временъ революціи, имперіи, реставраціи, іюльской монархіи и второй республики.—Реформы настоящаго столѣтія въ Англіи; экономическое освобожденіе печати.—Реформы 1833, 1836 и 1855 годовъ.—Бюджетные проекты *Гладстона* на 1860 и 1861 годы; отмѣна бумажной пошлины.—Періодъ полной какъ политической, такъ и экономической свободы журналистики въ Англіи.

Ни въ одной странѣ, если исключить Сѣверо-Американскіе Штаты, журнальное дѣло не получило такого широкаго развитія, какъ въ Англіи, и нигдѣ рѣшительно журналистика не играетъ такой важной роли. Но если свобода печати существуетъ въ Англіи издавна, то великою независимою властью, силой совершенно спокойною за свое существованіе и могущественною, является она лишь въ наше время.

Въ такомъ положеніи англійская печать находится съ той поры, когда были понижены и потомъ уничтожены главнѣйшія изъ фискальныхъ стѣсненій,—пошлины съ объявленій (advertisement duty) и съ клейма (stamp duty) Тутъ, какъ и въ дѣлѣ собраній, свобода основана не на какой-нибудь законодательной формулѣ. Громадные митинги собираются почти всякую недѣлю во всѣхъ частяхъ Англіи, нисколько не стѣсняясь неопредѣленностью законовъ о собраніяхъ. Это взаимное пониманіе между властью и народомъ, прочность и въ то же время гибкость ихъ отношеній, составляетъ одну изъ важнѣйшихъ причинъ устойчивости государственнаго динамизма Англіи.

Громадная польза свободной печати, свободной журналистики, гласности, такъ очевидна, что ни одному Англичанину не мыслимъ теперь противный порядокъ вещей. Онъ видитъ въ свободной печати четвертую, послѣ короны и обѣихъ палатъ парламента, народную власть (fourth estate), и считаетъ ее вѣрнѣйшимъ изъ средствъ противъ всякаго зла. Самые уважаемые писатели и дѣятели давно уже внесли это убѣжденіе въ народное сознаніе; опытъ зарубилъ его въ немъ на вѣки.

Но прежде чѣмъ англійская печать достигла своей полной свободы, она прошла борьбой долгою и крайне упорною, ознаменованною, какъ обыкновенно, побѣдами и пораженіями, попеременнымъ торжествомъ то правыхъ и слабыхъ, то неправыхъ и сильныхъ, — борьбой, считающею сотнями падшихъ въ бою героевъ, жертвъ, фанатиковъ своего дѣла, и полною примѣровъ и уроковъ. Тутъ кстати будетъ сказать слово въ отвѣтъ на частый и не лишенный важности доводъ нѣкоторыхъ, что Англія, со всѣми своими учрежденіями, есть своеобразный плодъ собственной почвы неудобный къ перенесенію на другую. Согласившись съ этимъ въ общемъ, я могъ бы однако возразить, что въ давнія времена Англія мало отличалась отъ Франціи, что ея настоящее устройство не болѣе какъ естественное развитіе общихъ многимъ странамъ зачатковъ. Но, не заходя такъ далеко, ограничусь однимъ краткимъ и вразумительнымъ замѣчаніемъ: есть условія, удовлетворить которымъ могутъ всѣ народы; условія эти—постоянство желаній, стремленій, труда, столько же важные и существенные элемен-

ты историческаго развитія, сколько мѣстныя и другія данныя; результатъ зависитъ отъ нихъ, какъ зависитъ богатство жатвы отъ усилій, труда, искусства, а не отъ однихъ лишь почвенныхъ или климатическихъ условій.

Начинать ли теперь доказывать пользу свободной печати, повторять ли еще разъ столько разъ повторенное? Къ чему праздная рѣчь? скажутъ многіе. Оцѣнятъ ли искреннее и умѣренное слово; не пройдетъ ли безплодно оно?..

Что до Англіи, то не только ея благосостояніе, могущество и слава обусловлены свободой печати, но и „все, чѣмъ неизмѣнно и твердо поддерживается въ англійскихъ гражданахъ начала добра и духъ свободы, есть результатъ великой независимости и энергіи англійской печати.“ Послѣдними словами, Галламъ, въ своей *Конституціонной исторіи*, выразилъ убѣжденіе, вынесенное имъ изъ долгаго изученія англійской исторіи. Длинные ряды всевозможныхъ свидѣтельствъ могъ бы я привести здѣсь въ подтвержденіе того же [1], но все это, уже хорошо извѣстно всѣмъ. Не зачѣмъ также доказывать здѣсь, что гласность есть единственное дѣйствительное средство заявленія общественнаго мнѣнія, для кары безчестія и грѣха недоступныхъ другому возмездію, для искорененія внутренняго зла вообще; не зачѣмъ повторять,. что Англія не прибѣгаетъ къ буйнымъ соціальнымъ переворотамъ для достиженія реформъ и улучшеній, потому что желанія націи, находя себѣ исходъ въ печати, могутъ найдти себѣ удовлетвореніе мирнымъ путемъ; не зачѣмъ припоминать и старое сравненіе гласности съ клапаномъ для предупрежденія взрывовъ, доказывать что все сдавленное разрывается наконецъ разруши-

[1] Маколей въ каждомъ *Essay* своемъ, почти въ каждой главѣ своей *Исторіи*, говоритъ въ пользу великаго дѣла свободной печати. Посредствомъ свободной печати, замѣчаетъ Бульверъ, въ одномъ изъ своихъ историческихъ эпизодовъ,—общество передаетъ правительству свои желанія и посредствомъ ея же узнаетъ о дѣйствіяхъ власти. Поддерживая взаимное пониманіе и согласіе между народомъ и властью, печать успѣшнѣе всего ведетъ „къ сохраненію порядка и предупрежденію несчастной необходимости революцій.“ Графъ Монталамберъ, въ своей надѣлавшей много шуму и замѣчательной статьѣ по поводу преній въ англійскомъ парламентѣ объ Индіи, говоритъ: „Я никогда не перестану повторять, что въ громадной, неограниченной гласности кроется главная сила англійскаго общества, существенное условіе его жизненности и лучшее ручательство его

тельно, приводить въ примѣръ Францію, не имѣвшею до революціи ни одного политическаго, въ истинномъ смыслѣ, журнала [1]. Скажу лишь, въ успокоеніе людей реакціи искренней, а не корыстной, что нѣтъ страны, гдѣ бы печать и журналистика пораждали такъ мало произведеній оскорбляющихъ общественную нравственность и приличіе, глумящихся надъ дорогими сердцу утѣшеніями или религіозными взглядами каждаго. Прибавлю еще къ этому,—припоминая мнѣніе нѣкоторыхъ радикаловъ, будто журналы замѣнятъ, развиваясь, политическія собранія и сдѣлаются всемогущими,—что въ Англіи никто и ничто не всемогуще, ни исполнительная власть, ни парламентъ, ни народъ, ни даже законъ, дополняемый или предупреждаемый обычаемъ, и что самые признанные и сильные авторитеты получаютъ, подчасъ, назидательные уроки отъ общественнаго мнѣнія. Не убѣжденные въ этомъ могли бы спросить у левіаѳана журналистики, *Times*'а, да мимоходомъ и у Пальмерстона.

Считаю не лишнимъ привести здѣсь общіе доводы Милля въ пользу свободной печати. Сущность ихъ въ слѣдующемъ: 1) *Никто* не можетъ быть безошибоченъ, а потому не мо-

---

свободы." И тутъ же, отвѣчая на гуртовой софизмъ о неудобствѣ слишкомъ „большой гласности," онъ прибавляетъ: „Англійская журналистика кажется, съ перваго взгляда, какимъ-то всеобщимъ и вѣчнымъ обвинительнымъ актомъ, нападающимъ на все и на всѣхъ; но всматриваясь въ нее пристальнѣе, видишь, что оправданіе, опроверженіе, идутъ всегда вслѣдъ за обвиненіемъ или обидой. Ошибки и недоразумѣнія, безъ сомнѣнія, часты; но онѣ почти всегда тотчасъ же исправляются, или же выкупаются тѣми истинами и свѣдѣніями, которыя проникаютъ путемъ печати въ общественное сознаніе." (*Un débat sur l'Inde au parlement anglais*, стр. 17, 18). „Говоря объ англійскихъ учрежденіяхъ и о тѣхъ изъ нихъ, которымъ можно не только позавидовать, но которыя можно перенять для нашего демократическаго общества, и отыскивая главную пружину общественнаго, прочнаго и сложнаго, механизма Англіи, главную гарантію всѣхъ ея старыхъ и новыхъ благъ, я прихожу къ убѣжденію, что онѣ заключаются въ гласности," замѣчаетъ тотъ же авторъ въ другомъ извѣстномъ трудѣ своемъ. „Гласность англійская полна, громадна, истинна. Она не всегда была такою, но теперь она такова. Безъ свободы же печати гласность эта, понятно, не можетъ существовать." (*De l'avenir politique de l'Angleterre*, стр. 246.) „Конечный результатъ всѣхъ процессовъ, веденныхъ передъ великимъ трибуналомъ англійской гласности въ продолженіе столѣтій, былъ всегда въ пользу свободы и справедливости," прибавляетъ авторъ (*ibid.* стр. 271).

[1] *Histoire de la Presse*, par Cucheval Clarigny, стр. 14.

жетъ утверждать, чтобы противоположное мнѣніе было *во всемъ* ошибочно, а потому не можетъ запрещать выраженія его; 2) обыкновенныя истины—обыкновенно полуистины, и тѣмъ необходимѣе терпимость всевозможныхъ взглядовъ и мнѣній; 3) чѣмъ болѣе разнорѣчія, тѣмъ съ бо́льшаго числа сторонъ возможно изслѣдовать вопросъ, а потому запрещеніе выраженія противоположныхъ мнѣній—вредно. Подобное запрещеніе—„ущербъ человѣчеству, потомству столько же, сколько и существующему поколѣнію, тѣмъ которые не согласны съ мнѣніемъ столько же, сколько и тѣмъ которые согласны съ нимъ. Если мнѣніе *вѣрно*, общество теряетъ удобный случай для замѣны ошибки истиной; если мнѣніе *ложно*, общество теряетъ ясное уразумѣніе истины, какъ слѣдствія столкновенія ея съ ложью.“ [1].

Въ чемъ же, окончательно, заключается или должна заключаться свобода печати? Въ отвѣтъ, я приведу здѣсь опредѣленія трехъ важныхъ авторитетовъ въ Англіи.

„Свобода печати въ Англіи заключается въ томъ, говоритъ Делольмъ, что никакое судебное мѣсто или лицо не имѣетъ права освѣдомляться о сочиненіи или осуждать оное прежде печати; оно можетъ имѣть дѣло лишь съ сочиненіемъ напечатаннымъ, и обязано при этомъ, въ случаѣ виновности, дѣйствовать при посредствѣ суда присяжныхъ.“ [2]

„Свобода печати, говоритъ знаменитый легистъ Блакстонъ, заключается въ независимости, при публикаціи, отъ всѣхъ предупредительныхъ стѣсненій, что̀ не означаетъ свободы отъ взысканія въ случаѣ виновности публикованнаго. Каждый гражданинъ имѣетъ полное право выражать свои мысли; запрещеніе этого есть уничтоженіе свободы печати. Въ случаѣ же публикаціи чего-либо вреднаго, злонамѣреннаго или противозаконнаго, онъ несетъ отвѣтственность за свой поступокъ... Такимъ образомъ дѣйствіе лица остается свободнымъ, и лишь злоупотребленіе подвергается преслѣдованію со стороны закона“ [3].

---

[1] *On Liberty* стр. 33.

[2] *The rise and progress of the English Constitution*, the treatise by Y. S. Delolme. Стр. 872.

[3] *Commentaries on the Law of England*, by Sir William Blackstone, т. IV стр. 151

Стивенъ, другой извѣстный англійскій легистъ, повторяя опредѣленіе Блакстона, добавляетъ: „относительно же злоупотребленій печати установлены мѣры, цѣль которыхъ знать имена издателей, чтобы, въ случаѣ нужды, имѣть отвѣтчика передъ обиженными и передъ закономъ“ [1].

Изучающій исторію печати и журналистики не можетъ не придти къ глубокому убѣжденію, что въ критическомъ, ищущемъ лучшаго, даже „оппозиціонномъ“ (при самыхъ удачныхъ правительствахъ) характерѣ печати, заключается именно благая роль ея, что не излишекъ, а недостатокъ ея свободы ведетъ къ общественнымъ потрясеніямъ, что всѣ заблужденія и злоупотребленія находятъ въ ней же осужденіе и возмездіе себѣ, что избытокъ зла, гдѣ бы онъ ни проявлялся, вызываетъ всегда реакцію, что неправое дѣло, кѣмъ бы оно ни совершалось, мститъ всегда само за себя, что правое же, несмотря ни на какое противодѣйствіе, возьметъ свое, какъ общій историческій законъ, несмотря на всѣ временныя уклоненія, торжествуетъ всегда въ конечномъ результатѣ.

Въ краткій историческій очеркъ англійской періодической литературы, который мы намѣрены представить въ этой первой статьѣ, войдутъ лишь важнѣйшіе законодательные факты развитія журналистики, и, заслуживающія особеннаго вниманія русскихъ читателей, политическія и экономическія явленія на пути ея къ свободѣ. При этомъ, въ очеркѣ нашемъ, читатели не найдутъ судебно-литературныхъ процессовъ, съ одной стороны; съ другой, въ немъ не найдутъ разныхъ полулитературныхъ разказовъ, журнальныхъ анекдотовъ, біографическихъ подробностей и пр., которыми обыкновенно бываютъ наполнены историко-журнальные очерки. Первыхъ нѣтъ, потому что нѣтъ той именно возможности, въ пользу которой идетъ здѣсь рѣчь; растягивать статьи вторыми не рѣшился самъ авторъ, думая что при важности настоящихъ заботъ и недосугѣ нашего общества, подробности эти едва ли будутъ очень занимательны.

---

[1] *New Commentaries on the Law of England*, by H. J. Stephen т. IV, p. 326; т. III, стр. 284. Я буду говорить, въ своемъ мѣстѣ, съ необходимою подробностію о законахъ, управляющихъ англійскою печатью; читатель увидитъ тогда, на сколько они достаточны для поддержанія порядка.

I.

Журнальный видъ проявленія и сообщенія человѣческой мысли длится не болѣе двухъ съ половиною столѣтій. Я считаю отличительнымъ качествомъ журнала, въ принятомъ на западѣ смыслѣ, — *повременность*, *періодичность*; притомъ, я касаюсь только Европы. Вопросъ о значеніи римскихъ „acta diurna“, венеціянскихъ „gazetti“ и другихъ въ томъ же родѣ изданій, для насъ, въ настоящемъ случаѣ, не важенъ; намъ довольно того факта, что всѣ эти изданія не были періодическія. Точно также не важенъ для насъ вопросъ объ относительной давности или первенствѣ, то-есть годѣ, мѣсяцѣ и пр., появленія различныхъ европейскихъ журналовъ. Періодическія изданія явились въ XVII вѣкѣ почти одновременно въ Англіи, Германіи и Голландіи, и были вызваны одною причиной — религіозными несогласіями. Въ XV и даже въ XVI столѣтіяхъ, общества, не занимаясь много дѣлами внѣшней политики, составлявшими заботу государей и министровъ, оставались довольно равнодушны къ тому что̀ дѣлалось у сосѣдей; религіозныя войны, съ ихъ общимъ интересомъ для католиковъ и протестантовъ всѣхъ странъ, положили конецъ такому равнодушію. Во время Тридцатилѣтней войны, каждый слѣдилъ съ участіемъ за успѣхами единовѣрца, къ какому бы онъ ни принадлежалъ государству. Тогда и тяжелые трактаты, требовавшіе слишкомъ много времени для составленія и чтенія, притомъ мало доступные большинству, стали уступать мѣсто мелкимъ и болѣе удобнымъ для распространенія памфлетамъ, брошюрамъ, листкамъ, объявленіямъ извѣстій, которыя скоро должны были сдѣлаться періодическими, то-есть являться правильно въ опредѣленные сроки. Роль типографіи здѣсь особенно важна; журналъ невозможенъ безъ нея. Быстрота публикаціи, совмѣщенія на маломъ пространствѣ множества свѣдѣній, правильная періодичность и т. д., не могли быть достигнуты до появленія типографій.

Мы условились, такимъ образомъ, въ терминѣ, и опредѣлили причины, время, мѣсто, обстоятельства появленія журналовъ.

Первымъ англійскимъ журналомъ считается *Weekly News (Еженедѣльныя Новости)*, явившійся въ 1622 году [1]. То былъ небольшой листокъ *in-quarto*, выходившій разъ въ недѣлю, въ которомъ, безъ связи и оригинальнаго текста, помѣщались извѣстія о замѣчательнѣйшихъ событіяхъ континента. Для насъ интересны жалобы издателя его, бѣднаго искателя приключеній, Натаніэля Боттера. Ему не дозволяли печатать никакихъ внутреннихъ извѣстій о странѣ, что̀ причиняло ему убытокъ отъ соперничества съ такъ-называемыми *письмами новостей* (news-letters), то-есть рукописными листками, разсылавшимися изъ столицы къ провинціяльнымъ важнымъ особамъ и дворянамъ, въ которыхъ свободно передавались, обсуживались, а часто искажались внутреннія извѣстія [2]. Кромѣ того, *цензура* исключала, сокращала и даже измѣняла по своему получаемыя съ континента новости. Какъ излишне было бы распространяться здѣсь о журналѣ Боттера, такъ умѣстно будетъ сказать слово о „цензурѣ“, понимаемой въ смыслѣ постановленій о предварительномъ одобреніи властью назначаемыхъ къ печати сочиненій.

У знаменитаго англійскаго политическаго писателя XVII столѣтія, Мильтона, знатока вопроса, какъ читатель увидитъ

---

[1] Въ концѣ прошлаго столѣтія, въ коллекціи періодическихъ изданій *Британскаго музеума*, было найдено три нумера журнала *The English Mercury*, на которыхъ стоялъ 1588 годъ. Нумера эти, послѣ изысканій библіотекаря Томаса Уатса напечатанныхъ въ „Письмѣ его къ секретарю Музеума Паниццы“, признаны поддѣльными. На поддѣлку рѣшился вѣроятно какой-нибудь патріотъ, полагаютъ лордъ Гардвикъ, не желавшій уступить другимъ странамъ чести основанія перваго журнала.

[2] Эта форма распространенія новостей, предшествуетъ обыкновенно формѣ журнальной и принадлежитъ младенчествующимъ литературамъ. Во Франціи, напримѣръ, *Nouvelles à la main* были сильно распространены въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Мнѣ кажется, что признаки подобныхъ „писемъ-новостей“ можно отыскать и въ настоящее время въ обыкновенныхъ письмахъ, посылаемыхъ изъ столицъ къ разнымъ провинціяльнымъ особамъ, въ тѣхъ странахъ, гдѣ общество находится подъ усиленною правительственною опекой, гдѣ слово и вѣсть не имѣютъ свободнаго хода и гдѣ, потому, всякій можетъ наполнять свои письма преувеличенными, ложными и вредными, столько же для правительства, сколько для общества, свѣдѣніями.

ниже, находимъ мы нѣсколько интересныхъ указаній о происхожденіи цензуры. *Fra Paolo*, великій обличитель Тридентскаго собора, говоритъ Мильтонъ, въ одномъ изъ своихъ трактатовъ утверждаетъ, что, съ появленія христіянской церкви и до VIII столѣтія, соборы и епископы ограничивались однимъ осужденіемъ книгъ, предоставляя совѣсти каждаго читать ихъ или нѣтъ. Лишь послѣ VIII столѣтія, папы, сосредоточивъ въ своихъ рукахъ монополію политическаго всемогущества, подчинили своему контролю науку, какъ прежде еще подчинили убѣжденія, и стали жечь и запрещать всѣ книги не нравившіяся имъ [1]. Начало настоящей книжной цензуры онъ относитъ ко времени появленія index'а, дѣла испанской инквизиціи, подготовленнаго буллами папы Мартина V. Папѣ Александру VI принадлежитъ честь окончательнаго утвержденія основныхъ положеній церковной цензуры. Отъ абсолютныхъ папъ, смотрѣвшихъ на абсолютныхъ государей какъ на своихъ „министровъ добра“ (по удачному выраженію Мишеле), и слѣдившихъ посредствомъ ихъ за благонравіемъ паствы, обычай цензуры сочиненій перешелъ и къ этимъ послѣднимъ. Отъ католическихъ князей онъ не могъ не перейдти и къ абсолютнымъ протестантскимъ.

Въ Англіи, уже въ царствованіе Генриха VIII, находимъ мы рядъ болѣе или менѣе стѣснительныхъ постановленій, касающихся типографій и печати вообще. Постановленія эти исходятъ прямо отъ лица короля, и называются королевскими указами (Royal proclamations). Въ послѣдствіи, печально-знаменитая въ исторіи Англіи, „звѣздная камера“ (Star Chamber) приняла печать въ свое завѣдываніе. Стѣснительными постановленіями о типографіяхъ и печати богато царствованіе Елизаветы; при ней распространеніе типографій было ограничено тремя городами, и всѣ безъ исключенія печатныя произведенія были подвергнуты предварительному одобренію чиновниковъ [1]. Постановленія эти,

---

[1] *The prose works of John Milton*. London. Изд. 1806 года, т. I. стр. 293.

[2] У К. Гонта (*The Fourth Estate*, by K. H. стр. 41) мы читаемъ объявленіе генералъ-атторнея: „Ея величество королева Елизавета, въ своей высокой мудрости, повелѣла, чтобы ни одна рѣшительно книга или памфлетъ не печатались безъ предварительнаго разсмотрѣнія и одобре-

противорѣчившія требованіямъ времени, съ самаго начала были безпрерывно нарушаемы; типографіи заводились тайно во всѣхъ городахъ; число книгъ и особенно памфлетовъ не одобренныхъ цензурою постоянно увеличивалось. Въ царствованіе Іакова I продолжался тотъ же порядокъ вещей. При Карлѣ I, притѣсненія шли объ руку съ другими насильственными и противорѣчившими духу времени мѣрами. Стивенъ, уже цитированный нами выше, указываетъ между прочимъ на примѣненіе *военныхъ законовъ* въ мирное время, какъ на одну изъ главныхъ причинъ неудовольствія народа [1]. „Звѣздная камера", при Карлѣ I, ознаменовала свои дѣйствія преслѣдованіями типографовъ, издателей, памфлетистовъ, ученыхъ и литературныхъ людей; читавшимъ исторію Англіи этого времени знакомы имена, падшихъ жертвами гоненій, — Пренна, Вартона, и другихъ. Я могъ бы привести здѣсь убѣдительныя слова одного замѣчательнаго англійскаго публициста XVIII столѣтія, въ доказательство того что паденіе Карла I обошлось бы безъ печальнаго акта, закончившаго тогдашнія междуусобія, еслибы печать того времени пользовалось большею свободой [2]. Но оставляя это, я обращу вниманіе читателей на другое современное, не лишенное знаменательности явленіе, которое съ удивительною правильностію повторяется очень часто въ исторіи, и еще недавно, въ наши дни, повторилось съ династіей извѣстнаго южно-италіянскаго королевства. Когда Карлъ I, испугавшись возраставшаго неудовольствія народа, рѣшился на уступки и упразднилъ тайную канцелярію, „звѣздную камеру",

---

нія; кромѣ того, полагая, что этого будетъ недостаточно, ея величество повелѣла, чтобы книги печатались исключительно лишь въ Лондонѣ, Оксфордѣ и Кембриджѣ."

[1] *New Commentaries on the law of England*, т. IV стр. 577.

[2] „Это великое право (право свободной печати) столько же охраняетъ короля, сколько приноситъ пользы народу. Еслибы не существовало звѣздной камеры, возмущеніе, быть-можетъ, не вспыхнуло бы противъ Карла I. Постоянный контроль и благіе совѣты печати руководили бы дѣйствіями короля и, предупредивъ междуусобную войну, спасли бы его самого," говоритъ, между прочимъ, на стр. XXI предисловія къ своимъ *Письмамъ* знаменитый въ исторіи англійской журналистики *Junius*, о которомъ намъ придется упоминать ниже.

онъ сдѣлалъ это съ тою спѣшною неискренностію и недобросовѣстностію, которыя не могли удовлетворить и не удовлетворили націи. Народъ, при этомъ, видя частое вѣроломное нарушеніе Карломъ своихъ обѣщаній, потерялъ вѣру въ королевское слово, что̀ много способствовало паденію Карла.

Съ созваніемъ въ 1641 году Долгаго Парламента и уничтоженіемъ „звѣздной камеры“ притѣсненія печати уменьшаются. Постановленія Долгаго Парламента послужили, со всѣмъ тѣмъ, основаніемъ цензурныхъ законовъ, управлявшихъ англійскою печатью до 1695 года. Въ это время явились первые офиціяльные протоколы парламентскихъ засѣданій (Diurnal occurensies in Parliament), они велись въ продолженіи всего протекторства Кромвеля. Замѣчательно, что публикація парламентскихъ преній, какъ видно изъ приведенной у Гонта [1] рѣчи *спикера* (президента палаты общинъ), считалась тогда профанаціей, умаленіемъ достоинства представителей. Нѣсколько современныхъ журналовъ, которые замѣнили прекратившійся въ 1640 году журналъ Богтера, пользуясь возможностію заниматься внутренними дѣлами, рѣшились въ 1647 году опубликовать нѣкоторыя парламентскія рѣчи. Парламентъ тотчасъ же издалъ постановленіе запрещавшее всякую публикацію, а тѣмъ болѣе обсужденіе его преній; нарушители подвергались самымъ строгимъ наказаніямъ.

Къ этому времени относится появленіе знаменитаго памфлета Мильтона о свободѣ печати. Маститый слѣпецъ, авторъ *Потеряннаго Рая*, былъ тогда почти неизвѣстнымъ молодымъ человѣкомъ. Возвратившись изъ путешествія по Европѣ и ознакомившись съ происшедшимъ въ его отсутствіе, онъ принялъ горячо къ сердцу интересы народа, и оставивъ любимыя занятія классиками, занялся важными вопросами дня. Бо́льшая часть его политическихъ трактатовъ явилась въ эту эпоху, когда онъ не былъ секретаремъ Кромвеля и не потерялъ еще своего зрѣнія. Не раздѣляя всѣхъ политическихъ доктринъ Мильтона, я останавливаюсь на его трактатѣ о свободѣ печати, потому что замѣчательный трактатъ этотъ отличается большимъ спокойствіемъ тона. Трактатъ, или пожалуй памфлетъ, носитъ

---

[1] *Fourth Estate*, стр. 244.

названіе: *Ареопагитика, слово въ пользу свободы печати* [1], и обращенъ къ парламенту, — къ лордамъ и общинникамъ.

Мильтонъ, прежде чѣмъ обратиться къ вопросу о пользѣ нецензурованной печати, разсматриваетъ законы о сочиненіяхъ и письменныхъ произведеніяхъ ума въ Аѳинахъ, Спартѣ и Римѣ, и не находитъ въ нихъ требованій о предварительномъ одобреніи публикующихся сочиненій. Онъ изслѣдуетъ потомъ начало цензуры въ Европѣ и относитъ его къ VIII столѣтію. Установленіе цензуры есть дѣло папъ, повсемѣстное распространеніе—дѣло инквизиціи.

Что же служитъ основаніемъ къ установленію предупредительной цензуры? спрашиваетъ Мильтонъ. Опасеніе вредныхъ сочиненій, желаніе предупредить ихъ появленіе, а тѣмъ и пагубное дѣйствіе. Это основывается на трехъ доводахъ: 1) вредныя книги, какъ вредныя мысли, заразительны, а потому слѣдуетъ препятствовать ихъ появленію и распространенію; 2) не слѣдуетъ безъ нужды подвергать себя искушенію; 3) не слѣдуетъ терять напрасно время. Понятіе о вредѣ книгъ—понятіе крайне неопредѣленное и притомъ относительное. „Я могъ бы указать, говоритъ Мильтонъ [2], на примѣръ Моисея, Даніила и апостола Павла, которые изучали халдейскую, египетскую и греческую литературу, были знакомы, вѣроятно, со всѣми писанными на этихъ языкахъ сочиненіями, и которые внесли въ Священное Писаніе отрывки изъ трехъ греческихъ авторовъ, не думая тѣмъ осквернить оное.“—„Вопросъ о пользѣ и нравственности науки, продолжаетъ Мильтонъ, служилъ предметомъ частыхъ споровъ между членами нашей молодой церкви; большинство склонялось всегда на сторону признанія этой пользы. Убѣдительное подтвержденіе этого мы видимъ во время Юліана Отступника, горячаго противника нашей религіи, когда онъ издалъ декретъ, запрещавшій христіянамъ изученіе языческой литературы. Люди эти, говорилъ онъ, обращаютъ противъ насъ наше собственное оружіе; наши искусства и науки служатъ имъ средствомъ для нашего же пораженія. Всѣ христіяне сочли это запрещеніе изученія греческой литературы за великое несчастіе; они понимали, что гоненія подобнаго рода способны повредить

---

[1] *Areopagitica: a speech for the liberty of unlicensed printing.*

[2] *The proseworks of John Milton. Areop.* Т. I, стр. 296.

ихъ церкви болѣе чѣмъ всевозможныя жестокости Деціевъ и Діоклетіановъ."

„Мы видимъ, говоритъ далѣе Мильтонъ, что книги не могутъ быть уничтожены безъ вреда наукѣ, знаніямъ; мы знаемъ, что книги читаются преимущественно людьми учеными или просвѣщенными, и только посредствомъ ихъ зло содержащееся въ нихъ можетъ достигнуть народа; мы знаемъ, что зло можетъ распространяться посредствомъ тысячи другихъ путей, которые преградить совершенно не возможно. Я не понимаю послѣ этого, къ чему могутъ привести усилія цензуры. Ее можно было бы, говоря шутя, сравнить съ тѣмъ умнымъ малымъ рѣдкаго воображенія, который, затворяя ворота своего сада, думалъ захватить въ немъ всѣхъ воронъ". Если справедливо, что разумный человѣкъ, изъ самаго грязнаго состава, можетъ извлечь золото, между тѣмъ какъ неразумный, съ книгами или безъ книгъ, останется всегда такимъ же, то нѣтъ основанія лишать перваго выгодъ мудрости и отклонять отъ втораго предметъ, удаленіе котораго не поможетъ его глупости. Если допускать уже вполнѣ принципъ отдаленія отъ неразумныхъ всего что̀ не приноситъ имъ добра, то слѣдуетъ лишить ихъ и всѣхъ мудрыхъ поученій, изъ которыхъ, по увѣренію Аристотеля, Солона и наконецъ самого Спасителя, они не извлекутъ для себя пользы. Несомнѣнно, что разумный человѣкъ извлечетъ болѣе пользы изъ самаго дурнаго памфлета чѣмъ не разумный изъ Священнаго Писанія." [1]

То же самое можно возразить на положеніе, будто мы не должны подвергать себя искушеніямъ вредныхъ книгъ или терять на чтеніе ихъ свое время, говоритъ Мильтонъ. Дурныя и малонравственныя книги, большею частію, не опасны для читающихъ, а для людей разумныхъ онѣ положительно полезны, давая имъ возможность сравненія и освѣщеніе предмета со многихъ сторонъ.

Показавъ, затѣмъ, невыполнимость условій, которымъ долженъ удовлетворять цензоръ, Мильтонъ, отъ безсилія цензуры привести къ добру, переходитъ къ производимому ею злу. „Она, говоритъ Мильтонъ, унижаетъ литературу,

---

[1] *The prose works of John Milton. Areop.* Т. I, стр. 302.

унижаетъ литературныхъ дѣятелей. Труды, требовавшіе громадной эрудиціи и огромныхъ усилій, должны подвергаться спѣшному обзору чиновника, котораго отмѣтки и сокращенія часто совершенно искажаютъ сочиненіе.“ „И что же выходитъ, замѣчаетъ потомъ Мильтонъ, съ удивительною мѣткостію—плодомъ, можетъ-быть, собственной опытности,—когда автору, одаренному богатымъ воображеніемъ, припомнятся подробности, послѣ одобренія цензора и во время печатанія сочиненія? Необходимость такихъ поправокъ, касающихся иногда десятка мѣстъ въ одномъ лишь томѣ, не встрѣчается ли самымъ лучшимъ и искуснымъ писателемъ? Типографъ, между тѣмъ, не смѣетъ печатать прибавленій. Бѣдному автору приходится снова обращаться къ цензору за одобреніемъ этихъ новорожденныхъ идей. Сколько труда стóитъ ему застать того же самаго цензора дома, и застать его еще въ хорошемъ расположеніи духа! Публикація, въ это время, прекращена къ ущербу автора; онъ долженъ или ждать, или же отказаться отъ улучшеній и представить публикѣ дитя свое въ худшемъ, чѣмъ могъ бы, состояніи, что̀ для хорошаго отца ужаснѣйшее изъ несчастій.“ Отъ цензорскаго исправленія или запрещенія, какая-нибудь важная мысль часто можетъ быть потеряна для человѣчества. „Я могъ бы, говоритъ Мильтонъ, привести здѣсь нѣсколько поразительныхъ доказательствъ подобнаго и скаженія сочиненій заслуживающихъ самаго высокаго уваженія, но оставляю это до болѣе-удобнаго случая. Если, однакоже, подобныя вещи не будутъ серіозно поняты тѣми, въ чьихъ рукахъ находятся средства и власть, если всякій, по своему произволу, станетъ портить самыя изящныя мѣста самыхъ лучшихъ трудовъ... горе тогда бѣдному потомству!.. Полно вамъ, высокіе умы, утомлять себя ученіемъ, чтобы возвыситься надъ толпою! Быть дуракомъ и невѣждой, и пастись себѣ мирно съ общимъ стадомъ, вотъ въ чемъ тайна счастія, вотъ все чего требуютъ отъ васъ теперь!..“ „Въ этомъ неуваженіи къ живущимъ писателямъ, въ этомъ оскверненіи трудовъ и памяти умершихъ, прибавляетъ Мильтонъ, я вижу порчу и униженіе всей націи.“ [1]

---

[1] *Ibid.* стр. 311.

Онъ разсматриваетъ, затѣмъ, состояніе печати въ другихъ странахъ и доказываетъ, что цензура вызывала внутреннія безпорядки и перевороты. „Все ложное, при свободѣ печати, встрѣчаетъ тотчасъ же возраженіе и осужденіе," говоритъ онъ. „Христосъ въ оправданіе себя отвѣчалъ, что онъ проповѣдуетъ публично; публичность же печати значительнѣе чѣмъ слова и проповѣди, и тѣмъ легче, слѣдовательно, опровергнуть ее, когда нужно."

„Что до законовъ для предупрежденія злоупотребленій печати, говоритъ наконецъ Мильтонъ, то ничего не можетъ быть удачнѣе, лорды и джентльмены, вашихъ постановленій, которыми запрещалось печатать книги безъ предварительнаго объявленія имени автора и издателя, или, по крайней мѣрѣ, послѣдняго... Тѣ книги, которыя явятся безъ этой гарантіи и признаются вредными или пасквильными, пусть будутъ сожжены рукою палача. Это самая приличная и самая дѣйствительная мѣра... Да исчезнетъ же эта испанская цензура, которая, въ силу неизбѣжной реакціи, приведетъ скоро—къ страшной *литературной анархіи!* Да исчезнетъ цензура, которая напоминаетъ намъ Звѣздную Камеру и все совершенное ею и ускорившее ея паденіе зло!... Вы знаете, каковы были принципы управленія, любовь къ народу, религіозность и нравственность людей, лицемѣрію которыхъ необходимо было порабощеніе печати!" [1]

Читатели, изъ этихъ краткихъ отрывковъ, могутъ составить себѣ понятіе о доводахъ Мильтона и значеніи *Ареопагитики.* Намъ неизвѣстно, принесъ ли трактатъ непосредственные результаты, но хорошо извѣстно, что число памфлетовъ и журналовъ, несмотря на всѣ стѣснительныя мѣры, продолжало сильно увеличиваться. По свидѣтельству современныхъ писателей, отъ начала междуусобной войны до возстановленія Карла II, явилось въ Англіи отъ 30 до 40.000 различныхъ „не цензурованныхъ" изданій (между которыми надо считать и памфлетъ Мильтона). Правительство рѣшилось тогда искать себѣ партизановъ между журналами, и не могло, безъ сомнѣнія, придумать ничего удачнѣе этого. Сильною поддержкой кромвелевской партіи и въ послѣдствіи органомъ его прави-

[1] *Ibid.* стр. 330.

тельства былъ *Mercurius Politicus*, журналъ очень распространенный и издававшійся нѣкимъ Недгамомъ, человѣкомъ даровитымъ, ученымъ, искуснымъ, „каждое слово котораго, какъ выражался одинъ изъ его политическихъ противниковъ, принималось какъ слово Евангелія.“ Роялистская партія нашла себѣ защитника въ журналѣ *Mercurius Aulicus* (придворный Меркурій), издатель котораго, Биркенхедъ, былъ профессоромъ и *fellow* Оксфордскаго университета. Послѣднее обстоятельство важно для насъ какъ фактъ возраставшаго значенія журналовъ [1].

Возстановленіе Стюартовъ и восшествіе на престолъ Карла II измѣняютъ прежній порядокъ вещей. Я не могу не обратить тутъ вниманія на характеристическую, не лишенную важнаго значенія, черту царствованія и эпохи Карла II. Будучи со стороны внѣшней политики и характера политическихъ дѣятелей однимъ изъ самыхъ неутѣшительныхъ, царствованіе это, какъ замѣчаютъ нѣкоторые новые историки, было, со стороны изданныхъ законовъ и утвержденныхъ за народомъ правъ, однимъ изъ самыхъ удачныхъ. Такъ, при Карлѣ II былъ изданъ *Habeas Corpus Act*, которымъ свобода и неприкосновенность личности обезпечивалась на столько, на сколько могутъ быть обезпечены закономъ. *Magna Charta*, въ общихъ терминахъ, объявляла, что никто не можетъ-быть противозаконно арестованъ и заключенъ; *Habeas Corpus Act* далъ возможность каждому обвиняемому въ преступленіи и заключенному быть освобожденнымъ подъ обезпеченіе и судимымъ въ непродолжительномъ времени. *Test and Corporation Act*, изданный въ эту же эпоху, обезпечилъ, какъ гражданскія, такъ и религіозныя права подданныхъ, а законъ „о нарушеніи клятвъ“

---

[1] Около этого времени явились первыя журнальныя объявленія, получившія въ послѣдствіи такое громадное развитіе въ Англіи. Самымъ первымъ было объявленіе напечатанное въ журналѣ *Impartial Intelligencer*, 12 апрѣля 1649 года, и заключавшее въ себѣ обѣщаніе вознагражденія тому, кто отыщетъ уведенную у одного суффокскаго дворянина лошадь. Въ сентябрѣ 1658 года, въ *Mercurius Politicus*, явилось въ первый разъ объявленіе о чаѣ, который составляетъ, въ настоящее время, предметъ необходимости для Англичанъ, и физіологическое вліяніе котораго, какъ полагаютъ иные, очень важно въ исторіи Англіи. „Этотъ превосходный, одобренный всѣми врачами, китайскій напитокъ, говорилось въ объявленіи, называется Китайцами, *tha*, а другими *the* и *tee*;—продается въ Лондонѣ, близъ биржи, въ кофейнѣ „Султанской Головы“ и пр.

сдѣлался великою гарантіей частной собственности [1]. Эпоха Карла II принадлежитъ къ тѣмъ знаменательнымъ эпохамъ исторіи, послѣ которыхъ возвращеніе къ прежнему и худшему порядку вещей дѣлается уже невозможнымъ. Это должно утѣшить насъ по отношенію къ печати, не переставшей во все продолженіе реставраціи подвергаться стѣсненіямъ. Особымъ постановленіемъ 1662 года, правительство усилило строгость цензуры, запретивъ не только публикацію парламентскихъ преній, но и всякое разсужденіе о происходившемъ въ палатахъ; вскорѣ затѣмъ, число типографій было ограничено 21. *Mercurius Politicus*, передѣланный въ *Public Mercurius*, былъ отнятъ у Недгама, и отданъ двумъ преданнымъ королю журналистамъ. Послѣдніе были скоро замѣнены Лестренджемъ, играющимъ, какъ цензоръ, важную роль въ исторіи англійской журналистики этого времени. Въ королевскомъ указѣ, которымъ утверждалась за Лестренджемъ привилегія на изданіе журнала, ему предоставлялась также монополія „объявленій“ и при этомъ еще странное „право отыскивать и отнимать всѣ недозволенные и злонамѣренные, еретическіе и соблазнительные журналы и книги“ [2]. Въ первомъ нумерѣ своего журнала *Intelligencer*, Лестренджъ дѣлаетъ, по поводу журналовъ, замѣчаніе достаточно рекомендующее намъ автора. „Я полагаю, говоритъ онъ, что журналы даютъ публикѣ возможность слишкомъ свободно относиться къ дѣйствіямъ и намѣреніямъ власти, дѣлаютъ общество слишкомъ заносчивымъ и злорѣчивымъ, и возбуждаютъ въ немъ не желаніе только, но даже какую-то претензію на вмѣшательство въ дѣла правительства“ [3].

Лестренджъ издавалъ журналъ свой всего два года. По волѣ Карла, желавшаго имѣть изданіе въ родѣ французской полуофиціяльной *Gazette de France*, былъ основанъ въ Оксфордѣ полуофиціяльный журналъ, носившій сначала на-

---

[1] Стивенъ замѣчаетъ въ своихъ *Комментаріяхъ*, что Англія, утратившая свою свободу во время завоеванія, возвратила ее себѣ, въ первый разъ, лишь въ царствованіе Карла II. При Карлѣ, говоритъ онъ, конституція Англіи достигла того развитія, которымъ установилось необходимое равновѣсіе между свободой и привилегіями. *New Comm. on the law of Engl.*, т. IV, стр. 580.

[2] *Encyclop. Brit.* (8 изд.) т. XVI, стр. 180.

[3] *Ibid.* стр. 181.

званіе *Oxford Gazette*, потомъ *London Gazette*. *London Gazette* существуетъ до сихъ поръ и служитъ для публикаціи официальныхъ извѣстій.

Печальному состоянію журналовъ этого времени Маколей посвящаетъ нѣсколько краснорѣчивыхъ страницъ своей исторіи. Еслибы Іаковъ удержался на престолѣ Англіи, то притѣсненія журналовъ усилились бы, по всей вѣроятности; но, замѣчаетъ Маколей, переворотъ 1688 года подчинилъ правительство контролю печати.

Результаты переворота 1688 года,—точнѣйшее опредѣленіе королевской прерогативы, улучшеніе судопроизводства, увеличеніе религіозной терпимости и пр.,—не могли не отразиться на періодической литературѣ. Число журналовъ быстро увеличивается; въ четыре года, отъ 1688 до 1692, насчитываютъ *двадцать* новыхъ журналовъ, между тѣмъ какъ въ двадцать шесть лѣтъ реставраціи явилось лишь *семьдесятъ*, изъ которыхъ бо́льшая часть очень скоро прекратилась. Черезъ три года уничтожается цензура. На этомъ знаменательномъ въ исторіи Англіи событіи, читатель позволитъ мнѣ остановиться и привести здѣсь, по поводу его, нѣсколько отрывковъ изъ *Исторіи* Маколея.

„Срокъ *цензурнаго акта* (licensing act), утвержденнаго, по необходимости, въ 1685 году, оканчивался въ 1693 году, говоритъ Маколей, хотя и былъ продолженъ, однако не безъ противодѣйствія,—слабаго, правда, если принимать въ соображеніе важность спорнаго вопроса, но доказывающаго, со всѣмъ тѣмъ, что общественная мысль начала уже понимать тѣсную связь свободы гражданской и свободы совѣсти съ свободой слова..." Я не стану разказывать здѣсь подробностей случая, который привелъ виговъ къ рѣшимости уничтожить цензуру, ни о памфлетѣ Блаунта — „*A just vindication of Learning and of the Liberty of the Press*, by Philopatris, обратившаго общее вниманіе на цензурный вопросъ [1],—ни о сожженіи посланія Бернета, подавшаго по-

[1] Кто читаетъ эту брошюру, замѣчаетъ между прочимъ Маколей, и не знаетъ, что Блаунтъ былъ однимъ изъ самыхъ безсовѣстныхъ плагіаторовъ, будетъ пораженъ, встрѣчая, рядомъ съ бѣдными мыслями и бѣдною рѣчью третьекласснаго памфлетиста, мѣста достойныя по чувству и формѣ величайшихъ именъ въ литературѣ. Дѣло въ томъ, что *Just vindication* состоитъ, преимущественно, изъ подобранныхъ мѣстъ *Ареопагитики* Мильтона. *Hist. of Engl.* т. IV стр. 354.

водъ къ парламентскимъ преніямъ о цензурѣ, и т. д. Интересующіеся читатели найдутъ эти подробности въ IV томѣ *Исторіи* Маколея [1]. Для насъ, въ настоящемъ случаѣ, важно лишь то, чѣмъ было вынуждено уничтоженіе цензурныхъ стѣсненій. Взглядъ на значеніе цензуры, хотя „цензурный актъ“ и былъ продолженъ въ 1693 году, измѣнился, говоритъ Маколей. „Сознаніе о пользѣ свободной печати,—сознаніе, правда, не слишкомъ еще сильное и твердое,—начало уже заявлять себя. Существующій порядокъ, говорили, вреденъ какъ для торговли, такъ и для науки. Можно ли ожидать, чтобы какой-нибудь капиталистъ рискнулъ суммой необходимою для значительнаго литературнаго предпріятія, или чтобы какой-нибудь ученый посвятилъ подобному предпріятію годы труда и изслѣдованій, когда прихоть, недоброжелательство, неразумность одного лица, могутъ подъ конецъ помѣшать всему? И справедливо ли, будто законъ, такъ сильно стѣснявшій и свободу торговли, и свободу мысли, способствовалъ дѣйствительно спокойствію государства? Не доказалъ ли недавній примѣръ, что самъ цензоръ можетъ быть врагомъ ихъ величествъ, или, что̀ хуже, — другомъ глупымъ и дурнымъ; что онъ можетъ запретить книгу, которая, для ихъ интереса, должна бы находиться въ каждомъ домѣ, и безъ затрудненія дозволить пасквиль, который стремится возбудить къ нимъ ненависть народа...“ Приведя въ подтвержденіе того нѣсколько примѣровъ, Маколей говоритъ потомъ, что въ тѣ времена лица не прямо заинтересованныя въ какомъ-либо „биллѣ общественной пользы“ очень рѣдко обращались къ парламенту съ прошеніями въ пользу или противъ него. Единственное прошеніе объ уничтоженіи цензуры, представленное тогда палатамъ, шло отъ книгопродавцевъ, переплетчиковъ и типографовъ. Но выраженное ими желаніе не ограничивалось, безъ сомнѣнія, только ими одними. Законъ, срокъ котораго кончился теперь, длился восемь лѣтъ. Онъ былъ возобновленъ, но всего на два года. Изъ журнала палаты общинъ, къ сожалѣнію неполнаго, видно, что въ палатѣ происходила подача голосовъ по поводу какой-то совершенно намъ неизвѣстной „поправки“. Было 99 голосовъ противъ

[1] *History of England* (изданіе 1855 г.) стр. 349—360.

80. Въ палатѣ лордовъ, согласно мысли высказанной пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ Мильтономъ и взятой у него Блаунтомъ, было предложено освободить отъ одобренія цензоровъ всѣ книги, носящія имя автора или издателя. Предложеніе это было отвергнуто и билль утвержденъ,—не безъ протеста, однако, одиннадцати перовъ, объявившихъ, что они считаютъ противнымъ общественной пользѣ подчинять науку произволу и прихоти наемнаго и, можетъ-быть, даже необразованнаго лица. [1]

Черезъ два года послѣ этого, въ 1695 году, цензурный законъ былъ, наконецъ, отмѣненъ. Маколей довольно подробно разказываетъ, какимъ образомъ совершилась эта „эманципація печати“ и, между прочимъ, замѣчаетъ тутъ, что въ отмѣнѣ *Licensing Act*'а побудили правительство различныя сопряженныя съ нимъ торговыя стѣсненія, домовые обыски и т. п. Одинъ лишь разъ, потомъ, именно въ 1797 году, вздумало правительство снова подчинить цензурѣ „журналы новостей“, по поводу напечатанныхъ въ одномъ изъ нихъ ложныхъ извѣстій подрывавшихъ кредитъ бюджетнаго билля. „Журналы эти, говорили одни, содержатъ въ себѣ часто вредныя свѣдѣнія.“—„Отчего же, въ такомъ случаѣ, ихъ не преслѣдуютъ?“ отвѣчали имъ на это. Генералъ-атторней началъ ли слѣдствіе, о которомъ-нибудь изъ нихъ? Не странно ли требовать отъ насъ новой мѣры, новаго статута, когда старая мѣра, находящаяся въ *common law* [2], не была испытана.“ На вопросъ, слѣдуетъ ли читать билль второй разъ, отвѣчало *16—да* (Ayes) и *200—нѣтъ* (Noes)!

Интересны и важны для насъ непосредственные результаты „освобожденія.“ Чѣмъ сказалось оно, въ какія отношенія ко власти поставило литературныхъ и, главное, журнальныхъ дѣятелей? „Изучающій журналы (неофиціальные) видитъ, что о королѣ они упоминаютъ всегда съ глубокимъ почтеніемъ, говоритъ намъ Маколей. О преніяхъ и вотахъ обѣихъ палатъ они хранятъ также приличное молчаніе. Въ нихъ много злорѣчія: но все оно обращено

---

[1] *Hist. of Engl.* т. IV, стр. 360—361.

[2] То-есть въ такъ-называемомъ „неписанномъ бытовомъ, законѣ“ (lex non scripta) въ Англіи — „unwritten law“, въ отличіе отъ „written law“ статутовъ (lex scripta).

противъ якобитовъ или Французовъ. Не можетъ быть сомнѣнія, что правительство Вильгельма выиграло много отъ того что печатными журналами, составлявшимися подъ страхомъ судебнаго преслѣдованія, замѣнились старыя „письма о новостяхъ“ (news-letters), составлявшіяся съ безграничною свободой. „Памфлетисты были стѣснены менѣе журналистовъ, продолжаетъ Маколей; никто, однако изъ внимательно-изучавшихъ политическія несогласія этого времени не могъ не замѣтить, что пасквили на Вильгельма и его правительство были гораздо менѣе грубы и желчны во вторую половину его царствованія чѣмъ въ первую. Причина, очевидно, заключается въ томъ что печать, стѣсненная въ продолженіи первой половины его царствованія, была свободна въ продолженіи послѣдней...“ Въ то время, когда всѣ сочиненія, осуждающія правительственныя дѣйствія, должны были подвергаться цензурному одобренію, умѣренные и серіозные противники правительства отказывались браться за перо; на политико-литературное и журнальное поприще выходили, большею частью, или реакціонерные и фанатическіе враги власти, или такъ-называемые *grub street*, то-есть низшій слой журнальной *богемы*. Порядочные люди не участвовали въ нападкахъ на правительство, ибо это было нарушеніемъ закона, а на постоянное нарушеніе закона едва ли рѣшится хорошій гражданинъ. „Освобожденіе печати произвело существенную перемѣну, говоритъ Маколей. Лучшіе и разумнѣйшіе члены оппозиціи взяли теперь на себя роль, которая до того оставлялась людямъ мало нравственнымъ или слишкомъ пылкимъ. Стиль книгъ противу-правительственныхъ сталъ по плечу государственнымъ людямъ и джентльменамъ, и даже сочиненія низшаго разряда недовольныхъ сдѣлались теперь менѣе грубы и грязны чѣмъ въ эпоху цензоровъ...“ „Нѣкоторые, недальняго ума люди, воображаютъ, что религія и нравственность требуютъ покровительства цензуры. Факты ясно доказываютъ, что люди эти ошибаются. Цензура въ сущности мало противодѣйствуетъ безнравственному или противорелигіозному,“ говоритъ Маколей, и, приведя снова примѣры въ подтвержденіе этого, онъ прибавляетъ: „Со дня, въ который совершилось освобожденіе нашей печати, началось очищеніе нашей литературы. Очищеніе это совершалось не силою вмѣша-

тельства государственныхъ властей, но силою мнѣнія большинства образованныхъ Англичанъ, передъ судомъ которыхъ являлось добро и зло, и выборъ которыхъ былъ свободенъ. Въ продолженіи полутораста лѣтъ свобода нашей печати постоянно расла, и въ продолженіи полутораста лѣтъ, стѣсненія, налагаемыя на писателей общею оцѣнкой читателей, становились все строже и строже. Даже тотъ разрядъ сочиненій, въ которомъ, какъ думали прежде, чувственному воображенію предоставлена полная воля, — любовныя пѣсни, комедіи, романы, стали приличнѣе чѣмъ проповѣди XVII столѣтія...“ „И въ настоящее время, иностранцы, не смѣющіе напечатать слова относительно своего правительства, не могутъ понять какимъ образомъ самая свободная печать въ Европѣ въ то же время самая скромная.“ [1]

Высокую правду словъ англійскаго историка признаютъ, вѣроятно, и тѣ люди реакціи искренней, а не корыстной, о которыхъ упоминали мы выше.

Прежде чѣмъ излагать ходъ англійской печати въ XVIII столѣтіи, считаю не лишнимъ сказать слово о французской періодической литературѣ XVIII столѣтія, полагая, что сравнительный взглядъ поможетъ, какъ всегда, уясненію занимающихъ насъ вопросовъ.

Самое характеристическое явленіе французской журналистики, замѣчу сначала, то, что до первой революціи она не создала ни одного политическаго, въ истинномъ смыслѣ, журнала; честь его введенія въ XVIII вѣкѣ принадлежитъ двумъ свободнымъ странамъ—Англіи и Голландіи. Въ явленіи этомъ нельзя не признать прямаго результата того централизаціоннаго, административно-покровительственнаго духа, который, начиная преимущественно съ XVII столѣтія, отличаетъ власть во Франціи [2].

---

[1] *Hist of. Engl.* т. IV, стр. 606.

[2] По опредѣленію *Энциклопедіи*, „журналъ“ не болѣе, какъ періодическое изданіе, заключающее въ себѣ новости о происходящемъ, извлеченіе изъ вновь-вышедшихъ книгъ или подробности объ открытіяхъ, дѣлаемыхъ въ искусствахъ и наукахъ.“ *Histoire de la presse en France*, par E. Hatin, т. I, стр. 20.

Первый французскій журналъ *Gazette de France* [1] былъ основанъ, въ 1631 году, врачомъ Ренодо (Renaudot), при содѣйствіи Ришелье. Простой сборникъ новостей придворныхъ, военныхъ, заграничныхъ, онъ имѣлъ во Франціи, благодаря покровительству правительства, значительный успѣхъ съ самаго своего появленія. Ришелье, предвидя въ немъ очень полезное для своей власти орудіе, поставилъ его въ зависимость отъ правительства предоставленіемъ Ренодо монополіи *періодическихъ изданій*. Извѣстно, что онъ часто посылалъ въ журналъ различныя *сообщенія* и объявленія, распространеніе которыхъ было въ его интересѣ. Извѣстно также, что Лудовикъ XIII былъ однимъ изъ постоянныхъ читателей газеты и даже, какъ говорятъ, помѣщалъ въ ней небольшія собственныя статьи. Въ общей исторіи журналистики, существованіе *Газеты* и журнальная дѣятельность ея основателя отмѣчены, между прочимъ, однимъ очень удачнымъ и справедливымъ для всѣхъ временъ и странъ доводомъ, высказаннымъ Ренодо. „Я попрошу различныя иностранныя правительства, писалъ въ 1636 году, въ головѣ своей газеты, съ убѣдительною скромностію, редакторъ,—не терять безполезно времени на противодѣйствіе распространенію моего журнала, ибо это такой товаръ, ввозъ котораго нельзя предотвратить и который владѣетъ тѣмъ свойствомъ потока, что усиливается отъ сопротивленія.“

Второй французскій журналъ *Mercure*, явился при Лудовикѣ XIV. Кольберъ, способствовавшій его основанію, поручилъ изданіе Визе, и предоставилъ ему монополію журналистики легкой, полулитературной, сходной съ отдѣломъ *Смѣси*, или *Faits divers* въ теперешнихъ журналахъ, оставивъ за Ренодо привилегію печатанія иностранныхъ новостей. Визе замѣчателенъ для насъ только тѣмъ развѣ, что упорно отстаивалъ свою привилегію и тогда, когда уступая движенію идей и заявленію общественной потребности, правительство стало снисходительно смотрѣть на появленіе новыхъ журналовъ, подобныхъ *Меркурію*. Третій журналъ, *Journal des Sçavants*, былъ основанъ Денисомъ Салло (conseillier-clerc au parlement) также при Кольберѣ. Какъ двумъ предшествовавшимъ, такъ и его журналу, дана была

[1] Существующій до сихъ поръ подъ этимъ именемъ и извѣстный какъ главный легитимистскій органъ во Франціи.

сначала привилегія на исключительное печатаніе ученолитературныхъ предметовъ. *Journal des Sçavants* выходилъ небольшими книжками разъ въ мѣсяцъ и имѣлъ, въ первое время, большой успѣхъ. Скоро однако правительство, недовольное вниманіемъ Салло и протестомъ его противъ новой церковной цензуры [1], передало право на изданіе журнала другому лицу. Въ 1701 году, *Journal des Sçavants* былъ пріобрѣтенъ канцлеромъ Понтшартреномъ (Pontchartrain) на имя правительства, и для его редакціи составлено было особое общество „ученыхъ на жалованіи".

Изъ современныхъ явленій французскаго журнальнаго міра, характеризующихъ страну и время, я приведу здѣсь два особенно куріозныя. Одно изъ нихъ касается учрежденія государственныхъ *анти-журналистовъ* и *анти-остряковъ* (anti-gazetiers et anti-lardonniers), по предложенію, сдѣланному извѣстнымъ инженеромъ и воиномъ, Вобаномъ [2]. Послѣдніе, то-есть официяльные *анти-остряки* (анти-обличители), должны были составить что-то въ родѣ особой роты чиновниковъ, которыхъ занятіе заключалось бы въ оборонѣ королевской чести и въ заготовленіи и поставкѣ въ журналы отвѣтовъ „рипостированія" на всѣ обращенные противъ короля пасквили, шутки, карикатуры, появлявшіяся въ иностранныхъ, преимущественно голландскихъ, журналахъ того времени. Но Людовикъ XIV, предчувствуя, вѣроятно, въ журналахъ, будущаго опаснаго врага злу абсолютизма, замѣчаетъ Гатенъ, отказался прибѣгнуть къ помощи *анти-журналистовъ* и *анти-лардоніеровъ* [3].

Другое куріозное явленіе, которое я счелъ умѣстнымъ

---

[1] *Hist. de la presse en France* par E. Hatin. T. I. стр. 187.

[2] Правительственная цензура сочиненій, издавна существовавшая въ католической и абсолютной Франціи, была примѣнена къ журналамъ, съ самаго ихъ появленія, несмотря на полуофиціяльный характеръ первыхъ.

[3] Тотъ же авторъ разказываетъ, что умный Мазаринъ не отказывался бороться на этой почвѣ съ фрондой (во время которой печать пользовалась значительною независимостью). Между прочимъ, въ одной изъ оставленныхъ имъ *agendas* (листокъ памятной книжки), говорится: „... Court un livre contre moy, dont la conclusion est, que je m'entends avec ce Turc et que absolument je lui délivrerai l'Europa si on me laisse faire, etc. Le vrai moyen pour dissiper toutes ces méchancetés, ce serait de faire un livre, dans le quel on dit contre moy tout ce qui peut tomber dans l'esprit de plus méchant, afin que..."; остальное понятно и не лишено для насъ нѣкотораго значенія.

привести здѣсь, заключается въ проектѣ одного журналиста (Sabatier de Cavaillon), представленномъ Лудовику XIV въ 1686 году, и доказывавшемъ необходимость создать *шпіоновъ достоинства* (espions du mérite). „Подсматривать достойныхъ, отыскивать ихъ въ уединеніи, въ которомъ они предаются размышленіямъ, проникать покровъ скромности, за которымъ они скрываются, и заставлять ихъ выступать на поприще, на которомъ они могутъ быть болѣе полезны людямъ, было бы должностью полезною для отечества и приличною лучшимъ гражданамъ. Эта отрасль полиціи принесла бы громадные результаты“ [1]. Недоумѣвая о томъ, желалъ ли почтенный журналистъ отрекомендовать правительству свою достойную личность, или же дѣйствительно хотѣлъ принести кому-нибудь пользу, дивишься милому документу и узнаешь въ его авторѣ Француза.

Читатель, изъ этихъ двухъ-трехъ приведенныхъ тутъ фактовъ, могъ ясно видѣть, въ какихъ отношеніяхъ ко власти находились во Франціи литература и журналистика. Бэклъ, въ первомъ томѣ своей исторіи, замѣчаетъ по этому поводу, что нерацiональный союзъ власти съ представителями умственнаго элемента общества, или вѣрнѣе подчиненіе послѣднихъ первой, ведетъ обыкновенно къ деспотизму въ политикѣ и рабству въ литературѣ. Правительственное покровительство литературнымъ дѣятелямъ, кромѣ того, не только лишаетъ достоинства послѣднихъ, но и вредитъ народному развитію вообще; умъ, отъ предметовъ серіозныхъ, обращается къ предметамъ способнымъ занять дворъ, и наука, при этомъ, невольно приносится въ жертву. Такъ, съ 1661 года, то-есть со вступленія Лудовика XIV въ управленіе страною, и до 1715 года, то-есть до его смерти, не было сдѣлано во Франціи, какъ доказываетъ тотъ же авторъ, никакихъ замѣчательныхъ научныхъ открытій. Естественный результатъ подобнаго порядка, замѣчаетъ Бэклъ, есть обѣдненіе и порабощеніе ума, за тѣмъ упадокъ знаній, наконецъ упадокъ страны. Три раза въ исторіи повторялся тотъ же опытъ. Въ эпохи Августа, Льва X и Лудовика XIV утверждался подобный порядокъ и приносилъ сходные результаты. Каждая изъ этихъ эпохъ ознаменована наружнымъ блескомъ, за ко-

[1] Бэклъ, *Hist of. Civilis. in Engl.* Т. I, стр. 647.

торымъ слѣдовало быстрое паденіе. Въ каждомъ изъ этихъ случаевъ блескъ переживалъ свободу, и въ каждомъ изъ нихъ національный характеръ упадалъ отъ того пагубнаго союза правительства и литературы, въ силу котораго, политическіе классы становились могущественны, а классы интеллектуальные ничтожны.“ [1]

Подъ впечатлѣніемъ этихъ словъ, я перехожу снова къ Англіи.

Англійскія періодическія изданія начала XVIII столѣтія могутъ быть распредѣлены на двѣ категоріи: къ первой принадлежатъ журналы политическихъ новостей и внутреннихъ извѣстій, по преимуществу; ко второй—журналы оригинальныхъ статей, литературныхъ, философскихъ, ученыхъ и пр. Первая изъ этихъ категорій, благодаря развитію политическаго любопытства, развивается сначала въ ущербъ второй. Признакъ этотъ замѣчается и въ первыхъ появившихся тогда *ежедневныхъ* журналахъ, которые, совмѣщая въ себѣ содержаніе обѣихъ категорій, отдаютъ предпочтеніе политическимъ новостямъ надъ литературными.

Первый англійскій, и въ то же время европейскій, ежедневный журналъ назывался *Daily Courant*, печатался на полулистѣ, съ одной лишь стороны, и потому заключалъ въ себѣ всего одну страницу. Вслѣдъ за нимъ вскорѣ являются другія ежедневныя газеты, которыя увеличиваютъ свой объемъ, улучшаютъ содержаніе и быстро распространяются. Война за наслѣдство испанскаго престола, горячая борьба виговъ и торіевъ способствуютъ сильно ихъ развитію. Отвѣчая потребностямъ провинціяльныхъ жителей, являются провинціяльные журналы [2]. Занимавшаяся до этого времени преимущественно другими государствами, періодическая литература обращаетъ теперь свое вниманіе на событія собственной земли. Дѣятельное участіе въ ней, съ одной стороны, замѣчательныхъ писателей, съ другой — замѣчательныхъ государ-

---

[1] Бэклъ, *Hist. of civil. in England. Pref.* стр. XXIII.

[2] *Norwich Postman*, первый „англійскій“ провинціяльный журналъ, явился въ 1706 году; онъ стоилъ *пенни*, но, какъ прибавлялъ издатель,— не отказываются и отъ *полупенни* (but half penny not refused).

ственныхъ дѣятелей, членовъ высшей аристократіи, способствуетъ веденію правильной журнальной полемики объ общественныхъ вопросахъ. Не утомляя памяти читателей именами, я назову тутъ лишь, изъ первыхъ, автора *Робинзона Крузое*, знаменитаго литературнаго бойца Даніеля де-Фо, потомъ Свифта, Стиля и Аддиссона;—изъ вторыхъ, лорда канцлера Каупера и, въ послѣдствіи, перваго министра, главу торійской партіи, Болингброка. *Политико-литературные* журналы Тиля, *Tatler* (Болтунъ) и *Spectator* (Зритель), пріобрѣтаютъ въ это время европейскую извѣстность. Чтобы дать понятіе о значеніи ихъ, достаточно будетъ сказать, что нѣкоторые нумера *Spectator*'а расходились въ числѣ 20.000 экземпляровъ, а когда журналъ прекратился, то изданіе первыхъ его четырехъ томовъ въ 9.000 экземпляровъ было раскуплено въ нѣсколько мѣсяцевъ.

Правительство, между тѣмъ, снова начинаетъ опасаться слишкомъ большаго развитія періодической печати. Явленіе это совершенно объяснимо; не созрѣвшая еще мысль правительственныхъ классовъ видитъ въ увеличеніи вліянія печати пагубный ущербъ собственной власти. За осужденіе правительственныхъ дѣйствій, писателей начинаютъ подвергать суду. Стиль, за три статьи въ журналѣ *Englishman*, направленныя противъ министерства, былъ послѣ продолжительныхъ преній исключенъ изъ палаты общинъ. Недовольные частными притѣсненіями и судебными преслѣдованіями, нѣкоторые члены кабинета хотѣли было возстановить, до нѣкоторой степени, цензурный законъ; но мысль эта была тотчасъ же отвергнута въ парламентѣ. Предложенная затѣмъ мѣра—обязательной подписки именъ авторовъ, помимо именъ издателей, была также отвергнута. Тогда-то явилась мысль стѣснить развитіе періодической литературы фискальными мѣрами. Было предложено взимать съ каждаго *печатнаго полулиста полпенни* [1], съ *листа пенни*, съ каждаго *объявленія—12 пенсовъ* (шиллингъ). Бурныя пренія окончились въ іюнѣ 1712 года принятіемъ закона о *пошлинѣ съ штемпеля и объявленій* (stamp and advertisement duty). Этимъ закономъ начался рядъ фискальныхъ стѣсненій англійской періодической печати. При Георгѣ I,

---

[1] *Пенни*—около 3 коп.

законъ 1712 года былъ дополненъ, и *опредѣленіе* „періодическихъ изданій“, подлежащихъ пошлинѣ, расширено. Скоро къ пошлинѣ съ штемпеля и объявленій присоединилась пошлина съ бумаги (paper duty), существовавшая, какъ извѣстно, до іюня прошлаго 1861 года.

Цѣна журналовъ, сильно возвысившаяся при наложеніи этихъ пошлинъ, тотчасъ же уменьшила число покупателей. Лучшій журналъ *Spectator* долженъ былъ увеличить вдвое свою цѣну и, по словамъ самого Стиля, вслѣдъ за этимъ потерялъ половину своихъ читателей. Въ декабрѣ 1712 г., то-есть черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ утвержденія закона о пошлинѣ, *Spectator* прекратился. За нимъ, почти всѣ тогдашніе журналы принуждены были расширить сроки своего выхода. Журналистика, со всѣмъ тѣмъ, скоро оправляется отъ удара. Закрѣпленная уже за ней политическая свобода служила ей тутъ великою поддержкой.

Я долженъ отмѣтить здѣсь характеристическую черту англійской журналистики этого времени, касающуюся происхожденія политическихъ журналовъ. Періодическія изданія не составляли тогда еще отдѣльныхъ и независимыхъ коммерческихъ предпріятій; въ первой половинѣ XVIII столѣтія, всѣ лондонскіе журналы принадлежали или книгопродавцамъ, или же государственнымъ людямъ. Послѣдняго разряда журналы, то-есть принадлежавшіе политическимъ дѣятелямъ или политическимъ партіямъ, въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія получили особенное развитіе. Такъ *Craftsman*, основанный Болингброкомъ, имѣлъ огромный успѣхъ, благодаря сотрудничеству необыкновенно даровитаго, хотя и мало нравственнаго, хорошо извѣстнаго министра, и поддержкѣ торійской партіи (contry party). Политическія письма Болингброка, посвященныя исторіи и внѣшней политикѣ Англіи и подписанныя псевдонимомъ *Humphrey Oldcastle*, обращали на себя всеобщее вниманіе и служили предметомъ горячихъ политическихъ преній. Въ послѣдствіи *Craftsman* занялся дѣлами внутренней политики, и очень памятенъ въ исторіи своею защитой свободы выборовъ, а также оппозиціей биллю извѣстному подъ именемъ закона о питейномъ акцизѣ.

Въ сороковыхъ годахъ появились первые отчеты о засѣданіяхъ судебныхъ палатъ, въ *Covent Garden Journal*, издававшемся Фильдингомъ. Другіе журналы скоро переняли

это нововведеніе, и съ тѣхъ поръ „обычай“ публикаціи судебныхъ засѣданій утвердился въ Англіи. Магистратура съ самаго начала поддержала этотъ обычай. Слишкомъ извѣстный и часто цитируемый отвѣтъ лорда главнаго судьи Мансфильда иностранцу, удивлявшемуся малочисленности присутствующихъ въ судѣ: „развѣ мы не засѣдаемъ ежедневно во всѣхъ журналахъ?“—относится уже къ половинѣ прошлаго столѣтія. Лишь черезъ пятнадцать лѣтъ, послѣ этого, явились первые отчеты о театральныхъ представленіяхъ.

Чтобы перейдти къ важному вопросу о правѣ публикаціи парламентскихъ преній, которымъ не пользовались еще журналы, я долженъ упомянуть о знаменитыхъ въ исторіи англійской періодической литературы *Письмахъ Юніюса* (Junius Letters). Подъ псевдонимами *Junius*'а, *Philo-Junius*'а, *Tullius*'а, и др., неизвѣстный (даже до сихъ поръ) авторъ [1] сталъ печатать въ декабрѣ 1762 года, въ журналѣ *Public Advertiser*, рядъ писемъ о различныхъ общественныхъ вопросахъ и политическихъ заботахъ своего времени. Письма эти, считающіяся нѣкоторыми и теперь еще *chef d'œuvre*'омъ памфлета, образцомъ политическаго краснорѣчія, своею рѣдкою откровенностью, твердостью, силой, обратили на себя вниманіе всей Англіи. Не очень значительное число раскупавшихся экземпляровъ *Public Advertiser*'а повысилось послѣ появленія этихъ писемъ до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ. Особенное впечатлѣніе произвело письмо, обращенное къ королю Георгу III: нѣсколько изданій его разошлось въ нѣсколько часовъ [2]. Я говорю о немъ по-

---

[1] „This epistolary Iron mask“, какъ выражался о немъ Байронъ.

[2] Привожу здѣсь нѣсколько отрывковъ изъ этого, не столько замѣчательнаго, сколько надѣлавшаго шуму, письма къ Георгу III. Мысль письма—совѣтъ королю не нарушать правъ англійскихъ подданныхъ, затѣмъ распустить парламентъ, вслѣдствіе испорченности большей части депутатовъ, защитить извѣстнаго Уилькса (о которомъ намъ придется упоминать ниже) отъ притѣсненій министровъ и удалить фаворита лорда Бьюта.

„Государь, писалъ Юніюсъ, безъ жалобъ вашего народа вы никогда не услышите истины: въ этомъ причина вашего несчастнаго положенія, бѣдствій вашего царствованія и общаго неудовольствія. Но къ счастію, есть время еще исправить ошибки вашего воспитанія; мы готовы простить вамъ акты пагубныхъ уроковъ, полученныхъ вами въ молодости, и ожидать многаго отъ отличающаго васъ благодушія. Мы далеки отъ

тому что произнесенные въ парламентѣ Боркомъ и Фоксомъ рѣчи, по поводу процесса начатаго правительствомъ противъ издателя *Public Advertiser*'а, были напечатаны въ нѣкоторыхъ журналахъ и подняли тѣмъ вопросъ о правѣ публикаціи парламентскихъ преній. Обѣ названныя рѣчи явились сначала въ памфлетѣ *Vox Senatus*, и изъ него уже были перепечатаны журналами. Но попытки къ публикаціи преній были дѣлаемы не разъ еще до этого Въ 1750 году, нѣкто Райксъ, издатель *Glocester Journal*, былъ приговоренъ

мысли, что вы съ намѣреніемъ желаете нарушить вѣковыя права вашихъ подданныхъ, права, на которыхъ опирается свобода гражданская и политическая... Безъ отвращенія раздѣляемъ мы принципъ законовъ нашихъ, что „король непогрѣшителенъ“ (the king can do no wrong). Мы отличаемъ любезнаго и добраго государя отъ слугъ его..., личныя добродѣтели человѣка отъ ошибокъ его правительства. Безъ этого справедливаго раздѣленія, я не знаю, чье положеніе было бы несчастнѣе,—ваше ли, или положеніе англійскаго народа. Желалъ бы, государь, высказывая вамъ здѣсь истину, устранить всякую мысль о личномъ упрекѣ...“ „Вы взошли на престолъ съ искреннею рѣшительностію способствовать счастію всѣхъ вашихъ подданныхъ. Вы нашли ихъ въ восторгѣ отъ новаго государя, котораго видъ обѣщалъ еще болѣе чѣмъ слова; вы нашли ихъ вѣрными вамъ не изъ принципа только, но также изъ сочувствія То было заявленіе не холодной вѣрности къ главѣ государства, но нѣжной и теплой преданности къ дорогому государю, рожденіе котораго видѣла Англія.“ „Народъ этотъ взываетъ теперь къ вамъ,“ продолжаетъ Юніюсъ;— „будьте же справедливы къ нему; оставьте тѣ недостойныя мысли, которыя злонамѣренные люди внушаютъ вамъ. Не вѣрьте тѣмъ, что говорятъ вамъ, будто англійская нація, непостоянная и легкомысленная по природѣ, жалуется безъ основанія... Если, говоритъ далѣе Юніюсъ, вы не питаете лично никакого умысла противъ конституціи и благосостоянія вашихъ подданныхъ, вы не можете оставаться въ нерѣшимости относительно того, что̀ заставляютъ васъ сдѣлать честь и польза... Вы потеряете иначе расположеніе вашихъ англійскихъ подданныхъ и подвергнете домъ вашъ опасности... Люди благоразумные станутъ подозрительно глядѣть на всѣ ваши дѣйствія; другіе же осыпать васъ наглыми упреками... Король Англіи, не любимый и неуважаемый, необходимо будетъ несчастенъ; это, кажется, единственная политическая истина, въ которой онъ можетъ безъ опыта быть убѣжденъ.“ „Въ случаѣ же, спрашиваетъ затѣмъ Юніюсъ, или народъ англійскій не ограничится спокойнымъ заявленіемъ своего неудовольствія, на кого тогда станетъ надѣяться король? На Ирландцевъ? Они доказали, что не слѣдуетъ полагаться на нихъ. На Шотландцевъ?—Также нѣтъ. Можетъ-быть на армію? Вы разчитываете на помощь войска, ибо часть его доказала вамъ свою преданность... Ваши линейныя (армейскіе) полки не послѣдуютъ примѣру гвардейскихъ... Повѣрьте, что они понимаютъ несправедливость преимуществъ, которыми вы осыпаете гвардію. Эти храбрые полки подвергаются всевозможнымъ опасностямъ, переносятъ всевозможныя трудности и въ на-

къ заключенію и денежному штрафу за напечатаніе рѣчей нѣкоторыхъ депутатовъ. Журналы протестовали, какъ могли, противъ устарѣвшихъ притязаній парламента. По замѣчаемому обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ закону, сатира, насмѣшка, умъ, оказались на сторонѣ обиженныхъ и правыхъ. Одинъ журналъ печаталъ рядъ засѣданій *Сената Лилипутовъ*, въ которыхъ вымышленными именами сенаторовъ прикрывались имена парламентскихъ ораторовъ; другіе, безъ сомнѣнія, не уступали ему. Борьба эта длилась нѣсколько лѣтъ. Во время памятныхъ въ исторіи парламента нападокъ на министерство со стороны Вилькса, начатыхъ изъ-за несправедливаго ареста одного журналиста, нѣкто Альмонъ, издатель *London Evening Post*, желая воспользоваться горячимъ интересомъ преній, снова началъ печатать подробности о засѣданіяхъ, сообщавшіяся ему нѣкоторыми депутатами. Первое время парламентъ какъ бы не замѣчалъ этого; но когда другіе журналы стали подражать Альмону и опубликовали рѣчи Борка и Фокса по дѣлу Юніюса, парламентъ потребовалъ къ своему суду всѣхъ виновныхъ издателей. Общественное мнѣніе было за послѣднихъ. Можно судить о силѣ общаго негодованія про-

---

граду за то томятся въ гарнизонахъ или погибаютъ въ лагеряхъ; ими пренебрегаютъ, ихъ позабываютъ, но, къ счастію, они понимаютъ это. Еслибъ они не сознавали своего гражданскаго долга относительно отечества, вы испытали бы, можетъ-быть, силу ихъ патріотическаго негодованія; они оставили бы защиту вашего дѣла тѣмъ, которыхъ вы осыпаете почестями и наградами... Полки преторіанцевъ, корыстныхъ и безнравственныхъ, не трогали Рима; но когда поднялись дальніе легіоны, они взяли его и порѣшили судьбу имперіи..." „Вмѣсто того, чтобы совѣтоваться съ однимъ вашимъ министромъ, говоритъ наконецъ Юніюсъ, созовите весь вашъ совѣтъ. Пусть нація видитъ, что вы въ состояніи дѣйствовать внѣ пагубнаго вліянія. Идите на встрѣчу вашему народу, бросьте жалкіе предразсудки короля, заговорите съ націей языкомъ человѣка и гражданина. Скажите ей, что вы были жестоко обманываемы: признаніе это покроетъ васъ славой..." и т. д. (*Junius; including letters by the same writer under other signatures. London.* Изд. 1812 года. Т. I, стр. 64—86.)

Впечатлѣніе произведенное этимъ письмомъ (съ его для насъ устарѣвшею и поизношенною рѣчью),—которое я ставлю ниже другихъ писемъ Юніюса, показываетъ отчасти, какое приличное и сдержанное обращеніе съ королемъ привыкло, до того, находить въ журналахъ англійское общество. Дѣйствительно, если сравнить тонъ этого письма, съ тономъ рѣчи нѣкоторыхъ крайнихъ котерій въ другихъ государствахъ, то нельзя не признать относительно великой умѣренности перваго.

тивъ требованій палаты общинъ по тому обстоятельству, что издатели отказались явиться къ суду въ назначенное время, и, вслѣдъ за тѣмъ, вопреки приказаніямъ парламента, были освобождены изъ-подъ ареста лордомъ-мэромъ и Вилькcомъ, бывшимъ тогда альдерменомъ лондонскаго „Сити“ [1]. Притязанія парламента поддерживалъ извѣстный своею недальностью король Георгъ III. Но, несмотря на это, вновь избранная, подъ впечатлѣніемъ общаго негодованія, палата общинъ рѣшила не возобновлять неправой и безплодной борьбы, и съ этихъ-то поръ, то-есть съ 1771 года, англійскіе журналы безпрепятственно печатаютъ всевозможные отчеты и сужденія о парламентскихъ засѣданіяхъ.

Добытая англійскою журналистикой свобода публикаціи парламентскихъ преній, при увеличеніи числа читающихъ и любознательныхъ, содѣйствовала много къ развитію періодической литературы. Тотчасъ вслѣдъ за этою журнальною побѣдой, явилось нѣсколько новыхъ изданій; начало многихъ настоящихъ журналовъ относится къ этому времени. Такъ, въ 1772 году явился *Morning Post*, въ 1780— *Morning Herald*; въ январѣ 1788 года явился знаменитый *Times*, составлявшій продолженіе небольшаго ежедневнаго журнала *London Daily Universal Register*, наслѣдникамъ издателя котораго, Валтера, онъ принадлежитъ и теперь. Къ этому времени относится появленіе первыхъ ежемѣсячныхъ обозрѣній и магазиновъ (review, magazine).

Читателямъ хорошо извѣстно, что время Георга III было тяжелымъ періодомъ конституціонной исторіи Англіи. Съ открытіемъ сѣверо-американской войны, начинается рядъ деспотическихъ мѣръ, различныхъ правительственныхъ притѣсненій гражданъ, продолжающихся какъ въ шестидесятилѣтнее царствованіе Георга III, такъ и въ царствованіе преемника его. Въ Георгѣ III, съ сильно-развитыми наклонностями къ деспотизму соединялся крайне слабый и больной умъ; черезъ пять лѣтъ послѣ вступленія своего на престолъ, именно въ 1765 году, король заболѣлъ воспаленіемъ въ мозгу, которое въ 1788 году помутило его умъ, а въ 1810 г. лишило ума вовсе. Но

---

[1] Процессъ самого Вилькса, начатый вслѣдствіе этого дѣла, равно какъ и замѣчательный современный ему процессъ журнала *North Briton*, начатый вслѣдствіе жалобъ лорда Бьюта, не могутъ войдти въ это письмо.

вина тогдашняго терроризма заключалась не столько въ деспотическихъ наклонностяхъ ограниченнаго во власти короля, сколько въ направленіи политики министерствъ предшествовавшаго и современнаго французской революціи. То была политика вмѣшательства, противная интересамъ и желаніямъ націи, и, по естественному закону, выразившаяся внутри деспотизмомъ и притѣсненіями. Притѣсненія эти, несмотря на весь временный вредъ, оказались, какъ всегда, въ конечномъ результатѣ, безплодными; они не могли разрушить основныхъ либеральныхъ учрежденій Англіи, ни помѣшать развитію націи.

Чтобы понять безсиліе деспотической политики эпохи Георга III, достаточно припомнить только состояніе англійскаго общества наканунѣ. Въ половинѣ XVIII вѣка умственное движеніе было очень сильно возбуждено въ немъ, и что особенно важно, въ томъ его классѣ, который прежде оставался какъ бы внѣ этого движенія. Въ первой половинѣ XVIII столѣтія явились „воскресныя школы“ для рабочихъ и за ними „воскресныя газеты“ и популярно-научныя книги; почти во всѣхъ городахъ появились типографіи и начали основываться библіотеки и кабинеты для чтенія, учреждаться „общества для распространенія знаній“ и „общества преній“, и собираться первые общественные популярные митинги. Бэклъ, говоря въ извѣстной главѣ своего перваго тома объ этомъ движеніи, замѣчаетъ, между прочимъ, что вмѣстѣ съ распространеніемъ знаній шло важное упрощеніе литературныхъ, книжныхъ, авторскихъ пріемовъ. Прежнія тяжелыя формы, болѣе или менѣе схоластическій стиль старыхъ книгъ, не могли поддерживать и удовлетворять общую любознательность; недостатокъ читателей, а потому и матеріяльной поддержки, заставлялъ авторовъ обращаться къ помощи или важныхъ особъ, или правительства. Первое породило „дедикаціи“, которыя вели къ униженному, боязливому, вредившему достоинству мысли тону; второе, путемъ „пенсій“, вело къ подчиненію власти представителей умственнаго общественнаго элемента. Упрощеніе литературныхъ пріемовъ сдѣлало труды доступными массѣ читателей и увеличило раскупку книгъ по всѣмъ отраслямъ знаній; прекратились тогда посвященія, рѣчь стала смѣлѣе и раціональнѣе, и литература прервала связь свою съ властью.

Въ то время когда начались правительственныя притѣ-

сненія, движеніе это было уже такъ сильно, что остановить его не было возможности. Всѣ стѣснительныя постановленія, изданныя противъ типографовъ, книгопродавцевъ, содержателей библіотекъ и кабинетовъ для чтенія и пр., не могли ни уменьшить любознательности народа, ни прекратить распространенія знаній. Интересны для насъ мѣры правительства, направленныя противъ права собранія, права *Habeas Corpus* и, въ особенности, противъ свободы слова и печати, какъ основъ свободы англійскихъ гражданъ. Для стѣсненія популярныхъ, преимущественно политическихъ, собраній, въ 1789 году было издано постановленіе обязующее митинги собираться лишь въ указанныхъ мѣстахъ, и кромѣ того, объявлять о своемъ собраніи за пять дней; затѣмъ особымъ чиновникамъ было предоставлено право роспуска ихъ [1]. Изъ объявленія сдѣланнаго въ 1800 году, въ въ верхней палатѣ, лордомъ Голландомъ, видно, что дѣйствіе *Habeas Corpus*, въ продолженіи послѣднихъ *семи* лѣтъ, было прекращаемо *пять* разъ [2]; изъ множества же лицъ подвергшихся въ это время заключенію, лишь *пять* человѣкъ было судимо и только *одинъ* осужденъ.

Что до печати вообще и журналистики въ особенности, то рядомъ съ различными фискальными притѣсненіями шли притѣсненія законодательныя и судебныя. Штемпельная пошлина, составлявшая сначала, какъ извѣстно, 1 пенни съ листа и повышенная, въ 1756 году, на $^1/_2$ пенни, въ 1789 году была возвышена еще на $^1/_2$ пенни; въ 1797 году она достигла $2^1/_2$ пенсовъ, въ 1814—$3^1/_2$; а въ 1812 году—4 пенсовъ съ каждаго печатнаго листа. Въ 1817 году, министерство лорда Кастельри внесло въ парламентъ билль, извѣстный подъ именемъ билля *шести актовъ*, который заключалъ въ себѣ шесть новыхъ стѣснительныхъ постановленій о печати [3]. Билль этотъ, утвержденный послѣ долгихъ преній, самымъ ничтожнымъ большинствомъ, былъ, благода-

---

[1] Извѣстно, что присяжные часто отказывались осуждать нарушителей подобныхъ постановленій.

[2] Прекращеніе это не слѣдуетъ сравнивать съ *Suspension of Habease corpus*, какое напримѣръ было вотировано вашингтонскимъ конгрессомъ по предложенію президента, 14 прошедшаго декабря, съ цѣлію исключительно военно-политическою.

[3] Касавшихся преимущественно *регистрировки*, денежныхъ обезпеченій и т. п.

ря силѣ и настойчивости общественнаго негодованія, къ счастію уничтоженъ черезъ два года. Судебныхъ процессовъ, начатыхъ правительствомъ противъ литературныхъ и особенно журнальныхъ дѣятелей, съ 1778 по 1850 годъ, насчитываютъ болѣе 100, по которымъ, къ сожалѣнію, около 90 издателей и журналистовъ было осуждено; изъ этого числа 12 человѣкъ было приговорено къ семилѣтней ссылкѣ, остальные же къ болѣе или менѣе продолжительному штрафу. Почти „половина“ этихъ процессовъ начата была по жалобамъ Георга IV, какъ въ бытность его регентомъ, такъ и королемъ. Многіе изъ поводовъ къ нимъ замѣчательно жалки. Ограничусь однимъ примѣромъ. Въ 1812 году, журналъ *Examiner* замѣтилъ аристократическому журналу *Morning Post*, не слишкомъ ли онъ любезенъ и сладокъ, называя принца валлійскаго „Адонисомъ“. Георгъ, которому было тогда за пятьдесятъ лѣтъ, счелъ это за обиду и поднялъ процессъ, окончившійся присужденіемъ издателя *Examiner* къ годовому заключенію и значительному денежному штрафу. Съ тридцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія литературные и журнальные судебные процессы становятся все рѣже и рѣже, и наконецъ, въ два послѣднія десятилѣтія, исчезаютъ почти совершенно.

Какіе же плоды принесли всѣ эти гоненія?.. Журналистикѣ они принесли огромную услугу, закрѣпивъ, прежде всего, за нею сочувствіе общественнаго мнѣнія, завербовавъ ей всѣхъ лучшихъ и либеральныхъ людей страны. Матеріяльныя средства журналовъ, несмотря на всѣ стѣсненія, не переставали также развиваться. Періодическія изданія, вообще расходившіяся въ 1753 году въ числѣ 7.300.000 листовъ въ годъ, а въ 1760—въ числѣ 9.500.000, составляли въ 1790 году—14.000.000 листовъ, въ 1795—15.200.000, а въ 1820 около 30.000.000. Цифры эти не лишены убѣдительности.

Говоря о грустной эпохѣ двухъ послѣднихъ Георговъ Бэклъ замѣчаетъ, что политическія обстоятельства составляютъ лишь часть тѣхъ многихъ обстоятельствъ, которыми обусловливается исторія страны. Умственное движеніе нейтрализировало политическую реакцію. Страна безспорно страдала, но изъ страданія этого вышла рѣшимость измѣнить порядокъ, при которомъ возможно оно,—рѣшимость,

вызвавшая великія законодательныя реформы настоящаго столѣтія. [1]

Не безполезно будетъ, прежде чѣмъ излагать развитіе англійской періодической литературы и исторію журнальныхъ реформъ послѣдняго времени, сказать слово о развитіи французской журналистики современнаго періода.

То умственное движеніе, о которомъ говорили мы, излагая развитіе англійской журналистики XVIII столѣтія, было не менѣе сильно и во Франціи. Централизаціонное и деспотическое правительство, съ самаго начала, пошло противъ него. Время регента и Лудовика XV ознаменовано длиннымъ рядомъ всевозможныхъ притѣсненій. Общественное неудовольствіе, выражавшееся, въ первое время, сатирой, эпиграммой, пѣсней, приняло скоро, болѣе грозныя формы; то было въ восьмидесятыхъ годахъ, когда работа энциклопедистовъ и труды экономической школы успѣли принести свой плодъ.

Необыкновенно замѣчательно тутъ, что прежде чѣмъ обратиться къ критикѣ правительственныхъ началъ, умъ во Франціи обратился противъ церкви. Въ этомъ обстоятельствѣ (помимо недостатка свободнаго выхода для накопившихся впечатлѣній и долгаго гнета, неизбѣжно приводящихъ къ разрушительному взрыву), нѣкоторые видятъ причину печальныхъ крайностей французской революціи. Указывая причины великаго переворота,—централизаціонный и покровительственный характеръ власти, знакомство въ

[1] Я долженъ прибавить здѣсь, что важною поддержкой печати и журналистики, во все время притѣсненій, были различныя „общества"; изъ нихъ замѣчательнѣйшимъ считается *Общество друзей свободы печати*, основанное въ 1792 году Шериданомъ, который знакомъ русскимъ читателямъ между прочимъ, изъ прекрасныхъ статей, посвященныхъ его дѣятельности А. В. Дружининымъ. Въ библіотекѣ Британскаго музеума, я видѣлъ, между другими библіографическими матеріялами, рѣдкое собраніе протоколовъ засѣданій этого Общества. Выписываю здѣсь нѣсколько словъ изъ одного протокола: „Свобода печати, написано въ немъ очень крупными литерами,—есть великая опора общества и главный его органъ, лучшее средство для распространенія всего благаго и осужденія всего дурнаго. Это неутомимый и искусный посредникъ распространенія идей и свѣдѣній, твердая защита честныхъ и слабыхъ" и т. д. За опредѣленіемъ слѣдуютъ доказательства. *The proceedings of the Friends of the Liberty of the Press.* London. 1793 стр. 16.

XVIII столѣтіи лучшихъ мыслителей Франціи съ англійскимъ языкомъ и учрежденіями, сочиненія экономистовъ, появленіе, подъ формою кальвинизма, демократическихъ началъ въ духовныхъ сословіяхъ, примѣръ американской революціи и пр., Бэклъ указываетъ, между прочимъ, и на это обращеніе ума противъ церкви. Доводъ его оригиналенъ и замѣчателенъ. Онъ говоритъ, что духъ анализа не долженъ обращаться или, вѣрнѣе, не обращается обыкновенно къ религіи прежде чѣмъ къ политикѣ, и что противоположный порядокъ, какъ случилось во Франціи, не соотвѣтствуетъ здоровому (healthy) состоянію общества; „нѣтъ сомнѣнія, прибавляетъ онъ, что преступленія французской революціи должны быть, въ значительной степени, приписаны этой особенности.“ [1] Мысль эта важна для насъ, въ настоящемъ случаѣ, преимущественно потому, что прямою причиной преждевременнаго обращенія ума противъ религіи и церкви, былъ недостатокъ свободы печати, отсутствіе всякаго свободнаго политическаго, въ истинномъ смыслѣ, журнала, цензурныя притѣсненія, запрещенія, преслѣдованія всего критикующаго политическіе предметы, каждой оппозиціонной мысли. Примѣръ не лишенный значенія.

Въ восьмидесятыхъ годахъ прошедшаго столѣтія, говоритъ Гатенъ въ своей исторіи французской печати, правительство Франціи очутилось въ положеніи утопающаго или падающаго человѣка, который замѣчаетъ движеніе, хочетъ остановить его, но которому не хватаетъ болѣе силъ. Мѣры 1764, 1767 и др. годовъ, подтвердившія запрещенія разсуждать о распоряженіяхъ правительства, причислившія къ уголовнымъ преступленіямъ всякое печатное слово вызывающее противъ него общественную мысль, оказались совершенно безсильными. Критика правительственныхъ началъ и дѣйствій, не находя себѣ естественнаго исхода въ дозволенныхъ журналахъ, уходила, какъ всегда, въ изданія тайныя, которыя, ускользая отъ всѣхъ розысковъ полиціи, распространялись съ удивительною смѣлостію и быстротой. Явленіе это, подтверждающее еще разъ мысль Ренодо, замѣчается при сходныхъ обстоятельствахъ всюду.

Время полной свободы печати, провозглашенной революціей, длится во Франціи не долго. Но и въ краткій срокъ

[1] *Hist. of Civil. in Engl.* Т. I, стр. 687.

ся существованія, печать и журналистика успѣли получить огромное развитіе; нѣкто Déchiens составилъ большой томъ in-8 изъ однихъ названій журналовъ, появившихся въ девяностыхъ годахъ прошедшаго столѣтія. Припомнимъ что посреди разгара демократическихъ страстей, во Франціи издавалось множество журналовъ, смѣло защищавшихъ дѣло монархіи и съ необыкновенною рѣзкостью нападавшихъ на „народное правительство“. Изъ журналовъ этихъ особенно замѣчательны: *l'Ami du roi*, который былъ прозванъ *Marat de la monarchie*, *Journal à deux liards* [1] и др. При этомъ, сторону слабыхъ приняли, какъ всегда, сатира, насмѣшка, эпиграмма, такъ что почти всѣ сатирическіе и карикатурные журналы этого времени стояли за королевскій домъ. Уже въ эпоху консуловъ, подъ вліяніемъ перваго изъ нихъ, правительство возобновляетъ журнальныя стѣсненія. Въ 1800 году, число политическихъ парижскихъ журналовъ было ограничено. „Консулы республики, говорилъ декретъ, принимая въ соображеніе, что нѣкоторые журналы, печатающіеся въ департаментѣ Сены, служатъ орудіями врагамъ оной, что правительству поручено французскимъ народомъ охранять его спокойствіе, повелѣваютъ“... слѣдуютъ названія тринадцати одобренныхъ парижскихъ журналовъ [2]. Не терпѣвшій свободнаго заявленія мнѣній еще въ бытность консуломъ, Наполеонъ положилъ ему конецъ сдѣлавшись императоромъ. Въ 1805 году, то-есть черезъ годъ по вступленіи на престолъ, онъ возстановилъ цензуру.

Въ продолженіи всего царствованія Наполеона, журналы находятся въ самомъ жалкомъ положеніи. Чтобы дать понятіе объ этомъ положеніи, достаточно сказать, что среднее число подписчиковъ на политическіе журналы не превышало при немъ 3.000 человѣкъ. Одинъ лишь *Journal des Débats* (основанный въ 1789 году), издававшійся съ 1800 года братьями *Bertin* (наслѣдникамъ которыхъ онъ принад-

---

[1] „Я посвящу всего нѣсколько словъ, говорилъ напримѣръ послѣдній о законодательномъ собраніи,—на обозрѣніе дѣйствій новаго національнаго собранія. Оно выступило на театръ дѣйствія (a débuté sur le théâtre du manège) 1-го октября года III. Возмущеніе... успѣло повѣрить свои права въ два дня, три раза нарушить клятву, оскорбить короля, національную гвардію, общества, оклеветать министровъ и присвоить себѣ 150,000 фр.“— *Encycl. Mad.* т. XVIII, стр. 666.

[2] *Ibid.* стр. 667.

лежитъ и теперь), имѣлъ довольно значительный успѣхъ, расходился въ числѣ 32.000 экземпляровъ и приносилъ до 200.000 фр. дохода. Замѣчательно и не лишено комизма то, что Наполеонъ, не довольный этимъ успѣхомъ, который онъ быть-можетъ отчасти приписывалъ названію, приказалъ этой газетѣ называться *Journal de l'Empire*. Въ продолженіе всего періода первой имперіи, безъ труда находишь главные признаки печальной эпохи Лудовика XIV. При внѣшнемъ блескѣ, та же, порожденная офиціяльнымъ вмѣшательствомъ, внутренняя безплодность и бѣдность мысли, какъ въ литературѣ, такъ въ наукѣ и искусствѣ. Введенный тогда въ журналы, *фельетонъ* обязанъ своимъ происхожденіемъ тому обстоятельству, что журнальные дѣятели, стѣсненные въ сферѣ политики, принуждены были обратиться къ покровительствуемой правительствомъ легкой и салонной литературѣ.

Реставрація, во время которой печать пользовалась значительною свободой, не создала ни одного особенно замѣчательнаго журнала. Лишь при концѣ ея, Гизо основываетъ, на подобіе англійскихъ *reviews*, свою извѣстную *Revue française*, и является предвѣстникомъ революціи *National* Минье, Тьера и Карреля. Царствованіе Лудовика-Филиппа можно считать лучшею эпохой исторіи французской журналистики. Понятіе о развитіи послѣдней даетъ намъ число экземпляровъ періодическихъ изданій, которое въ 1828 году не превышало 20.000.000, а въ 1844—достигло 80.000.000. Тутъ кстати будетъ припомнить извѣстныя обвиненія, высказываемыя людьми нѣкоторыхъ политическихъ категорій противъ журналовъ этого времени. Предположивъ, что обвиненія эти совершенно чужды стараго и очень частаго логическаго грѣха неразграниченія принципа съ его злоупотребленіями, я замѣчу въ отвѣтъ, что нѣкоторыя увлеченія тогдашнихъ журналовъ должны быть приписаны не излишку свободы и даже не быстрымъ и вреднымъ для общественной и политической нравственности перемѣнамъ правительственныхъ системъ и не свойствамъ народнаго характера, но важнымъ недостаткамъ французскаго парламентскаго устройства.

Что до развитія журналовъ во вторую республику, то понятіе о немъ даетъ прошеніе редактора *La Presse* въ національное собраніе, показывающее что журналъ этотъ

стоилъ около 1.500.000 фр., расходился въ числѣ 70.000 экземпляровъ и поддерживалъ существованіе 1.100 человѣкъ. Двѣ послѣдовательныя, естественно вышедшія изъ демократическаго правительства 1848 года, диктатуры ознаменовали себя по отношенію къ печати и журналистикѣ сходными и совершенно понятными актами. Первымъ дѣломъ Кавальяка было запрещеніе 11 журналовъ, въ числѣ которыхъ находились *l'Assemblée National* и *La Presse*; декретомъ 13-го іюня 1849 года Лудовикъ Наполеонъ повторилъ то же, запретивъ *Le Peuple*, *La Réforme*, *La vraie République*, *La Démocratie Pacifique* и многіе другіе. Это происходило во Франціи въ то самое время, когда въ Англіи готовились послѣднія экономическія реформы, съ которыхъ начался великій періодъ полной экономической свободы ея печати, уже давно свободной политически.

Въ замѣчательномъ ряду разнообразныхъ реформъ, совершенныхъ въ послѣднее время въ Англіи [1], экономическое освобожденіе журналовъ и печати вообще,—реформа пошлинъ,—занимаетъ одно изъ главныхъ мѣстъ. Чтобы понять всю необходимость и ея важность, слѣдуетъ припомнить обстоятельства, при которыхъ совершилась и которыми была обусловлена эта реформа.

Я долженъ прежде всего обратить вниманіе на то не лишенное особеннаго значенія явленіе англійской періодической печати, что начиная съ конца XVIII столѣтія, почти всѣ новые журналы были заводимы коммерческими людьми. Слѣдуя за промышленнымъ движеніемъ и отвѣчая требованіямъ среднихъ классовъ, журналы расширяютъ отдѣлъ объявленій. Многіе журналы заводятся даже исключительно въ виду промышленности, съ цѣлью публикаціи объявленій. Къ числу послѣднихъ принадлежатъ *The British Press*, *Globe*, основанный англійскими книгопродавцами для помѣщенія собственныхъ объявленій. Лондонскіе содержатели тавернъ и кофейныхъ домовъ также основываютъ журналъ для своихъ объявленій, *Morning Advertiser*. Каждый

[1] Реформы избирательная и муниципальная, уничтоженіе *Test and Corporation Act*, уравнившаго диссентеровъ въ политическихъ правахъ со всѣми другими гражданами, изданіе *The Catholic Emancipation Act*, распространившаго тѣ же права на католиковъ; въ соціальной экономіи—уничтоженіе торговли неграми и рабства въ колоніяхъ, введеніе системы свободной торговли и пр. и пр.

журналъ въ началѣ этого столѣтія имѣлъ свой особый родъ объявленій. *Times* и *Morning Herald* печатали объявленія касавшіяся отчужденія недвижимой собственности, *Morning Post* объявленія о лошадяхъ и экипажахъ, *Public Ledger*—объ оптовой распродажѣ привозныхъ товаровъ и т. д.

Между тѣмъ, рядомъ съ повышеніемъ *штемпельной журнальной пошлины*, шло и повышеніе *пошлины съ объявленій*. Съ 1 шиллинга, наложеннаго въ 1712 году, послѣдняя достигала, въ тридцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія, $3^1/_2$ шиллинговъ, что особенно тяготило промышленные журналы. Вмѣстѣ съ бумажною пошлиною, обѣ названныя пошлины возвысили цѣну журналовъ почти въ четыре раза противъ ихъ настоящей стоимости. Понятно неудовольствіе какъ потребителей-читателей, такъ и промышленныхъ классовъ. Неудовольствіе это становилось все сильнѣе, а съ нимъ росло и естественное стремленіе къ уклоненію отъ стѣснительныхъ и несвоевременныхъ мѣръ. Вопросы реформъ и внѣшнія политическія событія, въ родѣ іюльской революціи, увеличивая общественное любопытство, усиливали требованія на новые и главное—дешевые журналы. Тогда-то стали распространяться незаконныя, то-есть уклонявшіяся отъ пошлинъ, изданія.

При громадности пошлинъ, издатели, не платившіе ихъ, могли продавать свои журналы въ три и даже въ четыре раза дешевле штемпелеванныхъ. Многіе считали своимъ долгомъ поддерживать это нарушеніе притѣснительныхъ мѣръ, такъ что полиція, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, боролась отчаянно и почти безплодно съ противниками журнальныхъ пошлинъ. Кларинъ, въ своей исторіи печати, разказываетъ, что число листовъ нештемпелеванныхъ изданій достигло, въ тридцатыхъ годахъ, 150.000 въ день. Нѣкто Гейтерингтонъ, издававшій *London Dispatch*, продавалъ въ 1831 году 25.000 экземпляровъ въ недѣлю, по 2 пенса за каждый. Въ три года министерства лорда Грея, было 509 преслѣдованій за продажу нештемпелеванныхъ изданій; въ продолженіи одного 1835 года ихъ насчитываютъ 219.

Правительство должно было давно уже видѣть необходимость измѣненій. Въ парламентскую сессію 1833 года, въ іюлѣ, пошлина съ объявленій была наконецъ понижена съ $3^1/_2$ шиллинговъ до одного. Въ 1836 году, вопросъ о штем-

пельной пошлинѣ былъ поднятъ рѣшительно. Дѣло началось въ палатѣ депутатовъ съ запросовъ Уаклея и извѣстнаго Робака, въ засѣданіи 15-го марта [1]. Они требовали отъ министровъ объясненія недоразумѣній, возникшихъ при арестѣ издателей двухъ нештемпелеванныхъ журналовъ,—недоразумѣній частыхъ въ то время. По этому поводу, Гарвей сдѣлалъ предложеніе о совершенной отмѣнѣ пошлины съ штемпеля. Тогдашній министръ финансовъ (канцлеръ казначейства), г. Райсъ нынѣ лордъ Монтигль, не замедлилъ дать объясненіе отъ имени министерства. Измѣненіе закона о журнальныхъ пошлинахъ, говорилъ онъ, совершенно необходимо. Измѣненіе это онъ считаетъ необходимымъ не для выгодъ издателей и промышленниковъ, даже не для распространенія знаній, но для утвержденія порядка и общественнаго спокойствія, „для того чтобъ пресѣчь ежечасное нарушеніе закона, которое правительство не въ состояніи прекратить.“ Значительное пониженіе пошлинъ, канцлеръ казначейства предпочитаетъ однако совершенному уничтоженію. Планъ его заключается въ измѣненіи, вмѣстѣ съ журнальными пошлинами, всей системы штемпельныхъ и гербовыхъ пошлинъ, составляющихъ до полутораста не связанныхъ между собою постановленій. Данныхъ, затѣмъ канцлеромъ казначейства объясненій, относящихся преимущественно къ этой послѣдней части его рѣчи и находящихся внѣ занимающаго насъ предмета, я не стану приводить здѣсь. Изъ произнесенныхъ въ это засѣданіе, замѣчательнѣйшею рѣчью была рѣчь сэръ-Литтона Бульвера. Онъ коснулся главнымъ образомъ вопроса объ „уменьшеніи или совершенномъ уничтоженіи журнальныхъ пошлинъ“, и убѣдительно доказавъ необходимость отмѣны послѣднихъ въ непродолжительномъ времени, какъ для прекращенія безпорядковъ, такъ и для развитія образованія, а съ нимъ нравственности народной, — согласился съ министромъ, что въ настоящую, именно, минуту, вслѣдствіе разныхъ финансовыхъ соображеній, удобнѣе ограничиться возможно-значительнымъ пониженіемъ пошлинъ. Второе чтеніе билля происходило 12-го апрѣля; третье — 20-го іюля. Послѣ нѣсколькихъ объ-

[1] *Hansard's Parliamentary Debates* (3 сер.), Т. XXXVI, стр. 334—612.

ясненій относительно размѣра подлежащихъ новой пошлинѣ листовъ, канцлеръ казначейства предложилъ приступить къ подачѣ голосовъ о „необходимости измѣнить платимую въ настоящее время штемпельную пошлину, такъ *чтобы платимая впредь съ каждаго листа*, гдѣ бы журналъ ни печатался, *не превышала 1 пенни*...“ Въ преніяхъ по поводу этого предложенія заслуживаетъ нашего вниманія рѣчь Валтера, издателя *Times*'а, въ которой мы можемъ видѣть выраженіе мнѣнія всѣхъ значительныхъ, платившихъ пошлины, журналовъ. Валтеръ говорилъ за предложеніе. Доказательства безсилія власти противодѣйствовать распространенію нештемпелеванныхъ изданій, безсилія крайне вреднаго для издателей штемпелеванныхъ и болѣе всѣхъ для него самого,—были замѣчательнѣйшимъ мѣстомъ его рѣчи. Онъ прочелъ, между прочимъ, напечатанное въ нѣсколькихъ журналахъ, объявленіе особеннаго *общества покровительства не штемпелеванныхъ изданій* (за подписью секретаря и двухъ казначеевъ), въ которомъ прямо говорилось, что чѣмъ долѣе будутъ поддерживаться пошлины, тѣмъ упорнѣе будетъ сопротивленіе общества. Фактъ этотъ очень характеристиченъ. Рѣчь Валтера заключила пренія третьяго чтенія. Билль былъ принятъ 241 голосомъ противъ 208, то-есть большинствомъ 33 голосовъ Въ палатѣ лордовъ не было раздѣленія.

Вслѣдъ за этимъ, въ ту же парламентскую сессію, вмѣстѣ съ общимъ измѣненіемъ системы пошлинъ, была понижена пошлина съ бумаги и совершенно отмѣнена пошлина съ объявленій.

Результаты этихъ мѣръ были громадны. Журналы тотчасъ же понизили цѣну своихъ экземпляровъ на число сбавленныхъ съ пошлинъ пенсовъ. Съ отмѣною же различія въ цѣнѣ, поддерживавшаго существованіе незаконныхъ изданій, уничтожились естественно и послѣднія. Общественное мнѣніе, какъ только понизилась пошлина, высказалось противъ нарушителей закона; пока они боролись съ притѣснительнымъ закономъ, право было на ихъ сторонѣ, но когда законъ помирился съ правомъ, мнѣніе гражданъ стало поддерживать законъ. Убытокъ государственнаго казначейства отъ уменьшенія журнальныхъ пошлинъ оказался гораздо незначительнѣе чѣмъ предполагали, ибо раскупка журналовъ вскорѣ увеличилась вдвое. Вмѣсто потери $^3/_4$

суммы (около 500.000 ф. ст.), доставленной журнальными пошлинами въ 1835 году, казначейство потеряло менѣе половины оной. Убыль эта очень скоро пополнилась, какъ доказываютъ слѣдующія цифры: съ 5-го октября 1835 года по 5-е апрѣля 1836, „англійскіе журналы заклеймили 14.700.000 листовъ; съ 5-го октября же 1836 года по 5-е апрѣля 1837 года, они заклеймили 21.400.000 листовъ. Въ слѣдующемъ 1838 году доходъ казначейства увеличился почти вдвое, и послѣ этого не переставалъ увеличиваться.

Здѣсь будетъ умѣстно небольшое, касающееся характера этой реформы, замѣчаніе. Обѣ приведенныя мѣры, уменьшеніе штемпельной пошлины и уничтоженіе пошлины съ объявленій, отмѣчены, въ высокой степени, тѣмъ новымъ, истинно-раціональнымъ направленіемъ, которымъ должны отличаться всѣ современныя общественныя реформы: они ведутъ къ уничтоженію монополій (въ обширномъ смыслѣ). Такъ, разсматривая офиціяльные отчеты о движеніи періодической печати съ начала этого столѣтія, видишь, что хотя распространеніе журналовъ увеличивалось, однако всѣ журналы, исключая *Times*, теряли постепенно часть своихъ покупателей. Ясно, поэтому, что какъ новые, такъ и старые, отошедшіе отъ другихъ журналовъ, покупатели обратились къ *Times*'у. Въ то же время, число объявленій *Times*'а постоянно увеличивалось, другихъ же журналовъ—постоянно уменьшалось, ибо при дороговизнѣ объявленій каждый обращается къ самому распространенному журналу, чтобъ извлечь возможно-бо́льшую пользу изъ дорогой платы, то-есть чтобы заставить прочесть свое объявленіе возможно-большее число разъ. Такимъ образомъ, пошлина съ клейма и съ объявленій вела къ журнальной монополіи *Times*'а, который грозилъ поглотить всѣхъ или, по крайней мѣрѣ, огромное большинство читателей [1]. Мѣры 1833 и 1846 годовъ, равно какъ и послѣдовавшія за ними, о которыхъ мы будемъ говорить ниже, избавили англійское общество отъ этого зла и позволили другимъ изданіямъ, съ барышомъ и пользою, продолжать свое существованіе. Мелкая же и распростра-

[1] Поощреніе монополій, подобнымъ повышеніемъ стѣснительныхъ пошлинъ, составляетъ одно изъ многихъ экономическихъ явленій исторіи журналистики, которыя повторяются вездѣ съ удивительною правильностію и точностью.

ненная журнальная промышленность имѣетъ то несомнѣнное преимущество надъ крупною, что принося, въ общемъ, предпринимателямъ болѣе валоваго, но менѣе чистаго дохода, она способствуетъ благосостоянію бо́льшаго числа людей.

Какъ старая, такъ и установленная въ 1836 году штемпельная пошлина, давала журналамъ право безплатной почтовой пересылки въ предѣлахъ Великобританіи. Для журналовъ, нуждавшихся въ такой пересылкѣ, пошлина эта и замѣняла почтовую плату; для остальныхъ же она оставалась налогомъ, легче стараго, но все же притѣснительнымъ. Налогъ, говорили журналы, будучи въ сущности вознагражденіемъ за услугу, можетъ быть справедливо взимаемъ лишь тогда, когда услуга дѣйствительно оказана. Справедливо подвергнуть пошлинѣ нумера журналовъ пересылаемыхъ по почтѣ, но несправедливо подвергнуть ей нумера, продаваемые въ самомъ мѣстѣ изданія или пересылаемые собственными средствами. Разумность этихъ доводовъ очевидна. Общество ожидало новой реформы. Въ 1851 году, парламентъ поручилъ особой коммиссіи изслѣдовать снова вопросъ о штемпельной пошлинѣ; коммиссія, послѣ довольно продолжительныхъ занятій, высказалась въ пользу совершеннаго уничтоженія. Въ 1854 году, вопросъ этотъ былъ опять возбужденъ Мильнеромъ Гибсономъ, по предложенію котораго палата общинъ объявила законъ о штемпельной пошлинѣ неудобнымъ и требующимъ измѣненія [1]. Гладстонъ, бывшій тогда канцлеромъ казначейства, приготовилъ, на этомъ основаніи, къ началу сессіи 1855 года, особый билль, по которому штемпельная пошлина совмѣщалась съ почтовою платой, въ размѣрѣ 1 пенни съ 4 унціи вѣсу. Когда образовался новый кабинетъ, и Корнвалъ Льюисъ смѣнилъ Гладстона, то, какъ прежній журналистъ и ре-

[1] Сущность предложенія Гибсона выражается слѣдующими словами его рѣчи: „Пламенное желаніе лицъ низшихъ классовъ получать извѣстія съ театра войны, свѣдѣнія о родителяхъ, сыновьяхъ, братьяхъ, вызвало появленіе значительнаго числа военныхъ журналовъ, публикующихся безъ штемпельной пошлины. Журналы эти достигли огромнаго развитія, почему издатели штемпелеванныхъ журналовъ жалуются на несправедливое соперничество, которое имъ приходится выдерживать съ издателями журналовъ нештемпелеванныхъ и распространяющихъ, между тѣмъ, свѣдѣнія общаго интереса.“ *Hans. Parliam. Deb.* (3 серія), т. CXXXVI, стр. 301.

дакторъ *Edinburgh Review*, онъ не могъ отказаться отъ поддержки билля, назначеннаго къ улучшенію состоянія періодической печати и образованія вообще, и не замедлилъ внести его въ парламентъ.

Оставляя въ сторонѣ не особенно интересныя для насъ пренія при первомъ и второмъ чтеніи билля, я приведу здѣсь замѣчательнѣйшія рѣчи, произнесенныя въ засѣданіе 11 мая 1858 года, при третьемъ чтеніи [1]. Прежде-всего противъ билля говорилъ Пекъ, находя, что настоящая война и нужда въ деньгахъ не благопріятствуютъ уничтоженію дохода въ 500.000 ф. ст., который платятъ теперь издатели журналовъ, и который придется взять тогда съ недостаточныхъ потребителей чая, сахара и кофе. Ему возражалъ замѣчательный ораторъ Макайръ. Отмѣна пошлины, говорилъ онъ, необходима не для обогащенія издателей или журналистовъ, но для распространенія періодическихъ изданій и свѣдѣній въ народѣ, что̀ особенно важно именно въ настоящее военное время, когда каждый слѣдитъ за успѣхами англійскаго оружія и за судьбою дорогихъ ему людей. Вторая половина его рѣчи касалась защиты *Times*'а, по случаю предполагаемой платы въ 1 пенни съ 4 унцій вѣсу. Изъ всѣхъ англійскихъ журналовъ, говорилъ Макайръ, одинъ *Times* превышаетъ вѣсомъ 4 унціи, и именно тогда, когда даетъ „прибавленіе“ (supplement). Извѣстно, что съ этихъ прибавленій *Times* не получаетъ никакого барыша, а выигрываетъ только публика. Справедливо ли подвергать его новому убытку за „прибавленія“, выгодныя для публики и нисколько не выгодныя для него? Станутъ ли другіе издатели стремиться достигнуть положенія *Times*'а и станутъ ли они разсылать прибавленія, когда за это ихъ ожидаетъ увеличеніе пошлины и убытокъ? Послѣ рѣчей Веллеслея и Чамберса, перваго противъ втораго за билль, Непиръ предложилъ назначить плату въ 1 пенни за 6 унцій вѣсу. Ему возражалъ канцлеръ казначейства, утверждая, что предложенное „измѣненіе“ разстраиваетъ его финансовые разчеты, что *Times*'у придется платить прибавочные $^1/_2$ пенни за очень незначительное число „прибавленій“, такъ какъ бо́льшая часть ихъ, расходясь въ Лондонѣ, не нуждается въ почтовой пересылкѣ. Билль былъ

[1] *Ibid.*, т. CXXXVIII, стр. 441—452.

принятъ 215 голосами противъ 161, то-есть большинствомъ 54 голосовъ.

Между тѣмъ, въ палатѣ лордовъ о необходимости новой мѣры говорилъ представитель министерства лордъ Каннингъ. Я изложу здѣсь въ нѣсколькихъ словахъ сущность его рѣчи [1]. Изъ обозрѣнія происхожденія штемпельной пошлины и хода ея развитія, лордъ Каннингъ заключаетъ, что введеніе этой пошлины было полицейскою журнальною мѣрой, и что правительство возвышало ее не для увеличенія государственныхъ доходовъ. Такъ какъ полицейская цѣль не имѣется и не можетъ болѣе имѣться въ виду, то и пожертвованіе части доходовъ совершенно умѣстно. Ему возражалъ тотъ самый лордъ Монтигль, который въ 1836 году понизилъ штемпельную пошлину съ 4 пенсовъ на 1. Онъ согласился съ лордомъ Каннингомъ въ политическомъ и моральномъ отношеніяхъ, и прибавилъ, что съ уменьшеніемъ штемпельной пошлины въ 1836 году, онъ замѣчаетъ значительное улучшеніе и въ содержаніи и въ нравственности періодическихъ изданій. Но онъ не можетъ согласиться въ своевременности предлагаемой лордомъ Каннингомъ мѣры. Онъ утверждаетъ, что потеря 500.000 ф. ст., доставляемыхъ штемпельною пошлиной, будетъ, въ настоящее время, крайне чувствительна, и что сумма эта составляетъ какъ разъ проценты съ 16.000.000 ф. ст., занятыхъ въ настоящую сессію. Въ 1836 году, говорилъ Монтигль, множество важныхъ обстоятельствъ, изъ которыхъ важнѣйшимъ былъ общественный порядокъ, требовали реформы; въ настоящее же время онъ не замѣчаетъ подобныхъ обстоятельствъ. Послѣ возраженій лорда Каннинга, что взиманіе пошлины сопряжено со множествомъ затрудненій, и что законъ нарушается теперь такъ же какъ и тогда, билль прошелъ, несмотря на протестъ лорда Монтигля.

О результатахъ новой мѣры можно судить по нѣсколькимъ слѣдующимъ цифрамъ: еженедѣльный журналъ *Illustrated London News* съ 80.000 экземпляровъ, повысился черезъ годъ, по отмѣнѣ штемпельной пошлины, на 140.000; два ежедневные популярные журнала, уменьшившіе на половину свою прежнюю цѣну, учетверили число своихъ поку-

---

[1] *Ibid.*, т. CXXXVIII, стр. 952—968..

пателей: въ 1857 г., то-есть черезъ два года послѣ отмѣны пошлины, *Family Herald* расходился въ числѣ 12.500.000 экземпляровъ въ годъ, а *London Journal* въ числѣ 26.520.000. Необходимо прибавить здѣсь, что оба названные журнала считаются самыми умѣренными, разумно-либеральными и нравственными изъ всѣхъ англійскихъ популярныхъ изданій.

Для довершенія экономическаго освобожденія печати и журналистики, оставалось уничтожить послѣднее фискальное стѣсненіе, послѣдній налогъ на образованіе, какъ выражаются Англичане, пошлину съ бумаги. Окончательная отмѣна бумажной пошлины, подготовленная въ 1860 году, была совершена въ іюнѣ прошлаго 1861 года. Такъ какъ реформа эта тѣсно связана съ бюджетными биллями Гладстона на 1860 и 1861 годы, то для уясненія ея слѣдовало бы припомнить обстоятельства, ознаменовавшія принятіе названныхъ биллей. Предѣлы статьи не позволяютъ намъ однако входить здѣсь въ подробное изложеніе всѣхъ обстоятельствъ, и я постараюсь, въ нѣсколькихъ словахъ, припомнить основанія финансовыхъ проектовъ Гладстона.

Сущность бюджетнаго проекта на 1860 годъ заключалась въ слѣдующемъ: для покрытія дефицита предлагалось возвысить на 1 пенни налогъ на доходъ (income tax), а недостающую, послѣ возвышенія этого налога, для покрытія дефицита, сумму пополнить нестѣснительною однопенсовою пошлиной „регистрировки“ съ каждаго ящика или мѣста всѣхъ ввозимыхъ и вывозимыхъ предметовъ, а также пошлиной съ мелкихъ коммерческихъ оборотовъ и сдѣлокъ, и продолженіемъ на годъ возвышенной прежде пошлины съ чая и сахара. Особенность проекта Гладстона состояла въ томъ, что бюджетъ его, кромѣ двухъ обыкновенныхъ отдѣловъ, доходовъ и расходовъ, заключалъ въ себѣ третій—„уменьшеніе пошлинъ“. Послѣднее соотвѣтствовало экономическимъ теоріямъ Гладстона. „Для усиленія потребленія, необходимо пониженіе пошлинъ и упрощеніе фискальныхъ формальностей,“ говорятъ пилиты и въ томъ числѣ Гладстонъ, ихъ настоящій вожатый. „Опытъ показываетъ, что между пошлинами съ торговли и промышленности и доходами страны существуетъ тѣсная связь, что вѣрнѣйшее послѣдствіе пониженія налога есть усиленіе производства, и что сборы таможенные и акцизные болѣе увеличиваются, когда нѣкоторыя

пошлины понижаются или отмѣняются чѣмъ когда всѣ онѣ неизмѣнно поддерживаются."

Въ ряду этихъ-то пошлинъ, назначенныхъ Гладстономъ къ пониженію, находилась и пошлина съ бумаги, дававшая около 1.400.000 фунтовъ ст. Умѣстность и необходимость ея отмѣны Гладстонъ основывалъ, прежде всего, на рѣшеніи палаты общинъ въ 1858 году, которымъ пошлина съ бумаги признана неудовлетворительною; затѣмъ, на крайней затруднительности взиманія оной, доказанной множествомъ недавнихъ примѣровъ. За Гладстона, на сторонѣ отмѣны пошлины, была вся та часть общества, которая требуетъ дешевыхъ изданій для распространенія свѣдѣній между рабочими классами. Особая *Ассоціація для отмѣны пошлинъ* съ газетъ, приступившая послѣ отмѣны штельпельной пошлины къ „агитаціямъ" противъ пошлины съ бумаги, поддерживала также Гладстона. Его поддерживала бо́льшая часть, если не крупныхъ, то мелкихъ журналовъ; потомъ большинство книгопродавцевъ, издателей, литературныхъ и журнальныхъ людей. Литературные дѣятели видѣли въ отмѣнѣ бумажной пошлинъ увеличеніе своихъ „гонораріевъ;" мелкіе журналисты—распространеніе мелкихъ дешевыхъ журналовъ. Издатель *Times*'а объявилъ, что съ потребляемой имъ бумаги, онъ платитъ ежегодно болѣе 100.000 р. сер. пошлины. Кассель, выпускающій ежегодно отъ 300 до 400 милліоновъ экземпляровъ популярныхъ изданій, платилъ съ бумаги ежегодно около 50.000 р. сер. Найтъ (Knight), извѣстный авторъ и издатель иллюстрированной *Исторіи Англіи*, расходившейся въ громадномъ числѣ экземпляровъ, объявилъ, что онъ заплатилъ пошлины около 35.000 р. сер. На сторонѣ отмѣны пошлины были и бумажные фабриканты, мастера различныхъ побочныхъ, связанныхъ съ бумажныхъ дѣломъ, промышленностей, какъ-то мебельной, ленточной, цвѣточной и др. За то, противъ отмѣны пошлины, были всѣ противники подоходнаго налога (который Гладстонъ, два года тому назадъ, обѣщалъ отмѣнить совершенно) и многочисленные недостаточные потребители „чая и сахара", усиленная пошлина съ которыхъ продолжалась на годъ. Таково было положеніе вопроса.

Когда 12 марта 1860 года открылись пренія по поводу втораго чтенія билля объ отмѣнѣ бумажной пошлины,

Майльсъ, одинъ изъ либеральныхъ членовъ, выразилъ мнѣніе о несвоевременности уничтоженія дохода въ 1.400.000 ф. ст., тѣмъ болѣе что уничтоженіе это сопряжено съ увеличеніемъ налога на доходъ; предложенная имъ поправка (amendment) была однако отвергнута большинствомъ 57 голосовъ [1]. При преніяхъ о третьемъ чтеніи, происходившихъ 8-го мая, къ оппозиціи присоединились многіе другіе либеральныя члены, какъ-то Венъ, Иллисъ, Берингъ. Несмотря на краснорѣчивыя возраженія Гладстона, напомнившаго, между прочимъ, что палата сама осудила бумажную пошлину въ 1838 году, и на мастерскую рѣчь Мильнера Гибсона, билль едва ли прошелъ бы въ третій разъ, еслибы неловкія нападки Дизраэли, возбудившія опасенія за кабинетъ, не заставили многихъ членовъ подать голосъ за отмѣну пошлины. Билль былъ принятъ 215 голосами противъ 210, то-есть ничтожнымъ большинствомъ 5 голосовъ.

Этимъ обстоятельствомъ объясняется неудача билля Гладстона въ палатѣ лордовъ. Зная что многіе члены оппозиціи отказались отъ подачи голоса, и что въ противномъ случаѣ билль не былъ бы принятъ, палата лордовъ рѣшилась отвергнуть его. Инициативу предложенія объ этомъ принялъ на себя лордъ Монтигль, его поддержали Дерби и Линдгорстъ, которому именно въ день преній минуло 88 лѣтъ, и который рядомъ историческихъ примѣровъ доказывалъ права палаты отвергнуть билль. Предложеніе отвергнуть было принято 193 голосами противъ 104, то-есть огромнымъ и необыкновенно рѣдкимъ большинствомъ 89 голосовъ.

Читатели помнятъ, вѣроятно, возбужденный этимъ рѣшеніемъ палаты лордовъ вопросъ о правѣ послѣдней отвергать „финансовые“ билли принятые палатой общинъ. Вопросъ этотъ находится внѣ занимающаго насъ здѣсь предмета, и я ограничусь нѣсколькими краткими словами. Лордъ Пальмерстонъ, желая прекратить недоразумѣніе между палатами, предложилъ назначить особую коммиссію „для разысканія, въ парламентскихъ архивахъ, прежнихъ примѣровъ“ по отношенію къ различнымъ мѣрамъ, касающимся введенія или отмѣны налоговъ. Предложеніе о назначеніи коммиссіи было принято 25-го марта. 29-го іюня

[1] *Annual Register*, т. CII стр. 64.

коммиссія представила парламенту свой докладъ, въ которомъ были сгруппированы всѣ случаи отказа палатою лордовъ въ финансовыхъ билляхъ, но не сдѣлано заключенія. Хотя палата лордовъ и отказалась отъ инициативы и права „поправки“ во всѣхъ дѣлахъ касающихся финансовъ, однако она не разъ возставала, послѣ того, противъ увеличенія налоговъ. Пальмерстонъ, на основаніи этого доклада, сдѣлалъ три предложенія, смыслъ которыхъ не былъ противенъ рѣшенію палаты лордовъ. 5-го іюня начались пренія по поводу этихъ предложеній, и 8-го іюня они были приняты. Такимъ образомъ, вслѣдствіе разнообразныхъ посторонихъ соображеній, билль объ отмѣнѣ бумажной пошлины не былъ утвержденъ въ парламентскую сессію 1860 года.

Гладстонъ внесъ его въ свой бюджетный проектъ на 1861 годъ. Изъ числа многихъ засѣданій, посвященныхъ въ палатѣ общинъ преніямъ о немъ, читая которыя дивишься богатству и разнообразію свѣдѣній, глубинѣ и всесторонности доводовъ ораторовъ, замѣчательнѣйшими были засѣданія 6-го, 9-го, 30-го мая прошлаго года. Я коснусь ихъ настолько, насколько они относятся нашему вопросу.

Пренія 6 мая открылись рѣчью Гладстона, въ которой, послѣ объясненія сущности новой мѣры, достаточно обсужденной уже въ прошлогоднюю сессію, канцлеръ казначейства сдѣлалъ предложеніе: „чтобы съ 1 октября 1861 года, пошлина платимая въ настоящее время съ бумаги, въ какомъ бы то ни было видѣ, была отмѣнена...“ Возражая Гладстону, лордъ Робертъ Сесиль упомянулъ объ американскихъ событіяхъ и нашелъ предлагаемую мѣру несвоевременною. „Отмѣняя эту пошлину въ настоящее время, прибавилъ онъ, вы уничтожаете ее навсегда; особенность этого рода пошлинъ та, что онѣ требуютъ особаго штата чиновниковъ, сборщиковъ и спеціальныхъ контролеровъ: распуская ихъ однажды, ужь трудно будетъ послѣ собрать ихъ снова. Сесилю возражалъ Гоуэръ. Подтверждая свои доводы многочисленными примѣрами, онъ показалъ затрудненія, съ которыми сопряжено взиманіе бумажной пошлины, ея стѣснительность для многихъ промышленностей и, главное, ея противодѣйствіе распространенію знаній. Замѣчательно, что между возражавшими противниками мѣры, было нѣсколько публицистовъ, какъ-то: Чамберсъ, Найтъ, Блекъ, старый редакторъ *Morning Chronicle*, хорошо извѣстный своею ссорою съ Робакомъ. Они

полагали, что отмѣна пошлины съ бумаги не понизитъ много цѣны книгъ и журналовъ, и что она послужитъ не къ пользѣ читателей, но къ обогащенію издателей и бумажныхъ фабрикантовъ.“ Въ длинной, искусной и убѣдительной рѣчи Гоуэръ опровергъ ихъ опасенія. Обращаясь къ консервативной партіи, Гоуэръ коснулся потомъ вопроса о пользѣ распространенія политическихъ свѣдѣній между рабочими классами. Ничто не можетъ быть полезнѣе для власти и общества, говорилъ онъ,—возможно обширнѣйшаго распространенія политическихъ свѣдѣній. „Ничто не можетъ быть полезнѣе того, чтобы рабочіе классы слѣдили за порядкомъ управленія ими, и знакомы были съ законами, которые должны чтить и которымъ обязаны повиноваться.“ Распространеніе свѣдѣній полезно вообще какъ въ политическомъ, такъ и въ моральномъ отношеніяхъ. Изъ долгаго и добросовѣстнаго изученія популярныхъ изданій ораторъ убѣдился въ ихъ достоинствѣ и великой пользѣ. Онъ „никогда не находилъ въ нихъ ничего оскорбительнаго для человѣчества или религіи; напротивъ, онъ видѣлъ всегда, что они распространяютъ убѣжденія одною силой доводовъ. Онъ отдаетъ честь высокому такту, съ которымъ составляются руководящія статьи этихъ изданій и припоминаетъ при этомъ, что дешевая печать заключаетъ въ себѣ органы всевозможныхъ политическихъ оттѣнковъ.“ Показавъ, что отмѣна пошлины должна привести къ пониженію цѣны книгъ и газетъ, Гоуэръ обратилъ также вниманіе на то обстоятельство, что для многочисленнаго класса людей небольшаго достатка, имѣющихъ напримѣръ 200 фунтовъ стерлинговъ (1.300 р. сер.) годоваго дохода, новая мѣра очень важна, ибо освободитъ ихъ отъ необходимости жертвовать лишнихъ 6—8 фунтовъ. Возраженія Гамильтона и Бентинка, извѣстнаго поборника экономическаго протекціонизма, касались преимущественно необходимости предвидѣть послѣдствія американской войны и несвоевременности пожертвованія дохода въ полтора милліона. За своевременность и необходимость говорилъ потомъ Бенсъ, извѣстный партизанъ свободы народнаго образованія. Интереснѣйшую часть его рѣчи составляютъ примѣры обременительности бумажной пошлины. Фирма *Morley et K°*, потреблявшая на 4.000 фунт. стерл. бумаги въ годъ, платила съ нее 800 ф. стерл. пошлины, которая

падала на покупателей. Та же фирма платила съ учебныхъ изданій, среднимъ числомъ около 7.300 ф. въ годъ. *Religion Tract Society*, издававшее болѣе 40.000.000 библій въ годъ, платило цѣну 6 милліоновъ экземпляровъ въ казначейство. На 6—7 пенсовъ стоимости фунта бумаги, приходилось $1^1/_2$ пенса, то-есть около 25% пошлины. Торговля, промышленность, образованіе страны, говорилъ ораторъ, не могли не страдать отъ подобныхъ стѣсненій; чѣмъ скорѣе стѣсненія эти будутъ уничтожены, тѣмъ лучше. Послѣ нѣсколькихъ, менѣе интересныхъ для насъ рѣчей, предложеніе Гладстона было принято. Пренія 9 мая о „второмъ“ чтеніи, относившіяся, преимущественно, къ таможенной пошлинѣ съ бумаги и конкурренціи бельгійскихъ фабрикантовъ, не важны для насъ въ настоящемъ случаѣ, какъ не важны и послѣдовавшія за ними, 13 и 16 мая, пренія о прошлогоднемъ рѣшеніи палаты лордовъ. 27 мая, Гладстонъ представилъ свой билль объ отмѣнѣ бумажной пошлины (Paper Duty Abolition Bill) вмѣстѣ съ общимъ биллемъ доходовъ (Customs and Inland Revenue Bill). 30 мая, несмотря на возраженія Дизраэли и Роберта Пиля, этотъ билль былъ читанъ во „второй“ разъ, а черезъ три дня, 3 іюня, въ „третій“ разъ, и принятъ большинствомъ 15 голосовъ. Въ палатѣ лордовъ не повторился уже прошлогодній случай; 11 іюня билль Гладстона былъ утвержденъ, несмотря на возраженія герцога Ратландскаго, графа Дерби и нѣкоторыхъ другихъ [1].

Отмѣна пошлины съ бумаги была послѣднимъ актомъ экономическаго освобожденія печати вообще и періодической литературы въ особенности. Результаты не замедлили заявить себя. *1 октября 1861 года новый законъ вступилъ въ дѣйствіе, а черезъ день явился первый, свободный отъ всѣхъ пошлинъ, номеръ Times'а, съ пониженною съ 4 на 3 пенса цѣною.* Примѣру *Times*'а послѣдовали почти всѣ журналы. Такимъ образомъ, факты успѣли въ два мѣсяца опровергнуть опасенія противниковъ новаго закона и доказать, что общество извлекаетъ изъ отмѣны печатныхъ пошлинъ не менѣе, если не болѣе пользы, чѣмъ издатели и промышленники. Другое возраженіе безполезности закона

---

[1] *Hans. Parliam. Deb.* т. CLXII, стр. 1575—1630.

для рабочихъ классовъ также опровергнуто фактами. На митингѣ *національнаго общества для распространенія свѣдѣній*, происходившемъ въ Дублинѣ въ ноябрѣ прошедшаго года, лордъ Брумъ объявилъ „что результаты отмѣны бумажной пошлины были быстры и громадны... Одна явившаяся, послѣ отмѣны, ежедневная, популярная газета расходится уже въ числѣ 80.000 экземпляровъ; другой, вновь основанный, *полу-пенсовый* еженедѣльный журналъ, съ превосходными рисунками, печатаетъ не менѣе 160.000 экз.“ Къ такимъ краснорѣчивымъ цифрамъ прибавлять нечего.

Въ настоящее время, печать и журналистика въ Англіи, не неся никакихъ налоговъ, пользуются „полною свободой“, которой первыя условія — „возможность выражать свои убѣжденія безъ предварительнаго одобренія, возможность заводить какія бы то ни было изданія безъ предварительнаго дозволенія и независимость отъ всякихъ стѣсненій.“ Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ въ Англіи, обычай обогналъ письменный законъ; не закрѣпленная статутами, свобода печати существуетъ на дѣлѣ на томъ же основаніи, на которомъ существуетъ въ Англіи свобода всякой другой промышленности [1]. Она коренится, въ сознаніи, привычкахъ, нравахъ англійскаго народа; возобновленіе какихъ бы то ни было притѣсненій (какъ было сказано выше) не мыслимо болѣе. „Въ Англіи, каждый можетъ совершенно свободно и безопасно выражать свои убѣжденія,“ еще недавно говорилъ Пальмерстонъ своимъ избирателямъ въ Тивертонѣ. Былая *профанація* достоинства представителей, — публикація рѣчей ихъ, право на которую стоило такихъ долгихъ усилій, теперь считается великою честью. Этого мало: безгласность преній, считавшаяся прежде привилегіей, стала теперь наказаніемъ. Когда О'Коннель позволилъ себѣ однажды, въ палатѣ общинъ, выразиться рѣзко о нѣкоторыхъ журналистахъ, журналы рѣшили не печатать его рѣчей до тѣхъ поръ пока онъ публично не возьметъ назадъ своихъ словъ; О'Коннель долженъ былъ покориться. Знакомые съ характеромъ знаменитаго ирландскаго „агитатора“ оцѣнятъ силу этого факта. „Галлерея, въ которой помѣщаются въ парламентѣ журналисты, замѣчаетъ Маколей въ своемъ критическомъ

[1] Одни исключенія, обязательныя для печати, занесены въ законъ.

опытъ о *Конституціонной Исторіи* Галлама,—въ настоящее время стала властью, а публикація преній, дѣло казавшееся самымъ либеральнымъ государственнымъ людямъ старой школы великою опасностью для общественнаго порядка, признается теперь всѣми гарантіей, опорой, и даже болѣе чѣмъ опорой, всего остальнаго". Къ этому, я позволю себѣ прибавить еще одно небольшое и скромное, но не лишенное нѣкотораго значенія, замѣчаніе: прежде журналисты не имѣли особеннаго мѣста въ парламентѣ и могли писать не иначе какъ на колѣнкахъ; теперь, въ палатѣ лордовъ имъ отдана первая скамья „галлереи посѣтителей" (stranger's gallery), а въ палатѣ общинъ устроена особая галлерея, въ самомъ удобномъ мѣстѣ залы, подъ кресломъ *speaker*'а.

Мнѣ остается сказать слово въ заключеніе.

Слѣдя, по нашему краткому очерку, за развитіемъ свободы печати въ Англіи и, шедшимъ съ нимъ объ руку, развитіемъ англійской журналистики, нельзя было не замѣтить въ ходѣ послѣдней четырехъ періодовъ. Періодъ первый обнимаетъ собою то время, когда журналы, вызванные развитіемъ общественной любознательности и взаимныхъ интересовъ, занимаются собираніемъ разнообразныхъ новостей и извѣстій, и простою передачей ихъ читателямъ; извѣстія эти касаются преимущественно иностранныхъ государствъ; передача ограничивается перечнемъ, безъ всякаго разсужденія или оригинальнаго текста. Это періодъ подозрительнаго контроля власти надъ благонравіемъ печати, періодъ цензурныхъ притѣсненій журналовъ, начинающійся въ Англіи съ появленія первыхъ періодическихъ изданій и оканчивающійся съ концомъ XVII столѣтія. Притокъ новостей, извѣстій, свѣдѣній, обусловливаетъ между тѣмъ развитіе общества; это вызываетъ улучшеніе законодательства о печати, освобожденіе отъ предупредительнаго правительственнаго контроля, съ чего и начинается второй періодъ англійской журналистики. Вниманіе періодической литературы отъ внѣшнихъ событій обращается тогда къ внутреннимъ вопросамъ, а освобожденіе отъ предварительнаго одобренія даетъ возможность обсуживать ихъ. Люди ученые, передовые, нравственные, лучшіе, начинаютъ принимать участіе въ журналахъ; люди государственные, дѣятели политическіе, видя въ журналахъ могущественное ору-

діе для поддержки своихъ началъ и объясненія дѣйствій, ищутъ ихъ расположенія, участвуютъ въ нихъ, приносятъ значительныя жертвы для учрежденія новыхъ, основываютъ свои собственныя изданія. Отвѣчая усиливающимся требованіямъ общества, періодическая литература развивается, несмотря на экономическія стѣсненія. Первая половина XVIII столѣтія въ Англіи, отмѣчена этимъ, по преимуществу, политическимъ характеромъ; средина его, классическая эпоха парламентскаго ораторства и горячихъ политическихъ журнальныхъ преній, время Болингброка и Чатама, Борка и Фокса, Вилькса и Юніюса, заканчиваетъ собою второй періодъ. Третій обнимаетъ конецъ прошедшаго и начало настоящаго столѣтія. Журналы становятся промышленными предпріятіями, частными спекуляціями и, освободившись отъ исключительнаго служенія партіямъ, отъ подчиненія власти, развиваютъ въ себѣ элементъ новый, торговый, промышленный,—отдѣлъ объявленій, отвѣчающій болѣе интересамъ среднихъ классовъ. Свобода вызываетъ это явленіе, и свободѣ, въ свою очередь, служитъ она. Въ Англіи, гдѣ каждый можетъ быть типографомъ, и безъ всякихъ дозволеній, издавать что̀ угодно, журналы стали дѣломъ имѣющихъ денежныя средства, дѣломъ капиталовъ; это освободило ихъ отъ необходимости правительственныхъ пособій, отъ службы вліятельнымъ политическимъ людямъ, сдѣлало независимѣе, самостоятельнѣе и, главное, полезнѣе большинству. Четвертый періодъ англійской періодической печати, періодъ ея экономическаго освобожденія, начинается съ реформъ тридцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія, уменьшившихъ пошлину съ клейма и бумаги, и уничтожившихъ пошлину съ объявленій. Въ немъ элементы, промышленный и политическій, уравновѣшиваются между собой; пониженіе пошлинъ даетъ возможность увеличить объемъ журналовъ и дать болѣе прежняго мѣста политико-литературному отдѣлу, безъ ущерба торговому,—безъ стѣсненія объявленій. Съ этимъ періодомъ экономическаго освобожденія совпадаетъ появленіе и распространеніе книгъ народной литературы, популярныхъ изданій, дешевыхъ журналовъ, которыхъ значеніе, вліяніе, силу, утверждаетъ экономическая реформа 1835 года, совершенно уничтожившая штемпельную пошлину. Наконецъ, съ отмѣной бумажной пошлины,—послѣдняго фискальнаго стѣсненія

печати, послѣдняго „налога на образованіе“, начался новый періодъ англійской журналистики, періодъ полной политической и экономической свободы, раціональный и народный характеръ котораго успѣлъ уже заявить себя нѣсколькими замѣчательными, приведенными выше, фактами. Періодъ этотъ отвѣчаетъ новому, мудрому и законному „демократическому“ движенію; въ немъ должно начаться осуществленіе лучшаго и высшаго демократическаго стремленія,—стремленія къ *общему образованію*, съ которымъ неразрывно связаны народная нравственность и сила.

Разграничивая здѣсь, приблизительно, періоды исторіи англійской журналистики, я указалъ лишь на нѣкоторыя явленія, особенности и результаты ихъ. Читатель, сопоставляя ихъ съ современными историческими событіями, законодательными фазами, соціально-экономическими реформами, придетъ самъ ко многимъ очень важнымъ выводамъ. Изъ исторіи англійской журналистики ясно видно, какъ пагубенъ разладъ „государства“ съ „обществомъ“, какъ безплодны неправыя и несвоевременныя мѣры при самой насильственной обстановкѣ, какъ цензурныя и фискальныя притѣсненія не только не останавливаютъ развитія, но приносятъ, въ *конечномъ* результатѣ, существенную пользу печати, какъ критикующая мысль, не находя себѣ естественнаго исхода въ дозволенныхъ изданіяхъ, уходитъ въ изданія тайныя, противъ которыхъ безсильна всякая власть, какъ фискальныя стѣсненія вызываютъ контрабандную, секретную печать, противъ которой также безсильна всякая власть, какъ возвышеніе журнальныхъ пошлинъ ведетъ къ монополизаціи журнальныхъ предпріятій, а съ этимъ къ общественному неудовольствію, безпорядкамъ, потрясеніямъ, и т. д.

Неправъ и неразуменъ, поэтому, будетъ тотъ законодатель, который увлечется недавнимъ примѣромъ Пруссіи, подчинившей свои журналы штемпельной пошлинѣ. Злой примѣръ другой извѣстной страны не долженъ также смущать никого. Мы видѣли уже, какъ исторія французской журналистики XVIII вѣка, къ ряду другихъ знаменательныхъ примѣровъ зла пригнетенной мысли, сдавленнаго слова, цензурованной рѣчи, присоединила новый, получившій наканунѣ грозной бури, въ виду кроваваго террора, смыслъ глубокій и далеко не праздный. Но оставляя старое и

обращаясь къ нашему времени, каждый кто слѣдилъ за послѣдними французскими законодательными мѣрами о печати, кому извѣстны результаты изданнаго 6-го іюля 1850 года такъ-называемаго Loi Tinguy (обязавшаго, между прочимъ, авторовъ подписывать всегда свои имена, подъ страхомъ административнаго запрещенія изданія, и самыхъ строгихъ денежныхъ наказаній), и изданнаго 17 февраля 1852 года *Décret organique sur la presse* (наложившаго, между прочимъ, штемпельную пошлину въ 6 сантимовъ на печатный листъ), предостережетъ отъ того же свою родную страну. Знакомые близко съ французскою журналистикой послѣдняго десятилѣтія, встрѣчавшіеся съ людьми ея (и чуждые, при этомъ, новой моды побранивать французское, кстати и не кстати) не могутъ не признать грустнаго обѣдненія мысли, какъ признаютъ нещекотливость нравственнаго чувства и измѣнчивость политическихъ симпатій въ значительной части современныхъ журнальныхъ дѣятелей Франціи. Переходя отъ журналистики ко всей литературѣ послѣднихъ годовъ, нельзя не замѣтить и въ ней появленія тѣхъ самыхъ признаковъ безплодности, какой-то офиціяльной сухости, которыя отличали литературу первой имперіи. Вторая, какъ и первая, стремится къ пагубному подчиненію власти умственныхъ элементовъ общества...

Постановленія, управляющія англійскою печатью, законъ о пасквилѣ (libel law), и затѣмъ хозяйство, внутреннее устройство, состояніе и значеніе главныхъ современныхъ политическихъ журналовъ Англіи, составятъ предметъ слѣдующей статьи.

Л. ДЕ-РОБЕРТИ.

ЗАМѢТКИ

О

ВОЛЬНО-НАЕМНОМЪ ТРУДѢ

Авторитетъ умеръ, да здравствуетъ авторитетъ! Тѣмъ лучше: слѣдовательно всякъ—авторитетъ. Вотъ во имя этого *всякаго* рѣшился и я писать эти замѣтки.

Гдѣ-то я вычиталъ, что помѣщики переводятъ будто бы псовую охоту, но охотниковъ до фразъ у насъ съ каждымъ днемъ прибываетъ. Фраза, это — ассигнація, давно потерявшая номинальную цѣну и обращающаяся за деньги только между людьми неопытными. Подобныя фразы въ нашей литературѣ сыплются градомъ со всѣхъ сторонъ. Читаетъ ихъ публика или не читаетъ? Кто ее знаетъ! Но рано или поздно, придется фальшивую бумажку вынимать изъ обращенія, и кто-нибудь за нее да поплатится. Итакъ прочь фразы, въ какую бы сторону онѣ ни гнули. Говорить о дѣлѣ надо добросовѣстно и прямо. Въ замѣткахъ моихъ я выскажу не только факты идущіе, по моему, къ дѣлу, но и тѣ соображенія и ощущенія, которыя вызвали меня на тотъ или другой шагъ. Словомъ, я буду разказывать что̀ я думалъ, что̀ сдѣлалъ, и что̀ изъ этого вышло. Хорошо, такъ хорошо; худо, такъ худо, лишь бы правда была. Не одна тысяча людей пойдутъ теперь моею

дорогой. Если мой читатель еще менѣе меня опытенъ въ земледѣліи, то я порадуюсь возможности быть ему хотя сколько-нибудь полезнымъ, крикнувъ въ потьмахъ: тутъ яма, держи правѣй, я ужь въ ней побывалъ; а если онъ самъ дока, то ему и книги въ руки, а я съ особенною радостью и жадностью стану слушать его совѣты. Заподазривать меня въ пристрастіи къ старому порядку, или въ антипатіи къ вольному труду нельзя. Я самъ добровольно употребилъ на это дѣло свой капиталъ, и бьюсь второй годъ лично надъ этимъ дѣломъ. Послѣдняя щепка на дворѣ у меня точно такъ же куплена и привезена за деньги, какъ и то перо, которымъ я пишу эти замѣтки. Итакъ къ дѣлу, in medias res.

I. Осмотръ имѣній.

Года за три еще до манифеста бездѣятельная и дорогая городская жизнь стала сильно надоѣдать мнѣ. Правда, въ Москвѣ проживалъ я только осень и зиму, а на лѣто ѣздилъ въ Орловскую губенію, въ имѣніе сестры моей Б. Прекрасный старый садъ, чудная рѣка Зуша, шоссе въ 6 верстахъ, хорошее сосѣдство, кажется чего бы еще хотѣть? Но сдѣлаться зрителемъ, бывъ всю жизнь дѣятелемъ, тяжело, и я сталъ сильно подумывать о постоянной дѣятельности. Мнѣ пришла мысль купить клочокъ земли, и заняться на немъ сельскимъ хозяйствомъ; но первое условіе, чтобы мнѣ никто не мѣшалъ дѣлать, что и какъ я хочу, и чтобы то, что я считаю своимъ, было мое дѣйствительно. Для меня всякое неопредѣленное состояніе тягостнѣе всего. Мысль о подобной покупкѣ преслѣдовала меня все болѣе и болѣе, и въ 1859 и 60 годахъ я пустился въ розыски земли, подходящей подъ мои требованія. Не стану исчислять всѣ мои попытки. Я искалъ непремѣнно не заселенной земли, хотя съ небольшимъ лѣскомъ, рѣкой если можно, и готовою усадьбой, не стѣсняясь губерніей, лишь бы не слишкомъ далеко отъ моей родины Мценска. Разумѣется это *не слишкомъ далеко* иногда, при сговорчивости съ самимъ собою, выходило и очень

далеко: въ Ярославлѣ, Смоленскѣ, подъ Москвой и т. д. Попавъ прямо со школьной скамьи на коня во фронтъ, я всю жизнь не имѣлъ никакого понятія о ходѣ земледѣльческихъ занятій, но подумавъ, что этимъ дѣломъ правятъ у насъ на Руси и безграмотные старосты, я махнулъ рукой на земледѣльческую школу, и рѣшился приступить къ дѣлу въ качествѣ слѣпца. При мысли отдохнуть среди своихъ полей, гдѣ, какъ говоритъ Горацій:

> Вкругъ тебя съ ревомъ пасутся коровы,
> Ржетъ кобылица, въ четверку лихая,

меня не покидала и другая: не затѣвать пустой игрушки, которая не окупитъ положенныхъ на нее трудовъ и издержекъ, а слѣдовательно надоѣстъ и отобьетъ охоту къ занятіямъ, чего мнѣ не хотѣлось. Я хотѣлъ, хотя на маломъ пространствѣ, сдѣлать что-либо дѣйствительно дѣльное. Для этого первое условіе, чтобы земля по мѣстнымъ даннымъ не обошлась слишкомъ дорого. Представился случай купить имѣніе подъ Серпуховымъ. Владѣлецъ просилъ за 250 десятинъ съ крестьянами по 30 р. с. за десятину, а когда я заговорилъ объ уступкѣ ста десятинъ чистой земли, онъ запросилъ по 40 р., да за домикъ въ три комнатки и плохой скотный дворъ 2.000 р., слѣдовательно 6.000 р.; да купчая, да переноска старыхъ и постройка новыхъ необходимыхъ строеній, закупка скота, орудій, —и выйдетъ, что надо истратить 10.000 р. Почва сѣренькая, кругомъ десятинъ сорокъ мелкаго березника, десятинъ 20 плохаго покоса, да десятинъ по двѣнадцати въ трехъ клинахъ. Я сталъ разспрашивать о заработной платѣ, и узналъ, что въ Московской губерніи годовая цѣна не ниже 60 р. да прокормить рабочаго дай Богъ за 30 р., а урожай на прѣсной (не навозной землѣ) много-много 6—7 копенъ, слѣдовательно отъ 3 до 4 четвертей (и то много на десятинѣ), кромѣ сѣменъ. Всѣ эти подробности я узналъ отъ мѣстныхъ крестьянъ и извощиковъ, которыхъ постоянно обо всемъ разспрашивалъ. Стоило только свести счеты, чтобы придти къ слѣдующему результату. На двѣнадцати десятинъ въ полѣ надо трехъ работниковъ: прибавивъ кухарку, пастуха, и такъ-называемаго подпаска, выйдетъ, что на пять рабочихъ надо издерживать не менѣе 500 р.; да надо же если не на прика-

щика, то хотя на старосту (онъ же и ключникъ), положить 150 р. итого 650 р. Прибавивъ по 6% съ 10.000 р. затраченнаго капитала 600 р., получишь расхода 1.250 р., а прихода: 12 десятинъ ржи по 3 четверти—36 четвертей, продавайте хоть по 4 р. на мѣстѣ—144 р. Что̀ касается до яроваго, то оно едва ли могло дать столько же, такъ какъ овесъ въ Москвѣ въ то время я изъ лавки покупалъ по 2 р. за четверть, а когда въ предлагаемомъ имѣніи взглянулъ на сѣно, то, увидавъ какой-то темный мохъ, оставилъ надежду получать отъ него выгоду. Итакъ, самое поверхностное сознаніе съ дѣйствительностію на этотъ разъ совершенно разочаровало меня въ возможности вольнаго земледѣльческаго труда въ этой мѣстности. Какая же это земля, которую надо воздѣлывать въ явный убытокъ? Это было весной 1860 года. Разочарованный, я поѣхалъ въ Орловскую губернію. Здѣсь, по разнымъ соображеніямъ, я готовъ былъ на всѣ возможныя съ моей стороны уступки, лишь бы поселиться вблизи Мценска. Нашлась и тутъ не населенная земля, и уже не 100, а 600 десятинъ, не по 40, а по 60 р. Это не Московская, а Орловская губернія. Вспомнивъ, что Т., зная мою опытность въ сельскомъ хозяйствѣ, еще въ Петербургѣ, взялъ съ меня слово ни на что̀ не рѣшаться, не посовѣтовавшись съ его дядей, я обратился къ послѣднему за совѣтомъ. Послѣ многихъ усилій съ своей стороны, почтенный Т. сумѣлъ унять мой пылъ, доказавъ мнѣ цифрами, что заводясь вновь на такой значительной дачѣ и взявъ въ соображеніе грунтъ не перваго качества, нельзя и помышлять, при вольнонаемномъ трудѣ, не только о барышѣ, но и о возможности вести какое-нибудь хозяйство. Оставилъ я и это дѣло. Въ началѣ августа 60 года, былъ я у родственника моего Ш., проживающаго въ своемъ имѣніи по старой мценско-курской дорогѣ, въ 60 верстахъ отъ Мценска и въ 35 отъ Орла.—„Ты и щетьземлю, спросилъ меня Ш., близь меня продается земля. Дорого 80 р., но земля отличнаго качества черноземъ, 200 дес. въ одной межѣ, отъ насъ верстахъ въ трехъ черезъ поля, а въ объѣздъ верстъ пять. Строенья всего—новый, еще неотдѣланный домикъ отличнаго лѣсу, да новый скотный дворъ. Надо многимъ обзаводиться, а наличныхъ вѣрно у нихъ нѣтъ; вотъ они и продаютъ. Есть и лѣсокъ.“—„Есть ли вода?“—„Колодезь, но можно по мѣстности вырыть прудъ.“

—„А рѣка близко?“—„Рѣка верстахъ въ семи.“—„Это неутѣшительно, однако нельзя ли посмотрѣть?“—„Намъ подали верховыхъ лошадей, и мы отправились въ недальній путь. —„Видишь ли тотъ лѣсокъ, сказалъ Ш., а подъ нимъ черную полосу? Это взметъ на твоей землѣ.“—„На моей если куплю.“ —„Посмотри какой черноземъ, замѣтилъ онъ, когда мы стали переѣзжать черезъ поле, приготовленное подъ сѣвъ ржи,—и какъ славно воздѣланаземля, повѣрь никто не придерется.“— Дѣйствительно, лошади тонули по щиколки въ пухлой пашнѣ. Наконецъ завиднѣлся одинокій домикъ съ соломенною кровлей, и подлѣ него скотный дворъ, съ котораго спускали стадо, когда мы подъѣхали къ забросанному свѣжею щепой крыльцу, сопровождаемые злобнымъ лаемъ двухъ лохматыхъ собакъ. Мы объявили свое желаніе видѣть домъ. Молодыя хозяйскія дочери повели насъ по недодѣланнымъ и кое-чѣмъ меблированнымъ комнатамъ, съ извиненіями, что семейство только недѣлю тому назадъ переѣхало сюда, и что все еще кое-какъ. И очень: надъ рамами были сквозныя щели въ ладонь, заложенныя стружками; а заводя хозяйство надо тутъ жить самому.—„Ну, подумалъ я, это все успѣю сдѣлать. Мебель какая-нибудь на время есть, а тамъ изъ Москвы подвезутъ.“—„Расположеніе комнатъ мнѣ нравится,“ сказалъ я по-французски Ш, не желая вводить продавцовъ въ нашъ разговоръ.—„И у а encore une cuisine ici“, отозвалась неожиданно и довольно неисправно одна изъ молодыхъ хозяекъ, отворяя дверь. Оказалась дѣйствительно премилая кухня, тамъ гдѣ она ничему не мѣшаетъ, а между тѣмъ близко.

Вообще домикъ въ семь небольшихъ комнатъ для двоихъ достаточенъ и удобенъ. Не отдѣланъ, но это дѣло прихоти.

— „Ну какъ тебѣ понравился твой будущій хуторъ, спросилъ Ш. тѣмъ же шутливымъ тономъ, когда мы возвращались домой. А замѣтилъ ты табунъ?“—„Ну, братъ нечѣмъ похвастать!“—„Напрасно ты такъ говоришь. Лошади худы, но ты ихъ видѣлъ мелькомъ. А онѣ хорошей породы, я это знаю.“—„А какъ ты думаешь, спросилъ я въ свою очередь, что̀ можетъ стоить полное устройство этого хутора, считая орудія, постройки, земляныя работы, прудъ, скотину, однимъ словомъ все, безъ чего нельзя хозяйничать?“—„Да тысячъ до 33, а можетъ-быть и побольше.“—„Сколько же онъ можетъ по твоему дать доходу?“—„Сочти самъ: 55 десятинъ въ

полѣ. На этой землѣ надо считать 400 четвертей въ продажу ржи по 3 р. 1.200 р. да яроваго на 500—изъ этого на рабочихъ.“—„А какая тутъ цѣна рабочимъ годовымъ?“ —„Твой продавецъ нанимаетъ по 25, а тебѣ десяти человѣкъ довольно.“ —„Да вѣдь это отлично. Слѣдовательно можно получить до 1.500 р. въ годъ, то-есть тоже что даетъ 25 тыс., капиталъ по 6%. Я не гонюсь за барышами, лишь бы убытку не было.“— Разговоръ до самой усадьбы Ш. продолжался въ этомъ родѣ, и я былъ совершенно доволенъ, что наконецъ такi нашелъ чего искалъ. При вторичномъ осмотрѣ въ сопровожденiи самого продавца, съ которымъ уже я сходился, оказалось все въ удовлетворительномъ видѣ, и рогатый скотъ, и лошади, и сѣнокосы до 30 десятинъ, давшiе въ текущемъ году до 3.000 пудовъ сѣна. Надо было рѣшиться. И при какихъ же болѣе благопрiятныхъ условiяхъ пускаться на вольнонаемную обработку земли? Почва прекрасная, рабочiе дешевы, сбытъ не слишкомъ затруднительный. Отъ добра добра не ищутъ. Я рѣшился.

II. Покупка.

Когда мы сошлись въ цѣнѣ съ продавцомъ, человѣкомъ, далекимъ отъ науки, но не отъ практики, онъ въ видѣ любезности высказалъ мнѣ нѣкоторые совѣты, тѣмъ болѣе что я безъ зазрѣнiя совѣсти сознавался въ моемъ невѣдѣнiи. Однако невѣдѣнiе невѣдѣнiемъ, а надо же составить какой-либо планъ и что-нибудь дѣлать. Онъ первый подалъ мнѣ мысль раздѣлить пашню на четыре поля, указавъ на убыточность трехпольной системы при вольнонаемномъ трудѣ. Намекъ этотъ я тотчасъ же принялъ къ свѣдѣнiю и въ настоящее время развилъ его въ особенную систему, которая вѣроятно уже существуетъ въ наукѣ и потому честь изобрѣтенiя не останется за мной. Но объ этомъ въ своемъ мѣстѣ. Наканунѣ, можно сказать, необходимости стать лицомъ къ лицу съ самимъ дѣломъ, я на первый разъ не столько заботился отыскать для себя матерiяльную, сколько моральную исходную точку. Надо было прежде всего имѣть въ рукахъ рабочую силу, а когда она есть, можно исправить даже ошибку, не говоря уже объ исполненiи здраваго плана.

Итакъ прежде всего мнѣ нужно было опредѣлить мои отношенія къ рабочимъ. Тамъ гдѣ нѣтъ дружбы, признательности и т. п., отношенія должны основываться на справедливости, а въ дѣлѣ обязательствъ справедливость состоитъ въ добросовѣстномъ ихъ исполненіи. Нанимая рабочаго, я обязуюсь его тепло помѣстить, сытно кормить здоровою пищей, не требовать работъ свыше условія и исправно платить заработки. Кромѣ этого мнѣ хотѣлось, чтобы они чувствовали, что я дорожу ихъ благосостояніемъ. Желая разъ навсегда покончить съ содержаніемъ, скажу что и сколько именно дается у меня рабочимъ харчей въ недѣлю: 3 дня щи съ саломъ $1^1/_2$ ф. на 15 человѣкъ; 3 дня щи съ солониной по $^1/_2$ ф. на человѣка; 2 постные дня съ коноплянымъ масломъ 2 ф: въ недѣлю на 20 человѣкъ. Молока если можно по штофу на человѣка, хлѣба и картофелю сколько поѣдятъ. Зимой соленые, лѣтомъ свѣжіе огурцы и лукъ. Крупъ ровно вдвое противъ солдатскаго пая, изъ котораго въ артели выходитъ хорошая каша. Ѣдятъ три раза въ день: за завтракомъ, обѣдомъ и ужиномъ. Кромѣ того каждый беретъ съ собою хлѣба за пазуху, если хочетъ. Эта статья, какъ потомъ оказалось, довольно важна. На дняхъ пришелъ ко мнѣ наниматься работникъ. Отчего же, спросили его, ты не остаешься на прежнемъ мѣстѣ? или капиталъ (такъ они называютъ харчи) плохъ? „Нѣтъ, капиталъ ничего, да послѣ ѣды хлѣбъ запираютъ.“ И онъ идетъ искать мѣста, гдѣ хлѣбъ можно жевать цѣлый день. Но исполненіемъ обязанностей къ рабочимъ не исчерпывается мои къ нимъ отношенія. Вопросъ главный и трудный въ томъ, долженъ ли я стоять къ нимъ близко или отдаленно, и дѣйствовать черезъ посредствующее лицо, прикащика, или старосту? Первый способъ, котораго придерживался мой предшественникъ, имѣетъ свою выгоду. Если хозяинъ, поступивъ безтактно, нанесетъ вредъ экономіи, то платитъ за собственные промахи, а при посредникѣ онъ рискуетъ расплачиваться за чужіе. О жалованьи и содержаніи надсмотрщика, падающихъ на экономію, я уже и не говорю. Съ другой стороны: надсмотрщикъ идетъ будить рабочаго, звать на работу и становить на нее Ивана, когда на нее хотѣлось бы Сидору, и его непремѣнно встрѣтятъ ропотомъ, а съ просонья и бранью. Кромѣ того, если не послушались надсмотрщика, есть инстанція выше—хозяинъ;

а не послушались хозяина, надо судиться. Сообразивъ все это, я рѣшился взять надсмотрщика. Но хорошо рѣшиться, а гдѣ его взять сейчасъ въ степи? Продавецъ, выпросивъ у меня позволеніе оставить свое семейство на недѣлю въ домѣ и отвести для меня небольшой кабинетъ, взялся и тутъ помочь мнѣ, и рекомендовалъ, какъ онъ говорилъ, добраго и честнаго старика Глѣба. Послали за Глѣбомъ. Явился Глѣбъ болѣе похожій на сѣдаго сыча, чѣмъ на человѣка. Ну, да тутъ некогда быть разборчивымъ! Надо съ тѣмъ, что̀ есть, приступать къ дѣлу. Я приговорилъ Глѣба.

Лицомъ къ лицу съ самимъ дѣломъ пришлось мнѣ стать 13 августа 1860 года. Вечеромъ, когда рабочіе кончили возку ржи, мы съ прежнимъ владѣльцемъ велѣли позвать ихъ, чтобы съ глазу на глазъ свести съ ними счеты, такъ какъ, въ качествѣ годовыхъ, они обязаны были дожить до условленнаго срока у меня и дополучить причитающіеся имъ деньги. Я между тѣмъ послалъ взять водки въ ближайшемъ кабакѣ, чтобы для перваго знакомства поднести всѣмъ по чаркѣ. Наступала вторая половина августа, дѣлъ предстояло много впереди, и я второпяхъ поселился въ кабинетѣ безо всего. Со мной не было даже слуги, а обѣдать я ѣздилъ верхомъ ежедневно къ Ш. Водку привезли, но надо же было ее изъ чего-нибудь наливать во что-нибудь. Я вспомнилъ про стоявшій у меня рукомойникъ, а вмѣсто средняго стакана нашлась порядочнаго объема чайная чашка безъ ручки, и дѣло уладилось. Казалось, еще легче было бы уладить дѣло съ рабочими.—„Вотъ я имъ продалъ имѣніе, ребята, сказалъ продавецъ, и теперь передавая все съ рукъ на руки я долженъ передать и разчеты съ вами. Ну ты, Андронъ, живешь до заговинъ (15 ноября)?“—„Такъ точно.“—„Тебѣ остается получить 2 р. 20 к.? а остальныя ты получилъ?“—„Получилъ.“—„Ну, а ты, ну, а тебѣ? и т. д. Ну, а ты, Гаврило? Ты тоже до заговинъ?“—обратился онъ къ рыжеватому съ прямыми волосами какъ солома и прыгающими глазами дюжему мужику.—„Точно такъ-съ,“—отвѣтилъ Гаврила какимъ-то небрежно-внушительнымъ тономъ.—„Ты взялъ у меня четверть ржи въ счетъ жалованья?“—„Точно взялъ-съ (тѣмъ же внушительнымъ тономъ), мы не отказываемся. Никогда не могимъ этого сдѣлать.“—„Тебѣ приходится 5 р.?“—„Такъ точно-съ—5 р.“—„Да за рожь мы съ тобой клали 2 р. 50 к.

Вотъ тебѣ и слѣдуетъ получить 2 р. 50 к.?"—„Помилуйте-съ какже это мнѣ значитъ задарма приходится жить?"—„Какъ задарма?"—„Да это ужь намъ отчинно обидно."—„Но вѣдь тебѣ слѣдуетъ 5 р.; 2 р. 50 ты получилъ рожью, да 2 р. 50 получишь деньгами."—„Да помилуйте-съ, это намъ..."—и т. д. Кое-какъ эти словопренія кончились. Я взялъ въ руки поданный мнѣ листъ, на которомъ были записаны имена всѣхъ рабочихъ съ обозначеніемъ годовой платы и полученныхъ рабочими денегъ. Всѣхъ годовыхъ было пять, изъ которыхъ четверо получили по 25 р. сер. въ годъ и только одинъ красивый малый Иванъ, какъ значилось, получалъ 30 р.—„Вы получаете по 25 р. въ годъ? спросилъ я."—„Точно такъ, батюшка."—„А ты, Иванъ, 30 р?"—„Такъ точно-съ."—Умывальникъ между тѣмъ дѣлалъ свое дѣло. Глѣбъ таинственно подошелъ ко мнѣ шепнуть:—„водки осталось, не прикажете ли по получашечкѣ еще?"—„Пожалуй."—Всѣ поблагодарили, и аудіенція кончилась. Я отдалъ приказаніе касательно работъ слѣдующаго дня и совершенно покойный отправился читать на сонъ грядущій. Каково же было мое удивленіе, когда на другой день Глѣбъ объявилъ мнѣ, что у насъ не благополучно.—„Что такое?"—„Да рабочіе не хотятъ идти на работу и говорятъ, что не будутъ жить."—„Почему?"—„Да они какъ узнали, что Ванька получалъ 30 р., а они только по 25, такъ обижаются."—Я обратился къ прежнему владѣльцу съ просьбой разрѣшить мнѣ эту чепуху. Вѣдь это вольный трудъ. Никто никого не принуждалъ наниматься на годъ за извѣстную плату. Что же тутъ обиднаго, что другой получаетъ болѣе меня изъ той же экономіи? Воображаю какъ бы изумился редакторъ журнала, еслибы, взявъ бо́льшую часть денегъ за статью, авторъ отказывалъ ему въ рукописи только потому, что узналъ наканунѣ о двойной цѣнѣ платимой редакціей другому. Подобнаго человѣка даже не назвали бы безчестнымъ, а просто помѣшаннымъ. Сказать въ ихъ оправданіе, что они договаривались съ однимъ лицомъ, а имѣютъ дѣло съ другимъ—нельзя. Вопервыхъ имъ плата за работу, а не за личныя отношенія, вовторыхъ они сами это сознаютъ и не дѣлаютъ различія между нанимающими, а только требуютъ высшей противъ условія платы, потому что одинъ по какимъ-либо соображеніямъ получаетъ такую.—„Вы сдѣлали, сказалъ мнѣ продавецъ, вчера большую ошибку, объявивъ цѣну Ивана.

Мужикамъ ничего не надо объявлять подобнаго, теперь ихъ самъ чортъ не уломаетъ.“—Я подумалъ, что чорта искать далеко, а уломалъ бы становой живущій за 25 верстъ, да вѣдь мнѣ надо пріучать, а не отучать отъ себя рабочихъ. И что̀ за радость начинать дѣло судебнымъ разбирательствомъ, тратить и такъ уже почти упущенное время, разсылать лошадей и людей, и подъ конецъ, хотя бы дѣло и рѣшилось въ мою пользу, три мѣсяца возиться съ людьми, недовольными?—„Что̀ же вы мнѣ посовѣтуете дѣлать?“ спросилъ я.—„Да я имъ скажу, что вы по разчету отъ себя набавляете помѣсячно противъ Ивана. Это выйдетъ коп. 40 въ мѣсяцъ. Всего какихъ-нибудь 5 р. до заговинъ.“ Въ сравненіи съ предстоящими издержками, 5 р. дѣйствительно ничего не значили, но дѣло не въ нихъ, а въ томъ, что почва уже зыблется подъ ногами. Если поваръ, кучеръ, и т. п. вздумаютъ пускаться въ такую логику, то я еще могу какъ-нибудь замѣнить ихъ на время. Все-таки это аксессуаръ. А вольнонаемный земледѣльческій трудъ безъ рабочихъ въ послѣднее рабочее время—это страшный дефицитъ на цѣлый годъ. Я воспользовался даннымъ мнѣ совѣтомъ и скрѣпя сердце, противъ принципа, прибавилъ по 1 р. 20 к. на человѣка. Дѣло пошло мирно.

III. Необходимое устройство.

Раздѣливъ, пока только въ умѣ, свою запашку на 4 клина по 40 десятинъ въ полѣ, я разчелъ, что полагая по 5 десятинъ на рабочаго, мнѣ надо имѣть 8 рабочихъ и 16 рабочихъ лошадей (крѣпостные рабочіе, если взять въ соображеніе господскую запашку и ихъ собственный надѣлъ, обрабатывали въ нашихъ мѣстахъ гораздо большее количество земли). Прибавьте къ этому заводчиковъ, жеребятъ и подростковъ, всего будетъ 25 или 30 лошадей, да 8 или 10 штукъ рогатаго скота, всего штукъ 40. Это уже послѣднее minimum, такъ какъ вольный земледѣльческій (не буду употреблять болѣе послѣдняго эпитета, потому что только о немъ и говорю) трудъ только и можетъ разчитывать на возможно-улучшенный и высшій способъ хозяйства.

Возможнымъ я буду называть экономически, а не матеріяльно возможный способъ. Алюминій химически и матеріально очень возможенъ. Изъ него продаютъ бездѣлки. Но экономически онъ пока не возможенъ; овчинка не стóитъ выдѣлки. Не забираясь на особенную высоту и отбросивъ четвертое поле, мы имѣемъ въ трехъ клинахъ по 40 десятинъ, всего 120 десятинъ. Порядочный хозяинъ при крѣпостныхъ рабочихъ обходилъ свои поля удобреніемъ въ десять лѣтъ. Высота не чрезмѣрная, но мнѣ приходится добиваться возможности удобрять по этому разчету 10 десятинъ, что̀, принимая самое умѣренное удобреніе по 360 возовъ на казенную десятину, составитъ 3.600 возовъ. Я засталъ у моего предшественника штукъ 50 скота, и результатъ—удобрена всего одна десятина. Старый Глѣбъ зналъ все прежнее хозяйство какъ свое, и чуть ли не помогалъ прежнимъ хозяевамъ.—„Помилуй, Глѣбъ, спросилъ я, да гдѣ же вашъ навозъ?“—„Да вотъ, сударь, туда да сюда, да и весь тутъ.“—„Куда же туда да сюда?“ „Да вотъ на эту десятину.“—(Замѣтьте около самаго скотнаго двора.)—„Какже отъ пятидесяти штукъ скота только одна десятина?“—„Да помилуйте, скотину-то, нельзя сказать, чтобы зимой кормили, а бѣдствовали не приведи Богъ. Силы нѣтъ самому засѣять и ужать; все исполу, да исполу, все равно какъ и въ нынѣшнемъ году, какъ вамъ извѣстно. Стало-быть, и хлѣба-то только наполовину съ грѣхомъ пополамъ. Риги нѣтъ, молотильнаго сарая тоже, а вьюга по недѣлямъ не дастъ молотить; вотъ и кормили снопами, да колодезь не глубокій, и въ низкомъ мѣстѣ, и промерзаетъ и засыпаетъ его снѣгомъ; такъ, бывало, руки въ кровь обдираютъ докапываются до воды: скотина по два дня стояла не пивши; вотъ весной ее за хвосты и подымали.“—„Положимъ, что ржи мало, и на этотъ годъ мы приняли съ тобой всего триста копенъ. Вы и въ нынѣшнемъ все исполу да исполу; но отчего же у васъ въ этомъ-то году свой овесъ и гречиха изъ рукъ вонъ плохи, а кругомъ порядочныя?“—„Да тоже не управка-съ. Въ прошлую осень подъ яровое поднять не успѣли, а весной кое-какъ по непаханному раскидали сѣмена, да и запахали, вотъ оно и пропало.“

Картина разлагающагося хозяйства можетъ ли быть еще полнѣе? Остается только одна ступень ниже: не засѣ-

вать полей и уморить скотъ съ голоду. Не забудьте, что предшественникъ мой—человѣкъ въ десять разъ практичнѣе меня и выросшій на полевомъ хозяйствѣ. Но вотъ что̀ надѣлало новое хозяйство безъ значительнаго капитала для обзаведенія и оборота. И на какой почвѣ? На первѣйшей, можно сказать, въ мірѣ! Сообразивъ эти печальные факты съ настоящимъ моимъ положеніемъ, я отбросилъ всѣ научныя требованія насчетъ количества скота по отношенію къ количеству земли. Тутъ уже не въ томъ дѣло, много ли скота, а какъ бы не потерять того, который есть. Вѣдь и мнѣ предстоитъ такая же зима и тѣ же 300 копенъ ржи, 100 копенъ овса, да 50 копенъ пустой гречихи, которая много что дастъ всего 6 или 8 четвертей,—а мнѣ ихъ на посѣвъ и кашу надо, по крайней мѣрѣ, 40 четвертей,—тотъ же овинъ, въ три копны, безъ молотильнаго сарая, и тотъ же колодезь, который придется разрывать окровавленными руками полтораста разъ, а рабочаго времени остается не болѣе двухъ мѣсяцевъ. Что̀ же необходимо сдѣлать для избѣжанія бѣдствій и, пожалуй, драматическихъ катастрофъ? Вопервыхъ, нужна контора для прикащика и помѣщеніе для моей личной прислуги, которая должна же когда-нибудь явиться; вовторыхъ, молотильный сарай съ кузовомъ для будущихъ молотильной и вѣяльной машинъ; втретьихъ, ледникъ, безъ котораго, не говорю уже о моей кухнѣ, рабочіе должны оставаться все будущее лѣто безъ мясной пищи. Ледникъ надо набивать льдомъ, а гдѣ онъ? Стало-быть, вчетвертыхъ, надо прудъ, а при разбивкѣ молодаго сада, требующей поливки, и другой въ саду, да впятыхъ, надо сейчасъ же садъ и усадьбу окопать рвами и обсадить ракитникомъ; по разчету выходитъ, верста канавы. Вшестыхъ, нуженъ погребъ для рабочихъ и картофельная яма. Ко всему этому надо, по разчету времени, приступить не только сію же минуту, но еслибы возможно было—вчера.

Семейство продавца, наконецъ, уѣхало въ городъ, оставивъ мнѣ, разумѣется за деньги, кое-какую мебель, и ко мнѣ пріѣхалъ мой слуга. Возвращаясь верхомъ отъ Ш., вижу ежедневно на моемъ лугу стада свиней, которыя взрываютъ и портятъ его не милосердо. Вольное хозяйство безъ травосѣянія не возможно. Поэтому въ моемъ хозяйствѣ нѣтъ и не будетъ свиней, а это свиньи сосѣднихъ крестьянъ и дворниковъ. Еще до травосѣянія далеко: не истребляйте

хотя того что̀ посѣяно природой! Надо отрывать людей отъ необходимыхъ работъ и загонять свиней. Являются хозяева съ плачемъ и лживыми клятвами но назавтра; тѣ же свиньи въ саду, въ огородѣ, по лугамъ, та же гонка за ними и та же потеря времени, а луга испорчены.

Однажды вернувшись отъ Ш., вижу, полы въ домѣ отвратительно мокры.—„Или тутъ мыли полы?“ спрашиваю я слугу.—„Помилуйте-съ, это сильный дождь шелъ, такъ сквозь поголокъ какъ сквозь рѣшето льетъ; вѣдь потолки не насыпаны.“ Все это мило, подумалъ я, но вѣдь мнѣ уѣхать отсюда нельзя, не устроивъ необходимаго. Глѣбу впору будить рабочихъ, а гдѣ же ему распорядиться такимъ сложнымъ дѣломъ, какое предстоитъ намъ. И безъ того на вопросы мои, отчего не допахали, онъ, вздернувъ слезливо носъ, отвѣчаетъ: „Мочи моей нѣтъ, не слушаютъ. Просишь, просишь: ребятушки! время запрягать, а они норовятъ за хлѣбъ, а не то за трубку.“ Однако потолки-то надо обить войлоками да насыпать возовъ сорокъ золы; безъ этого тугъ не проживешь до декабря. Строиться въ городѣ и въ степи, двѣ вещи совершенно разныя. Тамъ спеціалистъ вамъ скажетъ что̀ дѣлать, а подрядчикъ за деньги дастъ рабочихъ. Здѣсь придумай самъ; ошибся—самъ плати за ошибку, въ которую тебя, изъ-за какихъ-нибудь личныхъ разчетовъ, втягиваетъ рабочій; да прежде чѣмъ нанять, скачи во всѣ стороны отыскивать спеціяльныхъ рабочихъ, которыхъ часто во всей округѣ нѣтъ.

На мое счастье неожиданно явился подрядчикъ копачъ, безсрочный солдатъ, Михайло, по наружности расторопный и честный. Но какъ судить по одной наружности?—„Есть у тебя видъ?“—„Могу достать у командира гарнизоннаго батальйона.“—„Доставай и приходи; безъ вида не возьму.“ Мы осмотрѣли мѣстность прудовъ, изъ которыхъ одинъ приходилось рыть въ сажень глубины, а другой только въ поларшина. Условились, по дорогой по здѣшнему цѣнѣ, по 1 руб. съ кубической сажени. „Сколько же ты поставишь рабочихъ?“—„Человѣкъ двѣнадцать.“—„Стало быть и тачекъ тебѣ надо столько же?“—„Точно такъ.“—„А сколько досокъ?“—„Штукъ сорокъ.“—„Хорошо, ступай, да приходи поскорѣй, не то не успѣешь вырыть прудовъ и канавъ.“—„Помилуй Богъ, ваше высокоблагородіе, какъ не успѣть! Только у жь

явите божескую милость, не передавайте никому другому работы.“—„Зачѣмъ же я стану передавать, если ты ее самъ сдѣлаешь? Вѣдь мнѣ все равно, кто бы ни сдѣлалъ.“—„Ну, на этомъ покорнѣйше благодаримъ.“ Что касается до небольшихъ построекъ, и тутъ уже не ладилось. Къ моему счастію и превеликому горю всей округи, начиная отъ 12-ти и даже до двухъ верстъ, сводятъ съ неистовствомъ послѣдніе одинокіе лѣски. Разумѣется, свой я берегу, какъ зеницу ока, а то лѣтомъ придется сгорѣть на солнцѣ. Срубы я купилъ сходно; нанялъ плотниковъ и подрядилъ подводы. Разумѣется, послѣднее страшно дорого. И камень на ледникъ нашелся за семь верстъ по 4 р. за сажень, да перевозка столько же. Класть печи и ледникъ и исполнить всю каменную работу взялся Василій, красивый, зажиточный, сметливый и въ высшей степени плутоватый мужикъ изъ имѣнія Ш. Онъ занимается всѣмъ и всюду поспѣваетъ. Каменную и штукатурную работу хоть во дворецъ, бьетъ конопляное масло въ большомъ количествѣ, выдѣлываетъ кожи, ѣздитъ въ извозы; словомъ, на всѣ руки, но имѣть съ нимъ дѣло—пытка. Никакая логика не можетъ вытащить его на предварительную смѣту или условіе. Явился и Михайло копачъ, и къ нему стала подходить артель. Давай достокъ, матеріялу на тачки и чугунныхъ колесъ.

Но главнымъ камнемъ преткновенія явился левіаѳанъ—молотильный сарай. На него одной соломы, не говоря о рѣшетникѣ и хворостѣ нужно возовъ 200, а у меня на все продовольствіе дай Богъ 200. Соломы въ прошломъ году родилось мало; я прицѣнялся, и съ меня крестьяне просили рубль серебромъ за возъ. Рубить и строить новый такой сарай не успѣешь. Положимъ съ соломой матеріялу въ немъ на 300 р. сер.; да надо подъ него 300 подводъ, а подвода стоитъ 30 к. сер.; да наемъ плотниковъ. Слѣдовательно не успѣешь, и страшно дорого. При ежедневныхъ свиданіяхъ съ Ш. я жаловался ему на невозможность поспѣть съ молотильнымъ сараемъ.—„Купи у меня, замѣтилъ мнѣ Ш. Мнѣ надо молотить, а сарай мой мнѣ малъ. На хуторѣ (версты за двѣ отъ его усадьбы) у меня есть сарай побольше, такъ я сдѣлаю вотъ что. Въ томъ, который ты купишь, молотить будутъ до тѣхъ пока хуторскій не надѣнутъ на него какъ чахолъ, а тогда я велю твой вынуть и отвезть къ

тебѣ, поставить и покрыть. Когда мой будетъ готовъ—твой поставятъ въ недѣлю. А то мой теперешній пропадетъ даромъ, и его растаскаютъ на дрова.“ Мы сошлись въ цѣнѣ, и я поуспокоился.

IV. Осеннія хлопоты.

Посреди всевозможныхъ хлопотъ, августъ и сентябрь промчались незамѣтно. Озими взошли прекрасныя, но отъ свиней и лошадей отбою нѣтъ. Я пожаловался становому, и тотъ объявилъ, что если я буду добродушничать, отдавая загнанный скотъ, то никогда не отобьюсь отъ него. Камень привезенъ, яма для ледника выкопана въ четыре аршина глубины, и артистъ Василій поставилъ брата своего класть стѣны. Когда рыли ледникъ, уже на двухаршинной глубинѣ показалась вода, но въ ясную погоду онъ высохъ совершенно. Тѣмъ не менѣе я замѣтилъ Василію, что онъ стѣны кладетъ безъ бута. „Помилуйте-съ, да развѣ намъ въ первой! Я головой отвѣчаю что ему ничего не сдѣлается. Все равно: стѣны становятся на материкъ, и бутъ станетъ на материкъ“. Я къ несчастію дозволилъ себя убѣдить, и имѣлъ потомъ причину горько въ этомъ раскаиваться. Плотникъ подрядчикъ нашелся и перевезть и поставить контору; но людей у него мало. Надо поспѣшать, да готовить срубъ на ледникъ. Поэтому я нанялъ еще плотниковъ помѣсячно, по совѣту подрядчика, и отдалъ ихъ ему подъ присмотръ. Возка лѣсу, работа въ саду, щепа и мусоръ на дворѣ, не нужныя канавы, которыя надо засыпать,—необходимо взять поденщиковъ. Глѣбъ говоритъ, что у нихъ на Неручи много. Явились и поденщики: 1 р. 30 к. въ недѣлю, 5 р. 20 к. въ мѣсяцъ. Дорого, но дѣлать нечего, лишь бы работы подвигались. Посреди рабочихъ торчитъ если не подрядчикъ, по крайней мѣрѣ колоновожатый Алексѣй съ вострымъ носомъ и физіономіей коростеля. „Ужь мы для васъ постараемся, равно для себя. Вотъ и Глѣбъ Михайлычъ про насъ извѣстны“. Хомутовъ и телѣгъ немного, надо будетъ зимой все это завести и хорошо, и вдоволь. А между тѣмъ при возкѣ лѣсу всякій день то клеща пополамъ, то

ось, то колесо. Мужикъ видно не свое ломаетъ, а мое. Ну, да дѣлать нечего, надо какъ-нибудь вертѣться. Глѣбъ все болѣе и болѣе жалуется на непослушаніе рабочихъ. Двѣ сохи давно не допахиваютъ десятины (на моихъ перемѣнныхъ лошадяхъ). Наконецъ нѣкоторые безъ спросу прямо съ поля уходятъ на ночь домой за семь верстъ, бросая лошадь и соху на руки товарища, который и свою-то не уберетъ какъ должно, а ушедшій придетъ завтра утромъ уже на поле и приметъ свою лошадь готовою изъ рукъ товарища, который терялъ время на запряжку двухъ сохъ. Независимо отъ убытка, что̀ за безпорядокъ и какова наглость! Если нужно, спросись и ступай, а то каковъ примѣръ? Будто это вольный трудъ? Это воровское безначаліе. Однако этого терпѣть нельзя, и я выѣхалъ утромъ въ поле, гдѣ нашелъ лошадь и соху Андрона безъ пахаря. —„Гдѣ Андронъ?“ спросилъ я остальныхъ.— „Онъ сейчасъ придетъ.“—„Я не спрашиваю, скоро ли онъ придетъ а гдѣ онъ?“—„Дошелъ до дому.“—„Хорошо.“ Я поѣхалъ осматривать пашню, довольно мелкую и съ огрѣхами (непропаханными кусками). У помѣщиковъ-хозяевъ не допускалась даже мысль объ огрѣхахъ, за которые съ виновныхъ взыскивалось строго. Но тамъ можно было взять во вниманіе, что пахарь бережетъ собственную лошадь, а тутъ—ужь не мою ли, которую онъ бросаетъ безъ призору и уходитъ домой? Явился и Андронъ. На этотъ разъ, я объявилъ ему, что если подобная выходка повторится, я не пожалѣю послать за становымъ, хоть придется цѣлыхъ пятьдесятъ верстъ сдѣлать, и буду просить о примѣрно-строгомъ взысканіи. На рвахъ, гдѣ вырываютъ ракитникъ, чтобы засыпать и сравнять канаву, я увидѣлъ подещика Алексѣя ,съ грязною тряпкой на глазу. — „Что̀ это у тебя?“ —„Да застегнулъ ракитникомъ глазъ.“—„Давно ли?“—„Третьяго дня“.—„Чтожь ты мнѣ ничего не сказалъ?“— „Да думалъ авось ничего.“—„Въ обѣдъ приходи ко мнѣ.“ Въ двѣнадцать часовъ явился Алексѣй.— „Сними тряпку.“ Глазъ очень красенъ и воспаленъ и на зрачкѣ начинаетъ образоваться бѣльмо. Человѣкъ можетъ окривѣть и непремѣнно окривѣетъ, если не помочь ему.—„Сегодня ѣдутъ въ Орелъ, и ты поѣзжай. Вотъ тебѣ записка къ инспектору врачебной управы, а между тѣмъ вотъ чистыя тряпки и капли.“ Я вспомнилъ, что въ полку, на пыльныхъ степныхъ манев-

рахъ, я и себѣ и солдатамъ не рѣдко лѣчилъ глаза свѣжею водой, въ которую вливалъ нѣсколько капель одеколону. Въ Орлѣ, я просилъ пріятеля и соученика доктора осмотрѣть паціента и прописать что нужно. Прописали мушку за ухо и какія-то капли. На третій день посланный вернулся съ Алексѣемъ и привезли лѣкарства, разумѣется, на мой счетъ. Я простригъ больному затылокъ, налѣпилъ мушку и показалъ употребленіе капель. Черезъ три дня онъ былъ на работѣ, съ яснымъ и здоровымъ глазомъ, а черезъ два дня затѣмъ явился Глѣбъ, съ восклицаніями:—„Какъ вамъ угодно, сударь! Или вы меня извольте отпустить или Алешку прогоните.“ Я сталъ ему говорить что пора на работу, вѣдь они эва какую цѣну лупятъ! а онъ меня всячески изсрамилъ при всѣхъ и говоритъ: я тебя прежде боялся, а теперь я тебя знать не хочу и живу здѣсь только изъ-за денегъ.“ Какова логика? Какъ будто онъ дѣлаетъ одолженіе, что беретъ даромъ деньги? Въ настоящую минуту когда я уже обстрѣлянъ достаточно, я бы ограничился простымъ актомъ изгнанія нелѣпаго поденщика. Это не годовой рабочій, я съ нимъ ни чѣмъ не связанъ, а всѣхъ дураковъ учить ни времени, ни охоты не достанетъ. Но тогда этотъ фактъ меня возмутилъ. Третьяго дня я его вылѣчилъ на свои деньги и можно сказать своими руками, а сегодня онъ готовъ на всѣ гадости! Мнѣ удалось усовѣстить Алексѣя, и съ этого дня онъ, во всю осень, изо всѣхъ поденщиковъ сталъ отличаться кротостію и трудолюбіемъ; послѣ онъ умолялъ дать ему весной работу. Но вотъ годовой рабочій Иванъ, яблоко раздора въ первый день между рабочими, румяный и здоровый малый, получавшій больше всѣхъ годоваго жалованья, объявляетъ что не будетъ доживать до срока.—„Какъ же ты это не хочешь?“ „А если жь я боленъ и не могу работать?“ (Я узналъ, что его переманиваютъ въ городъ въ дворники, гдѣ онъ и по сей день.) Денегъ за нимъ не было, и я отпустилъ его, избѣгая жалобъ, хлопотъ и проч. Но какъ подрывается принципъ? Куда теперь! Въ страшныхъ хлопотахъ не до принциповъ, лишь бы довести дѣло до новой наемки. Однако, при этомъ обстоятельствѣ, я началъ смутно понимать, что это не вольный трудъ, а что-то не то.

Контора моя воздвигается; за то срубъ ледника мало подается впередъ. Яковъ рядчикъ очень просто разчелъ, что

ему выгоднѣй отпустить своихъ рабочихъ и взять отъ ледника моихъ. Такимъ образомъ онъ за контору получилъ деньги огульно по подряду и дѣлаетъ дѣло на мой счетъ.—„Что жь, Яковъ, гдѣ жь твои рабочіе?“—„Да вотъ разошлись по дворамъ молотить, а какъ мы контору-то кончимъ, я вашей милости поставлю народъ на ледникъ.“—„Мы опоздаемъ.“—„Помилуй Богъ! съ чего?“ Разумѣется и опоздали, и я заплатилъ вдвое. Гдѣ же разбирать, чей рабочій клалъ то или другое бревно?

Михайло копачъ съ своею артелью пыхтитъ, а дѣло подвигается туго. Большаго пруда вырыта половина, а за маленькій и не принимались. Утромъ, у крыльца, мнѣ попались два приземистые мужика, съ пушистыми свѣтло-русыми бородами на подобіе вѣера.—„Что вы?“—„Копачи. Слышали что работка есть.“—„Есть да отдана вся.“—„Видѣли, батюшка, да вѣдь они не управятся.“—„Я и самъ такъ думаю. Да какъ же быть?“—„А пусть ихъ работаютъ свое, а мы въ саду прудъ возьмемся копать.“—„Для меня все равно кому деньги платить. Я ни харчей, ничего не знаю и плачу 1 рубль съ кубика (кубическая сажень).“—„Вѣстимо. Что жь? мы съ удовольствіемъ.“—„Да вѣдь надо же мнѣ переговорить съ Михайломъ, а то пожалуй обидится.“ — „А что съ ними говорить коли они не управляются.“—„Да ты по себѣ посуди. Я найму тебя теперь на прудъ, ты начнешь рыть, а я другому сдамъ дальше. Хорошо ли это будетъ?“—„Вѣстимо. Какое жь хорошо?“—„Такъ надо съ Михайлой столковаться.“—„А что жь съ нимъ столковываться?“ И посмотрите на этого копача. Сейчасъ видно, человѣкъ бывалый и себѣ на умѣ. Что же выражаютъ его слова? Простоту, возлюбленную косность или безнравственное презрѣніе къ чужимъ правамъ? Разумѣется, Михайло и просилъ, и умолялъ оставить за нимъ работу, которой онъ очевидно не въ силахъ былъ одолѣть. А когда Юхновецъ соглашался добровольно скинуть съ кубика по 20 к., то-есть стать по 80 к., Михайло сталъ доказывать, что на садовомъ пруду *климатъ* (почва) другой, и что только имѣя въ виду такой легкій, торфяной *климатъ*, онъ сталъ на болѣе глубокій глинистый. Какъ я ни старался доказать ему, что онъ не управится, Михайло стоялъ на своемъ. Бранилъ новаго рядчика, валялся въ ногахъ, плакалъ, словомъ мука да и только. Дѣло кончилось бы тѣмъ, что я остался бы безъ пруда, но хит-

рый Юхновецъ все уладилъ, уступивъ изъ рядной суммы, то-есть изъ 1 р. съ кубика 20 к. въ пользу Михайлы. Я ничего не терялъ, а выигрывалъ—вѣроятность имѣть два пруда вмѣсто одного. Мы такъ дѣло и порѣшили, и оба Юхновца стали рыть замокъ подъ плотину. Я объявилъ имъ, что деньги будутъ выдаваться по мѣрѣ вырытаго количества земли, а задатку я не дамъ ни копѣйки. Это имъ не понравилось, потому что чрезъ день или два они поджидали артель, которой надо поприготовить харчей.—„Да пожалуйте хоть рубля три.“—„Ни копѣйки: что выроешь, за то и получишь.“ Дѣлать нечего; они пошли ни съ чѣмъ. Рано утромъ на другой день я увидалъ ихъ вдвоемъ на мѣстѣ, размѣченномъ мной подъ плотину. Широкія и острыя лопаты ловко и, повидимому, легко отрѣзывали слой за слоемъ и выкидывали землю. Я подумалъ, не даромъ Юхновцы слывутъ за первыхъ землекоповъ. Вечеромъ того же дня, человѣкъ доложилъ о приходѣ Юхновца.—„Что тебѣ надо?“—„Да пожалуйте, ваше благородіе, хоть рублика четыре.“—„Я тебѣ сказалъ, не дамъ ни копѣйки кромѣ того что будетъ слѣдовать за работу.“—„Да мы кубика четыре должно-быть выкидали вдвоемъ.“—„Что ты врешь, братецъ, вздоръ!“—„Потрудитесь примѣрить.“ Я пошелъ съ увѣренностію снова натknуться на обычную ложь; но каково же было мое удивленіе, когда полутора аршинной въ глубину и саженной въ ширину канавы оказалось ровно восемь сажень? Предоставляю спеціалистамъ рѣшить въ какой мѣрѣ баснословно-громадна эта работа. Положимъ, что, какъ говорилъ Михайло, тутъ климатъ другой, но его же работники и даже самые досужіе, выкидывали не многимъ болѣе полукубика въ день. Слѣдовательно, каждый изъ двухъ Юхновцевъ сработалъ чуть не вчетверо противъ обыкновеннаго работника. Это дѣйствительно орлиный трудъ и чисто-вольнонаемный со всѣми своими преимуществами передъ невольнымъ, обязательнымъ. Такой трудъ, гдѣ рабочій напрягаетъ свои силы чисто и единственно для себя, есть идеалъ вольнаго труда, идеалъ естественнаго отношенія человѣка къ труду. Но какъ достигнуть обществу этого идеала? вотъ вопросъ, который не такъ легко разрѣшить. Далѣе мы быть-можетъ увидимъ, что трудъ вольнаго рабочаго никакъ не подходитъ подъ эту категорію и нисколько не заслуживаетъ имени вольнаго, хотя за неимѣніемъ другаго выраженія, мы

его такъ и называемъ. Между тѣмъ и другимъ трудомъ, и по сущности и по результатамъ, бездна.

Возвращаюсь къ простому разказу. Молотильный сарай Ш. окончен и, слава Богу, можно разбирать проданный мнѣ. Земля, того гляди, застынетъ, и тогда плохо будетъ становить его у меня. Но это, по условію, не моя забота, а я долженъ припасти хворостъ и рѣшетникъ. Забота тоже не малая и при моихъ рабочихъ силахъ—трудъ гигантскій. До сихъ поръ не могу понять, какъ я съ нимъ управился: правда, у меня были поденщики, но изъ пяти годовыхъ осталось за выбытіемъ Ивана четыре, которымъ пришлось всю осень подымать подъ яровое, и поднято такимъ образомъ 33 десятины. Пахали до тѣхъ поръ пока сошники воткнулись въ мерзлую землю. Недѣли за двѣ до сроку, Карпъ крестьянинъ барона Т., племянникъ Гаврилы, крупно разговаривавшаго во время пріемки съ моимъ предшественникомъ, пришелъ изъявить мнѣ свое сожалѣніе о томъ, что его требуютъ въ тягло и не даютъ дожить у меня. Я былъ доволенъ Карпомъ какъ усерднымъ и ловкимъ малымъ, но требовать его изъ барской экономіи значило заводить тяжбу изъ-за двухъ недѣль. Я зналъ, что его требуетъ не экономія, а негодяй Гаврило, которому лѣнь была дотянуть тягло. Восклицать о нелѣпой несправедливости подобныхъ выходокъ считаю излишнимъ. Я отдѣлилъ въ моемъ сужденіи негодяя Гаврилу отъ исправнаго Карпа, вычелъ у него за недожитыя двѣ недѣли по разчету 70 к. и далъ ему отъ себя сверхъ причетовъ 50 к. сереб. Читатель вѣроятно уже замѣтилъ мое стремленіе держаться середины, не допускать самоволія, разрушающаго корень производства, и не забывать знаменитаго изреченія: „преступникъ прежде всего плохой счетчикъ“, замѣнивъ въ моемъ положеніи слово: преступникъ, словами: несговорчивый, придирчивый, тяжелый хозяинъ. Какъ пролавировалъ я между этими Сциллой и Харибдой, предоставляю на судъ читателя. Замѣчу только, что лавировать между двумя помянутыми принципами труднѣй чѣмъ между гомеровскими чудовищами. Сцилла и Харибда равно гибельны, но непротивоположны, какъ крайности помянутыхъ принциповъ.

Молотильный сарай перезенъ и поставленъ Ш. съ необычайною быстротой. Я наконецъ успѣлъ его размѣстить.

Остается накрыть и это по условію долженъ сдѣлать Ш. Я не перестаю ему напоминать объ этомъ.—„Накрою.“—„Но вѣдь это легче сказать чѣмъ исполнить. Наступили заморозы и сарай раскрытъ.“ Ш. какъ-то пріѣхалъ завтракать. За рюмкой портвейну я напомнилъ ему о соломѣ.—„Везутъ. Сейчасъ будутъ, я ихъ обогналъ.“—„Да когда же перезутъ 200 или 300 копенъ. Помилуй, стынетъ. Кто же кроетъ зимой? Когда же перевезутъ всю солому?“—„Сегодня.“—„Вотъ посмотри въ окно, уже везутъ.“ Дѣйствительно по дорогѣ къ моему хутору тянулась длинная вереница подводъ. Рядомъ съ первымъ возомъ ѣхалъ мужикъ верхомъ, съ послѣднимъ тоже.—„Кто эти люди?“ спросилъ я.—„Старосты двухъ барщинъ. Нельзя себѣ представить болѣе стройную картину сельскаго труда. Лошади у всѣхъ мужиковъ исправныя, а у многихъ превосходной породы, отъ господскихъ лошадей. Я насчиталъ сто подводъ, и вся эта сильная стройная вереница потянулась къ сараю. Кто не понимаетъ наслажденія стройностью, въ чемъ бы она ни проявлялась, въ движеніяхъ хорошо выдержаннаго и обученнаго войска, въ совокупныхъ ли усиліяхъ бурлаковъ, тянущихъ бичеву подъ разчитанно-однообразные звуки „ивушки“, тотъ не пойметъ и значенія Амфіона, создавшаго Ѳивы звуками лиры. Такъ по этому вы видите идеалъ въ этомъ крѣпостномъ обозѣ, и вы противъ эманципаціи? Всѣ мы ужасно прытки на подобныя заключенія. Но воевать съ мельницами и скучно и некогда, а на вопросъ, вижу ли я въ этомъ обозѣ идеалъ, отвѣчу прямо—и да и нѣтъ. Въ принципѣ нѣтъ, въ результатѣ—да. Это заведенный порядокъ, старинный порядокъ, которому надо подражать, несмотря на измѣнившіяся условія. Я не хочу ни подъ какимъ видомъ быть Китайцемъ, а если заведу фарфоровую фабрику, хочу, чтобъ у меня также искусно дѣлали фарфоръ, какъ у Китайцевъ. Какъ будто званіе Европейца возлагаетъ на меня обязанность дѣлать все зря, нелѣпо и негодно? Я этому никогда не повѣрю. Напротивъ, каждому легко убѣдится, что со вступленіемъ Россіи въ новый періодъ дѣятельности завѣтныя слова, *авось*, да *небось*, да *какъ-нибудь*, должны совершенно выйдти изъ употребленія и остаться въ однихъ лексиконахъ съ *понеже*, *поелику* и т. п. Только надъ этимъ надобно много еще поработать, а барщина Ш.—стройный результатъ прежняго по-

рядка. При вольномъ трудѣ, стройность еще впереди Прежде трудъ цѣнился мало; теперь онъ стоитъ высоко въ цѣнѣ и все болѣе и болѣе становящіяся на его мѣсто машины не терпятъ малѣйшаго невниманія, не только нерадѣнія. Лошадь, не кормленная два дня, *авось* дотащится, а машина несмазанная и несвинченная навѣрное не будетъ работать. Кромѣ того, машина, этотъ плодъ глубоко обдуманныхъ и стройныхъ производствъ прилежнаго Запада, есть наилучшій и неумолимый регуляторъ труда. Машина не требуетъ порывистыхъ усилій со стороны прислуживающаго при ней человѣка. Она требуетъ усилій равномѣрныхъ, но за то постоянныхъ. Пока она идетъ, нельзя стоять опершись на вилу или лопату и полчаса перебраниваться съ бабой. Отгребаешь солому, такъ отгребай точно также въ двадцатую четверть часа, какъ и въ первую, а не то она тебя засыплетъ. Это качество машинъ, съ непривычки, пока очень не нравится нашему крестьянину. Не богатый землевладѣлецъ Г. поставилъ молотилку и нанялъ молотниковъ. Машина такъ весело и исправно молотила, что Г. приходилъ ежедневно самъ на молотьбу. Черезъ три дня рабочіе потребовали разчета. Г. сталъ добиваться причины неудовольствія, предполагая въ плохомъ содержаніи или тому подобномъ. Наконецъ, одинъ изъ рабочихъ проговорился. „Да что, батюшка, не въ моготу жить. Сами ходите подъ машину: ишь она, пусто ей будь, хоть бы запнулась.“

(Продолженіе слѣдуетъ.)

А. ФЕТЪ.

ПРОШЛОЕ ЛѢТО ВЪ ДЕРЕВНѢ [1]

IV. Первый день испытаній.

Принимаясь набрасывать эти замѣтки, я далъ себѣ слово не скрывать ни одного изъ своихъ непохвальныхъ ощущеній, не прикрашивать ни одной подробности. Только полнѣйшая искренность можетъ придать цѣну моему разказу, и я не стану отступать передъ нею, ни въ большихъ ни въ малыхъ случаяхъ.

Строго держась принятаго рѣшенія, я долженъ признаться, что мое первое пробужденіе у себя въ деревнѣ не могло назваться очень пріятнымъ. Напрасно въ окна мои несся ароматъ цвѣтовъ и сѣна, скошеннаго на садовыхъ лужайкахъ, напрасно кидалась мнѣ въ глаза свѣтлая обстановка веселой комнаты, гдѣ я всегда спалъ такъ покойно—лѣтней и деревенской радости на душѣ не было. Не было въ душѣ и того полнаго спокойствія, которое въ старую пору деревенской жизни, съ первыхъ ея дней, возстановляло весь мой организмъ, прогоняло прочь помыслы о хлопотахъ и буряхъ жизни. Я чувствовалъ себя обреченнымъ на какую-то тревогу. Мнѣ словно не дали доспать и меня, неготоваго къ работѣ, тянули на работу не шуточную. Ощущенія мои были сходны съ ощущеніями чиновника облѣнившагося на спокойномъ мѣстѣ, устыдившагося своей безполезности, напросившагося на важное порученіе и вдругъ испуганнаго

[1] См. Русскій Вѣстникъ, № 2.

мыслію о томъ, что кажется порученіе-то не по его способностямъ. Такъ какъ бо́льшая часть моихъ читателей или служили, или служатъ, или много слыхали про службу, то надѣюсь, что сравненіе для нихъ не окажется темнымъ.

Болѣе всего меня мучило и сокрушало отсутствіе всякаго плана для моего поведенія какъ землевладѣльца и помѣщика. Въ городѣ мнѣ все казалось такъ просто и гладко; здѣсь, при первомъ шагѣ къ практическому рѣшенію, я колебался постыднымъ образомъ. Поддержать ли усадебное хозяйство, бросить ли господскую запашку, что̀ дѣлать съ домомъ и садомъ, не перевести ли рабочія тягла на оброкъ и затѣмъ навсегда покинуть Петровское? Ни на одинъ изъ этихъ вопросовъ я не умѣлъ отвѣтить и признаюсь, горячо желалъ, чтобы какое-нибудь постороннее обстоятельство, помимо моей воли, обозначило передо мною общія черты будущей дѣятельности.

Къ счастію, оно вышло, или къ несчастію, но мнѣ не пришлось ждать долго; я пошелъ въ комнаты сестры и засталъ ее за чаемъ. Дѣти ея еще не вернулись съ купанья; Англичанка, не понимавшая ни слова по-русски, готовила для нихъ бутерброды. Послѣ первыхъ привѣтствій, сестра обратилась ко мнѣ съ такимъ вопросомъ:

— А ты вѣрно не знаешь, что изволилъ встревожить все Петровское?

Для сестры моей Петровское заключалось въ мызѣ съ принадлежностями и ея многочисленнымъ населеніемъ дворовыхъ. Садъ, скотный дворъ, птичникъ, все это она очень любила, но полевое хозяйство ее не занимало.

— Въ первый разъ слышу, что я способенъ кого-нибудь потревожить, отвѣчалъ я пожимая плечами.

— И еще какъ! Сегодня не успѣла я встать, какъ къ крыльцу пришли всѣ дворовые, en masse, съ дѣтьми, и даже столѣтнимъ Никономъ. Я вышла, и они стали умолять меня, чтобъ я ихъ не покинула и заступилась за нихъ передъ бариномъ. Кто-то проѣзжалъ съ желѣзной дороги и сказалъ имъ, что ты намѣренъ бросить мызу и распустить дворню. „Мы готовы работать лучше прежняго,“ говорили они, „у насъ и мысли не было въ чемъ-нибудь вамъ перечить; за что̀ же намъ покидать свой уголъ и шляться по міру?“ Само собой разумѣется, я дала и за себя и за тебя слово, что пока у насъ есть кусокъ хлѣба, мы не разста-

немся съ людьми столько лѣтъ служившими нашему семейству.

— Этого, признаюсь, я не ожидалъ вовсе, замѣтилъ я съ удивленіемъ.—Довольство идетъ нашимъ дворовымъ весьма обыкновенное...

— А дѣти, а привязанность къ мѣсту, а врожденная неохота къ перемѣнамъ? У садовника четверо ребятишекъ, у пастуха шестеро и больная жена: какъ имъ двинуться съ такою ордою? Да и мнѣ было бы горько не видать около себя стариковъ при которыхъ я родилась, лицъ къ которымъ я привыкла... Да и гдѣ, при теперешней безтолковицѣ, нанять хорошихъ людей для мызы?..

— Все это такъ, отвѣчалъ я, и самъ не зная отчего, почесалъ затылокъ,—но подумала ли ты, Вѣра, что своимъ рѣшеніемъ ты положительно связала и себѣ и мнѣ руки въ хозяйственномъ отношеніи? Удерживая дворовыхъ, ты удерживаешь усадьбу въ ея настоящемъ видѣ; нельзя же кормить двадцать пять человѣкъ купленнымъ хлѣбомъ, и оставлять ихъ въ праздности. Удерживая усадьбу, ты удерживаешь всю запашку и всѣ покосы, стало-быть оставляешь барщину на два лѣта, а потомъ дѣлаешь необходимымъ наемъ большаго числа вольныхъ рабочихъ.

— Все это очень дѣльно, возразила сестра, — только я увѣрена, и еще какъ! что будь все на твоей волѣ, у тебя не достало бы твердости прогнать самаго дряннаго изъ дворовыхъ.

— Оно, можетъ-быть, а все-таки слѣдовало бы обдумать, не торопиться рѣшеніемъ...

Но сестра видѣла меня насквозь.

— Не прикидывайся недовольнымъ, сказала она со смѣхомъ. — Ты первый радъ тому, что дѣло съ дворовыми опредѣлило твое будущее хозяйство. Ты ѣхалъ сюда и мучился, не зная что̀ предпринять и на что̀ рѣшиться.

И она была права: я чувствовалъ, что съ сердца свалилась большая тягость. Мнѣ была указана дорога, можетъ-быть кривая и трудная, но все лучше какая-нибудь дорога, нежели глухая степь при совершенномъ незнаніи мѣстности.

Дѣти прибѣжали, холодные и съ мокрыми волосами; я ихъ расцѣловалъ несравненно крѣпче нежели расцѣловалъ бы до вышеприведеннаго разговора. Потомъ я вышелъ изъ

дома, поздоровался съ дворней какая оказалась на лицо, извѣстилъ ее, что не намѣренъ никого ни прогонять, ни удерживать у себя, переговорилъ съ прикащикомъ и получилъ отъ него краткое удостовѣреніе въ томъ, что полевыя работы идутъ такъ скверно, какъ ни у кого изъ сосѣдей.

Прикащикъ мой, Михайло Степановъ, принадлежалъ къ числу людей довольно распорядительныхъ, но крайне негодныхъ на какое-нибудь дѣло, выходящее изъ рутины. Какъ всѣ бурмистры и прикащики на Руси, онъ былъ непоколебимымъ столпомъ крѣпостнаго права, и на *волю* глядѣлъ въ высшей степени враждебно. По его словамъ, крестьяне, кромѣ иныхъ стариковъ,. были мнѣ злыми супостатами, ему же, Михайлѣ, оказывали такъ мало послушанія, что онъ рѣшился бросить свою должность. „Что же, брось,“ отвѣчалъ я ему, и тѣмъ окончательно остановилъ потоки его краснорѣчія. Мой министръ только пугалъ меня угрозой отставки: догадавшись, что при сельскомъ старшинѣ и при вѣроятномъ уменьшеніи запашки для полевыхъ работъ будетъ довольно и старосты, онъ прекратилъ жалобы и пошелъ къ своему дѣлу.

Я прошелъ въ садъ, а изъ сада выбрался въ рощу раскинувшуюся по высокому холму подъ рѣчкою. Изъ этой рощи открывался видъ на сосѣднія деревни, лѣсъ, покосы, и что̀ главное, на господское паровое поле. Каменный скотный дворъ, изъ котораго въ настоящую пору вывозился навозъ на поле, стоялъ около рѣчки, въ весьма близкомъ отъ меня разстояніи. Сѣвъ подъ первымъ деревомъ на высокомъ мѣстѣ, я могъ не тревожа никого, наблюдать за ходомъ работы и такимъ образомъ провѣрять дѣйствительность только что принесенныхъ мнѣ жалобъ.

Не прошло нѣсколькихъ минутъ наблюденія, какъ я долженъ былъ сознаться, что работы на моемъ полѣ, безъ малѣйшаго сомнѣнія, идутъ такъ скверно какъ ни у кого изъ сосѣдей. Несмотря на позднюю пору и близость другихъ занятій, удобреніе было вывезено лишь на самое малое количество десятинъ, и то ближайшихъ (тогда какъ у насъ оно свозится прежде всего на десятины отдаленныя и стало-быть нуждающіяся въ немъ болѣе). Самый ходъ работъ раскрывался передо мною, какъ на ландкартѣ: маленькія кучки людей копошились на полѣ и у скотнаго двора, покуривая трубочки, присаживаясь на колѣняхъ и

немного шевелясь только послѣ усилій и увѣщаній Михайлы, который показывалъ большую дѣятельность, вѣроятно зная что самъ плантаторъ неподалеку. Но всего удивительнѣе и забавнѣе было глядѣть на крестьянъ уже сложившихъ свой возъ удобренія, и возвращавшихся къ скотному двору за новымъ грузомъ. Такъ и видно было, что эти люди, привыкшіе къ труду сильному и честному, просто не умѣли лѣниться, и если позволено будетъ неправильное выраженіе „лѣнились на свою голову.“ Солнце палило безъ жалости, дорога отъ поля къ скотному двору была гладка какъ шоссе около Царскаго Села: въ видахъ собственнаго интереса, рабочему слѣдовало бы пустить лошадь рысью, и добравшись до двора, пріять долгій отдыхъ подъ деревомъ или тѣнью стѣны, въ кружкѣ сосѣдей; но этотъ маневръ, ясный для всякаго настоящаго лѣнивца, не приходитъ мужику въ голову. Онъ плелся тихо, тихо, солнце жгло и его и бѣдную лошадь, какимъ-то неловкимъ и полусоннымъ подъѣзжалъ онъ къ скотному двору и довольно скоро выѣзжалъ оттуда, чтобы снова плестись шагъ за шагомъ и жариться на солнцѣ. Смѣло можно было завѣрить, что лѣности болѣе неловкой, неразсчетливой и тяжелой для человѣка трудно придумать даже въ наказаніе. Вообще вся сцена оставила во мнѣ впечатлѣніе самое странное: я ожидалъ найдти людей свѣжихъ, лѣнящихся *con amore*, празднолюбствующихъ съ удовольствіемъ отдыхающаго труженика. Вмѣсто того я увидалъ толпу которая, если не лицами и тѣломъ, то вялостью движеній, напоминала больныхъ, высланныхъ изъ госпиталя на прогулку съ сельскими упражненіями. И выраженіе лицъ оказывалось неимовѣрно кислымъ; только два или три старика, которымъ уже не подъ лѣта было перемѣнять свою методу работы, глядѣли весело и двигались какъ живые люди.

Наступало время утренняго отдыха, и крестьяне, разбрасывавшіе навозъ на полѣ, направились къ мѣсту общаго сбора. Оставалось и мнѣ, покинувъ наблюдательный постъ, направиться къ рабочимъ для серіозныхъ переговоровъ. Но когда я дошелъ до опушки рощицы, на меня напала обычная стыдливость неопытнаго помѣщика. Я дорого далъ бы за дозволеніе остаться подъ деревьями и послать къ крестьянамъ, вмѣсто себя, какого-нибудь искуснаго оратора. Что буду я говорить? Какое право имѣю я соваться съ упре-

ками?—такія глупыя мысли лѣзли въ мою голову. Уже я думалъ отложить дѣло до завтра, а настоящій день весь посвятить отдыху, когда новый припадокъ стыда, и стыда справедливаго, стыда за свое малодушіе, покончилъ навсегда съ моими колебаніями.

„Да что же такое въ самомъ дѣлѣ? сказалъ я самому себѣ, изъ-за какой причины мнѣ волноваться и совѣститься? Не я отмѣнялъ Юрьевъ день, не я поддерживалъ крѣпостное право, даже не я пріобрѣлъ это имѣніе, больше пятидесяти лѣтъ, считающееся за семействомъ нашимъ. Отчего я буду мямлить передъ этими людьми? Я не желалъ имъ зла, не дѣлалъ имъ притѣсненій; правда, я могъ править ими разумнѣе, но слабое правленіе не есть еще грѣхъ великій. Даю себѣ честнѣйшее слово позабыть всѣ книжныя умствованія и держаться честной вседневной житейской правды. Вотъ поле, на которомъ, если я буду зѣвать, вырастетъ какая-нибудь чертовщина, вмѣсто хлѣба, къ будущему году. Вотъ рабочіе, которымъ я не могу дозволить губить лѣтніе дни безъ пользы для себя или для меня, нуждающагося въ рабочей силѣ. Всякая запинка съ моей стороны теперь признакъ безхарактерности. А потому нечего терять времени.

Съ радостью почувствовалъ я свѣжесть въ головѣ и сердцѣ. Черезъ минуту я уже шелъ по дорогѣ, нисколько не думая о томъ *какъ* и *что* буду я говорить. Крестьяне, понявши что сейчасъ будетъ объясненіе, стали кучкой у скотнаго двора, подъ большими тополями, посаженными около дороги еще моимъ отцомъ, великимъ любителемъ всякихъ рѣдкихъ въ нашемъ краѣ деревьевъ. При моемъ приближеніи, всѣ сняли шапки и поклонились мнѣ съ привѣтливостію. Къ удивленію, разговоръ завязался безъ натянутости: было слишкомъ много предметовъ, о которыхъ требовалось спросить или условиться. Мнѣ назвали сельскихъ старостъ по каждой деревнѣ, разсказали о составѣ волостнаго правленія; я сказалъ крестьянамъ, что привезъ нѣсколько экземпляровъ Положенія, и за исключеніемъ одного, предложилъ ихъ желающимъ. О волѣ я говорилъ безъ всякой восторженности, предполагая что крестьяне не вѣрятъ искренности помѣщичьихъ поздравленій: правъ я былъ въ этомъ или нѣтъ, не знаю. Наконецъ, дѣло дошло до хода работъ, и я сообщилъ прямо, что такъ вести

полевыя занятія нельзя и что съ настоящаго дня, съ общаго согласія, намъ необходимо принять надлежащія мѣры.

На этомъ мѣстѣ крестьяне немного понурили головы, а одинъ изъ нихъ, болѣе меня знавшій, сказалъ бойко, однако не поднимая глазъ:

— Ваша воля, батюшка Сергѣй Ильичъ.—а у насъ все по старому, и кажись, въ работахъ никакой нѣтъ порухи.

Случайное обстоятельство избавило меня отъ спора и доказательствъ тому чему доказательствъ не требовалось. Съ поля подъѣзжала къ намъ послѣдняя пустая телѣга, самымъ тихимъ шагомъ. На телѣгѣ, какъ-то поперекъ ея, согнувъ ноги и совсѣмъ свѣсивъ голову лежалъ и спалъ сладкимъ сномъ Карпъ Андреевъ, дѣтина работящій и въ обыкновенную пору неспособный предаваться сну во время работы. Голова его болталась вправо и влѣво самымъ уморительнымъ образомъ. Лошадь, добравшись до другихъ лошадей, остановилась сама, но возница не просыпался.

Я указалъ на него и посмотрѣлъ на мужика утверждавшаго что въ работахъ никакой нѣтъ порухи. Всѣ засмѣялись, и старикъ Дементій, находившійся съ края, въ видѣ любезной шутки, взялъ Карпа за ноги и вывалилъ его изъ телѣги, на кучу навоза. Послѣдовалъ новый смѣхъ, и кислое выраженіе лицъ пропало.

— Что грѣха таить, батюшка, сказалъ Дементій, окончивъ свой подвигъ, не возбудившій никакого неудовольствія въ низверженномъ Карпѣ,—что грѣха таить: работа плоха, да и у другихъ-то она не лучше нашего.

— Лучше, лучше, задорно вмѣшался прикащикъ,—у сосѣда не въ примѣръ лучше, у другихъ озимое поле готово, у Матвѣева—косить собираются.

— Такая работа началъ я,—и мнѣ не выгодна, и у васъ время отнимаетъ. Я глядѣлъ на возку навоза: эдакъ намъ не кончить до іюля мѣсяца. Поэтому, вотъ что я предлагаю вамъ, и прошу васъ передать другимъ барщинникамъ. Вы на барщинѣ по своей волѣ, кромѣ двухъ или трехъ недоимщиковъ. Отчего для васъ барщина казалась выгоднѣе оброка, я не совсѣмъ понимаю. Но можетъ-быть, съ новыми порядками вы не хотите на ней оставаться. А потому, если кто хочетъ идти на оброкъ, я не мѣшаю—условія вамъ извѣстны. Объ одномъ я нахожу нужнымъ сказать вамъ: паспорты я начну выдавать съ половины іюля—

вы понимаете, что мнѣ придется нанять рабочихъ, а на это нужны двѣ или три недѣли. Двѣ или три недѣли хорошей работы, больше я не требую, а послѣ этого срока, идите кто куда хочетъ. Выгодно ли это для васъ? Идешь ли ты на оброкъ, Дементій?

Дементій Павловъ немного выступилъ изъ круга, поправилъ бороду и сказалъ:

— Мнѣ, батюшка Сергѣй Ильичъ, въ Питерѣ дѣлать нечего, а сыновей пошлешь, такъ либо сопьются, либо придутъ назадъ со скверною болѣзнью. Знаю я оброчниковъ, а моя семья и безъ оброка живетъ порядочно.

За Дементьемъ еще нѣсколько человѣкъ отказались отъ оброка. У однихъ дѣти были малы, такъ что нельзя было семью бросить, другіе находили, что въ Питерѣ заработки хороши, да на одни харчи ихъ уходитъ половина. Когда я замѣтилъ, что они, при своей семьѣ и кой-какихъ зимнихъ промыслахъ, безъ Питера могутъ наживать деньгу, мнѣ было сказано: „оно пожалуй и такъ, да дѣло выходитъ невѣрное. Ужь коли на оброкъ, такъ не обойдешь Питера.“

Оставались недоимщики, народъ готовый гулять и очень обрадованный моимъ предложеніемъ, но едва они заикнулись, какъ Дементій Павловъ и вся барщина, бывшая налицо, накинулись на нихъ съ неумолимостью. Оказалось, что недоимщики такъ любили Питеръ, что забравшись въ него, не высылали ни копѣйки въ семью, ни копѣйки на подати, что̀ ставило міръ въ затруднительное положеніе. За одного недоимщика, деревня третій годъ платила подати, выжимая изъ него затраченныя деньги не безъ большихъ усилій.

— И, ни, ни, ни, ни, и думать не смѣйте! кричали бѣднымъ гулякамъ старики и въ особенности Дементій Павловъ.—Баринъ воленъ вамъ мирволить, у него карманъ толстый, а у насъ вы и безъ того на шеѣ сидите!

Запуганные охотники до столичныхъ удовольствій не посмѣли возражать старшимъ. Въ результатѣ вышло то что барщина осталась въ прежнемъ видѣ, а для меня наступила самая трудная минута во всемъ совѣщаніи.

— Итакъ вы остаетесь на прежнемъ положеніи, обратился я къ крестьянамъ,—но разсудите сами, какая мнѣ будетъ потеря, если вы станете работать такъ же лѣнивo и скверно,

какъ до сихъ поръ работали. Я готовъ дать вамъ всякое разумное облегченіе, лишніе часы отдыха, но не могу дозволить, чтобы мыза осталась безъ хлѣба, а стадо мое безъ сѣна. Неужели вамъ веселѣе шататься по солнцу будто съ похмѣлья чѣмъ работать такъ честно, какъ вы прежде работали?

Я думалъ уже, что впадаю въ безплодныя умствованія, но противъ ожиданія, рѣчь моя не пропала даромъ. Рабочіе прямо сказали мнѣ, чтобъ я былъ покоенъ, что мнѣ не будетъ стыдно передъ сосѣдями и что ни безъ хлѣба, ни безъ сѣна мыза моя не останется. При этомъ братъ Дементія, Спиридонъ Павловъ, сдѣлалъ замѣчаніе, выставившее въ весьма невыгодномъ свѣтѣ и мою помѣщичью догадливость, и способности моего прикащика.

— Тебѣ, батюшка Сергѣй Ильичъ, сказалъ Спиридонъ Павловъ,—кинулось въ глаза, что навозъ не свезенъ и поле не подпахано. Конечно, виноваты тутъ и мы, да виноваты не такъ много. Въ прежніе годы все дѣло кончалось денъ въ шесть, потому что оброцкія тягла два дни намъ помогали. А теперь безъ нихъ, можетъ-быть, и на три недѣли протянется.

Дѣйствительно, въ Петровскомъ, существовала всегда смѣшанная повинность. Крестьяне, находившіеся на оброкѣ, давали помѣщику шесть рабочихъ дней въ лѣто. Про это подспорье я позабылъ совершенно; но какъ же не помнилъ о немъ мой интендантъ Михайло Степановъ?

На вопросъ по этому поводу прикащикъ замялся, но тотчасъ же, безъ сомнѣнія, припомнивъ мои слабыя хозяйственныя познанія, пустилъ цѣлые потоки краснорѣчія. По его словамъ выходило, что, слыша отовсюду противорѣчащіе толки и не зная, на сколько смѣшанная повинность отличается отъ сгонныхъ дней, положительно уничтоженныхъ, онъ не смѣлъ дѣлать наряда оброчнымъ до моего прибытія.

— Вотъ и врешь, Михайло Степанычъ, холодно перебилъ Спиридонъ Павловъ,—нарядъ-то ты пробовалъ дѣлать, только тебя обругали, да еще чуть ли не вытолкали съ улицы.

— Ну, пожалуй, и обругали, бойко возразилъ прикащикъ,—я не виноватъ, коли у насъ вольница завелась. А не ска-

зываю я про это затѣмъ, чтобы не огорчить барина,—развѣ весело ему съ буянами возиться, что̀ ли?

— Вижу я, Михайло Степановъ, перебилъ я, порядочно разсердившись,—что ни мнѣ съ тобой не ужиться, ни съ крестьянами ты не поладишь. Развѣ посредникъ не приказывалъ тебѣ обращаться къ нему, и самъ Владиміръ Матвѣичъ не заѣзжалъ почти всякую недѣлю въ Петровское? Гдѣ же была твоя голова, коли у тебя не достало ума справиться насчетъ работы оброчниковъ? И какъ ты допустилъ обругать себя и вытолкнуть, имѣя подъ рукой и сельскаго старшину, и волостнаго голову, и посредника въ десяти верстахъ отъ мызы? Можетъ-быть ты и хорошій человѣкъ, да мнѣ-то не надо прикащика котораго ругаютъ и выталкиваютъ. Съ сегодняшняго утра сдай всѣ занятія по работамъ старостѣ Власу Васильеву, а самъ оставайся на мызѣ, или иди куда хочешь—это твое дѣло.

Простившись съ крестьянами, я велѣлъ послать къ себѣ старосту, сдѣлалъ распоряженіе, чтобы на завтрашнее утро оброчные люди со всѣхъ деревень собрались на мызу, и отправились къ дому. Не скрою однакоже, что сходка на слѣдующій день меня тревожила; сверхъ обычнаго моего отвращенія къ разговору со многими людьми разомъ, я догадывался, что съ питерскимъ и избалованнымъ народомъ поладить мнѣ будетъ труднѣй чѣмъ съ барщинниками.

V. Сомнѣнія и тревоги.

Смѣшанная повинность, о которой много будетъ говорено въ этой главѣ моихъ воспоминаній, прошлое лѣто произвела много недоразумѣній въ нашемъ краѣ. Лица, горячо защищавшія положеніе 19 февраля и даже принимавшія участіе въ его составленіи, откровенно сознаются, что относительно этой повинности, до крайности важной во многихъ губерніяхъ, чрезвычайно мало указано. Естественно послѣ этого, что, при самомъ началѣ полевыхъ работъ, и оброчные крестьяне, и ихъ помѣщики имѣвшіе какую-нибудь запашку, и мировые посредники

очутились во мракѣ. Крестьяне примѣняли статью объ отмѣнѣ сторныхъ дней къ смѣшанной повинности; помѣщики говорили, что смѣшанная повинность какъ замѣна части оброка не подлежитъ отмѣнѣ: посредники обращались за инструкціями къ высшимъ лицамъ и инстанціямъ; но время было лѣтнее, а всякій знаетъ, что отъ высшихъ лицъ и инстанцій въ дачное время немногаго добьешься. Къ счастію, хорошій составъ мировыхъ посредниковъ (я говорю лишь о нашемъ краѣ) до нѣкоторой степени пособилъ горю. Посредники рѣшились сокращать смѣшанную повинность тамъ, гдѣ она составляла большое количество дней, при оброкѣ значительномъ, въ то же время поддерживая ее, если она не представляла особливой тяготы при небольшомъ оброкѣ. Какое, повидимому, открывалось поле для взяточничества, и какъ бы роскошно воздѣлали это поле лица бюрократическаго свойства. Но въ нашемъ краѣ, изъ пяти посредниковъ, людей совершенно несходныхъ между собой и взглядами, и достаткомъ, и образованіемъ, ни на одного не легла даже тѣнь какого-либо по этой части подозрѣнія.

Итакъ мнѣ, неопытному плантатору, въ самый разгаръ недоумѣній по поводу смѣшанной повинности, пришлось толковать о ней съ моими порядочно-избалованными подданными. Рабочая повинность нашихъ оброчниковъ состояла изъ шести дней (двухъ для навоза, двухъ для покоса, и двухъ для жатвы); но рабочая сила доставляемая этими шестью днями, съ незапамятныхъ временъ поддерживала полевое хозяйство Петровскаго. Лишиться такого подспорья было бы мнѣ крайне непріятно, но очень держаться за него я не смѣлъ, самъ не зная размѣра правъ данныхъ мнѣ Положеніемъ. Уже крестьяне собрались и голоса ихъ доносились ко мнѣ съ дворика, на которомъ обыкновенно собирались сходки, а я все еще перелистывалъ офиціальный фоліантъ, не находя въ немъ примѣнимыхъ къ дѣлу указаній и пунктовъ, пригодныхъ къ моему положенію. Наконецъ я оставилъ книгу, и рѣшился дать дѣлу теченіе, по моему крайнему разумѣнію, самое законное и безобидное.

Даже забывъ надѣть шляпу, пришелъ я въ толпу меня ожидавшую и не вспомнилъ про то мучительное чувство безъ котораго прежде никогда не могъ говорить одинъ въ большомъ собраніи. Помню только, что мнѣ до крайно-

сти хотѣлось быть краткимъ, что однако не удалось въ настоящемъ случаѣ.

— Я позвалъ васъ, обратился я къ собранію оброчниковъ, — чтобы намъ потолковать и условиться насчетъ шести рабочихъ дней, которые лежатъ на вашихъ тяглахъ сверхъ оброка. Вамъ кажется, что эти дни уничтожены Положеніемъ, мнѣ кажется, что они остаются на васъ еще на два лѣта. Только дѣло не въ томъ что кому изъ насъ кажется, а въ томъ, кто изъ насъ правъ и кто долженъ уступить правому. Я вамъ предлагаю разъяснить дѣло сегодня или завтра утромъ. Выберите отъ себя человѣкъ трехъ самыхъ дѣльныхъ и читавшихъ Положеніе; пусть они отправятся къ посреднику; чтобы не было проволочки, возьмите моихъ лошадей и телѣгу. Вы знаете, что Владиміръ Матвѣичъ противъ совѣсти не скажетъ слова, хотя бы вы и не со мной, а со всѣмъ свѣтомъ спорили. Сдѣлаемъ такъ какъ онъ скажетъ, а безъ того намъ придется проспорить все лѣто. Потолкуйте же между собою и рѣшите, выѣзжаете ли вы на мою работу или отдаете все дѣло на рѣшеніе Матвѣеву?

Предложеніе мое было совершенно чистосердечно; я не зналъ мнѣнія Матвѣева о смѣшанной повинности; о томъ же что онъ рѣшитъ дѣло по совѣсти, не могло быть сомнѣнія. Крестьяне знали больше моего по этой части, оттого совѣщаніе между ними оказалось довольно продолжительнымъ. Чтобы не мѣшать сходкѣ, я отошелъ поодаль, сѣлъ на ближайшемъ крылечкѣ, и сталъ дѣлать наблюденія надъ многочисленнымъ собраніемъ оброчниковъ.

Прежде всего я долженъ былъ сознаться, что имѣлъ совершенно ложное понятіе о большинствѣ крестьянъ живущихъ на моихъ земляхъ. Толпа людей, находившаяся передо мной, ровно ничѣмъ не отличалась отъ барщинниковъ, съ которыми я вчера велъ рѣчи; молодцовъ питерской наружности я не насчиталъ и десятка. Это было весьма понятно: передо мной ходили и говорили отцы и братья питерщиковъ не попавшіе въ тягло, сами же питерщики жили въ городѣ: на лѣто изъ нихъ явились лишь тѣ, кому мѣста не представляли особливыхъ выгодъ. Но если пришлыхъ изъ города было немного, за то всѣ они знали грамотѣ, какъ потомъ оказалось, и считали себя умнѣе деревенскихъ сидней, а благодаря неохотѣ стариковъ соваться

впередъ, говорили безпрестанно. Сколько я могъ замѣтить изъ отрывочныхъ фразъ до меня доносившихся, они говорили болѣе для разговора и поддержанія своего достоинства; вопросъ о двухъ рабочихъ дняхъ назавтра и послѣ завтра не казался имъ занимательнымъ, вѣроятно потому что отбыть ихъ предстояло отцу или меньшому брату, а никакъ не имъ, щеголямъ прибывшимъ издалека, да еще и съ деньгами. Болтали питерщики, какъ уже было сказано, весьма много, но кажется ихъ выводы не оказывались для меня враждебными. Смыслъ ихъ болтовни, если это можно назвать смысломъ, оказывался такимъ: „Что же два дни? можно два дни и выѣхать, — и у *посредственника* спроситься можно, можетъ-быть изъ Петербурга новый указъ присланъ. Теперь всякій день новые указы присылаютъ. Надо спросить *посредственника*, а можно и выѣхать два дни; отчего не выѣхать?... И до Матвѣева всего десять верстъ, можно бы и къ нему съѣздить, дорога хорошая!

Изо всѣхъ столичныхъ гостей, только одинъ привлекъ на себя мое особенное вниманіе. Звали его Кандратій Егоровъ, я немного зналъ его семейство. Вся семья, начиная съ осьмидесятилѣтняго дѣда, состояла изъ красавцевъ. Кондратій между ними могъ назваться первымъ: бѣлокурый, ловкій, высокій, съ смѣлымъ взглядомъ и какою-то особенною, насмѣшливою улыбкой, онъ, несмотря на свои тридцать лѣтъ, оставался холостякомъ и закоренѣлымъ любителемъ Питера. Говорилъ онъ громко, рѣзко, и во время всей сходки, пользовался большимъ уваженіемъ меньшихъ и старшихъ, уваженіемъ, которое, — увы! — какъ въ послѣдствіи будетъ разказано, скоро смѣнилось горькою и не совсѣмъ заслуженною непопулярностью. Сельскій старшина еще вчера жаловался мнѣ, что Кондратій Егоровъ мутитъ народъ и учитъ всякому начальству перечить. Изъ того какъ онъ говорилъ и хлопоталъ посреди нерѣшительной толпы, можно было заключить съ достовѣрностью, что красивый ораторъ шелъ поперекъ большинству, совѣтовалъ что-то сомнительное. До меня долетали его крайне неуважительныя фразы, обращенныя къ старикамъ, уважаемымъ во всемъ селеніи: „ужь лучше бъ тебѣ помолчать, старая кукушка,“—„тебѣ что два дни? попросись, чтобъ тебя запрягли въ десять!“—„ты старикъ грамотный, на кабакѣ слку не просмотришь!“ И что всего страннѣе, эти сильныя на-

рушенія мірскаго декорума не только никого не поражали, но, кажется, производили дѣйствіе, на которое Кондратій Егоровъ разчитывалъ. Когда разговоры кончились и группы говорившихъ сомкнулись тѣснѣе, я пододвинулся къ кругу, а ко мнѣ на встрѣчу выступилъ самъ молодой ораторъ, очевидно уполномоченный передать мнѣ общее рѣшеніе.

— Ну чѣмъ вы покончили? спросилъ я: — хотите посылать къ Владиміру Матвѣичу?..

— Нѣтъ ужь, ваше высокоблагородіе, бойко возразилъ Кондратій Егоровъ, — что̀ уже Владиміра Матвѣича трогать!

— Такъ значитъ, выѣзжаете на работу попрежнему?

— Нѣтъ ужь, ваше высокоблагородіе, и Кондратій усмѣхнулся,—такъ для насъ будетъ черезчуръ обидно.

— Однакожь мое высокоблагородіе должно знать, согласны ли вы отбыть работу просто, или напередъ посовѣтоваться съ посредникомъ.

— Это къ намъ статья не подходящая, коротко отвѣтилъ Кондратій,—сгонныхъ дней никто дѣлать не смѣетъ, да и не по Положенію выходитъ господамъ помѣщикамъ сгонные дни придумывать.

Всякій помѣщикъ, самый кротчайшій по нраву, легко пойметъ, что такой разговоръ не могъ мнѣ нравиться, но я позабылъ дворянскую щекотливость за интересомъ совѣщанія. Очень понятно, что меня занимало то, какими глазами глядитъ умный и бойкій крестьянинъ на вопросъ повинности не вполнѣ ясный, и то, какими доводами станетъ онъ поддерживать оппозицію моему взгляду. Я даже думалъ, какъ подобаетъ любителю русской народности, что вотъ сейчасъ, изъ этой простой и неиспорченной головы, блеснетъ неожиданный лучъ, и озаритъ путь, котораго ищутъ обѣ стороны. Къ сожалѣнію, луча не блеснуло, а напротивъ, на мое замѣчаніе о различіи сгонныхъ дней съ рабочими днями смѣшанной повинности, Кондратій Егоровъ разразился положительною глупостью:

— У Десятниковой барыни, ваше высокоблагородіе, сказалъ онъ, очевидно считая меня ошеломленнымъ и сбитымъ съ поля,—у Десятниковой госпожи всѣ покосы мужикамъ отданы, да половина поля, да лѣсу цѣлая пустошь.

Вотъ оно какъ у людей дѣлается, въ хорошихъ имѣніяхъ; а Владиміра Матвѣича трогать тутъ нечего!

Я такъ былъ удивленъ, что плюнулъ и сказалъ:—Чортъ знаетъ что̀ такое, и къ чему тутъ барыня Десятникова?

Всѣ оброчники, не взирая на видимое пристрастіе къ Кондратію, совершенно раздѣляли мое мнѣніе. Чтобы легче объяснить ихъ взглядъ по этой части, я долженъ прибавить, что на госпожу Десятникову, по какимъ-то неизвѣстнымъ причинамъ, крестьяне всѣхъ сосѣднихъ имѣній смотрѣли съ нѣкоторымъ презрѣніемъ. Кондратій не попалъ въ общій тонъ; съ своимъ Питеромъ онъ отсталъ отъ общественнаго мнѣнія земляковъ, что̀ тутъ же и было заявлено ими.

— А еще разумный дѣтина! упрекнулъ его одинъ старикъ.

— Горло у тебя только широко, вотъ что̀, проговорилъ другой, гораздо рѣшительнѣе.—Ишь ты, у Десятниковой намъ учиться!

— Ужь коли лѣзешь толковать, такъ говори дѣло! присоединились еще два или три голоса.

Ораторъ отошелъ въ сторону, разсерженный и недовольный.—Ну, какъ же мы кончили? обратился я къ сходкѣ:—времени терять нельзя, дѣло къ сѣнокосу подходитъ. Сегодня вечеромъ я посылаю къ посреднику: если вы отъ себя хотите переговорить съ нимъ, выберите кого знаете.

Одинъ изъ стариковъ, можетъ-быть, наскучивши переговорами, сказалъ свое слово, не знаю въ какой мѣрѣ справедливое.—Мы отъ васъ, батюшка Сергѣй Ильичъ, обидъ никогда не видали: за что̀ жь и теперь станемъ мы вамъ не вѣрить.

Слова старика окончательно раззадорили Кондратія Егорова. Не сдерживая вспыльчивости, онъ снова выдвинулся впередъ и сказалъ обращаясь ко мнѣ:—Нѣтъ ужь, ваше высокоблагородіе, лучше мы сами вечеромъ сходимъ къ посреднику. Если какой-нибудь старикъ, дуралей, хочетъ возить навóзъ, вози онъ его хоть на своей шеѣ, а насъ ужь увольте. Мы сами потолкуемъ съ кѣмъ надо, а эдакъ ваше высокоблагородіе съ Владиміромъ Матвѣичемъ еще не такую штуку выкинете на нашу голову!

Единогласный и на этотъ разъ несомнѣнно неодобрительный ропотъ сходки смягчилъ часть оскорбленія, мнѣ нанесеннаго. Крестьяне имѣли основаніе считать меня чѣмъ угодно: ѳетюкомъ, лѣнтяемъ, французомъ, гордецомъ,

только не лжецомъ и не плутомъ. Оброчникамъ, у которыхъ оброкъ и смѣшанная повинность около тридцати лѣтъ оставались одни и тѣ же, не было поводовъ къ недовѣрію. Можетъ-быть, ихъ затронуло и дурное слово о Матвѣевѣ, столько же популярномъ повсюду, сколько Десятникова была непопулярна. Задорнаго оратора втащили въ толпу и уже изъ нея не выпускали; я этому былъ радъ, потому что иначе былъ бы долженъ отвѣчать ему и явиться чѣмъ-нибудь изъ двухъ, или сердитымъ барином, или несчастливцемъ плачущимся на недовѣріе ему оказанное. Обѣ роли казались ровно отвратительными. Окончательные переговоры затѣмъ длились не долго. Рѣшено было, что сельскій старшина съѣздитъ къ посреднику и на утро доставитъ отъ него письменное рѣшеніе.

Сходка разошлась. Меня позвали пить чай, но я не могъ проглотить ни одного глотка: совершенное отсутствіе аппетита дало мнѣ понять, что я глубоко огорченъ и взволнованъ. Спутанныя мысли и горькія ощущенія начали выясняться только когда я снова вышелъ изъ дома, и пробрался въ рощу за садомъ. По всѣмъ понятіямъ, житейскимъ и нравственнымъ, я былъ оскорбленъ, безъ всякой возможности честнаго отмщенія. Передъ сотнею людей, человѣкъ, которому я не сдѣлалъ никакого зла, наговорилъ мнѣ дерзкихъ словъ и не только заявилъ сомнѣніе въ моей честности, но прямо призналъ меня способнымъ на обманъ и плутню. Можетъ-быть я ошибаюсь, черезъ столько мѣсяцевъ провѣряя свои ощущенія, но мнѣ помнится, что въ моемъ гнѣвѣ не сидѣло никакихъ помѣщичьихъ побужденій. Будь на мѣстѣ крестьянина Кондратія Егорова самый великосвѣтскій князь во всей вселенной, я бы чувствовалъ совершенно ту же нравственную боль, съ тою только разницей, что возлѣ болѣзни нашлось бы и лѣкарство, что съ княземъ можно было разчитаться, какъ угодно и когда угодно. Съ Кондратіемъ Егоровымъ, какъ съ непріятелемъ еще не вышедшимъ изъ зависимости отъ моего лица, какъ съ человѣкомъ, по своему положенію и воспитанію, не способнымъ къ защитѣ на равныхъ правахъ,—какой могъ быть разчетъ за нанесенную обиду? Я сознавалъ, что въ настоящемъ случаѣ мнѣ дѣлать нечего въ то же время очень хорошо понимая, что это неизбѣжное бездѣйствіе совершенно вредно. Изъ сотни крестьянъ бывшихъ на сходкѣ, девяно-

сто девять убѣждены, что я оробѣлъ передъ крикуномъ, а сотый, что я *какой-то себѣ чудной, да и только*. Кромѣ какого-нибудь десятка парней, вся сходка получила бы ко мнѣ нелицемѣрную симпатію, еслибъ я, послѣ дерзкихъ словъ Кондратія Егорова, приколотилъ его нещадно, наперекоръ человѣческому чувству и всѣмъ запрещеніямъ Положенія. Самый неодобрительный ропотъ, которымъ сходка встрѣтила дерзость оратора, ропотъ сперва меня утѣшившій, былъ знакомъ чуть ли не обиднымъ скорѣе чѣмъ пріятнымъ. Міръ счелъ долгомъ заступиться за того, кто самъ, по его мнѣнію, не умѣетъ за себя заступиться. Я не искалъ никакихъ преобладаній надъ міромъ; но мнѣ вовсе не хотѣлось, чтобъ онъ заступался за меня какъ за малаго, неумѣлаго ребенка. А случись еще двѣ, три исторіи въ родѣ сегодняшней, и я прослыву не только ребенкомъ, даже юродивымъ. Никогда еще мнѣ не приходилось быть въ такомъ проклятомъ столкновеніи между принципами и жизнью, моральными законами и безтолковостью житейскихъ явленій. Дѣло смягчалось только однимъ соображеніемъ: много думать о немъ не приходилось, потому что поправленіе оказывалось невозможнымъ. Не могъ же я вызвать на дуэль Егорова или устроить между нимъ и мною ораторское состязаніе на форумѣ села Петровскаго передъ созваннымъ міромъ!

За обѣдомъ я передалъ сестрѣ всю исторію утреннихъ переговоровъ и шутя замѣтилъ (печальная была эта шутка), что теперь, по всей вѣроятности, моя репутація окончательно погибнетъ и между помѣщиками, и между крестьянами. Въ отвѣтѣ своемъ, Вѣра проявила весь женскій тактъ, за который ее всюду такъ цѣнили. Отъ нея не скрылось мое волненіе, она искренно желала успокоить меня, и достигла своей цѣли, не сказавши ни одного несправедливаго слова.

— Это правда, что тебя осудятъ, сказала она,—да развѣ въ свѣтѣ не осуждаютъ людей понапрасну? Не могъ же ты рѣшиться на кулачную расправу для возвышенія своего нравственнаго положенія! Скажутъ, есть другія мѣры строгости; да не малодушіе ли, никогда не допуская строгости, взяться за нее теперь, при концѣ всѣхъ былыхъ отношеній къ крестьянину? Мало того, надобно же наконецъ переносить послѣдствія того, что мы сами подготовили. Ты не жилъ по годамъ въ имѣніи, ты едва знаешь

въ лицо своихъ мужиковъ и теперь находишь горькимъ, что одинъ изъ нихъ очень грубо выказалъ къ тебѣ недовѣріе.

— Тутъ дѣло не въ томъ, жилъ ли я въ деревнѣ, возразилъ я нахмурившись.

— А въ чемъ же? спросила сестра съ прежнимъ хладнокровіемъ.—Кого близко знаютъ, того не заподозрятъ, и тому защищаться легче. Матвѣевъ, за обидное слово, вышвырнулъ бы обидчика за окно, будь это его мужикъ или губернскій предводитель, лицо крѣпостное или вольное изъ вольныхъ. Онъ заявилъ себя въ краѣ, и всякій мальчикъ у насъ знаетъ, что Владиміръ Матвѣичъ ни самъ не ступитъ на чужую ногу, да и на свою наступить не позволитъ. Ты же совсѣмъ въ другомъ положеніи. Отъ обиднаго недовѣрія тебя ограждаетъ лишь естественное чувство, не дающее намъ предполагать зла въ человѣкѣ не сдѣлавшемъ ничего скверная до этой минуты. А это чувство сильно ли у людей неразвитыхъ, да еще видавшихъ всякую неправду? Какъ бы ни перетолковывали твою уступчивость, тебѣ кромѣ нея ничего не придумать. Требовательнымъ можно быть только тамъ, гдѣ знаютъ человѣка предъявляющаго требованія.

На этихъ словахъ я успокоился, какъ могъ, и вечеръ провелъ хорошо, не предвидя, что новый день принесетъ съ собой новые и еще болѣе тяжелые вопросы.

VI. Продолженіе прежняго.

Я проснулся раньше обыкновеннаго, отъ какого-то шороха или скорѣе стуканья въ сосѣдней комнатѣ. Я крикнулъ: „кто тамъ?“ Но отвѣта не было, однако стуканье, должно-быть очень тяжелыхъ сапоговъ, не прекратилось. Я кликнулъ во второй разъ, и ко мнѣ, немного переминаясь, вошли сельскій старшина Павелъ Еремѣевъ и мой староста Власъ Васильевъ.

Сельскаго старшину я зналъ очень мало. Онъ считался хорошимъ мужикомъ, должностію своею тяготился, и былъ правъ, потому что жалованье еще не было назначено, а времени пропадало много. Сверхъ того съ крестьянами, привыкшими къ слабому управленію, ладить могъ не всякій,

въ Петровскомъ же было до пятидесяти дворовъ, и старшинамъ остальныхъ деревень жилось не въ примѣръ легче. Власъ Васильевъ, величественнѣйшаго вида старикъ, принадлежалъ къ числу особъ, о которыхъ говорятъ: добръ какъ курица. Съ лица онъ глядѣлъ строго и мрачно, напоминая иногда Мазепу, иногда Іоанна Грознаго; почему Мазепу? почему Грознаго?—не умѣю сказать, ихъ портретовъ я не знаю, но память о сихъ историческихъ герояхъ для меня неразлучна съ лицомъ Власа Васильева. При такомъ грозномъ лицѣ, Власъ обладалъ безпредѣльною добротой, и происходившею отъ нея большою популярностью. Вкусы его были буколическіе и бабьи: въ свободные дни онъ любилъ ходить за грибами и удить рыбу. Онъ считался великимъ богачомъ, и кромѣ звонкой монеты въ сундукахъ, имѣлъ ежегодную пенсію отъ одного купеческаго семейства, въ которомъ выслужилъ двадцать лѣтъ безукоризненно. Единственною слабою стороною Власа могли назваться его *гулянки*, происходившія два раза въ годъ (на Рождествѣ и въ храмовой праздникъ), длившіяся по недѣлѣ и весьма раззорительныя. Въ эту торжественную пору, домъ его открывался для незваныхъ и званыхъ; ѣды и питья истреблялось безмѣрное количество; самъ же Власъ лежалъ мертвецки пьяный,—но горе сыновьямъ и невѣсткамъ, если они, понадѣясь на хмѣль старика, скупились на кушанье и пиво, или неласково встрѣчали вновь явившагося гостя! Иногда на седьмой, иногда на десятый, иногда на двѣнадцатый день гульбы, съ старикомъ дѣлалось что-то чудное. Проснувшись, онъ брался за стаканъ вина, выплевывалъ его съ отвращеніемъ и дѣлался золъ какъ тигръ бенгальскій. Опытные гости тутъ же убѣгали, не докончивъ начатаго ведерка съ пивомъ; неопытныхъ или назойливыхъ старикъ билъ кулаками и чѣмъ попало, а потомъ съ позоромъ выталкивалъ на улицу. Правда, что и гости послѣднихъ дней отчасти стоили своей печальной участи: послѣ ихъ исчезновенія въ домѣ не оказывалось полотенцевъ, топора, а иногда и болѣе цѣнной рухляди. Расправившись съ гуляками, Власъ приказывалъ топить баню; выскочивъ изъ нея, долго вытягивался на снѣгу, и освѣжившись такимъ образомъ, снова обращался въ тихаго, благолѣпнаго, кроткаго старца, неспособнаго обидѣть муху.

По всѣмъ работамъ и порученіямъ, онъ оказывался не

въ примѣръ исправнѣе приказчика Михайлы, оставленнаго за штатомъ. Онъ не былъ способенъ на суровость, даже брань, ибо помянуть имя чорта считалъ грѣхомъ великимъ, но его богатство, честная жизнь и гостепріимство давали Власу авторитетъ, котораго не признавали лишь отъявленные негодяи.

— Записка отъ Владиміра Матвѣича, сказалъ сельскій старшина, подавая мнѣ бумажку.

„Любезный другъ, такъ писалъ посредникъ, по моему крайнему разумѣнію, при размѣрѣ оброка вашихъ крестьянъ самый щекотливый филантропъ не возстанетъ противъ шести дней смѣшанной повинности, вамъ слѣдующей. Будьте же спокойны; я далъ старостѣ особенный письменный приказъ, а такъ какъ мнѣ надо побывать у васъ по сосѣдству, то я самъ загляну къ вамъ утромъ или къ обѣду. В. М.“

— Ну, сказалъ я нашимъ сельскимъ сановникамъ,—могли бы вы и не будить меня съ этою запиской.

— Дѣло не въ запискѣ, батюшка Сергѣй Ильичъ, отвѣчалъ Власъ Васильевъ.—Мы пришли за приказаніемъ: оброчники не хотятъ ѣхать въ поле.

— Какъ такъ? А бумага посредника?

— Къ бумагѣ и придралася этотъ окаянный Кондратій, возразилъ староста.—Всему міру насказалъ, что бумага *облыжная*.

— Бумага облыжная! Что за чертовщина?

— Говоритъ, глядите ребята: все на листѣ писано одною рукой, а подпись другая. Вызвалъ грамотныхъ, поглядѣли и говорили—точно разныя руки.

И старшина вынулъ листъ изъ-за пазухи. Владиміръ Матвѣичъ, безъ сомнѣнія, продиктовалъ приказъ писарю, и подписалъ его, нисколько не думая что посланіе его подвергнется такому толкованію.

— Да вѣдь ты же самъ, сказалъ я старшинѣ,—взялъ бумагу отъ Владиміра Матвѣича.

— Самъ взялъ.

— Станетъ ли онъ сочинять облыжныя бумаги?

— Не станетъ, ужь это какъ Богъ святъ!

— Такъ какъ же не растолковалъ ты крестьянамъ...

— Батюшка Сергѣй Ильичъ, вступилъ въ разговоръ Власъ Васильевъ,—тутъ растолковывать нечего. Вчера ты далъ

покуражиться Кондрашкѣ Егорову, а сегодня тридцать горлановъ хотятъ надъ тобой куражиться. Спустишь сегодня, такъ и барщина разойдется; да и какъ съ нея работу требовать, когда оброчникамъ дана льгота? Ты знаешь, что я мужика не тѣсню и зла ему не дѣлалъ, а тутъ мямлить нечего, вели заложить телѣгу, да отошли Кондрашку къ исправнику.

— Что̀ къ исправнику? перебилъ сельскій старшина.— Къ посреднику ближе. Владиміръ Матвѣичъ смиренъ, а прикрутитъ лучше твоего исправника.

— А пуще всего, батюшка, продолжалъ староста Власъ,— избавь ты и меня, и міръ, и сельскаго старшину отъ этого Егорова Кондратья. Мы отъ тебя не выйдемъ, пока ты не велишь намъ его связать и отправить куда ужь тамъ придется.

Какъ ни нужно было поскорѣе условиться насчетъ неповиновенія оброчниковъ, но оградить молодаго и неосторожнаго крикуна отъ совершенной погибели мнѣ казалось нужнѣе. Для меня вся потеря ограничилась бы нѣсколькими сотнями рублей на наемъ рабочихъ, даже предполагая, что оброчники не образумятся; Кондратія же его азартный поступокъ велъ къ уголовному наказанію. Съ помощію Положенія и законовъ я пытался передать Власу и старшинѣ всю жестокость ихъ просьбы, но они понимали дѣло и безъ толкованія—безжалостность этихъ двухъ людей, можетъ-быть самыхъ разумныхъ во всемъ селѣ, меня поразила. „Знаемъ, что ему придется круто, сказали и Власъ и старшина, ни мало не заминаясь: да будетъ хуже, если изъ-за него на вотчину полиція наѣдетъ!“ Мнѣ живо припомнилась другая исторія, случившаяся года за три, исторія тоже замѣчательная по безжалостности, не однихъ сельскихъ властей, но всего міра. Больнаго и почти слѣпаго бобыля, Антона Семенова, сосѣди заподозрили въ корчемствѣ и уличили: извѣстно, какія бѣды влечетъ за собой для цѣлаго селенія корчемство, еслибъ его какънибудь пронюхало винное начальство. Міръ собрался, и положилъ—отобрать избу и огородъ Антона, его же выгнать на большую дорогу и не пускать въ село на вѣчное время. Не безъ большихъ хлопотъ удалось старостѣ Власу устроить это дѣло и спасти провинившагося отъ шатанья по міру.

Видя, что всѣ мои доводы по поводу Кондратія Егорова возбуждаютъ лишь одно презрѣніе въ старшинѣ и Власѣ, я рѣшительно объявилъ, что до пріѣзда посредника не намѣренъ принимать никакихъ мѣръ, строгихъ или не строгихъ. „Отъ одного утра мы еще не пропадемъ, сказалъ я. Если толки не кончены, то прочитайте оброчникамъ записку Владиміра Матвѣича на мое имя: узнавъ, что онъ самъ будетъ на мѣстѣ, они можетъ-быть поберегутся. А затѣмъ ступайте съ Богомъ и оставьте дѣло до его пріѣзда.

Старики ушли, взявъ записку съ ворчаньемъ и неудовольствіемъ, а я остался одинъ, въ самомъ дрянномъ и тревожномъ состояніи духа. „Лучше бы мнѣ растерять весь доходъ за годъ, или продать имѣніе за безцѣнокъ. думалъ я, нежели попасть въ такую яму! Вотъ тебѣ и добрый совѣтъ—не давать льготъ ничтожныхъ. О моихъ хорошихъ намѣреніяхъ насчетъ составленія грамоты никто не знаетъ, а изъ-за мелкаго вопроса я въ необходимости или осрамиться въ концѣ, или поднять скверное дѣло по случаю общаго неповиновенія. Легко быть общимъ благодѣтелемъ, сидя у себя въ кабинетѣ, но тамъ, гдѣ слабость клонитъ къ неустройству, и ограждая одного, ведетъ къ бѣдствію для многихъ, имѣю ли я право ограждать виноватаго? Не обязанъ ли я, по смыслу самого Положенія, предоставить все дѣло его законному ходу, тѣмъ болѣе что законъ самъ выгораживаетъ меня отъ всякой роли при столкновеніяхъ, подобныхъ сегодняшнему?“ Послѣднее соображеніе сильно меня искушало, но я ему не поддался. Кромѣ того, что послѣ вчерашняго дня я былъ совѣстью моею обязанъ не принимать никакихъ мѣръ во вредъ Егорову, какой-то внутренній голосъ говорилъ мнѣ, что молодаго питерскаго бахвала нельзя смѣшивать съ людьми злонамѣренными, желающими безпорядка и подстрекающими другихъ на безпорядокъ. Въ такихъ размышленіяхъ проходило для меня утро, можетъ-быть самое скверное въ моей жизни. Посредника я ждалъ съ нетерпѣніемъ и между тѣмъ боялся его прибытія. Я зналъ, что Матвѣевъ, какъ человѣкъ закона и человѣкъ *дѣла*, питалъ порядочное презрѣніе къ нравственнымъ дилеммамъ и общимъ соображеніямъ, къ которымъ такъ наклоненъ человѣкъ *слова*. Меня онъ считалъ съ основаніемъ можетъ-быть, за добраго чудака, который, занимаясь иностранною политикой и современною книжной

болтовней, не знаетъ русской жизни ни на волосъ. Сверхъ того онъ былъ вспыльчивъ, и я не посовѣтовалъ бы ни самому могущественному, ни самому беззащитному изъ людей назвать одну строку его руки *облыжною*. Припомнивъ это, я сообразилъ, что Власъ и сельскій старшина, при появленіи Матвѣева у околицы, не преминутъ передать ему приключенія утра. Надо было предупредить ихъ усердіе. Я велѣлъ сѣдлать лошадь, чтобы ѣхать на встрѣчу посреднику.

Когда я выходилъ на крыльцо и готовился сѣсть на лошадь, по дорогѣ, ведущей къ паровому полю и скотному двору, быстро проѣхало большое количество народа въ двуколесныхъ телѣгахъ. Вслѣдъ за тѣмъ у воротъ показались староста Власъ и сельскій старшина съ лицами прояснившимися. „Выѣхали, батюшка, сказалъ Власъ Васильевъ, возвращая мнѣ записочку посредника,—чуть узнали, что будетъ сюда Владиміръ Матвѣичъ, присмирѣли мигомъ.“

— Какъ камень съ плечъ свалился, прибавилъ старшина, измученный хлопотами утра и непривычною отвѣтственностью. (А ужь какой камень у меня свалился съ сердца, о томъ могутъ догадаться читатели.)

— Вотъ видите, сказалъ я, стараясь казаться равнодушнымъ,—и безъ крутыхъ мѣръ можно поправлять дѣло.

— Ужь это, батюшка, тебѣ лучше извѣстно, отвѣчалъ Власъ, какъ отвѣчаютъ взрослые люди разсуждающему ребенку, и, оборотясь къ сельскому старшинѣ, прибавилъ:— смотри же, Павелъ Еремѣичъ, не прозѣвай у околицы. Мнѣ пора въ поле, а ты гляди въ оба.

Ясно было, что ни Власъ, ни старшина не оставили своихъ намѣреній насчетъ Кондратія, и что Матвѣевъ у околицы будетъ встрѣченъ разказомъ о происшествіяхъ утра, съ ихъ точки зрѣнія. Надо было спѣшить. Я тронулъ лошадь, и, чтобы не подать подозрѣнія нашимъ сановникамъ, выѣхалъ на дорогу окольною тропинкой. Мнѣ было очень стыдно. Я сознавалъ, что нахожусь въ положеніи школьника и ругалъ себя съ такимъ самообличеніемъ, что стоилъ лавроваго вѣнца отъ всѣхъ любителей этого, будто бы по преимуществу русскаго, качества. „Терпи, терпи, говорилъ я самъ себѣ. Все это тобой подготовлено и заслужено, господинъ добрый помѣщикъ. Ты правилъ имѣніемъ такъ умно, и столько лѣтъ такъ заботился объ его положеніи! Ты такъ умѣлъ сблизиться съ своими крестьянами, что они

глядятъ на тебя какъ на юродиваго. Ты пріобрѣлъ себѣ такое уваженіе, что вынужденъ прятаться отъ старосты и забѣгать раньше его къ посреднику. При первомъ замѣшательствѣ въ порядкѣ работъ, тебѣ пришлось запереться въ домѣ, чтобы твое присутствіе не надѣлало еще худшей путаницы! Хорошее начало, господинъ благонамѣренный землевладѣлецъ. Тьфу, какая гадость, какой поганый плодъ лѣности и неумѣнья! Всякій сапожникъ, твердо владѣющій шиломъ, и счастливѣй и почтеннѣе меня въ эту минуту.“

— Что̀ съ вами, Сергѣй Ильичъ, что̀ у васъ за меланхолическая посадка? раздался возлѣ меня знакомый голосъ.

Не глядя на дорогу, я отъѣхалъ версты четыре отъ Петровскаго, и встрѣтивъ легонькую бричку посредника, и поровнялся бы съ нею, и проѣхалъ бы мимо, еслибы не вышеприведенные вопросы. Послѣ первыхъ привѣтствій, Владиміръ Матвѣевичъ хорошо увидѣлъ, что я чѣмъ-то сконфуженъ и недоволенъ. Онъ предложилъ мнѣ пройдтись немного пѣшкомъ, бричкѣ велѣлъ ѣхать за нами, а лошадь мою поручилъ писарю. Я разказалъ посреднику событія послѣднихъ двухъ дней, не утаивши даже того, что скрываюсь отъ Власа Васильева и обманулъ бдительность Павла Еремѣева, ждущаго у околицы. Зная вспыльчивость Владиміра Матвѣевича, я позволилъ себѣ лишь одно: придать исторіи наиболѣе комическій характеръ, хотя мнѣ было совсѣмъ не до смѣха. Заключилъ я, впрочемъ, серіознымъ моимъ рѣшеніемъ стоять противъ всякихъ мѣръ строгости въ имѣніи, вопервыхъ, потому что и безъ нихъ до сей поры мы жили, а вовторыхъ, потому что въ распущенности бывшихъ моихъ крестьянъ я самъ первый виновникъ, и по всѣмъ законамъ разума долженъ быть и отвѣтчикомъ.

— Оно не совсѣмъ идетъ къ дѣлу, спокойно отвѣчалъ посредникъ.—Предположите вспышку серіознаго неповиновенія, и тогда ни съ вашею отвѣтственностью, ни съ законами разума не уйдешь отъ закона необходимости. Къ счастію, дѣло кажется мнѣ не важнымъ, за Кондратіемъ же Егоровымъ я конечно буду слѣдить строго, хотя не считаю его ни злонамѣреннымъ, ни опаснымъ.

Мнѣ было пріятно слышать, что мой взглядъ, совершенно инстинктивный и не основанный ни на чемъ, совпадалъ со взглядомъ такого опытнаго человѣка. Мы сѣли въ бричку и направились въ Петровское.

— Вашъ Кондратій, говорилъ мнѣ дорогою Владиміръ Матвѣевичъ,—человѣкъ петербургскій и пришлый. Я его немного знаю, да наконецъ его продѣлка съ моею бумагой показываетъ въ немъ человѣка чужаго. Вы вѣроятно замѣчали странное обстоятельство — крестьянинъ нашего края охотно ведетъ дѣла съ Петербургомъ, но къ самому городу имѣетъ какое-то презрѣніе. О Москвѣ онъ всегда отзывается хорошо, о Питерѣ—съ вѣчною насмѣшкой. Человѣкъ петербургскій въ нашемъ краѣ можетъ распустить скверный слухъ, получить временное вліяніе на мужика, только ни въ чемъ дѣльномъ мужикъ ему не поддастся. Въ нѣсколько дней онъ выдохнется и на него плюнутъ, а если онъ захочетъ ломаться, то пожалуй и вздуютъ, чтобы не зазнавался. Даю вамъ слово двѣ недѣли не заниматься Кондратьемъ Егоровымъ, вы увидите надолго ли его станетъ.

Я радостно перевелъ духъ; самая щекотливая часть дѣла была рѣшена хорошо, или по крайней мѣрѣ отсрочена.

Должно-быть вздохъ мой былъ уже слишкомъ выразителенъ, потому что посредникъ разсмѣялся.

— Однако, сказалъ онъ, не хорошо будетъ, если и вы станете убиваться изъ-за всякой маленькой исторійки по имѣнію. Въ какіе-нибудь три дня вы измѣнились и поблѣднѣли. Развлекитесь не много, побывайте у сосѣдей, повидайтесь съ друзьями, поглядите какъ и другіе хлопочутъ. Распредѣлите сегодня работы дня на три, а я все это время долженъ разъѣзжать въ околоткѣ, стало-быть и у васъ буду разъ-другой, взгляну на работы. Теперь дѣло пойдетъ, насколько идти можетъ, а вы не надсаживайтесь,—великимъ хозяиномъ все-таки не будете.

Мы уже подъѣзжали къ дому.

— Не знаю какъ и благодарить васъ, дорогой другъ, отвѣчалъ я, пожимая руку посреднику.—Вы меня ободрили и успокоили, а надо признаться, день начался для меня крайне скверно.

— За то кончится отлично, улыбаясь отвѣтилъ Матвѣевъ, и указалъ мнѣ на небольшую, но пузатую голубую карету, которая отъѣхала отъ крыльца, и пустая, направилась къ конюшнямъ.—Или видъ этой колесницы ничего не говоритъ вашему сердцу?

— Олимпіада Павловна, Олимпіада Павловна у сестры, воскликнулъ я съ выраженіемъ непритворной радости.

— Это дѣлаетъ вамъ честь, вы знаете законы дружбы, сказалъ посредникъ, сбрасывая пальто въ передней.

— Только наша добрая пріятельница сегодня не въ духѣ, я слышу гнѣвные раскаты ея голоса.

И мы весело вошли въ гостиную...

На этомъ мѣстѣ я пріостанавливаю мой разказъ чтобы докончить исторію оратора Кондратія Егорова, исторію вполнѣ оправдавшую зоркость нашего посредника. Прошло дней десять послѣ спора нашего о смѣшанной повинности. Я сдѣлалъ кой-какія поѣздки и вернулся домой. Работы въ это время шли вяло, но безостановочно; крестьяне выѣзжали въ поле исправно, только трудились такъ, что я рѣшился уменьшить запашку на третью долю. Ни споровъ, ни сходовъ не происходило, и Кондратія видѣлъ я раза два или три, въ полѣ или на улицѣ; сельскій старшина, и староста Власъ продолжали на него хмуриться; со мною спорить было не о чѣмъ, но по словамъ этихъ сановниковъ, Егоровъ *горланилъ* на всякомъ совѣщаніи по каждому мірскому дѣлу, ругался съ стариками, въ семьѣ своей со всѣми ссорился, подбивалъ молодыхъ, только что оженившихся парней выдѣляться изъ семей, и все-таки пользовался въ деревнѣ очень большимъ вліяніемъ.

Какъ-то въ началѣ іюля мѣсяца, передъ обѣдомъ, вернувшись съ прогулки, я засталъ въ домѣ великую суматоху. Сестра, съ давнихъ поръ имѣвшая большую медицинскую практику во всей окрестности, пробѣжала мимо меня со стклянкою, полною какою-то бурдой противнаго вида. „Арнику, скорѣе отыщи арнику“, дорогою закричала она встрѣтившейся горничной, а у горничной тоже красовалась въ рукахъ банка съ летучею мазью. Въ довершеніе дурныхъ симптомовъ, по двору важно прошелъ фельдшеръ села Петровскаго, мужъ исполненный безпредѣльнаго самодовольствія, но до того отупѣвшій отъ прожорства и лежанья на боку, что его появленіе съ рожковымъ ящикомъ вызывалось только какою-нибудь крайнею необходимостью. Догадавшись, что кто-нибудь изъ домашнихъ или крестьянъ занемогъ опасно, я прошелъ въ большую комнату, возлѣ кухни, служившую сестрѣ какъ бы пріемною камерой для медицинскихъ консультацій. Въ комнатѣ этой находилась сама Вѣра, да сверхъ того горничныя со стклянками, плачущія бабы и нѣсколько крестьянъ, замѣтно сконфуженныхъ.

Возлѣ окна, на лавкѣ, лежалъ человѣкъ съ распухшимъ лицомъ, разбитымъ носомъ и глазами едва-едва раскрывавшимися. Онъ тяжело переводилъ духъ, но не стоналъ и не произносилъ никакихъ жалобъ, обычныхъ простымъ людямъ при внезапной болѣзни. Черты его были такъ обезображены, что только по красивымъ бѣлокурымъ кудрямъ, могъ узнать я въ бѣднякѣ бойкаго Кондратія Егорова.

Исторія несчастной катастрофы была весьма проста и несложна. Крестьяне Петровскаго сошлись толковать о вопросѣ слишкомъ долго откладывавшемся, то-есть о размѣрахъ ежедневнаго содержанія для сельскаго старосты и кой-какихъ другихъ должностныхъ лицъ. Старики сперва назвали сумму до того ничтожную, что за нее не нанялся бы мальчишка къ пастуху въ помощники. Кондратій Егоровъ, имѣвшій поводъ не любить сельскаго старшину, несмотря на это, сталъ говорить о необходимости содержанія порядочнаго, сообразно величинѣ села и трудной должности. Онъ былъ совершенно правъ, но уже быстро проходилъ періодъ его кратковременнаго вліянія на совѣтъ общій. Его не послушались, онъ вспылилъ и сталъ говорить старикамъ обидныя слова, звать ихъ кукушками, жидами, сколдырниками. Дядя Кондратія, старикъ лѣтъ восьмидесяти, подошелъ къ нему и на него прикрикнулъ; онъ сказалъ дядѣ крѣпкое словцо и толкнулъ его въ грудь такъ, что тотъ едва на ногахъ удержался. Этого было довольно, — весь запасъ накопившагося въ мірѣ раздраженія, прорвался наружу; къ нему присоединилась и зависть молодыхъ парней; и, можетъ-быть, ревнивыя воспоминанія о грѣшкахъ по любовной части. Кондратія окружили и притиснули къ стѣнѣ той самой родимой избы, въ которую онъ такъ недавно явился изъ города такимъ богатымъ, бойкимъ и самоувѣреннымъ. Онъ защищался какъ слѣдуетъ молодому силачу, но нашлись бойцы сильнѣе, и самая сила защиты сдѣлала потасовку задорнѣе. Къ счастью, на гвалтъ прибѣжалъ патріархъ и Крезъ села Петровскаго, Власъ Васильевъ: онъ уже засталъ, что Егорова повалили на земь и „били сколько хотѣли“.

Кондратій Егоровъ прохворалъ дня четыре и оправился. Но ни вліяніе его, ни уваженіе къ нему крестьянъ не вернулись. Пѣсня его была спѣта, міръ получилъ къ нему отвращеніе. На бѣду и въ Питеръ нельзя было идти; меньшой братъ занемогъ и при домѣ понадобился новый работ-

никъ. Такъ кончилось общественное поприще Кондратія, и никто бы не подумалъ, видя его, въ концѣ лѣта, постоянно одинокимъ и удаляющимся отъ всякой собравшейся кучки сосѣдей,—что этотъ человѣкъ первенствовалъ на сходкахъ и когда-то возбуждалъ опасеніе въ сельскихъ властяхъ...

VII. Барышня Олимпіада Павловна.

Нашъ уѣздъ, какъ читатель можетъ догадаться по значительному количеству женскихъ лицъ попавшихъ въ мои замѣтки, изобилуетъ помѣщицами. Большинство ихъ правитъ своими имѣніями плохо, но кротко и незатѣйливо. Между ними имѣется нѣсколько особъ, снискавшихъ себѣ извѣстность и даже ознаменовавшихъ себя подвигами, заслуживающими пѣснопѣній или по крайней мѣрѣ странички въ исторіи. Такъ одна изъ упомянутыхъ мною дамъ, опоздавши въ почтовую карету, ходившую изъ Петербурга въ N***, и стало-быть, лишившись права на билеты, взятые ею заранѣе, выплакала у почтоваго начальства для себя и своего семейства, пять новыхъ билетовъ *безплатно*. Другая прославилась тѣмъ, что проводя, въ теченіи двадцати лѣтъ, каждую зиму въ Петербургѣ, и въ своемъ собственномъ домѣ, не знала какъ называется улица, украшенная ея домомъ и двадцать лѣтъ къ ряду осчастливленная ея жительствомъ.

Но всѣ эти и подобные имъ подвиги были дѣтскою игрой въ сравненіи съ подвигомъ нашей сосѣдки, барышни Олимпіады Павловны Чемезовой. Барышня эта также имѣла въ Петербургѣ домикъ, и проводила въ немъ зиму, и не двадцать, а сорокъ пять лѣтъ къ ряду. Года два тому назадъ, одно изъ надворныхъ строеній, принадлежавшихъ къ этому дому, загорѣлось, но было погашено, причемъ погибъ ветхій деревянный заборъ со стороны улицы, отчасти сгорѣвшій съ быстротою гнилушки, отчасти поваленный для проѣзда трубамъ. На утро, послѣ пожара, ближайшее полицейское начальство, имѣя въ виду, что дворы выходящіе на улицу не могутъ существовать безъ заборовъ, попросило барышню Олимпіаду Павловну въ возможно скоромъ времени озаботиться постройкою новой ограды. Посланіе передано было представителемъ низшей инстанціи полицейской власти, помощникомъ кварталь-

наго надзирателя,—лично и весьма вѣжливо. Но бѣдный помощникъ съ его вѣжливостями получилъ встрѣчу, о которой долго не позабудетъ. Олимпіада Павловна сперва спросила его холодно: „а ты, батюшка, мнѣ дашь денегъ на эту постройку?“ и вслѣдъ затѣмъ, воспользовавшись изумленіемъ гостя, накинулась на него съ яростію тигрицы. Получивъ названіе взяточника, кровопійцы, притѣснителя сиротъ, безжалостнаго къ чужой бѣдѣ истукана, ошеломленный помощникъ бѣжалъ изъ негостепріимнаго дома и передалъ дѣло начальству, прося уволить его отъ всякихъ переговоровъ съ дѣвицею Чемезовой.

Квартальный надзиратель, а послѣ него частный приставъ намѣревались повернуть дѣло круто; но всѣ ихъ усилія рушились передъ стойкостію Олимпіады Павловны.

Частный приставъ бѣжалъ, бѣжалъ съ позоромъ, бѣжалъ восклицая: „глазъ не покажу къ этой дѣвицѣ!“ Полицеймейстеръ, молодой человѣкъ и кавалерійскій полковникъ, разчитывалъ покончить все дѣло шутками и любезностью. Онъ пріѣхалъ самъ, разказалъ Олимпіадѣ Павловнѣ, какъ много теряетъ ея миленькій домикъ отъ безобразныхъ развалинъ забора. Но вся эта мягкость, снискавшая полицеймейстеру популярность даже на венеціянскихъ и индѣйскихъ ночахъ Излера, не помогла тутъ нисколько. Ему также былъ заданъ иронической вопросъ о томъ, дастъ ли онъ денегъ на постройку забора, а затѣмъ все остальное, даже бѣгство, совершилось обычнымъ порядкомъ.

Черезъ нѣсколько дней, Олимпіаду Павловну попросили пожаловать, въ назначенный часъ, къ оберъ-полицеймейстеру, для нѣкоторыхъ объясненій.

Барышня не испугалась ни мало и только одѣлась въ глубочайшій трауръ, хотя послѣдній изъ ея близкихъ родственниковъ покинулъ здѣшній міръ лѣтъ за восьмнадцать слишкомъ. Въ своемъ печальномъ уборѣ и не отнимая платка отъ глазъ, наша героиня однимъ своимъ видомъ растрогала даже просителей, ждавшихъ появленія полицеймейстера. И что всего удивительнѣе, Олимпіада Павловна плакала, плакала горько, отъ чистѣйшаго сердца. Отъ всей полноты души, она, помѣщица двухсотъ душъ, и владѣлица дома въ Петербургѣ, сознавала себя раззоренною пожаромъ, истребившимъ застрахованный курятникъ цѣною въ триста цѣлковыхъ. Отъ всей полноты души, она, вы-

гнавшая отъ себя и обругавшая скверными словами множество лицъ, прикосновенныхъ къ полиціи,—считала себя оскорбленною и притѣсняемою до варварства. Чудныя явленія иногда происходятъ въ сердцѣ женщины!

Не успѣлъ показаться оберъ-полицеймейстеръ, какъ Олимпіада Павловна первая сдѣлала на него натискъ, съ такимъ плачемъ и такимъ потокомъ жалобъ, что первый монологъ ея одинъ тянулся три четверти часа, къ ужасу слушателя и свидѣтелей. Оберъ-полицеймейстеръ поблѣднѣлъ и потребовалъ стаканъ воды. Еще четверть часа, и онъ отеръ лицо платкомъ и опустился на стулъ, тщетно стараясь остановить просительницу. Еще пять минутъ, и глава полиціи вскочилъ со стула, поклонился Олимпіадѣ Павловнѣ, проговорилъ поспѣшно: „Бога ради, ступайте домой и дѣлайте какъ знаете,“—а вслѣдъ за тѣмъ ушелъ изъ залы.

Наша героиня торжественно возвратилась домой; слухъ о побѣдѣ, ею одержанной, разошелся по городу. Болѣе недѣли прошло, и обгорѣлые обломки все еще валялись на старомъ мѣстѣ; о постройкѣ забора помину не было. Городовые и хожалые робко обходили домъ дѣвицы Чемезовой. И вдругъ, въ одно прекрасное утро, отправляясь въ церковь, Олимпіада Павловна замѣтила что дѣйствительно видъ ея двора, помойной ямы и иныхъ черныхъ построекъ неблагообразенъ, даже отвратителенъ со стороны улицы. Немедленно позвавши дворника, она сперва обругала его колпакомъ, лѣнтяемъ и свиньей, а потомъ дала повелѣніе къ завтраму же приговорить рабочихъ для постройки забора. Не прошло недѣли, какъ на мѣстѣ разрушенной ограды уже воздымалась новая, и не только воздымалась, но сіяла яркою зеленою краской, самою дорогой изъ всѣхъ красокъ!!!

Сейчасъ разказанный мною эпизодъ, довольно ясно изображаетъ личность Олимпіады Павловны; но онъ не можетъ разъяснить причины, по которымъ и я, и всѣ наши сосѣди искренно любили сердитую барышню. А мы ее любили очень, хотя по временамъ и звали ее самодуромъ, старымъ дитятей и трещеткой. Любили же ее мы за то, что она была до крайности добра, забавна и умна,—умна самымъ оригинальнымъ образомъ. Посреди вздора, котораго не позволила бы себѣ старая индѣйка, еслибъ индѣйки умѣли говорить, у Олимпіады Павловны безпрерывно проскакивали умныя мысли, юмористическія замѣчанія, а

иногда и фразы свидѣтельствовавшія о способностяхъ выходящихъ изъ общаго уровня. Кто не умѣлъ къ ней подходить и держать бесѣду, для того моя сосѣдка являлась сухою, скучнѣйшею и невѣжливою старою дѣвой, но съ близкими и цѣнящими ее людьми она оказывалась добрѣйшимъ существомъ, смѣялась сама надъ собой, и нисколько не таила запасовъ наблюдательности и юмора даннаго ей природой. Какъ помѣщица, Олимпіада Павловна никуда не годилась. Доходовъ съ имѣнія она не имѣла никакихъ, но ругалась съ мужиками съ утра до вечера. Крестьяне терпѣть ее не могли за эту брань и *пиленье*, воровали ея лѣсъ, пустошили ея земли, не платили оброка, однако сами не богатѣли ни мало, и считались первыми пьяницами во всемъ краѣ.

Когда мы съ Матвѣевымъ пришли въ гостиную, Олимпіада Павловна, терзавшая сестру какимъ-то разказомъ о гусяхъ нарочно пущенныхъ дьячкомъ въ ея ржаное поле, остановила свой разказъ на словахъ: „я и говорю, притащите ко мнѣ этого мерзавца, такъ за его скверную косичку и тащите!..“ Владиміръ Матвѣевичъ, и я считались первыми друзьями барышни. Но на это утро она окинула насъ гнѣвнымъ взоромъ, встала съ кресла, присѣла передъ нами съ обидно-ироническимъ почтеніемъ, и сказала: „очень, очень вамъ благодарна, батюшки! Вѣкъ не забуду вашихъ великихъ благодѣяній. Стану по міру ходить да поминать васъ, мои благодѣтели!“

— Что вы, Богъ съ вами? Что мы вамъ сдѣлали, Олимпіада Павловна? спросилъ посредникъ.

— Не случилось ли чего съ вами, сохрани Боже? сказалъ я, въ свою очередь.

Олимпіада Павловна оправила свое простое но изящное платьице, изъ тонкой шелковой матеріи (она всегда одѣвалась со вкусомъ).

— Слышите, еще спрашиваютъ, не случилось ли чего съ вами. За новые порядки пришла я благодарить васъ, батюшки. Видите, понадѣлали нищихъ, да еще подшучивать явились! Вдовъ и сиротъ не забыли, помоги вамъ Господи. Вѣкъ не забудемъ вашихъ милостей, всѣ сосѣди за васъ Бога молятъ.

— Да побойтесь Бога, Олимпіада Павловна, чѣмъ же мы то съ Владиміромъ Матвѣичемъ виноваты въ новыхъ порядкахъ?

— Чѣмъ виноваты?.. Всѣмъ виноваты! Кабы вы поменьше радовались всякой новинкѣ, да умѣли бы держать языкъ за зубами, не было бы и дѣлъ этихъ безобразныхъ. Отъ копѣечной свѣчи Москва загорѣлась, отъ вашихъ рѣчей всей бѣдѣ начало! Видишь, нашлись радѣтели!

— Иной подумаетъ, улыбаясь сказалъ Владиміръ Матвѣевичъ,—что наша добрая Олимпіада Павловна наполнена самыми отсталыми сожалѣніями по части крестьянскаго дѣла. А знаете ли вы, Сергѣй Ильичъ, что у ней уже готова въ черновомъ видѣ уставная грамота, и что она сама, безъ просьбъ и настояній, отдала крестьянамъ угодья, о которыхъ они и просить не смѣли.

— Ну, ну, батюшка, ты у меня мелкимъ бѣсомъ не разсыпайся, значительно смягчившись, перебила гостья,—я не жидовка какая-нибудь, а мужики, хоть и поганые пьяницы, все-таки шестьдесятъ лѣтъ въ нашемъ родѣ. Раззорять-то ты умѣлъ, радовался бѣдѣ, а теперь хвалишь, да похвалы твоей мнѣ не надо. Что же мнѣ по твоему,—обобрать мужика за то что меня самое кругомъ обобрали?

— Жестокость ваша, Олимпіада Павловна, со вздохомъ замѣтилъ посредникъ, поражаетъ меня въ самое сердце,—но я не въ силахъ отвѣчать на нее суровостью. Уставная грамота, которую вы приготовляете...

— Стану я приготовлять твою безумную грамоту! Мнѣ и говорить тошно объ этой гадости. И вѣкъ бы грамоты не было, да у меня гостила Ѳедосья Ивановна съ мужемъ, въ прошломъ маѣ мѣсяцѣ. Я и говорю мужу: чѣмъ шататься безъ дѣла, да дрыхнуть до десяти часовъ, лучше пособи мнѣ, да зазови этихъ разбойниковъ...

— Какъ бы то ни было, сказалъ я въ свою очередь,—достовѣрно, что дѣло устроено на прекрасныхъ условіяхъ, и отъ Олимпіады Павловны Чемезовой появится первая уставная грамота въ уѣздѣ, а можетъ-быть въ губерніи...

— Такъ и жди, батюшка. Ты думаешь, что я грамоту такъ и подамъ по начальству?

— Чего же медлить съ похвальнымъ дѣломъ? произнесъ Матвѣевъ.

— Смотри, съ чѣмъ подъѣхалъ! А я тебѣ и скажу почему медлить. Дура я буду, коли подамъ скоро грамоту. Большая дура. Я вашу чиновную братью хорошо знаю. Съѣдетесь вы себѣ,—въ присутствіи, въ палатѣ, на съѣздѣ,

какъ оно у васъ тамъ называется. Уставныхъ грамотъ еще не поступаетъ—дѣло новое, да лѣтомъ и помѣщику не до вашихъ глупостей. Вдругъ приносятъ одну грамотку,—чья? отъ помѣщицы Чемезовой. Ну тамъ еще два три дурака пришлютъ по грамотѣ, думаютъ себѣ, — будетъ хоть спасибо за усердіе! Вотъ вамъ, чиновникамъ-молодцамъ и работа, дѣла немного, а есть надъ чѣмъ покуражиться. Для чего дескать, у госпожи Чемезовой на грамотѣ строка выписана криво? А на той страницѣ почему ошибка сдѣлана? И какая это пожня. Свиное ухо отдала крестьянамъ,—надо провѣрить, не обидно ли оно имъ будетъ? Да и титулъ зачѣмъ-то подскобленъ...

— Никакого титула въ грамотѣ не полагается.

— Да и титулъ подскобленъ, да и чортъ ее, эту помѣщицу знаетъ, можетъ она мужиковъ надула. Лучше велѣть ей все передѣлать да пустить къ ней пять-шесть запросовъ? Вотъ тебѣ и спасибо, вотъ тебѣ и подавай грамоту, пока у начальства дѣла немного! Еще хорошо, какъ штрафа какого не положатъ. Всѣ вы чиновники—одна выжига. А какъ вотъ вамъ подвалятъ въ одно утро, послѣ срока, грамотъ съ полсотни, такъ и куражъ у васъ попростынетъ. Подскоблено ли тамъ, или пожня не такая или просто наврана ахинея,—валяй себѣ, утверждай, что тутъ копаться! обѣдать пора, животы подвело, а ишь ты ихъ еще лежитъ какая груда!

— Браво, браво, Олимпіада Павловна! закричали мы оба, не имѣя силъ удержаться отъ смѣха. Говоря за себя, я могу сказать, что никогда не приходилось мнѣ слыхать, отъ самаго бойкаго наблюдателя болѣе вѣрной характеристики нашего бюрократическаго и канцелярскаго дѣлопроизводства. Наша пріятельница сама разсмѣялась, и остатки главныхъ облаковъ сбѣжали съ ея чела.

— И долго вамъ дожидаться уставныхъ грамотъ, продолжала она,—никому не весело дать надъ собой ломаться безъ толку какому-нибудь стрикулисту. И надо мною не поломаетесь, въ этомъ прошу извиненія. А еще и потому не дождетесь грамотъ, что сами же вы въ нихъ настрочили путаницу.

— Какую же путаницу? спросилъ Матвѣевъ.

— А путаницу, какъ путаницы бываютъ. Чѣмъ бы облегчить дѣло, вы наплели такую чертовщину (Олимпіада Павловна плюнула и перекрестилась), что только руками

развести остается. Развѣ я не читала листовъ, что вы намъ на дняхъ разослали съ сотскими? [1] Читала и ни слова не поняла, а написано тамъ дѣло не подходящее. Ваша петербургская братья, вотъ такъ и думаютъ: у Чемезовой помѣщицы навѣрное водится особенный домъ съ красною кровлей, въ домѣ контора, въ конторѣ сидятъ писаря да землемѣръ ученый, планъ виситъ на стѣнѣ, въ имѣніи самомъ вся земля вымѣрена, вездѣ стоятъ бѣлые столбики, какъ въ петергофскомъ саду, по дорожкамъ! Шли туда какую хочешь рацею, все прочтутъ, все поймутъ, все смѣряютъ, все сосчитаютъ. А у Чемезовой при мызѣ конторы нѣтъ, писаря никогда не водилось, староста у ней неграмотный, къ тому же воръ и пьяница, плановъ никто и въ глаза не видалъ пятьдесятъ лѣтъ, я думаю на чердакахъ отъ нихъ остались крысьи объѣдки. А у меня еще двѣсти душъ; что же у мелкопомѣстныхъ? И какъ пышно прописано: отъ урочища такого-то до урочища такого-то предоставляется крестьянамъ столько-то десятинъ и столько сажень! А почему я знаю, сколько у меня десятинъ и сколько сажень отъ урочища Чортова Ягода до Клоповой Поляны? Инъ я сама съ аршиномъ пойду мѣрять, что ли? А хочешь, чтобы кто мѣрялъ, такъ шли землемѣровъ, да шли ихъ даромъ, да и корми ихъ, прожоръ, отъ начальства, а не лупи съ меня же; ужь я довольно по горло и такъ облуплена какъ слѣдуетъ.

— Ужь будто васъ такъ сильно облупили, Олимпіада Павловна, замѣтилъ я на эту филиппику, отчасти не лишенную своей доли истины.—Всякій годъ вижу я васъ лѣтомъ и положительно всякій годъ слышу я отъ васъ, что съ имѣнія у васъ дохода нѣтъ, а получается одно разоренье.

— Никогда я тебѣ такого вздора не говорила и вѣрно это тебѣ приснилось когда-нибудь послѣ ужина. Былъ доходъ, какъ у всякаго человѣка былъ доходъ прежде. И оброкъ получался, и на крестьянъ до этого года не могла я жаловаться.

— А какъ же, спросилъ Матвѣевъ,—они у васъ третьяго года всю лѣсную дачу раскрали?

---

[1] Печатныя формы для составленія уставныхъ грамотъ, разосланныя по помѣщикамъ въ началѣ прошлаго лѣта.

— Ничего не раскрали. Мерзавцы они и бездѣльники, это правда, а лѣсъ цѣлъ. Стоитъ какъ стѣна.

— Выдается мнѣ, замѣтилъ Матвѣевъ, — ѣздишь мимо вашей лѣсной дачи, только лѣсу на ней, извините меня, давно нѣту, а вмѣсто стѣны торчатъ пни какіе-то.

— У тебя видно глазъ у самого нѣту, или ѣздилъ ты, подгулявши со своими подъячими.—Лѣсъ какъ лѣсъ, а ты пустяковъ не выдумывай.

— Ну ужь, Олимпіада Павловна, смѣясь отвѣчалъ посредникъ,—за всѣ ваши злыя насмѣшки и суровыя слова когда-нибудь придется разчитаться со мной. Не забывайте, что вы у меня въ участкѣ, чѣмъ я не мало горжусь.

— И знать я не хочу про твой участокъ, а о посредничествѣ твоемъ позабыла и думать. Есть у меня дѣвка одна на кухнѣ, еще чешетъ себѣ волосы а ля Помпадуръ, чуть ее хорошенько поругаешь, она грозится мнѣ, что дескать идемъ жаловаться къ посреднику. Иди, иди, матушка, говорю я, иди себѣ, нашъ посредникъ такой охотникъ до прекрасныхъ пастушекъ! Вотъ тебѣ собесѣдница,— а я ни тебя, ни становаго, ни чиновника, какого тамъ нина-есть, въ имѣніе къ себѣ не пущу. Я и исправниковъ отъ себя выгоняла.

Всѣ опять разсмѣялись; когда Олимпіада Павловна начинала браниться безъ всякой причины—это оказывалось вѣрнымъ признакомъ ея полнаго расположенія и удовольствія. И точно, пошумѣвши еще немного на своего друга Матвѣева, гостья пустилась разказывать о томъ, какъ она третьяго года чуть не заморозила, нарочно, въ нетопленной спальнѣ судейскаго подьячаго, который притащился въ усадьбу за какою-то своею распоганою справкой. Отъ вышеприписаннаго назидательнаго случая она перешла было къ разбойнику дьячку и его гусямъ, о которыхъ мы уже упомянули, но на срединѣ разказа краснорѣчіе барышни пресѣклось.

— Ахъ я, безтолковая, быстро сказала она, обращаясь въ мою сторону,—да что это наконецъ сдѣлалось съ моею памятью? Ну оно ужь извѣстно, въ эти времена я думаю и свою голову гдѣ-нибудь забудешь. Вѣдь у меня къ тебѣ пребольшая просьба, батюшка Сергѣй Ильичъ. Для нея-то я больше и пріѣхала, а вотъ толкую объ этомъ дьячкѣ безобразномъ, тьфу! чтобъ его разорвало, негодяя!

— Радъ служить вамъ по гробъ моей жизни, Олимпіада Павловна.

— То-то по гробъ жизни. Избавь ты меня, мой другъ, отъ твоего дорогаго дядюшки.

— Какъ, отъ Бориса Николаича?...

— Для тебя онъ Борисъ Николаичъ, а для меня онъ проклятый ахріанинъ, сутяга. Ты ужь съ нимъ покончи.

— То-есть какже: прикажете вызвать его на дуэль, или просто умертвить гдѣ-нибудь въ уединенной аллеѣ?

— Я тебѣ говорю дѣло, а ты лясы точишь. Мои мужики у него въ пустоши какой-то дряни нарубили — чему тамъ хорошему расти у него въ пустоши? Опенковскій управляющій чѣмъ бы покончить дѣло со мной, по-сосѣдски, что бы ты думаешь выкинулъ? Подалъ въ судъ просьбу; на мое имѣніе настрочилъ жалобу! Я воровъ никогда не покрывала, я давно знаю, что мои мужики готовы у нищаго лапти подтибрить. Такъ и кончай со мной, какъ дѣлаютъ христіане, а теперь станутъ таскать людей въ судъ, да лупить взятки, да еще ко мнѣ нашлютъ подьячихъ, одной крови сколько испортится. Вотъ что значитъ полагаться на управляющихъ. Твоему дядѣ лишь бы сидѣть съ своими тамъ пѣвицами, старому срамнику, а дѣломъ заняться видно противно—генералъ дескать, великій баринъ!

— Будьте увѣрены, Олимпіада Павловна, сказалъ я,—будьте увѣрены, что дѣло это устроится непремѣнно. На этихъ же дняхъ я долженъ побывать у дяди: ругайте его какъ хотите, а надо ему отдать справедливость въ одномъ,—онъ ни судовъ, ни жалобъ самъ не любитъ. Я увѣренъ, что онъ и не слыхалъ о рвеніи своего управляющаго. По всей вѣроятности, онъ назначитъ легкій штрафъ за порубку, а можетъ-быть и вовсе оставитъ дѣло безъ послѣдствій.

— Отчего безъ послѣдствій? не надо безъ послѣдствій! Я подарковъ принимать отъ него не стану, очень мнѣ нужно его богатство. Мои мужики не хуже его мужиковъ, а еще лучше. Пьяницы они, да имъ за то есть что пропивать, а его-то православные первые оборванцы въ уѣздѣ.

Я далъ слово въ самомъ скоромъ времени обработать дѣло Олимпіады Павловны; она конечно осталась у насъ обѣдать, и день прошелъ очень весело. Къ вечеру Власъ явился съ докладомъ, что работы шли „безъ малаго какъ въ хорошее время“, и что на завтрашній день за оброчниками оста-

новки не будетъ. Отдохнувши нравственно, я рѣшился завтра же побывать у дяди Бориса Николаевича, но судьба приготовила для меня поѣздку въ другую сторону.

Когда я ложился спать, мнѣ подали записку отъ одного изъ моихъ любезнѣйшихъ и ближайшихъ сосѣдей Петра Ивановича Заручкина, отставнаго подполковника, съ отличіемъ участвовавшаго въ знаменитой крымской кампаніи.

„Милостивый государь и уважаемый другъ Сергѣй Ильичъ," гласила цидулка, и слогомъ, и почеркомъ напоминавшая что-то крайне старинное, хотя автора ея мы звали старцемъ болѣе для шутки—„по здравомъ обсужденіи настоящихъ и имѣющихъ наступить обстоятельствъ, въ хозяйственномъ отношеніи, я и Иванъ Петровичъ вознамѣрились продать имѣнія наши, жизнь же свою болѣе провести за границею. Покупщикъ есть, но не взирая на весьма „не высокую цѣну имъ предлагаемую, мы оба готовы сдѣлать еще сбавку съ сей цѣны, еслибы *въ* пожелали совершить покупку. Если вы свободны, то посѣтите насъ, не „теряя времени. Примите и проч."

„Петръ Заручкинъ."

„P. S. Если находится у васъ *pulsatilla* и *tinctura sulphuri* „въ гомеопатическомъ видѣ, соблаговолите привезти съ собою. Я еще не получилъ этихъ лѣкарствъ изъ Петербурга, „а хлопоты этого печальнаго времени причинили мнѣ, при „моемъ несчастномъ состояніи здоровья, безсонницу, какія-„то неопредѣленныя страданія подъ ложечкой." „П. З."

— Боже мой! сказалъ я, даже привскочивъ на постели,— что могло случиться съ нашими Орестомъ и Пиладомъ, съ милыми чудаками, безъ которыхъ я просто не могу вообразить себѣ уѣзда и жизни въ деревнѣ?..

На утро я поскорѣй напился чаю и поскакалъ, исполненный безпокойства, къ Петру Ивановичу и Ивану Петровичу.

С. БЕЗЫМЕННЫЙ.

СОВРЕМЕННАЯ ЗАДАЧА
ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИХЪ НАУКЪ

НЕИЗДАННАЯ ЛЕКЦІЯ ПРОФЕССОРА ЛАМЕ,

читанная имъ $^{18}/_{30}$ ноября 1861 года.

Лекціи математической физики, преподаваемыя въ Сорбонѣ знаменитымъ геометромъ Ламе, весьма замѣчательны какъ по содержанію, такъ и по ихъ приложеніямъ. Въ своихъ сочиненіяхъ: 1) *Sur la théorie mathématique de l'élasticité*, 2) *Sur les fonctions inverses*, 3) *Sur les coordonnées curvilignes*, 4) *Sur la théorie de la chaleur*,— онъ выводитъ изъ однихъ и тѣхъ же дифференціальныхъ уравненій законы явленій упругости и тепла. Въ лекціяхъ же своихъ, знаменитый авторъ усовершенствовалъ свою теорію во многихъ отношеніяхъ, и распространилъ ея приложенія. Одно изъ замѣчательнѣйшихъ усовершенствованій теоріи, мнѣ кажется, состоитъ въ улучшеніи способа доказать общія дифференціальныя уравненія равновѣсія силъ упругости посредствомъ двухъ леммъ, не прибѣгая къ тѣмъ предположеніямъ, которыя онъ сдѣлалъ въ своемъ сочиненіи *Sur l'élasticité*. Зная высокое достоинство теоріи и философски-научнаго взгляда высокопочитаемаго профессора, многіе, въ томъ числѣ и я, ожидали съ любопытствомъ его вступительной лекціи. Приглашая меня на эту лекцію, г. Ламе сказалъ мнѣ: „Вы хорошо сдѣлаете если будете на моей вступительной лекціи, потому что въ ней вы услышите мое научное завѣщаніе; можетъ-быть я не успѣю окончить начатые мною труды.“ Дѣйствительно, живость слова и мыслей, изложенныхъ въ этой лекціи, возбудили въ высшей степени вниманіе и одобреніе всѣхъ присутствовавшихъ, между которыми были члены Парижской Академіи наукъ, многіе профессоры и другіе ученые.

Многіе желали, чтобы вступительная лекція г. Ламе была напечатана на французскомъ языкѣ; но пока онъ, соглашаясь на мою просьбу, разрѣшилъ ея печатаніе только въ Россіи, и передалъ мнѣ съ этою цѣлью собственноручно имъ написанную лекцію.

НИКОЛАЙ БРАШМАНЪ.

Въ настоящемъ курсѣ я намѣреваюсь *соединить* въ общемъ изложеніи теорію упругости однородныхъ твердыхъ тѣлъ и теорію распространенія теплоты въ тѣхъ же тѣлахъ, то-есть вывести всѣ частныя дифференціальныя уравненія, которымъ подчиняются эти двѣ главныя отрасли математической физики, совокупно разобрать эти уравненія, чтобы вывести изъ нихъ объясненіе явленій, и наконецъ интегрировать ихъ во всѣхъ возможныхъ и прямо примѣнимыхъ случаяхъ.

Бѣглый обзоръ историческаго движенія нашей науки въ XIX столѣтіи, въ его существенныхъ пунктахъ, поясннтъ цѣль и умѣстность такого соединенія.

Уже въ самомъ началѣ, *Небесная Механика* вывела изъ закона всеобщаго притяженія самыя важныя послѣдствія для астрономіи. Съ тѣхъ поръ, формулами этого *перваго монументальнаго труда* объяснены были всѣ постепенно открывавшіяся пертурбаціи, и даже доказана была необходимость существованія неизвѣстныхъ дотолѣ свѣтилъ у предѣловъ солнечной системы, что̀ и оправдалось наблюденіями. Такое стеченіе повѣрокъ, столько же многочисленныхъ и полныхъ, сколько непредвидѣнныхъ и неожиданныхъ, должно было вкоренить въ умахъ ученыхъ двѣ раздѣльныя идеи, которыя я постараюсь опредѣлить. Первая идея—та, что человѣкъ можетъ открыть всякую тайну природы, если, при изученіи каждаго новаго отдѣла естественныхъ явленій, будетъ слѣдовать тому пути, которымъ такъ успѣшно шла астрономія,—именно: если будетъ производить наблюденія и опыты во всѣхъ осуществимыхъ случаяхъ; группировать потомъ эти опыты и наблюденія, такъ чтобы можно было привести ихъ къ извѣстному числу законовъ; и затѣмъ, съ помощію анализа, постепенно уменьшать число этихъ законовъ, подводя ихъ одинъ къ другому, такъ чтобы наконецъ полученъ былъ какой-нибудь одинъ законъ, который и будетъ *частнымъ началомъ* изучаемаго отдѣла явленій.

Такъ мыслятъ и трудятся, мыслили и трудились Малюсъ и Френель, Араго и Біо, Физо и Фуко относительно *свѣта*; Беккерель и Пулье, Эрстедъ и Амперъ, Араго и Фараде относительно *электричества*; Ге-Люссакъ и Тенаръ, Деви и Берцеліусъ, Дюлонъ и Реньйо, Шеврёль и Бертело, Дюма и Девиль, Лоранъ и Жераръ, Баларъ и Вурцъ, Фреми и Кагуръ и др. относительно *химіи*; Гаю и Сенармонъ,

Мичерлихъ и Пастёръ, Гофманъ и Селла относительно *кристаллографіи*; Ге-Люссакъ и Реньйо, Мелони и Пулье, Депре и Пекле относительно *теплоты*; Саваръ и Вертгеймъ, Веберъ и Буржъ относительно *упругости*; Гумбольдтъ и Бухъ, Ели де-Бомонъ и Дюфренуа, Бертье и Риво, Бушепорнъ и Добре относительно *геологіи*.

Труды этихъ знаменитыхъ ученыхъ установили опредѣленное число *законовъ* подобныхъ законамъ Кеплера, но болѣе полныхъ въ томъ смыслѣ, что эти законы не только не упускаютъ изъ виду пертурбацій, но напротивъ сами же указываютъ и на собственныя отклоненія и аномаліи. Своего рода вехи, законы эти послужатъ указателями, когда придется сводить частныя начала всѣхъ наукъ въ одно послѣднее начало, истинно-всеобщее, относительно котораго Ньютоново притяженіе окажется лишь простымъ корол-ларіемъ.

Столь же многочисленны, хотя и менѣе убѣдительны, были труды *геометровъ* выходившіе изъ *второй идеи*, именно той, что одинъ только математическій анализъ владѣетъ силою, столь ясно показавшею себя въ *Небесной Механикѣ*,—подходить раціональнымъ путемъ къ частному началу всякой науки и выводить изъ него полное объясненіе всѣхъ явленій къ нему относящихся, вмѣстѣ съ ихъ отклоненіями. Въ астрономіи оставалось уже немного довершить; эта наука, совершенно оконченная, требовала только численныхъ приложеній и сложныхъ формулъ, уже извѣстныхъ. Поэтому одни изъ геометровъ отыскивали пищу для своего изобрѣтательнаго ума въ новыхъ наукахъ, которыя быстро возникали вокругъ нихъ; другіе, убѣжденные, что прикладная математика находится еще на первой ступени своего развитія, сочли нужнымъ подготовлять будущіе успѣхи ея устраненіемъ изъ ея методовъ всего того что̀ носитъ на себѣ слишкомъ явные слѣды первыхъ шаговъ. Такъ поступилъ Лагранжъ въ своей *Аналитической Механикѣ*, орудіи столько же будущаго, сколько и прошедшаго, въ этомъ *второмъ монументальномъ трудѣ*, важность котораго будетъ возрастать съ каждою новою побѣдой науки, тогда какъ первый трудъ навсегда останется при томъ значеніи, какое имѣетъ онъ теперь. Такъ поступилъ *Пуансо* въ своей теоріи паръ и теоріи вращательнаго движенія, которыя обобщаютъ начало дви-

женія и прилагаются какъ къ частичнымъ силамъ, такъ и къ звѣздному міру.

Здѣсь можно было бы исчислить все множество замѣчательныхъ трудовъ этого періода, относящихся къ чистой математикѣ, высшей геометріи, раціональной механикѣ, и показать, что всѣ они стремятся къ одной и той же цѣли—облегчить приложенія уже предугаданныя, заранѣе совершенствуя необходимыя для нихъ орудія, какъ-то: опредѣленные интегралы, разложеніе въ строки, трансцендентныя и обратныя функціи, рѣшенія числовыхъ уравненій, даже теорію чиселъ, ученіе о поверхностяхъ и ихъ взаимномъ пересѣченіи, кинематику и механическую работу силъ:—удивительное стеченіе трудовъ, которое быть-можетъ предшествуетъ какому-нибудь великому открытію.

Ограничимся бѣглымъ перечнемъ трудовъ ближе всего относящихся къ математической физикѣ, въ ея тѣсномъ смыслѣ. Общій ходъ ихъ таковъ: исходною точкой имъ служитъ всегда гипотетическое начало *a priori*, заимствованное или изъ смежной науки, или вызванное совокупностью изслѣдуемыхъ явленій. Затѣмъ геометръ подвергаетъ это начало аналитической повѣркѣ, состоящей въ объясненіи разсматриваемыхъ явленій, чтобы сблизить полученныя такимъ образомъ числа съ тѣми, которыя получаются прямо изъ опыта или изъ наблюденія, и чтобъ изъ согласія или разногласія ихъ вывести оправданіе или опроверженіе принятаго начала.

Такъ поступали Лапласъ и Пуассонъ относительно *капиллярныхъ явленій*; Пуассонъ и Бертранъ—относительно *статики электричества* на поверхности проводниковъ; Пуассонъ и Гаусъ—относительно *магнитныхъ притяженій*; Фурье и Лапласъ, Пуассонъ и Остроградскій, Штурмъ и Ліувиль, Дюгамель и Ламе, Бертранъ и Бонне—относительно *распространенія теплоты*; Френель и Навье, Ламе и Клаперонъ, Пуассонъ и Коши, Сенъ-Венанъ и Филиппъ—относительно *упругости*; Френель и Гамильтонъ, Маколагъ и Нейманъ, Коши и Бланше—относительно *свѣта* и *двойнаго преломленія*.

Изъ шести частныхъ теорій ознаменованныхъ этими трудами, только три послѣднія подвигались и до сихъ поръ постепенно подвигаются впередъ. Первая же, то-есть *теорія капиллярности*, остается въ прежнемъ положеніи, потому ли что аналитическая повѣрка ея казалась сомни-

тельною, или потому что не настало еще случая или необходимости пополнить ее. Вторая, то-есть *статика электричества*, несмотря на свое совершенство, обнимаетъ столь ограниченный кругъ явленій, что нельзя ожидать отъ нея новыхъ успѣховъ: она представляетъ какъ бы оазисъ, который послѣ открытія сдѣланнаго Эрстедомъ, все болѣе и болѣе суживается. Наконецъ, третья теорія принуждена была остановиться вслѣдствіе того же самаго открытія, которое требуетъ новой отрасли математической физики, именно теоріи *электро-магнетизма*, которому еще только предстоитъ начать свое поприще.

Этотъ послѣдній историческій обзоръ расшевеливаетъ во мнѣ одну свойственную мнѣ способность или, пожалуй, недостатокъ, который одинъ изъ младшихъ моихъ товарищей и друзей называетъ *фатализмомъ*. На основаніи этого фатализма дошелъ я до трехъ слѣдующихъ заключеній, которыя представляю какъ три положенія, требующія повѣрки, въ родѣ тѣхъ, которыя написалъ Ферма на поляхъ своего экземпляра *Діофанта*.

1) Изъ застоя, въ которомъ находятся три изъ предыдущихъ теорій и изъ постоянно-возрастающаго успѣха трехъ другихъ, я заключилъ, что частныя начала капиллярности, электричества и магнетизма могутъ быть достигнуты только тогда, когда будутъ извѣстны частныя начала теплоты, упругости и свѣта.

2) Изъ того, что обѣ теоріи, теорія упругости твердыхъ однородныхъ тѣлъ и теорія двойнаго преломленія въ прозрачныхъ кристаллахъ, имѣли одного и того же творца Френеля, я заключилъ, что обѣ должны сливаться въ одну, или группироваться подъ однимъ и тѣмъ же частнымъ началомъ.

3) Изъ того, что останутся затѣмъ только двѣ теоріи еще не совпадающія между собою, я заключилъ, что изъ ихъ взаимнаго сближенія, изъ ихъ будущаго сліянія, рано или поздно, выйдетъ на свѣтъ начало истинно-всеобщее.

Первое изъ этихъ трехъ положеній будетъ ожидать осуществленія двухъ другихъ. Второе въ настоящее время уже вполнѣ оправдано. Одинъ изъ отдѣловъ нашего курса покажетъ, что сліяніе, о которомъ идетъ рѣчь, совершается само собою, и притомъ съ большою выгодой для обѣихъ частей, такъ что кругъ явленій, объясняемыхъ тою и дру-

гою, значительно расширяется. Но послѣднее положеніе остается еще только предсказаніемъ, оправданіе котораго принадлежитъ будущему; однако указываемое имъ сближеніе обнаружилось уже во множествѣ пунктовъ, какъ это и было мною заявлено въ одномъ изъ моихъ новѣйшихъ сочиненій. И мы какъ бы повинуемся совершенно естественному указанію, излагая совмѣстно эти двѣ теоріи, теорію упругости твердыхъ однородныхъ тѣлъ и теорію распространенія теплоты въ тѣхъ же тѣлахъ.

Итакъ, цѣль этого соединенія достаточно объяснена. Но для того чтобы доказать его благовременность, чтобы доказать справедливость возбуждаемыхъ имъ надеждъ, я долженъ войдти здѣсь въ предварительныя разсужденія, чтобъ объяснить нѣкоторыя изъ предыдущихъ положеній и разсѣять сомнѣнія, которыя могли бы остаться вслѣдствіе слишкомъ бѣглаго изложенія ихъ.

Необходимо прежде всего опредѣлить что такое мой *фатализмъ*, и устранить всѣ недоразумѣнія, вызываемыя этимъ словомъ, которыя могутъ распространиться и на самыя заключенія мои, и тѣмъ повредить имъ.

Утверждать, что во всѣ эпохи и у всѣхъ народовъ та преемственность, въ какой слѣдовали общественныя событія одно за другимъ, была необходима и неизбѣжна, значило бы слишкомъ легкомысленно отвергать и вліяніе случайностей, и свободную волю человѣка. Такого рода фатализмъ есть конечно дѣло очень спорное.

Однако можно утверждать, и въ случаѣ нужды даже доказать, что въ томъ порядкѣ, въ которомъ слѣдуютъ одно за другимъ математическія открытія, *нѣтъ ни малѣйшей случайности;* онъ слѣдуетъ раціональной и строгой логикѣ самой науки, и проявляетъ ее въ себѣ. Здѣсь свободная воля человѣка можетъ имѣть вліяніе только на *скорость*, а не на *порядокъ* прогресса.

Чтобы сличить элементы не слишкомъ далекіе одни отъ другихъ, обратимся къ эпохѣ, въ которой замѣчается наибольшая скорость развитія, именно къ эпохѣ нашего XIX вѣка. Всѣ математическіе труды этого времени не только направлены къ одной цѣли, на которую я указалъ, но кромѣ того, всѣ они, безъ исключенія, слѣдовали одинъ за другимъ въ порядкѣ совершенно логическомъ. Внимательный разборъ ихъ не оставилъ во мнѣ ни малѣйшаго сомнѣнія

въ этомъ отношеніи. Такъ открытіе Абелемъ двойной періодичности эллиптическихъ функцій должно было послѣдовать за ученіемъ опредѣленныхъ интеграловъ, круговыхъ функцій и разложеній ихъ, которое почти исключительно господствовало въ то время. Это первое открытіе должно было предшествовать другому, сдѣланному Якоби, о преобразованіи тѣхъ же функцій; за нимъ должно было слѣдовать открытіе Эрмита объ ультра-эллиптическихъ функціяхъ. Далѣе долженъ былъ явиться великолѣпный трудъ Серре о геометрическомъ представленіи всѣхъ этихъ функцій. И какъ-будто въ доказательство того, что эта экскурсія въ область чистой математики обогатила науку новымъ орудіемъ, я потомъ воспользовался имъ для рѣшенія вопроса, оставленнаго безъ отвѣта, о равновѣсіи температуры въ эллипсоидѣ. Этотъ трудъ въ свою очередь долженъ былъ предшествовать двумъ приложеніямъ, несравненно болѣе важнымъ, которыя сдѣлалъ Ліувиль въ вопросѣ о прочности солнечной системы, и Шаль въ своей теоріи поверхностей уровня и равныхъ потенціаловъ.

Тотъ же необходимый и неизбѣжный порядокъ является и во всѣхъ другихъ трудахъ этой эпохи. Я только потому не привожу новыхъ подтвержденій, что пришлось бы поставить геометровъ въ такія сближенія и въ такой порядокъ, который могъ бы не понравиться имъ. Однимъ словомъ, всякій рядъ трудовъ идетъ совершенно въ той же послѣдовательности, какъ и полный трудъ какого-нибудь одного геометра, который успѣлъ разрѣшить новый вопросъ и побѣдить всѣ встрѣчавшіяся при этомъ затрудненія. Этотъ путь, со всѣми его перепутьями, хорошо знакомъ мнѣ потому что мнѣ доводилось дѣлать на немъ чрезвычайно много поисковъ, и если не всегда находилъ я то чего искалъ, то много разъ и находилъ.

Итакъ, если всѣхъ трудящихся математиковъ разсматриваемой эпохи замѣнить мысленно однимъ геометромъ, и предположить что онъ поставилъ себѣ задачею отыскивать начало вещественнаго міра, то его одиночный трудъ, по моему мнѣнію, необходимо воспроизвелъ бы, въ своихъ заранѣе предусмотрѣнныхъ и преемственныхъ фазахъ, весь рядъ совокупныхъ трудовъ, со всѣми ихъ попытками, длиннотами и избыткомъ обобщеній, и наконецъ этотъ геометръ

дошелъ бы до того, что въ руководство для будущихъ изслѣдованій принялъ бы мои три заключенія.

Вотъ мой фатализмъ, и вотъ въ чемъ состоитъ его приложеніе.

Несмотря на множество извѣстныхъ нынѣ, безплодныхъ, попытокъ, многіе замѣчательные ученые не перестаютъ считать законъ Ньютонова притяженія за законъ дѣйствительно всеобщій, который долженъ объяснять какъ частичныя реакціи, такъ и небесныя тяготѣнія. Этимъ исключительнымъ приверженцамъ перваго частнаго закона, сдѣлавшагося достояніемъ науки, мы противопоставимъ слѣдующія соображенія.

Извѣстныя намъ явленія физической природы весьма различны; одни обнаруживаются на замѣтныхъ или даже чрезвычайно большихъ, другія, напротивъ, на незамѣтныхъ, или чрезвычайно малыхъ разстояніяхъ. Начало истинно всеобщее должно въ одинаковой степени объяснить и тѣ и другія. Оно необходимо должно обнимать собою частное начало тяготѣнія, которое и будетъ *высшимъ предѣломъ* его, или единственнымъ членомъ сохраняющимъ замѣтную величину, когда разстояніе принятое за перемѣнное количество превышаетъ извѣстный предѣлъ.

Вслѣдствіе этого, вѣрить во всемогущество тяготѣнія значитъ изъ послѣдняго члена, который одинъ только извѣстенъ въ цѣломъ длинномъ рядѣ, выводить всѣ другіе, даже самый первый. Это очевидно невозможно.

Заключеніе могло бы выйдти совершенно другое, еслибы мы знали первый членъ, который одинъ изъ цѣлаго ряда остается при переходѣ къ нижнему предѣлу, то-есть, когда разстояніе становится незамѣтнымъ, и еслибы, кромѣ того, наблюдаемыя пертурбаціи давали возможность опредѣлить другіе члены. Именно для того чтобы добиться этихъ знаній, такъ много и трудился и трудится нашъ XIX вѣкъ.

Не станемъ называть *отсталыми* тѣхъ, которые слишкомъ долго останавливаются на началѣ *прошедшаго*, потому что тотъ же эпитетъ будетъ приданъ и намъ самимъ строгими учеными, которые слишкомъ быстро стремятся къ началу *будущаго*.

Распространеніе свѣта въ пустотѣ и въ планетныхъ про-

странствахъ, совокупно съ явленіями интерференціи, несомнѣннымъ образомъ доказываютъ существованіе эѳира, матеріи особаго рода, несравненно болѣе распространенной, болѣе всеобщей и вѣроятно гораздо болѣе дѣятельной чѣмъ матерія вѣсомая.

Фатализмъ мой, основываясь на этомъ характеристическомъ опредѣленіи, давно уже дошелъ до двухъ новыхъ заключеній; первое, что будущая наука признаетъ эѳиръ истиннымъ властелиномъ физическаго міра; второе, что желать возвести его теперь же на престолъ, значило бы только замедлить прочное водвореніе его. Въ самомъ дѣлѣ, только однимъ умозрѣніемъ можемъ мы постигнуть этого новаго гостя, хотя и о старой матеріи, доступной нашимъ чувствамъ, имѣемъ мы весьма недостаточныя понятія. И если геометръ пожелалъ бы подвергнуть аналитической повѣркѣ этотъ новый предощущаемый міръ,—сколько гипотезъ принужденъ онъ будетъ сдѣлать *a priori*? Дѣйствіе эѳира на себя самого: дѣйствіе его, которое является между смежными вѣсомыми частицами; форма, расположеніе, внутреннее движеніе этихъ самыхъ частицъ; свойство, направленіе, величина взаимодѣйствія эѳира и вѣсомой матеріи, — все это намъ неизвѣстно. Стало-быть, сколько неопредѣленныхъ функцій должно войдти въ дифференціальное выраженіе, опредѣленный интегралъ котораго долженъ быть подвергнутъ повѣркѣ? Какую значительную степень кратности будетъ имѣть этотъ интегралъ? — развѣ ко всѣмъ этимъ гипотезамъ пришлось бы присоединить почти столько же отвлеченій. Наконецъ, какая громадная умственная сила нужна, для того чтобъ изъ такого сложнаго механизма вывести *законъ*, который при всемъ томъ неизбѣжно будетъ такъ же ненадеженъ какъ и вся сопровождающая его свита гипотезъ и ограниченій.

Этотъ огромный трудъ, опытъ котораго представилъ Коши, и главныя затрудненія котораго съ удивительнымъ искусствомъ побѣдилъ Бланше, находится уже не на томъ пути, который могъ бы повести къ открытію истинно-всеобщаго закона. Но онъ принесъ пользу другаго рода, онъ заранѣе показалъ, что за математическимъ анализомъ не станетъ дѣло, когда нужно будетъ объяснить пертурбаціи найденнаго закона. Онъ облегчитъ сооруженіе будущаго *третьяго монументальнаго труда*. Итакъ, бодрѣе къ дѣлу, будемъ ис-

кать не тутъ такъ тамъ, и лишь бы добраться до цѣли, а за тѣмъ уже все подготовлено и почва уравнена.

Прикованные къ вѣсомой матеріи и живя на одномъ изъ острововъ *эвирнаго океана*, постараемся прежде всего изучить долины, заливы и гавани этого острова, приливы и отливы новой стихіи, вѣтры, ее колеблющіе, ея волны и всякаго рода изверженія, и тогда уже попытаемся пуститься въ нее на всѣхъ парусахъ; повѣримъ наши инструменты, очистимъ нашъ экипажъ и не возьмемъ съ собою ничего сомнительнаго, *неопредѣленнаго*.

Въ одномъ изъ первыхъ моихъ заключеній, я объяснилъ, что всѣ подробности этого продолжительнаго подготовленія могутъ быть получены при помощи *только* двухъ теорій—теплоты и упругости, примѣненныхъ *только* къ тѣламъ твердымъ и однороднымъ. Такая надежда должна, безъ сомнѣнія, показаться преувеличенною, даже химическою: въ самомъ дѣлѣ, а разнородныя-то твердыя тѣла, а потомъ жидкости, а потомъ газы, а тысячи химическихъ соединеній! Да почти все, что̀ требуется объяснить, находится внѣ этой группы тѣлъ, такъ ограниченной и, повидимому, такъ странно выбранной! И однакожь эта надежда весьма основательна.

Въ самомъ дѣлѣ, предположимъ, что какой-нибудь искусный наблюдатель одаренъ чудесною способностью видѣть, осязать и послѣдовательно разъединять атомы извѣстной соли, и что онъ хочетъ воспользоваться этою способностію, чтобъ изучить вполнѣ видъ, составъ и внутреннее движеніе этихъ атомовъ, равно какъ и законы ихъ агломераціи. Что̀ станетъ онъ дѣлать съ группой атомовъ, которую онъ соберетъ? Вопервыхъ, онъ не расположитъ ихъ ни въ видѣ газа, ни въ видѣ жидкости, потому что такое состояніе ихъ слишкомъ неудобно для первыхъ наблюденій, имѣющихся въ виду. Онъ постарается сблизить, сколько возможно, атомы между собою, и расположитъ ихъ такъ чтобы центры ихъ были неподвижны; однимъ словомъ,—онъ составитъ изъ нихъ твердое тѣло; а чтобъ еще болѣе облегчить свое изученіе, онъ расположитъ ихъ всѣ одинаковымъ образомъ; другими словами, приготовленное имъ твердое тѣло будетъ и однороднымъ.

Но къ чему тутъ чудесная способность? Не трудится ли сама природа надъ этимъ приготовленіемъ, заставляя соль

кристаллизоваться? Такимъ образомъ все та же кристаллографія, съ помощію которой Френель создалъ теорію свѣта, должна послужить лабораторіей и для успѣшнаго развитія общей науки. Благодаря ей же Мичерлихъ и Пастёръ сдѣлали свои главныя открытія; и именно въ нейто теперь сосредоточиваются силы теорій теплоты и упругости. Такое разительное совпаденіе служитъ естественнымъ указаніемъ, весьма достаточнымъ для оправданія всѣхъ нашихъ ожиданій.

Впрочемъ ожиданія эти отчасти уже оправданы тѣми важными и обширными объясненіями, которыя вытекаютъ изъ совершившагося нынѣ сліянія теорій упругости и свѣта: этимъ сліяніемъ не только всѣ многочисленныя и разнообразныя явленія двойнаго преломленія объясняются со всею строгостію и крайнею точностью, но кромѣ того, новая теорія самымъ несомнѣннымъ образомъ доказываетъ существованіе *третьяго луча*, о которомъ нѣкогда говорилъ Коши и который былъ встрѣченъ насмѣшливою ироніей невѣрующаго Араго.

Въ одномъ изъ отдѣловъ нашего курса будутъ изложены законы, которымъ подчиняется распространеніе и даже поляризація этого третьяго луча. Прозрачные кристаллы одной или двухъ осей, въ самомъ дѣлѣ, представляютъ тройное преломленіе. Солнечный лучъ, при переходѣ черезъ нихъ, раздѣляется на три луча. Спектръ, при этомъ получаемый, состоитъ дѣйствительно изъ сліянія трехъ различныхъ спектровъ, изъ которыхъ два только суть свѣтовые, третій же есть спектръ теплородный и химическій. Сѣтчатая оболочка нашего глаза обладаетъ способностію разлагать спектръ, если только онъ не сожжетъ и не разложитъ ее.

Такимъ образомъ математическая теорія упругости, усвоивъ себѣ теорію свѣта, распространяется теперь на лучистый теплородъ, фотографію и т. д., что уже оправдываетъ до извѣстной степени нѣкоторыя изъ нашихъ предсказаній.

Но этого еще не довольно. Формулы упругости, исключительно употребляемыя здѣсь, предполагаютъ, что среда состоитъ изъ однихъ вѣсомыхъ частицъ, твердыхъ и одинаковыхъ. Если же твердыя прозрачныя тѣла въ самомъ дѣлѣ скрываютъ внутри себя эѳирное начало, то

приложить къ нимъ тѣ же самыя формулы значило бы допустить, что эѳиръ составляетъ часть вѣсомыхъ частицъ, что онъ повинуется только ихъ движенію, ихъ совокупнымъ перемѣщеніямъ. Если же этого нѣтъ, если, напротивъ, часть эѳира, содержащаяся во внутренности какой-нибудь частицы, можетъ сама въ ней перемѣщаться, останутся ли, въ такомъ случаѣ, все-таки вѣрными употребленныя формулы? Если нѣтъ, то какимъ образомъ слѣдуетъ измѣнить ихъ, въ особенности по отношенію къ свѣтовымъ волнамъ?

Основываясь на теоріи механической работы силъ упругости, предложенной Клапейрономъ, недавно я успѣлъ доказать, съ неожиданною строгостію и простотою, что скорость распространенія волны во всякомъ твердомъ и прозрачномъ тѣлѣ уменьшается вмѣстѣ съ длиною волны. Уменьшеніе это *равно нулю*, когда нѣтъ свободнаго эѳира; оно *нечувствительно* во всѣхъ случаяхъ волнъ звучащихъ, и напротивъ *весьма замѣтно* въ свѣтовыхъ волнахъ, когда, при существованіи эѳира, разстояніе центровъ тяжести вѣсомыхъ частицъ и длина волны суть величины одного и того же порядка. Это значитъ, что коефиціенты упругости въ употребленныхъ формулахъ, вмѣсто того чтобы быть постоянными, зависятъ отъ длины волны и уменьшаются вмѣстѣ съ нею. Вотъ въ чемъ состоитъ необходимое и достаточное измѣненіе этихъ формулъ.

Изъ этого втораго теоретическаго обобщенія вытекаютъ:

1) Единственное строгое доказательство того, что въ прозрачныхъ твердыхъ тѣлахъ существуетъ свободный эѳиръ, что было допускаемо прежде a priori, но безъ доказательства.

2) Единственно возможное объясненіе разсѣянія свѣта. По способу, употребленному Френелемъ, явленіе это зависѣло отъ частнаго дифференціальнаго уравненія 4-го порядка. Появленіе такого уравненія должно показаться страннымъ въ теоріи основанной на раціональной механикѣ, въ которой аналитическія опредѣленія не простираются далѣе втораго порядка.

3) Цѣлый рядъ новыхъ заключеній относящихся къ разсѣевающей силѣ, къ окрашенію прозрачныхъ срединъ, къ разстояніямъ раздѣляющимъ вѣсомыя части между собой и пр...

Это богатство результатовъ, проистекающихъ изъ перваго сліянія теорій упругости и двойнаго преломленія, сліянія угаданнаго и уже совершившагося, не даетъ ли намъ права ожидать подобныхъ же результатовъ и отъ втораго сліянія (теоріи упругости съ теоріей теплоты)?

Итакъ, мы имѣемъ полное основаніе считать благовременнымъ сближеніе двухъ теорій, между которыми должно совершиться это послѣднее сліяніе.

Перейдемъ теперь къ другимъ соображеніямъ.

Послѣ того какъ признали мы въ чемъ состоитъ истинное направленіе физико-математическихъ наукъ въ наше время, намъ слѣдуетъ съ точностію опредѣлить современное ихъ состояніе, и подготовить ихъ будущее развитіе. Многихъ изъ участниковъ въ совершенныхъ работахъ уже нѣтъ на свѣтѣ, я *старшій* изъ оставшихся. Прежде нежели оставлю это мѣсто, я долженъ исполнить еще одинъ долгъ, долгъ собрать, очистить, упростить достигнутые результаты, для того чтобъ облегчить нашимъ преемникамъ довершеніе зданія. Такова была цѣль четырехъ курсовъ, постепенно мною изданныхъ. Предпринимаемый мною нынѣ, который оставлю неизданнымъ, имѣетъ цѣлію соединить ихъ всѣ въ самую сжатую и вмѣстѣ самую полную форму. Въ этомъ заключается истинное значеніе курса раціональной математической физики, обнимающаго двѣ части: теорію теплоты и упругости. Его можно сравнить въ этомъ отношеніи съ курсомъ механики, состоящимъ также изъ двухъ частей, кинематики и динамики, изъ которыхъ первая основана на аксіомѣ *независимости относительныхъ движеній*; вторая же на той аксіомѣ, что *противодѣйствіе равно и противоположно дѣйствію*. Въ нашемъ курсѣ начальными аксіомами служатъ слѣдующія: для *теплоты*, что обмѣнъ теплоты между двумя ближайшими частицами твердаго и теплопрозрачнаго тѣла пропорціоналенъ разности ихъ температуръ; а для *упругости* аксіома, что между двумя частицами твердаго тѣла, находящимися на замѣтномъ разстояніи одна отъ другой, не существуетъ никакого сцѣпленія. Начала эти не сопровождаются никакими гипотезами a priori; они не требуютъ никакой аналитической повѣрки.

Я не буду пользоваться въ своемъ курсѣ извѣстными аналитическими пріемами; я замѣню ихъ самыми простыми

и самыми скорыми синтетическими пріемами, чтобы возможно было такое сближеніе различныхъ частей между собою, при которомъ было бы легко обнять всю ихъ совокупность.

Благодаря настойчивости, я успѣлъ, въ этихъ трудахъ сосредоточенія, болѣе даже нежели самъ ожидалъ: выводъ принадлежащихъ мнѣ теоремъ до того упростился, что почти совершенно уничтожаетъ заслугу ихъ открытія. Эти и другія разочарованія въ томъ же родѣ показали мнѣ всю искренность совѣтовъ, которые давалъ мнѣ когда-то одинъ изъ пріятелей моихъ, теперь уже умершій.

Этотъ мой пріятель былъ математикъ весьма ученый, но неодаренный большою изобрѣтательностью; онъ не понималъ, какъ геометръ можетъ пожертвовать хотя бы малѣйшею частицей своей репутаціи изъ любви къ наукѣ и для ускоренія ея развитія. Онъ говорилъ мнѣ: «Если вы откроете новую математическую истину или рѣшеніе важнаго вопроса, остерегайтесь упрощать ихъ изложеніе; напротивъ, представьте ихъ во всей ихъ первоначальной сложности. Чѣмъ труднѣе будетъ ваше открытіе для разумѣнія современниковъ, тѣмъ выше они его оцѣнятъ. Правда и то также, что будущее непремѣнно возстановитъ его истинное значеніе. Но что̀ вамъ въ этомъ толку! Тѣ съ кѣмъ вы живете, обманутые неосторожнымъ упрощеніемъ вашего открытія, сочтутъ его за пустяки. Не подражайте ни Лагранжу, ни Пуансо; лучше возьмите примѣръ съ Лапласа и Пуассона: послѣдній только тогда обладалъ высшею степенью ясности, когда излагалъ труды другихъ, напримѣръ въ удивительномъ своемъ докладѣ объ открытіи Якоби.“

Затѣмъ онъ прибавилъ: „Заниматься сокращеніемъ и упрощеніемъ, работой всегда очень тягостною и очень трудною,—значитъ обманывать себя. Если появленіе такихъ трудовъ можетъ значительно ускорить движеніе науки въ извѣстную эпоху, то это всегда бываетъ въ ущербъ самому автору, который покажется тѣмъ менѣе глубокимъ математикомъ чѣмъ легче будутъ читать его.“

Противъ всѣхъ этихъ доводовъ можетъ возражать только такой геометръ, который избралъ себѣ девизомъ: *все для науки;* а какъ я всегда желаю быть правымъ, даже предъ своими друзьями, то я взялъ себѣ этотъ девизъ, и рѣ-

шился не отступать отъ него. И для начала предполагаю рѣшить теперь слѣдующую задачу:

Отыскать какими средствами, какими реформами, какими новыми установленіями, можно ускорить вѣковое дѣло, ведущее къ открытію истинно-всеобщаго начала физической природы.

Необходимый логическій порядокъ, которымъ частные труды слѣдуютъ одни за другими, опредѣляетъ также и число ихъ, и поэтому числс ихъ не можетъ быть сокращено; увеличена можетъ быть только скорость ихъ послѣдованія.

Три разряда ученыхъ стоятъ на *брешн:* физики, химики и геометры; изъ нихъ только послѣдніе слишкомъ медленно подвигаются впередъ. Въ самомъ дѣлѣ, физики занимаются теперь пертурбаціями, опредѣляя отклоненія законовъ Гей-Люсака, Дюлона; химики, выдвинулись еще далѣе: стремясь овладѣть началомъ явленій высшаго порядка, началомъ органическаго міра, они пытаются распространить законы минеральнаго міра и на другія два царства. Отстала только математическая часть совокупнаго труда.

Итакъ, подстрекнуть современныхъ геометровъ, въ особенности же умножить число ихъ — вотъ единственныя средства рѣшить поставленный вопросъ. Первое изъ этихъ двухъ средствъ было бы только временною мѣрой; поэтому займемся сначала вторымъ.

Намъ нужна аксіома; возьмемъ слѣдующую: *каждая способность, обнаруживающаяся въ человѣкѣ, предполагаетъ цѣль, къ которой она должна стремиться и для которой она необходима.* Такова способность къ математикѣ. Каждый человѣкъ родится съ нею; у нѣкоторыхъ она развивается; у большинства пропадаетъ отъ недостатка упражненія и *обученія.* Цѣль этой способности—постепенное открытіе законовъ управляющихъ міромъ. Предположивъ все это, поищемъ теперь какимъ способомъ увеличить число геометровъ-изобрѣтателей и направить ихъ къ означенной цѣли и притомъ со всевозможною скоростью. Въ самомъ дѣлѣ, теперь, когда человѣкъ съ такою быстротою перемѣщаетъ тѣло свое по желѣзнымъ дорогамъ, мысль свою по телеграфической проволокѣ, онъ можетъ желать большей быстроты и въ преподаваніи, и въ приложеніи точныхъ наукъ. И мы, также ради скорости, кратко изложимъ теперь свою мысль въ видѣ нѣсколькихъ положеній, сопрово-

ждаемыхъ подтвердительными доказательствами. Новый способъ преподаванія долженъ необходимо удовлетворить двумъ слѣдующимъ условіямъ:

1) *Устранить навсегда раздѣленіе науки на чистую и прикладную математику.* Первая теперь уже не существуетъ. *Ариѳметика* въ высшей степени практична; самая *теорія чиселъ* находитъ свои лучшія теоремы въ ученіи о колебаніяхъ. *Геометрія* и *механика* суть двѣ отрасли математической физики, изслѣдующія два различныя свойства матеріи — пространство и движеніе. *Алгебра* и *дифференціальное исчисленіе* суть только неизбѣжныя и нераздѣльныя орудія всѣхъ физическихъ теорій, орудія, которыми открываются самые общіе законы изучаемыхъ явленій. *Интегральное исчисленіе*, если его излагать какъ отдѣльное цѣлое, будетъ безсмыслицею: каждый успѣхъ его имѣетъ естественное начало свое въ какомъ-нибудь приложеніи.

2) *Излагать всѣ отдѣлы каждой науки свойственными имъ изобрѣтательными методами, тщательно остерегаясь исключительнаго употребленія косвенныхъ методовъ или простыхъ аналитическихъ повѣрокъ, признаваемыхъ болѣе строгими, но совершенно безплодныхъ.*

Нѣтъ никакого общаго метода на то чтобъ *изобрѣтать*; каждое открытіе имѣетъ свой собственный методъ, и притомъ исключительно ему свойственный. Единственное средство изощрить духъ изысканія состоитъ въ томъ, чтобы пройдти всѣ уже извѣстныя открытія тѣмъ путемъ, какъ они произведены. Уже одна многочисленность этихъ примѣровъ въ состояніи возбудить способность къ умноженію ихъ числа. И если въ цѣломъ рядѣ изобрѣтательныхъ методовъ, анализъ и геометрія окажутся дѣйствующими иногда въ соединеніи, иногда порознь, то слѣдуетъ тщательно блюсти этотъ естественный порядокъ.

Однимъ словомъ: *не должно отдѣлять науку отъ ея приложеній.*

Въ *ариѳметикѣ* учите достаточно уже извѣстнымъ теперь способамъ быстрыхъ вычисленій, въ сравненіи съ которыми обыкновенныя вычисленія, даже съ помощію логариѳмовъ, кажутся невыносимо медленными, и напоминаютъ путешествія въ фурахъ въ царствованіе Людовика XIV.

Въ геометріи излагайте всѣ предложенія въ видѣ задачъ для рѣшенія, такъ какъ изучалъ ее Паскаль; и другіе геометры были весьма довольны тѣмъ что послѣдовали его примѣру. Совершенно устраните при этомъ всѣ косвенныя доказательства и выводы отъ противнаго, заимствованные у Грековъ, и способные только заглушить всякую изобрѣтательность.

Въ механикѣ руководствуйтесь исключительно методомъ принятымъ въ Политехнической школѣ по указанію Понселе, и такъ удачно введеннымъ Делоне въ нашъ математическій факультетъ. Но здѣсь въ особенности не должно употреблять во зло методовъ чисто-геометрическихъ, и замѣнять ими всѣ аналитическіе методы, даже тѣ, которые въ сущности гораздо проще, скорѣе ведутъ къ цѣли и которымъ въ особенности принадлежитъ заслуга самыхъ открытій.

Въ алгебрѣ... но тутъ я останавливаюсь; преобразованія, нужныя въ преподаваніи прочихъ наукъ, могли бъ быть приняты за неучтивую критику направленную противъ нынѣшнихъ преподавателей. Сами они легко угадаютъ въ чемъ должны состоять эти преобразованія.

Въ заключеніе скажу, что при методѣ преподаванія, здѣсь набросанномъ мною, учащіеся употребятъ вдвое менѣе времени, выучатся гораздо основательнѣе и пріобрѣтутъ вдвое болѣе свѣдѣній, нежели при общеупотребительномъ способѣ университетскаго преподаванія. Ничто не покажется имъ труднымъ или сухимъ; они научатся любить науку и ея *приложенія*. Вмѣсто десятка геометровъ-изобрѣтателей, Франція скоро будетъ считать ихъ сотнями. И не пройдетъ еще десяти лѣтъ, какъ уже будетъ открыто истинно-всеобщее начало.

Если бы пересказать здѣсь всѣ опыты какіе я предпринималъ, всѣ подтвержденія какія я видѣлъ, относительно дѣйствительности этого способа обученія при моемъ преподаваніи всѣхъ названныхъ наукъ въ различныхъ заведеніяхъ, французскихъ и иностранныхъ, вы убѣдились бы, что сказанное мною не заключаетъ въ себѣ ничего преувеличеннаго; напротивъ, можетъ-быть, нашли бы даже мой отзывъ слишкомъ скромнымъ.

Возратимся теперь къ первому способу. Нынѣшнихъ геометровъ можно раздѣлить на двѣ группы: на старыхъ и молодыхъ. Всѣ первые ревностнымъ участіемъ содѣйствовали обозначенному мною вѣковому дѣлу; другіе же, обнаруживъ свои способности въ начинаніяхъ несомнѣннаго достоинства, быть-можетъ еще колеблются по какой дорогѣ имъ идти. Первая группа состоитъ изъ моихъ товарищей, учителей моихъ во многихъ отношеніяхъ; могу только просить ихъ присоединиться ко мнѣ, чтобы подать второй группѣ, преемникамъ нашимъ, совѣтъ и указаніе относительно желаемой цѣли. Мы скажемъ имъ:

„Будьте убѣждены, какъ убѣждены теперь и мы, что труды ваши неизбѣжно будутъ направлены, какъ направлялись и наши, къ открытію общаго начала физической природы. Но обладая этимъ убѣжденіемъ, котораго намъ не доставало, вы будете идти несравненно быстрѣе нашего; вы легко избѣгнете лишнихъ остановокъ, сложностей и обобщеній. И прежде всего старайтесь неупустительно слѣдить за всѣми тѣми законами требующими объясненія, постановлены физиками, химиками, кристаллографами, геологами. Ознакомьтесь также съ уклоненіями и аномаліями этихъ законовъ; намъ часто не доставало такихъ свѣдѣній. Затѣмъ, пріучитесь употреблять всѣ орудія положительныхъ наукъ, не исключая ни одного, но безъ всякихъ преувеличеній: останавливайтесь за каждымъ изъ нихъ немного далѣе той точки, которая обозначена послѣднимъ его приложеніемъ. Соберите, сохраните всѣ аналитическіе, геометрическіе, кинематическіе методы, употребленные съ пользою вашими предшественниками. И при составленіи этого-то запаса въ особенности должно опасаться всякихъ проволочекъ и промедленій. Какой-нибудь любимый методъ займетъ васъ, овладѣетъ вами; начнете распространять его разными обобщеніями какихъ вовсе не требуется и позабываете все остальное. Разнообразіе такихъ предпочтеній можетъ даже разбить вашу группу на нѣсколько отдѣльныхъ лагерей, пожалуй, даже враждебныхъ. Промедленія и задержки увеличатся. А что будетъ наконецъ, если каждый лагерь вздумаетъ придавать другимъ геометрамъ какой-нибудь обидный эпитетъ? напримѣръ, если лагерь чистаго анализа назоветъ *радіусами кривизны* тѣхъ, которые изучаютъ поверхности

и кривыя? или лагерь *чистой геометріи*, полагая унизить, уничтожить своихъ противниковъ, съ презрѣніемъ скажетъ о нихъ что они не болѣе какъ *аналитики?* Что случится тогда? Мы вамъ скажемъ. Какой-нибудь бродячій піонеръ, убѣжденный въ томъ, что имѣющееся въ виду открытіе, какъ и всѣ извѣстныя великія приложенія, можетъ выйдти только изъ дружескаго сочетанія анализа и геометріи, этотъ піонеръ извлечетъ изъ вашихъ разрозненныхъ трудовъ все что̀ ему нужно и, въ одинъ прекрасный день, на рубежѣ двухъ враждебныхъ лагерей, и подъ носомъ у нихъ, развяжетъ гордіевъ узелъ. Будетъ ли этотъ ловкій побѣдитель, этотъ второй Ньютонъ, одинъ изъ вашихъ, благоразумно оставшійся внѣ вашихъ укрѣпленій, или же одинъ изъ учениковъ новаго метода преподаванія, или кто-нибудь другой, Италіянецъ или Французъ, Англичанинъ или Нѣмецъ, Полякъ или Русскій, все равно, только *открытіе будетъ сдѣлано*. Тогда наука, владѣя началомъ физической природы, быстрыми шагами устремится къ началу органическаго міра, а всѣ ученые, не исключая и васъ, принуждены будутъ соединиться подъ новымъ знаменемъ. (Пусть же *федералы* и *конфедераты* всѣхъ *штатовъ*, когда-то соединенныхъ, примутъ это къ свѣдѣнію.)

„Если не нравится вамъ такой роковой исходъ всѣхъ раздробленій, повоздержитесь отъ вашихъ влеченій до той поры пока не будетъ одержана побѣда, и приготовьтесь теперь къ изысканіямъ. Перейдите, для начала, въ наши новѣйшія мастерскія. Умножьте тамъ приложенія теорій упругости и теплоты; поле передъ вами обширное. Добросовѣстный обзоръ и многочисленные опыты убѣдили насъ, что всѣ вопросы относительно прочности построеній, относительно сопротивленія матеріяловъ, эмпирически изслѣдованные инженерами, могутъ быть съ точностію разрѣшены теперь, при помощи чисто-раціональной части теоріи упругости.

„Что касается до указаній болѣе точныхъ, которыя дали бы вамъ коснуться самой цѣли, то мы удерживаемся отъ нихъ, потому что высказать искомое начало, прежде чѣмъ оно вполнѣ и со всею точностью доказано, было бы неисправимою ошибкой, которой мы желаемъ избѣжать всячески; просимъ и васъ избѣгать ее. Это начало, еще подлежащее сомнѣнію, было бы названо *системою*, и въ этомъ качествѣ, подверглось бы нападеніямъ, встрѣтило

бы тысячу возраженій и было бы праровнено ко всѣмъ теоріямъ прежнихъ философовъ. Такія нападки, критики, сравненія могли бы сильно обезкуражить изыскателей; а отсюда произошло бы промедленіе гораздо болѣе продолжительное чѣмъ какое можетъ произойдти отъ раздѣленія вашего на разрозненные лагери.

„Затѣмъ желаемъ вамъ удачи и успѣха.“

Таково полное рѣшеніе предложеннаго вопроса. Но приложимо ли оно? Посмотримъ. Дѣйствительность перваго способа очень сомнительна. Не думаю, чтобы въ настоящее время всѣ геометры согласились—старшіе подписать свое имя подъ предыдущею аллокуціей, младшіе—послѣдовать данному совѣту. Но что касается до новаго способа преподаванія я твердо убѣжденъ, что онъ осуществится и будетъ имѣть успѣхъ, и я сейчасъ объясню, почему.

Съ самаго начала моей дѣятельности, крайне удивляло меня, что физіологи, распространяясь съ большою подробностію о животныхъ наклонностяхъ человѣка весьма умѣренно и кратко говорятъ о его умѣ. Я хотѣлъ убѣдиться самъ, дѣйствительно ли это зависитъ отъ недостатка данныхъ. Вотъ первое начало того громаднаго собранія наблюденій, которыя въ продолженіе сорока лѣтъ моего профессорства и экзаминаторства производилъ я надъ десятью слишкомъ тысячами учениковъ, изъ всѣхъ племенъ, населяющихъ Европу. Сопостановка этихъ наблюденій весьма ясно показала мнѣ, что есть общій законъ управляющій послѣдовательными появленіями различныхъ умственныхъ способностей. Законъ этотъ, который подтверждается всѣми извѣстными біографіями, привелъ меня къ *раціональной теоріи преподаванія*, которую не обнародовалъ я потому только, что г. Флуранъ, краснорѣчивый и ученый непремѣнный секретарь нашъ, счелъ бы долгомъ своимъ схоронить подобный трудъ рядомъ съ трудами Галля и Спурцгейма, а я желалъ избавить его отъ этой заботы. Для меня изъ этой раціональной теоріи совершенно ясно, что ходъ преподаванія, до сихъ поръ лишенный твердыхъ основаній, имѣетъ свойственное ему частное начало, какъ и всякая другая наука. Это начало, которое я успѣлъ уловить, непремѣнно будетъ узнано и провозглашено другими. Такимъ образомъ второе средство наше,

которое есть не что̀ иное какъ частное приложеніе этого самаго начала, установится само собою и образуетъ многочисленныя группы геометровъ, въ которыхъ изобрѣтательная способность будетъ развита достаточно. Геометры эти будутъ владѣть всѣми математическими орудіями безъ исключенія и сумѣютъ приложить всѣ методы, которыхъ происхожденіе, относительное достоинство и взаимная необходимая зависимость будутъ извѣстны имъ; всѣ они будутъ стоять подъ однимъ общимъ знаменемъ, и если случится, что большая работа потребуетъ временнаго раздѣленія ихъ по частнымъ мастерскимъ,—мастерскія эти, выйдя изъ той же школы, будучи сестрами по наукѣ и открытіямъ, не станутъ оскорблять одна другую никакими эпитетами. Тогда наступитъ золотой вѣкъ математическихъ наукъ, и его дружнымъ и быстрымъ трудомъ будетъ открытъ общій законъ, который управляетъ частичнымъ, а *слѣдовательно* и звѣзднымъ міромъ. Открытіе это, по всей вѣроятности, совершится при новомъ изученіи естественныхъ кристалловъ, съ помощію аналитическихъ теорій теплоты и упругости.

РУССКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

О рабочемъ классѣ и мѣрахъ къ обезпеченію его благосостоянія. Тернера. Санктпетербургъ. 1861.

Книга Тернера представляетъ сводъ различныхъ мѣръ и учрежденій, принятыхъ въ главныхъ государствахъ Европы для улучшенія и обезпеченія участи рабочихъ классовъ. Вопросъ о рабочихъ классахъ, въ настоящее время, стоитъ на первомъ планѣ, и по справедливости считается главною общественною задачею современной эпохи. Дѣйствительно, ни одна эпоха въ исторіи не была ознаменована такою глубокою симпатіей къ рабочимъ классамъ, такою заботливостью объ улучшеніи общественнаго и нравственнаго положенія ихъ. Повсемѣстно принимаются правительственныя мѣры, дѣлаются тщательныя изысканія, основываются разнообразныя общества, расширяется частная благотворительность. Въ этой заботливости, въ этихъ стараніяхъ, въ этомъ пробудившемся сочувствіи къ положенію бѣдныхъ людей, нельзя не признать великой заслуги нашего времени.

Въ то время какъ у насъ всеобщее вниманіе обращено на положеніе земледѣльческихъ классовъ, въ западной Европѣ главныя заботы сосредоточены на той части населенія, которая предана промышленной дѣятельности, ма-

нуфактурному и фабричному производству. Такое различіе въ направленіи общественной и частной дѣятельности является естественнымъ послѣдствіемъ разнообразія экономическихъ условій. Западная Европа давно уже пережила ту фазу, на которой стоимъ мы нынѣ; она давно уже освободилась отъ наслѣдственныхъ узъ крѣпостнаго права, и вышла на широкій путь промышленной свободы. Въ исторіи развитія ея хозяйства особенно памятенъ тотъ громадный переворотъ, который совершился вслѣдствіе замѣны ремесленнаго, домашняго производства мануфактурнымъ и фабричнымъ.

Промышленный міръ въ западной Европѣ, въ послѣднюю эпоху исторіи, подвергся не менѣе поразительнымъ превращеніямъ какъ и міръ политическій. Еще въ началѣ XVIII столѣтія, онъ имѣлъ совершенно иной видъ. Европейскія государства составляли отдѣльныя замкнутыя общества, огражденныя со всѣхъ сторонъ цѣпью таможень и заставъ; земледѣліе было преобладающимъ занятіемъ; въ городахъ и селахъ господствовала еще средневѣковая форма промышленности, — ремесла и домашнее производство, корпораціи и цехи; мануфактуры и фабрики почти совсѣмъ не существовали; рабочіе промышленные классы были немногочисленны и, обезпеченные монополіями и привилегіями, огражденные отъ внѣшняго и внутренняго соперничества, вели скромную и темную жизнь, не испытывая потрясеній, не подвергаясь промышленнымъ кризисамъ.

Но такой характеръ промышленности необходимо долженъ былъ измѣниться, вмѣстѣ съ тѣмъ быстрымъ развитіемъ образованности, съ тѣми успѣхами наукъ, открытій и изобрѣтеній, которыя характеризуютъ европейскую жизнь послѣднихъ столѣтій. Уже въ восьмнадцатомъ столѣтіи мы замѣчаемъ всѣ признаки разложенія старой системы. Видно, что средневѣковая форма промышленности доживаетъ свои послѣдніе дни. На это указываетъ переворотъ въ сельскомъ хозяйствѣ и въ поземельныхъ отношеніяхъ, освобожденіе сельскаго населенія отъ крѣпостныхъ узъ, внутреннее распаденіе цеховаго устройства, умноженіе и развитіе потребностей, расширеніе промышленности и торговли, появленіе движимыхъ капиталовъ и богатаго средняго сословія. Наконецъ цѣлый рядъ великихъ промышлен-

ныхъ открытій и изобрѣтеній Уатта, Гаргрева, Гайса, Аркрайта, Кромптона, Вэлля, Фультона и другихъ, непрерывно слѣдующихъ другъ за другомъ съ половины восемнадцатаго столѣтія, наноситъ послѣдній ударъ прежнему порядку, поражаетъ на смерть систему цеховъ и корпорацій и пролагаетъ путь новой организаціи промышленности, основанной на болѣе широкихъ и свободныхъ началахъ. Какъ результатъ этихъ открытій являются машины и фабрики, машинное производство начинаетъ тѣснить ручное, и одерживаетъ надъ нимъ побѣду за побѣдой, сначала въ обработкѣ хлопчатой бумаги, потомъ въ обработкѣ шерсти, льна и шелка; далѣе слѣдуютъ усовершенствованія горшечнаго и стекляннаго производства; въ то же время, съ примѣненіемъ пара къ устройству машинъ, возрастаетъ значеніе желѣза и каменнаго угля, и фабричная система окончательно торжествуетъ и устанавливается.

Понятно, что такой переходъ долженъ былъ оказать глубокое дѣйствіе на всю совокупность общественной жизни и произвести совершенный переворотъ въ народно-хозяйственныхъ отношеніяхъ. Самые яростные противники фабрикъ и машинъ не оспариваютъ великихъ результатовъ доставленныхъ ими въ области производства; фабрики, отличаясь чрезвычайною дешевизной и высокимъ качествомъ издѣлій, необыкновенною производительностью, вслѣдствіе приложенія въ обширныхъ размѣрахъ начала раздѣленія труда и замѣны человѣческихъ силъ силами природы, являются истиннымъ торжествомъ духа человѣческаго надъ природою, необходимымъ элементомъ для дальнѣйшихъ успѣховъ человѣчества. Но содѣйствуя небывалому еще матеріяльному развитію благосостоянія, они вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлались главнымъ двигателемъ успѣховъ новѣйшей образованности. Привлекая въ города многочисленное населеніе, фабрики сблизили людей взаимными хозяйственными и общественными интересами, облегчили обмѣнъ идей, вывели рабочіе классы изъ того полуживотнаго состоянія закоснѣлости и невѣжества, въ которомъ они прозябали въ теченіе вѣковъ, пробудили въ нихъ довѣріе къ себѣ, сознаніе собственнаго достоинства, стремленіе къ совершенствованію, породили въ нихъ духовныя и нравственныя свойства столь необходимыя для дальнѣйшаго улучшенія ихъ быта. Съ другой стороны, со-

дѣйствуя расширенію торговли, фабрики связали различные народы болѣе тѣсными узами и оказали громадное нравственное вліяніе на распространеніе знаній по всему міру.

Но, сознавая великое значеніе этого промышленнаго переворота въ настоящемъ и предвидя еще болѣе великую будущность его, мы далеки отъ того, чтобы вмѣстѣ съ восторженными и фанатическими поклонниками представлять себѣ эту систему какъ Аркадію цивилизаціи. Мы далеки отъ того слѣпаго увлеченія совершившимися успѣхами, которое забываетъ о темныхъ сторонахъ дѣла, побуждающихъ идти далѣе впередъ. Увлеченіе было простительно въ первую эпоху; въ настоящее же время, когда неотразимые статистическіе факты доказали сильную смертность, увеличеніе преступленій и бѣдности въ промышленныхъ округахъ, продолжать иллюзіи не позволительно. Не признавать этихъ явленій, значитъ отворачивать глаза отъ дѣйствительности, оспаривать существованіе фактовъ, и нынѣ, говоря объ экономическихъ выгодахъ фабричной системы, немногіе рѣшатся отвергать темныя стороны ея въ другихъ отношеніяхъ.

Дѣйствительно, переходъ отъ прежней системы къ этой новой формѣ, прозванной индустріализмомъ, совершился не безъ страданій и жертвъ, не безъ глубокихъ потрясеній. Рядомъ съ невиданнымъ доселѣ развитіемъ промышленности, новый прогрессъ породилъ страшное преобладаніе капитала. Съ каждымъ новымъ изобрѣтеніемъ и примѣненіемъ его къ промышленности, издержки производства уменьшались, усиливался запросъ и потребленіе, расширялись рынки, а вмѣстѣ съ тѣмъ и потребность въ рабочихъ. Сельское населеніе начало приливать въ города, производство принимало все бо́льшіе и бо́льшіе размѣры, капиталы и народонаселеніе постоянно сосредоточивались, промышленныя предпріятія перешли въ достояніе немногихъ монополистовъ, сдѣлавшихся полными властелинами въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности. Это было естественнымъ слѣдствіемъ тѣхъ громадныхъ удобствъ, которыя представляетъ большое фабричное производство, относительно заготовленія матеріяловъ, сбыта произведеній, пользованія естественными силами природы, возможности обширнаго приложенія раздѣленія труда, значительной экономіи издержекъ, и другихъ экономическихъ выгодъ. При дороговизнѣ машинъ и ихъ громадной производи-

тельности, при невозможности располагать значительными капиталами и обширнымъ кредитомъ, мелкія промышленныя предпріятія становились все болѣе и болѣе невозможными; ремесленники уступали мѣсто машинамъ; мелкіе капиталы сливались въ громадныя богатства,—и такимъ образомъ значительная масса самостоятельныхъ производителей обратилась въ фабричныхъ работниковъ и стала въ полную зависимость отъ крупныхъ капиталовъ. Фабрики распространились повсюду; переполнивъ города, они начали создавать свои собственные центры, стянули къ себѣ громадную массу разнороднаго населенія, и подъ именемъ *рабочихъ классовъ* создали особый слой населенія, существованіе котораго тѣсно слилось съ существованіемъ и процвѣтаніемъ фабрикъ.

Такое скопленіе рабочаго люда въ городахъ и промышленныхъ центрахъ необходимо должно было оказать глубокія послѣдствія на его положеніе, тѣмъ болѣе что при такомъ быстромъ переселеніи общественная предусмотрительность не имѣла времени регулировать этого хода дѣлъ, не успѣла принять никакихъ мѣръ предосторожности. Зло, происшедшее отсюда, было усилено постороннимъ обстоятельствами: почти безпрерывными двадцатилѣтними французскими войнами, континентальною системой и запретительными тарифами двадцатыхъ годовъ, и нельзя не согласиться съ тѣми, которые утверждаютъ, что страданія рабочихъ классовъ, порожденныя промышленнымъ переворотомъ, были бы несравненно слабѣе, еслибы не было этихъ постороннихъ обстоятельствъ. Какъ бы то ни было, первое возникновеніе фабричной системы сопровождалось множествомъ потрясеній, потерь и развитіемъ пролетаріата. Всѣмъ извѣстны печальныя картины бѣдности въ промышленныхъ центрахъ. Быстро прихлынувшее населеніе скопилось въ самыхъ грязныхъ частяхъ городовъ, гдѣ оно не имѣетъ ни простора, ни убѣжища. Утомительныя занятія, скудная пища, тѣсныя и сырыя помѣщенія, особенно въ подвалахъ и мастерскихъ, испорченный воздухъ, работа по ночамъ, раннее и неумѣренное принужденіе дѣтей къ работѣ, имѣли самое гибельное вліяніе на здоровье и нравственное положеніе рабочихъ классовъ. Слѣдствіемъ этого была цѣлая бездна золъ: преждевременныя болѣзни, усиленіе смертности, сокращеніе средней

жизни, расположеніе къ пьянству, ослабленіе семейныхъ связей, нравственное огрубѣніе.

Главныя причины бѣдственнаго положенія рабочихъ классовъ зависѣли отчасти отъ нихъ самихъ, отчасти отъ условій внѣ ихъ лежащихъ. Съ одной стороны бѣдность и страданія рабочихъ происходили отъ неразвитости, недостатка бережливости и порядка въ хозяйствѣ, необдуманныхъ браковъ, легкомысленной растраты высокихъ заработковъ въ благопріятныя эпохи; съ другой, онѣ обусловливались дороговизною жизни въ многолюдныхъ центрахъ, невозможностью самостоятельной дѣятельности, тягостною зависимостью отъ фабрикъ, ограниченностью средствъ, отсутствіемъ возможности пользоваться производительнымъ кредитомъ, значительными колебаніями заработной платы. Подстрекаемые конкурренціей, зависѣвшею отъ непостоянныхъ требованій заграничной торговли, фабрикантамъ нерѣдко оставались одно изъ двухъ: или производить какъ можно дешевле, или пасть въ борьбѣ. Какъ то, такъ и другое гибельно отзывалось на работникѣ. Закрытіе фабрики лишало его средствъ къ жизни, дешевизна пріобрѣталась насчетъ заработной платы. Въ эпоху ремесленной системы, ремесленникъ работалъ у себя дома, среди семьи; простые работники дѣлили съ хозяевами мастерскую и столъ, и имѣли надежду сдѣлаться современемъ самостоятельными хозяевами. Съ устройствомъ же фабричной системы, семейная жизнь была потрясена, между хозяевами и работниками прервалась всякая нравственная связь, между ними образовалась бездна; работникамъ пресѣклась возможность становиться хозяевами. При прежней раздробленности промысловъ, въ худое время работа у ремесленника убывала мало-по-малу; работникъ, лишившись мѣста, удобнѣе могъ найдти себѣ новое занятіе, тогда какъ при новѣйшей сосредоточенности работъ, фабричный работникъ, вслѣдствіе прекращенія дѣйствія фабрики, можетъ внезапно остаться безъ работы и съ большимъ трудомъ отыскиваетъ себѣ другое мѣсто. Сверхъ того, всякая остановка въ сбытѣ, прекращеніе запроса, всякое неудачное промышленное предпріятіе со стороны фабриканта, всякіе промышленные кризисы, неизбѣжные при широкомъ и быстромъ развитіи человѣческой дѣятельности, все это тяжело отзывается на неприготовленномъ и

безоружномъ рабочемъ населеніи, все это влечетъ за собой закрытіе фабрики или по крайней мѣрѣ пониженіе рабочей платы. Если присоединить ко всему этому отсутствіе обезпеченія для работниковъ, лишающихся возможности трудиться отъ старости или болѣзни, то легко представить себѣ всю бѣдственность ихъ существованія.

Понятно, почему такое положеніе дѣлъ обратило на себя всеобщее вниманіе, вызвало правительственную дѣятельность, пробудило частную благотворительность, породило реакцію въ наукѣ, такъ что многіе, вслѣдъ за Сисмонди, объявили введеніе машинъ и фабрикъ болѣе вреднымъ нежели полезнымъ для народнаго благосостоянія. Многіе обратили свои тоскливые взоры къ прошедшему, и въ прежнихъ цехахъ и корпораціяхъ, въ возстановленіи старой регламентарной системы мечтали найдти разрѣшеніе тягостной задачи; другіе пытались преобразовать все общество и придумывали самые фантастическіе планы, которые въ сущности были тоже возвращеніемъ къ отжившимъ началамъ, лишь подъ новыми, льстивыми формами. Но эти мечтанія, планы, попытки и возгласы остались безсильными передъ неудержимымъ потокомъ естественнаго развитія, который можно остановить на время, но не надолго. Разрѣшеніе вопроса, облегченіе бѣдствія заключалось не въ возвращеніи къ старому, не въ безумной перестройкѣ общества. „Если фабричная и мануфактурная промышленность, говоритъ г. Тернеръ, составляетъ естественную ступень въ движеніи быта народовъ къ матеріяльному и нравственному усовершенствованію, то какъ естественное явленіе въ жизни народа, она должна обладать непремѣнно какими-либо средствами для излѣченія тѣхъ бѣдствій пауперизма, которыя она, мѣстами, повлекла за собою при своемъ развитіи въ странѣ, и для облегченія положенія работника лишеннаго всякой корпоративной опоры, и часто оторваннаго отъ своего домашняго очага.“ Такое средство, по мнѣнію г. Тернера, главнымъ образомъ заключается не въ частной или общественной благотворительности, не въ правительственныхъ регламентарныхъ мѣрахъ, но въ *ассоціаціяхъ* и *сбереженіяхъ*. Эти двѣ великія силы, возникая изъ среды рабочихъ классовъ, требуя отъ каждаго работника личной самодѣятельности и заботы о своемъ положеніи, поддерживая въ немъ энергію и предусмотрительность, даютъ ра-

бочимъ классамъ возможность не только случайно выйдти изъ какого-либо затруднительнаго положенія, но доставляютъ имъ средства дѣйствительно улучшить и обезпечить свой бытъ. Ассоціація представляется автору тѣмъ элементомъ, тѣмъ необходимымъ дополненіемъ мануфактурной и фабричной промышленности, тѣмъ полнымъ жизни и будущности началомъ, которое должно исцѣлить страданія, нанесенныя народу переходомъ отъ мелкой промышленности къ большому производству.

„Корпораціи, говоритъ онъ, при всѣхъ ихъ недостаткахъ, имѣли однако ту выгоду, что онѣ созидали все же нѣкоторое сообщничество между работниками, нѣкоторый общинный духъ, въ которомъ работники могли находить опору или центръ тяжести.

„Когда же фабричная промышленность замѣнила мелкое ремесло и уничтожила всѣ корпоративныя учрежденія, то она лишила въ то же время работника всякой опоры, разрознивъ его совершенно съ прежнимъ бытомъ; изъ этого уже проистекала прямая необходимость найдти какое-либо другое учрежденіе, которое могло бы служить звеномъ соединенія между отдѣльными, разрозненными фабричными работниками, вызвать въ нихъ нѣкоторые общіе интересы, нѣкоторую общую связь, создать въ средѣ ихъ взаимную опору и поддержку, однимъ словомъ, возстановить всѣ хорошія стороны прежнихъ корпоративныхъ учрежденій.

„Ассоціаціи представляютъ такого рода учрежденія, которыми вполнѣ могутъ быть достигнуты желаемые результаты. Рабочая ассоціація, эта новая усовершенствованная корпорація, съ тою только разницею, что корпораціи, цехи представляли опоры и нѣкоторое обезпеченіе части рабочаго населенія, но въ ущербъ благосостоянія массы, въ ущербъ ихъ самодѣятельности, въ ущербъ вообще производительности въ странѣ, они стремились къ обезпеченію извѣстной части рабочаго класса привилегіями, монополіями, стѣсненіемъ свободнаго труда и изобрѣтательности, между тѣмъ какъ путемъ ассоціаціи, въ соединеніи съ сбереженіемъ и кредитомъ, можетъ быть достигнуто обезпеченіе, если не всѣхъ, то по крайней мѣрѣ общей массы рабочихъ; но это обезпеченіе не только не основывается на стѣсненіяхъ и монополіи, напротивъ того, оно только и можетъ быть достигнуто при помощи самодѣятельности, собственной инициативы работника. Такимъ образомъ ассоціаціонное начало служитъ поощреніемъ къ энергіи, къ законной и справедливой дѣятельности, и въ то же время поражаетъ умѣренность, предостереженіе и бережливость, а потому и капитализацію, въ то время какъ *(прежнее)* корпоративное начало съ своимъ монопольно-стѣснительнымъ характеромъ должно убивать всякую самостоятельность и поощрять скорѣе массу къ лѣни и безпечности, чѣмъ къ усиленному труду.“

Итакъ въ рабочихъ ассоціаціяхъ естественное противодѣйствіе невыгоднымъ послѣдствіямъ, проистекающимъ отъ большаго фабричнаго производства и скопленія капиталовъ.

Онѣ удовлетворяютъ современнымъ потребностямъ и нуждамъ; въ нихъ нельзя не видѣть проблеска новаго, болѣе совершеннаго экономическаго быта, и въ этомъ смыслѣ ихъ справедливо называютъ корпораціями будущаго. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ онѣ были явленіемъ совершенно новымъ по своей сущности. Промышленныя ассоціаціи давно уже существуютъ среди богатыхъ капиталистовъ, онѣ давно уже были одною изъ главныхъ силъ, движущихъ промышленнымъ міромъ, и распространеніе ихъ въ средѣ рабочаго класса есть только новое, благотворное приложеніе этой силы, является только дальнѣйшимъ развитіемъ того же начала. Отъ рабочихъ товариществъ наше время ожидаетъ тѣхъ великихъ результатовъ, къ которымъ оно безплодно стремилось другими путями; передъ ними лежитъ широкая будущность, имъ предстоитъ счастливая доля—улучшить матеріяльный и нравственный бытъ рабочихъ классовъ, доставить ему возможность пользоваться выгодами капитала и такимъ образомъ превратить безпомощнаго работника въ самостоятельный органъ промышленности.

Подобная возможность улучшенія быта рабочихъ классовъ посредствомъ товариществъ и сбереженій, соединенныхъ съ кредитомъ, слѣдовательно помощію его собственныхъ средствъ и силъ, есть великое явленіе, которое только что начинается и котораго послѣдствія будутъ неисчислимы. Требуя нѣкоторыхъ предварительныхъ жертвъ, эти новыя силы возбуждаютъ работника къ самодѣятельности и трудолюбію, развиваютъ въ немъ предусмотрительность и бережливость, возвышаютъ его значеніе въ собственныхъ глазахъ, показывая ему, что онъ обязанъ улучшеніемъ и обезпеченіемъ своей участи не посторонней помощи, не подаянію, а себѣ самому. Подобное чувство въ соединеніи съ увѣренностью въ будущемъ, возвышаетъ нравственный уровень рабочихъ классовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и благосостояніе страны.

Что же касается до высшихъ классовъ, то участіе ихъ въ этомъ дѣлѣ, какъ справедливо говоритъ г. Тернеръ, всего лучше можетъ проявляться въ томъ, чтобъ они давали первый толчокъ подобнымъ предпріятіямъ, и своими совѣтами, своею дѣятельностію, наконецъ своими матеріяльными средствами, вызывали къ жизни эти устройства тамъ, гдѣ работники не рѣшаются или не умѣютъ приняться за

дѣло, или гдѣ средства ихъ недостаточны для необходимыхъ издержекъ и могутъ быть накоплены только путемъ медленнаго и долговременнаго сбереженія. Такой способъ содѣйствія улучшенію быта рабочихъ вѣрнѣе скрѣпитъ благотворную связь между высшими и низшими классами, и принесетъ нравственную и матеріяльную прибыль для всей страны.

Итакъ самыя дѣйствительныя и разумныя мѣры для обезпеченія благосостоянія рабочихъ классовъ заключаются въ двухъ основныхъ элементахъ: ассоціаціи и сбереженіи. Благодаря ассоціаціи совокупляются мелкія разрозненныя въ средѣ рабочихъ классовъ средства для производительнаго употребленія; благодаря кассамъ сбереженій, соединеннымъ съ системою кредита и погашенія, работники превращаются въ капиталистовъ и пользуются средствами, которыя безъ того были бы недоступны для нихъ.

„Дѣйствіе учрежденій послѣдняго рода, говоритъ Тернеръ, такъ благотворно, притомъ въ послѣднее время явилось столько различныхъ учрежденій этой категоріи, что еслибы соединить всѣ эти учрежденія въ извѣстной мѣстности, благоразумный и трудолюбивый работникъ находилъ бы въ нихъ опору и пособіе во всѣхъ фазисахъ его жизни.

„При самомъ рожденіи работника, его мать, отвлеченная временно отъ работы, и поставленная въ необходимость нѣкоторыхъ расходовъ на медицинское пособіе, получаетъ вспомоществованіе изъ общественной кассы взаимнаго вспомоществованія, если она сама или ея мужъ участвуютъ въ составленіи этой кассы.

„Затѣмъ, когда работникъ подрастаетъ, онъ находитъ въ общественныхъ школахъ, дешевое, но дѣльное воспитаніе и образованіе.

„Наступаетъ время жениться, и его невѣста получаетъ сумму на приданое изъ общественной кассы, если съ ея малолѣтства ея родители не отказывались отъ ежегодныхъ небольшихъ взносовъ, необходимыхъ для поддержанія означенной кассы, на началахъ взаимнаго страхованія.

„Женившись, работникъ долженъ заводиться своимъ хозяйствомъ. Въ мѣстномъ рабочемъ городкѣ, cité ouvrière, онъ находитъ дешевую и чистую квартиру, которую при небольшихъ, ежегодныхъ дополнительныхъ взносахъ, онъ можетъ черезъ нѣсколько лѣтъ пріобрѣсть въ собственность.

„Вещи, необходимыя для устройства его жилища: мебель, бѣлье, утварь и т. д., онъ покупаетъ не у мелочнаго продавца, а въ общинной лавочкѣ по дешевой цѣнѣ и хорошаго качества.

„Затѣмъ, для ежедневнаго хозяйства хлѣбъ, и другіе предметы онъ покупаетъ опять изъ общественной булочной.

„Въ случаѣ болѣзни онъ находитъ помощь въ обществѣ взаимнаго страхованія.

Захочетъ ли онъ завести свое собственное ремесло, изъ работника перейдти въ мастера, то при дѣйствительныхъ способностяхъ къ дѣлу и

знаніи ремесла, получаетъ дешевый личный кредитъ въ мѣстномъ ремесленномъ банкѣ; если дѣла его пойдутъ хорошо, и онъ захочетъ завести болѣе обширное производство, то въ ассоціаціи съ другими работниками онъ находитъ возможность учредить даже дорогое фабричное производство. Наконецъ, когда наступаютъ старость и смерть, то онъ или самъ накопилъ уже себѣ средства для обезпеченія своего семейства, или, если ему большая прибыль и не далась, но если онъ участвовалъ въ составленіи общественной кассы, онъ и его семейство опять изъ нея же получаютъ пособіе."

Послѣ общаго вступительнаго очерка, авторъ переходитъ къ изслѣдованію, каковы собственно нужды рабочихъ классовъ и каковы различныя мѣры удовлетворяющія этимъ нуждамъ въ различныхъ странахъ Европы. При этомъ онъ соединяетъ разнообразныя учрежденія въ нѣсколько общихъ группъ по внѣшнему однообразію ихъ устройства. Сначала говоритъ онъ о жилищахъ рабочихъ классовъ, потомъ о сберегательныхъ кассахъ и обществахъ взаимнаго вспоможенія; далѣе, переходитъ къ производительнымъ и потребительнымъ рабочимъ ассоціаціямъ, разсматриваетъ кредитъ по его отношенію къ рабочимъ классамъ, наконецъ говоритъ о воспитаніи и рабочихъ домахъ.

Авторъ показываетъ какую важную роль играютъ жилища относительно нравственности, здоровья, благосостоянія и умственнаго развитія рабочихъ классовъ. Мы уже выше замѣтили, что чрезмѣрное скопленіе громадныхъ массъ рабочаго населенія въ тѣсныхъ и мрачныхъ закоулкахъ главныхъ городовъ и промышленныхъ центровъ, имѣло самыя неблагопріятныя послѣдствія. Стѣсненіе значительнаго числа рабочихъ обоего пола въ небольшихъ грязныхъ жилищахъ, лишенныхъ свѣжаго воздуха, подверженныхъ вреднымъ испареніямъ, влекло за собою нравственную порчу и огрубѣніе, усиленіе болѣзней и смертности. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ тщательно собираются статистическія свѣдѣнія, обнаружено, на сколько смертность въ дурныхъ помѣщеніяхъ больше той, которая оказывается въ жильяхъ удовлетворяющихъ необходимымъ гигіеническимъ требованіямъ. Въ Брюсселѣ, въ квартирахъ занятыхъ бѣднымъ населеніемъ, умираетъ 1 изъ 29, въ другихъ же 1 изъ 53. Подобныя же наблюденія сдѣланы въ Парижѣ, Лондонѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ.

Не должно думать, чтобы вопросъ о жилищахъ рабочаго

люда не имѣлъ значенія и для насъ Русскихъ, несмотря на относительную немногочисленность нашего городскаго населенія. О состояніи помѣщеній рабочаго люда въ разное время собраны были у насъ весьма любопытныя свѣдѣнія. Особенно важны изысканія, произведенныя двумя коммиссіями въ 1840 и 1847 годахъ, которыя во всей подробности обнаружили въ какихъ неопрятныхъ, сырыхъ и холодныхъ квартирахъ живутъ петербургскіе рабочіе. По свѣдѣніямъ, собраннымъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, рабочее населеніе Петербурга составляло до 250.000 человѣкъ, изъ которыхъ постоянно проживавшихъ въ городѣ было до 150.000. Хотя значительное число ихъ находилось въ домашнемъ услуженіи, при торговыхъ заведеніяхъ, на работѣ у цеховыхъ мастеровъ, тѣмъ не менѣе, число лицъ этого класса нуждающихся въ помѣщеніи достигало все-таки огромной цифры 43.000. Эти несчастные помѣщались въ сырыхъ, мрачныхъ подвалахъ, да въ небольшомъ числѣ домовъ, исключительно назначенныхъ для впуска чернаго народа, и то по большей части на ночлеги. Описаніе мрачныхъ подробностей этихъ помѣщеній читатель можетъ найдти какъ въ самой книгѣ Тернера, такъ и въ статьѣ г. Веселовскаго, напечатанной въ 1848 году въ изданіи Русскаго географическаго общества подъ заглавіемъ: *О недвижимыхъ имуществахъ въ Петербургѣ*. Не останавливаясь на подробностяхъ, мы замѣтимъ только, что вопросъ этотъ пріобрѣтаетъ особенное значеніе въ наступающую минуту, такъ какъ съ отмѣною крѣпостнаго права необходимо ожидать значительнаго и постояннаго приращенія городскаго населенія. Такое ожиданіе тѣмъ естественнѣе, что и до сихъ поръ, несмотря на существованіе стѣснительныхъ условій, городское населеніе возрастало чрезвычайно быстро. Въ 1825 году городскихъ обывателей было три милліона съ половиною, между тѣмъ какъ въ 1856 году оно простиралось уже до пяти милліоновъ съ четвертью.

Приступая къ разбору разныхъ мѣръ, принятыхъ въ разныхъ государствахъ Европы для улучшенія жилищъ рабочаго люда, г. Тернеръ сначала теоретически рѣшаетъ вопросъ, кто долженъ принять на себя эти заботы, правительство или частная дѣятельность, и высказывается въ пользу послѣдней.

„Важное значеніе *(вліяніе)* хорошаго жилища на нравственность, на здоровье, а потому и на работу работника, не ускользнуло отъ вниманія фабрикантовъ, и многія значительныя фабричныя заведенія въ Россіи, въ другихъ европейскихъ странахъ и даже въ Америкѣ, устроили у фабрикъ помѣщенія для своихъ работниковъ. Но до послѣдняго времени, то-есть, до возникновенія проектовъ такъ-называемыхъ рабочихъ городковъ, cités ouvrières, всѣ старанія фабрикантовъ о помѣщеніи работниковъ имѣли еще то неудобство, что они отстраняли инціативу самого работника въ этомъ отношеніи; имѣя характеръ обязательный, они совершенно освобождали его отъ всякихъ заботъ о своемъ жительствѣ. Фабриканты или несли сами всѣ расходы по постройкѣ и содержанію работничьихъ домовъ, или вычитали на содержаніе ихъ извѣстный процентъ изъ жалованья каждаго работника. Въ первомъ случаѣ эта издержка ложилась тяжелымъ бременемъ на общую массу ихъ расходовъ по фабрикѣ, а во второмъ случаѣ поражала часто неудовольствіе со стороны работниковъ, принужденныхъ, безъ всякаго ихъ собственнаго на то согласія, отдавать постоянно часть своихъ заработковъ на обязательное улучшеніе своего помѣщенія.

„Съ возникновеніемъ въ послѣднія десять лѣтъ мысли о рабочихъ городкахъ, этотъ вопросъ сдѣлалъ значительный шагъ впередъ.

„Отличительныя черты характера такъ-называемыхъ cités ouvrières, въ сравненіи съ прежними помѣщеніями работниковъ при фабрикахъ, заключаются въ томъ: что помѣщеніе въ такихъ строеніяхъ не считается обязательнымъ для работника, что въ нихъ могутъ жить работники совершенно различныхъ фабрикъ, и наконецъ, что въ большей части случаевъ жильцу дается возможность постепенно пріобрѣтать свое жилище въ полную собственность. Cité ouvrière—это домъ или группа домовъ, построенная фабрикантами или частными лицами съ благотворительною или спекулятивною цѣлію, для доставленія работникамъ простаго, чистаго и, по возможности, дешеваго помѣщенія. Въ этихъ домахъ работники поселяются, какъ мы видѣли, только по своему желанію, плата за наемъ не вычитается изъ платы получаемой ими за работу,—эти двѣ вещи не смѣшиваются: имъ выдается полная плата, а уже ихъ дѣло собрать деньги для точной уплаты найма квартиры. Такимъ образомъ они сами должны желать, должны ходатайствовать о допущеніи ихъ въ cité ouvrière; это не обязанность для нихъ, а благодѣяніе, дѣлаемое имъ; они сами, подъ своею отвѣтственностію, должны заботиться объ исправномъ платежѣ найма и т. д. Ко всему этому присоединяется еще новый элементъ самодѣятельности, или самопособія, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда имъ *(рабочимъ)* дается возможность пріобрѣтать свои помѣщенія въ собственность ежегодною приплатой извѣстнаго процента къ наемной платѣ. Тутъ уже требуется нѣсколько болѣе значительное напряженіе силы воли и бо́льшая инціатива, такъ какъ работникъ, въ виду пріобрѣтенія дома въ собственность черезъ извѣстное число лѣтъ, долженъ рѣшиться на нѣкоторую жертву въ теченіе этого времени.

„Постройка подобныхъ рабочихъ городковъ можетъ происходить съ цѣлію чисто благотворительною, или съ цѣлію спекуляціонною. Въ первомъ случаѣ, капиталистъ, затрачивающій свои средства на подобныя постройки, отказывается отъ всѣхъ процентовъ или довольствуется весьма умѣренными процентами: во второмъ случаѣ, онъ разчитываетъ на операцію, какъ на хорошее доходное помѣщеніе своихъ капиталовъ...

„А такъ какъ существующія предпріятія доказали, что капиталы, употребленные на постройку домовъ для работниковъ, могутъ приносить весьма хорошій доходъ и вмѣстѣ съ тѣмъ доставлять работникамъ квартиры лучше и дешевле существующихъ, то не подлежитъ сомнѣнію, что для полнаго осуществленія предполагаемой цѣли, необходимо стремиться къ достиженію обоюдной пользы, то-есть соединенія пользы работника съ выгодой капиталиста.

„Дома для рабочаго населенія строятся обыкновенно по двумъ системамъ: то-есть или отдѣльными небольшими домиками, вмѣщающими отъ одного до четырехъ семействъ, или вовторыхъ—большими многоэтажными домами, раздѣленными на мелкія квартиры и вмѣщающими весьма значительное число жителей.

„Во многихъ отношеніяхъ первая система представляетъ несомнѣнныя преимущества. Она болѣе содѣйствуетъ развитію семейной жизни, нравственности, болѣе удобна въ гигіеническомъ отношеніи, но несмотря на то, часто по необходимости, вслѣдствіе мѣстныхъ условій (особенно въ средѣ большихъ городовъ), приходится прибѣгать ко второй системѣ."

Вслѣдъ за этимъ слѣдуетъ описаніе различныхъ учрежденій принятыхъ съ подобною цѣлью въ главныхъ государствахъ Европы. Здѣсь мы находимъ любопытныя свѣдѣнія о дѣятельности главныхъ великобританскихъ обществъ: Общества улучшенія быта рабочихъ классовъ (Society for improving the condition of the labouring classes), Столичнаго общества для улучшенія жилищъ промышленнаго сословія (The metropolitan association for improving the dwellings of the industrious classes), и чрезвычайно любопытныя подробности объ обществахъ извѣстныхъ подъ именемъ „Land and building societies", цѣль которыхъ заключается не только въ постройкѣ жилищъ для рабочихъ людей но и въ раздачѣ имъ мелкихъ участковъ земли. Число этихъ послѣднихъ обществъ въ 1855 году простиралось до 130 съ номинальнымъ капиталомъ въ 22 милліона р. сер. Успѣху ихъ особенно содѣйствовала политическая сторона вопроса. Непосредственное владѣніе землею (freehold) даетъ право голоса на выборахъ; поэтому общества, раздававшіе участки земли работникамъ, тѣмъ самымъ давали имъ право голоса. Когда либеральная партія виговъ учредила съ чисто-соціальною цѣлью улучшенія быта низшаго класса, общество подъ названіемъ The national Provident Freehold Land Society, то естественнымъ слѣдствіемъ этого было увеличеніе политическаго значенія виговъ, которые посредствомъ этой мѣры склонили на свою сторону общественное мнѣніе, и непосредственно пріобрѣли нѣсколько

голосовъ отъ людей облагодѣтельствованныхъ ими. Понятно, почему консервативная, торійская партія, желая воспользоваться тѣми же выгодами, не замедлила основать подобное же общество „The conservative Land and Building Society.“

Дѣятельность этихъ обществъ въ частности заключается въ собираніи денегъ по подпискѣ, мелкими приношеніями, раздачею акцій и т. д. и въ употребленіи этихъ денегъ на покупку большихъ имѣній (estates), которыя дробятся на мелкія части и раздаются акціонерамъ изъ рабочихъ классовъ по очереди или тиражу. Въ 1855 году было куплено 310 разныхъ земель и раздроблено на 19.500 участковъ, розданныхъ работникамъ, working men. Подобная ассоціація даетъ работникамъ возможность сдѣлаться владѣльцами земли, посредствомъ единовременнаго взноса незначительнаго капитала и ежегоднаго взноса небольшой суммы, обыкновенно не превосходящей того, что̀ долженъ платить работникъ за наемъ квартиры. Выгоды заключаются не только въ разности цѣны большихъ и малыхъ участковъ, но и въ значительной экономіи издержекъ на купчую крѣпость и вообще такъ-называемыхъ conveyancing costs.

Но какъ ни важно хорошее жилище для благосостоянія рабочихъ людей, однако оно еще не обезпечиваетъ вполнѣ ихъ положенія. Главный доходъ работника заключается въ его заработной платѣ; но бываютъ случаи, особенно частые въ западной Европѣ, когда рабочіе мгновенно лишаются работы на нѣкоторое время. Притомъ каждый работникъ можетъ подвергнуться болѣзни, и если онъ не приберегъ копѣйки на черный день, то онъ и его семейство могутъ быть поставлены въ самое печальное положеніе. Отсюда понятно, какъ важно для обезпеченія благосостоянія рабочаго класса развитіе въ его средѣ бережливости и предусмотрительности.

Къ этой цѣли стремятся два учрежденія: *сберегательныя кассы* и *общества взаимнаго вспомоществованія*.

Сравнивая эти два учрежденія относительно обезпеченія рабочихъ классовъ, авторъ представляетъ неоспоримыя преимущества вторыхъ надъ первыми.

„Сберегательныя кассы составляютъ самое простое, самое элементарное учрежденіе. Работникъ вноситъ въ кассу избытки своихъ доходовъ надъ расходами, по мѣрѣ того какъ они оказываются небольшими ча-

стицами; изъ этихъ мелкихъ взносовъ накопляется черезъ нѣсколько времени болѣе или менѣе значительный капиталъ, который доставляя работнику доходъ, проценты, въ то же время обезпечиваетъ его на случай прекращенія работы, болѣзни или другаго какого-либо несчастія. Въ сберегательныхъ кассахъ мы видимъ простое примѣненіе принципа копленія. Уже самая простота и элементарность этого учрежденія показываютъ, что оно не можетъ принести весьма существенной пользы рабочему классу; оно можетъ улучшить и обезпечить только положеніе работника состоятельнаго, а не въ состояніи облегчить положенія работника бѣднаго и лишеннаго средствъ. Для того, чтобы копить необходимо прежде всего чтобъ былъ избытокъ средствъ надъ потребностями; взносы правда могутъ поступать весьма мелкими долями, но за то они должны поступать довольно часто, иначе не накопится сколько-нибудь значительнаго капитала. А много надо энергіи и предусмотрительности со стороны работника, чтобы удѣлять частицу и безъ того уже незначительныхъ заработковъ своихъ на копленіе, въ надеждѣ составить себѣ послѣ продолжительнаго времени, послѣ многихъ лѣтъ сбереженія и умѣренности, весьма небольшой капиталъ.

„Гораздо существеннѣе и гораздо непосредственнѣе дѣйствуетъ на улучшеніе быта рабочаго класса другое учрежденіе, уже болѣе сложное, именно общества взаимнаго вспомоществованія. Эти общества соединяютъ въ себѣ двойной элементъ: сбереженія и страхованія. Они суть собственно не что иное какъ взаимныя страхованія работниковъ противъ болѣзни, несчастій и недостатка работы. Благодаря введенію элемента страхованія, тутъ уже гораздо меньшими средствами могутъ быть достигнуты болѣе значительные, а главное, болѣе быстрые результаты чѣмъ при простомъ копленіи въ сберегательныхъ кассахъ. При страховой системѣ обществъ взаимнаго вспомоществованія, взносы однихъ выпадаютъ на пользу другихъ, такъ какъ платятъ всѣ члены общества, а заболѣваютъ или приходятъ въ несчастное положеніе, вслѣдствіе потери работы, не всѣ;—такимъ образомъ взносъ богатаго и здороваго работника обезпечиваетъ положеніе бѣднаго или заболѣвшаго. Но такъ какъ каждый, и самый богатый, и самый здоровый работникъ, можетъ придти въ бѣдственное положеніе, то подобнаго рода обезпеченіе весьма важно для всѣхъ участниковъ общества, такъ что даже тѣ, которые по счастливымъ обстоятельствамъ не приходятъ въ необходимость пользоваться пособіемъ изъ общественной кассы, пользуются по крайней мѣрѣ *увѣренностію*, что еслибъ ихъ положеніе измѣнилось къ худшему, то все же они будутъ обезпечены до извѣстной степени; имъ уже не предстоитъ опасности умереть съ голоду или обратиться къ общественному подаянію, въ случаѣ болѣзни или потери работы.“

Сберегательныя кассы (Savings Banks) и общества взаимнаго вспоможенія особенно распространены въ Англіи. Благодаря тому началу самодѣятельности, той силѣ инціативы и предусмотрительной заботливости, которыя въ этой странѣ проникаютъ всѣ классы народа, учрежденія эти достигли важныхъ результатовъ. По послѣднимъ отчетамъ, сумма вкладовъ въ сберегательныхъ кассахъ простиралась до 200.000.000 р. с.,

а число вкладчиковъ до 1.340.000. Не менѣе значительное развитіе получили въ Англіи общества взаимнаго вспоможенія. Съ 1795 по 1857 годъ въ Англіи и Валлисѣ образовалось болѣе 26.000 такихъ обществъ; капиталъ ихъ въ послѣднее время простирался до 57.000.000 руб. сер., а число членовъ до 2.000.000 человѣкъ. Что касается до другихъ странъ, то онѣ далеко уступаютъ Англіи въ этомъ отношеніи. Во Франціи, гдѣ цифра народонаселенія вдвое больше чѣмъ въ Англіи и Валлисѣ, въ 1856 году считалось всего 426.453 члена подобныхъ обществъ, а капиталъ немногимъ превышалъ 3.000.000 руб. серебр. Сберегательныя кассы и различныя общества взаимнаго вспоможенія получили особенное развитіе во Франціи послѣ 1848 года. Къ сожалѣнію, въ 1850 и 1851 годахъ правительство закрыло не малое число ихъ по подозрѣнію въ политическихъ замыслахъ. Но такъ какъ правительство Лудовика-Наполеона хорошо понимало, какое неблагопріятное впечатлѣніе должно было произвести подобное закрытіе учрежденій столь полезныхъ рабочему классу, то чтобы поправить дѣло, оно послѣ 1852 года стало само вызывать образованіе подобныхъ учрежденій, приводя ихъ потомъ довольно искусно подъ свое вліяніе. Достаточно уже одного этого факта, чтобъ объяснить себѣ малое развитіе подобныхъ обществъ во Франціи.

Слѣдующая глава посвящена *ассоціаціямъ работниковъ для потребленія и производства*. Улучшеніе жилищъ рабочаго класса, сберегательныя кассы, даже общества взаимнаго вспоможенія, составляютъ только первый шагъ къ улучшенію быта рабочаго сословія. Всѣ эти мѣры касаются только внѣшняго улучшенія, нисколько неизмѣняя сущности тѣхъ общихъ условій, подъ вліяніемъ которыхъ сложился бытъ рабочаго люда.

Дальнѣйшимъ шагомъ къ обезпеченію и улучшенію быта рабочихъ служитъ ассоціація; она существеннѣе всѣхъ прочихъ мѣръ, потому что касается не только однихъ внѣшнихъ признаковъ благосостоянія, но видоизмѣняетъ самыя условія промышленнаго быта работника. „Главныя причины печальнаго положенія работника,“ говоритъ г. Тернеръ,—

„въ настоящее время во многихъ странахъ могутъ быть приведены къ двумъ главнымъ фактамъ:

„Первый изъ нихъ заключается въ томъ обстоятельствѣ, что работникъ, по недостаточности своихъ средствъ, поставленъ въ необходимость страдать отъ искусственной дороговизны жизни. Не имѣя возможности закупать необходимые ему предметы въ значительныхъ количествахъ, онъ принужденъ платить за нихъ въ три-дорога мелочному купцу; вообще, вслѣдствіе самой ограниченности его средствъ, онъ находится въ полной зависимости отъ посредниковъ — мелочныхъ торговцевъ, онъ не имѣетъ выбора, онъ долженъ довольствоваться тѣмъ, что̀ ему предлагаютъ и по той цѣнѣ, по которой ему предлагаются эти предметы. Если же, по недостаточности средствъ, работникъ принужденъ еще испрашивать кредитъ у продавца, то цѣны быстро возвышаются для него на 50 и на 100 пр.

„Другая причина страданія рабочаго сословія, во многихъ мѣстностяхъ, заключается въ отсутствіи всякой самостоятельности, и въ безграничной зависимости, въ которую поставленъ работникъ вслѣдствіе замѣщенія ремесла фабричнымъ и мануфактурнымъ промысломъ; прежде каждый работникъ, при нѣкоторомъ стараніи, бережливости и другихъ качествахъ, могъ надѣяться сдѣлаться со временемъ самъ хозяиномъ, то-есть получить экономическую и производительную независимость и самостоятельность. Но можетъ ли въ настоящее время такая мысль придти въ голову бѣднаго работника, трудящагося на громадной фабрикѣ, на которой работаютъ вмѣстѣ съ нимъ тысячи другихъ работниковъ и устройство которой стоитъ милліоны рублей?

Какъ ни безвыходенъ кажется этотъ вопросъ, онъ однако разрѣшимъ,— средство къ рѣшенію его заключается въ могущественномъ словѣ *ассоціація* работниковъ.

Ассоціація работниковъ можетъ доставить имъ преимущества большихъ средствъ, относительно предмета потребленія, освобождая ихъ отъ зависимости отъ мелкихъ торгашей, — и та же ассоціація даетъ имъ возможность достиженія производительной самостоятельности, то-есть показываетъ имъ выходъ изъ кажущагося безвыходнаго положенія.

Дѣятельность и цѣль ассоціаціи работниковъ распадается, какъ мы видимъ, на два главные предмета.

Вопервыхъ, удешевленіе средствъ жизни и предметовъ необходимой потребности. Ассоціація стремящаяся къ этой цѣли, называется ассоціаціей для потребленія или *потребительной*. Весьма простое начало ея основывается на экономическомъ законѣ, что цѣны предметовъ, закупаемыхъ оптомъ, въ большихъ количествахъ, изъ первыхъ рукъ, обходятся всегда дешевле цѣнъ предметовъ покупаемыхъ незначительными количествами у мелкихъ посредниковъ; въ послѣднемъ случаѣ набавляется на цѣну обыкновенно кромѣ законной прибыли посредника, служащей платою за его трудъ и капиталъ, еще нѣкоторая сумма, которая является послѣдствіемъ той монополіи, которою фактически пользуется почти всегда мелочной торговецъ относительно бѣднаго работника. Соединяя свои мелкія средства вмѣстѣ, работники находятъ тѣмъ самымъ возможность избѣгать этихъ посредниковъ и устраивать свои собственныя лавки, мельницы, пекарни, склады необходимыхъ товаровъ, которые они, покупая оптомъ, дѣлятъ затѣмъ между собою по той же цѣнѣ,—продавая въ мелочахъ предметы по оптовымъ цѣнамъ.....

„Но этимъ не исчерпывается живительная сила принципа ассоціаціи. Удешевленіе средствъ жизни, предметовъ потребленія работника, соста-

вляетъ только одну сторону ея дѣятельности; другая сторона заключается въ доставленіи ему возможности выступить самостоятельнымъ производителемъ, однимъ словомъ положить конецъ безвыходности положенія фабричнаго работника;—если и не всякій работникъ, благодаря развитію ассоціаціоннаго начала, сдѣлается хозяиномъ или участникомъ, то все же введеніе этого новаго элемента въ условія промышленнаго быта должно отозваться въ высшей степени полезнымъ образомъ на измѣненіи къ лучшему положенія рабочаго класса.

„При настоящемъ направленіи промышленности, стремящемся къ большой мануфактурной производительности, самостоятельность работниковъ сдѣлалась невозможною, потому что большая промышленность требуетъ большихъ средствъ. Но если одинъ работникъ не можетъ надѣяться трудолюбіемъ и бережливостію добыть себѣ современемъ необходимыя средства, то средства эти могутъ быть добыты соединеніемъ мелкихъ средствъ, то-есть ассоціаціей работниковъ. Ассоціація можетъ имѣть предметомъ и денежные и умственные капиталы. Мы только что видѣли, что одному работнику, какъ бы онъ ни старался, никогда не добыть достаточныхъ средствъ для учрежденія какого-либо обширнаго промышленнаго заведенія, но еслибы даже эти средства нашлись, то, по всей вѣроятности, работнику кромѣ того не доставало бы еще необходимыхъ познаній для устройства фабрики и управленія ею. Когда же средства добываются ассоціаціей, то и познанія и умѣніе дѣла найдутся скорѣе, потому что между ста или тысячью работниками, образующими ассоціацію, легко могутъ найдтись одинъ или два превосходно знающихъ свое дѣло, которымъ можно будетъ поручить учрежденіе новаго заведенія и управленіе имъ.“

Сверхъ этихъ выгодъ, ассоціація представляетъ еще нѣкоторыя другія. При солидарной отвѣтственности членовъ, она съ бо́льшимъ удобствомъ нежели отдѣльные работники можетъ пользоваться кредитомъ. Она имѣетъ еще и нравственное значеніе. Возможность сдѣлаться когда-либо участникомъ въ самостоятельномъ предпріятіи будетъ служить работнику поощреніемъ къ труду, къ добросовѣстности въ исполненіи своей работы, къ бережливости, наконецъ къ нѣкоторому умственному развитію. Вслѣдствіе этихъ условій, ассоціація должна служить главною основой, исходною точкой для дальнѣйшаго, прочнаго и существеннаго улучшенія и преобразованія быта рабочихъ классовъ.

Настоящій періодъ времени представляетъ еще пока первый зародышъ образованія подобныхъ ассоціацій. Хотя ассоціаціи для потребленія получили уже весьма обширное распространеніе въ Англіи и Франціи, тѣмъ не менѣе производительныя ассоціаціи являются еще до сихъ поръ только небольшими исключительными группами въ главнѣйшихъ европейскихъ странахъ. Но главное, говоритъ г. Тернеръ, сдѣлано; идея все болѣе и болѣе распространяет-

ся, практическое начало дѣлу уже положено, примѣръ показанъ, а удовлетворительные результаты первыхъ опытовъ скоро вызовутъ имъ послѣдователей.

Г. Тернеръ представляетъ весьма любопытныя свѣдѣнія объ ассоціаціяхъ, существующихъ во Франціи, Англіи и Германіи. Не вдаваясь въ подробности, мы представимъ только общій очеркъ ассоціаціоннаго движенія въ этихъ странахъ.

Во Франціи рабочія ассоціаціи возникли на отвлеченной почвѣ соціалистическихъ идей. Поэтому, послѣ кратковременной вспышки общаго интереса публики, вопросъ вскорѣ пришелъ въ совершенное забвеніе. Изъ значительнаго количества ассоціацій возникшихъ на первыхъ порахъ, бо́льшая часть, основанная безъ всякаго практическаго знанія дѣла и подготовки, рушилась послѣ весьма кратковременнаго существованія, и только нѣкоторыя изъ нихъ, совершенно преобразованныя, соотвѣтственно необходимымъ практическимъ требованіямъ, были съ состояніи пустить корни и положить такимъ образомъ начало прочному развитію рабочихъ ассоціацій во Франціи. Авторъ приводитъ подробности устройства извѣстнаго общества „Societé de l'humanité“ въ Лиллѣ, закрытаго въ 1851 году, и на основаніи сочиненія Губера, представляетъ намъ устройство существующихъ ассоціацій типографовъ, столяровъ, фортепіянныхъ мастеровъ и жестяныхъ работниковъ.

Что касается до Англіи, то эта классическая страна обширныхъ предпріятій, столь часто подвергавшаяся промышленнымъ кризисамъ, есть истинная колыбель этихъ обществъ. Соціалистическія идеи дѣйствовали и здѣсь; извѣстно, какое значительное вліяніе въ этомъ отношеніи имѣлъ Робертъ Овенъ. Но существенную черту англійскихъ ассоціацій составляетъ то, что эти устройства возникли не изъ теоретическихъ соображеній, а изъ дѣйствительныхъ потребностей жизни, и потому съ самаго начала стали на практическую почву. Дѣло началось устройствомъ общественныхъ лавокъ, *cooperative stores*; затѣмъ работники перешли вообще къ производству и экономическому распредѣленію необходимыхъ для ихъ жизни предметовъ, и наконецъ поднялись до самостоятельныхъ промышленно-производительныхъ ассоціацій. Появленію послѣднихъ особенно содѣйствовали столь часто возникавшія

несогласія между хозяевами фабрикантами и работниками, и отказы работы со стороны послѣднихъ (забастовки, strikes). Вообще ассоціаціи крѣпко принялись на англійской почвѣ, и распространяются, и развиваются, между тѣмъ какъ во Франціи они еще рѣдкое исключеніе. Притомъ, во Франціи, въ кругъ рабочихъ ассоціацій вошли только ремесленныя производства; въ Англіи же возникли уже рабочія ассоціаціи, устроившія мануфактурныя и фабричныя предпріятія. Сверхъ того, отличительная черта англійскихъ ассоціацій, какъ свидѣтельствуетъ и авторъ нашъ, заключается въ томъ, что онѣ имѣютъ не только исключительно промышленный характеръ, но стремятся содѣйствовать нравственному и умственному развитію работника. Почти во всѣхъ англійскихъ рабочихъ ассоціаціяхъ устроены библіотеки, комнаты для чтенія журналовъ и книгъ, школы, лекціи, помѣщенія для умственнаго развлеченія, бесѣдъ и т. д.

Развитіе рабочихъ ассоціацій въ Германіи началось гораздо позже нежели во Франціи и Англіи, и въ этомъ отношеніи она далеко отстала отъ нихъ. Ассоціаціонное движеніе началось только съ 1848 года, впрочемъ тоже болѣе на почвѣ практической необходимости, а не какъ послѣдствіе соціалистическихъ теорій. Такъ какъ развитіе Германіи шло другимъ путемъ и совершалось при другихъ условіяхъ нежели развитіе первыхъ двухъ странъ, то и ассоціація получила здѣсь особенный характеръ въ томъ отношеніи, что она направлена на улучшеніе быта болѣе ремесленныхъ работниковъ чѣмъ фабричныхъ. Это объясняется необыкновеннымъ развитіемъ ремесленнаго сословія и достоинствомъ его работы. Нигдѣ, какъ извѣстно, ремесленное сословіе, цехи и корпораціи, не бросили столь глубокихъ корней, какъ въ Германіи. Вслѣдствіе этого ремесло долгое время боролось со вновь-развивавшимся фабричнымъ производствомъ, такъ что послѣднее начало получаетъ перевѣсъ только послѣ тридцатыхъ годовъ. Но распространяясь не очень быстро, вытѣсняя ремесло мало по-малу, фабричная промышленность не породила въ Германіи такого пауперизма какой мы видимъ въ Бельгіи и Франціи, за исключеніемъ только льняныхъ ткачей, которые, особенно въ Силезіи, были совершенно раззорены мануфактурами. Но за то было меньше побужденій стре-

миться къ различнымъ нововведеніямъ въ рабочемъ быту, чѣмъ и объясняется малое развитіе рабочихъ ассоціацій.

Вслѣдъ за разсмотрѣніемъ рабочихъ ассоціацій, авторъ переходитъ къ *кредиту* и отношенію его къ рабочимъ классамъ. Кредитъ, которымъ можетъ пользоваться работникъ и ремесленникъ—двоякаго рода: ложный, не производительный, и истинный, производительный. Подъ первымъ авторъ разумѣетъ тотъ кредитъ, которымъ работники пользуются для удовлетворенія своихъ ежедневныхъ потребностей; подъ вторымъ—кредитъ служащій для производительныхъ цѣлей. Результаты того и другаго совершенно различны. Сколько первый вреденъ и опасенъ для работника и ремесленника, столько послѣдній благодѣтеленъ и полезенъ. Истинный кредитъ доставляетъ работнику средства къ развитію и расширенію дѣятельности, даетъ возможность пріобрѣтать усовершенствованныя машины и инструменты, дозволяетъ ему покупать необходимые сырые матеріялы непосредственно у производителей, минуя мелкихъ посредниковъ, словомъ, является могущественнымъ орудіемъ производства. Къ сожалѣнію, во всѣхъ почти странахъ, за исключеніемъ Шотландіи и Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, ремесленники и работники пользовались донынѣ исключительно кредитомъ перваго рода, непроизводительнымъ, и были лишены важнаго пособія кредита втораго рода. Легко понять, что это обстоятельство имѣло весьма вредное вліянія на бытъ рабочаго и ремесленнаго класса и на промышленное развитіе въ его средѣ. Мѣры для распространенія промышленнаго кредита въ средѣ рабочаго и ремесленнаго класса приняты только въ послѣднее время. „Первые зачатки ремесленныхъ рабочихъ банковъ," говоритъ г. Тернеръ,—

„возникли въ Германіи; эта страна, такъ далеко отставшая отъ Франціи и Англіи въ дѣлѣ всѣхъ прочихъ рабочихъ ассоціацій, замѣчательно опередила ихъ относительно рабочихъ кредитныхъ ассоціацій.

„Тѣ же самыя обстоятельства, которыя затрудняли въ Германіи развитіе другихъ промышленныхъ ассоціацій, то-есть борьба еще сильнаго тамъ ремесленнаго производства съ фабрично-мануфактурнымъ, тѣ же самыя обстоятельства способствовали развитію ремесленнаго кредита, какъ самаго необходимаго орудія ремесла. Возникнувъ изъ этой среды, кредитныя учрежденія вскорѣ развились на пользу всего рабочаго класса, потерявъ всякій исключительный характеръ. Въ первый разъ требованіе подобныхъ кредитныхъ учрежденій высказалось съ особенною силой послѣ народнаго движенія въ 1848 году.

„Тогда возникло, особенно въ Пруссіи, множество ссудныхъ кассъ самаго различнаго устройства; но всѣ эти учрежденія имѣли очень неблестящую будущность: нѣкоторыя изъ нихъ прекратили свое существованіе въ непродолжительномъ времени послѣ ихъ возникновенія, другія продолжали свое существованіе, но съ весьма ограниченнымъ кругомъ дѣятельности; ни одно изъ нихъ не принесло желаннаго результата — улучшенія положенія ремесленнаго класса. Главная причина такой неудачи заключалась въ томъ обстоятельствѣ, что всѣ эти ссудныя кассы были основаны не собственными средствами и силами того класса, на пользу котораго онѣ должны были дѣйствовать, а на началѣ благотворительности и подаянія; имъ не доставало собственнаго нормальнаго живительнаго начала. Капиталы этихъ кассъ составились изъ подарковъ, изъ безпроцентныхъ ссудъ. Хотя эти суммы раздавались нуждающимся не въ даръ, а съ требованіемъ возврата, но все же на всей операціи лежалъ характеръ благотворительности высшихъ классовъ въ пользу низшихъ, при чемъ всякое нормальное развитіе дѣлопроизводства было невозможно. Ссуды получали характеръ вспомоществованій, а не правильныхъ коммерческихъ оборотовъ; поэтому не обращалось достаточнаго вниманія на то весьма важное обстоятельство, въ состояніи ли должникъ возвратить современемъ полученную имъ ссуду; при такомъ характерѣ ссуды, дѣйствительно весьма часто возвратныя уплаты происходили не аккуратно и не точно, фондъ уменьшался мало-по-малу, и учрежденіе скоро теряло возможность производить свою дѣятельность; съ другой стороны, лица получавшія ссуды, смотря на нихъ тоже какъ на вспомоществованіе, обыкновенно являлись съ столь значительными требованіями и надеждами, которыя рѣшительно невозможно было удовлетворить.

„Совершенно другое направленіе получило все это дѣло, когда перешли отъ принципа благотворительности къ принципу самостоятельности.

„Кромѣ благотворительнаго экономическаго вліянія новаго начала, оно произвело еще и нравственные, весьма полезные результаты, показавъ рабочему классу, что въ его собственной средѣ находится богатый родникъ средствъ, достаточный для вполнѣ удовлетворительнаго обезпеченія онаго.“

Главное условіе для осуществленія этого начала самодѣятельности въ отношеніи къ кредиту заключалось въ необходимости найдти удовлетворительное средство для обезпеченія кредитора. Такое средство найдено въ ассоціаціи, соединенной съ началомъ *добровольной круговой поруки*. Капиталисты, не рѣшавшіеся ссужать отдѣльныхъ работниковъ и ремесленниковъ, легко соглашались ссужать свои капиталы ассоціаціямъ, основаннымъ на круговой отвѣтственности всѣхъ за каждаго и каждаго за всѣхъ.

Съ постепеннымъ развитіемъ этихъ учрежденій, къ этой круговой порукѣ присоединился другой элементъ обезпеченія—образованіе собственнаго основнаго капитала. Такимъ образомъ кредитъ личный обратился отчасти въ кредитъ

вещественный. Вмѣстѣ съ увеличеніемъ вѣрности обезпеченія ссудъ, увеличилось предложеніе капиталовъ, понизилась цѣна процентовъ, и добываніе капиталовъ сдѣлалось легче и удобнѣе.

Быстрое развитіе и распространеніе этихъ учрежденій въ Германіи, обороты которыхъ нѣсколько лѣтъ назадъ доходили до трехъ милліоновъ талеровъ, служитъ неоспоримымъ доказательствомъ того, въ какой высокой степени они соотвѣтствуютъ потребностямъ рабочаго и ремесленнаго люда. Главныя выгоды, доставляемыя этими ремесленными ссудно-кредитными учрежденіями, могутъ быть выражены въ слѣдующихъ трехъ пунктахъ: 1) въ возможности для работника и мелкаго ремесленника получить во всякое время денежную сумму, сообразно съ тѣми экономическими условіями, въ которыя онъ поставленъ; 2) въ значительномъ уменьшеніи процентовъ платимыхъ имъ за пользованіе капиталомъ, и 3) въ томъ обстоятельствѣ, что вся прибыль отъ предпріятій идетъ въ пользу членовъ ассоціаціи, то-есть тѣхъ самыхъ ремесленниковъ и работниковъ, которые пользуются ссудами и платятъ проценты, образуя такимъ образомъ для нихъ зачатки собственныхъ капиталовъ и поощряя ихъ къ бережливости и къ дальнѣйшему копленію.

Въ заключеніе обзора различныхъ мѣръ, предпринятыхъ къ обезпеченію рабочихъ классовъ, авторъ присоединяетъ нѣсколько словъ о *воспитаніи* и *рабочихъ домахъ*. Впрочемъ, касаясь вопроса о воспитаніи, авторъ не имѣлъ въ виду исчерпать этотъ вопросъ или разсмотрѣть его со всѣхъ сторонъ. Такой вопросъ, говоритъ онъ, требуетъ совершенно спеціальнаго, самостоятельнаго разсмотрѣнія. Онъ желалъ обратить вниманіе читателя на одинъ отдѣлъ воспитанія, а именно на воспитаніе и образованіе, какъ малолѣтныхъ, такъ и взрослыхъ работниковъ—стараніемъ фабрикантовъ и хозяевъ, у которыхъ они работаютъ. Посредствомъ примѣра одной акціонерной свѣчной фабрики въ Бельмонтѣ, онъ старается доказать, что расходы на воспитаніе не только не ложатся на производство, но прямо обращаются въ пользу самихъ фабрикантовъ.

Такова совокупность главныхъ и существенныхъ мѣръ и устройствъ, въ различныхъ странахъ Европы, для улучшенія и обезпеченія участи рабочихъ классовъ. Всѣ онѣ

болѣе или менѣе проникнуты плодотворнымъ началомъ ассоціаціи. Если мы вспомнимъ, что приложеніе этого начала въ средѣ рабочаго сословія находится еще въ зародышѣ, въ первомъ моментѣ, то намъ не покажутся странными и преувеличенными надежды возлагаемыя на дальнѣйшее развитіе ассоціацій, отъ которыхъ ждутъ прочнаго, коренного улучшенія и преобразованія быта рабочихъ классовъ. Снова повторяемъ, что въ этой возможности улучшить бытъ работника посредствомъ его собственной дѣятельности и энергіи, безъ униженія чувства собственнаго достоинства, нельзя не видѣть высшаго, разумнаго и утѣшительнаго явленія.

М ВОЛЬСКІЙ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

ПО ПОВОДУ

ОДНОГО ИРОНИЧЕСКАГО СЛОВА.

Вотъ наконецъ возникъ у насъ вопросъ и о цензурѣ, о большей или меньшей свободѣ печати. Не знаемъ что̀ будетъ; но и то хорошо, что возникъ по крайней мѣрѣ вопросъ. Въ нашей *Современной Лѣтописи* мы говорили довольно подробно о новыхъ мѣрахъ принимаемыхъ правительствомъ по этому предмету. Мы воспользовались мнѣніемъ, высказаннымъ въ одной московской газетѣ (въ *Нашемъ Времени*), которая посмотрѣла на дѣло съ другой точки зрѣнія и представила доводы, которые давали намъ удобный случай высказаться опредѣленнѣе и рѣшительнѣе. Мы благодарны за это и газетѣ, гдѣ помѣщена была вышеозначенная статья, и ея автору, г. Мельгунову. Къ сожалѣнію, противная сторона не раздѣляетъ этого чувства; напротивъ, она сѣтуетъ на насъ и выразила свое неудовольствіе въ новой статьѣ, которая явилась на свѣтъ въ тотъ роковый день, когда неизбѣжно должна выходить наша *Современная Лѣтопись*. Предоставляя себѣ отвѣчать на недоразумѣнія нашего антагониста въ *Современной Лѣтописи*, мы считаемъ не лишнимъ, въ заключеніе этой книжки *Русскаго Вѣстника*, высказать нѣсколько замѣчаній, вызываемыхъ этою полемикой. Да не упрекнетъ насъ почтенный антагонистъ нашъ въ излишней придирчивости; да не подумаетъ онъ, что у насъ слишкомъ много досужаго времени, что намъ

некуда дѣвать его, что мы охотники заводить *querelle d'Allemand*. Нѣтъ, и время намъ дорого, и никакихъ поводовъ къ придирчивости не имѣется; но мы пользуемся всякимъ удобнымъ случаемъ высказать что̀ лежитъ у насъ на душѣ и на совѣсти; мы не пренебрегаемъ никакимъ поводомъ, какъ бы ни казался онъ мелокъ, для того чтобы способствовать отчетливому разъясненію общественныхъ понятій.

По вопросу о цензурѣ, какъ сказали мы выше, вкратцѣ будемъ отвѣчать мы въ *Современной Лѣтописи*, гдѣ была напечатана наша первая статья; но здѣсь немного коснемся мы другаго предмета, который, по странному стеченію обстоятельствъ, присоединился въ этой полемикѣ къ вопросу о цензурѣ. По странному стеченію обстоятельствъ, къ полемикѣ о свободѣ печати примѣшался вопросъ о партіяхъ, о консерватизмѣ и тому подобномъ. Охъ, ужь эти партіи! Мы сами не рады, что упомянули о нихъ, какъ-то разъ, говоря о сословіяхъ. Съ тѣхъ поръ, то и дѣло слышимъ о партіяхъ; кто бы о чемъ ни заговорилъ, а ужь непремѣнно свернетъ на консервативныя и либеральныя начала. Нашъ почтенный антагонистъ очень обидѣлся, что мы назвали его консерваторомъ; онъ думаетъ, что мы хотѣли уязвить его этимъ словомъ; онъ полагаетъ, что мы отыскивали въ словарѣ какое-нибудь слово побранчивѣе, для того чтобы сказать ему непріятность, и что будто бы мы не нашли ничего обиднѣе прозвища консерватора. За такое наше мнимое злонамѣреніе онъ очень сѣтуетъ на насъ, и платитъ намъ тою же монетой. Почтенный г. Мельгуновъ подумалъ въ самомъ дѣлѣ, что это бранное слово. Но мы смѣемъ увѣрить его, что въ словарь мы не ходили за браннымъ словомъ, да и никогда не ищемъ такихъ словъ, стараясь характеризовать каждую вещь только свойственнымъ ей именемъ, только тѣми признаками, которые сами собою въ ней представляются; а наконецъ,—онъ самъ очень хорошо это знаетъ,—у насъ не могло быть ни малѣйшихъ личныхъ поводовъ употреблять противъ него какое-нибудь оскорбительное слово. Слово консерваторъ употребили мы вовсе не въ брань, какъ онъ думаетъ, а немножко въ иронію. Въ чемъ собственно заключается ироническій смыслъ, который могли мы соединять

съ этимъ словомъ, это скажемъ мы ниже; а теперь посмотримъ какъ г. Мельгуновъ мститъ намъ. Сами вы консерваторы, говоритъ онъ намъ, точно какъ будто бы онъ хотѣлъ сказать: сами вы *makie-сякіе*. Въ этомъ возвращеніи злополучнаго слова на нашу голову, не замѣтно у него ни малѣйшей іроніи; онъ говоритъ прямо, нѣсколько сурово, тономъ нѣсколько обиженнымъ, какъ бы желая дать намъ почувствовать всю горечь этого слова. Но онъ не довольствуется этимъ, онъ прибѣгаетъ къ другому, еще болѣе странному способу возмездія: онъ объявляетъ, будто мы состоимъ въ родствѣ съ газетою *Наше Время*. Мы бы поблагодарили его, еслибъ онъ сказалъ это съ желаніемъ сдѣлать намъ честь; но въ настоящемъ случаѣ несомнѣнно до очевидности, что онъ не хотѣлъ намъ польстить; изъ предыдущаго и послѣдующаго, изъ всего контекста, совершенно очевидно, что онъ хотѣлъ какъ бы осадить и образумить насъ, заставить очувствоваться, и не нашелъ лучшаго способа какъ крикнуть намъ: да вѣдь вы сами сродни *Нашему Времени*. Вотъ тутъ, дѣйствительно, замѣтна нѣкоторая лукавая іронія. Но умѣстна ли она? Въ этой почтенной газетѣ уже не въ первый разъ прибѣгаютъ къ такому странному способу уколоть противника. Такъ, не очень давно, по поводу замѣтокъ нашихъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, не безъ нѣкотораго лукавства говорилось о близости нашихъ воззрѣній съ теоріями одного изъ публицистовъ *Нашего Времени*.

Смѣемъ увѣрить нашихъ антагонистовъ, что цѣли своей они не достигли; насъ они не уязвили, и мы напротивъ готовы принять за честь то, что̀ было сказано ими въ укоръ и униженіе. Но мы должны прибавить, что чести этой нимало не заслужили. Отдавая должную справедливость всѣмъ достоинствамъ этой газеты и ея публицистовъ, мы къ сожалѣнію убѣждены, что ни въ основаніяхъ нашего образа мыслей, ни въ какомъ-либо изъ практическихъ вопросовъ, которые до сихъ поръ возникали, мы съ ними не сходимся. Мы рады сближенію мнѣній, и готовы вторить всякому голосу, откуда бы онъ ни раздался, изъ какого бы лагеря ни выходилъ, кѣмъ бы ни былъ поднятъ, врагомъ или недругомъ, лишь бы только былъ онъ поднятъ въ интересѣ того, что̀ мы считаемъ полезнымъ, а главное справедливымъ и истиннымъ. Но за то всякое фальшивое сближеніе противно намъ болѣе всего. Впрочемъ, мы хлопо-

чемъ не о себѣ; мы боимся только, что отъ фальшиваго сближенія могутъ пострадать ясность и опредѣленность понятій, въ которыхъ всего болѣе нуждается у насъ общественное мнѣніе.

Вотъ хоть бы напримѣръ вопросъ о партіяхъ. Случайно коснулись мы его въ *Современной Лѣтописи*, въ спорѣ съ публицистомъ *Нашего Времени*. Мы находили, что политическая борьба никогда не должна идти въ горизонтальномъ направленіи и что если въ обществѣ возникаетъ политическая жизнь и сопряженная съ нею борьба, то надобно желать, чтобъ она не застигла антагонизма между сословіями, но чтобъ она совершалась между партіями, которыя вертикально раздѣляютъ общество. Это, какъ читателямъ извѣстно, вызвало на насъ укоръ со стороны нашихъ противниковъ; но потомъ, спустя нѣкоторое время, противники наши вдругъ захотѣли учредить у насъ партіи; вдругъ заговорили они о самой безотлагательной надобности устроить у насъ двѣ великія партіи, консервативную и прогрессивную. Слово партія употребляется въ разныхъ смыслахъ; но политическія партіи имѣютъ смыслъ очень опредѣленный. Политическія партіи возможны только при извѣстныхъ условіяхъ; они возможны только при условіи политической жизни и сопряженной съ нею политической борьбы. Внѣ этихъ условій, политическія партіи не имѣютъ серіознаго смысла. У насъ нѣтъ политической борьбы, а потому и партіи у насъ могутъ выражаться только въ кружкахъ, *котеріяхъ*, *кликахъ*. Мы не отрицаемъ, что у насъ есть разныя направленія, болѣе или менѣе серіозныя, болѣе или менѣе заслуживающія уваженія, что наши журналы имѣютъ разныя тенденціи, болѣе или менѣе опредѣленныя и послѣдовательныя; но все это не имѣетъ значенія политическихъ партій. Партіи являются дѣломъ серіознымъ лишь тамъ, гдѣ есть политическая жизнь, гдѣ есть борьба, и не просто борьба, но борьба за власть. И на оборотъ, только борьба партій на политическомъ полѣ, при всей своей серіозности, можетъ быть не только безопасна, но и полезна во многихъ отношеніяхъ. Государство должно быть спокойно за свое существованіе для того чтобы могло свободно жить и развиваться человѣческое общество: ополчится ли одна область противъ другой, возстанетъ ли одно сословіе противъ другаго,—въ этихъ случаяхъ государство въ опасности, общество страдаетъ, гибнутъ силы, гибнутъ люди; въ этихъ случаяхъ со-

вершается явленіе болѣзненное, народъ переживаетъ тяжкій кризисъ, который не всегда кончается благополучно и отъ котораго жизнь во всякомъ случаѣ не легко оправляется. Такого рода борьба, разумѣется, не можетъ быть явленіемъ постояннымъ; борьба одной части народа противъ другой или борьба между общественными классами не можетъ быть нормальною политическою жизнію. Это болѣзнь, это наконецъ разложеніе, а не жизнь. Есть однако одинъ родъ борьбы, который можетъ разыгрываться безопасно, не колебля государства, не потрясая общества; это борьба партій. Политическія партіи распространены въ цѣлой странѣ; онѣ соприсутствуютъ во всѣхъ ея областяхъ, во всѣхъ общественныхъ классахъ, во всѣхъ профессіяхъ и промыслахъ, захватывая себѣ нѣкоторую долю общественныхъ силъ и личной энергіи. Борьба партій, — это политическіе выборы; борьба партій, — это раздѣленіе голосовъ въ законодательныхъ собраніяхъ. Весь существенный интересъ этой борьбы, цѣль дающая ей смыслъ, заключается въ политическомъ вліяніи, въ правительственной власти. Одна сторона держитъ власть, другая домогается власти. Польза этой борьбы состоитъ въ томъ, что правительственная власть находится подъ самымъ бдительнымъ надзоромъ людей, которые въ собственномъ интересѣ слѣдятъ за нею на всѣхъ путяхъ, на каждомъ шагу,—и надзоръ этотъ ограничивается не какимъ-либо отдѣльнымъ кружкомъ, но проходитъ чрезъ всю страну сверху до низу общественнаго организма. Та и другая сторона въ своихъ представителяхъ равно знакомы съ правительственнымъ дѣломъ; та и другая сторона опираются на общественныя силы, и отъ перемѣщенія этихъ силъ зависитъ торжество или пораженіе партіи. Если отнять у партій интересъ политической власти, то онѣ превратятся въ игру, онѣ потеряютъ всякое значеніе, онѣ исчезнутъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ прекратится и политическая жизнь. Конечно, каждая политическая партія имѣетъ болѣе или менѣе опредѣленный цвѣтъ, у каждой есть свои мнѣнія; но интересъ политической жизни требуетъ главнымъ образомъ не того чтобы партіи рѣзко различались своими мнѣніями, а чтобъ онѣ не теряли изъ виду правительственной власти, чтобъ онѣ дѣятельно были заинтересованы ею. Историческія преданія и оттѣнки партій, ихъ воззрѣнія и мнѣнія имѣютъ здѣсь

лишь вспомогательное значеніе: все это важно только затѣмъ, чтобы поддерживать движеніе политической жизни. Политическія партіи не должны портить общественныхъ отношеній, онѣ не должны связывать совѣсть, насиловать убѣжденія. Если партіи служатъ самымъ лучшимъ, самымъ вѣрнымъ и самымъ дѣятельнымъ контролемъ относительно правительственной власти, то съ другой стороны каждая партія находится въ подобной же зависимости отъ своихъ членовъ; ея дѣйствія находятся точно также подъ ихъ контролемъ. Всякая крайность, всякая оплошность ея вождей, сопровождается рискомъ потерять силу и увидѣть часть своихъ приверженцевъ въ особой группѣ или на противной сторонѣ. Вотъ значеніе и вотъ выгоды партій. Какъ и все на свѣтѣ, борьба партій можетъ сопровождаться своего рода невыгодами, противъ которыхъ являются и своего рода средства. Но такъ или иначе, лишь въ партіяхъ, въ ихъ борьбѣ, состоитъ политическая жизнь, и наоборотъ лишь въ политической жизни, лишь въ борьбѣ за власть, партіи могутъ имѣть серіозное значеніе.

Теперь, спрашивается, есть ли поводъ серіозно толковать объ организаціи партій у насъ, и раздавать знамена охранительныя и либеральныя? Названіе либерала или консерватора, какъ постоянное обозначеніе людей, имѣетъ смыслъ только при существованіи политическихъ партій. Когда при имени какого-нибудь государственнаго человѣка, напримѣръ, въ Англіи, вамъ скажутъ *a Liberal* или *a Conservative*, вы знаете, что этимъ собственно обозначается, съ какою партіею заодно подаетъ онъ свой голосъ. Какъ всѣмъ извѣстно, въ этой классической странѣ политической жизни либеральныя мѣры были принимаемы консервативною партіей, и наоборотъ, охранительный духъ не менѣе силенъ въ такъ-называемой либеральной партіи. Англійскихъ консерваторовъ часто зовутъ либеральными консерваторами, а либераловъ консервативными либералами. Но что̀ можетъ означать названіе прогрессиста и консерватора тамъ, гдѣ нѣтъ въ собственномъ смыслѣ политическихъ партій? Онѣ могутъ означать только образъ мыслей, оттѣнокъ мнѣній по отношенію къ тѣмъ или другимъ предметамъ. А мнѣнія должны полагать свою силу не въ томъ, какого они оттѣнка, либеральнаго или консервативнаго, но единственно въ томъ, что они справедливы, вѣрны или полезны. При оцѣнкѣ мнѣній, внѣ партій,

интересъ только въ томъ, насколько приближаются они къ истинѣ и удовлетворяютъ требованіямъ дѣйствительности. Классификація мнѣній по оттѣнкамъ партій, тамъ гдѣ политической борьбы нѣтъ, есть повтореніе словъ безъ серіознаго смысла.

Не смѣшно ли спрашивать,—чѣмъ лучше слыть, прогрессистомъ или консерваторомъ? Если вы охраняете то, что̀ заслуживаетъ охраненія, если вы охраняете что-нибудь хорошее, если вы охраняете начала жизни и стало-быть прогресса, то вы наилучшій изъ прогрессистовъ. Если вы возбуждаете движеніе къ чему-нибудь путному, если вы идете къ лучшему,—знайте, что вы превосходнѣйшій изъ консерваторовъ. Все дѣло лишь въ томъ что̀ такое вы охраняете или куда вы идете. У насъ нѣтъ политическихъ партій; но въ неразуміи и слѣпотѣ, какъ впрочемъ и вездѣ, недостатка у насъ нѣтъ. У насъ есть прогрессисты, которые отличнымъ образомъ умѣютъ тянуть куда хотите и назадъ, и въ сторону, но только не впередъ; у насъ есть консерваторы, которые также наилучшимъ образомъ поддерживаютъ и усиливаютъ все что̀ тянетъ въ яму. Повидимому, этого рода прогрессисты и консерваторы находятся во враждебныхъ лагеряхъ; повидимому, они ведутъ между собою лютую и непримиримую брань; но это только такъ кажется, а въ сущности, напротивъ, они дѣлаютъ одно дѣло и находятся другъ съ другомъ въ тѣснѣйшемъ союзѣ. Блюстители этого сорта производятъ, питаютъ и усиливаютъ разрушителей; разрушители въ свою очередь вызываютъ на свѣтъ, вводятъ въ честь и силу этого сорта блюстителей. Если сравнивать тѣхъ и другихъ между собою, то преимущество должно остаться за разрушителями. Въ этихъ послѣднихъ часто бываетъ какое-нибудь живое начало, какой-нибудь энтузіазмъ, слѣпой и пьяный, но соединенный съ какимъ-нибудь безкорыстнымъ убѣжденіемъ, съ какою-нибудь великодушною вѣрой; на ихъ сторонѣ бываетъ свѣжесть и пылъ увлеченія, и нерѣдко они, разрушая и отрицая все на словахъ, въ глубинѣ души, въ безсознательныхъ инстинктахъ, служатъ какому-нибудь положительному началу; они нерѣдко, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, содѣйствуютъ торжеству того, чего сами не знаютъ, чего чуждаются, что̀ проклинаютъ, но что̀ тайно владѣетъ ихъ сердцами. Гдѣ бы то ни было,

между самыми безтолковыми и сумазбродными элементами движенія, должно дѣлать строгое различіе; есть обманщики и плуты, но большинство увлекается искренно. Даже самые отчаянные изъ элементовъ движенія бываютъ полезны по крайней мѣрѣ тѣмъ, что выводятъ наружу всю ту мерзость, которая хранится и блюдется подъ благовидною оболочкой; онѣ обнаруживаютъ собою болѣзнь общественнаго организма. Отвѣтственность за дурное падаетъ не на нихъ; она главнымъ образомъ падаетъ на тѣхъ, которые считаютъ своимъ великимъ долгомъ блюсти все, что̀ производитъ и усиливаетъ болѣзнь въ общественномъ организмѣ.

Г. Мельгуновъ намекаетъ на слова наши въ послѣдней книжкѣ *Русскаго Вѣстника* о томъ, что мы не принадлежимъ ни къ какой партіи, и шутливо замѣчаетъ, что мы выбрали себѣ роль *привѣска* для того чтобы уравновѣшивать наши партіи.

Г. Мельгуновъ ошибается: не видя никакой существенной разницы между нашими партіями, мы не считаемъ нужнымъ и уравновѣшивать ихъ между собою. Наши консерваторы и прогрессисты тянутъ въ одну сторону, а потому требуютъ общаго противовѣсія себѣ, и вотъ въ чемъ мы желали бы видѣть свое назначеніе въ настоящее время посреди тѣхъ мнѣній, которыя высказываются въ нашей литературѣ. По мѣрѣ нашей скромной тяжести, мы равно стараемся противодѣйствовать и тому и другому направленію вмѣстѣ, видя въ нихъ одно и то же. Дѣйствуя противъ нашихъ консерваторовъ, мы дѣйствуемъ *eo ipso* противъ нашихъ прогрессистовъ, и наоборотъ.

Напрасно нашъ почтенный антагонистъ утверждаетъ, будто бы мы, согласно съ нашими консерваторами, смотримъ на наше общество презрительно и находимъ его неспособнымъ къ свободѣ и самостоятельности. Онъ ссылается на наши статьи; но, къ сожалѣнію, мы видимъ, что онъ не удостоилъ ихъ внимательнаго прочтенія, хотя кажется и не требовалось бы особеннаго вниманія, чтобы не вывести изъ нихъ подобнаго заключенія. Постоянно и настойчиво, и какъ смѣемъ думать, не совсѣмъ неубѣдительно, проводили мы взглядъ совершенно противоположный. Неудовлетворительное положеніе нашего общества, нашего образованія, нашей литературы, объясняли мы всегда тѣми политическими условіями, въ

которыя они поставлены. Государство у насъ въ своей продолжительной многотрудной организаціи, по необходимости, налагало эти тяжкія условія на народную жизнь и на личную свободу, и по необходимости стѣсняло и подавляло развитіе свободныхъ общественныхъ силъ. Мы всегда съ глубочайшею антипатіей слышали толки, будто бы вина незрѣлости нашей общественной жизни заключается въ естественныхъ свойствахъ нашего народа. Эти господа, толкующіе такимъ образомъ, считаютъ себя благороднымъ и счастливымъ исключеніемъ изъ этого непоправимаго безсилія, изъ этой безнадежной вѣчной незрѣлости. Сами они постигаютъ всѣ идеалы, они знаютъ и чествуютъ всѣ лучшія формы общественной жизни; они великіе либералы и прогрессисты на лунѣ; они совершенные радикалы на Сиріусѣ, и очень гордятся этимъ радикализмомъ своимъ, который ни передъ чѣмъ не останавливается и все готовъ уничтожить,—разумѣется, на Сиріусѣ. Но спускаясь изъ возвышенныхъ сферъ на эту русскую низменную землю, они объявляютъ себя рѣшительными консерваторами status quo, считая неудобнымъ и невозможнымъ допустить для этого жалкаго племени тѣ льготы, которыми пользуются цивилизованные народы. Тамъ, у тѣхъ народовъ, говорятъ они, все очень хорошо, но можно ли безъ смѣха подумать о примѣненіи чего-нибудь подобнаго къ нашему народу? Эти почтенные мыслители не воображаютъ, что въ этомъ народѣ есть зачатки всего того, чѣмъ они любуются у другихъ народовъ. Эти мыслители ссылаются на то, что другіе народы долго жили, долго развивались и потому находятся теперь на высокой степени зрѣлости, а нашъ народъ, говорятъ они, совсѣмъ еще не жилъ, вовсе не развитъ, — а потому, — продолжаютъ они, слѣдуя удивительной логикѣ, принесенной ими съ Сиріуса, — а потому и не нужно нашему народу жить самостоятельно и развиваться изъ собственныхъ силъ. Они не сообразили, что все прочное, все великое и плодотворное, чѣмъ гордятся другіе народы, создано еще въ давнюю пору самостоятельнымъ развитіемъ жизненныхъ элементовъ, обычаемъ жизни, свободными силами.

Нѣтъ, мы никогда не были порицателями нашего общества, хотя мы не скрывали печальныхъ явленій, которыя представляетъ наша общественная жизнь. Мы

рѣзко говорили о жалкихъ явленіяхъ нашей литературы, нашей науки, нашего образованія; но при всякомъ случаѣ откровенно высказывали мы, что корень всѣхъ этихъ золъ заключается въ тѣхъ самыхъ условіяхъ, которыя стѣсняли жизнь и препятствовали ея свободному движенію. Корень всѣхъ этихъ золъ видѣли и видимъ мы въ излишней опекѣ, которая тяготѣла у насъ надъ жизнію, въ излишнемъ недовѣріи къ ней, въ излишнемъ желаніи украшать и улучшать ее не изнутри ея самой, а государственными средствами, въ излишнихъ усиліяхъ цивилизовать ее механическимъ образомъ и вообще въ излишнемъ пристрастіи къ механическимъ способамъ. Наиболѣе самостоятельная по своему положенію и образованію часть народа, отдѣленная отъ него подъ именемъ дворянства, составила особое *служилое* сословіе, *опричнину*. Наши образованные и сильные люди относились и доселѣ еще относятся къ народу не какъ живые члены его, внося свои силы и черпая изъ него новыя, но какъ опричники, какъ чиновники. И это не потому, что у нихъ такая натура или такой нравъ, но потому что они поставлены въ такое положеніе. Никакое общественное дѣло, какъ бы ни были скромны его размѣры, не могло у насъ начаться безъ большей или меньшей примѣси офиціяльной стихіи, которая сразу лишала его личной энергіи, самостоятельной жизненной силы и превращала его въ казенное заведеніе. Мы жалуемся, что у насъ вездѣ одни пустоцвѣты, что у насъ ни въ чемъ нѣтъ корней; но не отъ того ли это, что у насъ за жизнію не было признано правъ, что ей не давалось хода, что на ея начатки не обращалось вниманія, что все дѣлалось сверху? Скажутъ: еслибы ничего не дѣлалось сверху, то ничего бы и не было. Положимъ такъ; но требовалось не того, чтобы сверху ничего не дѣлалось; напротивъ, требовалось чтобы сверху дѣлалось много; вопросъ состоитъ лишь въ томъ, въ какомъ направленіи дѣлалось, а направленіе зависѣло отъ разныхъ историческихъ условій, а условія эти были очень неблагопріятны для жизни общества, и направленіе, которое давали они всему, вело по необходимости къ печальнымъ результатамъ. Теперь вопросъ состоитъ въ томъ: можно или нельзя, должно или нѣтъ измѣнить эти условія. Еслибъ оказалось что нельзя, то тѣмъ не менѣе мы не должны скрывать отъ себя значенія этихъ усло-

вій; во всякомъ случаѣ, было бы нелѣпо думать, что условія препятствующія жизни могутъ способствовать ея развитію.

Мы не щадили дурныхъ явленій, которыми обильна наша литература, но мы всегда приписывали ихъ недостатку самостоятельности и свободы. Всѣ наши діатрибы были постоянною жалобой на неправильное положеніе нашей печати. О чемъ бы ни случалось намъ заговорить, всегда восклицали мы: *ceterum censeo*... Кто читалъ наши замѣтки, — не такъ какъ читалъ ихъ г. Мельгуновъ, — тотъ могъ легко усмотрѣть, что мелкій литературный вздоръ былъ только поводомъ для насъ заявлять то пассивное положеніе, въ которомъ находится наше общество. Дурное бываетъ вездѣ, дурное есть неизбѣжный спутникъ всякой человѣческой дѣятельности; но противъ дурнаго есть лишь одно дѣйствительное средство: возможно полнѣйшій просторъ для развитія силъ, возможно полнѣйшая свобода ихъ проявленій. Историческій опытъ и здравый смыслъ убѣждаютъ насъ въ этомъ. Стѣсняя свободу мысли и жизни, мы задерживаемъ не то что̀ дурно, а напротивъ хорошее. Дурное находитъ себѣ пути, а хорошее остается безплоднымъ или портится, и само становится дурнымъ. Свобода есть самый вѣрный регуляторъ; въ ней же заключаются и самыя надежныя охранительныя начала.

Нѣкоторые публицисты *Нашего Времени* дѣлаютъ различіе между интересомъ политическимъ и интересомъ либеральнымъ. Это, говорятъ они, хорошо въ либеральномъ интересѣ, но неудобно въ интересѣ политическомъ. Они думаютъ, что тѣ начала, которыя составляютъ натуру человѣческаго общества, насильственно связаны въ немъ, глядятъ врознь и враждуютъ между собою: что̀ выгодно одному, то значитъ невыгодно другому. Намъ кажется, что они ошибаются; мы увѣрены, что существенные элементы всякаго живаго цѣлаго другъ другомъ держатся, другъ въ другѣ находятъ свою истинную силу, что они неразрывно связаны между собой, и что слѣдовательно всякій ущербъ, претерпѣваемый однимъ, отзывается болѣзненно и вредно на всѣхъ остальныхъ. При всякой разумной реформѣ вопросъ состоитъ не въ томъ, какого она свойства—политическаго или либеральнаго,—въ какомъ интересѣ предпринимается,—государственномъ

или общественномъ,—вопросъ можетъ быть только о томъ: соотвѣствуетъ ли она интересамъ цѣлаго, достигаетъ ли она своей цѣли. Что хорошо въ общественномъ смыслѣ, то не можетъ не быть хорошо и въ государственномъ, и на оборотъ. Не говорите о той или о другой мѣрѣ, что она удовлетворяетъ напримѣръ только либеральнымъ требованіямъ, а не политическимъ, что она хороша напримѣръ только въ видахъ прогресса, а никакъ не въ видахъ охранительныхъ; вы не имѣете права такъ говорить: свобода и государство, храненіе и прогрессъ, не должны находиться въ антагонизмѣ; что хорошо въ интересѣ свободы, то должно быть хорошо и въ интерессѣ государства, что полезно въ видахъ прогресса, то полезно и въ видахъ охранительныхъ. Какъ, скажутъ вамъ, вы не соглашаетесь на то что можетъ улучшить и возвысить жизнь, что способствуетъ благу общества, цѣлямъ исторіи? Зачѣмъ же ваше государство, если ему противна свобода, если ему враждебенъ прогрессъ? Что значатъ ваши охранительные виды, когда они находятся въ разладѣ съ требованіями жизни? Что значатъ ваши политическіе интересы, когда каждый шагъ къ лучшему сопряженъ съ ущербомъ для нихъ? Нѣтъ, если вы хотите убѣдить насъ, что реформа неудобна и вредна, то вы должны доказать намъ прежде всего, что она будетъ неудобна и вредна въ томъ самомъ интересѣ, который побуждаетъ желать ее. Неудобнымъ и вреднымъ можетъ быть признано только то, что не достигаетъ своей истинной цѣли или отводитъ отъ ней. Вы не имѣете права противодѣйствовать цѣлямъ прогресса; но вы можете и должны оспаривать что вредитъ самому прогрессу и сбиваетъ его съ пути.

Одинъ изъ публицистовъ *Нашего Времени* развилъ недавно въ этой газетѣ свою теорію охранительныхъ и либеральныхъ началъ. По его понятіямъ, охранительныя начала состоятъ въ государственной власти, да еще въ сословной организаціи, которая разбиваетъ народъ на отдѣльныя породы, лишенныя и права и способности, и охоты принимать къ сердцу общее дѣло. Но точно также и либеральныя начала сосредоточиваются для него въ государственной власти какъ въ своемъ единственно-удовлетворительномъ, высшемъ выраженіи. Государство у него альфа и омега; все прочее не имѣетъ самостоятельнаго значенія,

и служитъ лишь орудіемъ для государства. Онъ много говоритъ и о свободѣ, и о самостоятельности общества; но обо всемъ этомъ говоритъ онъ какъ бы въ видѣ уступки, и все это нисколько не измѣняетъ его воззрѣнія. Все приходитъ у него къ принципу власти, и все исходитъ изъ этого принципа. Сильная власть, будучи высшимъ идеаломъ либеральныхъ стремленій, есть въ то же время самое главное охранительное начало.

Что начало власти есть великое начало, что безъ него нельзя обойдтись, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; но что это начало есть единственное живое могущество, что изъ него все исходитъ и къ нему возвращается, что все существуетъ только для него, что оно есть все во всемъ,— это невѣрно, и такое представленіе столько же вредитъ государству, сколько и всему прочему, что̀ въ организаціи человѣческихъ обществъ тѣсно и неразрывно съ нимъ связано.

И почему власть есть начало по преимуществу охранительное? Исторія и здравый смыслъ показываютъ намъ, что власть точно также можетъ быть началомъ разрушенія. Власть можетъ охранять, но она же можетъ и разрушать. Исторія показываетъ намъ множество созиданій, въ которыхъ участвовала власть; исторія показываетъ намъ множество разрушеній, оставленныхъ властію. Охранительный или разрушительный характеръ власти зависитъ отъ ея организаціи, отъ того положенія, въ которомъ она находится, отъ того направленія, которому она слѣдуетъ, а ея организація и направленіе зависятъ отъ разныхъ условій, которымъ имя не власть, а что-нибудь другое. Но и самая сфера охранительнаго дѣйствія государственной власти не можетъ быть безгранична. Есть многое что̀ можетъ быть охраняемо государствомъ и что̀ только имъ однимъ можетъ быть охраняемо; но есть за то многое что̀ совершенно недоступно государственнымъ средствамъ и что̀ можетъ быть только испорчено ихъ вмѣшательствомъ. Съ другой стороны, само государство нуждается въ существованіи началъ, которыя ручались бы за его безопасность, за его правильное положеніе, за сильную власть, за успѣшность ея охранительныхъ дѣйствій, точно также какъ и за успѣшность ея прогрессивныхъ начинаній. Государство можетъ быть дикимъ деспотизмомъ,

разрушающимъ все и безпощадно подрывающимъ всѣ внутреннія основы жизни; государство можетъ быть благоустроенною, самостоятельною силой, вѣрною своему назначенію какъ въ своемъ покоѣ, такъ и въ своемъ движеніи. Конечно, начало власти никогда не можетъ исчезнуть въ человѣческомъ обществѣ; оно неизбѣжно возвратится при всѣхъ потрясеніяхъ и при всѣхъ переворотахъ; но въ какомъ видѣ возвратится оно и въ какихъ рукахъ появится, вотъ вопросъ, къ которому не можетъ быть равнодушно само государство. Лучшею пробою нормальнаго положенія власти служитъ отношеніе ея къ свободѣ. Чѣмъ глубже, шире и вѣрнѣе власть обезпечиваетъ свободу, чѣмъ охотнѣе власть соглашается служить органомъ жизни, охраняя и освобождая ее, чѣмъ глубже власть сознаетъ свое высокое служебное назначеніе, чѣмъ наконецъ менѣе она властвуетъ при всей силѣ своей, тѣмъ крѣпче она стоитъ, тѣмъ она благодѣтельнѣе, тѣмъ она возвышеннѣе, тѣмъ она дороже. Дѣло не во власти, а въ томъ, кто держитъ власть, и въ томъ, къ чему она служитъ. Чѣмъ властительнѣе власть, тѣмъ хуже для ней самой; дѣйствуя только какъ власть, совлекаясь всякаго другаго характера, она портится, извращается, она грубѣетъ и измѣняетъ своему назначенію. Государство не можетъ быть и само вполнѣ безопасно, и удовлетворять своему назначенію, если оно организовано въ видѣ опричнины. Духъ деспотизма съ одной стороны, и духъ самаго бездоннаго радикализма съ другой, развиваются въ организованной опричнинѣ, и вмѣсто охранительнаго дѣйствія, распространяетъ повсюду порчу и разрушеніе. Этотъ духъ, столько же враждебный истиннымъ цѣлямъ храненія, сколько и истиннымъ цѣлямъ прогресса, столько же свободѣ, сколько и власти, столько же обществу, сколько и самому государству, воспитывается въ опричнинѣ, въ ея школахъ, въ ея казармахъ, въ ея канцеляріяхъ. Единственное противодѣйствіе этому духу состоитъ въ томъ, чтобы само государство стало великою земскою силой и приняло въ свои нѣдра начало свободы, чтобъ оно заинтересовало собою нравственныя силы и личную энергію, чтобъ оно возложило свои задачи не на однихъ опричниковъ, но главнымъ образомъ на земскія силы. Этотъ путь указываетъ намъ исторія, на этотъ путь, слава Богу, мы и выходимъ те-

перь, выходимъ тѣмъ смѣлѣе и надежнѣе, что только этимъ путемъ можемъ мы оживить нашу заглохшую связь съ прошедшимъ, возстановить цѣльность народной жизни и вызвать творческія силы въ ея дремлющихъ нѣдрахъ.

Въ *Нашемъ Времени*, какъ замѣтили мы выше, лукаво сослались на нѣсколько словъ сказанныхъ нами въ предыдущей книжкѣ нашего журнала о централизаціи, какъ о необходимомъ условіи существованія и развитія человѣческихъ обществъ. Означенная газета видитъ въ этомъ признаніи централизаціи новое согласіе наше съ теоріей своего публициста; она недоумѣваетъ, почему мы считаемъ себя несогласными съ нимъ и приписываетъ это тому, что мы не хотимъ понять другъ друга. Приводя наши слова, она съ гордостію прославляетъ своего публициста, за то что онъ первый провозгласилъ у насъ понятіе централизаціи, — не достаетъ только того, чтобъ она приписала ему честь введенія къ намъ этого начала. Но почтенная газета нѣсколько ошибается въ своихъ сужденіяхъ; въ этомъ случаѣ она только показала примѣръ какъ можно сближать слова вопреки смыслу. Смыслъ сказанныхъ нами словъ совершенно ясенъ, и смыслъ этотъ говоритъ не о сходствѣ, а о разногласіи. Что было сказано нами въ этихъ словахъ, то говорили мы всегда и говорили вовсе не въ пользу централизаціонныхъ теорій, а противъ этихъ теорій. Мы сказали, что централизація, которая въ своихъ злоупотребленіяхъ вызываетъ справедливыя жалобы и реакцію, есть тѣмъ не менѣе въ корнѣ своемъ начало необходимое и существенное, которое должно быть тщательно охраняемо. Но корень централизаціи есть не что иное какъ политическое единство, безъ котораго не можетъ быть національной жизни, а отъ государственнаго единства, отъ политической централизаціи, явственно и рѣшительно отличается такъ-называемая централизація административная. Корень централизаціи, который должно хранить, укрѣплять и отстаивать до пожертвованія жизнію, есть государственное единство, неприкосновенность и цѣлость національной жизни; а злоупотребленіе этого начала, вызывающее возмездія, есть централизація административная, которая держитъ государственное начало въ неправильныхъ отношеніяхъ къ обществу.

Какъ глубоко различіе между коренным началомъ жизни

и неправильнымъ его развитіемъ, которое раздвояетъ его и приводитъ въ антагонизмъ съ самимъ собой, это мы можемъ понять легко, безъ помощи какихъ-либо обширныхъ соображеній. Громадныя явленія въ жизни народовъ свидѣтельствуетъ намъ что̀ значитъ сила дѣйствительно-кореннаго начала. Вотъ страна, которую приводятъ въ образецъ полнѣйшей децентрализаціи, — вотъ Сѣверо-Американскіе Штаты, гдѣ происходитъ теперь кровопролитная борьба, съ напряженіемъ всѣхъ силъ, за политическое единство. Вотъ Италія съ своими недавними событіями: что̀ поднимало тамъ и отдѣльныхъ людей, и цѣлыя массы, что̀ сливало ихъ въ одномъ общемъ энтузіазмѣ, чему приносились самыя дорогія жертвы, за что̀ съ такимъ самоотверженіемъ пролито было столько крови? Начало политическаго единства есть основа патріотизма; оно было знакомо и тому обиженному племени, на которое такъ презрительно смотрятъ радикалы Сиріуса,—тому незрѣлому народу, который еще въ 1612 году всталъ какъ одинъ человѣкъ, и тѣмъ навсегда запечатлѣлъ свое единство. Но исторія также показываетъ намъ, какъ неправильное развитіе того же самаго начала можетъ вредить ему самому и подвергать его болѣзненнымъ кризисамъ. Самымъ злымъ врагомъ всякаго начала бываетъ всегда оно же само въ своемъ извращенномъ видѣ. Сосредоточеніе государственной власти есть великое дѣло; имъ начинается и въ немъ совершается движеніе историческаго развитія; но оно можетъ совершаться и совершалось въ исторіи разными путями. Исторія показываетъ намъ, какъ прогрессъ въ этомъ дѣлѣ совершался путемъ разрушенія и уничтоженія, какъ всякая сила гибла или становилась бездѣйственною и безплодною для жизни, и надъ всѣмъ воцарялось мертвящее единство, сильное снаружи, безсильное внутри. Исторія намъ показываетъ также, что есть и другой путь развитія государственнаго единства, путь, на которомъ не убивается ни одна сила годная для жизни, а напротивъ все употребляется въ пользу и всему предоставляется дѣйствовать въ свою мѣру. Государственное единство, въ видахъ собственнаго благосостоянія и собственной безопасности, не должно быть силою отдѣльною отъ земли, оторванною отъ народа; напротивъ, оно должно быть связано со всѣми интересами жизни и оберегаемо ими.

Мы очень хорошо понимаемъ, что и неправильное развитіе имѣетъ свои достаточныя историческія основанія, и что изъ всякаго зла исторія умѣетъ извлекать пользу. А потому мы готовы признать, что и зло централизаціи было въ свое время необходимостью, и что многіе прямые и косвенные результаты его были переработаны жизнію и пошли въ прокъ; мы признаемъ также, что самое устраненіе всякаго вкоренившагося начала, какъ бы ни было оно неправильно, должно происходить съ толкомъ, чтобы сопровождаться дѣйствительнымъ успѣхомъ. Но мы не понимаемъ, какъ можно теоретически узаконивать и оправдывать неправильное начало; мы не понимаемъ, какъ можно ставить нормою ложное направленіе, вопреки требованіямъ жизни и историческаго разумѣнія. Мы этого не понимаемъ, а потому всегда были противъ тенденцій, которыми *Наше Время* такъ гордится за своихъ публицистовъ. Вотъ почему мы не понимаемъ и той партіи, къ которой они причисляютъ себя; вотъ почему мы выразились о нашихъ консерваторахъ съ нѣкоторою ироніей, и вотъ почему они сами обижаются этимъ прозваніемъ.

Въ февральской книжкѣ *Русскаго Вѣстника* нынѣшняго года, въ стихотвореніи Н. Ѳ. Щербины, *Симплонская дорога*, замѣчены слѣдующія опечатки:

Напечатано: Крутятся горы облаками,
Должно быть: Курятся горы облаками,
Напечатано: Провалъ прорубленный въ скалахъ....
Должно быть: Подвалъ прорубленный въ скалахъ....

Въ настоящей книжкѣ, въ статьѣ г. де-Роберти, *Англійская журналистика*, замѣчены слѣдующія опечатки: на страницѣ 345, строки 14 и 23 сверху вмѣсто *Мегвайръ*, напечатано *Макайръ*, — и на страницѣ 250, строка 9 снизу, а также на слѣдующей страницѣ, строки 5, 6 и 26, вмѣсто *Бойеръ*, напечатано *Гоуэръ*.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

С. ДЮФУРА и КОЖАНЧИКОВА,

въ С.-Петербургѣ,

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ:

LETTRE DE Mr HERZEN

A L'AMBASSADEUR DE RUSSIE A LONDRES

avec un réplique et quelques observations

DE

D. K. SCHÉDO-FERROTI.

ПИСЬМО А. И. ГЕРЦЕНА

КЪ РУССКОМУ ПОСЛУ ВЪ ЛОНДОНѢ,

съ отвѣтомъ и нѣкоторыми примѣчаніями

Д. К. ШЕДО-ФЕРРОТИ.

Берлинъ, 1862, въ 8-ю д. л. Цѣна 75 к., съ пересылкой 1 р.

Книжки РУССКАГО ВѢСТНИКА выходятъ ежемѣсячно; СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ еженедѣльно, по четвергамъ.

Цѣна за РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ и СОВРЕМЕННУЮ ЛѢТОПИСЬ въ Москвѣ и Петербургѣ **пятнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ**, съ пересылкой и доставкой на домъ **семнадцать рублей**;

за РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ отдѣльно — въ Москвѣ и Петербургѣ **десять рублей пятьдесятъ копѣекъ**, съ пересылкой и доставкой на домъ **двѣнадцать рублей**;

за СОВРЕМЕННУЮ ЛѢТОПИСЬ отдѣльно въ Москвѣ и Петербургѣ **шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ**, съ пересылкой и доставкой на домъ **восемь рублей.**

Подписка на *Русскій Вѣстникъ* и *Современную Лѣтопись* принимается:

НА 1862 ГОДЪ:

ВЪ МОСКВѢ

Въ Конторѣ Типографіи Каткова и К°, въ Армянскомъ переулкѣ; въ книжной лавкѣ Базунова, на Страстномъ Бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго, и у другихъ книгопродавцевъ Москвы.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

Въ книжной лавкѣ Базунова, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Энгельгардтъ, и у другихъ книгопродавцевъ Петербурга.

Иногородные адресуются: въ Редакцію *Русскаго Вѣстника* въ Москвѣ. Заграничные обращаются исключительно въ берлинскій почтамтъ.

Печатать позволяется.
Марта 30. Цензоръ *А. Петровъ*.
Цензоръ *Н. Гиляровъ-Платоновъ*.

THE UNIVERSITY OF ILLINOIS AT CHICAGO
3 8198 324 295 268